

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

БОСПОРСКИЙ ФЕНОМЕН: QUARTA PARS SAECULI

Санкт-Петербург
2023

MINISTRY OF CULTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION
THE STATE HERMITAGE MUSEUM
THE ACADEMY OF SCIENCES OF RUSSIA
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

**BOSPORANUM PHAENOMENON:
QUARTA PARS SAECULI**

Results. Problems. Discussions

PROCEEDINGS
OF THE INTERNATIONAL CONFERENCE

Saint-Petersburg
Publishing House «Tabula Rasa»
2023

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

**БОСПОРСКИЙ ФЕНОМЕН:
QUARTA PARS SAECULI**

Итоги, проблемы, дискуссии

**МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

Санкт-Петербург
Издательство «Чистый лист»

2023

УДК 930.26:947.011
ББК 63.4:63.3(0)329.48
Б85

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета Государственного Эрмитажа
и Ученого совета ИИМК РАН

Редколлегия:

*В. А. Хриановский (председатель), В. Б. Жижина-Гефтер,
Н. К. Жижина, С. В. Кашаев, О. Ю. Соколова*

Рецензенты:

*доктор исторических наук А. Ю. Алексеев,
доктор исторических наук В. А. Лапшин*

**Боспорский феномен: quarta pars saeculi. Итоги, проблемы,
Б85 дискуссии.** Материалы международной научной конференции. —
СПб.: Издательство «Чистый лист», 2023. — 464 с.
ISBN 978-5-901528-96-9

Сборник посвящён 25-летию работы международной научной конференции «Боспорский феномен». Он составлен из материалов, освещающих археологические и историко-культурные исследования городов и сельских поселений как самого Боспорского царства, так и окружавших его варварских земель. Уделено внимание особенностям развития этого уникального государства, его месту в системе припонтийских греческих апойкий и в целом колонизационному процессу в Северном Причерноморье. В сборник включены статьи, посвященные разным аспектам изучения истории региона и анализу находок на территории боспорских памятников, включая результаты новейших археологических исследований. Значительное место отведено разделу Personalia, где отражена деятельность видных учёных-антиковедов, в частности — К. С. Горбуновой, чьё столетие отмечается в 2023 году.

УДК 930.26:947.011
ББК 63.4:63.3 (0) 329.48

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Благотворительного фонда содействия охране и исследованию
памятников археологии Северного Причерноморья и Приазовья
«Артемиды» (Москва)*

На авантитуле:

*Перстень-печать. Золото. Некрополь Нимфея. V в. до н. э.
Ашмолеан музей, Оксфорд (по: Vickers. 2002. Pl. 7)*

ISBN 978-5-901528-96-9

© Коллектив авторов, 2023
© Издательство «Чистый лист», 2023

ANNO VICESIMO QUINTO

100, 50, 25... Магии цифр столько же лет, сколько человечеству. Подойдя к какому-то временному рубежу — круглой или полукруглой дате, хочется остановиться, оглянуться и осмыслить пройденный путь.

«Боспорскому феномену» четверть века. Помнится, первым оценил точность названия Женя Рогов, вошедший в Оргкомитет со второй конференции 1999 г. Развивая его оценку, можно сказать: как назовёшь конференцию, так она и... будет жить. Живём уже достаточно долго и, можем признать, достаточно плодотворно. Целую полку занимают красные и белые, тонкие и очень толстые — некоторые даже в двух томах — изданные за это время материалы семнадцати конференций и круглых столов, проведенных под общим названием, ставшим «брендом». В 2018 г. к двадцатилетию «Боспорского феномена» В. Ю. Зуевым был подготовлен подробный «Аннотированный указатель» с росписью содержания каждой книги, географическим указателем стран и городов-участников, алфавитным указателем авторов и их работ, а также предметно-тематическим указателем.

После этого, в 2020 г., прошла конференция, приуроченная к 150-летию М. И. Ростовцева, в 2022 г. — внеочередной круглый стол, мемориальный, посвященный памяти нашего внезапно скончавшегося друга и коллеги — Евгения Александровича Молева (1947–2022). Ну и как было пропустить следующий — 2023-й, наш *annus vicesimus quintus*.

С давних пор мы не проводили конференции два года подряд. Оптимальным циклом, к которому привыкли и организаторы, и участники, стала биеннале. Едва отдышавшись после круглого стола 2022 г., члены Оргкомитета поняли, что пора рассылать приглашения на следующую «полуюбилейную» конференцию. По тому, как быстро стали поступать заявки на участие, организаторы поняли и смирились: конференция состоится. И как можно было не откликнуться

с благодарностью на готовность постоянных участников через год снова к нам приехать, не оценить их многолетнюю верность «Феномену». К тому же неожиданно быстро нашлись деньги на её проведение и издание материалов: поддерживавший нас и ранее благотворительный фонд «Артемиды», несмотря на все возникшие и всевозрастающие сложности, согласился сделать это в «очередной последний раз».

Дальше всё шло как обычно. Кто-то вовремя не получил приглашение, но очень хочет участвовать... У кого-то чрезвычайные обстоятельства, и он не успевает к сроку прислать статью для публикации, просит отсрочки... Кто-то забыл, что существуют правила оформления, которые хорошо бы соблюдать... Новый издатель поставил более жёсткие сроки подачи макета и, следовательно, редактирования полученных текстов... При этом никак нельзя нарушить сложившуюся и ни разу не нарушенную традицию: прибывшие на конференцию участники при регистрации вместе бейджем, папкой, программой и авторучкой должны получить том материалов открывающейся конференции.

Статьи, составившие сборник, который, надеюсь, вы уже держите в руках, легли в привычные уже тематические разделы, объединяющие исследования, основанные на материалах памятников Боспорского царства и сопредельных территорий. В разделе *Personalia*, сразу за предисловием, вы найдете материал, посвященный столетию известного антиковеда, специалиста в области расписной керамики Ксении Сергеевны Горбуновой, много лет возглавлявшей Отдел античного мира Государственного Эрмитажа и руководившей работой эрмитажной археологической экспедиции на острове Березань. Вслед за этой мемориальной публикацией мы поместили поздравления нашим дорогим юбилярам — Елене Анатольевне Савостиной и Наталье Владимировне Молевой. Кроме них, круглые или полукруглые даты между последними конференциями встретили Александр Александрович Масленников, Сергей Юрьевич Монахов, Владимир Дмитриевич Кузнецов, Игорь Львович Тихонов, Татьяна Викторовна Умрихина, Владимир Андреевич Хршановский, Михаил Михайлович Чореф, Сергей Владимирович Ярцев. Поздравляем от всей души!

Не обошлось, увы, и без печальной заметки, посвященной памяти нашего ушедшего коллеги и друга — замечательного эпиграфиста Владимира Ивановича Каца.

В рабочем порядке хотим напомнить, что редколлегия «Боспорского феномена» не занимается научным редактированием тезисов,

ограничиваясь приведением текстов к единому оформлению, устранением неточностей и стилистической правкой. Точка зрения её членов и их научная позиция может не совпадать с авторской. Признавая уровень полученного материала в целом достаточным для публикации в сборнике, редколлегия не берёт на себя ответственность за содержание статей, предоставляя авторам возможность излагать и отстаивать свою точку зрения в дискуссии с оппонентами.

В заключение хочется поблагодарить всех членов Оргкомитета и редколлегии, которые в разные годы бескорыстным и безвозмездным трудом поддерживали жизнь «Боспорского феномена»: Марину Юрьевну Вахтину, Юрия Алексеевича Виноградова, Вадима Юрьевича Зуева, Сергея Владимировича Кашаева и Наталью Андреевну Павличенко. С благодарностью мы вспоминаем стоявшего у истоков конференции Евгения Яковлевича Рогова и в середине пути помогавшую нам организационно Пию Гульдагер Бильде, скончавшегося два года назад Евгения Александровича Молева. С глубокой печалью мы узнали о том, что скорбный список в этом году неожиданно пополнился именем Екатерины Грицик, которая несколько лет не только участвовала в работе конференции, но и была членом её Оргкомитета.

Зародившемуся в Музее истории религии «Боспорскому феномену» посчастливилось почти сразу и на все последующие годы обрести постоянных соорганизаторов — Государственный Эрмитаж и Институт истории материальной культуры РАН. Без помощи и поддержки их руководства мы вряд ли дотянули бы до сегодняшней даты.

Помыкавшись поначалу в поисках спонсоров и грантов на проведение конференции, издание её материалов и (что не менее важно) завершающее дружеское заседание в неформальной обстановке, в последние годы мы могли не думать об этой проблеме. Благодаря помощи Благотворительного фонда содействия охране и исследованию памятников археологии Северного Причерноморья и Приазовья «Артемиды», созданного по инициативе Вячеслава Дмитриевича Письменного и возглавляемого Еленой Анатольевной Савостиной, сегодня мы проводим очередной «Боспорский феномен» и вы держите в руках этот сборник.

Что же касается будущего, доживём — увидим!

PERSONALIA

КСЕНИЯ СЕРГЕЕВНА ГОРБУНОВА
(14 НОЯБРЯ 1923 — 23 ЯНВАРЯ 1979)

В этом году исполняется сто лет со дня рождения искусствоведа и археолога, заведующей Отделом античного мира Государственного Эрмитажа Ксении Сергеевны Горбуновой. Она родилась 14 ноября 1923 г. в Петрограде в семье инженера Сергея Николаевича (1890–1941) и Анны Александровны (1890–1941) Горбуновых. В их семье было две дочери — старшая сестра Ирина Сергеевна (Горбунова) Кожина (родилась в 1920 г.) была ботаником и впоследствии заведовала лабораторией Ботанического института АН СССР. К. С. Горбунова по-

лучила начальное образование в 8-й средней школе Ленинского р-на г. Ленинграда, которую закончила с аттестатом отличницы. К слову сказать, средняя школа № 8 (впоследствии № 275) по Лиговскому пр., д. 70 является первым в советское время типовым образцовым зданием для школ, построенным по проекту архитекторов Л. Е. Асса и А. С. Гринцберга. Учась в школе, Ксения Горбунова с 1935 по 1940 г. постоянно занималась в кружках по истории искусств Государственного Эрмитажа вместе с А. Н. Немиловым (1923–2002), А. Д. Столяром (1921–2014), А. В. Воробьёвой (1921–2014), то есть с детства её жизнь была связана с жизнью музея. Окончание школы, как и светлого радостного детства, пришлось на трагический день 22 июня 1941 г., рассвет которого Ксения Горбунова встречала на выпускном гулянии, преисполненная несбыточных надежд. Правда, в сентябре она стала студенткой 1-го курса археологического отделе-

ния Исторического факультета Ленинградского университета. Её подругой и сокурсницей была Л. С. Кухарева (1921–1985), которая впоследствии станет супругой археолога И. И. Ляпушкина (1902–1968) и всю жизнь проработает на кафедре археологии. Но в декабре 1941 г. К. С. Горбунова будет вынуждена оставить учёбу в Университете. В сентябре под бомбёжкой погибнет мать, а в декабре от дистрофии скончается и отец. Сама К. С. Горбунова чудом переживёт голод и высшую степень дистрофии. Являясь тяжёлым дистрофиком на стационарном лечении, К. С. Горбунова заканчивает курсы медсестёр при больнице им. Г. И. Чудновского и работает на обмывочном пункте районного отделения Красного Креста. На курсах она познакомилась с И. Н. Новосельской (1928–2006), которая также в блокадные годы работала вместе с К. С. Горбуновой санитаркой, а потом станет историком искусства и много лет будет возглавлять Отдел западноевропейского искусства Государственного Эрмитажа. Их дружба продлится до последнего дня жизни К. С. Горбуновой, которая оборвётся внезапно на пороге дома И. Н. Новосельской... Обе подруги до ноября 1945 г. будут работать медсёстрами в Клинической больнице им. Г. И. Чудновского на набережной р. Фонтанки. За самоотверженный труд обе подруги будут награждены медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны». Обе в сентябре 1945 г. станут студентками Факультета теории и истории искусств Института им. И. Е. Репина (Академии художеств). Характерная деталь отношения К. С. Горбуновой к учёбе — со второго курса она будет Сталинской стипендиаткой и на последних курсах в Академии — старостой курса. В студенческие годы К. С. Горбунова каждый год ездила на раскопки к М. И. Артамонову (1898–1972) в Саркел, где под руководством Ольги Антоновны Артамоновой-Полтавцевой (1897–1971) прошла отличную полевую школу, став в 1947–1948 гг. начальником участка на раскопках Саркела.

По окончании Академии художеств в июне 1950 г. К. С. Горбунова по распределению была направлена на работу в Отдел Древнего мира Государственного Эрмитажа научно-техническим сотрудником со знанием французского, английского и немецкого языков.

Осенью 1950 г. она поступила в аспирантуру Государственного Эрмитажа. В её личном деле хранится выписка из протокола вступительных экзаменов. «Приёмная комиссия: докт. ист. наук Б. Б. Пиотровский (председатель), докт. ист. наук М. Э. Матъе, канд. ист. наук А. А. Передольская, канд. ист. наук А. В. Банк.

Специальность: Культура и искусство античного мира, русское и советское искусство.

Вопросы:

1. Чтение и перевод текста (греческий): Apollodor, Bibliotheca (хорошо)
2. Основные археологические и архитектурные комплексы VI–V в. до н. э. (отлично)
3. Общее историческое значение античной культуры и искусства (хорошо)
4. Русский классицизм (отлично)
5. Архитектура метро; Архитектура канала Москва — Волга (отлично)
6. Греко-персидские войны (отлично)
7. Вопрос об античных поселениях на юге СССР в буржуазной и советской науке (отлично)

Общая оценка: ОТЛИЧНО» (Архив ГЭ. Ф. 1. Оп. 11. 1953. Д. 413. Л. 56).

В результате сданных на отлично всех экзаменов, приёмная комиссия аспирантуры Эрмитажа вынесла вердикт за подписью Б. Б. Пиотровского (1908–1990) и А. В. Банк (1906–1984): «Ксения Сергеевна Горбунова, получившая хорошую искусствоведческую подготовку в Институте им. Репина Академии Художеств СССР (в течение ряда лет она занималась в школьных кружках Эрмитажа), показала во время приёмных экзаменов глубокое знание материала, критические способности в анализе источников, большой интерес к античной культуре и хорошую методологическую подготовку.

За короткий срок её работы в Эрмитаже, она успела проявить исключительную добросовестность в хранительской работе. Тов. Горбунова представляется к утверждению в аспиранты по истории античной культуры и искусству» (Архив ГЭ. Ф. 1. Оп. 11. 1953. Д. 413. Л. 56 об.). За годы учёбы в аспирантуре К. С. Горбунова работала в Херсонесской, Нимфейской (24.VII–23.VIII.1952) и Ольвийской (19.VIII–1.IX.1953) экспедициях. В 1951 г. она сдала кандидатский минимум по всем дисциплинам на отлично комиссии в составе: Б. Б. Пиотровского, М. И. Максимовой (1885–1973), К. М. Колобовой (1904–1977), А. А. Передольской (1894–1968), М. И. Артамонова и А. В. Банк. А в декабре 1953 г. с успехом защитила кандидатскую диссертацию на тему «Серебряные килики из Семибратних курганов и их место в истории развития греческого реалистического искусства V в. до н. э.». Научным руководителем диссертационного исследования была М. И. Максимова. Официальными оппонентами выступили докт. ист. наук В. Ф. Гайдукевич (1904–1966) и докт. ист. наук Т. Н. Книпович (1896–1975). Неофициальными оппонентами были докт. ист. наук М. Э. Матъе (1899–1966) и академик В. В. Струве

(1889–1965). Учёный Совет Государственного Эрмитажа под председательством докт. ист. наук М. И. Артамонова, в числе 21 члена, единогласно проголосовал за присуждение учёной степени кандидата искусствоведения. С января 1954 г. К. С. Горбунова стала научным сотрудником (а с июня того же года — старшим научным сотрудником) и Учёным секретарём Отдела Древнего мира Государственного Эрмитажа. При этом она принимает на ответственное хранение коллекцию аттической керамики (более 4500 единиц хранения). Хранительская работа проходила красной нитью через все годы работы К. С. Горбуновой в Эрмитаже, имея целью подготовку и издание научных каталогов музейного собрания. Ясно понимая, что это очень долгая и кропотливая работа, а возможности у Эрмитажа в то время издать каталог были очень скромными, все свои наиболее важные результаты работы К. С. Горбунова публиковала в отдельных статьях. К большому сожалению, её ранняя кончина не позволила завершить работу над её главным каталогом по чернофигурной керамике, но её публикации, подготовленные материалы (каталожные карточки на вещи) позволили коллегам К. С. Горбуновой завершить этот труд. Сотрудники Античного отдела, проделав в значительной мере всю необходимую техническую работу, в 1983 г. издали каталог «Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже». Он включает в себя значительную часть собрания чернофигурной керамики (193 вазы). И несмотря на то, что каталог был издан только на русском языке, он стал широко известен в мировой науке.

К. С. Горбунова была редактором каталога А. А. Передольской «Краснофигурные аттические вазы в Эрмитаже», который вышел в 1967 г. Именно она проделала большую работу с издательством над текстом, так как в это время А. А. Передольская уже болела и не могла работать в полную силу.

К. С. Горбунова активно вела работу по организации на материалах Античного отдела временных выставок с изданием кратких, но достаточно информативных каталогов этих выставок. До сих пор такие тематические выставки, как «Античные бронзы», «Этрусские бронзы», «Античная коропластика» и «Римское художественное ремесло», являются славными страницами экспозиционной истории Эрмитажа, будучи организованными под руководством К. С. Горбуновой. Занималась К. С. Горбунова составлением и редактированием Трудов Отдела античного мира и многочисленных научных сборников.

В 1957–1958 гг. ею была подготовлена экспозиция: «Аттические расписные вазы VI–IV вв. до н. э.», которая почти завершила многолетние работы по созданию экспозиции, целостно представляющей всё эрмитажное собрание, и охватывала культуру и историю античного

мира от эпохи архаики до эпохи позднего Рима (в силу возможностей античной коллекции музея). В 1959 г. была открыта экспозиция, посвященная античным городам Северного Причерноморья (Березань, Ольвия, Херсонес), в зале № 100. В 1966–1967 гг. была открыта экспозиция в зале 119, посвященная истории и культуре так называемых малых городов Боспора. В оформлении этой экспозиции были применены новые подходы к оформлению витрин. Но для К. С. Горбуновой на этом не закончились планы экспозиционного переустройства античных выставок. Понимая большое научное значение материалов из курганных некрополей Боспора, уникальность этих комплексов разнообразных вещей, она планировала обновить и эту экспозицию. Её не устраивали цвет стен зала и чёрный цвет шкафов конца XIX в. После череды грандиозных временных выставок в залах № 115–117 («Сокровища Тутанхамона» и «Золото Мексики») были проведены реставрационные работы, изменена окраска стен на тёмно-красной. А изготовление обещанных новых витрин задерживалось... что отодвигало работу над экспозицией, и смерть К. С. Горбуновой в результате не дала осуществить эти планы.

В 1965 г. К. С. Горбунова стала заведующей Отделом античного мира Государственного Эрмитажа, которым руководила до последних дней жизни. На этом посту она заслуженно снискала авторитет крупнейшего специалиста в области антиковедения в нашей стране, мастера точного и тонкого анализа аттической вазописи.

К. С. Горбунова, став заведующей Отделом античного мира, прекрасно зная его коллекции и сотрудников, старалась предоставить каждому сотруднику возможность наилучшим образом проявить себя. Она создала в коллективе атмосферу дружелюбия и строгой дисциплины. В отделе регулярно проходили научные заседания, где сотрудники могли представить результаты работы над плановыми темами и получить заинтересованную и объективную оценку результатов. Проявляла она заботу о пополнении отдела молодыми сотрудниками, следила за их успехами в учёбе на вечернем отделении Исторического факультета ЛГУ. Сама К. С. Горбунова читала курсы лекций в лектории Эрмитажа, а также в Университете на кафедре истории искусств, проводила занятия со студентами в самом музее.

Много внимания К. С. Горбунова уделяла археологическим экспедициям Эрмитажа, понимая, что только эти работы позволяют пополнять коллекции антиков. Сейчас уже мало кто помнит, что Нимфейская и Херсонесская экспедиции в 1950-х — начале 60-х гг. из-за ограниченных финансов работали поочерёдно. К. С. Горбунова упорно отстаивала необходимость расширения планов археологических исследований Отдела античного мира. И благодаря её настойчивости,

со второй половины 60-х гг. коллекции музея стали регулярно пополняться античными материалами, которых было и не так уж много, как этого хотелось бы.

С 1956 г. и по 1962 г. К. С. Горбунова являлась постоянным сотрудником Ольвийской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством канд. ист. наук Е. И. Леви (1903–1996). А с 1962 г. по 1970 г. она возглавляет Березанский отряд сначала Ольвийской экспедиции ЛОИА АН СССР, а с 1965 г. — Березанской экспедиции Государственного Эрмитажа. К. С. Горбунова за годы работы на острове пыталась организовать работу по сведению воедино всех достижений предшественников. Вместе с А. П. Манцевич (1899–1982) они попытались создать единый план раскопов на острове (эта работа была выполнена только много лет спустя руководителем Нижнебугской античной археологической экспедиции Д. Е. Чистовым). За девять полевых сезонов под руководством К. С. Горбуновой были исследованы городские слои, относящиеся к различным периодам от раннего рубежа VII–VI вв. до н. э. до Средневековья. Исследованы различные жилые и хозяйственные постройки. Обнаружены границы древнего некрополя, и изучена серия захоронений VI–V вв. до н. э. Результаты работы экспедиции на Березани ежегодно публиковались в кратких отчетах в Сообщениях Эрмитажа и обобщены в небольшой книге «Древние греки на острове Березань». В 1970 г. К. С. Горбунова передала сначала хранение березанских материалов, а с 1971 г. и руководство Березанской экспедицией своей ученице Л. В. Копейкиной (1941–1981).

В последнее десятилетие жизни К. С. Горбунова много путешествовала по мировым музейным центрам. В 1971–1978 гг. изучала античные собрания в музеях Югославии, Египта, Франции, Италии, Англии, Швейцарии. Вела переписку с учёными-античниками. Германский археологический институт избрал К. С. Горбунову своим почётным членом. В 1975 г. отдел присоединился к международной инициативе по изданию *The Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae* (LIMC). К. С. Горбунова была членом комитета по подготовке этого издания от СССР и автором статей.

Благодаря её активной работе Отдел античного мира принял участие в подготовке 8 томов этого издания. Последней работой К. С. Горбуновой была статья об Аримапах для одного из томов LIMC. Также она была членом Международного совета музеев (*International Council of Museums — ICOM*). В 1978 г. она принимала участие в работе XI Лондонского конгресса археологов-античников.

К. С. Горбунова вела большую общественную работу. Она была депутатом районного совета. Руководила одно время Месткомом

Эрмитажа, входя с заботой в повседневную жизнь многих сотрудников Эрмитажа. Помимо военных наград периода Блокады, она была награждена медалью «За трудовое отличие» (1964), знаком «За отличную работу» Министерства культуры СССР (1967), знаком «Победитель Социалистического соревнования» (1973). В честь её 25-летнего служения Эрмитажу в 1976 г. имя К. С. Горбуновой с благодарностью было вписано в «Книгу Почёта Государственного Эрмитажа».

Её внезапная смерть в возрасте 55 лет не позволила осуществить многие намеченные ею творческие планы. Но годы работы в Эрмитаже и руководство Отделом античного мира стали, безусловно, эпохой в жизни музея и антиковедения в Ленинграде (Санкт-Петербурге). Имя Ксении Сергеевны Горбуновой, её образ и авторитет бережно хранят в памяти все, кто общался с нею или работает с её ярким научным наследием.

В. Ю. Зуев, Ю. И. Ильина

Материалы к библиографии

К. С. Горбуновой¹

1953

1. *К. С. Горбунова*. Серебряные килики из Семибратних курганов и их место в развитии греческого реалистического искусства V в. до н. э. Автореферат дисс. ... канд. искусствовед. Л.: Гос. Эрмитаж, 1953. 16 с.

1956

2. *Культура и искусство античного мира*. М.: Искусство, 1956. 74 с. с планом и 12 л. ил. (Государственный Эрмитаж. Путеводители по выставкам. Под общ. ред. *М. И. Артамонова*). (В соавторстве: *К. С. Горбунова, Г. Д. Белов, А. И. Воицинина, М. М. Худяк, В. М. Скуднева*).

1957

3. Костяная пластинка с гравированным рисунком из VI Семибратнего кургана // СГЭ. 1957. Вып. 11. С. 46–47.

1959

4. *К. С. Горбунова*. Культура и искусство Древней Греции. Для детей среднего возраста. Л.: Гос. Эрмитаж, 1959. 49 с. (Путешествия в прошлое по залам Эрмитажа).
5. *К. С. Горбунова*. Из коллекции Эрмитажа // Костёр. Л., 1959. № 6. С. 56–57.

¹ Составители: *В. Ю. Зуев, Ю. И. Ильина*.

1960

6. К. С. Горбунова. Лекиф «Мастера камышей» в собрании Эрмитажа // СГЭ. 1960. Вып. 17. С. 63–65.
7. К. С. Горбунова. Фигурный канфар второй четверти V в. до н. э. // СГЭ. 1960. Вып. 18. С. 45–47.

1961

8. К. С. Горбунова. Мастера греческих расписных ваз. Л.: Гос. Эрмитаж, 1961. 120 с. (В соавторстве с А. А. Передольской).

1962

9. К. С. Горбунова. Краснофигурный кратер с изображением Данаи и Персея Л.: Гос. Эрмитаж, 1962. 16 с.
10. К. С. Горбунова. Аттические вазы в форме человеческих голов в собрании Эрмитажа // ТГЭ. 1962. Т. 7. С. 28–45.
11. К. С. Горбунова. Чернофигурные килики типа Сиана в Эрмитаже // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1961 год. Л.: Гос. Эрмитаж, 1962. С. 7–8.

1963

12. Культура и искусство античного мира. 2-е доп. изд. Л.: Гос. Эрмитаж, 1963. 200 с. с ил. (Путеводитель по залам Государственного Эрмитажа). (В соавторстве: Г. Д. Белов, А. И. Воицинина, К. С. Горбунова, В. М. Скуднова).
13. К. С. Горбунова. Материалы из раскопок на острове Березань // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1962 г. Л., 1963. С. 11–12.

1964

14. К. С. Горбунова. Аттическая гидрия конца VI в. до н. э. «Женщины у источника» // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1963 г. Л., 1964. С. 28–29.
15. К. С. Горбунова. Краснофигурная ваза работы Евфрония // Сокровища Эрмитажа. Альбом. Л.: Сов. художник, 1964. Кат. 6. [С. 27–28, 267].
16. К. С. Горбунова. Краснофигурные килики из раскопок Ольвийского темноса // Ольвия. Теменос и агора. М.; Л.: ЛО Наука, 1964. С. 175–188.
17. К. С. Горбунова. Раскопки на острове Березань // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1963 г. Л.: [Сов. художник], 1964. С. 32–34.
18. К. С. Горбунова. Чернофигурный кратер мастера Лидоса // СА. 1964. № 3. С. 297–301.

1965

19. К. С. Горбунова. К вопросу о культе Ахилла на острове Березань (Раскопки на Березани в 1964 г.) // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1964 г. Л., 1965. С. 39–40.

20. *К. С. Горбунова*. Памятники греческого искусства в Эрмитаже. Комплект открыток. Л.: Аврора, 1965. 20 открыток.

1966

21. Эрмитаж за 200 лет (1764–1964). История и состав коллекций, работа музея. Л.; М.: Сов. художник, 1966. 484 с. (В соавторстве: *Б. Б. Пиотровский, А. В. Банк, А. А. Быков, К. С. Горбунова, Я. В. Доманский, П. И. Костров, В. Г. Луконин, И. Л. Ногид, В. М. Потин, Б. В. Сапунов, И. Г. Спасский* и др.).
22. *К. С. Горбунова*. Раскопки на острове Березань в 1962–1964 г. // СГЭ. 1966. Вып. 27. С. 80–81.
23. *К. С. Горбунова*. Самосская амфора с комастами // СГЭ. 1966. Вып. 27. С. 35–38.

1967

24. *К. С. Горбунова*. Березанская экспедиция 1965–1966 г. // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1966 г. Л.: Сов. художник, 1967. С. 14–15.
25. *К. С. Горбунова*. Исследования на о. Березань // Археологические открытия 1966 г. М.: Наука, 1967. С. 206–207.
26. *К. С. Горбунова*. Чернофигурный килик мастера «С» // СГЭ. 1967. Вып. 28. С. 35–36.

1968

27. *К. С. Горбунова*. Культура и искусство Древней Греции. Путеводитель по выставке. 2-е доп. изд. Л.: Сов. художник, 1968. 63 с. (Путешествие в прошлое).
28. *К. С. Горбунова*. Спорт и Олимпийские игры в Древней Греции. Буклет выставки. Л.: Гос. Эрмитаж, 1968. 7 с.
29. *К. С. Горбунова*. Анна Алексеевна Передольская // ВДИ. 1968. № 4. С. 228–229.
30. *К. С. Горбунова*. Березанский некрополь // Археологические открытия 1967 г. М.: Наука, 1968. С. 207–208.
31. *К. С. Горбунова*. Березанский отряд в 1965 г. // СГЭ. 1968. Вып. 29. С. 59–61.
32. *К. С. Горбунова*. Надпись об Ахилле Герое на Березани // Надписи Ольвии. 1917–1965. Л.: Наука, 1968. № 90. С. 82–83.
33. *К. С. Горбунова*. Посвятительная надпись в честь Ахилла Героя с о. Березань // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Сборник статей в честь 100-летия со дня рождения академика С. А. Жебелёва. Л.: Наука, 1968. С. 96–99.
34. *К. С. Горбунова*. Аттическая гидрия конца VI в. до н. э. «Женщины у источника» // Festschrift Gottfried von Lücken. Rostock, 1968. Bd. I. S. 641–643. (Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock. 17 Jahrgang. Heft 7/8).
35. *А. А. Передольская*. Краснофигурные аттические вазы в Эрмитаже / под ред. *К. С. Горбуновой*. Л.: Аврора, 1968. 404 с.

1969

36. К. С. Горбунова. Древние греки на острове Березань. Л.: Сов. художник, 1969. 44 с.
37. К. С. Горбунова. Березанская экспедиция Государственного Эрмитажа // Археологические открытия 1968 г. М.: Наука, 1969. С. 272–273.
38. К. С. Горбунова. Краснофигурная ваза работы Евфрония // Сокровища Эрмитажа. Альбом. 2-е изд. Л.: Сов. художник, 1969. Кат. 6. [С. 27–28, 267].
39. К. С. Горбунова. Раскопки некрополя на острове Березань в 1967 г. // СГЭ. 1969. Вып. 30. С. 56.

1970

40. К. С. Горбунова. Килик с комастами из раскопок на Березани в 1966 г. // СА. 1970. № 4. С. 199–201.
41. К. С. Горбунова. Раскопки экспедиции Государственного Эрмитажа на острове Березань // Археологические открытия 1969 г. М.: Наука, 1970. С. 247.
42. К. С. Горбунова. Килик Олтоса из раскопок в Ольвии в 1968 году // Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock. Rostock, 1970. 19 Jahrgang. Heft 8. S. 573–576.

1971

43. Культура и искусство античного мира. Путеводитель. 3-е доп. изд. Л.: Аврора, 1971. 208 с. с ил. (В соавторстве: Г. Д. Белов, М. П. Ваулина, А. И. Воицинина, К. С. Горбунова, Н. Л. Грач).
44. К. С. Горбунова. Березанская экспедиция Государственного Эрмитажа // Археологические открытия 1970 г. М.: Наука, 1971. С. 272–273.
45. К. С. Горбунова. Итоги работ на Березани в 1968 г. // СГЭ. 1971. Вып. 33. С. 112–113.
46. К. С. Горбунова. Костяные пластинки с гравированными изображениями из VI Семибратнего кургана // СГЭ. 1971. Вып. 32. С. 56–68.
47. К. С. Горбунова. Серебряные килики с гравированными изображениями из Семибратних курганов // Культура и искусство античного мира. Л.: Аврора, 1971. С. 18–38.
48. К. С. Горбунова. Спорт и Олимпийские игры в Древней Греции. [Выставка 1968 г.] // СГЭ. 1971. Вып. 32. С. 93.
49. Культура и искусство античного мира / под ред. К. С. Горбуновой. Л.: Аврора, 1971. 132 с.

1972

50. К. С. Горбунова. Аттические вазы группы St.-Valentin // ТГЭ. 1972. Т. 13. С. 62–77.
51. К. С. Горбунова. Березанская экспедиция Эрмитажа в 1970–1971 г. // Тези пленарних і секційних доповідей (Результати польових археологічних досліджень 1970–1971 рр. На території України). Одеса, 1972. С. 211–212. (Академия наук УРСР. Институт археології. 15-я наукова конференція, присвячена 50-річчю утворення СРСР). (В соавторстве с Л. В. Копейкиной).

52. *К. С. Горбунова*. Глубокая чаша с масками Медузы-Горгоны // СГЭ. 1972. № 35. С. 44–45.
53. *K. S. Gorbunova*. Archaeological Investigations on the Northern Shore of the Black Sea in the Territory of the Soviet Union. 1965–1970 // British Archaeological Reports for 1971–1972. London, 1972. № 12. P. 48–59.
54. Культура и искусство античного мира. Т. 4. Памяти А. А. Передольской / под ред. К. С. Горбуновой. Л.: Аврора, 1972. 186 с. (ТГЭ. Т. 13).

1973

55. *К. С. Горбунова*. Белые лекифы в собрании Эрмитажа // Памятники античного прикладного искусства. Л.: Аврора, 1973. С. 16–41.
56. *К. С. Горбунова*. О. А. Артамонова (1897–1971) // СГЭ. 1973. Вып. 36. С. 119–120.
57. *К. С. Горбунова*. Оносы из раскопок на Березани // *Archaeologia Polonja*. 1973. Т. 14. P. 79–85.
58. *К. С. Горбунова*. Псевдокраснофигурная ойнохоя с изображением силена // СГЭ. 1973. Вып. 36. С. 42–43.
59. *К. С. Горбунова*. «Сто шедевров из музеев СССР» в Японии // СГЭ. 1973. Вып. 36. С. 115.
60. *X. Gorbounova*. Les fragments des céramiques attiques de la première moitié du VIe siècle av. J.-C. provenant de l'île de Bérézan // *Revue archéologique*. Paris, 1973. Fasc. 2. P. 195–202.
61. *Г. Д. Белов*. Пракситель / под ред. К. С. Горбуновой. Л.: Аврора, 1973. 15 с.
62. Памятники античного прикладного искусства / под ред. К. С. Горбуновой. Л.: Аврора, 1973. 160 с.

1974

63. Культура и искусство античного мира. Путеводитель. 4-е доп. изд. Л.: Аврора, 1974. 192 с. с ил. (В соавторстве: *Г. Д. Белов, А. И. Воицинина, К. С. Горбунова, Н. Л. Грач, О. Я. Неверов*).
64. *К. С. Горбунова*. Две чернофигурные вазы с изображением Диониса // СГЭ. 1974. Вып. 38. С. 36–38.
65. *К. С. Горбунова*. М. И. Максимова (1885–1973) // СГЭ. 1974. Вып. 38. С. 112–113.
66. *К. С. Горбунова*. Максимова Мария Ивановна // СА. 1974. № 1. С. 274–275. (В соавторстве с *И. Б. Браишским*).
67. *Xenia Gorbunova*. Classical Sculpture from the Lyde Collection // *Apollo*. 1974. December. Vol. C. P. 460–467.
68. *X. Gorbunova*. Les fouilles archéologiques du musée de l'Ermitage sur les bords de la Mer Noire // *Académie Inscriptions et Belles-lettres. Comptes rendus des séances del'année 1974 juillet — octobre*. Paris, 1974. P. 439–444.

1975

69. *К. С. Горбунова*. Искусство Древней Греции и Рима в собрании Эрмитажа / Greek and Roman antiquities in the Hermitage. Л.: Аврора, 1975. [20] 178 с., [60] л. ил. (в соавторстве с *И. И. Савержиной*).

1976

70. Античная коропластика. Каталог выставки. Л.: Аврора, 1976. 112 с. с ил. (В соавторстве: Г. Д. Белов, З. А. Билимович, С. П. Борисковская, Д. С. Герцигер, К. С. Горбунова, Н. Л. Грач, П. Ф. Силантьева, Е. Н. Ходза).
71. К. С. Горбунова. А. И. Вошинина. 1905–1974 // СГЭ. 1976. Вып. 41. С. 92.
72. К. С. Горбунова. Изображение борьбы Геракла с Тритоном на вазах Эрмитажа // ТГЭ. 1976. Т. 17. С. 22–31.
73. К. С. Горбунова. Фрагменты аттических чернофигурных чаш Тлесона с острова Березань // Художественная культура и археология античного мира. М.: Наука, 1976. С. 94–96.
74. К. С. Горбунова. Художественные приёмы аттических мастеров-рисовальщиков конца V — начала IV в. до н. э., применяемые ими для передачи духовного мира человека // Тезисы докладов XIV Международной конференции античников социалистических стран. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1976. С. 107–109.

1977

75. К. С. Горбунова. Краснофигурный килик, найденный на некрополе Панское I // История и культура античного мира. М.: Наука, 1977. С. 41–45.

1978

76. К. С. Горбунова. Античная мозаика и шедевры изобразительного искусства Туниса // СГЭ. 1978. Вып. 43. С. 84.
77. К. С. Горбунова. Два аттических алабаstra // СГЭ. 1978. Вып. 43. С. 31–33.
78. К. С. Горбунова. О характере средневекового поселения на острове Березань // Проблемы археологии. Л.: ЛГУ, 1978. Вып. 2. С. 170–174.
79. X. Gorbunova. Les fragments de la coupe de Sakonides provenant des fouilles à Oibia en 1973–1974 // XI International Congress of Classical archaeology. London, 3–9 September 1978. Final programme. London, 1978. P. 62.

1979

80. К. С. Горбунова. Аттические алабастры, найденные в некрополях Северного Причерноморья (из коллекции Государственного Эрмитажа) // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л.: Аврора, 1979. С. 37–48.
81. К. С. Горбунова. Художественные приёмы аттических мастеров-рисовальщиков VI–V в. до н. э., применяемые ими для передачи внутреннего мира человека // Проблемы античной истории и культуры. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1979. Т. 2. С. 39–45.

1981

82. The Hermitage. Guide. Leningrad, Aurora Art Publishers, 1981. 296 p. ill. (В соавторстве: В. Piotrovsky, В. Asvarishch, А. Bank, X. Gorbunova и др.).

1982

83. *К. С. Горбунова*. Аттическая чернофигурная керамика из раскопок 1962–1971 гг. на участке «Г» острова Березань // *Художественные изделия античных мастеров*. Л.: Искусство, 1982. С. 36–49.
84. *К. С. Горбунова*. Искусство // *История древнего мира*. М.: Восточная литература, 1982. Т. 2. Рассвет древних обществ. Лекция 14. Греческая культура VII–IV в. до н. э. С. 293–301.

1983

85. *К. С. Горбунова*. Искусство // *История древнего мира*. 2-е доп. изд. М.: Восточная литература, 1983. Т. 2. Рассвет древних обществ. Лекция 14. Греческая культура VII–IV в. до н. э. С. 293–301.
86. *К. С. Горбунова*. Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Каталог. Л.: Искусство, 1983. 224 с.
87. *К. С. Горбунова*. Аттический алабастр Б.2975 собрания Эрмитажа // *СГЭ*. 1983. Вып. 48. С. 28–29.

1985

88. *К. С. Горбунова*. Кампанская амфора мастера Астрита // *СГЭ*. 1985. Вып. 50. С. 40–41.

1989

89. *К. С. Горбунова*. Искусство // *История древнего мира*. 3-е доп. изд. М.: Восточная литература, 1989. Т. 2. Рассвет древних обществ. Лекция 14. Греческая культура VII–IV в. до н. э. С. 293–301.

1990

90. *Treasures of the Hermitage: prehistoric culture, art of classical antiquity, art of the peoples of the East, Western European art, Russian culture, numismatics*. Edited by *Boris Piotrovsky*. Leningrad, Aurora Art Publishers, 1990. 390 p. (В соавторстве: *T. Arapova, X. Gorbunova, G. Komelova, I. Novosselskaya, V. Potin* и др.).

1997

91. *X. Gorbunova*. Ἀρτιάσπεις // *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae (LIMC)*. Zürich, München, Düsseldorf, Artemis & Winkler Verlag, 1997. Vol. VIII: *Thespiades — Zodiacus et Supplementum*. S. 529–534.

Memorabilia

- И. И. Саверкина*. *К. С. Горбунова*. 1923–1979 // *СГЭ*. 1980. Вып. 45. С. 107.
- Ю. И. Ильина*. *Горбунова Ксения Сергеевна (1923–1979)* // http://www.borysthenes.org/content/researchers/researchers_07.htm
- В. Ю. Зуев*. *Очерк истории археологического изучения острова Березань* // http://www.borysthenes.org/content/researchers/index_history.htm

К юбилею Е. А. Савостиной

В 2022 г. отметила свой юбилей известный археолог и искусствовед Елена Анатольевна Савостина — яркий специалист, чьи научные работы неизменно отличают исследовательский азарт, внимание к деталям и в то же время — широта взгляда, оригинальность и стройность выводов.

Е. А. Савостина родилась в Москве в 1952 г., в 1975-м — окончила исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова по кафедре археологии, где среди её учителей был профессор В. Д. Блаватский. Решив специализироваться в области антиковедения, в 1984 г. защитила кандидатскую диссертацию «Боспорские склепы: типология, эволюция, историческая интерпретация».

Многие годы Е. А. Савостина посвятила работе в ГМИИ им. А. С. Пушкина, где ей предстояло пройти путь от сотрудника Отдела античного мира до заместителя директора. В 1975–1978, 1982-м работала в составе Анапской экспедиции ИА РАН, а в 1983–1993 гг. руководила экспедицией ГМИИ им. А. С. Пушкина и вела раскопки античных усадеб Юбилейное I и Юбилейное II на Таманском полуострове. В 1985 г. там был найден мраморный рельеф с изображением двух воинов, а в 1983–1993 гг. — фрагменты другого рельефа с редким изображением битвы. Всестороннему исследованию этих сложных для интерпретации памятников посвящены коллективные монографии «Таманский рельеф» (1999) и «Amazonomachia? Bosporan Battle Relief» (2001), вышедшие в свет под редакцией Е. А. Савостиной.

Полевая работа и изучение античной скульптуры искусствоведческими методами во многом определили область её научных интересов. В 2004 г. Елена Анатольевна защитила докторскую диссертацию «Эллада и Боспор: историко-культурные взаимосвязи и греческий импульс в развитии пластики», а в 2012-м была опубликована книга «Эллада и Боспор: греческая скульптура на Северном Понте». В этих работах Е. А. Савостиной удалось на материале скульптуры продемонстрировать развитие эллинского «импульса» на периферии, в далёких колониях и в новом окружении, предложив таким образом реконструкцию специфических особенностей культуры и искусства Боспора Киммерийского.

В 2009–2017 гг. Е. А. Савостина — директор Высшей школы реставрации, профессор РГГУ, где она читала курсы по истории искусства Греции и Рима, а также спецкурс по искусству Северного Причерноморья. Для студентов она вела постоянно действующий семинар по проблемам изучения античных памятников, возобновила практику проведения выездных реставрационных школ на базе Керченского историко-культурного заповедника и организовывала практические занятия для будущих реставраторов в научных лабораториях Государственного Эрмитажа. Кроме того, Е. А. Савостина была организатором серии междисциплинарных конференций «Академическое искусствоведение, археология, научная реставрация сегодня» (2013–2015), объединивших специалистов университетов, ведущих музеев и реставрационных учреждений. Уделяя внимание истории археологии, в 2016 г. Е. А. Савостина опубликовала монографию «Всесильный случай: великие моменты в греческой археологии», посвященную археологическим открытиям в Греции от древнеримской эпохи до наших дней. Использование современных данных и авторские интерпретации сделали эту книгу важной как для студентов, так и для опытных специалистов.

С 2016 г. Елена Анатольевна руководит Благотворительным фондом содействия охране и исследованию памятников археологии Северного Причерноморья и Приазовья «Артемида». При поддержке фонда состоялись разнообразные полевые, выставочные, издательские проекты, научные конференции, характеризующиеся неизменно высоким уровнем научной и организационной подготовки. С 2017 г. Е. А. Савостина — профессор кафедры теории и истории искусств Московского государственного академического художественного института им. В. И. Сурикова при Российской академии художеств. Помимо богатых теоретическими материалами лекционных курсов по истории античного искусства, музееведению, истории археологиче-

ской науки, — неотъемлемой частью её преподавательского подхода по-прежнему остаются практические занятия и семинары, обучение будущих специалистов непосредственной работе с памятниками.

Друзья и коллеги знают и ценят не только эрудицию и разностороннее творчество Елены Анатольевны, но и её доброжелательность, ответственность, мудрость и стойкость. Сердечно поздравляя Елену Анатольевну с юбилеем, мы надеемся на долгие годы совместной работы и желаем ей крепкого здоровья, новых открытий, радостного и успешного труда.

Е. В. Фокеева

НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА МОЛЕВА Путь, достойный восхищения

Детские мечты о будущей профессии обычно простодушны, переменчивы и очень редко сбываются, тем более если речь идет о профессиях «романтических», аура которых поначалу увлекает многих, но первоначальные наивные представления об их содержании подчас вчистую разбиваются о реальные жизненные обстоятельства. Но всё же бывают примечательные исключения, когда даже вопреки неблагоприятному раскладу житейских обстоятельств и наперекор все-

возможным препятствиям первоначальный импульс не пропадает, но превращается в осознанное стремление, а детские мечты сбываются и, казалось бы, мимолетное увлечение становится настоящим призванием и делом всей жизни, в котором достигаются значимые успехи и заслуженное признание в профессиональном сообществе.

Примером такого исключения, несомненно, может служить судьба Натальи Владимировны Молевой. По её собственным словам, прочитав в шестом классе книгу Керам о раскопках в Египте¹, она заявила родителям, что станет археологом. «Все дружно смеялись» (Молева. 2002. С. 7). Действительно, такое заявление могло показаться забавным сиюминутным капризом впечатлительного, увлеченного чтением ребёнка, совсем недавно открывшего для себя заворажи-

¹ Имеется в виду широко известная научно-популярная книга немецкого журналиста Курта Вильгельма Марека, писавшего под псевдонимом Керам; после выхода в свет в 1949 г. она была переведена на десятки языков, в том числе русский, на котором впервые вышла в 1960 г. и впоследствии многократно переиздавалась (Керам. 1960).

вающий мир античной мифологии, который воспринимался как продолжение сказок. Но в ретроспективе этот момент детства оказывается началом очень большого пути, на котором удивительным образом в нерасторжимое единство соединятся археология, исследовательская работа и преподавание, любовь и семейное счастье. Этому поразительному феномену посвящается данный очерк, в котором хотелось бы обозначить некоторые, на наш взгляд, наиболее характерные черты личности и научно-педагогического творчества Натальи Владимировны.

Чтобы тот большой путь, что начался с детского увлечения, состоялся так, как в конечном итоге это произошло, должны были, что называется, сойтись звезды или, говоря прозаичнее, совпасть многие обстоятельства (а такое совпадение и называется судьбой). Очевидно, нужны были и те личностные природные задатки и склонности, развитие которых во многом определяется семьёй и школой. Здесь стоит отметить, прежде всего, что семейный уклад, безусловно, способствовал развитию гуманитарных наклонностей Натальи Владимировны. Её родители, Владимир Владимирович Бузун, происходивший из семьи офицера русской армии, банковский работник, и Софья Ивановна Бузун (Очелкова), трудившаяся в учреждениях связи, относились к той категории советских служащих, которая была интеллигенцией по своим культурным интересам. Прекрасная домашняя библиотека — важнейшее условие поощрения любви и привычки к чтению, приобщения к литературной классике, а летние семейные поездки в музеи Киева, Москвы, Ленинграда, без сомнения, стимулировали любознательность, прививали вкус и тот интерес к искусству и предметам древности, который сохранится на всю жизнь и плодотворно реализуется в исследовательской работе. Семейные традиции, вне всякого сомнения, привили Наталье Владимировне и умение вести домашнее хозяйство, и душевное гостеприимство.

Что касается школы, то до девятого класса Н. В. Молева училась в 1-й Украинской школе города Тернополя на западе Украины, куда в 1948 г. по службе был переведен её отец, по настоянию которого она и была определена именно в украинскую школу, чтобы знать язык и культуру того народа, на чьей земле довелось жить (стоит добавить, что и родилась Наталья Владимировна в тогдашней Украинской ССР, в городе Рени Одесской области). И надо сказать, что после обучения в этой школе Наталья Владимировна получила и на всю жизнь сохранила отличное знание украинского языка. Когда она, уже работая в Керчи, помогала сыну Денису с украинским языком и литературой, его классная руководительница, узнав, что успехами в этих

предметах он обязан матери, предлагала ей устроиться преподавать их в школе. По рассказам Натальи Владимировны, выручало знание украинского и в житейских ситуациях, когда, например, нужно было в одном из западно-украинских городов купить билеты на поезд: они нашлись в кассе только после обращения к кассиру на безукоризненном украинском языке. Среднюю же школу Н. В. Молева заканчивала уже в Горьком, куда её отправили в 1963 г. на воспитание к сёстрам матери, одна из которых успела ещё до революции отучиться в гимназии и поддержала интерес племянницы к литературе, что помогло ей в выпускном классе занять второе место в университетской олимпиаде по литературе и получить дополнительный балл, сыгравший решающую роль в прохождении конкурса при поступлении на историко-филологический факультет Горьковского государственного университета им. Н. И. Лобачевского в 1965 г. При всех успехах в литературе и увлечении поэзией выбор, тем не менее, был сделан в пользу исторического отделения. Это был ключевой шаг к осуществлению заветной мечты стать археологом.

Тогдашнему истфилу ГГУ ещё не было и десяти лет, но возможности получить добротное историческое образование имелись, благодаря, прежде всего, таким специалистам по античности, как преподававший в то время (тогда ещё доцент, а впоследствии профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира Саратовского государственного университета) Владимир Григорьевич Борухович, прекрасный знаток древнегреческого языка, готовивший в те годы к изданию перевод «Мифологической библиотеки» Аполлодора и ставший научным руководителем первых студенческих работ Натальи Владимировны, которая выбрала специализацию по кафедре всеобщей истории и стала заниматься в кружке античной истории и древних языков, организованном Владимиром Григорьевичем. Образцом же университетского преподавателя для неё навсегда осталась Маргарита Сергеевна Садовская, специалист по истории римской Британии, которая после переезда В. Г. Боруховича в Саратов взяла на себя руководство дипломной работой Натальи Владимировны, посвященной религии минойского Крита. Хорошо зная Маргариту Сергеевну и имея возможность присутствовать на занятиях Натальи Владимировны, не могу не отметить сходство между ними и в методике преподавания, и в манере общения со студентами, академично-взыскательной и в то же время располагающей, увлекающей студентов ясностью изложения, заражающей интересом к изучаемому материалу.

В студенческие годы Натальи Владимировны на истфиле ГГУ не было специалистов по классической археологии, но по инициативе

В. Г. Боруховича, хорошо понимавшего важность этого раздела антиковедения, студенты могли проходить археологическую практику в экспедициях, работавших на раскопках памятников античного Боспора в Крыму. С участия в раскопках городища Мирмекий в Крыму началась собственно археологическая стезя Н. В. Молевой, продолжающаяся вот уже более пятидесяти лет. Как своего главного наставника на этом профессиональном поприще она с особой благодарностью вспоминает Нонну Леонидовну Грач, руководившую Нимфейской экспедицией Государственного Эрмитажа. Полученные в студенчестве знания и навыки в работе с археологическим материалом стали прочным основанием для обретения себя и поступательного движения в профессии, которое началось в Керченском историко-археологическом музее, где Наталья Владимировна в 1971 г. стала сотрудником отдела фондов, сразу погрузившись в работу с самым разнообразным материалом. Так начался семилетний керченский период, в котором была и первая самостоятельная экспедиция на некрополе Мирмекия, и первые публикации, и обретение главного предмета археологических изысканий — боспорского городка Китея.

Но этому этапу предшествовало, пожалуй, самое судьбоносное событие в жизни, и в личной, и в профессиональной. В 1968 г. Наталья Владимировна вышла замуж за Евгения Александровича Молева, который был на один курс старше её и успешно занимался в античном кружке В. Г. Боруховича. В результате возник «на редкость гармоничный союз двух ярких личностей, когда вместе и трудности, и экспедиционная романтика, и научное творчество» (Бессонова. 2022. С. 31). Этот неповторимый союз, продолжавшийся более 53 лет, действительно превзошёл всё, что только можно было представить в самых дерзновенных мечтах, и надо сказать, что Наталья Владимировна, безоговорочно отдавая научный приоритет мужу и делая всё возможное для его успешной карьеры, играла более чем значимую роль как в делах житейских, так и в профессиональной сфере, сумела найти свою самостоятельную дорогу в науке и достойнейшим образом пройти по ней.

В 1970-е гг. вторым отечеством для супругов Молевых стал Китей, где на протяжении почти 50 лет раскопки вела, наверное, самая душевная и весёлая из причерноморских экспедиций, запомнившаяся многим поколениям студентов-практикантов, впервые приобщавшихся к археологии, и её завсегдатаям, составлявшим ядро общины кититов. Если Евгений Александрович был бессменным архонтом этой общины, то Наталью Владимировну по праву именовали архонтиссой и верховной жрицей Китея (Парфёнов. 2023. С. 251). Именно

такой блистательной парой, одухотворяющей и романтизирующей нелёгкий труд под палящим солнцем, предстают они в многочисленных воспоминаниях участников экспедиции (см., напр.: Молев. 2013; Болгов, Болгова. 2022; Парфёнов. 2023).

Не стоит, впрочем, забывать, что этой экспедиционной романтике неизменно сопутствовал многолетний самоотверженный труд, которым рука об руку неустанно занимались и в поле, и за письменным столом Наталья Владимировна и Евгений Александрович, часто публиковавшие свои работы в соавторстве (по моим подсчетам, таких публикаций немногим менее сорока: Махлаук. 2023. С. 293). Публикации и анализу находок посвящены их многочисленные доклады и статьи, и хотя вклад каждого соавтора варьируется от работы к работе, в общей их совокупности обнаруживается определенное разделение труда (помимо того, что и общие тексты, и статьи самой Натальи Владимировны на компьютере неизменно набирал Евгений Александрович). Хорошо заметно, что Наталья Владимировна взяла на себя изучение сакральной сферы, религиозной жизни китейских боспорян. Здесь в поле её особого внимания оказываются интересные материалы большого зольного холма, где располагалось Центральное святилище города и где были сделаны многие примечательные находки, включая остатки жертвоприношений и других ритуалов, связанных с божествами плодородия и хтоническими культурами, особо популярными на Боспоре. Многолетние исследования этой темы нашли отражение в серии статей, которые составили основу первой монографии «Очерки сакральной жизни Боспора», вышедшей в 2002 г. и получившей положительный отклик специалистов (Суриков. 2007; Виноградов. 2017). Продолжением изысканий в данном направлении стали и разделы, включенные в коллективную монографию 2017 г. «Артефакты и сакральное в истории Боспора», в которых были рассмотрены не только китейские материалы, но и более общие вопросы религиозного мировоззрения эллинов и боспорян, такие как религиозная семантика тандема «заяц — собака», особенности культа и иконографии Деметры на Боспоре. Продолжая и после ухода на заслуженный отдых увлеченно работать над преломлением сакрального в материальном, Наталья Владимировна подготовила и опубликовала также небольшую монографию о найденных в Китее алтарях и сопутствующих им предметах (Молева. 2020).

Монументальным же итогом многолетних раскопок китейского городища стали три объемных тома, в двух из которых Н. В. Молева является соавтором (Молев, Молева. 2016; Молев, Молева. 2022). Более того, после скоропостижного ухода из жизни Евгения Алексан-

дровича, не успевшего довести до конца подготовку третьей части этой монографии, её доработку и завершение взяла на себя Наталья Владимировна. Несмотря на всю горечь понесенной утраты, она нашла в себе силы довести это начинание до конца, не только тщательно проработав имевшийся текст, но и дополнив его некоторыми разделами, в частности, об экофактах растительного и морского происхождения, скотоводстве и охоте, а также общим заключением; ей же принадлежат разделы о терракотовых статуэтках и других керамических изделиях. Являясь редактором этого тома и плотно работая с Натальей Владимировной на протяжении более чем полугода, я не уставал восхищаться не только её поразительно дотошным знанием китейского материала (она помнила едва ли не каждую находку, безошибочно называя раскоп и квадрат, где она была сделана), но и неугасающим интересом к возможным интерпретациям археологических данных, за безмолвием которых она стремилась увидеть живую жизнь стародавних обитателей Китея. И эта сугубая археологическая акрибия в сочетании с умением через предметность артефактов проникнуть в духовную жизнь древних причерноморцев есть характернейшая черта её исследовательского почерка, который выработался с годами.

Скрупулезность в аналитической обработке и систематизации обширного комплекса артефактов (причём изучаемых непосредственно в музейных собраниях), привлечение разнообразных аналогий из других культур и регионов Древнего мира, применение приёмов искусствоведческого анализа памятников и данных эпиграфики — все эти подходы сформировались в работе по изучению такой группы памятников, во многом загадочной и вызывавшей самые разноречивые толкования, как антропоморфные изваяния, которые в большом количестве обнаружены на Боспоре и долгое время не привлекали специального внимания исследователей. Эта работа началась в середине 1970-х гг. и стала темой кандидатской диссертации Натальи Владимировны, к которой она приступила в 1977 г. под руководством такого авторитетного специалиста, как Элла Исааковна Соломоник, поступив в заочную аспирантуру Симферопольского университета. Потребовался долгий, неизмеримо упорный труд, чтобы убедительно обосновать действительно оригинальную концепцию об истоках боспорских антропоморфных надгробий в Греции и Малой Азии и представить её на защиту. Диссертация по специальности «Археология» была успешно защищена в 1986 г. в Ленинградском отделении Института истории Академии наук СССР (Молева. 1986). Примечательно, что и в последующие годы Н. В. Молева продолжила работу

над этими памятниками, итогом которой стали её монография, изданная в 2012 г. под грифом Ученого совета ННГУ, и подготовленный совместно с Н. Л. Кучеревской каталог найденных на территории Боспора древних антропоморфов из лапидарной коллекции Керченского государственного историко-культурного заповедника, насчитывающей 209 памятников античной эпохи, четыре — эпохи бронзы и один — средневекового периода (Молева, Кучеревская. 2016). Всё это дает основание говорить о действительно значимом и оригинальном вкладе Н. В. Молевой в боспорскую археологию (Виноградов. 2017), хотя этим он, конечно, не исчерпывается.

В научном творчестве Натальи Владимировны есть и настоящие открытия, в частности предложенная ею интерпретация костяной подделки из некрополя Илурата как древнего боспорского календаря (Молева, Тульпе, Хршановский. 2004; Молева, Молев. 2016). Важно также подчеркнуть, что круг её научных интересов отнюдь не ограничивался собственно археологическими предметами, но включал также целый ряд исторических сюжетов, разрабатываемых преимущественно на эпиграфическом материале, в их числе проблемы истории семьи и демографической ситуации на Боспоре, боспорская элита в стихотворных надписях и др.

Характеристика научной деятельности Натальи Владимировны будет не полной без упоминания о её педагогической работе, которая началась в Белгородском педагогическом институте, где на только что открытом историческом факультете она проработала почти пятнадцать лет, и продолжилась в *alma mater*, куда супруги Молевы вернулись в 1992 г. уже опытными, состоявшимися преподавателями и учёными. Хорошо зная преподавательскую работу Натальи Владимировны на кафедре истории Древнего мира и Средних веков, продолжавшуюся более двадцати лет, могу назвать её образцовым университетским преподавателем, ответственным, творческим, вдохновенным. Наверное, Наталью Владимировну, как и Евгения Александровича, воодушевили, вдохнули новые силы возвращение в родной университет и открывшиеся (несмотря на известные трудности 1990-х гг.) новые возможности проявить себя в разработке и чтении новых курсов, в подготовке студентов, в том числе и на базе Китейской экспедиции, которая позволяла соединить науку и обучение. У Натальи Владимировны (хотя и не сразу) появилась возможность готовить учебные пособия и читать общий курс по археологии, вспомогательным историческим дисциплинам, истории первобытного общества, вести семинары по истории Древнего Востока и античности, руководить курсовыми и выпускными сочинениями студентов.

С особым увлечением она вела специальные курсы, посвященные таким темам, как античное декоративно-прикладное искусство, история письма и письменности. И это увлечение передавалось студентам. У Натальи Владимировны всегда хватало подопечных, которых она заботливо доводила до защиты выпускных квалификационных работ, а самых способных, поступавших в аспирантуру, передавала под руководство Евгения Александровича, и некоторые из них успешно защищали диссертации, продолжая разрабатывать проблемы боспорской истории и археологии и считая себя в равной степени учениками Молевых.

Подводя же итог наших кратких заметок, хотелось бы со всей определенностью подчеркнуть, что Наталья Владимировна, при всей внешней хрупкости, натура сильная и цельная. Её отличают непоколебимая независимость суждений (она сама называет это «своеволием»), житейская мудрость, безупречный вкус и изящество и во внешности, и в речи, и в стиле письма. Взаимно дополняя друг друга с Евгением Александровичем, они очень многое сделали — и вместе, и индивидуально — для науки и образования, заслужили подлинный авторитет и восхищение учеников, друзей и коллег. И хотя Наталья Владимировна неоднократно зарекалась больше ничего не писать, оставить научные занятия, я уверен, что ни характер, ни преданная память о муже, ни пожелания коллег не позволяют ей, пока есть силы, остановиться на том пути, который начался с наивной детской мечты, принёс весомые результаты и заслуженное признание и достоин искреннего восхищения.

А. В. Махлаюк

Литература

- Артефакты и сакральное в истории Боспора / под ред. проф. А. В. Махлаюка. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2017.
- Бессонова С. С. «Друзья мои, ушедшие навек...» // БФ 2022. С. 31–34.
- Болгов Н. Н., Болгова А. М. Китейская экспедиция Е. А. Молева: пути длиной в пятьдесят лет // БФ 2022. С. 42–47.
- Виноградов Ю. А. Наталья Владимировна Молева как исследовательница сакральной жизни Боспора // Артефакты и сакральное в истории Боспора / под ред. проф. А. В. Махлаюка. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2017. С. 165–170.
- Керам К. В. Боги, гробницы, ученые. Роман археологии. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960.
- Махлаюк А. В. Библиография как биография (заметки к списку публикаций профессора Евгения Александровича Молева) // Профессор Евгений Александрович

- Молев и современные проблемы антиковедения: Материалы научной конференции «Историко-археологический симпозиум памяти профессора Евгения Александровича Молева». Институт международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, 22 января 2022 г. / под ред. А. В. Махлаюка. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2023. С. 285–295.
- Молев Е. А.* Иллюстрированная хроника Китейской экспедиции. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2013.
- Молев Е. А., Молева Н. В.* Боспорский город Китей. Ч. II. Симферополь; Керчь: Соло-Рич, 2016. (БИ. Suppl. 15).
- Молев Е. А., Молева Н. В.* Боспорский город Китей. Ч. III. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2022.
- Молева Н. В.* Антропоморфные памятники Боспора: Автореф. канд. дисс. Л.: Ленинградское отделение Института археологии АН СССР, 1986.
- Молева Н. В.* Очерки сакральной жизни Боспора. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2002.
- Молева Н. В.* О себе // Акра. Сборник научных трудов / под ред. А. В. Махлаюка. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2002. С. 7–9.
- Молева Н. В.* Боспорские антропоморфные изваяния. Кросс-культурные и межэтнические коммуникации во времени и пространстве. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2012.
- Молева Н. В.* Алтари и сопутствующие им сакральные объекты из Китея: монография. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2020.
- Молева Н. В., Кучеревская Н. Л.* Из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника / Лапидарная коллекция. Т. V. Антропоморфные изваяния. Симферополь: Соло-Рич; Керчь: ЦАИ БФ «Деметра», 2016.
- Молева Н. В., Молев Е. А.* О счислении времени годового цикла на Боспоре // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия «История. Исторические науки». 2016. Т. 2 (68). № 1. С. 165–174.
- Молева Н. В., Тульпе И. А., Хриановский В. А.* Костяная поделка из Илурата — боспорский календарь // БФ 2004. С. 171–183.
- Парфёнов В. Н.* Мои друзья Женя и Наташа (светлой памяти Евгения Александровича Молева) // Профессор Евгений Александрович Молев и современные проблемы антиковедения: Материалы научной конференции «Историко-археологический симпозиум памяти профессора Евгения Александровича Молева», Институт международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, 22 января 2022 г. / под ред. А. В. Махлаюка. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2023. С. 248–262.
- Суриков И. Е.* Археология и религиоведение // ДБ. 2007. Т. 11. С. 394–402.

**БОСПОР И СЕВЕРНОЕ
ПРИЧЕРНОМОРЬЕ**

Ю. А. Виноградов

**СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ
ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ ВЕЛИКОЙ СКИФИИ.
ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ 25 ЛЕТ¹**

Своеобразие военно-политической ситуации, сложившейся в Северном Причерноморье в III в. до н. э., является одной из наиболее дискуссионных проблем в скифо-сарматской археологии последних десятилетий. Вполне понятно, что она напрямую связана с нашим пониманием причин падения Великой Скифии, случившегося приблизительно на рубеже IV–III вв. до н. э. (Алексеев. 2003. С. 77). Однако даже если считать, что виновниками этой катастрофы были продвинувшиеся с востока сарматы (см.: Виноградов и др. 1997; Скрипкин. 2016), то последовавшее за этим запустение северопричерноморских степей, охватившее почти целое столетие, представляется слишком масштабным. «Нормальная» продолжительность смутного времени, сопровождавшего вторжения пришельцев с востока, обычно не превышала 25–30 лет (Виноградов. 2009. С. 27–28, 34). Искать объяснение этому явлению в климатических катаклизмах или экологической катастрофе, охватившей Северное Причерноморье к концу IV в. до н. э. (Гаврилюк. 1999. С. 306–315; Полин. 2018), вряд ли продуктивно. Четверть века назад на первом «Боспорском феномене» было предложено рассматривать эту ситуацию как проявление столкновения в районе Поднепровья двух векторов военной экспансии — восточной (сарматской) и западной (кельтской). Ни одна из них не могла стать преобладающей, и степи Северного Причерноморья надолго превратились в своего рода «ничейную землю» (Виноградов. 1998; см. также: Виноградов. 1999; Виноградов, Марченко. 2014). Надо признать, что у концепции двойной угрозы, в которой оказался этот регион в III в. до н. э., имеются критики (Тельнов и др. 2012. С. 11–12); по этой причине будет оправданным обратиться к её краткому рассмотрению ещё раз.

¹ Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественно-научным данным» (FMZF-2022-0013).

Прежде всего следует обратить внимание на свидетельства письменной традиции, которым в археологической литературе не всегда уделяется должное внимание. Весьма вероятно, что к 310 г. до н. э. к восточным границам Боспорского государства продвинулись сарматы (сираки), и рассказ Диодора Сицилийского об усобице сыновей царя Перисада I, поддержанных различными варварскими объединениями (*Diod.* XX, 20–24), можно понимать как проявление грандиозной борьбы между скифами и сарматами, развернувшейся тогда в Северном Причерноморье (Виноградов. 2003). Победу в этой борьбе, как известно, одержал Евмел, опиравшийся на сираков. В истории Боспора это событие стало своего рода поворотным пунктом, означавшим начало нового этапа в отношениях с варварскими племенами. Важнейшим элементом в их системе можно считать союзнические связи с меото-сарматским миром Прикубанья (Виноградов. 2005. С. 294; 2017. С. 210–216).

Другой важнейший документ для понимания военно-политической ситуации этого времени — ольвийский декрет в честь Протогена (IOSPE. I². 32). Ю. Г. Виноградов датировал его 220–210 гг. до н. э. (Виноградов Ю. Г. 1989. С. 182), другие исследователи относят его к более позднему времени — началу II в. до н. э. (Андреева. 2004. С. 102; Яйленко. 2017. С. 503). Однако вне зависимости от даты издания этого документа можно считать, что в нём описано положение в Северо-Западном Причерноморье, пришедшее приблизительно на середину III в. до н. э. (Снытко. 2016). Из него известно, что Ольвия страдала от поборов со стороны кочевников-сайев (очевидно, царских сарматов), но ещё большая опасность грозила с запада, от совместного похода галатов и скиров. По всей видимости, результатом этой двойной угрозы стало запустение ольвийской хоры в конце первой трети III в. до н. э., что предполагалось уже достаточно давно (Рубан. 1985. С. 43–44; Яйленко. 1990. С. 274–275).

Если обратиться к археологическим данным, то по степям Северного Причерноморья в это время рассеяны комплексы, вошедшие в науку под названием «странных памятников» (Щукин. 1994. С. 97–98). В этих комплексах, которые часто считают жертвенными, представлены вещи как восточного происхождения (конские удила с крестовидными псалиями и пр.), так и западные артефакты (кельтские шлемы и пр.). В них имеется античная керамика, которая датируется в пределах III — первой половины II в. до н. э. (Зайцев. 2012а. С. 65; 2012б. С. 69; Полин, Карнаух. 2012. С. 143).

Помимо этих любопытнейших комплексов, необходимо обратить внимание, что по краям пояса причерноморских степей существовали

два района (восточный и западный), в которых стабилизация жизни обозначилась вполне отчётливо около середины III в. до н. э. Первый из них — Правобережье Прикубанья, где зафиксированы показательные памятники сарматов (сираков). Некоторые исследователи считают, что к середине столетия здесь сложилось сармато-меотское объединение, ставшее весьма влиятельной силой в регионе (Ждановский, Марченко. 1988. С. 48; Марченко. 1996. С. 119).

Второй район связан с Северо-Западным Причерноморьем, где особенно интересны памятники Тираспольской группы (Бруяко. 2005–2009. С. 333–337). Новый этап возрождения жизни здесь приходится на 240–160 гг. до н. э. (Кац. 2012. С. 95; ср.: Фидельский и др. 2018. С. 115). Этническая атрибуция этих памятников вызывает весьма острую дискуссию. Некоторые исследователи считают, что они оставлены «смешанным населением с преобладанием савроматских (сарматских) черт» (Яровой, Четвериков. 2000. С. 20), при этом отмечается наличие в них некоторых кельтских особенностей (Воротинская. 2013). Другие археологи уверенно связывают поселения и могильники Поднепровья со скифами, и эта точка зрения как будто становится господствующей (Бруяко. 2005–2009. С. 333–337; Тельнов и др. 2012. С. 12); однако она никак не объясняет причины проникновения в этот район сарматских и кельтских культурных элементов. Стоит напомнить, что в декрете в честь Протогена говорится о страшном ужасе, который навело на скифов (а также на фисаматов и савдаратов) сообщение об угрозе нападения галатов в союзе со скирами. В военном отношении все эти народы, скорее всего, не представляли большой военной силы. Не исключено при этом, что Тираспольскую группу памятников можно рассматривать как оставленную этими самыми скирами (Виноградов, Марченко. 2014. С. 153; Снытко. 2018. С. 59).

Некоторые исследователи признают скифскими и «странные памятники» (Тельнов и др. 2012. С. 12; Карнаух и др. 2016). Ю. П. Зайцев полагает, что они маркировали торговые пути, существовавшие в регионе в III–II вв. до н. э. (Зайцев. 2012. С. 71). Совсем по-другому их трактует Е. В. Вдовченков: он признаёт эти памятники скорее сарматскими и считает, что они появились в результате деятельности молодёжных отрядов кочевников, продвигавшихся на незаселённые территории (Вдовченков. 2016). Следует признать, что такая практика развития миграций у кочевников существовала в степном мире с глубокой древности (Виноградов. 2009. С. 38–40).

Приведённые соображения позволяют считать, что гипотеза, объясняющая археологическое запустение Северного Причерноморья в III в.

до н. э. двойной военной угрозой, исходящей как с востока, так и с запада, имеет сильные стороны и может рассматриваться как одна из моделей реконструкции военно-политической ситуации в регионе после падения Великой Скифии.

Литература

- Алексеев А. Ю.* Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н. э. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2003.
- Андреева С. Э.* Ещё раз к вопросу о датировке декрета в честь Протогена // БФ 2004. Ч. 2. С. 95–103.
- Брумяк И. В.* От Скифии к Сарматии: десять лет спустя // *Stratum plus*. 2005–2009. № 3. С. 329–370.
- Вдовченков Е. В.* Кочевнические жертвенно-поминальные комплексы («странные комплексы») III–I вв. до н. э.: социальная интерпретация явления // *Stratum plus*. 2016. № 3. С. 197–215.
- Виноградов Ю. А.* Северное Причерноморье после падения Великой Скифии // БФ 1998. С. 6–9.
- Виноградов Ю. А.* Северное Причерноморье после падения Великой Скифии (Своеобразие стабилизации в регионе второй половины III — первой половины II вв. до н. э.) // *Nyrboreus*. 1999. Vol. 5. Fasc. 1. P. 56–82.
- Виноградов Ю. А.* Усобища сыновей боспорского царя Перисада I // *Материалы и исследования по археологии Кубани*. Вып. 3. Краснодар, 2003. С. 77–92.
- Виноградов Ю. А.* Боспор Киммерийский // *Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху*. СПб.: Алетейя, 2005. С. 211–296.
- Виноградов Ю. А.* Миграции кочевников Евразии и некоторые особенности исторического развития Боспора Киммерийского // *БИ*. 2009. Т. XXII. С. 5–90.
- Виноградов Ю. А.* Культура боспорской элиты при Спартокидах // *БИ*. 2017. Т. XXXIV. С. 112–223.
- Виноградов Ю. А., Марченко К. К.* Северное Причерноморье в III в. до н. э. (взгляд из греческих государств) // *АВ*. 2014. № 20. С. 143–162.
- Виноградов Ю. А., Марченко К. К., Рогов Е. Я.* Сарматы и гибель Великой Скифии // *ВДИ*. 1997. № 3. С. 93–103.
- Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н. э. М.: Наука, 1989.
- Воротинская Л. С.* К вопросу о кельто-скифских взаимодействиях в Северном Причерноморье в III–II вв. до н. э. // БФ 2013. С. 489–493.
- Гаврилюк Н. А.* История экономики степной Скифии VI–III вв. до н. э. Киев: Институт археологии НАНУ, 1999.
- Ждановский А. М., Марченко И. И.* Сарматы в Прикубанье // *Проблемы сарматской археологии и истории: тезисы докладов конференции*. Азов, 1988. С. 2–56.
- Зайцев Ю. П.* Античная керамика в ритуальных (вотивных)кладах Северного Причерноморья // *Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э.* Тирасполь: Тираспольский государственный университет, 2012. С. 55–66.

- Зайцев Ю. П.* Северное Причерноморье в III–II вв. до н. э.: ритуальные клады и археологические культуры // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э. Тирасполь: Тираспольский государственный университет, 2012. С. 67–72.
- Карнаух Е. Г., Сеника В. С., Сердюк М. И.* Скифский клад из Дебальцево // *Stratum plus*. 2016. № 3. С. 217–238.
- Кац В. И.* Амфорные клейма из Поднестровья // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э. Тирасполь: Тираспольский государственный университет, 2012. С. 87–95.
- Марченко И. И.* Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар: Кубанский государственный университет, 1996.
- Полин С. В.* Сарматское завоевание Северного Причерноморья (современное состояние проблемы) // Древности. Исследования. Проблемы. Сборник статей в честь 70-летия Н. П. Тельнова. Кишинёв; Тирасполь: б. и., 2018. С. 267–288. (Библиотека *Stratum*).
- Полин С. В., Карнаух Е. Г.* Гордашевский клад // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э. Тирасполь: Тираспольский государственный университет, 2012. С. 134–145.
- Рубан В. В.* Проблемы исторического развития ольвийской хоры в IV–III вв. до н. э. // ВДИ. 1985. № 1. С. 26–46.
- Скрипкин А. С.* Гибель Скифии. Сарматский фактор // *Stratum plus*. 2016. № 3. С. 17–31.
- Снытко И. А.* Декрет в честь гражданина Протогена в контексте истории Ольвийского полиса III в. до н. э. // *Stratum plus*. 2016. № 3. С. 45–65.
- Снытко И. А.* Ещё раз об этнокультурной и территориальной идентификации сайев Сайтафарна ольвийского декрета в честь гражданина Протогена // БФ 2018. Ч. 2. С. 55–60.
- Тельнов В. П., Четвериков И. А., Сеника В. С.* Скифский могильник III–II вв. до н. э. у с. Глиное на левобережье нижнего Днестра (предварительные итоги исследования) // Древности Северного Причерноморья. Тирасполь: Тираспольский государственный университет, 2012. С. 5–15.
- Фидельский С. А., Иващенко М. В., Сеника В. С.* Амфорные клейма средиземноморских центров из поселения Чобручи на левобережье Нижнего Днестра // АВ. 2018. Вып. 24. С. 110–124.
- Щукин М. Б.* На рубеже эр. СПб.: Фарн, 1994.
- Яйленко В. П.* Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. М.: Наука, 1990. С. 249–309.
- Яйленко В. П.* История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н. э. — VII в. н. э. СПб.: Нестор-История, 2017.
- Яровой Е. В., Четвериков И. А.* К вопросу о культурной принадлежности памятников Тираспольской группы (в свете исследований могильника у села Глиное) // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья: материалы полевого семинара. Тирасполь, 2000. С. 3–28.

С. Ю. Сапрыкин

БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО КАК ФЕНОМЕН ЭЛЛИНИЗМА

В историографии античности для характеристики сущности эллинистической цивилизации используются два подхода: культурологический, согласно которому культура есть краеугольный камень греческой экспансии на Восток, что породило политическую гегемонию греков, монархическое правление, культурное пространство во главе с полисами; и социально-экономический, базовые положения которого — царская земельная собственность как результат верховной собственности царя на землю, появление военно-земледельческих колоний-катоикий на царской земле, общинное землевладение, храмовая земельная собственность, урбанизация и возникновение новых полисов, что составляло основу эллинистической монархии с элементами македонского государственного управления и восточной деспотии. В отечественной науке сложились два направления в определении эллинизма: 1) это этап в развитии античного рабовладельческого общества, связанный с кризисом производственных отношений, 2) это конкретно-историческое явление, возникшее на основе греко-македонского завоевания Востока, которое породило сочетание и взаимовлияние эллинских и местных восточных начал в социально-экономической, политической, культурной, идеологической областях. С учётом этих разработок и собственных исследований мы предлагаем концепцию развития Боспорского государства как эллинистической монархии, которая сводится к следующим основным положениям.

В VI — конце V в. до н. э. Боспор Киммерийский представлял собой сеть самостоятельных городов-колоний. В 480 г. до н. э. в Пантикапее устанавливается олигархия Археанактидов, в 438 г. до н. э. — тирания Спартокидов. Тогда же началось формирование симмахии полисов во главе с Пантикапеем и его хоры — процесс, затронувший Фанагорию, Нимфей, Гермонассу, позднее Феодосию и даже «малые» города Боспора (Масленников. 2007. С. 206). В IV в. до н. э.

синдо-меотские племена попали в коллективную зависимость от «Боспора» — союза полисных общин, но подчинялись в основном тиранам Пантикапея — архонтам Боспора и Феодосии, которые стали называть себя архонтами, а затем царями синдо-меотских племен (Сапрыкин. 2003. С. 27, 28; Завойкин. 2013. С. 417–433). Это не изменило их тиранического, полисного правления, так как они выступали наследниками синдо-меотских царей (Гекатея, Тиргатао). Спартокиды развивали сельское хозяйство, ремесло, торговлю, что закрепляло полисную форму собственности на землю каждого из членов симмахии и «малых» городов. Кризисных явлений, свойственных Элладе позднеклассической эпохи, на Боспоре не прослеживается, напротив, это был продуктивный период, когда полисы находились в апогее развития. В IV в. до н. э. там не сложились социально-экономические отношения, характерные для периода эллинизма.

В III–II вв. до н. э. произошло перераспределение земельного фонда, появились укрепленные поселения и крепости, некоторые превратились в центры округов, куда свозили продукцию с окрестных земель, другие в резиденции наместников. Часть оседлого земледельческого населения переселилась в укрепленные поселения, часть оказалась в глубине Таврики, хотя на Азиатском Боспоре структура землевладения IV в. до н. э. не изменилась. Спартокиды, следуя политической моде по примеру диадохов Александра Македонского и других тиранических режимов, стали именоваться царями. Сущность их власти оставалась тиранической и по-прежнему опиралась на полисы как государственно-образующую структуру. Эти изменения нельзя считать формированием царской земельной собственности, а трансформацию архонтской власти в царскую подобием эллинистической монархии.

К концу II в. до н. э. давление на Боспор сарматских племен усилилось. Дело дошло до выплаты им дани «больше прежнего» (*Strab.* VII, 4, 3–4). Боспорские полисы добивались от тиранической власти, выражавшей их интересы, обращения за помощью к Митридату Евпатору. Тот активно позиционировал себя защитником эллинов от варваров, привлекал греков обещаниями освободить от пошлин и налогов, проводить общую внешнюю политику, создать единое пространство для развития экономики и торговли. Полисы, которые пострадали от разорения хоры, дани, сокращения хлебной торговли и доходов от ремесла, увидели в этом возможность поправить экономическое положение. В Пантикапее и окрестностях усиливались позиции тавро-скифской знати: потеряв большую часть владений в Таврике после поражений от Митридата, она рассчитывала превратить Боспор в оплот сопротивле-

ния понтийскому царю. Это представляло угрозу, тем более что сарматы-роксоланы сблизились со скифами Крыма. Поэтому под предлогом неспособности Перисада V сопротивляться варварам (*Strab.* VII, 4, 3–4) была достигнута договоренность о передаче власти Митридату Евпатору (IOSPE P. 352). Это должно было произойти по принятому в Понтийском государстве правилу: власть распространяется на земли, которые понтийские цари считали родовыми и отеческими, для чего использовался институт усыновления наследника престола, что цари Понта неоднократно применяли, присоединяя соседние территории. Перисад V не имел наследников, поэтому Митридат Евпатор официально признавался «воспитанником» — вскормленником боспорского тирана (царя), что давало возможность усыновления согласно международному праву того времени. Таким способом Митридат законно по наследству получал новое царство (*Strab.* VII, 4, 3). Подданным же внушалось, что Боспор ранее находился в сфере влияния Ахеменидов, предков Митридата Евпатора, поэтому включение его в наследственный царский домен Митридатидов оправдано.

Это решение изменило ход развития Боспорского государства. Митридат Евпатор официально стал владыкой (κβρυσ) Боспора, его новые владения считались родовыми, отеческими, так как были переданы на правах наследования (*Strab.* XII, 3, 28; *Justin.* XXXVII, 4, 3–5; XXXVIII, 5, 4–7; 7, 10). Это давало право превратить их в царский домен, объявить Митридата верховным собственником земли. Для закрепления этого права царь назначал туда наместниками «друзей» — членов своего окружения, но главное — сыновей-наследников Митридата Младшего (*Plut.* Sulla. 11), Махара и Фарнака II. Инициатором превращения Боспора в родовой домен Понтийского царства были полисы и полисные (пантикапейские) тираны в лице Перисада V, поэтому Пантикапей, Фанагория, Горгиппия сохранили долю привилегий, свобод, торговлю и, вероятно, часть хоры. В состав владений царя входили восточное и северное Приазовье, а на правах дружбы (протектората, вассалитета) дандарики, меоты, сарматы (*Plut.* Luc. 16; *App.* Mithr. 15; 101; 102; *Plut.* Pomp. 35; Sulla. 11). Это углубляло эллинизацию, втягивало варваров в отношения с полисами, привлекало местное население в царские войска. Структура, основанная на земельной собственности полисов, ликвидировалась, началось формирование основ эллинистической государственности — царский земельный домен, местные общины, главенство царя как верховного собственника земли в государстве, урбанизация на фундаменте развитых полисов. Создавалась новая эллинистическая монархия во главе с понтийским царём и институт его прямых наследников.

В 75–63 гг. до н. э. начался очередной этап укрепления эллинистической государственности. Вследствие попытки полисов отмежеваться царь начал активнее сближаться с варварским окружением Боспора, отменил полисные привилегии, а на хоре приступил к созданию укрепленных поселений типа катойкий, привлекая местное население. Эту политику продолжал Фарнак II: поначалу, в интересах Рима, он вернул Фанагории свободу, но после 48 г. до н. э. вновь присоединил её к царскому домену, усилил давление на полисы и местные племена, отпавшие от Боспора, начал сближаться с аорсами и сираками (*Strab.* XI, 2, 11; 5, 8; *App. Mithr.* 120). Это приводило к дальнейшей эллинизации, оседанию варваров на царской хоре, а антиримские настроения, вызванные попыткой реанимировать державу Митридата Евпатора, стимулировали строительство укреплений на основе общинного землевладения — *ἔθνη* во главе с этнархами, предводителями местных племенных групп и союзов. Одним из них был Асандр, который в 47 г. до н. э. провозгласил себя архонтом Боспора, а затем царём, правда не признанным в Риме.

До 30 г. до н. э. отношения Боспора с Римом оставляли желать лучшего, поэтому Асандр укреплял эллинистическую систему землевладения и государственность. Его усилия сводились к окончательному формированию царской земельной собственности под гегемонией правителя, сохранению полисных свобод и привилегий Пантикапея и Фанагории, но под контролем царской власти, привлечению племенных союзов для превращения катойкий и укреплений на хоре в опору власти монарха. При Асандре Боспор превратился в государство эллинистического типа митридатовского образца, в рамках которого имела место более активная эллинизация варваров, оседавших на хоре в качестве военно-хозяйственных поселенцев, а главное — сформировались три признака эллинистической цивилизации — царское землевладение как основа монархической власти, повышение роли племенных общин и сохранение эллинских полисов как элемента новой эллинистической системы. В 42 г. до н. э. сначала Марк Антоний признал Асандра царём Боспора и другом римлян, а в 30 г. до н. э. император Август официально возвел его из этнархов, которым он был ранее, в цари (*Ps.-Luc.* Масг. 17; КБН 30). Это были попытки Рима повлиять на развитие Боспора как эллинистического государства.

Дальнейшее развитие Боспора происходило в условиях открытого вмешательства Рима. В конце 20-х гг. и до 8 г. до н. э. римские власти открыто выражали недовольство сохранением митридатовских традиций, подпитывавших антиримские настроения. Они пытались лик-

видировать эллинистическую структуру, ослабить царскую земельную собственность, подорвать систему катойкий, для чего посылали ставленников Скрибония, Полемона I и даже Полемона II. В конце I в. до н. э. внучке Митридата Евпатора Динамии ещё удавалась сбалансированная политика: под личиной дружбы с Римом укреплялись царское землевладение, катойкии, общины варваров на периферии при сохранении привилегий Пантикапея (Кесарии), Фанагории (Агриппии). Но в 14–8 гг. до н. э. римляне усилиями Полемона I попытались решительно пресечь объективный процесс превращения Боспора в эллинистическое государство, однако сделать этого не смогли (Сапрыкин. 2002).

На рубеже н. э. неудачные попытки ликвидировать эллинистические митридатовские основы боспорской государственности римляне решили прекратить, а сложившуюся там обстановку обратить в свою пользу. Боспорское царство превратилось в их форпост для защиты от сармато-иранских племен, чтобы не допустить их союз с парфянами. Они поддерживали Боспор, в результате чего у власти укрепилась династия, которая восходила к царскому дому Понтийской Каппадокии, но имела корни в местной среде. Она получила карт-бланш на проведения мероприятий, призванных усилить централизацию власти: 1) развивать царскую хору активным использованием катойкий в качестве опоры царского землевладения, 2) привлекать племенные общины, в основном сармато-аланов, для оседания на хоре и соседних землях, 3) сократить полисные привилегии, подменяя их фиасами, подконтрольными царской власти по примеру Рима, 4) стимулировать торгово-ремесленную деятельность как основу развивающейся экономики, чтобы вовлечь племенную элиту, 5) завершить военно-административную реформу по закреплению эллинистической структуры управления.

Эти реформы успешно провел Аспург (8 г. до н. э. — 36 г. н. э.), заложивший основу для дальнейшего развития Боспора. Усиление царской хоры проводилось с использованием митридатовской структуры управления: создавались территориально-административные округа во главе с наместниками («начальниками»), которые отчитывались перед царём. Им подчинялись крупные полисы во главе с архонтами и малые города, возглавлявшиеся *οἱ ἐπί τῶν πόλεων*, и только Горгиппия и Феодосия выделялись в самостоятельные округа по причине стратегической и коммерческой важности, а главное, с учётом лояльности царю, как Горгиппия, которая, в отличие от других полисов, отпавших от Аспурга в период его борьбы за трон на рубеже н. э., подтвердила ему свою преданность. Боспорское государство

получило стимул для развития по пути эллинизма, как минимум, до вторжения готов. Это был не «постэллинизм» — культурное явление в условиях римских реалий, и даже не конкретно-историческое явление греко-македонского характера, обусловившее взаимовлияние эллинского и восточного начал. Это был **этап** в развитии боспорского общества, подлинный эллинизм, в рамках которого на смену полисной структуре пришло эллинистическое государство. В нём теснейшим образом взаимодействовали эллинское и местное из-за вовлечения ирано-сарматского, фракийского и малоазийского этносов в греческую среду. Эллинизация на Боспоре — это культурно-историческое явление, а эллинизм — социально-экономическая реальность нового типа, на основе которой выстраивались политические институты, царская власть, религия, идеология и культура. Важную роль при этом сыграла Римская империя, а особенностью следует считать определяющую роль полисов и эллинских традиций при отсутствии греко-македонского завоевания, что привлекало местные племена участвовать в различных областях жизни и деятельности государства. В этом заключался феномен Боспорского государства.

Литература

- Завойкин А. А.* Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов. Симферополь; Керчь: ВТС ПРИНТ, 2013. (БИ. Suppl. 10).
- Масленников А. А.* Крымское Приазовье в античную эпоху // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор. М.; Киев; Запорожье: Дикое Поле [и др.], 2007. С. 181–218.
- Сапрыкин С. Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. М.: Наука, 2002.
- Сапрыкин С. Ю.* Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. 2003. № 1. С. 11–35.

А. А. Завойкин

**«БОСПОРСКИЙ ФЕНОМЕН» — ФЕНОМЕН ИСТОРИЧЕСКИЙ,
КУЛЬТУРНЫЙ, ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ¹**

Присоединение в конце XVIII в. к России причерноморских земель сделало её членом «клуба» европейских стран, на территории которых располагаются памятники античной культуры. С учётом повышенного интереса образованного общества к цивилизации древних греков и римлян естественно, что это обстоятельство послужило мощным стимулом для становления и развития в нашей стране классической археологии, а узкая полоска причерноморских земель, насыщенная остатками поселений и некрополей, оставленных эллинами и их соседями, превратилась в полигон для отечественных научных исследований.

Наряду с другими крупными и яркими памятниками античной эпохи (Ольвия, Херсонес и др.) особое место в этих исследованиях занимают древности, концентрирующиеся на территориях, примыкающих к Керченскому проливу — Киммерийскому Боспору, где располагалось значительное число эллинских колоний с поселениями на их сельских округах, которые со временем образовали довольно крупное по меркам того времени государство, получившее наименование Боспор². По своему происхождению это государство было плоть от плоти античной цивилизации, которая в культурном плане для всего Средиземноморского региона на протяжении эпох в главном оставалась цивилизацией универсальной, поскольку всюду в её основе лежал полисный принцип социально-политической организации.

Однако это обстоятельство никак не противоречило бесконечному многообразию форм, проявившихся в отдельных частях данного

¹ Работа выполнена в рамках НИР ИА РАН «Причерноморская и Центрально-азиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (№ НИОКТР 122011200269-4).

² Уже само специальное, описательное (территориальное) название государства, объединившее в себе несколько полисов, — феноменально, отражает специфичность его природы.

единства сообразно специфике местных особенностей (природных, исторических, этнополитических и проч.). Боспор в этом отношении не был исключением. По ряду своих характеристик он «феноменален»³. Разумеется, каждый полис обладал набором характеристик, свойственных только ему. В этом отношении особенно выделялись своей спецификой те из них, что, как и полисы Боспора, возникли в ходе Великой греческой колонизации в регионах, удаленных от своих метрополий и главных центров («ядра») эллинской цивилизации в целом. Эта удаленность (с учётом локальных особенностей, отмеченных выше), наряду с негомогенностью возникших в колониях обществ, играла заметную роль в формировании выраженной их «феноменальности»⁴.

В таком ракурсе Боспор — один из многих в ряду «феноменальных» образований. И если мы рассуждаем о какой-то его специфике по сравнению со всеми другими, то должны отыскивать такие характеристики, которые отличают его от остальных, и попытаться понять причины этой уникальности. В частности, эта особенность Боспора проявилась в сфере политической, в исключительной долговечности монархического государства (конец V в. до н. э. — IV в. н. э.)⁵. Историческая тенденция к образованию «территориальных» государств с единоличной верховной властью (в полной мере реализовавшаяся в эпоху эллинизма) здесь проявилась едва ли не раньше, чем в других регионах античного мира (т. н. «протоэллинизм») ⁶. При этом вплоть до воцарения на Боспоре Митридата Евпатора власть Спартокидов базировалась на полисных началах⁷, а сама их держава была органи-

³ Термин «феномён» в общем смысле означает явление или событие, данное в чувственном созерцании. Другое его значение — необычное, редкое или даже уникальное, трудно постижимое явление. Здесь мы больше акцентируем внимание на втором аспекте.

⁴ В частности, Э. Д. Фролов (2001. С. 292, 293 и прим. 1 с лит.) на примере Сицилии отмечал влияние этого фактора на предрасположенность к появлению в периферийных полисах тиранических режимов.

⁵ Единоличному характеру власти Спартокидов не противоречат корпоративные («династические») начала в реализации исполнительной власти правителей, продолжительность правления которых маркировалась (см. соотв. разделы в сочинении Диодора Сицилийского) исключительно именем старшего по положению (и возрасту) Спартокида (см.: Завойкин. 2007).

⁶ Аналогичная и синхронная практика в Сицилии (тирания Дионисия Старшего) не получила дальнейшего развития. Необычайная долговечность тирании Левконидов (Спартокидов) было отмечена уже в древности (*Aelian*. Var. hist. VI, 13).

⁷ По своему генезису — это полисная тирания. Её характер не претерпел принципиальных изменений и после того, как в начале III в. до н. э. Спарток III официально принял царский титул, сообразуясь с реалиями новой эпохи.

зована как своего рода «мегаполис», в котором исторические полисы (Фанагория, Гермонасса и др.) существовали как его структурные (территориально-административные) единицы⁸, будучи лишены суверенитета (и, соответственно, ряда политических и экономических прав и свобод) в пользу центральной власти. Отсюда такой феномен, как проксенические декреты, принятые от лица правителя и (нередко) его сыновей-«соправителей», не находящие аналогов нигде более в греческом мире (Шелов-Коведяев. 1985. С. 71; Виноградов, Толстиков, Шелов-Коведяев. 2002. С. 62). К числу уникамов относится и по-ахеменидски пышная титулатура Спартокидов (Тохтасьев. 2001. С. 161–164), «архонтов Боспора и Феодосии, царствующих над синдами, торетами...» и проч. В эпоху эллинизма правители Боспора удовлетворились более лаконичным титулом «царь» (КБН 19)⁹. Параллельно протекает процесс становления «общевоспорского гражданства» (Виноградов, Толстиков, Шелов-Коведяев. 2002. С. 59), хотя провести грань между гражданством и подданством здесь, пожалуй, невозможно. Своими декретами Спартокиды предоставляют гражданские права (πολιτεία) иноземцам (см.: Шелов-Коведяев. 1985. С. 64–69, № 2; 2018. С. 278–289, № 2). Как отметил С. Р. Тохтасьев, «полития и прочие права, получаемые иноземцами из рук тиранов, были надполисными институтами Боспорского государства, возникшими, надо думать, исключительно на почве монополизации Спартокидами внешнеторговой деятельности. Как известно, на Боспоре одновременно продолжало существовать и традиционное полисное гражданство, ср. хотя бы этникон „кепит“ КБН 188, „феодосиец“ № 231, аркадяне называют „пантикапейцем“ самого Левкона, № 37» (Тохтасьев. 2004. С. 170)¹⁰.

Когда мы говорим о власти Спартокидов над полисами, присоединенными силой (т. е. исключая Пантикапей, породивший тиранию),

⁸ Сопоставляя эти подразделения с аттическими демами, стоит напомнить, что последние, по мнению И. Е. Сурикова, «...тоже были гражданскими общинами; более того, дем — в некоторых отношениях полис в миниатюре. <...> В деме имелись даже органы местного самоуправления, копировавшие общеполисные институты и располагавшие довольно существенными полномочиями» (Суриков. 2018. С. 736).

⁹ Рецидивы: КБН 25 (Перисад II); 39, 40 (Аспург).

¹⁰ Особо обратим внимание на то, что все приведенные примеры полисных этниконов на надгробиях лиц, погребенных на чужбине, не выходят за пределы первой половины IV в. до н. э. (как и в декрете аркадян в честь Левкона I), так же как и упоминание ахиллеяца на надгробии из некрополя Патрея (КБН 1059), тогда как уже в III в. до н. э. погребенные в Афинах названы боспорцами (МИС 60–65). Так же именуется выходец с Боспора в Дельфах (МИС 11, 12; ср.: МИС 21 — пантикапейец Койран, в проксеническом декрете — пантикапейец).

то их власть по отношению к гражданам последних могла быть только властью над подданными¹¹, поскольку никакого «гражданства» за рамками полиса классическая и эллинистическая античность не знала¹². Однако нет полной уверенности в том, что «общевоспорское гражданство» было фикцией и предоставление его введено в число привилегий, даруемых проксенам, лишь в угоду традиции¹³.

Мы отметили ряд политических характеристик Боспора раннего времени, выделяющих его из числа других античных центров. В принципе, несложно было бы найти специфические черты этого государственного образования и в более поздние эпохи (хотя бы отметить исключительное его положение во взаимоотношениях с Римом). Однако с учётом лимита объема статьи уместно на этом остановиться и поставить другой вопрос: какие факторы играли главную роль в формировании феноменальных черт Боспора?

С одной стороны, очевидно, что в основе этого процесса лежали фундаментальные свойства эллинской общественной жизни (полисная её организация). Но принципиально такой же она была изначально и в других регионах, затронутых колонизацией. И если в районе Боспора Киммерийского развитие политических форм пошло в какой-то момент несколько иным путем, чем там, — значит, ответ на поставленный вопрос следует искать в местных условиях, которые, разумеется, повлияли не только на трансформацию политических институтов, но и на многие другие (если не все) сферы общественной и частной жизни.

Сейчас мы не будем говорить о природном факторе¹⁴ и лишь коснёмся вопроса о том, насколько существенную роль в политогенезе, в материальной и духовной культуре Боспора сыграли его соседи, варварские племена — кочевые и оседлые. Тема «греки и варвары» традиционно в отечественной историографии была и во многом остается ведущей. Не удивительно, что в ракурсе этой дихотомии были

¹¹ Если отрицать реальность принудительного объединения (*симполитию*) гражданских общин Боспора в единый «мегаполис» — это именно так.

¹² Внутри территориальных держав, включавших в себя гражданские общины (и общины иного рода), никакого «гражданского права» не существовало, и отношения между центральной властью и остальным населением были только отношениями правителя и его подданных.

¹³ Это подтверждается хотя бы тем, что не все проксены получали эту привилегию.

¹⁴ Хотя некоторые его проявления сыграли в экономической жизни греков очень важную роль. Лишь примера ради отмечу исключительное значение благоприятных природных условий (почвы, климат) для развития зернового производства. Без преувеличения можно сказать, что хлебные богатства Боспора (его экспорт) послужили материальной базой для становления Боспорского государства.

написаны две основополагающие работы М. И. Ростовцева «Эллинизм и иранство на юге России» (1918) и «Скифия и Боспор» (1925). Этот подход остается весьма плодотворным и по сей день¹⁵.

Очевидно, что взаимодействие разных культур на протяжении столетий имело разную интенсивность и различный характер, в результате чего они сами постепенно изменялись. Периоды жёстких военных конфронтаций чередовались с периодами мирных контактов, когда налаживались и функционировали оживленные торгово-экономические и культурные связи. Периодичность этих отношений определялась прежде всего тем, что кочевой мир (сначала скифские племена, затем — сарматские) время от времени приходил в движение, и по степной полосе с востока на смену прежним обитателям причерноморских степей приходили новые племенные объединения, отношения с которыми грекам приходилось налаживать заново. Новые владыки степей, первоначально более склонные к грабительским набегам, нежели к торговым и культурным отношениям, представляли собой значительную военную силу, которая становилась фактором перманентной военной угрозы (см.: Ростовцев. 1918. С. 4–5)¹⁶. Насколько возможно судить, и оседлые варвары — меоты Прикубанья — в первые столетия истории греческих полисов Азиатского Боспора тоже не отличались миролюбием¹⁷. Даже ближайшие к Азиатскому Боспору варвары, синды, вроде бы характеризующиеся более кротким нравом (*Ps-Arr.* PPE. 65), имели обычай бросать «на могилы столько рыб, сколько врагов убил погребаемый» (*Nic. Dam. Paradox.*, Fr 41 Dindorf).

Не приходится сомневаться в том, что фактор внешней опасности, ставящей под вопрос само существование греческих полисов, сыграл, пожалуй, решающую роль в консолидации в рамках единого государства относительно слабых гражданских общин¹⁸. Но возможной

¹⁵ Из последних трудов специально отмечу коллективную монографию (Греки и варвары. 2005) и тематический сборник (Элита Боспора. 2017), опубликованные коллегами из ИИМК.

¹⁶ Применительно к скифской эпохе в Северном Причерноморье Ю. А. Виноградов и К. К. Марченко выделяют четыре таких периода (со 2-го по 5-й по их периодизации) (Греки и варвары. 2005. С. 32–41). В отношении Боспора влияние периодических изменений в степи рассмотрено Ю. А. Виноградовым (Греки и варвары. 2005. С. 211–296).

¹⁷ Ср. для более позднего времени: «Меоты <...> хотя и занимаются земледелием, но не менее воинственны, чем кочевники <...> причём живущие вблизи Танаиса отличаются большей дикостью, а те, что граничат с Боспором, более цивилизованы» (*Strab.* XI, 2, 4).

¹⁸ За неимением места не касаемся вопроса о роли варварских контингентов в поддержке власти правителей Боспора.

такая консолидация стала лишь путем их завоевания тиранами Пантикапея и установления в объединенном государстве авторитарного режима правления. Не столь очевиден ответ на другой вопрос: что же предопределило устойчивость и долговечность государства, созданного ранними Спартокидами, в отличие, например, от сицилийской державы Дионисия Старшего¹⁹, создание которой было обусловлено аналогичными факторами (Фролов. 2001. С. 292 сл., 467)?

Пожалуй, оставим пока этот вопрос без ответа (он требует глубокого исследования и развернутой аргументации). Ограничимся констатацией самого факта «феноменальности» Боспорского государства и его длительного исторического пути, на протяжении которого происходили различные политические и культурные трансформации. А вот некоторое внимание тому, что отличает изучение Боспора от усилий специалистов, занятых исследованием других регионов античного мира, уделить стоит. В первую очередь отмечу то, что изучению многочисленных памятников этой сравнительно небольшой территории было уделено столько внимания, сколько едва ли уделялось где-либо ещё²⁰. Обусловлено это прежде всего тем, что территория «российской античности» ограничена, поэтому весьма значительная доля потенциала отечественной классической археологии реализуется именно здесь²¹. Поэтому естественно, что абсолютный приоритет в исследованиях Боспора принадлежит «русскоязычной» науке. Стоит отметить, что это обстоятельство не всегда играло позитивную роль. В дореволюционной России наука об античности органично развивалась в лоне мировой науки, а на протяжении длительного периода советской истории она была если не полностью оторвана от достижений зарубежных коллег, то весьма ограничена в своих связях с ними. Таким образом, вынужденная «самоизоляция» отечественно-

¹⁹ По свидетельствам древних авторов (*Diod.* XVI, 5, 4; XVI, 70, 2; *Plut.* Dion. 10, 4; *Aelian.* Var. hist. VI, 12), Дионисий «с гордостью заявлял, что оставляет своим потомкам власть, скованную стальными узами» (Фролов. 2001. С. 296).

²⁰ Разве что отдельные городские центры некоторых полисов и памятники их хоры (в Причерноморье — Ольвия и Херсонес) исследованы столь же основательно, как Боспор.

²¹ Невозможно даже приблизительно подсчитать объемы полевых работ на Боспоре, так же как нереально оценить количество монографических трудов и статей, посвященных его древностям. Показательно уже то, что на регулярной основе проводятся несколько тематических конференций. Среди них особое место занимает международная конференция «Боспорский феномен», четвертьвековой юбилей которой мы отмечаем. Публикуются серийные многотомные издания («Древности Боспора», 28 томов; «Боспорские исследования», 45 выпусков плюс *Supplementa*, 17 томов; «Боспорский сборник», 8 томов), — и это не считая ряда тематических сборников.

го антиковедения в ряде случаев имела следствием его «провинциализацию», чрезмерное выпячивание самобытности, «феноменальности» истории и культуры северопричерноморского эллинизма.

Спору нет, во множестве проявлений культурного облика и исторического пути греческие сообщества этого региона отличаются от сообществ других регионов. Это блестяще показал в своих трудах ещё М. И. Ростовцев. Однако необходимо всё же четко разграничить те сферы жизни эллинов, в которых их контакты с иными этносами вели к трансформации традиционных обычаев и устоев, от тех, которые отношения с варварами затрагивали разве что косвенно или вовсе не влияли на них. Так, очевидно, что эллинская культура была открыта для любых инноваций, способствующих адаптации людей и их сообществ к новым и/или изменяющимся условиям жизни. Это касалось тех аспектов жизнедеятельности, что связаны с особенностями климата, природных ресурсов региона, военного дела окрестных варваров и т. п. Однако в конечном счёте такие изменения были направлены на то, чтобы сохранить базовые основы социально-политической организации эллинизма, полисного её устройства. И если мы приходим к выводу, что фактор военной опасности играл важнейшую роль в формировании и сохранении единого Боспорского государства под властью авторитарного режима на протяжении столетий, то очевидно — влияние это было косвенным. Греки не «заимствовали» у варваров политические институты (таковых, собственно, не имелось) в качестве парадигмы²², но реагировали на неблагоприятные для них обстоятельства таким образом, чтобы сохранить традиционный строй своей жизни.

Парадокс в том, что возникшие в ходе колонизации автономные полисы, лишившись части суверенных прав в державе Спартокидов, сохранили себя как гражданские общины (хотя бы с оговорками²³), став территориальными подразделениями «мегаполиса» Боспор, управляемого царями. На протяжении многовековой истории этого государства отношения полисов и центральной власти существенно менялись. По своей природе полисы оставались «государствами в государстве». В принципе, в исключительных обстоятельствах они могли даже стать автономными. Правда, нам известен единственный такой пример: Фанагория в награду за то, что первой

²² Суждения подобного рода тоже встречаются, когда пытаются монархическую идею у боспорских греков (Спартокидов) выводить из «царской» власти племенных вождей.

²³ Согласно концепции И. Е. Сурикова (Суриков. 2018. С. 736–737), они перестали быть «полноценными» полисами.

восстала против власти Митридата Евпатора (*App. Mithr.* 108), получила из рук Помпея элевтерию и автономию, но ненадолго. Сын Митридата, Фарнак, вскоре вернул *status quo* (*App. Mithr.* 113). Хотя этот пример является исключением из общего правила (консенсус полисов и царской власти), он весьма показателен и подтверждает то, что полисные традиции сохранялись даже в рамках унитарного государства. Другое дело, что статус этих полисов изначально был разным и мог меняться на протяжении исторического времени. Так же как изменялся и характер самой царской власти. Сменялись не только династии, но и эпохи, на историческую арену выходили новые силы, определявшие иной строй жизни. Думаю, сложно усомниться в том, что политический режим в державе Спартокидов не был тем же, что на Боспоре Митридата VI и его приемников. Но при всём этом полагаю, что и традиции, заложенные при первых правителях Боспора, не были изжиты полностью.

Литература

- Виноградов Ю. Г., Толстиков В. П., Шелов-Коведяев Ф. В. Новые декреты Левкона I, Перисада и Эвмела из Пантикапея // ВДИ. 2002. № 4. С. 58–75.
- Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб.: Алетей, 2005.
- Завойкин А. А. Боспорская монархия: от полисной тирании к территориальной державе // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор. М.; Киев; Запорожье: Дикое Поле [и др.], 2007. С. 219–243.
- Ростовцев М. И. Эллинизм и иранство на юге России. Пг.: Огни, 1918.
- Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л.: РАИМК, 1925.
- Суриков И. Е. Античная Греция. Политогенез, политические институты. *Opuscula selecta* II. М.: ЯСК, 2018.
- Тохтасьев С. Р. Происхождение титулатуры Спартокидов // БЧ II. 2001. С. 161–164.
- Тохтасьев С. Р. Боспор и Синдика в эпоху Левкона I (Обзор новых эпиграфических публикаций) // ВДИ. 2004. № 3. С. 144–180.
- Фролов Э. Д. Греция в эпоху поздней классики. Общество. Личность. Власть. СПб.: Гуманитарная академия, 2001.
- Шелов-Коведяев Ф. В. Новые боспорские декреты // ВДИ. 1985. № 1. С. 57–72.
- Шелов-Коведяев Ф. В. Декреты, найденные в Пантикапее в 2015 году // БФ 2018. Ч. 2. С. 275–281.
- Элита Боспора Киммерийского: Традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени. Симферополь; Керчь: НИЦ КФУ им. В. И. Вернадского, ЦАИ БФ «Деметра», 2017. (БИ. Т. XXXIV).

А. А. Масленников

О том, чего не было¹

Среди целого ряда вопросов и проблем, связанных с феноменом Великой греческой колонизации (ВГК), одна привлекала, пожалуй, наименьшее внимание исследователей. Это, так сказать, вторичная колонизация, то есть вывод колоний колониями же. Ни в коей мере не «покушаясь» на её решение, ограничимся лишь некоторыми локальными соображениями.

Начнём с соответствующего термина. В отечественной литературе это явление, наряду с только что упомянутым словосочетанием, обычно называют «внутренней колонизацией», «реколонизацией», «повторной колонизацией», «внутренним перемещением — переселением». В западной — чаще всего «субколонизацией». Думается, все эти определения, особенно с учётом «нашей» территориальной специфики и некоторых других факторов, не вполне верны (так, «реколонизация», строго говоря, означает как бы вновь совершенный, повторный процесс в одном и том же месте, как, например, в Синопе: эмпорий — апойкия — клерухия; «внутренняя» — подразумевает некое регионально-территориальное «единство», иными словами, внутри чего-то: Сицилии, Боспора Киммерийского, Западного Средиземноморья? «Суб-», то есть «подколонизация» — тоже не совсем удачное название, впрочем, так же, как и «постколонизация» или «вторичная»).

Следующий «круг» вопросов — наши источники. Письменные, — что естественно, самые точные и определенные, — для интересующего нас района Северного Причерноморья, к великому сожалению, почти отсутствуют. Ведь, как известно, об основании местных «первичных» колоний-апоекий сохранилось совсем немного конкретных

¹ Тезисы подготовлены в рамках проекта: «Причерноморская и Центрально-Азиатская периферии античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрёстке культур и цивилизаций» (№-НИОКР 122011200269-4).

свидетельств (Фанагория, Гермонасса, Пантикапей)². Причем в первом и, подчеркнём, единственном случае — с указанием не только метрополии, но и даты этого события (около 540 г. до н. э.)³. Остальные, да и то не все — высылки из Милета — почти исключительно ионяне, и только. Лишь Синдская гавань — впоследствии, что вероятно, но не очевидно, Горгиппия — упомянута как населенный пункт, появившийся как бы уже тут, на месте, по инициативе неких местных (точнее — окрестных) эллинов, взявшихся, впрочем, неизвестно откуда. Танаис — как будто бы из той же «серии» (основали «...боспорские эллины...»), но уже в другую эпоху. Некий Зенон, по-видимому, был ойкистом Херсонеса, что на Меотиде. Азиатский Киммерий основан «боспорскими тиранами». Поздний Танаис, Савроматий, загадочная Никея (?) — боспорскими царями I–II вв. н. э. Тирамба, Ахиллион, Стратоклея, Зифирий, Казека, Гераклий и др. и вовсе неведомо кем и когда. Свидетельство же о городке Акре, располагавшемся якобы в «пантикапейской земле», совсем необязательно рассматривать как прямое указание на её метрополию.

Так что на сегодня для изначальной истории большинства боспорских «летописных» поселений-городков единственным нашим «информатором», да и то как бы косвенным, остаётся археология. Но и тут неизбежны известные всем сложности и оговорки, прежде всего связанные с современным состоянием наших знаний относительно основных категорий хроноиндикаторного археологического материала (амфорная тара, чернолаковая и расписная посуда) и степенью исследованности того или иного поселенческого объекта. Есть ещё и «его величество случай или удача»... Но это уже — как бы о дру-

² Здесь и далее, исходя из того, что этот текст — тезисы, все соответствующие ссылки умышленно нами опускаются.

³ Кстати, о «метрополии». Общепринятое современное толкование этого слова: некий центр, чаще всего государство по отношению к своим политически и экономически зависимым населенным пунктам, территориям, другим государствам и т. п. В древнегреческом это слово многозначнее. Это и собственно 'мать городов', и, как бы вне контекста происхождения, 'главный город', 'столица' и даже 'родина'. Следовательно, перевод должен быть максимально согласованным с прочим текстом. Взять хотя бы хрестоматийный пример: Страбон, повествуя о главных городах Боспора Киммерийского, Пантикапее и Фанагории, называет их метрополиями прочих местных соответственно европейских и азиатских городков. В. В. Латышев предложил перевод «столица» — и совершенно правильно. В противном случае мы бы поняли этот пассаж(и), как то, что Пантикапей и Фанагория основали все прочие города по обе стороны пролива. А это противоречило бы прямому указанию Страбона на Милет (причём метрополией он в данном тексте не назван), не говоря уже об информации других источников. Вообще, перевод — дело тонкое, да кто бы спорил...

гом. В целом же и в основном мы оперируем датировками в четверть века, и сколь-либо принципиальный прорыв с помощью разного рода естественно-научных изысков пока не наблюдается. Да и, помимо всего прочего, *habent sua fata res*, с чем, естественно, надо тоже считаться. Ну а что касается «степени исследованности», то даже самые на сегодняшний день раскопанные городища ещё долго будут «оставлять надежду» на неожиданные находки и открытия. А о хронологии прочих — вообще можно судить весьма и весьма предварительно.

Итак, что же мы «на сегодня» имеем относительно начальной хронологии? А вот что (здесь и далее мы постарались собрать наиболее «современную», по возможности проверенную соответствующую информацию).

Основание Пантикапея (эмпория или сразу апойкии) — середина — конец последней четверти VII в. до н. э.⁴ (заметим: примерно тогда же появляется Таганрогское «поселение», поселение у станицы Анапской, а также датируются соответствующие находки на Бельском и Немировском городищах, на поселениях Тарасова балка, Голубицкая-2, Ахтанизовская-4 и н. др.), может быть, — и Феодосии (находки в море). Это, очевидно, можно посчитать первой «волной» колонизации. Или же эмпориальным периодом?⁵

Затем: Нимфей (рубеж первой — второй четвертей VI в. до н. э.), Гермонасса, Кепы, уже точно Феодосия и т. н. Торик (вторая четверть VI в. до н. э.); Мирмекий, Тиритака, Патрей (вторая четверть — середина того же века). Вторая «волна» колонизации.

Следом: Порфмий, вероятный Парфений, Фанагория, Синдская гавань (?), может быть, «возможная» Тирамба и «летописный» Киммерик⁶ — третья четверть VI в. до н. э. Третья «волна».

⁴ Это установлено после недавних находок В. П. Толстикова. Но все как-то подзабыли, что о конце VII в. до н. э. писал, опираясь не столько на конкретику находок, сколько на научную интуицию, ещё три четверти века назад проф. В. Д. Блаватский.

⁵ И об этом писали наши классики. Всё возвращается, как известно, «на круги своя...».

⁶ Дело в том, что, опять-таки, много лет назад В. Д. Блаватский дважды обращал внимание на упоминание некоего «Киммерийского города» или города Киммериида Гекатеем Милетским. Правда, косвенно, в тексте «Географии» Страбона («...к городу Киммериде у Гекатея»: VII, 3, 6. SC, с. 111; пер. С. В. Мирошникова). В дошедших до нас фрагментах сочинения Гекатея такой информации нет. Было ли это указание на некий реальный населенный пункт, скорее в Европе, нежели в Азии (см. выше), или же это часть древней боспорской топонимики, наподобие «Киммерийских стен», «Киммерийских переправ» и т. п. у Геродота — неясно. В первом случае — действительно, придётся признать существование Европейского Киммерика уже, по крайней мере, в конце VI в. до н. э. Так или иначе, но впоследствии никто из писавших об этом городке, насколько мне известно, к этому свидетельству не обращался.

Наконец: Китей, Зенонов Херсонес, археологический Киммерик (холм А — восточная гавань собственно Киммерика?) — вторая четверть уже V в. до н. э. Немногим позднее — Акра. Четвёртая «волна» или — см. ниже.

Приведём «попутно» и известные событийные даты, касающиеся в основном ионийских метрополий.

675 г. до н. э. — начало долговременного конфликта ионийских греков (несколько позднее остальных — Милета) и лидийского царства. 610 г. до н. э. — договор царя Алиатта с Фрасибулом, тираном Милета (окончательная потеря значительной части хоры этого города). Война Алиатта с Киаксаром и мирный договор лидийцев и мидийцев — 585 г. до н. э. (мира в Ионии эти события, надо думать, не добавили, а вот поводов для поисков лучшей жизни — непременно). Несколько позднее — появление и затем изгнание из Малой Азии киммерийцев (то же самое. Спрашивается: а куда они вернулись? И не поспешили ли греки их опередить там, где от них сохранились и предания, и материальные свидетельства, но пока было вроде бы как «междущарствие — пустота»?). Около середины VI в. до н. э. — подчинение греческих городов Ионии царю Крезу. 546 г. до н. э. — завоевание Киросом Ионии; затем захват персами Фокеи и Теоса. Последняя четверть VI в. до н. э. — потеря греками контроля над проливами в Чёрное море, морская (!) экспедиция скифского царевича Ариарамна, не исключено, что на Боспор, поход Дария против скифов. 495/494 гг. до н. э. — подавление восстания ионийских греков. 490–479 гг. до н. э. — греко-персидские войны. Восстановление свободы греческого мореплавания через проливы, первый Афинский морской союз.

На возможные причинно-следственные связи между всем, только что изложенным, прежде уже неоднократно обращалось внимание. Добавим и некоторые относительно недавние археологические наблюдения. Так, следы пожаров и разрушений предположительно около середины VI в. до н. э. зафиксированы в Пантикапее. Там же, а также в Мирмекии, Тиритаке, на Порфмии — ещё раз приблизительно через полвека или несколько раньше. Наконец, около 480 г. до н. э. — они практически повсеместны, причём по обоим берегам Боспора Киммерийского.

Можно ли считать самые ранние из боспорских протогородов, вернее (пока), местонахождений апойкиями, или же (наряду с ещё несколькими пунктами — см. выше) это вначале были временные или относительно постоянные фактории (эмпории), о наличии которых сейчас говорят всё увереннее? Если исходить из первого «варианта»,

то можно ли все или хотя бы некоторые из них, появившиеся относительно позже — как бы во вторую, а затем и в третью очередь, считать «выселками» более ранних? При втором — их изначальная хронология как бы выравнивается, и о внутренней колонизации, вернее, её первом этапе говорить уже не приходится. А о втором этапе? И тут встаёт очень важный, чуть ли не определяющий вопрос. А позволял ли осуществлять такую практику демографический и экономический потенциал ранних местных эллинских поселений? Исходя из того, что нам известно о размерах, примерном числе жителей и обстановке на сопредельных территориях (а известно в целом совсем немного), — скорее «нет», чем «да».

Кстати, небезынтересно в этой же связи обратиться к куда более обеспеченным археологически и, что особенно важно, письменными свидетельствами общеэллинским примерам. Ну, хотя бы в самом общем виде: Сицилии и Южной Италии. Итак, Сиракузы (основанные в 733 г. до н. э.) вывели со временем несколько колоний: Гела (688 г.), Акры и Ина (663 г.), Касмены (643 г.), Камарина (598 г.). Наксос (основан в 734 г.) вывел колонии Леонтины и Катана уже в 728 г. Гела — «субсубколонию» Акрагант в 580 г. Мегары Гиблейские (650 г.) — Селинунт в 550 г. Занклы (между 728 и 716 гг.) — Регию в 710 г. и Милу в конце VII в. до н. э. Даты эти не бесспорны, но показательны в плане «протяженности» периода накопления соответствующего потенциала. В, так сказать, спокойных условиях это, как минимум, примерно жизнь одного поколения, но чаще двух-трёх, а то и четырёх. Однако вывод новых колоний мог обуславливаться и экстренными политическими и военными причинами. Тогда это могло случиться уже очень скоро. Так или иначе, разброс, как мы видим, от нескольких лет до более чем столетия. Разумеется, данный регион нельзя сравнивать «напрямую» с Боспором Киммерийским: он был гораздо более благоприятным для быстрого экономического развития и демографического роста. Остальные же обстоятельства для появлений местных «субколоний» могли быть более схожими.

Но и в «родном» Северном Причерноморье за примером далеко ходить не стоит. Принятая дата основания Херсонеса Таврического, как известно, 422/421 гг. до н. э., а его метрополии Гераклеи Понтийской — 554 г. до н. э. Синопа (в очередной раз) была основана в 631/630 г. до н. э., а её «колонии» Трапезунд, Керасунта, Котиоры — как минимум, полтора десятилетия спустя.

Но вернёмся на Боспор VII–V вв. до н. э. Скорее всего, следует всё же признать, что здесь мы имеем дело с несколькими «волнами» непосредственной, «прямой» колонизации, обусловленной событиями

в метрополии (-ях). Всё, что мы знаем о местных состоявшихся и не состоявшихся «городах» этого времени, как только что отмечалось, не позволяет говорить об ином. По крайней мере — пока. Хотя временной промежуток между только что упомянутыми «волнами» (в одну-две четверти века и даже более) вроде бы теоретически «оставляет надежду». В этой связи обратимся к самым поздним (вторая — третья четверти V в. до н. э.) археологически подтвержденным примерам (Китей, Зенонов Херсонес, Акра, Киммерик).

Казалось бы, вот она — внутренняя колонизация! Причём, скорее всего, пантикапейская. Но могла ли она иметь место, исходя из того, что именно перед этим (около 480 г. до н. э.) почти всем грекам на Боспоре, что называется, досталось «по полной». И вероятнее всего, им было не до выведения «излишков» населения, которых просто могло и не оказаться, и т. п. Хотя... кое-кто мог и сознательно уйти с пепелищ, скорее — от страха, чем от хорошей жизни. Но это всё-таки уже из области фантазий. Думается, для внутренней боспорской (условно полисной) колонизации и в этом столетии не было ни людских, ни экономических (эти проблемы решались за счёт относительно беспрепятственного, хотя и по-разному в «Европе» и «Азии», расширения/развития хоры), ни социальных (конфликт старых и новых переселенцев, конечно, теоретически мог иметь место, но пока не доказуем, сторонники/противники персов или скифов — то же самое) причин. А потом наступила уже совсем другая эпоха местной истории.

Рассматриваемый процесс дал знать о себе, как нам представляется, только в условиях единого государства: как следствие военно-административной и демографической деятельности центральной власти (см. выше). Кроме того, появляется всё больше археологических примеров того, что становление боспорского города, как высшего в конкретных исторических условиях типа поселенческих структур, какой бы местной спецификой они ни отличалась и ни различалась, не было, так сказать, прямолинейным процессом. А именно: некоторые, а может быть, даже многие (азиатская часть Боспора) из первопоселений в силу разных причин так и не вышли за стадию апойкий, сохраняя, тем не менее, форму общественной организации, привычную для их основателей и большей части населения. Конкретные исторические судьбы таковых, а равно их место в организационной и социально-экономической структуре формирующегося государства складывались по-разному. В целом, они не были столь же долговечными, как «состоявшиеся» боспорские города. Разумеется, речь при всём этом не идёт об освоении сельской территории

с её пригородными и дальними усадебными, городищами сторожевыми пунктами и т. п.

В начале I в. н. э. «по манию царя» восстанавливается Танаис, а в начале II в. н. э. или даже позже основываются (если верить интерпретации некоторых надписей) «города» Савроматий и Никея. А может быть, появляется и целая серия больших городищ в восточной и центральной частях Крымских предгорий. Но всё это явления уже «совсем другого порядка» и «совсем другая история». Эпоха же собственно колонизации с её «вторичными» вариантами как способом решения внутривоисных кризисов давно ушла в прошлое.

А. В. Подосинов

ПРОБЛЕМА ДВУХ ГИПАНИСОВ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ ПО ДАННЫМ АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

В XI, 2, 9 Страбон пишет: «За Корокондамой лежит большое озеро, которое по ней зовут Корокондамитидой. Оно впадает в море в 10 стадиях от этой деревни. Впадает в озеро какой-то рукав реки Антикита и образует как бы остров, заключенный между этим озером, Меотидой и рекой. Некоторые называют и эту реку Гипанисом, как и [реку] у Борисфена (τινὲς δὲ καὶ τοῦτον τὸν ποταμὸν Ὑπανὶν προσαγορεύουσι, καθάτερ καὶ τὸν πρὸς τῷ Βορυσθένει)».

Под другим Гипанисом «у Борисфена» Страбон имеет в виду, несомненно, совр. Южный Буг, сливающийся в своем нижнем течении с Борисфеном (Днепром). Наименование Южного Буга Гипанисом (Ὑπανίς) идет ещё от Геродота (см. IV, 18: «река Гипанис к западу от Борисфена»; 47: перечисление рек Северного Причерноморья — Истр, Тирас, Гипанис, Борисфен и некоторые другие до Танаиса; 52: подробное описание течения Гипаниса-Южного Буга; 53: Гипанис образует с Борисфеном общий приустьевый лиман; 81: между Гипанисом и Борисфеном находится местность Экзампай). Это название является единственным для Южного Буга на протяжении всей античности, см., например, Псевдо-Скимн 804 о слиянии Гипаниса и Борисфена; Дион Хрисостом (*Or. Borysth.* XXXVI): город Борисфен (Ольвия) лежит на самом деле не на реке Борисфен, а на Гипанисе.

Об этом хорошо знает и Страбон. Так, в II, 4, 6 он пишет: «Те, кто утверждал, что [Танаис] берёт начало в местах у Истра и с запада, не достойны упоминания, так как не обратили внимания [на то], что Тирас, Борисфен и Гипанис, большие реки, текут в Понт в этом промежутке, первая — параллельно Истру, другие — Танаису». Такую же связь Гипаниса с Борисфеном мы видим в VII, 3, 17: «Далее находится река Борисфен, судоходная на протяжении 600 стадиев, а поблизости — другая река, Гипанис, и остров перед устьем Борисфена, имеющий гавань».

И теперь Страбон сообщает, что «некоторые (τινές) называют и эту реку (Антикит-Кубань) Гипанисом, как и [реку] у Борисфена».

Часто Страбон, приписывая какое-то мнение «некоторым», критически отзывается о нём и его авторах (см., например, XI, 2, 16: «Говорят, что в неё [Диоскуриаду] сходятся 70 [народов], а некоторые, которых истина не заботит (οἷς οὐδὲν τῶν ὄντων μέλει), — что и 300». Тем интереснее, что сам Страбон в следующих двух параграфах, описывая Таманский полуостров, уже без оговорок называет местную реку (Кубань!) Гипанисом: в XI, 2, 10–11 мы читаем: «Вплывающему в Корокондамитиду представляется Фанагория, значительный город, и Кепы, и Гермонасса, и Апатур, святилище Афродиты. Из них Фанагория и Кепы располагаются на описанном острове слева от врывающегося, остальные же города — справа, на той стороне Гипаниса в Синдике (πέραν Ὑπάνιος ἐν τῇ Σινδικῇ)... (11) Говорят, что Фарнак (боспорский царь в 63–47 гг. до н. э.) некогда пустил Гипанис в [область] дандариев (τὸν Ὑπανὶν τοῖς Δανδαρίοις ἐλαγαγεῖν) через какой-то старый канал, вычистив его, и затопил страну».

Гипанис в Синдике и Гипанис в стране дандариев — несомненно, Кубань. Трудно сказать, какая река имеется в виду в следующем пассаже (VII, 3, 6): «[Аполлодор вслед за Эратосфеном утверждает, что] из рек, текущих в Понт, которых около сорока, хотя бы и самых известных, каковы Истр, Танаис, Борисфен, Гипанис, Фасис, Термодонт, Галис, [Гомером] не упоминается ни одной». Хотя Гипанис и стоит здесь рядом с Борисфеном (тогда это Южный Буг!), но сам перепутанный порядок перечисления (Танаис перед Борисфеном!) и соседство Гипаниса с Фасисом может свидетельствовать и о названии Кубани.

Наименование Кубани именем Гипанис имеет, по словам Страбона, определенную традицию в античной литературе. И действительно, Аристотель говорит (*Hist. anim.* V, 19, 14=552b) «о реке Гипанисе, у (περὶ) Боспора Киммерийского». Александр Полигистор (*Alex. Polyhist. Frg. 273 F 17*) упоминает Гипанис, который, разделившись, течет и в Понт, и в Меотиду. Аммиан Марцеллин, говоря, что Пантикапей омывается Гипанисом (XXII, 8, 26), имеет, очевидно, в виду Кубань, а не Южный Буг. Римский поэт августовского времени Гай Корнелий Галл считал, что Гипанис в Скифии разделяет Европу и Азию (см. Vib. Sequester, *De flum.* 77: “Hypanis Scythiae, qui ut ait Gallus ‘uno tellures dividit amne duas’. Asiam enim ab Europa separat”), и это, скорее всего, была Кубань (Dan. 2016. P. 264), хотя некоторые считают его, на мой взгляд, безосновательно, Южным Бугом (см., например: Korenjak. 2002. P. 588–593; Cairns. 2011. P. 326–338).

По-видимому, на карте Юлия Гонория Гипанисом называлась тоже Кубань (см. Honor. *Cosm.* A, 33: Fluvius Maeotae nascitur de monte Hypanis, influit in mare Maeotis — «Река Меоты рождается на горе Гипанис, впадает в Меотийское море»); ученик Гонория, считывавший географическую номенклатуру с обветшавшей карты, перепутал, что было названием горы, что — реки, а что — народа (Подосинов. 2002. С. 142). В. Кубичек ошибочно считал, что Гипанис Гонория относится к Южному Бугу (Kubitschek. 1885. S. 284), при том что меотское окружение этого гидронима ясно показывает «кубанскую» природу этой реки. Тацит (*Ann.* XII, 16) при описании событий на Боспоре в 49 г. н. э. упоминает реку Панда (Panda), которая отделяет дандариев от сираков. Возможно, это название произошло из *Υπάνιδα (Dan. 2016. P. 264).

О существовании в Северном Причерноморье двух рек с именем Гипанис, кроме Страбона, пишет и Плиний Старший (*NH* IV, 83): «Некоторые сообщают, что ниже Ольвии с Борисфеном сливается Пантикап, более точные [авторы] — что Гипанис, в отличие от грубой ошибки тех, кто помещает последний в Азии (tanto errore eorum, qui illum in Asiae parte prodidere)». Кстати, Б. А. Старостин в своем переводе этого места, как кажется, не понял, какую реку античные авторы ошибочно помещали в Азии, и сам ошибочно считает, что это был Борисфен (Старостин. 2007. С. 125).

Как мы видим, Плиний под «некоторыми» Страбона прямо подразумевает тех авторов, кто «грубо ошибается», называя Кубань Гипанисом. Получается, что к таким «путаникам» следует причислить Аристотеля и других авторов, упомянутых выше.

Сам Плиний никак не называет Кубань, но одно место вызывает подозрение, что источники, которыми он пользовался, все же считали Кубань Гипанисом. Осудив отождествление Кубани с Гипанисом, Плиний сразу после описания русла южнобугского Гипаниса (*NH* IV, 84) пишет: «Гипанис течет через [земли] номадов и гилеев в Бук по искусственному руслу, по естественному — в Корет. Эта область Скифии называется Синдикой (regio Scythiae Sindica nominatur)». Название залива Корет встречается только в тексте «Естественной истории» и с трудом поддается локализации на современной карте. По описанию Плиния, Корет — залив в западной части Азовского моря, возможно, Утлюцкий лиман (Mason. 2008. P. 359). Однако замечание Плиния о том, что Гипанис впадает искусственным руслом в озеро Бук, а естественным — в Корет, дает основание для предположения об отнесении к Гипанису-Южному Бугу признаков Гипаниса-Кубани. Ведь Южный Буг всегда сливался с Днепром и не имел никакой связи

с Азовским морем и Сивашом. При путанице при описании рек с названием Гипанис Плиний, по-видимому, оказался жертвой этих сбивчивых сообщений. Относительно же Гипаниса-Кубани известно, что в I в. до н. э. он был повернут в искусственное русло (см. выше сообщение об этом Страбона). Таким образом, если допустить, что Плиний описал здесь Гипанис-Кубань, то Корет следует отождествить с Таманским или Темрюкским заливами (Ельницкий. 1949. С. 849; 1961. С. 189).

Бросается в глаза упоминание в низовьях этого Гипаниса некоей «Скифской Синдики» или «Синдской Скифии». Как известно, Синдика находится на азиатской стороне Керченского пролива, как свидетельствуют многие античные авторы и данные эпиграфики. Упомянутое же у Плиния странное сочетание «Синдская Скифия» может, по мнению В. И. Мошинской (1946. С. 204), говорить о подчинении Синдики на определенное время скифам. Л. А. Ельницкий считает, что выражение «Синдская Скифия» основывается на древней традиции, идущей от Гелланика и Эфора (Ельницкий. 1977. С. 111). Заметим, что и Стефан Византийский говорит о «Синдике, городе смежном со Скифией (προσχωρῆς τῇ Σκυθίᾳ)» (s.v. Σύνδικος), что показывает схожесть с Плиниевой «Скифской Синдикой». Сам Плиний ниже (NH VI, 17) упоминает Синдское государство (Sindica civitas) на том же месте, где его указывают и другие античные авторы. Все эти соображения свидетельствуют о том, что в характеристике Гипаниса Плиний («ошибочно») смешал черты Южного Буга и Кубани (Подосинов, Скржинская. 2011. С. 267).

Вообще, Кубань носила в античной литературе и другие названия: кроме Страбона Антикита (XI, 2, 9: Ἀντικίτης), известны ещё Фат (Diod. Sic. XX, 23: Θάτης), Кораканда (Mela I, 112: Coracanda), Сетерий (Plin. NH VI, 17: Setheries), Псатис (Ptolem. V, 9, 27: Ψάτις), Вардан (Ptolem. V, 9, 5 и 28: Οὐαρδάνης). О других возможных названиях Кубани-Гипаниса (например, Фасис, Саранг, Хюбрестес) см. гипотетические построения В. Т. Мусбаховой (2015. С. 664–682) и А. Дан (Dan. 2016. P. 261–272).

М. Кислинг считал Гипанис древнейшим скифо-иранским названием Кубани (Kiessling. 1914. Col. 210), с ним не согласился Г. Шрамм (Шрамм. 1997. С. 110).

Интересно отметить, что и в Средние века обе реки (Южный Буг и Кубань) имели одно и то же название — Куфис; ср. греч. Κοῦφισ, Κοῦφα, Κοφίη, где φ вместо β объясняется готским посредничеством; Κοῦβοῦ у Константина Багрянородного; Qoban в ногайском и карачаевском, возможно, из осетинского; Кубань в русском (Шрамм. 1997.

С. 45; 62–64; 109–110). Возможно, этот гидроним происходит из античного названия «Гипанис» (см. Фасмер. II, 1986. С. 395 о Куфисе-Кубани: «Тожественно этимологически греч. Ὑπανις „Южный Буг“»). Г. Шрамм (1997. С. 45) реконструирует «применительно к древнесевернопонтийскому языку» формы *Kubh- (для Южного Буга) и *Kubhanis (для Кубани).

Совпадение названий двух этих рек труднообъяснимо. Конечно, мы знаем о дублетах в речных названиях (например, об одном корне в названиях Дунай, Днестр, Днепр и Дон, о Танаисе-Силисе-Доне и Танаисе-Силисе-Сырдарье). Гипанисом называлась ещё и третья река — приток Инда (*Strab.* XV, 1, 27). Г. Шрамм попытался объяснить дубляж северочерноморских Гипанисов (как и рек с корнем «дон») движением древнего населения Причерноморья (в его терминологии — «индоевропейского народа ‘северопонтийцев’» или «древнепонтийцев») с запада от низовьев Дуная на восток, из чего следовало, что Кубань получила свое название позже Южного Буга (Шрамм. 1997. С. 45–46). Впрочем, и сам Шрамм признаёт большую гипотетичность своей теории.

Литература

- Ельницкий Л. А. [Комментарий к «Естественной истории» Плиния] // ВДИ. 1949. № 2. С. 839–885.
- Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах. М.: Географгиз, 1961.
- Ельницкий Л. А. Скифия евразийских степей. Новосибирск: Наука, 1977.
- Мошинская В. И. О государстве синдов // ВДИ. 1946. № 3. С. 203–208.
- Мусбахова В. Т. Обратное плавание аргонавтов в Орфической Аргонавтике: от Фасиса до Танаиса // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2015. № 19. С. 664–682.
- Подосинов А. В. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик, 2002.
- Подосинов А. В., Скржинская М. В. Римские географические источники: Помпонию Мелу и Плинию Старшего. Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик, 2011. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).
- Старостин Б. А. Плиний Старший и его «Естественная история» [перевод IV книги] // Вопросы истории естествознания и техники. 2007. № 3. С. 104–142.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. II. М.: Прогресс, 1986.
- Шрамм Г. Реки Северного Причерноморья. Историко-филологическое исследование их названий в ранних веках. М.: Eastern Communications, 1997.
- Cairns F. C. Cornelius Gallus and the River Hypanis // Rivista di Filologia e di Istruzione classica. 2011. No 139. P. 326–338.
- Dan A. The Rivers called Phasis // AWE. 2016. Vol. 15. P. 245–277.

Kiessling M. Hypanis 1 // RE. Bd. 17. 1914. Sp. 210–222.

Korenjak M. Cornelius Gallus, Fr. 1: welcher Hypanis? // Mnemosyne. 2002. Vol. 55. S. 588–593.

Kubitschek W. Die Erdtafel des Julius Honorius // Wiener Studien. 1885. Bd. 7. S. 1–24; 278–310.

Mason R. A. The Ancient Sources on the History, Geography and Ethnography of Ukraine. Latin Authors. Part One: Authors of the Republic and Early Principate to the Death of Domitian. Vancouver: Trafford Publishing, 2008.

И. А. Снытко

**МАРШРУТ МИЛЕТ — БОРИСФЕН — ОЛЬВИЯ
ТОРГОВЫЙ И САКРАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ**

Тема, связанная с анализом морских торговых маршрутов древних эллинов по берегам Средиземноморья, Эгеиды, Пропонтиды и Понта в контексте обязательных посещений отдельных алтарей, святилищ, храмов, могил героев, священных рощ и областей в местах (селения, города, отдельные микрорегионы) якорных стоянок, практически не разрабатывалась. По литературным и эпиграфическим источникам рассматривались лишь специальные культовые феории в известные общегреческие святыни (Дельфы, Олимпия, Дидимы и др.) из различных городов Ойкумены. Тем не менее следует учитывать, что обыкновенные купеческие суда, следовавшие по различным маршрутам (в Понт и обратно в Пропонтиду, Эгеиду и Средиземноморье), совершали непродолжительные стоянки для отдыха, пополнения съестных припасов и пресной воды, проведения всевозможных попутных торговых операций в посёлках и городах по побережьям на пути своего движения. При этом одним из обязательных мероприятий для почитавших свои культы греков было и посещение местных святынь с приношением даров различным божествам, особенно тем, которые являлись покровителями торговли и мореплавания. Таким же образом, перед началом своего коммерческого вояжа моряки и купцы обращались за предсказанием и благословением к местному оракулу.

О посещении придорожных святилищ свидетельствует и Геродот. Он описывает остановку у святилища Кибелы Диндимены в Кизике. Мудрец Анахарсис на пути следования в Скифию (вероятно, на торговом корабле) после долгих странствий посетил Кизик, где участвовал в празднествах в честь Кибелы, на которых дал обещание, в случае своего благополучного возвращения, отправить культовый обряд в честь Матери богов у себя на родине (*Hdt.* IV, 76). Не исключено, что дата праздника в честь богини совпала со временем обычной якорной стоянки в гавани Кизика купеческого судна, на котором

Анахарсис возвращался к родным берегам, и просвещенный мудрец не мог не воспользоваться таким удобным случаем воздать свои почести Кибеле в её праздник вместе с жителями города и своими попутчиками.

При входе в Понт из Пропонтиды мореходы и торговцы, несомненно, останавливались у известного храма Зевса Урия, руины которого находятся на восточном берегу Босфора. Заметим, что именно там, у селения Анадолу-Кавак, среди руин некогда знаменитого святилища божества, считавшегося покровителем мореплавателей, в 1876 г. найден известный декрет Каноба (IOSPE. P. 24), изданный ольвиополитами около 340–335 гг. до н. э. (Виноградов, Карышковский. 1976. С. 23–27; 1983. С. 25, 38), информировавший купцов, следовавших к берегам Борисфена, о правилах местного денежного обращения и обмена. Вероятно, в целях предварительного ознакомления торговцев и гостей полиса ольвиополитами была установлена копия документа (Карышковский. 1988. С. 10), очевидно, в месте обязательной и традиционной якорной стоянки у храма Зевса Урия.

Проходя вдоль побережий Понта, очевидно, делались коммерческие стоянки с посещением местных храмов в Аполлонии, Истрии и Тире.

На пути к Ольвии, мореплаватели и торговцы не могли не посетить и общегреческое святилище Ахилла на Левке, где совершали жертвоприношения и приносили вещевые и денежные дары в ограду храма. На священном острове Ахилла, находившемся под сакральным патронатом ольвиополитов вплоть до римского времени, зафиксированы монеты, география которых охватывает все более или менее значительные полисы Понта и Средиземноморья (Охотников, Островерхов. 1993. С. 108), от Великой Греции, Сицилии и Леванта до Эгеиды, Балкан, Причерноморья и Азии, вплоть до Месопотамии (Абрамзон, Тункина. 2018. С. 53–87).

Завершающим пунктом на пути к Ольвии был Борисфен с храмами Афродиты и Гермеса (?), где опять же, кроме обычного отдыха, был и традиционный визит в местные храмы. Добавим, что нижнебугские греки почитали Афродиту в нескольких ипостасях (Εὐπλοία, Γλυκεΐα) и прежде всего как Понтию (Ποντία) — владычицу Понта, покровительницу мореплавания. Таким образом, обычный коммерческий вояж в Причерноморье превращался и в своеобразную сакральную миссию.

Археологический объект на острове Березань, ныне идентифицируемый как храм Афродиты, был зафиксирован в процессе исследований Березанской экспедицией Института археологии НАНУ под

руководством В. В. Назарова, при участии В. М. Отрешко в 1996 г. и исследовался в полевые сезоны 1996–1997 гг. (Назаров, Отрешко. 1998. С. 37–38). Начало же исследованиям территории Березанского теменоса было положено в 1984 г., когда на данном участке, в юго-восточной части острова, Березанской экспедицией Института археологии АН УССР под руководством С. Н. Мазарати в одном из разведочных шурфов были выявлены остатки черепичной вымостки конца VI — начала V в. до н. э. и известняковый алтарь круглой формы (Мазарати. 1986. С. 265), аналогичный находящемуся на втором теменосе Ольвии. Учитывая материалы раскопок на данном участке С. Н. Мазарати и В. В. Назарова, А. В. Буйских относит теменос на Березани ко второму строительному периоду — 540/530 гг. до н. э. (Буйских. 2013. С. 21–39; 2021. С. 23). Храм Афродиты со стеной-оградой сами авторы раскопок датировали концом VI — началом V в. до н. э. (Назаров, Отрешко. 1998. С. 37–38).

Не исключено, что где-то рядом, по традиции, находился и храм Гермеса (Снитко. 2021. С. 32). Косвенным свидетельством этому может быть находка на Березани мраморной гермы (Лагочева, Снытко. 1986. С. 50). Гермы обычно устанавливались не только у дорог, на границах полей, в гимнасиях и палестрах. Их ставили перед домами и входами в храмы (Русяева. 1979. С. 116). К тому же и в Ольвии зафиксировано совместное святилище Гермеса и Афродиты (Русяева. 1979. С. 117). Тем не менее наличие теменоса на Березани не является бесспорным свидетельством полисного статуса городка Борисфен. Да и функционировало святилище Афродиты, отнюдь не главного божества пантеона, в те времена, когда Ольвия уже безусловно была центром полиса, а поселение на Березани входило в его состав. К тому же и само наличие храмов, святилищ и алтарей за пределами административных центров — повсеместное явление для Древней Эллады, в том числе и для Ольвийского полиса (Буйских. 2007. С. 2–45).

Культовые сооружения на Березани, вероятнее всего, были предназначены не только для внутриволисных целей. Березань была своеобразными морскими воротами перед входом в Ольвийский полис. Не вызывает сомнений то, что моряки, торговцы, паломники, совершавшие феории в священные места, связанные с культом Ахилла (Ахиллодром), Кибелы, Геракла, Борисфена¹ (Гилея) и пр., не про-

¹ В. П. Яйленко считает, что под Борисфеном в ольвийской надписи — гимне к Гилею — следует воспринимать Аполлона Иэтра, ссылаясь на известное граффито на терракотовой сине из Ольвии третьей четверти VI в. до н. э.: [Α]πόλλωνι Ιηττρ' ωι Βορυσθένε (Аполлону Иэтру Борисфену). Дополнительная эпиклеза свидетельствует ещё об од-

плывали мимо Борисфена на пути в Ольвию и к местным святыням (Снитко. 2021. С. 31). Останавливаясь после странствий по морю на небольшой отдых в гавани Борисфена, они могли совершать жертвоприношения в здешних храмах в качестве благодарности богам за удачное путешествие по Понту и за проведение дальнейших успешных торговых операций на местных рынках.

Учитывая имеющиеся на нынешнее время литературные и эпиграфические источники, археологические и нумизматические материалы, можно небезосновательно предполагать, что сугубо торговый маршрут из Ионии в Причерноморье и обратно был тесно сопряжён и с культовыми мероприятиями не только для специально организованных полисами феорий к общегреческим святыням, но и для обычных мореходов и торговцев. В то же время купеческие стоянки у священных для эллинов придорожных святынь, вероятнее всего, в отдельных случаях совершались, в том числе, как, скажем, в Кизике, в местах посреднических рынков и способствовали развитию транзитной торговли между Понтом, Пропонтидой и Эгейско-Средиземноморским бассейном. Вероятнее всего, и само обустройство таких придорожных священных культовых объектов имело интенциональный характер, способствуя экономическому и культурному развитию транзитных территорий, привлекая к ним паломников, торговцев и мореходов.

Литература

- Абрамзон М. Г., Тункина И. В.* Гости острова Левки (Античные монеты по неопубликованным рисункам Н. Н. Мурзакевича) // ВДИ. 2018. № 1. С. 52–87.
- Буйских А. В.* О греческой колонизации Северо-Западного Причерноморья (Новая модель?) // ВДИ. 2013. № 1. С. 21–39.
- Буйських А. В.* Головні досягнення Березанської експедиції Інституту археології НАН України (1980–2020-і рр.) // БОРИСФЕНІКА II: пам'яті В. В. Крутілової (Археологічні дослідження острова Березань в контексті європейської історії). Матеріали міжнародної наукової конференції, 5–6 травня 2021 р. Миколаїв, 2021. С. 23.
- Буйских С. Б.* Греческие святилища Нижнего Побужья как сакрально-территориальный символ колонизации региона // БЧ VIII. 2007. С. 42–45.
- Виноградов Ю. Г., Карышковский П. О.* Ольвийский декрет Каноба о деньгах и стоимости драгоценных металлов на Понте в IV в. до н. э. // ВДИ. 1976. № 4. С. 20–42.

ной ипостаси Аполлона (Яйленко. 2021. С. 182). Если принять данное предположение, то культ Аполлона почитали и отправляли в Гилее с самого начала истории Ольвийского полиса.

- Виноградов Ю. Г., Карышковский П. О.* Каллиник, сын Евксена: проблемы политической и социально-экономической истории Ольвии второй половины IV в. до н. э. // ВДИ. 1983. № 1. С. 21–39.
- Карышковский П. О.* Монеты Ольвии (очерк денежного обращения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху). Киев: Наукова думка, 1988.
- Лагочева Н. М., Снытко И. А.* Мраморное изваяние с о. Березань // Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1986. С. 58–60.
- Мазарати С. Н.* Исследования на о. Березань // АО 1984. 1986. С. 265.
- Назаров В. В., Отрешко В. М.* Открытие теменоса Березанского поселения // АБУ 1997–1998 рр. Киев, 1998. С. 37–38.
- Охотников С. Б., Островерхов А. С.* Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином). Киев: Наукова думка, 1993.
- Русяева А. С.* Земледельческие культы Ольвии догетского времени. Киев: Наукова думка, 1979.
- Снитко І. О.* Роль Борисфена в сакральній історії Ольвійського полісу за античної доби // БОРИСФЕНІКА II: пам'яті В. В. Крутілова (Археологічні дослідження острова Березань у контексті європейської історії). Матеріали міжнародної наукової конференції, 5–6 травня 2021 р. Миколаїв, 2021. С. 31–33.
- Яйленко В. П.* Эпиграфические заметки. I. О публикации надписей Артезиана. II. Текстология и просодика Ольвийского гимна VI века к Гилее. III. В защиту вотива IOSPE I² 188 из ОАМ // БИ. 2019. Т. XXXIX. С. 117–209.

А. А. Супренков

МАССАЛИЯ И БОСПОР
ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ
В РАЗНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Возвращаясь к вопросу сравнения процессов становления древнегреческих государственных образований на Западе и Востоке, коснёмся сегодня Массалии — самой крупной и наилучшим образом изученной среди фокейских колоний в Северо-Западном Средиземноморье. Основанный на рубеже VII–VI вв. до н. э. на побережье Лионского залива полис впоследствии сыграл ключевую роль в развитии юга Галлии в период до начала Пунических войн, как в политическом, так и экономическом аспектах. Общеизвестно, что после разгрома Фокеи Гарпагом в середине VI в. до н. э. Массалия становится центром ионийских греков в этом регионе, а торговая активность полиса, как транзитная, так и собственной продукцией, была настолько значительна, что ряд исследователей говорили о наличии экономической экспансии Массалии на всей прибрежной территории от Испании и до Италии (Bats. 2005. P. 272). Однако и военная мощь города — величина её флота, — и успехи, одержанные в ходе противоборства с варварами, находят отражение в письменных источниках (*Strab.* IV, 1, 5).

Для заявленной нами темы в основном интересен процесс роста территории полиса и его прямой, «физической» экспансии на окружающие земли. Особенности этого явления, в случае с Массалией, описывались нами ранее (Супренков, Топоривская. 2021. С. 269–272), постараемся очень коротко посмотреть на него «с другой стороны» — на развитие и эволюцию местных поселений в окрестностях бухты Лакидон на примере некоторых.

В общеисторическом явлении освоения средиземноморского северо-запада «народами моря» фокейская колонизация имела место относительно поздно. На рубеже VII–VI вв. до н. э. юг Галлии был заселён племенами, имеющими свою иерархию и находящимися на стадии перехода к железному веку, занимающимися земледелием. Они уже имели опыт торговых обменов с предшественниками

ионийских греков — финикийцами, этрусками и, возможно, отдельными представителями Восточной Греции¹.

Основание Массалии произошло, согласно письменной традиции, по договоренности с лигурийским царём Нанном (*Athen.*, XIII, 575, 36; *Just.*, XLIII, 3, 4). Сама территория города была в этот момент не заселена, однако в его окрестностях проживало местное население — здесь известны поселения как эпохи бронзы, так и раннего железного века (Boissinot. 2005. Fig. 35, 36). По сообщению Юстина, в этом районе проживали *сегобриги*. Впрочем, других сведений об этой народности мы не находим. Геродот для описания жителей окрестностей Массалии использует более широкий термин — *лигуры* (*Hdt.* IV, 9), не указывая точных границ ареала их обитания. Согласно Полибию, лигуры были близки кельтам, и в целом в поздних текстах жителей побережья Лионского залива называют *кельто-лигурами* (Bats. 2003. P. 158). Относительно численности этой народности мы можем косвенно судить опять же по Юстину. Он сообщает, что в ходе конфликта между греками и сегобригами при приемнике Нанна Комане было убито 7 тысяч варваров (*Just.*, XLIII, 5, 6). Однако археологических следов такого многочисленного населения в окрестностях города мы для этого времени не находим (Boissinot. 2005. P. 117).

В целом относительно многочисленные и укрепленные поселения на северо-западе от Массалии в основном появляются только после 600 г. до н. э. Крупнейшее среди них — Бау де Сен Марсель, которое начинает развиваться со второй четверти VI в. до н. э. Среди же небольших архаических местонахождений к западу от города можно указать ла Рок де ла Круа (рис. 1, I), возникшее в конце VII в. до н. э. Керамические находки на нём представлены более чем на 80% лепной керамикой. Находки фрагментов базальтовых жерновов свидетельствуют о том, что здешнее население практиковало земледелие. Уже в середине VI в. до н. э. посёлок запустевает, причём в слое разрушения найдены многочисленные ядра от пращей. Другие поселения, расположенные на том же горном массиве, похожей хронологии и с большим процентом лепной керамики — Лимит и Вальбарель (рис. 1, I). Три вышеуказанных объекта были удачно расположены

¹ Наряду с сообщениями Геродота о путешествии на запад самосца Колея (*Hdt.* IV, 152, 159), есть и более конкретные сведения Страбона о родосском основании колонии Родэ в окрестностях Эмпориона (*Strab.* III, 4, 8). Этот же автор указывает на очень раннюю дату её основания «до начала олимпийских игр» (*Strab.* XIV, 2, 10) — т. е. за два столетия до Массалии и Эмпориона. Археологического подтверждения такой ранней датировки нет.

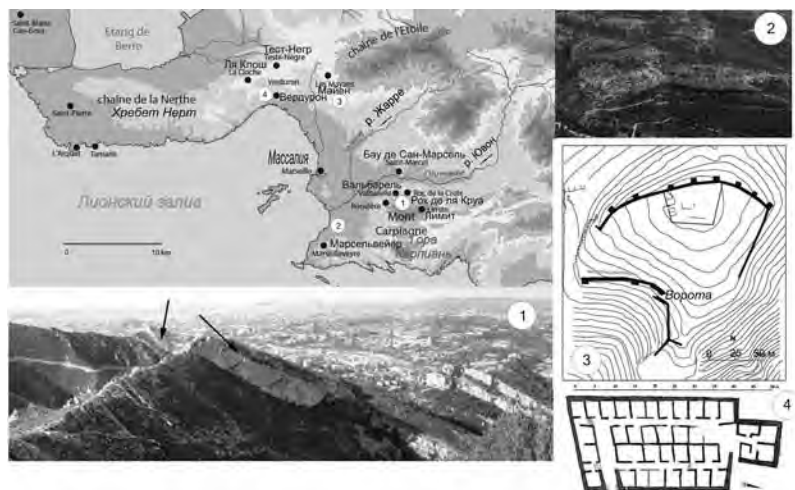

Рис. 1. Окрестности Массалии и лигурийские поселения.

1 — Поселение ла Рок де ла Круа с юго-востока справа; поселение Вальбарель слева; 2 — Оппидум Марсельвейер, вид с севера; 3 — Оппидум Майен, план; 4 — Оппидум Вердурон, план построек

географически. Их местоположение позволяло заниматься террасированным земледелием, скотоводством, а также предоставляло естественную защиту в случае угрозы, исходящей со стороны долины Массалии (Bernard, Collin-Bouffier, Tréziny. 2010. P. 134).

Другим участком расселения лигуров к югу от греческого города был массив Марсельвейер, где были найдены следы поселения середины VI в. до н. э. с фундаментами укреплений (рис. 1, 2). Наряду с лепной керамикой здесь находили фрагменты этрусских и массалийских амфор, а также светлоглиняную керамику из Массалии. Оппидум существовал до начала V в. до н. э. (Rothé. 2005. P. 686). Кроме вышеуказанных центров в эпоху поздней бронзы — раннего железного века здесь существовали лигурийские селища, жилые гроты, небольшие неукрепленные посёлки.

Между тем основанный фокейскими греками город развивается, и, по сведениям Юстина (*Just.*, XLIII, 4, 5), он с самого начала был укреплен. Наличие фортификации было подтверждено и в ходе раскопок на Бирже (рис. 2, 1). Уже в VI в. до н. э. площадь полиса могла достигать 40 га (Tréziny. 2006. P. 234). С середины столетия город начинает производить керамику и винные амфоры, а с последней трети VI в. до н. э. — чеканить монету. На середину VI в. до н. э.

Рис. 2. Греческие колонии в Северо-Западном Средиземноморье.

1 — Массалия. Раскопки 1969 г., вид с востока; 2 — Агатэ. Местоположение древнего города и план А. Никкеля; 3 — Ольвия. Вид с востока на строительные остатки; 4 — Эмпорион; 5 — Родэ

приходится демографический рост Массалии, что не может не отразиться на её окрестностях. Здесь находят следы греческих карьеров, позднее — виноградников на расстоянии до нескольких км от города. Возможно, в качестве ответной реакции на этот процесс в последней четверти VI в. до н. э. в 10 км от колонии возникает оппидум Майен (рис. 1, 3), занимающий господствующую высоту. Это укрепленное городище площадью не менее 1 га с оборонительными стенами и не менее чем с 9-ю квадратными башнями. Уже в начале V в. до н. э. он приходит в запустение (Супренков. 2013. С. 56).

Далее в письменных источниках нам сообщают о каком-то конфликте между греками и галлами в начале IV в. до н. э. (*Just.*, XLIII, 4, 5). Археологически этот период соответствует запустению поселения Бау де Сен Марсель. Но параллельно в эту эпоху возникают новые лигурийские центры, наиболее изученное среди которых — Вердурон (рис. 1, 4). Это городище площадью около 1500 кв. м расположено на господствующей высоте, имеет фортификацию и ортогональную планировку. Оно было разрушено армией Массалии на рубеже III–II вв. до н. э. Преобладание лепной керамики (85 %) свидетельствует о его лигурийском облике, а наличие импортных иберо-пунических амфор, амфор из Массалии, итальянских чернолаковых сосудов — о его торговых связях. Металлические предметы, найденные на памятнике, были характерны

для кельтской культуры. Одновременно с ним разрушаются и другие оппидумы — Тест-Негр и Антремон (Bernard, Collin-Bouffier, Tréziny. 2010. P. 142).

Таким образом, мы видим, что в период до римской экспансии лигурийское население проживало в непосредственной близости от Массалии в общем-то непрерывно, хотя поселенческая структура и подвергалась изменениям. Во II в. до н. э. этническая ситуация вокруг города меняется полностью.

В целом на IV в. до н. э. приходится пик развития греческого полиса. Кульминацией этого процесса стало основание морских колоний — Родануссии, Агатэ, Торэса, Ольвии, Антиполиса и Никеи, перечисленных Страбоном (*Strab.* IV, 1, 5). Из контекста его сообщения можно сделать вывод об их приоритетном военно-пограничном назначении, с чем были согласны и исследователи-классики (Villard. 1960. P. 114). Другие авторы полагали, что они в основном выполняли социально-экономическую функцию (Clavelè-Lévêque. 1977. P. 83; Garcia. 1995. P. 160).

На настоящий момент как минимум две колонии из перечисленных Страбоном неплохо изучены археологически — это Агатэ и Ольвия (рис. 2, 2–3)². Если в первом случае следы древнего полиса были найдены в центре современного города Агд и мы располагаем археологической информацией в основном из её некрополей, то Ольвия, расположенная на южной окраине Йера, изучена лучше. Агатэ — наиболее ранняя среди «колоний Страбона», она была основана на рубеже V–IV вв. до н. э. на побережье реки Эро недалеко от места её впадения в море. На месте города наличие каких-либо более ранних поселений неизвестно, но они были в его окрестностях. Река, по мнению ряда исследователей, могла разграничивать места расселения лигуров и иберов, т. е. Агатэ была самой западной галльской колонией. Город был окружён валом, его площадь могла достигать в ранний период 3,5 га. Найденная надпись на бронзовой пластине донесла до нас его название. Самый разнообразный импорт свидетельствует о торговом значении полиса, а предположительные следы кадастра о том, что здесь могла существовать организованная сельская территория ещё в греческий период (Супренков, Топоривская. 2022б).

Ольвия, основанная в конце IV в. до н. э., отличается образцовой чёткостью планировки. Город представляет собой в плане квадрат

² Ряд зарубежных исследователей был склонен считать, что Родануссия Страбона тождественна колонии Родэ в окрестностях Эмпориона (рис. 2, 4–5). Мы не разделяем данную точку зрения (см.: Супренков, Топоривская. 2022а).

со стороны 160 м, окруженный валом и башнями по углам. Он был разделён на части, каждая из которых в свою очередь на одинаковые кварталы. Найденная надпись римского времени подтверждает, что городище, найденное в Йере, тождественно Ольвии Страбона. Здесь были найдены остатки святилищ Афродиты, Артемиды, Эврисфея, следы самого разнообразного импорта, а также, предположительно, следы разделения сельской территории (кадастр) (Супренков, Топоривская. 2023).

Вся вышеизложенная информация о развитии Массалии в греческий период, в общем-то, укладывается в сообщение Страбона о том, что «земля массалиотов была бедна хлебом, что вынудило их отдать предпочтение морским занятиям» (*Strab.* IV, 1, 5). Соответствующий тезис о том, что для фокейских колоний Запада наличие хоры было несущественным фактором, бытовал ранее в зарубежной историографии и несколько устарел. Во-первых, трудно себе представить, чтобы какая-либо греческая колония была лишена необходимых ресурсов для своего существования. Интенсивная хозяйственная деятельность в окрестностях города велась начиная с VI в. до н. э. и всё последующее время. Учитывая наличие войн, следов разрушений варварских поселений, величину населения Массалии, сложно предположить, чтобы основными непосредственными производителями сельскохозяйственной продукции были только лигуры, как, скорее всего, в Эмпорионе (Супренков. 2011. С. 357). Тем не менее и в этом случае, за чертой Массалии греки практически не проживали (?). Это как минимум очень нетипично для греческого полиса в наших о нём представлениях. Что же касается морских колоний, то они могли выполнять тройственную функцию. Прежде всего, военную — они служили аванпостами — *epiteikhismata* для защиты морских путей от варваров. Далее — социальную, создание *апоикий* было необходимым для расселения демоса из метрополии в момент демографического роста. И наконец, торговую, выполняя роль *эмпориев*, хотя этот аспект мог быть и незначительным. Археологические исследования показали, что, к примеру, в Ольвии могло проживать до 400 семей (Вгун. 1999. Р. 437–461), что сопоставимо с населением Эмпориона. Наличие некоторых других признаков также позволяет характеризовать «полисы Страбона» как небольшие города. То есть Массалия, не имея потребности или же возможности заселить окрестные сельские территории, тем не менее реализовала в V–IV вв. до н. э. проект «вторичной колонизации» — основание новых городов. На сегодняшний момент совокупность имеющихся сведений не позволяет сомневаться в реальности этого исторического феномена.

Обратимся к берегам Керченского пролива. Колонизация этого региона была, фигурально выражаясь, более объёмной — в период с рубежа VII–VI вв. до н. э. и в течение первой половины VI в. до н. э. здесь основываются сразу несколько городов. Наряду с Пантикапеем это Нимфей, Мирмекий, Тиритака, Патрей и другие. В то же время случаи, когда новые полисы возникали позднее третьей четверти VI в. до н. э., на Боспоре практически неизвестны (Завойкин. 2013. С. 382)³. Дальнейшая история государства вплоть до постигшего его кризиса в III в. до н. э. связана с объединением полисов и присоединением новых земель. Что же касается «занятости» территорий, выбранных греками для основания колоний, то, согласно сведениям Стефана Византийского, правда сильно удаленным по времени от описываемых событий, земли для основания Пантикапея были переданы скифским царём Агаэтом. Казалось бы, это прямая аналогия с Массалией, но археологические свидетельства присутствия в Восточном Крыму постоянного скифского населения или же другого — к примеру «детей слепых рабов» Геродота, минимальны или отсутствуют. Что касается целей колонизации на Боспоре, то её направленность на освоение земель и, как следствие, рост избыточного производства зерновых культур не вызывают сомнений. Этот процесс сопровождался, как минимум, начиная с IV в. до н. э. активным расселением греков за пределы городов и строительством крупных усадеб. Такие известные памятники, как Генеральское Западное (Масленников. 2010. С. 54–186), Манитра (Ермолин, Буравлёв, Бонин. 2019. С. 171–196) или же Хутор Воскресенский в окрестностях Горгиппии (Топоривская, Супренков. 2022), приближаются по своим размерам к небольшим городам, но всё же ими не являлись.

Таким образом, если резюмировать, то мы видим как бы «зеркально противоположную» сущность ключевых процессов становления территориальных держав Массалии и Боспора. Это действительно приоритет «морских занятий», включающий и основание новых колоний в первом случае, и освоение земельных территорий, но без формирования новых полисных структур — во втором. Для Массалии значение торговли были приоритетным, а её колоссальные масштабы на Боспоре видятся нам как производная составляющая от наличия плодородных земель⁴.

³ В качестве исключения из этой общей тенденции можем указать Зенонов Херсонес в Крымском Приазовье, основанный в конце VI в. до н. э. Исследователи полагают, что он мог быть полисом (Масленников. 2022).

⁴ Автор осознаёт «обобщённость» своих суждений и не претендует в данной заметке на раскрытие всех аспектов масштабной проблемы сравнения колонизаций.

Какие причины могли вызвать столь разные проявления в общем-то единого исторического процесса становления греческих государств на периферии? Первой и самой очевидной нам видится географическое положение колоний. Территория Массалии представляла собой геологическую впадину в окружении горных массивов площадью около 300 кв. км, причём не все территории были благоприятны для земледелия, что несопоставимо со степями Восточного Крыма и Прикубанья. Вероятно, существенно отличался уклад жизни местного населения — земледельческого по своей сути на юге Галлии, да и вообще имеет значение фактор его наличия⁵. На структуру колоний с точки зрения организации территорий наверняка могло повлиять и их внутреннее устройство. Хотя здесь мы затрагиваем очень сложный и в значительной степени сугубо исторический вопрос. Сведения об аристократическом устройстве Массалии были отражены в сообщениях древних авторов (*Strab.* IV, 1, 5) и отчасти подтверждаются археологически. Не факт, что все жители полиса располагали земельными наделами, распределёнными в соответствии с каким-то принципом, хотя на примере колонии Ольвия мы, вроде бы, видим другую ситуацию. В случае с Боспором объединение полисов эволюционировало со временем в структуру общества, близкую монархической — крупнейшим землевладельцем являлся царь. Принципы землевладения и в Массалии, и на Боспоре отличались, по всей видимости, от «канонических» полисных.

Таким образом, мы видим две территориальные державы на периферии эллинского мира, сформировавшиеся разным путём и в каждом случае значительно отошедшие в своём развитии от греческих общественных традиций.

Литература

- Ермолин С. А., Буравлёв С. А., Бонин А. В. Манитра. Усадебный комплекс эллинистического времени в Восточном Крыму (предварительная публикация центральной усадьбы) // ДБ. 2019. Т. 24. С. 171–196.
- Завойкин А. А. Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов. Симферополь; Керчь: ВТС ПРИНТ, 2013. (БИ. Suppl. 10).

Изложенные нами тезисы, в том числе, призывают открыть дискуссию на предложенную тему.

⁵ Здесь автор сравнивает ситуацию между югом Галлии и, прежде всего, Восточным Крымом, не касаясь более сложной полиэтнической ситуации на Азиатском Боспоре.

- Масленников А. А.* Царская хора Боспора. По материалам раскопок в Крымском Приазовье. Т. 1: Архитектурно-строительная и археологическая характеристика памятников. М.: Триумф-принт, 2010. (ДБ. Suppl. III).
- Масленников А. А.* То ли полис, то ли город, то ли... // БФ 2022. С. 99–108.
- Супренков А. А.* Эмпорион: греко-варварский симбиоз на крайнем западе эллинистического мира // ПИФК. 2011. № 4. С. 337–358.
- Супренков А. А.* Сельская территория Массалия в VI–III вв. до н. э.: по данным археологии // РА. 2013. № 4. С. 45–57.
- Супренков А. А., Топоривская М. А.* К вопросу о территориальной организации греческой Массалии до начала Пунических войн (письменные источники и археология) // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: материалы международной научной конференции (Севастополь, 2–6 июня 2021 г.). М., 2021. С. 269–272.
- Супренков А. А., Топоривская М. А.* О «малых» фокейских колониях Северо-Запада. Письменная традиция и археологические реалии. На примере Родэ // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: материалы VI международной научной конференции (Севастополь, 3–7 октября 2022 г.). М.: ИВ РАН, 2022а. С. 420–427.
- Супренков А. А., Топоривская М. А.* Агатэ: аванпост греческой Массалии в Северо-Западном Средиземноморье // Западная Таврида в истории и культуре древнего и средневекового Средиземноморья: материалы IV международной научно-практической конференции (п. Черноморское, 09–11 сентября 2022 г.). Симферополь, 2022б. С. 14–27.
- Супренков А. А., Топоривская М. А.* Провансальская Ольвия — *ville jumélée* укрепленных городищ Западного Крыма (?). Письменные свидетельства и археологические исследования. 2023 (*в печати*).
- Топоривская М. А., Супренков А. А.* Святилище Гермеса (?) на античной усадьбе Хоры Горгииппии. 2022 (*в печати*).
- Bats M.* Lygiens et Salyens d'Hécatee à Strabon // *Peuples et territoires en Gaule méditerranéenne*. Montpellier, 2003. P. 147–166.
- Bats M.* L'économie de Marseille antique, la période hellénistique (350–50 av. J.-C.) // *Carte archéologique de la Gaule. Marseille et ses alentours*. Paris, 2005. P. 269–271.
- Bernard L., Collin-Bouffier S., Tréziny H.* Grecs et indigènes dans le territoire de Marseille // *BAMA 3. Grecs et indigènes de la Catalogne à la mer Noire: actes des rencontres du programme européen Ramses 2 (2006–2008)*. Aix-en-Provence, 2010. P. 131–145.
- Bouissinot P.* Le pays des Ségobriges // *La Protohistoire du Bassin de Marseille // Carte archéologique de la Gaule. Marseille et ses alentours*. Paris, 2005. P. 117–144.
- Brun J-P.* Olbia // *Carte archéologique de la Gaule*. 83/1. Var, 1999. P. 437–461.
- Clavel-Léveque M.* Marseille grecque. La dynamique d'un impérialisme marchand. Marseille, Jeanne Laffitte, 1977.

- Garcia D.* Le territoire d'Agde greque et l'occupation du territoire en Languedoc central durant l'Age du fer // Etudes massaliètes 4. Aix-en-Provence, 1995. P. 137–167.
- Rothé M.-P.* Marseille banlieue // Carte archéologique de la Gaule. Marseille et ses alentours. Paris, 2005. P. 676–741.
- Tréziny H.* Urbanisme archaïque des villes ioniennes // Revue des études anciennes. Bordeaux, 2006. Vol. 108, no 1. P. 225–247.
- Villard F.* La céramique grecque de Marseille (VI–IV siècle). Essai d'histoire économique. Paris, 1960.

Н. И. Сударев, А. В. Иванов

**ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ ОБ ЭМПОРИАЛЬНОМ
ПЕРИОДЕ НА БОСПОРЕ¹**

Памяти В. Д. Блаватского

Период времени, предшествовавший греческой колонизации Боспора, долгое время остается «белым пятном», и этому обстоятельству были объективные причины, которые опирались на тривиальную нехватку материала. Однако постепенное его накопление в купе с данными современных крупномасштабных работ на новостройках в настоящее время позволяет не просто в общих чертах охарактеризовать этот период, но и рассуждать о нём. В основу этих тезисов были положены материалы работ прежних и новых, проведенных в Анапском районе. Как нигде в Северном Причерноморье, именно на этой территории и прилегающих к ней с северо-востока землям Кубани мы наблюдаем целую серию варварских памятников, рисующих, в целом, схожую, типичную картину. Суть её, в общих чертах, сводится к тому, что до определенного момента, о чём будет сказано ниже, греческий импорт у варваров практически неизвестен, затем следует его резкое распространение. Этот момент, видимо, является своеобразным рубежом, от которого и следует вести первый этап греческой колонизации региона. Впрочем, ему предшествовал ещё один этап. Но обо всем по порядку.

Время «аргонавтов». Следы самых ранних контактов местного населения и греческого мира стоит искать среди украшений, бус из стеклянной пасты, мелких предметов туалета, оружия. Одной очень любопытной категорией находок является серия железных коротких мечей (Новичихин. 2006. Рис. 60, 3, 4, 6), которые имеют своим прототипом бронзовые кинжалы т. н. «переднеазиатского» типа. Их ареал — побережье Эгейского моря, Восточное Средиземноморье, Египет и Малая Азия и Закавказье (Погребова. 1977. С. 40; Sandars. 1961.

¹ Исследование проведено по гранту ГНФ «Комплексные исследования нового городского некрополя архаического и классического времени Волна-1 на территории Азиатского Боспора» № 23-18-00196.

S. 22; 1963. № 26, 27, 35; Işikli, Altunkaynak. 2016. S. 116; Petrie. 1917. Pl. 33. № 22, 35, 30), однако их происхождение, вероятно, восходит к крито-микенским прообразам (Dickinson. 1994. P. 199). Такие же кинжалы использовались и « народами Моря » (D'Amato, Salimbeti. 2015. P. 38–39). Железные экземпляры таких мечей появляются в Восточном Средиземноморье ещё в XI в. до н. э. (D'Amato, Salimbeti. 2015. P. 39), продолжают существовать в Греции в течение всех « Темных веков », вплоть до начала VII в. до н. э. Они известны на Кипре, Эвбее, Аргосе и Афинах и т. д. (D'Amato, Salimbeti. 2016. P. 20, 22–25, 40), в Румынии такой меч происходит из кургана Васлуй, датирующийся « ранее 500 г. до н. э. » (Topal. 2019. P. 152. Fig. 17, 66). Видимо, привозными по морю являются и булавки типа Сукко VIII–VII вв. до н. э. (Эрлих. 2007. С. 161), которые имеют длительную линию развития с эпохи ранней бронзы до VIII в. до н. э. в Средиземноморье (Carancini. 1975. P. 92–95, 374–376; Taf. 1–3, 29, 101). Вероятно, к импорту относятся и две фибулы из Атмачевой Щели и могильника Большие Хуртора (Эрлих. 2007. С. 163), которые отличаются от кобанских, но имеют параллели среди застёжек островной Греции и Средиземноморья (von Eles. 1986. Tav. 40–117; Эрлих. 2007. С. 163), в том числе VIII–VII вв. до н. э.

Возможно, наиболее ранние керамические находки, несомненно свидетельствующие о посещении греками побережья, прилегающего к Анапскому палеолиману, встречены в некрополе « Усатова Балка ». Могилы, исследованные здесь, относятся к приморско-абинскому варианту группы протомеотских памятников (Эрлих. 2007. Рис. 138, 16). С территории этого же некрополя происходит красноглиняная терракота в виде птички с распростертыми крыльями. Наиболее близкая параллель птички происходит из цистовой гробницы на о. Наксос. Аналогичные фигурки, помимо самого о. Наксос, где известны ещё три такие птички, встречены в храмовых вотивах из Загоры, Андроса, с Акрополя Кастро на Сифносе, из культового контекста на о. Делос и т. д. Они все имеют схожую форму и считаются производством Наксоса. По мнению К. Хараламбиду, они связаны с поздним геометрическим периодом, а самые поздние из них могут датироваться концом VIII — началом VII в. до н. э. (Charalambidou. 2017. P. 384–387. Fig. 9a–b). На настоящее время терракотовая птичка является, пожалуй, одним из наиболее ранних, несомненно, греческих изделий в регионе. Мы понимаем ответственность такого утверждения, однако если это не случайное совпадение, то, возможно, это самые ранние известные на настоящий момент находки, уверенно связанные с периодом спорадических посещений, свидетельствующих о первых греко-варварских контактах. На этом этапе греки не

вели торговлю, вероятно ограничиваясь разведкой побережья и сбором сведений о местном населении.

Время торговцев. На территории варварского некрополя раннего железного века у пос. Су-Псех в погребении были выявлены фрагменты ойнохой милетского производства (Sudarev et al. 2021. P. 43–72). Эти фрагменты относятся к сосуду периода «SIA Ic» (Kerschner, Schlotzhauer. 2005. S. 25–33), анализ фрагментов позволил предположить, что они наиболее похожи на ойнохой художника Лувра «CA 3037» 630–620 гг. до н. э. (Coulie. 2014. P. 57–62, 88–91; Sudarev et al. 2021. P. 52–53. Fig. 7). Вместе с находками ойнохой из погребения на Темир-Горе в Керчи и однотипными, аналогичными сосудами² из комплекса в кургане Красное в Крымском районе Краснодарского края (Шевченко. 2013. С. 117) мы получаем уже серию предметов рубежа третьей — последней четверти VII в. до н. э. Эти сосуды дают опорную дату. По всей видимости, это и есть нижняя граница момента, от которой следует считать, что посещения греками Восточного Причерноморья стали регулярными.

С этого момента варварские памятники, концентрирующиеся у современной Анапы, наполняются различным античным импортом. Проникает он и на Кубань. Наиболее выразительную серию находок составляет тара группы ионийских амфор Теос/Клазомены. На данный момент продукция Клазомен датируется в хронологическом диапазоне середины VII — VI в. до н. э., а самые поздние типы заходят и в первые два десятилетия V в. до н. э. (Sezgin. 2012. P. 20, 70). Недавно из массива клазоменской тары были выделены амфоры Теоса, а хронологические границы производства таких амфор определены последним десятилетием VII — серединой VI в. до н. э. (Sezgin. 2017. P. 15). Эти даты находят подтверждение в материалах Березани, где фрагменты теосских амфор не встречаются в комплексах второй половины VI в. до н. э. (Чистов и др. 2019. С. 14).

В Анапском районе такие амфоры встречены на поселении Ленино, в некрополях ОПХ Анапа (Мальшев, Новичихин. 2022. Рис. 1, 3) и Анапская-9. На Кубани фрагменты амфор группы Теос/Клазомены известны в поселенческих материалах конца VII — VI в. до н. э. (Рябкова. 2015. С. 370. Рис. 7; Иванов, Нарожный, Соков. 2019. С. 65, 66. Рис. 7, 1–8; Иванов и др. 2020. С. 81. Рис. 2; Иванов, Ларенок, Подорожный. 2020. Рис. 4, 1–20). В погребальных комплексах они

² Один из сосудов относится к произведениям эолийского мастера Тесея 630–620 гг. до н. э. Последней четвертью VII в. до н. э. датировал этот комплекс и Г. Цецхладзе (Tsetskhladze. 2019. P. 8).

зафиксированы в кургане № 11 могильника Лебеди V (Пьянков, Рябкова, Зеленский. 2019. С. 219, 221. Рис. 5, 8) и в могильнике Цицилиевский Кут (Пьянков. 2006. Рис. 3, 1). Но в значительно большем числе фрагменты амфор группы Теос/Клазомены выявлены в кусте метотских памятников, расположенных на сравнительно небольшой территории Левобережной Кубани между современными пос. Адагум и г. Крымском. Видимо, к наиболее ранним следует отнести фрагменты клювовидных венчиков клазоменских амфор из поселений Крымское-7 и Черноморское-1, исследованных у г. Крымска. По классификации, предложенной Ю. Сезгиным, профилировка этих венцов совпадает с клазоменскими амфорами Kla.4 630–580 гг. до н. э.³ (Sezgin. 2012. S. 61, 76). Еще один фрагмент клазоменской амфоры по профилировке венчика и низко посаженным ручкам можно сопоставить с амфорами Kla.3 630–600 гг. до н. э. (Sezgin. 2012. S. 59, 75/ Kla.3.03).

Весьма любопытно, что в слоях греческих колоний Боспора (кроме Пантикапея) они практически не встречаются. Исключением являются поселения Голубицкая-1 и Ахтанизовская-4 (Ломтадзе. 2022. С. 284. Рис. 5)⁴, однако и там такие фрагменты редки. Чуть больше их известно на территории поселения эпохи бронзы-РЖВ Ильичевка (Соловьёв. 2017. С. 185–191). Таким образом, на наш взгляд, фрагменты ранних амфор группы Теос/Клазомены могут служить своего рода хроноиндикатором для периода, предшествующего массовому основанию колоний.

Среди других находок, концентрированных у Анапы, следует отметить скарабей навкратийской мастерской первой четверти VI в. до н. э., фрагменты амфоры Хиоса созопольского типа, происходящие из некрополя у х. Воскресенский. На поселении Ленино выявлены фрагменты расписных сосудов ионийского, клазоменского, теосского, лидийского, коринфского, лаконского и аттического производства, в том числе и парадная посуда — фрагменты диносов, тарелок на ножках, лекан, кратеров, столовой «basket» амфоры. Значительная часть из этих сосудов датируется в пределах 590/580–570 гг. до н. э., однако есть и фрагменты, не выходящие за первую четверть столетия. Среди амфорной керамики, помимо уже упомянутой группы Теос/

³ В основном амфоры Kla.4 встречены в Средиземноморье: собственно, в некрополе самих Клазомен, а также в египетском Мигдоле, Коммосе, Тоскане. Наиболее близкие этим экземплярам фрагменты амфор происходят из Таганрогского поселения и датируются 630–590 гг. до н. э., а также из Истрии из горизонта 600–570 гг. до н. э. (Копылов, Ларенок. 1994. Рис. 10, 1; Копылов. 2002. Рис. 2, 4; Sezgin. 2012. S. 61).

⁴ Благодарим Д. В. Журавлева и Г. А. Ломтадзе за любезную консультацию.

Клазомены, встречен ранний сероглиняный Лесбос, Милет, Аттика, Самос, фрагменты амфор Хиоса созопольского типа конца VII — третьей четверти VI в. до н. э. (Монахов. 2003. С. 76). Поселение Алексеевское (Салов. 1986. С. 194; 2000. С. 22–23; Новичихин. 2017. С. 73–74; Сударев. 2014. С. 98–99) даёт ряд фрагментов хиосских амфор созопольского и коломакского типов, а также фрагмент сосуда с изображением лица сфинкса конца VII в. до н. э. и фрагмент т. н. «килика с птицами», который А. М. Новичихин датировал последней четвертью VII в. до н. э., а М. Ю. Вахтина относила «ко времени не позднее самого начала первой четверти VI в. до н. э.» (Вахтина. 2016. С. 17).

Исходя из комплекса данных, мы видим, что с последней трети VII в. до н. э. в районе Анапского палеолимана и сопредельных территорий концентрируются находки раннегреческой керамики. С начала VI в. они становятся массовыми. При этом все они происходят с территории памятников местного населения. При этом никаких следов греческого постоянного населения в ближайшей округе нет⁵. Вероятнее всего, в районе этого палеолимана, возможно, в районе Алексеевского поселения или где-то неподалеку находился греческий эмпорий, аналогичный тому, что функционировал в районе о. Березань⁶.

Наши наблюдения и следующие за ними выводы подводят нас к давней, уже во многом забытой дискуссии — об эмпориальном периоде колонизации. Мы не будем разбирать само понятие «эмпорий», чем он отличается от апойкии и т. д. Этим проблемам посвящена огромная литература, по этому поводу проводились специальные конференции и выпускались сборники⁷. В данном случае мы ограничимся определением, который дал этому периоду В. Д. Блаватский в 1954 г.: «Первый этап — период спорадических посещений Понта кораблями купцов-пиратов, проникавших туда из Эгейского моря;

⁵ Поселение на территории Анапы (Синдская Гавань) датируется со второй половины столетия, и пока нет оснований удвелять время его появления.

⁶ «Скорее всего, первое поселение на Березани имело характер эмпория, с непостоянным или даже сезонным составом населения» (Bîrzescu, Chistov. 2022. P. 458).

⁷ В целом некоторые итоги подвел М. Маноледакис (Manoledakis 2017. С. 204–205): «Разница между эмпорионом и полисом состоит в том, что первый не нуждается ни в территории, ни даже в какой-либо независимой политической или социальной структуре. Он носит чисто экономический характер, а его население смешанное... Тот факт, что некоторые эмпоргия могли стать полисами, — это совершенно другой вопрос, и в любом случае, по-видимому, были эмпоргия, которые никогда не становились полисами... Как бы то ни было, стало принято говорить об эмпориях и колониях отдельно именно для того, чтобы сохранить это различие, причём первое считается предшествующим второму. Это устанавливает экономический элемент как отличительную черту и первый стимул для контактов греков с местными причерноморскими народами».

второй — время, когда случайные заходы кораблей стали постоянными, установились налаженные торговые связи эллинских купцов с местными племенами и возникли сначала временные, а потом постоянные торговые фактории — эмпории; наконец, третьим и последним этапом была замена эмпориев городами типа эллинских полисов» (Блаватский. 1954. С. 7).

Первые колонии на территории Азиатского Боспора появились только около 570 г. до н. э. (Завойкин. 2013. С. 382; Кошеленко, Кузнецов. 2010. С. 412), приблизительно в то же время, в промежутке между 580 и 570 гг. до н. э. возникают и ранние колонии Европейского Боспора (Зинько. 2011. С. 4). Чуть позже возникают Патрей, Горгиппия, а на завершающем этапе, в третьей четверти VI в. до н. э. — Фанагория. Более ранних поселений известно два Пантикапей — актуальная датировка: в пределах начала последней четверти VII в. до н. э. (Толстикова. 2017. С. 13–14; Асташова. 2019. С. 152–164), и т. н. Таганрогское поселение (Кремны?), датированное примерно тем же временем (Копылов. 2006. С. 80–88; 2011. С. 226–227; 2018. С. 67; Копылов. 1996). Впрочем, о статусе последнего мы практически ничего сказать не можем.

Что же мы видим на прилегающих территориях? Начиная с 40–30-х гг. VII в. до н. э. в варварских памятниках Северо-Восточного Причерноморья появляются греческие расписные и тарные сосуды⁸. А с последнего десятилетия VII в. до н. э. и в особенности с первой четверти VI в. до н. э. мы наблюдаем массовое поступление на варварские памятники, в особенности в район Анапского палеолимана, и на куст варварских памятников Левобережной Кубани. И здесь мы вновь возвращаемся к тезису коллег, подчеркивавших: «невозможно представить себе земледельческую колонизацию без развития предшествующих ей связей...» (Блаватский, Кошеленко, Кругликова. 1979. С. 13), важнейшим стимулом для этих связей они видели «поиски источников получения металлов» и торговые связи (Блаватский, Кошеленко, Кругликова. 1979. С. 12–13). О следах этих торговых связей уже сказано выше, что же касается полезных ископаемых, то в юго-западной части Таманского полуострова, у поселка Волна концентрируется группа находок ранней греческой керамики — самосские чаши типа A2 и B1 с 620 до 580 г. до н. э. (Villard, Vallet. 1996. P. 18–26; Camera. 2015. P. 181–189), чаши с розетками, чаши Сиана, ранние чаши типа Гордион, ионийские столовые амфоры и ольпы, которые в целом датируются в пределах первой половины и отчасти

⁸ Это погребение в кургане Темир-Гора, в курганах Красногоровка III, Красный, на р. Цуцкан, в Криворожье (Tsetskhladze. 2019. P. 8), в некрополе Су-Псех (Sudarev u. a. 2021. P. 53–54).

первой четверти VI в. до н. э. При этом на самом поселении Волна-1 греческих комплексов ранее второй половины VI в. до н. э. не выявлено. Чем же интересна данная территория? В этом районе фиксируются выходы железных руд⁹. Кроме того, именно на этой территории в связи с выходами железных руд находятся такие красители, как охра, реальгар, синяя охра и «самородная берлинская лазурь» (вивианит) (Науменко. 1979. С. 61). Следует отметить, что именно в юго-западной части Таманского полуострова расположены оз. Бугаз и оз. Тузла, на которых с древности добывали самоосадочную соль (Науменко. 1979. С. 62).

Таким образом, время начиная с 630 гг. до н. э. и до появления греческих колоний во второй четверти VI в. до н. э., по нашему мнению, и следует считать эмпориальным периодом на Боспоре.

Литература

- Асташова Н. С.* К проблеме изучения «древнейшего слоя» Пантикапея // Вестник Московского университета. Серия 8. № 2. История. 2019. С. 152–164.
- Блаватский В. Д.* Архаический Боспор // Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 7–44. (МИА. № 33).
- Блаватский В. Д., Кошеленко Г. А., Кругликова И. Т.* Полис и миграции греков // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья (Цхалтубо, 1977). Тбилиси: Мецниерба, 1979. С. 7–29.
- Вахтина М. Ю.* Ещё раз об основном погребении в кургане Темир-Гора и одном из путей распространения раннего греческого импорта в Северном Причерноморье // Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время: материалы Международного круглого стола, 7–8 июня 2016 г. М., 2016. С. 12–18.
- Завойкин А. А.* Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов. Симферополь; Керчь: ВТС ПРИНТ, 2013. (БИ. Suppl. 10).

⁹ Более того, ближайший мыс имеет название «Железный Рог». До 1917 г. на этой территории существовали мастерские по кустарной обработке этого металла. Во время наших работ на поселении Волна-1 нами были зафиксированы выходы железных руд. Но самое интересное, что одна из трёх параллельно расположенных жил была полностью выбрана уже в античное время. О рудных залежах и их высоком качестве в Керченско-Таманском регионе давно и хорошо известно геологам (Лютюев. 2016. С. 18–29; Нестеровский. 2020. С. 54–68; Науменко. 1977. С. 28–33). Более того, анализ античного металла показал, что это железо использовалось уже в античное время (Науменко. 1979. С. 60–61). Расположение именно в этом районе крупнейшего в регионе поселения раннего железного века Панагия-1 позволяет предположить, что и накануне колонизации местное население хорошо знало об этих рудах.

- Зинько В. Н. Эллинская колонизация Восточного Крыма // БИ. 2011. Т. XXV. С. 3–18.
- Иванов А. В., Нарожный Е. И., Соков П. В. О горизонте раннего железного века поселения Железнодорожное-1, исследованного в Западном Закубанье // АВ. 2019. Вып. 25. С. 58–76.
- Иванов А. В., Ларенок П. А., Подорожный А. А. О горизонте второй–третьей четверти VI в. до н. э. поселения Марьянское 1 в Нижнем Прикубанье // АВ. 2020. Вып. 30. С. 97–115.
- Иванов А. В., Кононов В. Ю., Ларенок П. А., Подорожный А. А. Поселение «Марьянское I» в Нижнем Прикубанье. Обзор // БФ 2020. Ч. 2. С. 78–83.
- Копылов В. П., Ларенок П. А. Таганрогское поселение (каталог случайных находок у каменной лестницы, г. Таганрог, сборы 1988–1994 гг.) // Материалы и исследования Таганрогской археологической экспедиции. Вып. II. Ростов-на-Дону: Гефест, 1994.
- Копылов В. П. Греческие транспортные амфоры из Таганрогского поселения // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: материалы X международной научной конференции. Ростов-на-Дону: Изд-во РГПУ, 2002. С. 24–29.
- Копылов В. П. Греко-варварские взаимоотношения в области р. Танаис в VII–VI вв. до н. э. // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII–I вв. до н. э.: материалы международной научной конференции. Тамань (Россия). Октябрь, 2000. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2006. С. 80–88.
- Копылов В. П. Таганрогское поселение-гавань Кремны? (письменные источники и археологические реалии) // АМА. 2011. Вып. 15. С. 223–239.
- Копылов В. П. Милетская апойкия Кремны и колонизация Боспора // БФ 2018. С. 65–69.
- Кошленко Г. А., Кузнецов В. Д. Греческая колонизация Азиатского Боспора // Античное наследие Кубани. М.: Наука, 2010. Т. 1. С. 406–426.
- Лютоев В. П., Силаев В. И., Лысюк Ф. Ю., Шевчук С. С. Керченские оолитовые железные руды и возможности их технологической модификации // Вестник Института геологии Коми научного центра Уральского отделения РАН. 2016. № 1 (253). С. 18–29.
- Мальцев А. А., Новичихин А. М. К истории и археологии южной части Синдики // Сибирские исторические исследования. 2022. № 3. С. 213–240.
- Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: каталог-определитель. М.; Саратов: Киммериды [и др.], 2003.
- Науменко П. И. Некоторые закономерности размещения рудных залежей Керченско-Таманской области в связи с особенностями её тектонического строения // Геологический журнал. 1977. Т. 37. № 6. С. 28–33.
- Науменко П. И. Античный период освоения минеральных богатств Керченско-Таманской области // Геологический журнал. 1979. Т. 39. № 2. С. 56–63.
- Нестеровский В. А. Уникальный промышленно-генетический тип осадочных месторождений // Геология и полезные ископаемые мирового океана. 2020. Т. 16. № 1 (59). С. 54–68.

- Новицихин А. М.* Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н. э. Анапа: РИО СГУТиКД, 2006.
- Новицихин А. М.* Греческая колонизация Синдики // МАИАСП. 2017. № 9. С. 67–96.
- Погребова М. Н.* Иран и Закавказье в раннем железном веке. М.: Наука, 1977.
- Пьянков А. В., Рябкова Т. В., Зеленский Ю. В.* Комплекс раннескифского времени кургана № 11 могильника Лебеди V в Прикубанье // АВ. 2019. Вып. 25. С. 206–228.
- Пьянков А. В.* Комплекс кургана 7 могильника Ципилиевский Кут как новое свидетельство этнокультурных связей населения Северо-Западного Кавказа в раннескифскую эпоху // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное время: сборник статей по материалам XI международной научной конференции. Ростов-на-Дону: Изд-во РГПУ, 2006. С. 27–33.
- Рябкова Т. В.* Поселение Тарасова Балка — памятник раннего железного века в Закубанье (предварительная публикация) // Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2015. С. 359–374. (ТГЭ. Т. 77).
- Салов А. И.* Архаическое поселение на окраине Анапы // Проблемы античной культуры. М.: Наука, 1986. С. 188–195.
- Салов А. И.* Разведка ближней хоры Горгиппии в 1978–1980 гг. // Горгиппийский сборник. Анапа, 2000. С. 17–25.
- Соловьёв С. Л.* Охранная археология в зоне мостового перехода через Керченский пролив (из опыта работы Античной новостроечной экспедиции ИИМК РАН) // Бюллетень Института истории материальной культуры Российской академии наук. 2017. № 6. С. 185–200.
- Сударев Н. И.* Греки и варвары в Синдике // Погребальная культура Боспорского царства: материалы круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения М. М. Кубланова (1914–1998). СПб.: Нестор-История, 2014. С. 95–102.
- Толстиков В. П.* Очерк градостроительной истории центрального района Пантикапея в конце 7 — середине 5 веков до н. э. // Древнейший Пантикапей. От апойкии — к городу. М.: Перо, 2017. С. 10–53.
- Чистов Д. Е., Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В.* Амфоры первой половины — середины VI в. до н. э. из раскопок Березани // ПИФК. 2019. № 1. С. 8–24.
- Шевченко Н. Ф.* Курган раннескифского времени у хутора Красный // АСГЭ. 2013. № 39. С. 100–118.
- Эрлих В. Р.* Северо-Западный Кавказ в начале железного века. М.: Наука, 2007.
- Bîrzescu Iu., Chistov D.* The Ionians on the Western and Northern Coast of the Black Sea // Ionians: The Sages of the Aegean Shore. İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, 2022. P. 456–479.
- Camera M.* Le coppe di tipo ionico del deposito votivo di Piazza San Francesco a Catania. Alcune riflessioni tra tipologia, produzione e dinamiche territoriali // Catania Antica. Nuove prospettive di ricerca. Catania, 2015. P. 179–201.
- Carancini G. L.* Die Nadeln in Italien, Gli spilloni nell'Italia continentale. München, 1975. (Prähistorische Bronzefunde XIII, 2).

- Charalambidou X.* Ceramics, Cultural Interconnections and Influences on Naxos // Τέρψις/Terpsis. Studies in Mediterranean Archaeology in honour of Nota Kourou. Brussels, 2017. Vol. 10. P. 375–392.
- Coulié A.* La Céramique de la Grèce de l'est: Le Style des Chèvres Sauvages. La collection du musée du Louvre. Paris, 2014.
- D'Amato R., Salimbeti A.* Sea Peoples of the Bronze Age Mediterranean c. 1400 BC–1000 BC. Oxford, 2015.
- D'Amato R., Salimbeti A.* Early Iron Age Greek Warrior 1100–700 BC. Oxford, 2016.
- Dickinson O.* The Aegean Bronze Age. Cambridge, 1994.
- Eles M. P. von.* Le fibule dell'Italia settentrionale. München, 1986. (Prähistorische Bronzefunde XIV, 2).
- Işikli M., Altunkaynak G.* The Role of Eastern Anatolia in Relationships between the Southern Caucasus and the Aegean World: Some Metallurgical Evidence from the Highlands of Erzurum-Kars // Aegean World and South Caucasus: Cultural Relations in the Bronze Age. Tbilisi, 2016. P. 112–121.
- Kerschner M., Schlotzhauer U.* A New Classification System for East Greek pottery // Ancient West and East. 2005. Vol. 4. № 1. P. 1–56.
- Kopylov V. P.* Taganrog et la première colonisation grecque du littoral nord-est de la mer d'Azov // Sur les traces des Argonautes. Actes du 6e symposium de Vani (Colchide), 22–29 septembre 1990. Besançon, 1996. P. 327–334.
- Manoledakis M.* The Early Greek Presence in the Southern Black Sea // Colloquia Antiqua. 2017. Vol. 18: Essays on the Archaeology and Ancient History of the Black Sea Littoral. P. 173–242.
- Petrie W. M. F.* Tools and Weapons: Illustrated by the Egyptian Collection in University College, London and 2,000 Outlines from Other Sources. London, 1917.
- Sandars N. K.* The First Aegean Swords and Their Ancestry // AJA. 1961. Vol. 65, 1. P. 17–29.
- Sandars N. K.* Later Aegean Bronze Swords // AJA. 1963. Vol. 67, 2. P. 117–153.
- Sezgin Y.* Arkaik dönem İonia üretimi ticari amphoralar. İstanbul, 2012.
- Sezgin Y.* Arkaik Dönemde Teos' ta ticari amphora üretimi: sorunlar ve gözlemler // Anadolu. 2017. Sayı 43. S. 15–39.
- Sudarev N. I. [et al.]* The Asian Bosphorus before and during the Greek Colonisation // An den Ufern des Bug. Ha beperax Бугу. Deutsch-Ukrainische Ausgrabungen in Olbia Pontike im Kontext internationaler Forschungen zu antiken Migrationsprozessen. Bonn, 2021. S. 43–72.
- Topal D.* Scythian Akinakai between Carpathians and Dniester. The Structure of a Storm // Un Secol de Arheologie în Spațiul Est-Carpatic: Concepte, Metode, Tendințe. Brăila–Piatra Neamț, 2019. P. 141–195.
- Tsetskhladze G. R.* Once Again about the Establishment Date of Some Greek Colonies around the Black Sea // Settlements and Necropoleis of the Black Sea and its Hinterland in Antiquity. Oxford, 2019. P. 1–53.
- Villard F., Vallet G.* Mégara Hyblaea. V. Lampes du VIIe siècle et chronologie des coupes ioniennes // Mélanges d'archéologie et d'histoire. 1996. Vol. 67. P. 5–32.

*В. В. Майко, В. Г. Зубарев,
К. О. Маркова, М. Р. Могучева*

САЛТОВО-МАЯЦКИЕ ПАМЯТНИКИ БОСПОРА И ТАРХАНКУТА. КРИТЕРИИ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА¹

На сегодняшний день, в связи с накоплением солидной источниковой базы, стало возможным проводить аргументированный сравнительный анализ салтово-маяцких памятников разных частей Крымского полуострова. Однако тут на первое место выходят критерии этого анализа. Критерии эти, предложенные уже довольно давно (Майко. 2007. С. 151–166), в той или иной степени носят субъективный характер и аргументированы были недостаточно. Ещё более спорным выглядит предположение В. И. Баранова выделять разные этнические группы в составе салтовцев полуострова, в частности его западной и центральной части, на основании только специфического набора кухонной керамики (Баранов. 2006. С. 34–36).

Исходя из этого в данном докладе предпринята попытка короткого обзора существующей источниковой базы и тщательная аргументация выделения упомянутых критериев.

Наибольшее количество памятников, относимых к крымскому варианту салтово-маяцкой культуры, известно на территории Керченского полуострова. Л. Ю. Пономарёв, ориентируясь на географические особенности этой части полуострова, аргументированно делит их на четыре условные территориальные группы (Пономарёв. 2009. С. 490–520; Пономарёв. 2011. С. 343–378; Пономарёв. 2020. С. 175–227). Первая — локализуется на северо-восточной оконечности Керченского полуострова. Из 54 выделенных исследователем поселений, рядом с четырьмя из которых располагались плитовые могильники, не вызывают сомнений 15 памятников. Вторая территориальная группа занимает восточную часть Керченского полуострова в целом. Здесь к салтово-маяцкому времени отнесено 79 объектов. Из всего приведенного списка к памятникам, не вызывающим сомнения,

¹ Работа выполнена в рамках проекта РНФ 22-28-00056 «Салтово-маяцкая культура западного и восточного Крыма. Общее и особенное».

можно отнести 20 объектов. Крупной территориальной группой является та, которая локализуется в южной части полуострова. Среди выделенных Л. Ю. Пономарёвым 41 поселения, отдельных усадеб и 2 плитовых могильников не вызывает сомнений всего 10 объектов. И наконец, самая крупная и лучше всего изученная археологически раскопками и разведками территориальная группа занимает центральную, северную и частично северо-западную часть Керченского полуострова. Согласно самым последним сведениям (Пономарёв. 2020. С. 175–227), список здесь составляют 67 поселений и некрополей. Из них не вызывают сомнений 40 объектов.

Безусловно, отдельную территориальную группу составляют памятники юго-восточного Крыма, которые логично разделить на тяготеющие к Сугдее и те, которые так или иначе ориентировались на крупное городище на плато Тепсень в Феодосийском регионе. Первая группа составляет пока 9 объектов, включая саму Сугдею, вторая — 8, включая городище (Майко. 2021. С. 243–248).

Несмотря на такой обширный список объектов, для аргументации критериев сравнительного анализа пригодны, прежде всего, те, на которых проводились более или менее целенаправленные масштабные раскопки. Таковых, с сожалением, насчитывается немного: для Керченского полуострова — 6 (Боспор, комплекс поселений у пос. Героевское, Кыз-Аул, Тиритака, Артезиан, Белинское), для юго-восточной Таврики — 5 (Сугдея, Морское, Тепсень, Отузы 1–2, Кордон-Оба, Чобан-Куле). Монографически изданы материалы раскопок салтовомаяцких горизонтов поселений Артезиан, Тиритака, Сугдея, Тепсень. Особое место среди салтово-маяцких памятников Керченского полуострова занимает поселение Белинское, где салтово-маяцкие горизонты изучаются не одно десятилетие. На сегодняшний день это пока единственное салтовское поселение на всем полуострове, где целенаправленные раскопки интересующих нас горизонтов продолжают по сей день.

Отдельную территориальную группу составляют салтовские памятники центрального Крыма. К сожалению, они изучены слабее всего. Пока мы можем уверенно говорить только о *трёх* крупных объектах, на которых производились стационарные раскопки (городище Вишенное, Тау-Кипчак, городище Булганак). Остальные памятники известны по отрывочным данным археологических разведок и ещё нуждаются в систематизации.

Синхронные археологические памятники юго-западной Таврики и крымского южного побережья нами не рассматриваются и не учитываются. На многих из них, особенно таких крупных, как Мангуп, Бакла,

зафиксированы салтово-маяцкие элементы, в частности кухонная посуда. Однако, исходя из особенностей погребального обряда, оставлены они алано-готским этносом и могут рассматриваться как другой более византинизированный вариант провинциально-византийской культуры, тяготеющий к Херсонесу.

Ситуация с изучением салтово-маяцких памятников северо-западной Таврики, к сожалению, выглядит пока значительно хуже. На основании имеющейся информации к крымскому варианту салтово-маяцкой культуры можно с уверенностью отнести 12 памятников, на которых фиксируется археологический слой, массовые находки и комплексы. Это Сакская пересыпь, Тузлы, Кара-Тобе, Чайка, Евпатория, Беляус, Кульчук, Лазурное, Таранчи, Ойрат, Джан-Баба, Калос-Лимен, Ортли (Майко. 2017. С. 20–121). Из этого списка целенаправленные раскопки именно салтово-маяцких древностей не производились, а наиболее представительные материалы получены в ходе изучения античных городищ Кульчук, Беляус, Чайка, Калос-Лимен. Из них в полном объеме в научный оборот введены только материалы раскопок городища Кульчук (Майко и др. 2022. С. 96–114) и частично Чайки (Новиченкова. 2007. С. 155–194).

На основании имеющейся довольно солидной источниковой базы можно попытаться предложить критерии для выделения своеобразных территориальных групп салтовцев Крыма. При этом конструктивные особенности домов, техника их кладки и состав усадеб, фортификационные приемы, привнесенные византийскими инженерами, культовые сооружения, погребальный обряд, религиозный синкретизм, основные составляющие керамического комплекса, орудий труда, быта и вооружений, набор украшений оставались едиными и в качестве критериев выступать никак не могут.

Одним из наиболее важных критериев являются *географические особенности разных частей полуострова*. В данном случае мы имеем в виду, прежде всего, равнинное, предгорное или горное расположение поселений, диктовавшее особенности исторической топографии и, самое главное, особенности хозяйственной деятельности. Конечно же, подавляющее большинство поселений Керченского полуострова было расположено в степи, между тем как поселения юго-восточной Таврики, расположенные на территории современных Феодосийского и Судакского горисполкомов, находились на склонах гор и в долинах.

В качестве критерия можно рассматривать и *наличие крупного ремесленного и, прежде всего, торгового центра*, вокруг которого формировались сельские поселения. В восточной и юго-восточной

Таврике такими центрами были приморские города, имевшие свои порты (Сугдея, Тепсень, Боспор). В качестве таковых можно рассматривать и поселения Артезиан и Белинское, тяготевшие к «внутренним», но не менее важным Азовским морским торговым коммуникациям. Сельские же поселения тяготели не только к этим портам, но и к пролежавшим по Керченскому проливу сухопутным торговым путям.

Наличие объектов предшествующего ранневизантийского и античного времени также является важным критерием, значительно влиявшим на особенности хозяйственной деятельности населения. В литературе подробно рассматривались различные приемы использования построек античного и ранневизантийского времени салтовцами полуострова (Майко, Зубарев, Маркова. 2022. С. 144-148), что избавляет от необходимости повторяться. Напомним только, что на Керченском полуострове активно использовались прежде всего склепы античных некрополей в качестве жилья, хозяйственных и культовых сооружений, а в северо-западной части Таврики — фортификационные постройки античных городищ. Во всех частях Крыма, особенно в городах, в качестве фундаментной основы домов повсеместно и разнообразно использовались кладки ранневизантийского времени. При этом для сельских поселений необходимо учитывать и фактор сохранности предшествующих сооружений. Нахождение на поверхности земли различных объектов не могло не привлечь внимание нового населения, активно переходившего к оседлости.

Особенности керамического комплекса, связанные с *процентным соотношением* импортной византийской поливной керамики и лощеной керамики т. н. аланского облика, можно также рассматривать в качестве своеобразного критерия для поздних салтовских памятников западной Таврики, граничившей с византийскими владениями на полуострове, и восточной — находившейся в тесных контактах с хазарской Таматархой и Фанагорией. Нельзя в данном случае исключать и северокавказские влияния.

Как уже отмечалось, набор кухонной керамики (Баранов. 2006. С. 34–36) нельзя считать ни этническим маркером, ни признаком наличия территориальной группы. Преобладание подправленных на круге горшков с характерным волнистым орнаментом на некоторых памятниках северо-западной и центральной Таврики (Кульчук, Калос-Лимен, Булганак, Тау-Кипчак) связано с первоначальным этапом формирования кухонного керамического комплекса салтовцев Крыма. Вряд ли они существуют позже рубежа VIII–IX вв. Таким образом, на наш взгляд, это хронологический, а не этнический показатель.

Ориентируясь именно на эти критерии, в качестве предварительных выводов мы в настоящий момент можем говорить только о территориальных группах салтовцев Таврики. Четко вырисовывается группа, проживавшая на Керченском полуострове. Исходя из равнинного расположения поселений её хозяйственной направленностью являлось земледелие и сезонное скотоводство. Были развиты и домашние промыслы, в частности домашнее виноделие. Большинство поселений так или иначе тяготело к Боспору и салтовским портам на Азовском море, которые ещё предстоит исследовать. Почти все салтовские объекты расположены на месте античных и ранневизантийских поселений. В материальной культуре четче прослеживаются аланские и северокавказские черты при минимальном количестве византийского импорта.

Для территориальной группы, находившейся в юго-восточном Крыму, характерна ориентация в большей степени не на земледелие, а на скотоводство и ремесленную деятельность. Выделяется ряд поселений, тяготевших к Тепсенно, и поселения, прочно связанные со средневековой Сугдеей. Все салтовские объекты не имеют античной и ранневизантийской «подосновы» и возникают на новом месте. Именно здесь обнаружены крупные гончарные центры по производству амфор, и ряд поселений, безусловно, к ним тяготел. В материальной культуре византийский импорт встречается чаще, а северокавказское влияние прослеживается слабее.

Салтовская территориальная группа Тарханкута изучена пока слабо. Можно только отметить, что крупного центра, к которому тяготели бы поселения, здесь нет. Являлось ли таковым поселение Чайка, сказать сложно. На Кульчуке обнаружены ранние недолговременные сезонные стоянки салтовцев. Характер их обитания на Калос-Лимене и Беляусе до полной публикации и осмысления раскопанных материалов будет не понятен. Здесь, как и на Керченском полуострове, все памятники возникают на месте античных городищ.

Дальнейшие целенаправленные археологические исследования и введение в научный оборот существующих материалов позволят продвинуться вперед в решении этого вопроса.

Литература

- Баранов В. И. К вопросу об этнокультурной дифференциации салтово-маяцких памятников Крыма (VII–X вв.) // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: материалы III Судакской международной научной конференции. Киев; Судак, 2006. Т. II. С. 34–36.

- Майко В. В.* Территориальные группы праболгарских памятников Таврики VII — первой половины X вв. // Проблемы на прабългарската история и култура: сборник в памет на ст. н. с. I ст. д. и. н. Димитър Ил. Димитров. София, 2007. Том 4-1. С. 151–166.
- Майко В. В.* Северо-западный Крым в VII–XV вв. Попытка исторического очерка // Археология Северо-Западного Крыма: материалы III международной научно-практической конференции. Симферополь, 2017. С. 118–128.
- Майко В. В.* К вопросу о реализации проекта каталогизации салтово-маяцких памятников Восточного Крыма // БЧ XXII. 2021. С. 243–248.
- Майко В. В., Зубарев В. Г., Маркова К. О.* Традиции использования античных сооружений салтовцами западного и восточного Крыма // БФ 2022. С. 144–148.
- Майко В. В., Зубарев В. Г., Маркова К. О., Могучева М. Р.* Салтово-маяцкие материалы городища Кульчук в северо-западном Крыму // ПИФК. 2022. № 4. С. 96–114.
- Новиченкова Н. Г.* Средневековое поселение на городище «Чайка» в Северо-Западном Крыму // Материалы исследований городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму. Москва: Изд-во МГУ, 2007. С. 155–194.
- Пономарёв Л. Ю.* К археологической карте средневековых памятников восточной оконечности Керченского полуострова // БИ. 2009. Т. XXI. С. 490–520.
- Пономарёв Л. Ю.* К археологической карте памятников VIII — первой половины X вв. южной части Керченского полуострова // БИ. 2011. Т. XXV. С. 343–378.
- Пономарёв Л. Ю.* Салтово-маяцкие памятники центральной и северной части Керченского полуострова (материалы к археологической карте) // Хазарский альманах. 2020. Т. 17. С. 175–227.

**БОСПОРСКИЕ ГОРОДА
И ПОСЕЛЕНИЯ**

Д. Е. Чистов

ПОМЕЩЕНИЯ-ОЙКОСЫ В АНТИЧНОЙ ЖИЛОЙ АРХИТЕКТУРЕ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

В современном антиковедении понятие «ойкос» имеет несколько связанных значений. Прежде всего, ойкос — это домовладение как социальная единица или как архитектурное сооружение, собственно «дом», бывший базовым структурным элементом классического полиса. Множество письменных источников от Гомера и Гесиода до Аристотеля не оставляют сомнений в том, что ойкос и полис, как частная и общественная сфера, развивались в неразрывных, хотя нередко противоречивых отношениях (Humphreys. 1978; Roy. 1999; Nevett. 1999. P. 4–10; Coucouzeli. 2007. P. 169). В этом понимании в материалах археологии ойкос соответствует городскому дому с внутренним двором, «домохозяйству» или «домовладению».

У многих античных авторов гестия, домашний очаг и горевший в нём огонь, бывший манифестацией одноименной богини, выступает как синоним дома-ойкоса. Древняя традиция размещения очага-гестии, занимавшего доминирующее положение в центре главного помещения дома, прослеживается от мегаронных построек бронзового и раннего железного века, продолжаясь и в более поздние времена, в архаическую и классическую эпоху, уже в качестве особой комнаты многокамерного дома (Tsakirgis. 2007. P. 224–227). Такого рода помещения стали неотъемлемой частью греческого дома классической эпохи (Hoepfner, Schwandner. 1994. S. 273–275), однако они хорошо известны и в архаических домах Смирны, Загоры на Андросе, укрепленного поселения Ксобоурго на о. Тенос и др. (Hoepfner. 1999. S. 140–143, 167–169, 192; Coucouzeli. 2007).

В результате раскопок жилых домов Олинфа был выявлен стандартный планировочный модуль (“oecus unit”), состоящий из комнаты с прямоугольным каменным очагом в центре и смежного помещения меньших размеров, служившего кухней или ванной (Mylonas. 1946). Исследование групп помещений-ойкосов в классических домах Олинфа показало, что гестии, в первую очередь, выполняли роль каминов,

несли ритуальные функции главного очага и центра домашней жизни, но могли не использоваться для повседневного приготовления пищи (Hoepfner, Schwandner. 1994. S. 60). Благодаря этому под ойкосом в современной археологической литературе нередко подразумевается не весь дом, а его главное нежилое помещение, оборудованное очагом-гестией. Наличие такого очага или его следов обычно и является главным критерием определения помещения в качестве ойкоса (помимо сравнительно больших размеров и формы, близкой квадратной).

Ойкос был центром группы наиболее важных помещений дома, в которую мог входить и андрон; в домах с простадой последняя сообщалась с ойкосом, совпадая с ним по ширине. Однако компоновка этого блока комнат могла сильно различаться. Пример олинфских домов показывает связь ойкоса с кухней; на северо-западе материковой Греции сформировался особый тип жилого дома («herdraumhaus»), включавший ойкос особенно большой площади, по высоте распространявшийся на два этажа (Hoepfner, Schwandner. 1994. S. 145–158, 323–324; Nevett. 1999. P. 23, 103–107).

Изучение жилого домостроительства античных городов Северного Причерноморья указывает на наличие традиции оборудования помещений с таким функционалом в домовладениях различных эпох — от архаики до эллинизма. Тем не менее дома с помещениями, определяемыми как ойкосы, раскрыты не повсеместно, их количество сильно различается в разное время и в разных частях региона.

В архаических домах количество помещений с центральным очагом невелико. Вероятно, гестией можно считать очаг в восточной части помещения «К» дома В-2 на Березанском поселении (Соловьёв. 1997. С. 21): он представлял собой квадратную обожженную глинобитную площадку (рис. 1, 1)¹. Очаг в виде прямоугольной глинобитной площадки, декорированной веревочным орнаментом по периметру, находился в центре помещения № 2 жилого дома гончарной мастерской (рис. 1, 2) на участке «ГШ» Березани (Бондаренко, Чистов. 2021. С. 247. Рис. 9). Очень похожая конструкция (рис. 1, 3) найдена в Ольвии в помещении дома второй половины — конца VI в. до н. э. (Крыжицкий, Назарчук. 1994. С. 102. Рис. на с. 101). В доме И-1 в Мирмекии (Гайдукевич. 1987. С. 26–35; Бутягин. 2000; 2004; Бутягин, Чистов. 2015. С. 33) обнаружено помещение с очагом в центре. Внутренний объем постройки (ЛП) был разделён перегородкой на два помещения неравных размеров: меньшее, восточное, имело

¹ Доманский Я. В., Соловьёв С. Л. Отчет о работе Березанской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 1984 г. // Научный архив НАНУ №1984/144. С. 18. Рис. 1.

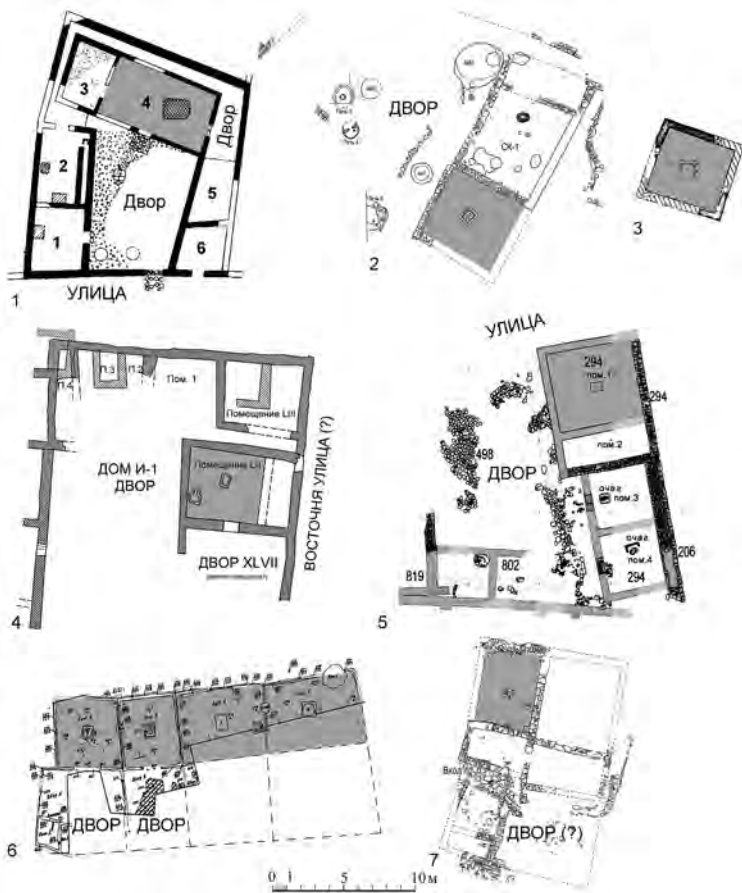

Рис. 1. Комплексы, упомянутые в статье (помещения-ойкосы обозначены серой заливкой, единый масштаб, север сверху). 1 — Березань, дом В-2 (по С. Л. Соловьеву); 2 — Березань, дом с гончарной мастерской на раскопе ГШ (по Д. В. Бондаренко и Д. Е. Чистову); 3 — Ольвия, помещение дома на раскопе Т-3 (по С. Д. Крыжицкому и В. И. Назарчуку); 4 — Мирмекий, дом И-1 (по А. М. Бутягину и Д. Е. Чистову); 5 — Фанагория, дом 294 (по В. Д. Кузнецову); 6 — Фанагория, Южный город, «дом 2» (по В. С. Долгорукову и А. В. Колесникову); 7 — Березань, раскоп Р1в, усадьба № 3 (СК 2-7)

плитовое мощение, а в центре западного находилась прямоугольная каменная гестия — каменная плита с четырехугольным углублением, заполненным пережженной глиной (рис. 1, 4). Сочетание ойкоса с очагом и хозяйственного помещения меньшей площади с плитовой

вымосткой здесь очень напоминает олинфский модуль более позднего времени.

Ойкосом, вероятно, следует считать северное помещение позднеархаического дома № 294 Фанагории, в центре которого находился прямоугольный глинобитный очаг — «алтарь» (рис. 1, 5). С этим большим помещением соседствовало другое, меньшей площади, подобно блоку с гестией в мирмекийском доме И-1. Кроме того, два прямоугольных очага обнаружены по центру двух комнат в южной пристройке этого же дома (Кузнецов. 2018. С. 135; Абрамзон и др. 2019. С. 8–9). Очаги, определенные авторами раскопок как гестии, находились и в других домах Верхнего города. В помещении № 1 дома № 677 прямоугольный очаг был оформлен поставленными на ребро сырцовыми кирпичами; очаг в центре постройки № 769 имел округлую форму (Кузнецов. 2018а. С. 104; 2019. С. 412. Рис. 14, 15). Однотипные прямоугольные глинобитные очаги-гестии находились посередине больших помещений раннеклассических глиноплетнёвых жилищ (рис. 1, 6) «Южного города» Фанагории (Долгоруков, Колесников. 1993. Рис. 3–4).

Значительно больше примеров домов с ойкосами известно для классического и раннеэллинистического периодов. На Березанском поселении помещение с квадратной каменной конструкцией в центре входило в состав многокамерного комплекса V–IV вв. до н. э.², вероятно — небольшой усадьбы³ (рис. 1, 7), возведенной на месте архаической городской застройки⁴. В центральном квартале Ольвии северо-западную часть эллинистического (IV–III вв. до н. э.) дома Е-12(а) занимало квадратное в плане помещение (рис. 2, 1). Каменный «алтарь» посередине этой комнаты представлял собой конструкцию из поставленных на ребро плит (Крыжицкий, Лейпунская. 2014. С. 45–48. Рис. 110, 113, 114).

В азиатской части Боспора комплексы с очагами-гестиями для этого же периода пока неизвестны, однако имеется весьма выразительный

² *Мазарати С. Н.* Отчет об исследованиях Березанского поселения в 1983 г. // Научный архив ИА НАНУ № 1983/33. С. 8–13; *Мазарати С. Н.* Отчет об исследованиях Березанского поселения в 1984 г. // Научный архив ИА НАНУ № 1984/29Ж. С. 18–24. Табл. 15, 2; 16, 1.

³ Усадьба № 3, СК 2–СК 7 по нумерации раскопа P1в. План раскопа с этой пристройкой см.: Назаров. 2006. С. 176. Рис. 2.

⁴ В этой гестии во вторичном использовании находился шток якоря (Золотарёв. 2002. С. 34–35. Рис. 1, 6). М. И. Золотарёв считал её алтарем, расположенным во дворе дома, однако сводный план комплекса (рис. 1, 7) однозначно свидетельствует о том, что она находилась в центре северо-западного помещения четырёхкомнатной крытой пристройки, а мощёный двор (и, видимо, вход в дом) располагался южнее. Общий план этого дома нетипичен для архаических построек Березани, но удивительно напоминает жилые дома Керкинитиды V в. до н. э. (ср. рис. 2, 5).

пример такой постройки в европейской части — в Мирмекии. Речь идет о так называемом святилище Деметры, многокамерном комплексе IV в. до н. э. (рис. 2, 2). В центре одного из его помещений находился «алтарь», высеченный из цельного блока плотного известняка и заполненный слоем глины со следами длительного воздействия огня. В юго-восточном углу того же помещения был сокрыт клад из 99 кизикинов в бронзовой ольпе (Гайдукевич. 1987. С. 46–49. Рис. 49–52; Чистов. 2006; Бутягин, Чистов. 2022). Качество изготовления и профилировка стенок «алтаря» в виде скоции не находят аналогий среди домашних гестий того же времени, обычно имевших куда более незатейливое оформление. Тем не менее общий контекст — доступ в помещение с «алтарем» из мощёного двора не напрямую, а через соседнюю смежную комнату, как и план всего комплекса, вполне соответствующий городскому дому, свидетельствует в пользу его определения как ойкоса с парадным очагом-гестией. Разумеется, конструкция этого очага, как и находка клада, указывает на весьма высокий социальный статус хозяев домовладения.

Важно заметить, что упоминавшийся выше архаический дом с ойкосом и гестией находился на территории того же квартала, но в его другой, восточной части. Это свидетельствует об устойчивой традиции наличия таких помещений в жилых домах Мирмекии. Возможно, её развитие во времени подчеркивает и одна более поздняя находка. В эллинистическом доме III–I вв. до н. э., находившемся в 25–30 м южнее, имелось помещение (XII) с ещё одним «алтарем» (рис. 2, 3) — монолитным известняковым блоком в центре (Michałowski. 1958. Rys. 33, 34, 39, 44, 47. S. 33–40; Грицик. 2007)⁵.

Большое (около 29 м²) помещение с очагом-гестией в центре, сложенным из поставленных на ребро каменных плит, обнаружено в мысовой части Нимфея, на раскопе «В-С». Эта постройка была возведена в позднеархаическое время, но впоследствии перестраивалась. Гестия сооружена поверх слоя пожара и, видимо, датируется концом V — IV в. до н. э.⁶ К этому времени указанное помещение стало частью многокамерного комплекса, однако, возможно, не жилого: к востоку от него находилась изолированная постройка, имевшая план небольшого храма в антах (Чистов. 2022. С. 192–194).

⁵ К. Михаловский отмечал, что нет никаких оснований наделять эту конструкцию и всё помещение культовыми функциями, однако на её поверхности не было выявлено и следов горения (Michałowski. 1958. S. 40).

⁶ Краткий обзор комплекса и ссылки на полевые отчеты М. М. Худяка и В. М. Скудовой см.: Чистов. 2017. С. 145.

Однако наибольшее количество домов с ойкосами, оборудованными такими очагами, известно на памятниках западного Крыма — в Керкинитиде и Калос-Лимене. Ойкосы с глинобитными прямоугольными очагами в центре появляются уже в двух самых ранних домах Керкинитиды второй четверти V в. до н. э. (рис. 2, 5) (Кутайсов. 1990. С. 70–72. Рис. 37, 1; 41), а при исследовании жилых домовладений Керкинитиды IV–II вв. до н. э. выявлено ещё полтора десятка таких помещений. В большинстве случаев эти комнаты располагались в северной части дома и имели площадь 20–23 м². В небольших домах Керкинитиды ойкос не блокировался с кухней, но нередко составлял единый модуль с соседним жилым помещением сопоставимых размеров. Находившиеся в ойкосах прямоугольные очаги-гестии выкладывались из каменных плит, иногда также использовался сырец и черепица. В одном из домов (рис. 2, 6) комната с таким же очагом определена как андрон благодаря галечному полу и приподнятой платформе для лож по периметру (Кутайсов. 1990. С. 91, 109, 132. Табл. I. Рис. 47, 1; 67–68).

Подобное помещение с «монументальным» очагом из отёсанных плит раскрыто в ходе раскопок многокамерного жилого дома третьей четверти IV в. до н. э., предшествовавшего возведению цитадели Калос-Лимена (Уженцев. 2006. С. 64. Рис. 31, 9; 58). Аналогичная комната с очагом обнаружена и в доме III–II вв. до н. э. (рис. 2, 7) в самой цитадели (Уженцев. 2006. С. 87. Рис. 40–50). Вместе с тем очаги аналогичной конструкции находились и в очевидно нежилых помещениях — башнях IV–III вв. до н. э. в Калос-Лимене (Уженцев. 2006. Рис. 28, 40–41) и в окрестностях Керкинитиды (Наливкина. 1953. С. 129–130. Рис. 53). Ойкос выявлен А. Н. Щегловым на основе анализа плана большого эллинистического дома Калос-Лимена, однако стационарный очаг в этой комнате отсутствовал (Щеглов. 1976. С. 233. Рис. 1, 4).

В жилых домах Херсонеса помещения-ойкосы можно также иногда предполагать, исходя из их общей планировки (Буйских. 2008. С. 111), но есть и случаи, когда о таких помещениях можно говорить более определенно. Каменные очаги — «алтари» находились в центральной части помещений двух домов (№ I и III) XIX квартала (рис. 2, 4) и в одном доме соседнего XIV квартала на северном берегу Херсонеса. Они представляли собой сложенные из камня квадратные площадки, покрытые слоем золы (Белов. 1955. С. 259. Рис. 3; 1962. С. 144–145. Рис. 1, 2–4). По мнению А. В. Буйских, в этом случае речь может идти именно о помещениях-ойкосах с гестиями (Буйских. 1999. С. 26; 2008. С. 129–130).

Как можно заключить из приведенных выше примеров, очаг-гестия в архаическом и раннеклассическом доме чаще всего представлял собой не каменную конструкцию, а невысокую прямоугольную глинобитную площадку без бортиков, несущую следы воздействия огня. Возможно, в некоторых случаях подобные гестии служили для установки открытых жаровен. В ойкосах домов, где такие очаги отсутствовали, роль символических гестий могли выполнять и сами переносные жаровни (Foxhall. 2017. P. 231). В комплексах IV–III вв. до н. э. гестии чаще всего сооружаются из камня, но имеют разное устройство. Это может быть каменный «ящик», сложенный из больших плит или вертикально поставленных камней (или вытесанный из цельного камня, как в Мирмекии), но некоторые подобные конструкции имеют сравнительно плоскую верхнюю поверхность. Вполне вероятно, что последние также служили не собственно очагами, а стационарными основаниями для переносных жаровен. Несмотря на различия в конструкции, почти все перечисленные выше очаги имеют близкие размеры: за отдельными исключениями их измерения в плане варьируются в пределах $0,60 \times 0,75$ — 1×1 м.

Традиция сооружения гестий в Северном Причерноморье лучше всего проявляется в Херсонесе и связанных с ним памятниках юго-западного Крыма, хотя, как было показано выше, она также прослеживается и в Нижнем Побужье, и на Боспоре. На северопонтийских памятниках ойкосы не образуют с соседними помещениями устойчивых планировочных модулей. Это неудивительно, учитывая то, что концепция дома типовой планировочной схемы не получила распространения в жилой архитектуре региона. Однако наиболее часто она выявляется в домах городов, застройка которых велась по регулярному плану. Сочетание гестий с бытовыми очагами или печами в углах или у стен того же помещения в домах Мирмекия, Херсонеса, Калос-Лимена (Гайдукевич. 1987. С. 26; Белов. 1962. Рис. 2; Уженцев. 2006. С. 87) указывает на то, что иногда они совмещали и функцию кухонь. «Полифункциональное» использование ойкосов также предполагалось для домов Керкинитиды по причине их малой площади (Кутайсов. 1990. С. 109).

В большинстве из перечисленных выше случаев такие стационарные очаги в ходе раскопок и в последующих публикациях интерпретировались в качестве алтарей. Центральное расположение, несомненно, подчеркивает их значение как символического фокуса пространства дома, а семейный очаг мог принимать на себя функцию алтаря (Yavis. 1949. P. 59). Вместе с тем контекст многих из этих объектов указывает на преобладание их повседневной, бытовой функции.

Литература

- Абрамзон М. Г., Завойкин А. А., Кузнецов В. Д., Сапрыкина И. А. Монеты позднеархаического и раннеклассического времени из раскопок Фанагории // Нурапис. 2019. Вып. 1. С. 5–27.
- Белов Г. Д. Итоги раскопок в Херсонесе за 1949–1953 гг. // СА. 1955. № 24. С. 257–281.
- Белов Г. Д. Эллинистический квартал в Херсонесе // ВДИ. 1956. № 3. С. 141–151.
- Белов Г. Д. Эллинистический дом в Херсонесе // ТГЭ. 1962. Т. VII. С. 143–183.
- Бондаренко Д. В., Чистов Д. Е. «Квартал гончаров» (участок «ГШ») в системе застройки и экономике архаического Борисфена // *Stratum plus*. 2021. № 3. С. 235–260.
- Буйских А. В. Жилые дома на Северном берегу Херсонеса // ХС. 1999. Вып. 10. С. 23–30.
- Буйских А. В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. Симферополь: БФ «Деметра», 2008. (МАИЭТ. Suppl. 5).
- Бутягин А. М. Архаический дом в Мирмекии // ΣΥΣΤΙΓΙΑ: Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб.: Алетейя, 2000. С. 237–242.
- Бутягин А. М. Дом под мирмекийскими зольниками // БФ 2004. Ч. 1. С. 126–131.
- Бутягин А. М., Чистов Д. Е. Клад кизикинов из святилища Деметры в Мирмекии // Электровые монеты Кизика из собраний Государственного Эрмитажа и Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника: рентгенофлуоресцентные исследования. СПб.: Алетейя, 2022. С. 24–54.
- Бутягин А. М., Чистов Д. Е. Палеорельеф Карантинного мыса и архаическая застройка Мирмекия // БЧ XVI. 2015. С. 29–37.
- Гайдукевич В. Ф. Античные города Боспора. Мирмекий. Л.: Наука, 1987.
- Грицик Е. В. Эллинистический дом с алтарем из Мирмекия // БФ 2007. Т. 1. С. 126–133.
- Долгоруков В. С., Колесников А. В. Новый тип строительных комплексов Фанагории // РА. 1993. № 1. С. 113–132.
- Золотарёв М. И. О сакральной функции каменных якорных штоков с о. Березань // Северное Причерноморье в античное время: сборник научных трудов к 70-летию С. Д. Крыжицкого. Киев: ИА НАНУ, 2002. С. 33–37.
- Крыжицкий С. Д., Лейтунская Н. А. Часть 1. Жилые дома центрального квартала в районе агоры // Жилые дома центрального квартала Ольвии. Симферополь; Керчь: БФ «Деметра», 2014. С. 6–143. (МАИЭТ. Suppl. 13).
- Крыжицкий С. Д., Назарчук В. И. Новый памятник строительства позднеархаической Ольвии // Древнее Причерноморье. КС ОАО. 1994. С. 99–106.
- Кузнецов В. Д. Фанагория: заметки по планировке города // ДБ. 2018. Т. 22. С. 133–140.
- Кузнецов В. Д. Архаический дом из Фанагории // Причерноморье в античное и раннесредневековое время: сборник научных трудов, посвященный 70-летию профессора В. П. Копылова. Ростов-на-Дону: Археологическое общество «Наследие» [и др.], 2018а. С. 99–106.

- Кузнецов В. Д. Древнейшая Фанагория: некоторые проблемы // ДБ. 2019. Т. 24. С. 396–414.
- Кутайсов В. А. Античный город Керкунитида. Киев: Наукова думка, 1990.
- Назаров В. В. Некоторые итоги археологических исследований Березанского поселения (1984–1999 г.) // Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2006. Т. I. С. 171–176.
- Наливкина М. А. Раскопки Евпатории // КСИА. 1953. № 51. С. 128–131.
- Соловьёв С. Л. Жилые дома Березанского поселения позднеархаического времени // ТГЭ. 1997. Т. XXVIII. С. 17–24.
- Уженицев В. Б. Эллины и варвары Прекрасной Гавани. Симферополь: Сонат, 2006.
- Чистов Д. Е. «Святылище Деметры» и восточные кварталы Мирмекия в IV в. до н. э. // БИ. 2006. Т. XIII. С. 99–133.
- Чистов Д. Е. Урбанизация архаического Нимфея // Перипл: от Борисфена до Боспора. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2017. С. 137–160. (ТГЭ. Т. LXXXVIII).
- Чистов Д. Е. Древнейшие антовые постройки Северного Причерноморья // АВ. Вып. 35. 2022. С. 187–201.
- Щеглов А. Н. Жилой дом эллинистического Калос Лимена // Художественная культура и археология античного мира. М.: Наука, 1976. С. 232–238.
- Сousouzeli A. From Megaron to Oikos at Zagora // Building Communities: House, Settlement and Society in the Aegean and Beyond. London, 2007. P. 169–181. (BSA. Vol. 15).
- Foxhall L. House Clearance: Unpacking the ‘Kitchen’ in Classical Greece // Building Communities: House, Settlement and Society in the Aegean and Beyond. London, 2007. P. 233–242. (BSA. Vol. 15).
- Hoepfner W. I. Archaik // Geschichte des Wohnens I: 5000 v. Chr. — 500 n. Chr. Vorgeschichte — Frühgeschichte — Antike. Stuttgart, 1999. S. 129–200.
- Hoepfner W., Schwandner E.-L. Haus und Stadt im klassischen Griechenland. München, 1994.
- Humphreys S. C. Public and Private Interests in Classical Athens // The Classical Journal. 1977–1978. Vol. 73, No. 2. P. 97–104.
- Michalowski K. Mirmeki. Wykopaliska odcinka polkiego w r. 1956. Vol. I. Warszawa, 1958.
- Mylonas G. E. Excursus II. The Oecus Unit of the Olyntian house // Robinson D. M. Domestic and public architecture. Baltimore, 1946. P. 369–396. (Olynthus XII).
- Nevett L. House and Society in the Ancient Greek World. Cambridge, 1999. (New Studies in Archaeology).
- Roy J. ‘Polis’ and ‘Oikos’ in Classical Athens // Greece & Rome. 1999. Vol. 46, No. 1. P. 1–18.
- Tsakirgis B. Fire and Smoke: Hearths, Braziers and Chimneys in the Greek house // Building Communities: House, Settlement and Society in the Aegean and Beyond. London, 2007. P. 225–231. (BSA. Vol. 15).
- Yavis G. Greek Altars. Origins and Typology. Saint Louis, 1949.

Н. Н. Болгов, А. М. Болгова, М. А. Руднева

К ПРОБЛЕМЕ ТОПОГРАФИИ ВОСТОЧНОЙ СТОРОНЫ КИТЕЯ: СТЕНА, БАШНИ, ВОРОТА, ПОРТ

Проблемы уточнения топографии того или иного античного города являются одними из постоянных и неизбежных для специалистов, так как только по мере многолетних археологических исследований основные элементы плана начинают постепенно проявляться и обретать логику и смысл. Но, если для хорошо изученных городских центров Средиземноморья мы имеем представление об археологическом комплексе и элементах топографии (как правило, этот комплекс представляет собой застройку II–III вв. с сохранившимися более ранними и впущенными более поздними объектами с сеткой улиц по гипподамовой системе и контур стен), то топографией боспорских городов системно и в сравнительно-историческом аспекте, по всей видимости, ещё не настало время заниматься. Греческие апойкии на Боспоре, как и на родине, развивались естественным образом, без нивелирующего воздействия государства подобного римскому. Поэтому унифицированной сетки улиц в боспорских городах римского и позднеантичного времени мы не увидим. Однако преемственность планировки, которая считается археологическим признаком континуитета населения, отрицать нельзя.

Китей как один из малых городов Боспора, несмотря на тысячелетнюю историю своего существования и полувековую историю систематических раскопок, пока не может похвалиться наличием хотя бы какого-то плана улиц внутри стен, но имеет чётко выраженную линию контура городской фортификации в типичной для античности версии первых веков н. э. В этом отношении он находится в более выигрышном положении, чем многие города Боспора. Однако и здесь остается немало проблем. В частности, важное значение имеет определение реальной территории городища за контуром стен с учётом проастиев. Эта работа была проделана А. В. Катцовой в 2019 г. (Катцова. 2020. С. 35).

Всем, кто знаком с планами Китея начиная с XIX в., хорошо известны две башни — северо-западная и северо-восточная, фланкирующие опорные углы фортификационного комплекса (Молев. 2010. С. 12). Контур западной стены ныне прекрасно просматривается визуально, а её южный фас, обрывающийся на юге в море, раскопан в 1957 г. и в период второго цикла работ Е. А. Молева в 2005–2012 гг. (раскоп I).

Сложнее дело обстоит с восточной стеной, которая в настоящее время значительно короче западной, выходит на балку Казан и, по всей видимости, осыпалась в результате эрозии балки. Однако визуально и здесь вполне четко видно не исследованное пока продолжение стены севернее открытых раскопками участков (раскоп IV).

Северо-восточная башня впервые встречается на плане П. Дюбрюкса 1820–1821 гг. как объект 15 (Молев. 2010. С. 11). При этом восточная линия стен (как и северная) определена им как двойная, в отличие от западной, однорядной. Особый интерес вызывают описанные автором Восточные ворота и 5 башен города, две из которых приходились на восточную стену (северо-восточная и юго-восточная) (Дюбрюкс. 2010. Т. II. С. 238).

Поль Дюбрюкс описывает северо-восточную башню как имеющую диаметр 19 м и два входа с внутренней стороны. В настоящее время это место визуально выглядит значительно компактнее.

Юго-восточная башня подробно не описана. По всей видимости, в результате эрозии она осыпалась в море.

Факт наличия Восточных ворот позволил Е. А. Молеву предположить, что на восток, к мысу Такиль, шла основная дорога, связывавшая прибрежные города Европейского Боспора (открытая раскопками конца 1980-х гг. дорога из Северных ворот шла в Пантикапей) (Молев. 1999. С. 47).

Топографической доминантой восточной части городища является отмеченное на плане круглое здание 20 с внешним диаметром 17 м.

Вместе с тем уже план И. П. Бларамберга 1834 г. в записи П. И. Кеппена вносит заметные коррективы в понимание восточного сектора городища: он удлиняется на восток (по сравнению с планом П. Дюбрюкса), Восточные ворота здесь не обозначены, северо-восточная башня получает обозначение D, а круглое здание под обозначением G занимает место не столько на юго-востоке, сколько на востоке городища. Весьма характерно, что на этом плане ещё полностью отсутствует балка Казан к востоку от городища.

Следующий план Ю. Ю. Марти 1928 г. по итогам его раскопок приносит много изменений в понимание восточного участка.

Северо-восточная башня у Ю. Ю. Марти получает обозначение С и обретает овальную форму. Были открыты её фундаменты из мощных квадров (Марти. 1928. С. 6–7). Северо-восточная (внешняя) её сторона имеет закругление, а юго-восточный угол — прямой (южный фас идет прямо по линии запад–восток). В южной части башни отмечены перестройки и «полное разорение». Удастся установить диаметр закругленной части северо-восточной башни — 11 м и время её сооружения (V–IV вв. до н. э.) и перестройки (римское время).

Появившаяся балка Казан, несомненно, съедает Восточные ворота, но Ю. Ю. Марти удастся зафиксировать оставшуюся часть ворот с южной стороны местами ещё сохранившейся стены (Марти. 1928. С. 3–4).

Также впервые была открыта прямоугольная башня Е римского времени к северу от Восточных ворот, примыкающая к стене с внешней (восточной) стороны, аналогичная протейхисме у Северных ворот. Она построена впритык к стене, из иного материала, в иное время, нежели основная стена (Молев. 1999. С. 15).

Однако сделанный Е. А. Молевым в 1999 г. вывод об обрушении половины круглого здания нуждается в коррекции. Дело в том, что на плане И. П. Бларамберга (как и П. Дюбрюкса) мы видим одно круглое здание, а на плане Ю. Ю. Марти — сразу два. Наполовину осыпавшееся круглое здание — второе, открытое самим Ю. Ю. Марти в юго-восточной части. Но круглое здание Г И. П. Бларамберга (восточное) на плане Ю. Ю. Марти осталось. Раскопки юго-восточного круглого здания и его района были проведены Е. А. Молевым (раскоп V) и выявили пустое внутреннее пространство (условное название «театр»).

В 1957 г. В. Ф. Гайдукевич составил новый план города (на котором нет круглого здания Г Бларамберга) и провел небольшие раскопки.

Работами Е. А. Молева 1-го цикла (до 1996 г.) на восточной стене была открыта ещё одна прямоугольная башня (протейхисма) в 18–19 м к северу от башни Е Ю. Ю. Марти (башня А) и в 60 м от северо-восточной башни С. Вывод Ю. Ю. Марти о двойной стене не получил подтверждения — это одна стена, усиленная дополнительным панцирем.

Основные работы вплоть до 2017 г. на восточной стороне (раскоп IV) были сосредоточены вдоль берега в южном направлении. Фортификационные сооружения здесь уже не сохранились (Молев, Молева. 2022).

Отмеченный уже Ю. Ю. Марти факт необычной толщины восточной стены Китея (до 6 м, по данным Е. А. Молева — 4,5 м) заставляет поставить вопрос об опасностях этому району с восточной стороны, против которых была предпринята подобная фортификация. Учитывая, что с восточной стороны — пролива — шло основное движение по морю, этот фактор становится очевидным. Кроме того, район балки Казан считается в историографии припортовым, хотя об условиях стоянки в этом месте в античные времена сказать ничего нельзя. Возможно, в древности здесь была наиболее низменная часть берега, позволявшая оборудовать корабельную стоянку. В таком случае вверх, к стене города должна была идти тропа или лестница, оборудованы подъёмные механизмы для грузов.

За восточной стеной предместье Китея — наименее обжитое. Исследование А. В. Катцовой территории вдоль границы грунтового некрополя, расположенного к северо-востоку от города, позволило установить, что данный участок не подлежал активному хозяйственному освоению. Эта территория относится к грунтовому некрополю. На территории к северо-востоку от города, между границей предместья и грунтовым некрополем, «валы», характерные для хозяйственной зоны западнее городища, не фиксируются. В шурфе, заложенном в непосредственной близости от восточной стены с внешней её стороны, культурный слой не зафиксирован.

Это говорит о том, что с восточной стороны развитого предместья города не существовало.

С 2021 г. в восточной части городища исследования продолжают-ся, заложены новые квадраты с внутренней стороны городища в районе открытой части крепостной стены. Если же наметить планы продолжения изучения фортификации, то потребуются раскопки всей оставшейся части стены вплоть до северо-восточной башни С, незавершенные Ю. Ю. Марти. Неисследованным остается и восточное круглое здание G с плана И. П. Бларамберга, исчезнувшее на плане В. Ф. Гайдукевича. Совсем небольшой нераскопанный участок на юге раскопа IV отделяет его от раскопа V («театра», юго-восточного круглого здания).

Раскопки помещений, примыкающих к восточной стене с внутренней стороны, позволяют постепенно установить топографию этого района города.

Литература

- Марти Ю. Ю.* Раскопки городища Китэя в 1928 году // ИТОИАЭ. 1929. Вып. 3 (60). С. 116–130.
- Молев Е. А.* Планы Китэя, составленные П. Дюбрюксом и Ю. Ю. Марти, как источник по топографии города // БФ 1999. С. 46–51.
- Катцова А. В.* Пять лет Китайской экспедиции Государственного Эрмитажа // Иресиона. Античный мир и его наследие. Вып. VII. Материалы Круглого стола к 50-летию Китайской археологической экспедиции. Белгород, 2020. С. 27–48.
- Молев Е. А.* Боспорский город Китэй. Симферополь; Керчь: АДФУ-Украина, 2010. (БИ. Suppl. 6).
- Молев Е. А., Молева Н. В.* Боспорский город Китэй. Ч. 3. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2022.
- Дюбрюкс П.* Собрание сочинений [в 2 т.]. Т. 2: Иллюстрации. СПб.: Коло, 2010.

Н. И. Винокуров

**АРТЕЗИАН: ФЕНОМЕН МЕСТА —
ОТ ПАЛЕОЛИТА ДО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

Современные топографические природные и антропогенные особенности местности Крымского Приазовья вне всяких сомнений должны отличаться от древних. Изменение рельефа, природных условий, растительного покрова — процесс достаточно длительный, охватывающий тысячи, десятки тысяч, а то и миллионы лет, несмотря на успехи современной науки, прежде всего палеогеоморфологии, палеосейсмологии, палеоклиматологии и палеопочвоведения, в деталях далеко не проясненный. Тем не менее археологические данные позволяют иногда судить об определенной устойчивости ландшафтного пейзажа на тех глубинных равнинных территориях Керченского полуострова, которые в древности были удалены от побережья Азовского и Черного морей, где динамика изменений была велика по причине трансгрессии, береговой эрозии, ветровой и водной абразии берегов, влияя самым существенным образом на конфигурацию и рельеф береговой кромки.

Как показали исследования Артезианской археологической экспедиции МПГУ, территория урочища Артезиан была обитаема с эпохи каменного века. Природные условия урочища, обилие воды, здоровый климат, богатый животный мир, прекрасные охотничьи угодья и плодородные земли привлекали древних людей. В тот период её покрывал широколиственный дубовый лес, переходящий ближе к скалистому побережью Азовского моря в песчаные дюны (Винокуров. 2012). Природный ландшафт урочища довольно спокойный, равнинный, разрезан глубокими руслами пересыхающих рек и ручьёв. В низменной части урочища текла полноводная река, изобильная рыбой. Не исключено, что самый главный водоток с крутыми склонами и перепадом высот до 10–20 м образовался на месте очень древней большой и глубокой сейсмической расщелины, рассекавшей урочище с востока на запад. Она до современного заиливания была гораздо более выражена в рельефе. Ещё около века назад для

перехода с одной её стороны на другую требовались построенные мосты.

Средняя возвышенная часть урочища Артезиан оказалась тем *необычным местом*, которое в силу природных обстоятельств мало пострадало от эрозионных процессов, сохранив знаковые следы человеческого присутствия. Хотя сама обширная, вытянутая с востока на запад артезианская долина, ограниченная на западе Азовским морем, сильно изрезана балками и оврагами, где и сейчас активно протекают всякого рода эрозионные процессы. Именно здесь на самой вершине артезианского холма — естественной природной возвышенности — на мысу, образованном пересечением двух глубоких балок, находилась особая зона, которая во все исторические периоды привлекала человека, будучи своеобразным центром его долговременного обитания, сакрального и бытового освоения местного пространства, — с эпохи каменного века до Нового времени. В ходе археологических раскопок артезианского холма, помимо некрополей и поселений эпохи мезолита–бронзового века, фортификационных и хозяйственно-жилых античных объектов, обнаружены разновременные ритуальные комплексы, которые позволяют говорить о своего рода *феномене места*, которое *своим неизменным постоянством* привлекало древнего человека и с мистической точки зрения (Винокуров, Пономарёв. 2017а. С. 105–148; 2017б. С. 40–63; 2022; Винокуров, Крыкин. 2019. С. 56–92).

Самым удивительным древнейшим свидетельством религиозных (?) молений древних людей, артезианских первопоселенцев (?), явилось обнаружение под культурными напластованиями античного времени клада из 8 массивных орудий эпохи ашелль (скрёбел, остроконечников и рубил), изготовленных из баклинского тёмно-серого кремня (Винокуров. 2021. С. 14–26)¹. Главное в этой находке заклю-

¹ Невозможно представить, чем руководствовался его хозяин, закапывая на самой вершине холма в материковый грунт своё «послание» потомкам, чудом уцелевшее между позднейшими античными ямами. В любом случае, клад открывает на артезианской возвышенности жертвенную эстафету неведомым хтоническим богам, став загадочным образом предшественником десятков ритуальных комплексов, которые возникли в непосредственной близости от места его сокрытия в эпоху бронзы, античное и средневековое время. Пожалуй, артезианский комплекс из столь древней эпохи — единственный ашелльский клад производственных орудий по доступной мне научной литературе. Удивительно, что он так и не привлёк должного внимания специалистов. Конечно, можно допускать, что клад сделали позднее, собрав где-то неподалёку от Артезиана древние орудия. Но археологический контекст не позволяет связать его с последующими эпохами, да и состав клада, подбор орудий, свидетельствует о соответствии клада своему времени. Пусть не смущает гигантская хронологическая пропасть между нижним

чается в том, что артезианский холм по каким-то причинам с эпохи ашель уже был привлекателен для совершения ритуальных действий, хотя реальный рельеф того периода реконструировать весьма трудно.

Причина популярности холма для интенсивной культовой жизни в различные исторические эпохи легко объяснима. Отсюда просматривались все окрестности, детали и особенности местного природного ландшафта, от сравнительно отдаленных водоразделов на севере и юге, до западных и восточных равнин и прилегающего к ним живописного морского побережья Казантипского залива. Традиция совершения сакральных действий и религиозных церемоний, связанных с жертвоприношениями людей и животных, продолжалась на протяжении нескольких тысячелетий, несмотря на смены эпох, миграции и изменения состава населения (Винокуров. 2007. С. 190–199; 2011. С. 55–67; 2012. С. 86 и сл.; 2018. С. 89–99). На вершине холма не только строились, оборонялись, рожали детей, но и молились, хоронили, проводили религиозные обряды и практиковали жертвоприношения животных и людей, и даже ритуальный каннибализм, чем отметились средневековые его обитатели на ойкумене Византийской христианской державы. Они могли быть вызваны экстраординарными обстоятельствами: войнами, природными катаклизмами, неурожаями, голодовками, эпидемиями, искуплениями за тяжелые преступления, а при известных условиях — войти в повседневную практику (Винокуров. 2004. С. 55–87; Винокуров, Пономарёв. 2017а. С. 105–148; 2017б. С. 40–63). В их основе находились языческие религиозные представления, связанные с культом огня, почитанием богов и героев, проведением обрядов возлияний и «кормлений» теней умерших близких и родственников, надеждой и ожиданием их грядущего посмертного возрождения, совершением сожжений, строительных, посвященных и искупительных жертвоприношений, в соответствии с древними космогоническими и сельскохозяйственными календарными системами (Винокуров, Мацнев, Фесенко. 2007. С. 171–190; 2010. С. 411–435).

Центральная зона артезианского холма, наиболее сложная для археологического изучения, является феноменом и археологическим. Концентрация разновременных ритуальных объектов на сравнительно небольшой площади, размером около половины гектара, беспрецедентна. Возможно ли объяснить их открытие большими

палеолитом и мезолитом-энеолитом, которая прослеживается по находкам из позднейших культурных напластований городища.

площадями раскопок (около 8 тыс. кв. м) и долговременным бытованием поселенческих структур на артезианской возвышенности, сказать сложно. В любом случае, конечно, они не случайно связаны с участком самых мощных культурных напластований эпохи неолита, бронзы, античного и средневекового времени, толщиной до 1,5–5 м, значительная часть которых сформировалась в античную эпоху, так как более ранние слои были срезаны при нивелировках и устройствах террас. Священное пространство античной поселенческой застройки, видимо, ограничивалось четырьмя большими зольниками, нижним западным и выше расположенными тремя восточными, фактически обозначая срединный мир живых между хтоническим нижним и небесным высшими мирами (Винокуров, Мацнев, Фесенко. 2010. С. 411–435).

В Восточном Крыму известны боспорские памятники, раскопанные и большими площадями, где найдено значительное количество различных святилищ, храмовых комплексов, разнотипных ритуальных объектов, но близкие аналогии с точки зрения сакральности места и его организации пока единичны, и они связаны больше с городскими структурами. Количество найденных в Артезиане архитектурных дорических и ионических ордерных деталей из местного известняка и привозного дорогостоящего мрамора выделяет его даже на фоне городов и не может быть обычным. Такие затратные «излишества» на внешнее декоративное убранство, лишние для стандартных крепостных сооружений и избыточные для боспорских сельских поселений, вызывают недоумение. Будем надеяться, что дальнейшие изыскания помогут лучше понять феномен артезианского места, стратегически важного в Боспорском государстве в качестве локального фортификационного и религиозного объекта, явно выделенного архитектурно и финансово царской властью. Правильна ли данная интерпретация, покажет время. Понимание объекта, несмотря на десятилетия раскопочных работ, находится на данный момент в стадии первичного осмысления.

Литература

- Винокуров Н. И. Практика человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам ритуальных захоронений Крымского Приазовья) // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М.: ИА РАН, 2004. Вып. 3. С. 55–87.
- Винокуров Н. И. Находки культовых предметов в слое пожара первой половины I в. до н. э. в боспорской крепости Артезиан // БФ 2007. Ч. 1. С. 190–199.

- Винокуров Н. И.* Погребальные комплексы античного и средневекового времени: разрыв традиции или преемственность (на примере городища и некрополя Артезиан) // БЧ XII. 2011. С. 55–67.
- Винокуров Н. И.* Археологические памятники в Крымском Приазовье (по материалам ААЭ 1988–2011). Тюбинген, 2012.
- Винокуров Н. И.* Традиции и инновации в двух античных жертвенных комплексах городища Артезиан в Крымском Приазовье // БЧ XIX. 2018. С. 89–99.
- Винокуров Н. И.* Раскопочные работы Артезианской археологической экспедиции Московского педагогического государственного университета в 2020 году // История и археология Крыма: сборник кратких сообщений по итогам полевого археологического сезона 2020 года на Крымском полуострове. Симферополь: АРИАЛ, 2021. Вып. XV. С. 14–26.
- Винокуров Н. И., Крыкин С. М.* Жертвенники для возлияний хтоническим богам Боспора и Фракии: общее и особенное // ПИФК. 2019. № 4. С. 56–92.
- Винокуров Н. И., Мацнев Д. В., Фесенко А. В.* Сириус, созвездие Близнецов и сюжет божественной охоты в Крымском Приазовье (на примере некрополя городища Артезиан) // БИ. 2007. Т. XVI. С. 171–190.
- Винокуров Н. И., Мацнев Д. В., Фесенко А. В.* Календарные аспекты пространственного расположения зольных холмов античных городищ Артезиан и Батерово–Северное в Крымском Приазовье // БИ. 2010. Т. XXIV. С. 411–435.
- Винокуров Н. И., Пономарёв Л. Ю.* Культовые комплексы салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан (по материалам раскопок 1994–2010 гг.) // ПИФК. 2017а. № 1. С. 105–148.
- Винокуров Н. И., Пономарёв Л. Ю.* Мёртвые среди живых: погребальные салтово-маяцкие комплексы на городище Артезиан // ДБ. 2017б. Т. 21. С. 40–64.
- Винокуров Н. И., Пономарёв Л. Ю.* Городище Артезиан в эпоху средневековья. М.: НИЦ ИНФРА-М., 2022.

К. Л. Синцерова

ПЛАНИРОВКА УКРЕПЛЕННЫХ УСАДЕБ АЗИАТСКОГО БОСПОРА

Укрепленные усадьбы, известные на территории азиатской и европейской части Боспора, относятся к особой группе сельских памятников античного времени. Их специфика заключается в мощности внешних стен, которые можно назвать оборонительными. Это отдельно стоящие постройки, возведенные в соответствии со специальным архитектурным решением, характеризующиеся сходством археологического материала, и традиционно отождествляемые в историографии с меото-сарматским миром, прежде всего с аспургианами. Время бытования укрепленных усадеб укладывается в рамки второй половины III в. до н. э. — I в. н. э. (Паромов. 2001. С. 79–84; Сокольский. 1975. С. 21–31).

Впервые укрепленные дома Азиатского Боспора были охарактеризованы комплексно Я. М. Паромовым в 2001 г. Автор рассмотрел девять памятников этого типа (Паромов. 2001. С. 79–83). Благодаря планомерным работам на полуострове Абрау последних двух десятилетий в этом регионе была открыта целая сеть сигнально-сторожевых постов, состоящая из 21 постройки башенного типа. К сожалению, многие из них ещё не были достаточно подробно опубликованы (Вязкова, Гольева, Малышев. 2009. С. 217–235). Сейчас к числу укрепленных домов азиатской части Боспора можно отнести ещё два сооружения, о планировке и хронологии которых можно судить более-менее надежно: усадьба Юбилейный-2 и башня на пос. Архипо-Осиповка.

Все дома укрепленного типа можно условно разделить на две группы в зависимости от вида их планировки. В первую группу войдут крупные многокамерные постройки, такие как дом на Семибратнем городище, резиденция Хрисалиска и усадьба на поселении Юбилейное 1. Во вторую группу можно выделить постройки со входным заграждением и сооружения с простой планировкой.

Многокамерные постройки характеризуются значительной площадью, которая варьируется от 340 кв. м (Юбилейное 1) до 438,75 кв. м

(Семибратнее городище), а также наличием двух–пяти помещений, имеющих выход во внутренний двор.

Согласно уточненным датировкам, многокамерные усадьбы Таманского полуострова были синхронны постройке на Семибратнем городище, время бытования которой относится к I в. до н. э. — I в. н. э. Они датируются первой половиной I в. до н. э. — серединой I в. до н. э. (Юбилейное 1) и серединой I в. до н. э. — рубежом эр (дом Хрисалиска) (Бонин. 2019. С. 65, 67, 72).

Дом на Семибратнем городище состоит из шести помещений: центральное (пом. D) представляет собой вымощенный дворик: здесь находился квадратный в плане колодец, выложенный на глубину 7,15 м. Из двора можно попасть в комнаты В, А, С, F. Северные помещения здания симметричны: каждое из них имеет подквадратную в плане форму и занимает площадь 30,78 кв. м (5,7×5,4 м). В самом центре пом. А была открыта круглая в плане колонна из известняка; в пом. В найдены барабаны идентичных колонн: вероятно, они использовались в качестве опоры перекрытий второго этажа. Вход в усадьбу находится в южной стене и ведёт во внутренний двор: он оформлен снаружи двумя гладкими столбами квадратной в плане формы (Анфимов. 1941. С. 260).

Такой же принцип планировки соблюдается в *резиденции Хрисалиска*, состоящей из пяти помещений: в центре дома находится мощный двор, ведущий в остальные комнаты постройки. Пом. А практически идентично северным помещениям дома на Семибратнем городище: его площадь составляет 29 кв. м (5,5×5,25 м). Здесь, как и в соседнем пом. Б, находилась печь, сложенная из сырца; бесспорно хозяйственное назначение этих помещений. Интерес представляет пом. В, интерпретируемое автором раскопок как домашнее святилище, о чём свидетельствует характер находок — более 22 разнообразных терракот и алтарики. Во внутреннем дворе (пом. Г) открыто каменное основание лестницы, ведущей на второй этаж: её сооружение не было предусмотрено здесь изначально, поскольку это основание частично загоразивало вход в пом. Д. Сама же лестница была деревянной: в её основании остались врезы под брусья. Дом Хрисалиска был возведен из сырцовых кирпичей на каменном основании, которое могло выдержать высоту стен до 8 м (Сокольский. 1976. С. 32–36).

Второй многокамерной постройкой на территории Таманского полуострова была усадьба на *Юбилейном-1* (Юбилейное западное). Это сооружение несколько уступает вышеописанным по количеству помещений, хотя не отстает по монументальности и массивности внешних стен. Вход в усадьбу находился с запада и вёл во внутренний

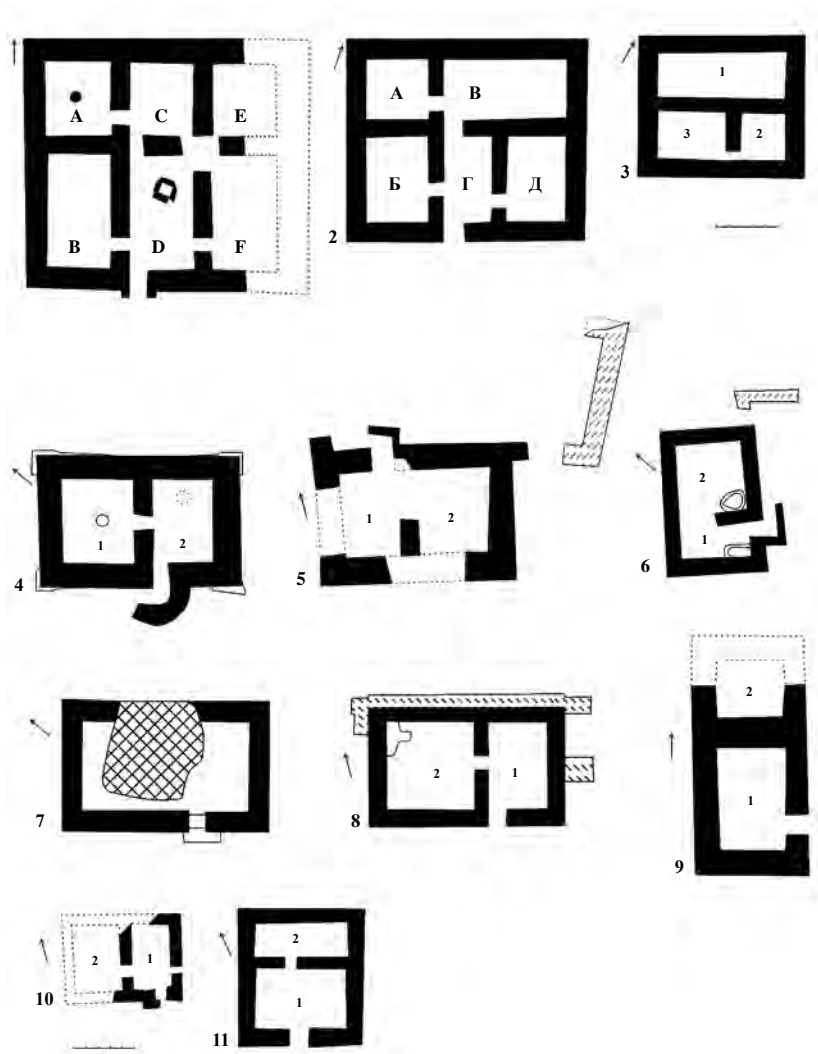

Рис. 1. Укреплённые дома Азиатского Боспора. 1 — дом на Семибратнем городище; 2 — резиденция Хрисалиска; 3 — Юбилейное-1 (Юбилейное западное); 4 — дом у пос. Цемдолинское; 5 — дом у ст. Анапской; 6 — Джемете 1; 7 — дом у пос. Владимировка; 8 — дом у хут. «Рассвет»; 9 — дом на Ахтанизовском лимане; 10 — Юбилейное-2 (Юбилейное восточное); 11 — башня на пос. Архипо-Осиповка

мощёный двор, площадь которого значительно превышала размеры дворов в доме Хрисалиска и на Семибратнем городище (в 2 и 1,5 раза соответственно). Примечателен последовательно-иерархический принцип планировки этой усадьбы: проход в пом. 3 находился в пом. 2, куда можно было попасть со двора. Согласно мнению автора раскопок этого объекта, оба помещения предназначались для жилья. Это многоэтажная постройка, стены которой были сложены из сырцовых кирпичей, а в сооружении каменных оснований использовались фрагменты скульптурных и архитектурных деталей (Савостина. 1987. С. 59–70)¹.

Вторая группа укрепленных домов представлена двухкамерными сооружениями, среди которых выделяются постройки со входом, обнесённым дополнительной стеной: это укрепленные дома на пос. Цемдолинское (последняя четверть I в. до н. э. — середина I в. н. э.), дом-башня у ст. Анапской (вторая четверть I в. н. э.) и Джемете I (конец III — начало I в. до н. э.) (Бонин. 2019. С. 46, 49; Алексеева. 1980. С. 38).

Укрепление на пос. Цемдолинское (212 кв. м) состоит из двух симметричных помещений и небольшой бесфундаментной апсидообразной пристройки-входа. Вымостка этой пристройки находилась выше пола пом. 2: скорее всего, на входе в основное помещение дома была ступенька. Пом. 2 было вымощено мелкой галькой в северной части; по-видимому, здесь же находился очаг. Пол в пом. 1 был выложен каменными плитами, в центре был расчищен под очаг. Мощные стены здания могли выдержать верхние этажи (Онайко, Дмитриев. 1982. С. 114–115)².

Дом-башня у ст. Анапской (205 кв. м) был обнесён мощной каменной оградой и имел выход в хозяйственный двор — это главное его отличие от автономных построек укрепленного типа. Вход в здание располагался в северной стене и представлял собой пристройку-коридор прямоугольной в плане формы. Полы помещений были глинобитными: в пом. 1 открыто каменное основание деревянной лестницы, которая и вела на второй этаж. Стены второго этажа были сложены из саманного кирпича: не исключено, что и верхняя часть стен первого этажа была построена таким же образом. Эта постройка могла иметь несколько этажей общей высотой не менее 9–10 м (Алексеева. 1997. С. 52–53).

¹ Савостина Е. А. Отчет о раскопках античного поселения Юбилейное в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11274. С. 9–10.

² Онайко Н. А. Отчет о раскопках античного здания на поселении Цемдолинское, 1978 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7189. С. 8–13.

Вход в укрепленную усадьбу *Джемете* (210 кв. м) осуществлялся с востока через «прихожую», образованную выступающей каменной стеной. Прихожая, полы помещений и площадка перед входом были вымощены крупными плитами. В южном углу пом. 1 сохранилась прямоугольная загородка; круглая в плане оградка уцелела и в южном углу пом. 2. Эти пристройки могли использоваться в качестве хранилищ. На площади вокруг дома были вскрыты остатки внешних оград участка (Алексеева. 1980. С. 30–38; 1997. С. 45).

Простые двухкамерные постройки без каких-либо пристроек у входа представлены следующими памятниками: дом на пос. Владимировка (последняя четверть I в. до н. э. — середина I в. н. э.), дом у хут. «Рассвет» (не ранее середины I в. до н. э.), дом на Ахтанизовском лимане (середина I в. до н. э. — рубеж эр), усадьба Юбилейное-2 (Юбилейное восточное, первая половина I в. до н. э. — середина I в. до н. э.) (Бонин. 2019. С. 45, 50, 67, 68).

Дом на пос. Владимировка (140,4 кв. м) не был изучен целиком: в самом его центре находились современные цистерны для воды. Вход в усадьбу устроен с юго-запада. Проход, оснащенный входной площадкой, был оформлен двумя облицовочными плитами, прислоненными вертикально к внешнему фасу стены. Снаружи прохода располагалась большая плита песчаника, которая могла служить ступенькой входа. Пол был земляной, покатым; в восточном углу найдены пифосы и 14 сероглиняных мисок с тамгообразными знаками, один из которых — личный знак Аспурга. В доме не было открыто внутренних стен, впрочем, не исключено, что перегородка все-таки была и находилась под неисследованной частью постройки (Онайко, Дмитриев. 1981. С. 97–98)³.

Здание у хут. «Рассвет» (176 кв. м) состояло из двух помещений: в первом были расчищены остатки печи; в северном углу находилась сушильная площадка, заваленная морским песком с золой; в южном — основание лестницы, ведущей на второй этаж. В пом. 2, пол которого был вымощен, находилась печь с чашеобразным устьем, выходящим на площадку из сырцового кирпича. С севера к зданию была пристроена стена, состоящая из бута, перемешанного с землей, подпертого поставленными вертикально плитами (Крушкол. 1968. С. 213–219). Скорее всего, эта конструкция была возведена после сооружения здания для борьбы с последствиями склоновой деформации (Малышев, Моор. 2018. С. 152).

³ *Онайко Н. А.* Отчет о работе Новороссийско-Геленджикской экспедиции в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6753. С. 5, 9–12.

Дом на Ахтанизовском лимане (>140 кв. м) был частично разрушен в результате прокладки дороги. Укрепление находилось на берегу древней полосы, соединявшей Ахтанизовский лиман с Таманским заливом. Лучшее всего сохранилась южная часть постройки, частично вымощенная плитняком: в центре сохранились следы разрушенного очага. Примечательно использование в строительстве оснований каменных стен рельефных надгробий, алтариков и пр. Стены этого укрепления были возведены из сырцового кирпича (Сокольский. 1965. С. 86–87).

Усадьба Юбилейное-2 (91 кв. м) находится в 500 м к востоку от Юбилейного-1. Крайне фрагментарная сохранность постройки позволяет надежно реконструировать лишь восточное помещение дома, в которое можно было попасть через вход в восточной стене. Западное помещение было частично вымощено крупными плитами: в проходе между комнатами сохранился порожный камень. С юга к стене усадьбы примыкала кладка, основание которой возвышалось над подошвами стен постройки на 0,4 м: если эта пристройка находилась снаружи дома на уровне дневной поверхности, скорее всего, пол самой постройки был заглублен. Эта кладка была интерпретирована как опорный пилон⁴.

Башия на пос. Архипо-Осиповка (110 кв. м) является самой юго-восточной точкой боспорской сигнально-сторожевой системы. Это двухкамерное здание со входом в юго-восточной стене, снаружи которого была вымощенная площадка. Каменные стены реконструируются на высоту до 4 м. Этот сторожевой пост был основан позднее других, скорее всего, в период царствования Аспурга (Бонин, Мелешко. 2008. С 46–52).

Таким образом, при детальном рассмотрении планировок укрепленных домов Азиатского Боспора можно сформулировать ряд особенностей памятников этого типа. Такие сооружения четко подразделяются на две группы: многокамерные и двухкамерные. Для первых характерно устройство нескольких помещений, вход в которые осуществляется через внутренний двор. Двухкамерные укрепления состоят только из двух помещений: в этой группе памятников выделяются постройки с загороженным входом (для них характерна и большая площадь, 205–212 кв. м). Толщина внешних стен укреплений на Юбилейном-2 и на пос. Архипо-Осиповка (1,20–1,30 м) уступает мощности стен других построек (1,60–2,30 м): при этом их

⁴ *Савостина Е. А.* Отчет о раскопках античного поселения Юбилейное в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11274. С. 9–15.

планировки схожи между собой. Все укрепленные дома были многоэтажными, верхние этажи, как правило, возводились из сырцового кирпича.

Литература

- Алексеева Е. М.* К изучению сельских поселений вокруг Горгиппии // Горгиппия (материалы Анапской археологической экспедиции). Краснодар, 1980. Т. 1. С. 18–51.
- Алексеева Е. М.* Античный город Горгиппия. М.: Эдиториал УРСС, 1997.
- Анфимов Н. В.* Новые данные к истории Азиатского Боспора // СА. 1941. № 7. С. 258–267.
- Бонин А. В., Мелешко Б. В.* Сигнально-сторожевая башня близ поселка Архипо-Осиповка // ДБ. 2008. Т. 12, ч. 1. С. 44–68.
- Бонин А. В.* Сельские поселения Боспора I в. до н. э. — середины II в. н. э. Вопросы хронологии. Дис... канд. ист. наук. М., 2019.
- Вязкова О. Е., Гольева А. А., Малышев А. А.* Боспорская сигнально-сторожевая система на полуострове Абрау: результаты комплексных исследований // ABRAU ANTIQUA. Результаты комплексных исследований древностей полуострова Абрау. М.: Гриф и К, 2009. С. 212–240.
- Крушкoл Ю. С.* Античное здание в районе Горгиппии // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л.: Наука, 1968. С. 213–219.
- Малышев А. А., Моор В. В.* Опыт реконструкции башнеобразного сооружения на поселении Дубки // КСИА. 2018. № 253. С. 149–163.
- Онайко Н. А., Дмитриев А. В.* Укрепленное здание в античном поселении у с. Владимировка // КСИА. 1981. № 168. С. 93–99.
- Онайко Н. А., Дмитриев А. В.* Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже н. э. // ВДИ. 1982. № 2. С. 106–121.
- Паромов Я. М.* Укрепленные дома Азиатского Боспора // БФ 2001. С. 79–83.
- Савостина Е. А.* Античное поселение Юбилейное-I на Тамани // СА. 1987. № 1. С. 58–71.
- Сокольский Н. И.* Новые памятники синдской скульптуры // КСИА. 1965. № 100. С. 86–96.
- Сокольский Н. И.* Крепость аспургиан на Боспоре // Античная археология. М.: Наука, 1975. С. 21–30.
- Сокольский Н. И.* Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.: Наука, 1976.

**НЕКРОПОЛИ И СВАТИЛИЩА
БОСПОРА
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ
ТЕРРИТОРИЙ**

И. Ю. Шауб

**О НЕКОТОРЫХ БОСПОРСКО-ФРАКИЙСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ
В РЕЛИГИОЗНОЙ СФЕРЕ (ВЕЛИКАЯ БОГИНЯ И ЕЁ ПАРЕДР)¹**

К проблеме боспорско-фракийских параллелей в религиозной сфере мы обращались уже не раз (Шауб. 1998; 2007а; 2011 и др.). Поэтому вопросов, связанных с фракийскими влияниями на боспорский культ Аполлона Врача, которые были обнаружены и рассмотрены в ряде наших работ (Шауб. 1998 (здесь же указаны и более ранние публикации автора); 2007а и др.), здесь мы касаться не будем. Отметим лишь тот факт, что наша аргументация была подкреплена в статье Ю. Устиновой (Ustinova. 2009), которая, правда, не сочла нужным сослаться на труды предшественника. Что касается уже затронутой нами ранее проблемы существования боспорско-фракийских параллелей в сфере дионисийского культа (Шауб. 2019; Шауб, Терещенко. 2021 и др.), то к ней необходимо вернуться ещё раз в связи с рассмотрением одного из аспектов означенной темы.

Глубокий и всесторонний анализ археологических памятников в сочетании с данными письменных источников позволил М. И. Ростовцеву сделать вывод о том, что Южная Россия стояла в длинном ряду тех областей, где культ Великого женского божества² был «первобытным и господствующим» (Rostovtzeff. 1921. P. 465; Шауб. 1979; 1987; 1999; 2007а; 2011 и др.). В этом же «ряду» находилась и Фракия (Маразов. 1992; Gočeva. 2003). Археологические материалы красноречиво свидетельствуют о том, что в религиозных представлениях

¹ Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

² Примерно в то же время другой выдающийся русский эллинист писал: «Исследование истории женских божеств, под каким бы именем ни таилась Многоименная, под именем Артемиды или Афродиты, или Афины, или Астарты, или Исиды, — наводит нас на следы первоначального феминистского, женского единобожия. Все женские божественные лики суть разновидности единой богини, и эта богиня — женское начало мира, один пол, возведенный в абсолют» (Иванов. 1994. С. 332).

населения фракийских земель времени неолита и энеолита господствовала «первичная религиозная концепция богини-матери, самооплодотворяющейся и дающей жизнь» (Гочева. 1981. С. 156).

Во Фракии верховная Богиня выступала в обличе Артемиды, которая изображалась в иконографии этой богини, но часто носила фракийское имя Бендида (Попов. 1981). Знаменательно, что в Аттике Бендида носила титул Великой богини, под которым и почиталась. Ещё одна ипостась фракийской верховной Богини именовалась Котис (Котито) (Попов. 2011). На Боспоре же главной ипостасью Великой богини была Афродита Урания, божество со значительным ближневосточным компонентом, одним из воплощений которой являлась змееногая богиня (Шауб. 1999; 2006; 2007а и др.; ср.: Ustinova. 2005). Ярче всего эта особенность проявляется на таких боспорских памятниках, как золотые бляшки из Куль-Обы и пластина из кургана ст. Ивановской. Змеевидные ноги богини здесь оканчиваются головами орлино- и львиноголовых грифонов (последних она держит за рога, чем ещё более подчёркивается её власть над этими монстрами).

С грифонами сражаются амазонки — служительницы Великой богини в её загробном аспекте (Шауб. 1993; 1999 и др.). Этот сюжет воплощён на жреческом головном украшении — калафе из Большой Близницы (Шауб. 2007а. Рис. 97). Не менее важно, что тот же самый сюжет является одним из наиболее частых на боспорских погребальных пеликах, причём на некоторых из них мы видим изображение змееногой богини на доспехах женщин-воительниц (Шауб. 2007а. Рис. 23). И сама Великая богиня на пеликах часто предстаёт в обличе амазонки (Шауб. 1983; 1993; 2007а; 2008 и др.).

Грифоны, с которыми сражаются амазонки на боспорских памятниках, выступают служебными существами Великой богини и во Фракии. У фракийцев также существовали религиозно-мифологические представления о женщинах-воительницах (Маразов. 1992; 2013).

Возвращаясь к змееногой, нужно отметить, что аналогию изображению этой богини из Куль-Обы Н. В. Пятышева увидела на пластинах от калафов жриц, погребенных в херсонесском склепе № 1012 (Пятышева. 1971; см. также: Рогов. 2002; Шауб. 2017). Однако её предположение, что представленная здесь богиня имеет фракийское происхождение, не было подкреплено. Тем не менее аналогии изображениям боспорской змееногой богини во фрако-македонском ареале, действительно, существуют. Так, богиня на мозаике IV в. до н. э. из дворца в Вергине (Valeva. 1995. Fig. 9) очень близка той, которая представлена на фронте боспорского деревянного саркофага примерно того же времени (Minns. 1913. Fig. 234). Упрощенный вариант

змееногой богини куль-обского типа мы видим на бронзовом изделии II–III вв. н. э., происходящем из Гераклеи Линкестиды (Сев. Македония). Этот женский персонаж держит в руках свои змеевидные конечности, оканчивающиеся головами драконов, напоминающих грифогиппокампов. К этому же типу относят и кариатид из гробницы фракийского династа в Свештари (III в. до н. э.) (Valeva. 1995). Однако эти скульптуры напоминают не столько змееногую богиню из Куль-Обы, сколько её упрощенный образ на золотых бляшках из Большой Близницы (Шауб. 2007а. Рис. 104).

Судя по изображениям на памятниках погребального культа, одним из воплощений Великой богини как на Боспоре, так и во Фракии была горгона Медуза (Маразов. 1992; 2001; Шауб. 2021). Роднит фракийскую и боспорскую³ богинь также и общий для них обеих способ передвижения — повозка (Маразов. 1992), и одинаковая загробная функция — встреча героизированного усопшего (Шауб. 2013).

В качестве паредра (а по сути, двойника) змееногой богини выступал персонаж с растительными побегами вместо ног, которые заканчиваются головами гиппокампов; его мультиплицированное изображение представлено на золотой диадеме из кургана Куль-Оба (Шауб. 2007а. Рис. 34). Этого бога можно условно назвать «Владыкой зверей» (Шауб. 2007б). Скорее всего, он мыслился как божество, родственное тому персонажу, голову которого держит в руке змееногая богиня на бляшках из того же кургана. Кроме «Владыки зверей», представленного на куль-обской диадеме, подобный персонаж запечатлён на эрмитажном известняковом акротерии III в. до н. э., вероятно всего происходящем с территории Боспора (Бессонова. 1983. Рис. 10, 3). Во Фракии аналогичное божество фигурирует на бронзовой пластине IV в. до н. э., найденной в Олинфе (Robinson. 1941. P. 31. Tab. 5, 16; Valeva. 1995. Fig. 4).

В этих изображениях «Владыки зверей» исследователи видят Диониса или близкого к нему фрако-фригийского бога Сабазия. Некоторые античные источники прямо указывают, что Сабазий — это фракийский Дионис (например: Schol. Ar. Vesp. 9; Orph. h. 48). Как Дионис, так и Сабазий тесно связаны со змеями: последний на ряде памятников его культа, а первый — мифологически (по одной из версий, Дионис Загрей был сыном Зевса-змея и сам мог превращаться в эту рептилию) (Gicheva. 1997; Popova. 2009. P. 167). Несомненно, черты этих божеств присутствуют в образе «Владыки зверей», хотя,

³ Вернее Богиню, в чьём образе местное население Боспора почитало своё верховное женское божество.

на наш взгляд, вернее было бы в данном случае говорить о прадионисийской (в духе В. И. Иванова) сущности этого образа (Шауб. 2007б).

Бородатые головы всех вышеупомянутых персонажей напоминают образы силенов, которые с начала IV и вплоть до середины III в. до н. э. являлись (наряду с головами безбородых сатиров) неизменным типом аверса пантикапейских монет. Нет сомнения в том, что иконография этих персонажей восходит к атташам ритуальных дионисийских канфаров Фракии (Шауб. 2019). Этот факт, наряду с популярностью образа бородатого силенна на монетах греко-фракийских городов, подкрепляют гипотезу М. И. Ростовцева, согласно которой дионисийские персонажи боспорских монет являются изображениями «местного, возможно фракийского, божества, великого бога растительности, который стал греческим Дионисом» (Rostovtzeff. 1922. P. 80; Шауб, Терещенко. 2021).

Ещё одним красноречивым свидетельством наличия фракийских элементов в культах жителей Боспора можно рассматривать пантикапейское посвящение Дионису Арею IV в. до н. э. (КБН 15; Шауб. 2007а. С. 346; 2011. С. 292–293).

В. В. Латышев, констатируя, что «надпись свидетельствует о наличии в Пантикапее культа Диониса воинствующего», видимо, связывает его с Дионисом «индийским», однако употребление эпитета орфиками скорее говорит в пользу его связи с фракийским культом Диониса-Сабазия (Ельницкий. 1946. С. 107). Л. А. Ельницкий также отмечает, что эпитет Ἄρειος встречается в орфических гимнах ещё раз, применительно к Корибанту (Orph. h. 39, 11), божеству, в равной степени связанному с культом Великой матери.

По словам Макробия, «многие сопоставляют Либера с Марсом, усматривая в них единое божество; отсюда к Либеру прилагается эпитет Марса Эниалий» (Macrob. Sat. I, 19). Экстатический характер фракийского культа Ареса (Wiesner. 1963. S. 102) и обычай фракийцев украшать оружие плющом — священным растением Диониса (Plin. HN. 16, 62) — явно свидетельствуют о значительной культовой близости обоих богов (Шауб. 2011. С. 292). И Дионис, и Арес, происхождение которых греческая традиция устойчиво связывает с Фракией (Hdt. II. 49, 52, 143–146; Eur. Bacch., 230 ff., 350 ff.; Apollod. II. 19.1; Diod. IV. 81.1), по Геродоту (Hdt. V, 7), являлись главными мужскими божествами фракийцев.

Античную традицию фракийского происхождения Диониса принимают и многие современные учёные, в то время как некоторые другие, не соглашаясь с этим, апеллируют к факту прочтения на одной из табличек линейного письма Б имени бога вина. В свою очередь,

лингвист В. Л. Цымбурский считает имя Диониса фракийским и переводит его как «Бог-Наш» (Цымбурский. 2002). По мнению Г. Шепарда, этот бог «является, по сути, выражением культа бессмертия» (Шепард. 2010. С. 296). Тот же учёный полагает, что культ Диониса возник задолго до его появления на Балканах, в Нижнем Поднестровье, поскольку эта территория служила местом обитания (пра)фракийцев и соответствует ареалу произрастания дикого винограда (Шепард. 2010. С. 296).

Поэтому представление об определяющей роли в формировании дионисийского культа религиозных представлений и минойских, и микенских традиций (Кузина. 2013. С. 258) не выглядит убедительным. В то же время нет сомнений в том, что «культ Диониса представляет собой сложное, многослойное по происхождению явление. Нельзя однозначно определить истоки дионисийского культа и связать его происхождение с сакральными традициями только одного региона: Малой Азии, Ближнего Востока, Эгеиды <...> Вместе с тем оформившийся к VIII–VII вв. до н. э. культ Диониса, его символика представляют собой синтез различных элементов, пришедших с Ближнего Востока, из Малой Азии и Фракии в процессе интенсивных кросс-культурных, межэтнических контактов греков с народами Средиземноморского региона» (Кузина. 2013. С. 258).

Та же исследовательница (Н. В. Кузина) справедливо отмечает, что «варварам оказались особенно близки идеи хтонического культа Диониса, связанные с загробной жизнью и возрождением» (Кузина. 2008. С. 23). Однако культ Диониса едва ли может «рассматриваться как «критерий эллинизации» осваиваемых греками чужих земель» (Кузина. 2008. С. 23), поскольку именно у фракийцев эллины заимствовали те идеи бессмертия (Rohde. 1898. S. 28 ff), которые существенно повлияли на дионисийство и способствовали кардинальной трансформации гомеровского взгляда на «загробье». Усвоению этих идей способствовал тот факт, что «в основе образа и культа Диониса лежат общие для традиционных обществ древнейшие представления об умирающем и воскресающем божестве, несущем идею цикличности в развитии всего живого, сменяемости процессов увядания и возрождения» (Кузина. 2013. С. 258). Здесь необходимо напомнить и тот факт, что возникновение образов сатиров — будущих спутников Диониса — предшествовало формированию образа и культа самого этого бога (Шауб. 2019; Шауб, Терещенко. 2021).

Любопытное сообщение о популярности вакхического танца, а следовательно, и культа Диониса в ионийских и причерноморских городах сохранил Лукиан в своем трактате «О танце» (Lucian. *De saltat.*

79 Macleod): «Вакхический танец, который особенно распространён в Ионии и в Понте, хотя и похабный (σατυρική), настолько увлек тамошних людей, что все они в назначенное время забывают все остальное и сидят, наблюдая за титанами, корибантами, сатирами и буколами (βουκόλους — почитателями Диониса в бычьих масках, а вовсе не «стадами быков», как переводит это слово Д. Чекова. — *И. Ш.*) весь день напролет. И те, кто исполняют эти танцы, являются лучшими по рождению и первыми людьми в каждом из городов. Они не только не испытывают смущения, но и гордятся этим фактом, даже больше, чем своим знатным происхождением, литургиями и репутацией своих предков»⁴.

По всей вероятности, к этим вакхическим танцам имели прямое отношение терракоты и ювелирные изделия в виде пляшущих варваров, найденные в гробницах Боспора (Шауб. 2007а. Рис. 86–90). Некоторые исследователи предполагают связь этих танцоров с культом Сабазия. Поскольку это фрако-фригийское божество в верованиях его почитателей давало надежду на вечную загробную жизнь (Picard. 1961), неудивительно, что изображения, связанные с его культом, могли помещаться в могилы (Шауб. 2007а. С. 341–344).

Поклонение Дионису, несомненно, составляло часть культурного наследия Милета. Однако, по мнению Д. Чековой, распространению в его понтийских колониях вакхического культа особенно благоприятствовали религиозные традиции тесно связанного с ними местного фракийского населения (Chieкова. 2007. Р. 24).

Ещё одно указание на контакт с фракийской религией усматривает Д. Чекова в популярности Кибелы в городах западного Причерноморья, начиная с архаического периода. «Опять же, эту важность можно объяснить, по крайней мере, на двух уровнях. С одной стороны, это признак того места, которое занимают анатолийские традиции в религиозной сфере этих городов» (Chieкова. 2007. Р. 28). С другой стороны, она склонна приписывать популярность Великой Анатолийской Матери поклонению Великой Богине-Матери у фракийцев. Это предположение подтверждает группа памятников с Фракийским всадником (Херосом), где предстоящая перед ним богиня «напоминает Кибелу, но должна интерпретироваться, скорее всего,

⁴ ἡ μὲν γὰρ Βακχικὴ ὄρχησις ἐν Ἰωνίᾳ μάλιστα καὶ ἐν Πόντῳ σπουδαζομένη, καίτοι σατυρικὴ οὖσα, οὕτω κεραίρωται τοὺς ἀνθρώπους τοὺς ἐκεῖ ὥστε κατὰ τὸν τεταγμένον ἕκαστοι καιρὸν, ἀπάντων ἐπιλαθόμενοι τῶν ἄλλων, κἀθηννα δι' ἡμέρας τιτᾶνας καὶ κορύβαντας καὶ σατύρους καὶ βουκόλους ὄραντες. καὶ ὄρχουνταὶ γὰρ ταῦτα οἱ εὐγενέστατοι καὶ πρωτεύοντες ἐν ἑκάστῃ τῶν πόλεων, οὐχ ὅπως αἰδοῦμενοι ἀλλὰ καὶ μέγα φρονοῦντες ἐπὶ τῷ πράγματι μᾶλλον ἢ περὶ εὐγενείας καὶ λειτουργίας καὶ ἀξιώμασι προγονικοῖς.

как Фракийская Богиня, изображение которой принимает иконографический тип Кибелы» (Chieikova 2007. P. 28–29).

Как и в случае фракийской Великой богини-матери, пантеистическая природа Великой богини варваров Северного Причерноморья обеспечила благоприятную основу для синкретизма с главными эллинскими женскими божествами, образы которых сами являются производными от Великой богини Эгеиды (Шауб 2011. С. 350). Близость (или родство) скифской (говоря условно) Великой богини не только с фракийской Богиней-матерью, но и с малоазийско-греческой Матерью богов проявляется как в принятии её иконографии (частичной или полной; см.: Junger. 1997), так и в её связи с дионисийским кругом. Знаменательно, что в надписях столь родственной Фракии Фригии, большая часть которых посвящена Великой Богине-матери — верховному божеству фригийцев, фракийскому в своей основе (Roller. 2003. P. 163), из прочих богов надёжно засвидетельствованы только Сабазий и Аполлон (см.: Василева. 1990. С. 94, 99).

По мнению Д. Чековой, греческие жители городов Западного Причерноморья, оставаясь верными культурному наследию метрополии, «в то же время были способны воспринять религиозные ценности своих „варварских“ соседей» (Chieikova. 2007. P. 30). В свете всего вышеизложенного, выводы, сделанные болгарской исследовательницей о сохранении культурных традиций метрополии при существенном влиянии фракийского окружения на религиозную жизнь колоний Западного Понта, можно с полным правом отнести и к Боспору с его греко-варварским населением.

Литература

- Бессонова С. С. Религиозные представления скифов. Киев: Наукова думка, 1983.
- Василева М. Гора, бог и имя: о некоторых фрако-фригийских параллелях // ВДИ. 1990. № 3. С. 94–101.
- Гочева З. Антропоморфные изображения богов у фракийцев // ВДИ. 1981. № 2. С. 155–161.
- Ельницкий Л. А. Из истории эллинистических культов // СА. 1946. № 8. С. 97–122.
- Иванов В. И. Дионис и прадионисийство. СПб.: Алетейя, 1994.
- Кузина Н. В. Культ Диониса в античных государствах Северного Причерноморья: содержание, общественно-политический аспект, локальная специфика. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2008.
- Кузина Н. В. К вопросу о происхождении культа Диониса // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. История. 2013. № 4 (1). С. 252–259.
- Марзов И. Мит, ритуал и искусство у траките. София, 1992.

- Маразов И.* Фиалата от Кул Оба — образът на «другия» в изкуството на скитите // Миф. На акад. Дмитри Сергеевич Раевски. София, 2001. Вып. 7. С. 360–424.
- Маразов И.* Амазонката в древна Тракия. София, 2013.
- Попов Д.* Тракийската богиня Бендида. София, 1981.
- Попов Д.* Тракийската богиня Котито // *Трасиа*. 2011. Т. 19. С. 267–277.
- Пятышева Н. В.* Материал склепа № 1012 и его значение для истории Херсонеса эллинистического времени // *История и культура Восточной Европы по археологическим данным*. М.: Советская Россия, 1971. С. 89–109.
- Рогов Е. Я.* Подстенный склеп 1012 в Херсонесе Таврическом // *БФ* 2002. Ч. 1. С. 26–42.
- Цымбурский В. Л.* Имя Диониса // *Colloquia classica et indogermanica* III. Классическая филология и индоевропейское языкознание. СПб.: Наука, 2002. С. 141–166.
- Шауб И. Ю.* Миф об Афродите Апатуре и его местная основа // *Местное население Причерноморья в эпоху Великой греческой колонизации. Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья (Цхалтубо, 1979)*. Тбилиси, 1979. С. 85–87.
- Шауб И. Ю.* Религиозно-мифологические представления жителей Боспорского государства (некоторые сюжеты «боспорских пелик») // *Concilium Eirene* XVI. Vol. II. Prague, 1983. С. 72–75.
- Шауб И. Ю.* Культы и религиозные представления населения Боспора VI–IV веков до н. э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987.
- Шауб И. Ю.* Амазонки на Боспоре // *Скифия и Боспор. Новочеркасск: Музей истории донского казачества*, 1993. С. 79–88.
- Шауб И. Ю.* Варварские элементы в культе Аполлона на Боспоре // *Клио*. 1998. № 1 (4). С. 67–74.
- Шауб И. Ю.* Культ Великой богини у местного населения Северного Причерноморья // *Stratum plus*. 1999. № 3. С. 207–224.
- Шауб И. Ю.* Причерноморско-италийские этюды VI. Змееногая богиня в Скифии и Древней Италии // *ИС*. 2006. № 9. С. 5–22.
- Шауб И. Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н. э. СПб.: Изд-во филологического факультета СПбГУ, 2007а.
- Шауб И. Ю.* Образ «Владыки зверей» на Боспоре и в Скифии // *БФ* 2007. Ч. 1. 2007б. С. 27–30.
- Шауб И. Ю.* Италия — Скифия: культурно-исторические параллели. М.; СПб.: Изд-во Свято-Алексиевской пустыни, 2008.
- Шауб И. Ю.* Эллинские традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI–IV вв. до н. э.). Saarbrücken, LAP, 2011.
- Шауб И. Ю.* Приобщение к Великой богине как кульминация загробных упований боспорской элиты: культурно-исторические параллели // *БФ* 2013. С. 78–82.
- Шауб И. Ю.* Боспорское жречество // *Элита Боспора Киммерийского: Традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени*. Симферополь;

- Керчь: НИЦ КФУ им. В. И. Вернадского, ЦАИ БФ «Деметра», 2017. С. 288–324. (БИ. Т. XXXIV).
- Шайб И. Ю.* К вопросу об интерпретации образов дионисийского круга на монетах Пантикапея // Записки ИИМК РАН. 2019. Вып. 21. С. 73–81.
- Шайб И. Ю.* Горгона в религии меотов // МАИАСП. 2021. № 13. С. 701–714.
- Шайб И. Ю., Терещенко А. Е.* Подтверждается ли гипотеза М. И. Ростовцева о фракийском происхождении образов сатиров на монетах Пантикапея? // АВ. 2021. Вып. 33. С. 71–77.
- Шепард Г.* К вопросу об истоках культа Диониса // Индоевропейская история в свете новых исследований (Сборник трудов конференции памяти профессора В. А. Сафронова). М., 2010. С. 295–308.
- Chiekova D.* Cults of the Greek Cities *en aristera tou Pontou*: Interaction of Greek and Thracian traditions // Electronic Antiquity. Issue 11.1. November 2007. P. 51–66.
- Gicheva R.* Sabazios // LIMC. 1997. Bd. 8. P. 1068–1071.
- Gočeva Z.* Le culte de la Grande Déesse-mère en Thrace // Thracia. 2003. T. 15. P. 165–178.
- Jünger F.* Deutungsvorschläge zur sog. “Sitzenden Göttin” // Zur graeco-skythischen Kunst: Archäologisches Kolloquium Münster, 24–26. November 1995. Münster, 1997. S. 49–60.
- Minns E.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.
- Picard C.* Sabazios, dieu thraco-phrygien, expansion et aspects nouveaux de son culte // Revue archéologique. 1961. № 11. P. 129–176.
- Popova R.* The Road of Sabazios to the Northern Coasts of the Black Sea: The Bosporan Kingdom // Thracia. 2009. Vol. 18. P. 165–183.
- Robinson D. M.* Excavations at Olynthos. Vol. X. Baltimore; London; Oxford, 1941.
- Rohde E.* Psyche. Seelencult und Unsterblichkeitsglaube der Griechen. Bd. II. Freiburg i. B., 1898.
- Roller L. E.* The Mother Goddess between Thrace and Phrygia // Thracia. Vol. 15. 2003. P. 161–169.
- Rostovtzeff M.* Le culte de la Grande Déesse dans la Russie méridionale // Revue des études grecques. 1921. T. 32. P. 462–481.
- Rostovtzeff M.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922.
- Ustinova J.* Snake-Limbed and Tendril-Limbed Goddesses in the Art and Mythology of the Mediterranean and Black Sea // Scythians and Greeks: Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (sixth century BC — first century AD) / Ed. D. Braund. Exeter, 2005. P. 64–79.
- Ustinova Y.* Apollo Iatros: A Greek God of Pontic Origin // Die Griechen und ihre Nachbarn am Nordrand des Schwarzen Meeres. Beiträge des Internationalen archäologischen Kolloquiums Münster 2001. Münster, 2009. P. 245–299.
- Valeva J.* The Sveshtari Figurines: An Attempt to Specify Several Hypotheses // Thracia. 1995. Vol. 11. P. 337–352.
- Wiesner J.* Die Thraker: Studien zu einem versunkenen Volk des Balkanraumes. Stuttgart, 1963.

Н. В. Молева

**ЖРЕЦЫ И ЖРИЦЫ
В БОСПОРСКИХ ХРАМАХ И СВЯТИЛИЩАХ**

Среди опубликованных эпитафических памятников Боспора (их около 1350) имеется довольно много надписей (59), упоминающих жрецов, обслуживающих культы различных богов и проводивших сакральные церемонии в храмах и святилищах. Религиозная жизнь, судя по этим источникам, была важной составляющей существования всех боспорских городов. Сведения о ней имеются для столицы Пантикапея, Нимфея, Мирмекия, Китея, Киммерика, Фанагории, Горгипии, Гермонассы, Кеп, Зенонова Херсонеса, Танаиса — и это только в эпитафических памятниках. Кроме надписей, непосредственно упоминающих жрецов, имеется ряд посвящений культового характера в честь различных богов (их более 40), а также — десятки эпитафий, в которых упоминаются самые различные боги олимпийского пантеона. Это Аполлон (чаще всего Врач), Афродита Урания, Деметра, Артемида, Дионис, Геракл, Зевс и Гера, Великая Мать (Кибела), Асклепий, Гелиос. Помимо них в стихотворных эпитафиях называются Аид, Персефона, Арес, Феб, Мойры и Музы. Только перечисление этих имен позволяет судить о подробном знакомстве боспорян с древнегреческой мифологией и приверженности их к олимпийской религии, по крайней мере, до середины II в. н. э.

Если учесть, что в храмах и святилищах Боспора отправлялись культы этих богов, то, вероятно, количество таких сакральных объектов исчислялось многими десятками. Соответственно, жречество, подвергавшееся постоянной ротации, могло насчитывать сотни человек. Замена осуществлялась по мере окончания срока жречества, поэтому довольно большое количество жителей боспорских городов (около 4,5%) было привлечено к культовой практике. Подавляющее большинство упомянутых надписей содержат только обозначение служителей культов словом «жрец» и только две из них (КБН 942, 1005) позволяют сделать некоторые выводы об их обязанностях и статусе.

Рис. 1. Пантикапей. Роспись в склепе 1891 г. со сценой жертвоприношения (с акварели М. В. Фармаковского). Керчь

В первых веках н. э., особенно во II–III вв., на Боспоре появляются частные религиозные, профессиональные и возрастные сообщества, именуемые в источниках фисами и синодами. Они редко связаны с почитанием олимпийских богов (КБН 75, 76, 1055, 1134 — Пантикапей, Гермонасса, Горгиппия); в подавляющем большинстве это посвящения Богу Высочайшему, имеющему, вероятно, иудейское происхождение. Этот культ, монотеистический по своему содержанию, прослеживается с I по III в. н. э. Во главе таких объединений, как правило, стоят жрецы, что указывает на их культовый характер (Габелко, Завойкина, Шавырина. 2006. С. 334–335).

Кроме эпиграфических источников, важными свидетельствами о боспорских жрецах являются археологические памятники, прежде всего жреческие погребения и материалы раскопок храмов и святилищ. Очень информативны в этом плане произведения боспорского искусства: полихромная роспись стены склепа 1891 г. (Пантикапей) с изображением сцены жертвоприношения (рис. 1), памятники пластики — некоторые скульптуры, рельефы и терракоты.

Что касается погребений жрецов, а чаще жриц в боспорских курганах и склепах, то И. Ю. Шауб четко выделил признаки таких захоронений. Это головные уборы типа калафов или ритуальных шлемов, ожерелья или пекторали, браслеты, церемониальные сосуды и терракоты, зеркала. В целом такие погребения выглядят очень богатыми и роскошными (Шауб. 2017. С. 295–298). К ним можно отнести курганы Большая Близница, Куль-Оба, Павловский, Ак-Бурун, Карагодеуашх, Артюховский, Три брата и более поздний «склеп Деметры». Многочисленный великолепный инвентарь и религиозная символика в них присутствующая, позволяют в равной степени предположить, что это и царские, и жреческие захоронения, поскольку семьи правителей олицетворяли собой не только верховную политическую власть, но и доминирующие сакральные функции. Безусловно, все эти памятники принадлежали верхушке боспорской аристократии, связанной с царским домом, и свидетельствуют об очень высоком социальном статусе и богатстве этих представителей жреческого сословия.

Таким образом, становится очевидным, что источниковая база, включающая в себя различные виды памятников, из которых главными являются эпиграфические, позволяет реконструировать некоторые аспекты деятельности боспорских жрецов, а также — их внешность: костюм, атрибуты.

В Западной Европе и США существует обширная научная литература о жрецах в Древней Греции и Риме, в которой практически отсутствуют сведения о религиозной жизни в греческих колониях Северного Причерноморья. Исключением является монография Д. Браунда, посвященная сакральной жизни в античных центрах Северного Причерноморья. В ней в основном уделено внимание культам великих греческих богинь Деметры, Афродиты и Артемиды, несущих идею плодородия и единства с природой. Небольшой раздел посвящен «жрицам, захороненным в кургане Большая Близница» (Braund. 2018. P. 265–274). В нашей статье была использована книга Д. Б. Коннелли, специально посвященная жрицам и религиозным ритуалам в Древней Греции. В ней нашли отражение вопросы иконографии служительниц культов, а также особенности их одеяний, головных уборов и причесок, которые находят аналоги в боспорских памятниках (Connolly. 2007. P. 88–92, 118–161). Некоторые сведения о жрецах в греческих городских и сельских святилищах были почерпнуты из монографий М. Нильссона (Нильссон. 1998. С. 59, 110–112, 131–132), П. Гиро (Гиро. 1913. С. 27–32) и Л. Винничук (Винничук. 1988. С. 334–335).

В России к образам древнегреческих священнослужителей в конце XIX в. одним из первых обратился В. В. Латышев. Им были рассмотрены вопросы происхождения и значения жречества, его обязанности, доходы, условия замещения и сроки отбытия жреческих должностей (Латышев. 1889. С. 19–57).

В настоящее время жрецам и жертвоприношениям в Древней Греции посвящены несколько работ В. С. Ленской. В них уделено внимание различным сторонам жреческого служения: роли в процессе жертвоприношений и организации ритуальных пиров, привилегиям знатных родов в занятии жреческих должностей, денежным и материальным вознаграждениям служителям культов, их внешнему виду (Ленская. 2007. С. 315–331; 2013. С. 103–116). Эти данные находят соответствие в памятниках Боспора.

Большой интерес для нашей работы представляют две монографии М. В. Скржинской, в которых автор обратилась к Северопричерноморскому региону, в частности — Ольвии, Боспору, Херсонесу. В них некоторое внимание уделено жрецам и различным сторонам их деятельности. Все эти наблюдения сделаны на основе изучения памятников эпиграфики, археологии и произведений изобразительного искусства. Автором было высказано мнение о связи сакральных церемоний в городах Северного Причерноморья с Элевсинскими мистериями в Греции (Скржинская. 2009. С. 24–25, 102–103; 2010. С. 10, 22–25).

Две выдающиеся работы специально посвящены жрецам на Боспоре. Первая — большая статья В. П. Яйленко, в которой всесторонне рассмотрен культ Афродиты и его местные особенности. По мнению автора, основанному на детальном анализе археологических и письменных источников, жрицы этого культа являлись представительницами царской династии Спартокидов. Ссылаясь на негреческое происхождение этих царей, В. П. Яйленко приходит к выводу о доминировании местных, варварских черт в этом культе (Яйленко. 1995. С. 226, 234–235). Однако роль негреческого компонента в почитании Афродиты на Боспоре автором переоценена. Этническое происхождение династии Спартокидов не стоит напрямую связывать с религиозными традициями боспорских греков (Бунин. 2022. С. 71). Облик храмов и святилищ Афродиты, её иконография, воплощенная в пластике, греческий язык посвящений свидетельствуют о преобладании греческих обычаев в отправлении культа этой богини.

Второй обобщающей работой, посвященной боспорскому жречеству IV–III вв. до н. э., является V глава в коллективной монографии об аристократической элите Боспора. Её автором является И. Ю. Шауб,

и называется она «Боспорское жречество». На основании изучения греческих погребений, принадлежавших верхушке боспорской аристократии, он выделил ряд признаков, характерных именно для жреческих захоронений, на которых мы остановимся позже. И. Ю. Шауб приходит к выводу, неоднократно им повторяемому, что культ Великой богини, ипостасями которой были Деметра, Афродита и Артемида, был основным на Боспоре. А жреческие функции в этом культе являлись прерогативой царей, цариц и высшей аристократии, связанной с династией Спартокидов. Особенности боспорского жречества он считает скифские традиции (Шауб. 2017. С. 289–291, 324). Нам трудно согласиться с этой точкой зрения.

Заметим, что обе упомянутые выше работы отражают ситуацию в сакральной жизни Боспора в IV–III вв. до н. э. и посвящены жрицам, принадлежащим к верхушке аристократии и обслуживающим главные культы, имевшие династическое и общегосударственное значение. Вместе с тем на Боспоре существовали десятки святилищ и небольших храмов, при которых также состояли жрецы и жрицы, проводившие там самые различные обряды. Именно этот слой жречества, количественно бывший основным и тесно связанный с народом, представляет значительный интерес. В некоторой степени соображения о статусе боспорских жрецов из малых городов, их обязанностях и ритуалах, ими проводимых в святилищах, в частности в Китее, нашли отражение в статье Е. А. Молева и Н. В. Молевой (Молев, Молева. 2022. С. 201–202). Из надписи на культовом столе из этого города упоминается жрец Юлий Психарийон и некоторые его обязанности и права (КБН 942).

Далее мы сделаем попытку выяснить статус, особенности ротации жрецов на Боспоре, а также определить их привилегии и реконструировать их внешний вид: одеяния, прически, головные уборы.

Наиболее информативными эпиграфическими источниками о таких священнослужителях являются посвящения, сделанные в честь богов по отбытии срока жречества или по обету. Наиболее ранние из них относятся к первой половине IV в. до н. э. и с этого времени продолжают встречаться. Почти все они происходят из Пантикапея и выполнены из мрамора. Это постамент статуи Аполлона-Врача с посвящением Стратокла за своего отца, «отбывшего срок жречества» (КБН 6). Известны также две плиты с посвящением Афродите от сына Левкона (КБН 7) и Артемиде Эфесской от её жрицы (КБН 6–а). От имени царствующих особ сделаны посвячительные надписи Сенергу и Астаре, которым жена Перисада Камосария воздвигла двойную стацию (КБН 1015); надпись из Кеп, посвященная Афродите, упоминает

жену Спартока, жрицу. Следует также отметить «привет» Афродите от жены Сатира, жрицы, высеченный на штукатурке храма этой богини из Нимфея (Яйленко. 1995. С. 210). Всего подобных надписей, сделанных от имени знатных и богатых людей, связанных с царским домом, известно 13. Все эти адоранты были жрецами и устанавливали статуи или алтари в честь Деметры (КБН 8, 14), Артемиды Эфесской (КБН 1040), Аполлона и Аполлона-Врача (КБН 10, 1039), Афродиты (КБН 1041).

В III в. до н. э. прямо упоминается Левкон, сын Перисада, который, «отбыв срок своего жречества, посвятил статую Аполлону-Врачу» (КБН 25). Имя Аполлона-Врача содержит также мраморный постамент из Фанагории (КБН 974). Впервые в III в. до н. э. появляется посвящение Матери Фригийской на мраморном постаменте от имени жрицы Гестии (КБН 21). Во II–I вв. до н. э. продолжают делаться посвящения Аполлону-Врачу (КБН 1044). Отметим, что в подобных надписях упоминаются Артемиды-Советницы (КБН 28) и Зевс Генарх (КБН 29). Эти памятники относятся к Пантикапею, Гермонассе и Фанагории, причём два последних, выполненных в мраморе, сделаны от имени царя Фарнака.

Таким образом, все сведения о боспорских жрецах в IV–I вв. до н. э., имеющиеся в нашем распоряжении, свидетельствуют о том, что должности жрецов носили временный характер и их занимали очень знатные и богатые люди. Конечно, на периферии Боспора ситуация могла быть несколько иной, но сведений об этом у нас нет.

В первые века н. э. ситуация с посвящениями от имени жрецов и упоминанием их в надписях претерпевает изменения и чем дальше, тем больше. Наряду с именами греческих богов в этих посвящениях — Зевса, Геи, Гелиоса, Ма (Великая Мать), Девы (КБН 74), Афродиты (КБН 1045, 1055), Артемиды (КБН 1308), Посейдона (КБН 1134), появляются памятники, в которых называются первосвященники Августов, свидетельствующие о проникновении культа римских императоров на Боспор (КБН 1045, 1046, 1118, 1122). Такие посвящения относятся к I–II вв. н. э. и в основном происходят из Гермонассы и Горгиппии. Только одна надпись такого рода в честь Тиберия Юлия Котиса относится к Пантикапею (КБН 34). Почти все они выполнены на мраморе. Их контекст позволяет полагать, что жречество таких «первосвященников» исполнялось или самими боспорскими царями (Динамия, Котис, Рескупорид, сын Котиса, Савромат), или их приближенными. Такое жречество (священничество) нередко было пожизненным. I–II вв. н. э. — это время наибольшей зависимости Боспора от Рима и, соответственно, внешней романизации

боспорской аристократической верхушки, принимавшей римские имена наряду с римским гражданством. Такая традиция продолжалась и в III в. В надписи на культовом столе из Китея попечитель строительства храма назван Юлием Симмахом, а жрец — Юлием Психаионом (КБН 942).

Самым интересным явлением в сакральной жизни Боспора первых веков н. э. было появление, а затем и широкое распространение монотеистического культа Бога Высочайшего, Гремящего и пр., имевшего иудейские корни. Ему возводились храмы, молельни и синагоги и, судя по количеству надписей в его честь (15), число его почитателей возрастало, достигнув своего максимума к концу II — III в. н. э. В основном этот культ исповедовался в периферийных центрах Боспорского царства: 11 посвящений происходят из Танаиса, 3 — из Горгиипии, 1 — из Китея. Именно в первых веках н. э. на Боспоре возникают частные сообщества, называемые фиасы и синоды. В некоторых городах, в частности в Танаисе, таким «стержнем объединения граждан было почитание Бога Высочайшего» (Завойкина. 2007. С. 311). Его имя присутствует почти во всех надписях от имени фиасов и синодов этого города. В других городах на азиатской стороне Боспора существовали синод Афродиты в Гермонассе (КБН 1055) и фиас навклеров, почитающих Посейдона в Горгиипии (КБН 1134). Н. В. Завойкина пришла к выводу, что существуют две разновидности таких частных сообществ: религиозные ассоциации и возрастные союзы (Завойкина. 2007. С. 301–305). Вероятно, иногда они создавались как профессиональные союзы. В подавляющем большинстве в надписях таких объединений на первом месте стоит имя жреца как главы и руководителя такого товарищества. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что такие союзы были по большей части религиозными объединениями (Габелко, Завойкина, Шавырина. 2006. С. 337). С. Ю. Сапрыкин считает, что «впоследствии» синагоги вошли в синоды, которые стали во главе фиасов (Сапрыкин. 2022. С. 136). По его мнению, такие религиозные и религиозно-профессиональные союзы имели своеобразие в каждом городе, но представители царской администрации, включенные в состав учредителей объединений, следили за их деятельностью. Жители малых городов (Зенонов Херсонес, Китей) создавали такие сообщества ради престижа, чтобы в чем-то сравняться с более крупными городами (Сапрыкин. 2022. С. 137). В любом центре главенствующую роль в таких объединениях играли жрецы.

Отметим, что все посвящения и надписи такого рода, сделанные от имени фиасов или синодов, выполнены на мраморных плитах,

и это свидетельствует о материальной состоятельности этих сообществ. Имена жрецов и их отчеств, обозначенные на них, преимущественно греческие: Фанн, сын Стратоника (КБН 1260); Публий, сын Харитона (КБН 1261); Пап, сын Хреста (КБН 1288); Деметрий, сын Аполлония (КБН 1282); Калисфен, сын Паппа (КБН 1280) и др. Это позволяет предположить, что жреческие должности в фиасах и синодах занимали люди, принадлежавшие к культурной элите городского населения.

Теперь об обязанностях жрецов. Главную свою роль они выполняли во время жертвоприношений и возлияний. Каждое святилище или храм имели свой особый ритуал, который жрец должен был знать во всех подробностях; основным предназначением этих священнослужителей было служение божеству (Латышев. 1889. С. 50; Нильссон. 1998. С. 110–111). Они руководили обрядами, придавая им сакральную значимость. После совершения ритуала жрец получал определенное количество жертвенного мяса (Ленская. 2013. С. 319). Жертвоприношения обычно сопровождалось ритуальным пиром в честь божества. В одной из боспорских надписей II в. н. э. из Фанагории, представляющей собой большой фрагмент Устава жертвоприношения и празднования мистерий в честь двух богинь (КБН 1005), перечислены обязанности жреца: принесение жертвы на алтаре, совершение воскурений, организация пира («обеда») с указаниями продуктов, для него необходимых; названы и обязательные приглашенные. За свои труды фанагорийский жрец получал вознаграждение: язык и шкуру жертвенного животного. Обязанностью жреца было следить за тем, чтобы приносимые в жертву животные были здоровыми, красивыми и чистыми (Скржинская. 2010. С. 23–24). Как видно из вышеприведенной надписи, жрец принимал деятельное участие в организации мистерий и следил за чистотой в месте, где проводились религиозные действия («пусть место будет подметено дважды»). Кроме того, жрецы должны были проводить ритуалы очищения, часто кровью жертвенных собак (Ленская. 2013. С. 325). Не случайно в Центральном городском святилище Китея обнаружены десятки жертвоприношений этих животных (Молева. 2002. С. 117–120). Конечно, у жрецов были и административные обязанности: содержание храма или святилища, хранение утвари и пр. (Скржинская. 2009. С. 24). Самой ответственной функцией жрецов было распоряжение храмовой казной и доходами, поступавшими от верующих (Латышев. 1889. С. 53–54; Скржинская. 2009. С. 24). Судя по надписям 234 г. н. э. на культовом столе из храма Бога Высочайшего в Китее, жрец этого храма ведал поступлениями в «священную

казну» и мог распоряжаться процентами от денежных вкладов (КБН 942). Вероятно, традиция существования храмовой казны на Боспоре была давней и сохранялась на протяжении веков. Так, в городском святилище Китея в 2012 г. был обнаружен тщательно спрятанный клад позднебоспорских статеров (Абрамзон, Молев. 2016. С. 387–388). Клады электровых кизикинов V в. до н. э. и золотых эллинистических статеров были обнаружены в Мирмекии, на территории участка «И», на котором находились зольные святилища (Бутягин и др. 2022. С. 315–316). Вполне вероятно, что мирмекийские монетные клады, как и китейские, могли являться храмовой казной, схороненной жрецами в лихолетье.

Большинство надписей сообщает нам о жрецах-мужчинах, особенно в первые века н. э. Но есть немало упоминаний о женщинах-жрицах (их 11). В свое время В. В. Латышев заметил, что в большинстве случаев жрецы служили мужским божествам, а жрицы — женским (Латышев. 1889. С. 51). М. Нильссон отмечает, что «во многих культах были женщины-жрицы» (Нильссон. 1998. С. 131–132). Боспорские надписи подтверждают такой порядок сакральной жизни. Так, культ Аполлона-Врача обслуживали жрецы-мужчины (КБН 6, 10, 25, 974, 1039, 1044). Женщины-жрицы служили в храмах и святилищах Деметры (КБН 8, 14), Артемиды Эфесской (КБН 6-а, 1040), Афродиты (КБН 1041 и 2 уже упоминавшиеся надписи из Кеп и Нимфея), Матери Фригийской-Кибелы (КБН 21). В некоторых культах, в частности Элевсинском, допускалось совместное богослужение жрецов и жриц (Скржинская. 2010. С. 25). Это, вероятно, связано с тем, что в таких церемониях почитались и женские, и мужские божества. Так, на фреске из склепа 1891 г. в Керчи представлена во всех подробностях сцена жертвоприношения, совершаемого двумя жрецами, мужчиной и женщиной, стоящими по обе стороны от алтаря. Они протянули к нему правые руки, а в левых держат ритоны в форме рогов изобилия. В этой сцене присутствуют фигурка танцовщицы, дерево (символ «древа жизни»), стоящий олень и сидящая на ветке птица (рис. 1) (Ростовцев. 1913. Табл. LII — рисунок Ф. Гросса; Античная декоративная живопись Боспора Киммерийского. 2017. Рис. 9 — рисунок Ю. Васильевой). Вполне вероятно, учитывая главенство означенного сюжета в росписи склепа, что в нём могли быть захоронены жрец или жрица.

Многие исследователи считают очень богатые и насыщенные религиозной символикой женские погребения в курганах Павловском, Большая Близница, Артюховском и некоторых других погребениями жриц. Однако принадлежность этих жриц тому или иному женскому

культу вызывает споры и разночтения. А. А. Передольская считала жриц, захороненных в Большой Близнице, служительницами культа Деметры, связанных с Элевсинским ритуалом (Передольская. 1962. С. 91–92). М. В. Скржинская высказывала мысль, что это могли быть жрицы Деметры или Афродиты, а может быть — Артемиды (Скржинская. 2010. С. 43); она же предположила, что женщины, погребенные в Павловском кургане и Большой Близнице, исполняли жреческие обязанности на Элевсинских праздниках (Скржинская. 2009. С. 102–103). И. Ю. Шауб полагает, что в этих курганах, а также в Артюховском и на Васюринской горе захоронены жрицы «многоипостасной» Великой Богини (Шауб. 2017. С. 291, 304, 321–322). Самую интересную точку зрения в этой связи высказал Д. Браунд. Он вообще не считает этих женщин жрицами. Вся сакральная символика, сопровождающая их погребения, не играет роли, если при них не было ключа от храма (Braund. 2018. P. 265, 271). Автор не учитывает того, что многие святилища Боспора вообще не имели храмов. В конце концов он признаёт, что «элитная дама» из Большой Близницы когда-то могла быть жрицей Афродиты-Апатуры (Braund. 2018. P. 274). Не вдаваясь в эти дискуссии, заметим, что эти захоронения принадлежат очень богатым женщинам-аристократам, может быть — царицам, исполнявшим жреческие обязанности в храмах и святилищах Боспора, посвященных самым значимым богиням греческого пантеона. Об этом свидетельствует не только импортное и высокохудожественное исполнение почти всего инвентаря, но греческая иконография произведений пластики, символика на предметах искусства является в равной степени принадлежащей и греческому, и малоазийскому, и иранскому этносам.

Должность жрецов на Боспоре чаще всего была выборной, хотя служение главным богам государственных культов являлось привилегией представителей царского дома и знатных родов. Их представители могли иметь даже наследственное жречество (Латышев. 1889. С. 52; Гиро. 1913. С. 27; Шауб. 2017. С. 288). И. Ю. Шауб пишет о «назначении» жрецов, являвшихся представителями правящей династии (Шауб. 2017. С. 288–289). При Спартокидах мужчины царского рода становились жрецами Аполлона, а их жены и дочери — жрицами Афродиты (Яйленко. 1995. С. 234–235). Это нашло отражение в уже упоминавшихся памятниках эпиграфики. К примеру: «Левкон, сын Перисада, отбыв срок своего жречества, посвятил эту статую Аполлону-Врачу...» (КБН 25). И все-таки по большей части городская или сельская община выбирала жрецов из своей среды. Вполне возможно, что из нескольких претендентов наиболее достойный выбирался

жрецом по жребью (Гиро. 1913. С. 28). Кандидаты на должность жрецов обсуждались на собраниях общины, и каждый гражданин сообщества мог исполнять религиозные функции в случае его избрания (Винничук. 1988. С. 334). Такие люди должны были быть полноправными гражданами города или поселения, демонстрировать высокие нравственные и моральные качества. Специального образования для этой должности не требовалось, но знание особенностей культа и церемониала было обязательно. В зависимости от обычая, жрец отправлял свои обязанности в течение года (Шауб. 2017. С. 288). Вероятно, он мог быть избран на повторный срок. Существовало и пожизненное жречество для царей, как верховных жрецов государственных культов. Пожизненное жречество практиковалось во II в. н. э. в культах римских императоров (Августов). Вполне вероятно, что «первосвященниками» в таких храмах были цари, и назначались они в Риме. Упоминания о пожизненных первосвященниках Августов также имеются в боспорской эпиграфике (КБН 1045, 1122). Жреческое служение было почетной обязанностью, сопровождающейся привилегиями и льготами; они были материальными (части жертвенного животного, зерно, мёд, фрукты) или денежными выплатами (Ленская. 2013. С. 104–108).

Конечно, доходы жрецов различались в зависимости от места их служения. По своему статусу и благосостоянию жрецы были неоднородны. Но все эти люди пользовались всеобщим уважением, и даже самые скромные из них по своему положению были близки к знатым гражданам (Молев, Молева. 2022. С. 202). Они обладали личной неприкосновенностью, имели право претендовать на лучшие места во время зрелищ и носить венок (Ленская. 2013. С. 110–112). На Боспоре, как и в Греции, в силу выборности жреческих должностей, не сформировалась каста священнослужителей, но благодаря такому положению дел прослойка людей, когда-либо занимавших жреческие должности в городских святилищах и храмах, была значительной (ок. 4,5% от всех боспорских надписей). Безусловно, среди боспорских жрецов были очень состоятельные люди: возведение мраморных статуй и алтарей, которое они практиковали, было очень дорогостоящим и совершалось на личные средства. До нас дошло посвящение из Танаиса на мраморе (155 г. н. э.), в котором жрец синода Фанн, сын Стратоника, сообщает о «восстановлении памятника на свои средства» (КБН 1260). Однако большинство боспорских жрецов в повседневности жили обычной жизнью своей общины, не выделяясь особо в среде городского населения. Только в дни праздников и жертвоприношений они принимали вид, соответствующий их высокому

Рис. 2. Стела с изображением сцены возлияния II в. н. э. Керченский музей

сану, и выделялись не только торжеством обрядов, но и своей внешностью, прежде всего костюмом.

Считается, что основным цветом одежды жрецов и жриц был белый. Он издавна считался символом чистоты и был обязательным для жрецов, которые должны были носить белую одежду постоянно (Connelly, 2007. P. 90–91). Но их церемониальные костюмы были особыми и сопровождалась множеством золотых украшений (Скржинская, 2009. С. 25). «Особость» праздничного одевания жрецов, вероятно, заключалась в тонкой выделке льняных тканей и обилии искусных драпировок на хитонах и гиматиях. Не случайно многие

задрапированные фигуры женщин в греческой пластике считаются изображениями жриц и прочих служительниц культов (Connelly. 2007. P. 127). На Боспоре такие традиции тоже имели место. Так, на рельефной стеле из Пантикапея со сценой возлияния на алтарь воином в парадных доспехах и плаще присутствует жрица, стоящая справа от него; её величественная фигура представлена в хитоне и гиматии с многочисленными изящными драпировками. Под покрывалом на голове надета диадема; в правой руке у нее — глубокая чаша (рис. 2) (Иванова. 1961. Рис. 65). Высота этой фигуры, присутствие таких

Рис. 3. Стела Хрисион, дочери Деметрия. I в. н. э. Керченский музей

атрибутов, как диадема, чаша и алтарь, позволяют признать в ней служительницу культа, принимающую участие в торжественной церемонии в честь воина-победителя, увенчанного Никой венком и возливающего из фиалы жидкость на алтарь. Все перечисленные орудия служения культу (чаша, фиала, алтарь, диадема) так же, как и украшения в иных случаях, считаются признаками жриц (Connelly. 2007. P. 121). К изображениям женщин подобного рода можно предположительно отнести ещё два боспорских памятника. Это рельефное надгробие Хрисион, дочери Деметрия из Пантикапея I в. н. э. (КБН 553; КБН-Альбом 553; Иванова. 1961. Рис. 32). На нём изображена дородная женщина-боспорянка в тонко задрапированном хитоне и коротком гиматии, покрывающем голову; она стоит у алтаря для возлияний аналогичного тому, что на предыдущей стеле, правая её рука, в сакральном жесте, придерживает покрывало, в левой — шарообразный сосуд типа куль-обского; на голове, под покрывалом, надета диадема, волосы уложены в причёску, спускающуюся до шеи. Пояс на талии завязан красивым и сложным узлом. Некоторые исследователи склонны считать, что эта женщина держит в руке плод граната, однако А. П. Иванова высказала предположение о том, что это шарообразный сосуд (Иванова. 1961. С. 85). Такая ситуация выглядит вполне уместной перед алтарем для легитаций. Еще одно изображение,

Рис. 4. Женская статуя II в. н. э.
Керченский музей

ассоциирующееся с образом жрицы, можно увидеть в задрапированной женской статуе из известняка II в. н. э. с суровым выражением лица местного боспорского типа. Она тоже что-то держала в руке, но этот предмет сколот. Главным атрибутом в данном случае является её головной убор: высокий, сужающийся кверху калаф, на который надето покрывало. Калаф — убор восточного происхождения, который, вероятно, носили жрицы, обслуживающие культы малоазийского происхождения, в частности — Кибелы, которую на Боспоре именовали Матерью (Ma). Кстати, подчеркнуто суровое выражение лица соответствует иконографии этой богини. Жрицы, как правило, стремились

олицетворять божество, которому служили. С большой долей вероятности можно предположить, что эти посмертные известняковые изображения принадлежали жрицам из рядовых боспорских святилищ.

Калафы другого фасона, маленькие и узкие, изображены на головах жреца и жрицы, стоящих перед алтарем в сцене жертвоприношения в уже упоминавшемся склепе 1891 г. Фреска, являющаяся центральным сюжетом в росписи склепа, дошла до нас в рисунках Ю. Васильевой (1891 г.) и Фёдора Гросса (1908 г.). Она выполнена в полихромной технике и позволяет рассмотреть почти все детали. Правые руки жрецов протянуты к алтарю, в левых они держат ритоны в виде рогов изобилия. Прически у обоих одинаковы — длинные каштановые локоны до плеч, у мужчины — короткая борода. Очень интересны их одеяния. В мужском и женском костюмах доминирует красный цвет. На жреце это доходящий до колен красный гиматий, под ним белая туника или хитон, обозначенный на правом плече. На жрице — длинный красный хитон с белой полупрозрачной деталью под грудью.

Пурпурный цвет жреческих одеяний был редким. Белые хитоны и пурпурные плащи в основном использовались в элевсинских куль-

тах, а также в церемониях в честь Зевса и Геракла (Connelly. 2007. P. 91–92). Такие атрибуты в представленной сцене, как калафы, древо жизни, фигура оленя и птица, могут свидетельствовать о том, что ритуалы, подобные элевсинским, сохранялись на Боспоре до II в. н. э. Облик этих служителей культа вполне античный и почти не содержит варварских черт. Что касается лиц всех изображенных на боспорских памятниках пластики первых веков н. э., то в них, вероятнее всего, отражен местный этнический тип, образовавшийся в результате смешения греческого и варварского населения. Из приведенных выше памятников заметно, что ритуалы, сопровождавшие отправления различных культов, как и одевания жрецов, сохраняли греческий облик. Поэтому, не оспаривая мнения о проникновении местных черт в культуру и религию Боспора, не могу согласиться с мнением В. П. Яйленко и И. Ю. Шауба о том, что главной особенностью сакральной жизни и жречества Боспора являются местные, варварские традиции (Яйленко. 1995. С. 134–135; Шауб. 2017. С. 324).

Литература

- Античная декоративная живопись Боспора Киммерийского. От графической фиксации к фотографии. СПб.: ИИМК РАН, ЛЕМА, 2017. (Труды ИИМК РАН. Т. LI).
- Абрамзон М. Г., Молев Е. А. Клад позднебоспорских статеров из Китея (2012) // ВДИ. 2016. № 2. С. 387–410.
- Буфин Д. С. Культ Небесной Афродиты, Спартокиды и скифские энarei: к проблеме соотнесения // Культурные практики древнего Причерноморья. Сборник статей по итогам Третьего Всероссийского междисциплинарного научного семинара (24–25 апреля 2021 г., г. Ярославль). Ярославль, 2022. С. 67–76.
- Бутягин А. М., Гиблова А. А., Колосов В. П., Корнеева И. В., Милихина Н. М. Археологические открытия Мирмекийской экспедиции в 2022 г. // БФ 2022. С. 313–322.
- Винничук Л. Люди, нравы, обычаи Древней Греции и Рима. М.: Высшая школа, 1988.
- Габелко О. Л., Завойкина Н. В., Шавырина Т. Г. «Стела Омпсалака» и фиасы Фанагории в первые века н. э. // АМА. 2006. Вып. 12. С. 334–344.
- Гиро П. Частная и общественная жизнь греков. СПб.: Издание т-ва О. Н. Поповой, 1913.
- Завойкина Н. В. Частные сообщества Танаиса (104–244 гг. н. э.) // ПИФК. 2007. № 17. С. 299–315.
- Иванова А. П. Скульптура и живопись Боспора: Киев: Изд-во АН УССР, 1961.
- Кучеревская Н. Л. Каменная летопись Боспора. Лапидарная коллекция: каталог. Симферополь: Титул, 2016. (Наследие тысячелетий. Коллекция и памятники Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника).

- Латышев В. В.* Очерк греческих древностей: пособие для гимназистов старших классов. Ч. II. Богослужебные и сценические древности. СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп., 1889.
- Ленская В. С.* Жрец и жертвоприношения в Древней Греции // ПИФК. 2013. № 2. С. 315–331.
- Ленская В. С.* Привилегии и льготы жрецов в Древней Греции // Мнемон. 2013. Вып. 13. С. 103–116.
- Молев Е. А., Молева Н. В.* Практика жертвоприношений в святилищах боспорского города Китея // БФ 2022. С. 192–206.
- Молева Н. В.* Жертвоприношения собак в Китейском святилище // Молева Н. В. Очерки сакральной жизни Боспора. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2002. С. 117–120.
- Нильссон М.* Греческая народная религия. СПб.: Алетейя, 1998.
- Передольская А. А.* Терракоты из кургана Большая Близнаца и гомеровский гимн Деметре // ТГЭ. 1962. Т. VII. С. 46–92.
- Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. Т. II: атлас. СПб.: Издание Императорской Археологической комиссии, 1913–1914.
- Сапрыкин С. Ю.* Фиасы малых городов Боспора // БФ 2022. С. 132–138.
- Скржинская М. В.* Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. СПб.: Алетейя, 2009. (Античная библиотека. Исследования).
- Скржинская М. В.* Культурные традиции Эллады в античных государствах Северного Причерноморья. Киев: Институт истории Украины НАНУ, 2010.
- Шауб И. Ю.* Боспорское жречество // Элита Боспора Киммерийского: Традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени. Симферополь; Керчь: НИЦ КФУ им. В. И. Вернадского, ЦАИ БФ «Деметра», 2017. С. 288–324. (БИ. Т. XXXIV).
- Яйленко В. П.* Женщины, Афродита и жрицы Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире. М.: Наука, 1995. С. 204–273.
- Braund D.* Greek Religion and Cults in the Black Sea Region. Cambridge, 2018.
- Connelly J. V.* Portrait of a Priestess. Women and Ritual in Ancient Greece. Princeton, 2007.

С. В. Кашаев

**НЕКРОПОЛЬ АРТЮЩЕНКО-2
(ИССЛЕДОВАНИЯ 2003–2021 ГГ.)¹**

Поселение Артющенко-2 и его грунтовый некрополь находятся в южной части Таманского полуострова — на обрывистом берегу Чёрного моря, между мысом Железный Рог и Бугазским озером в 17 км к юго-востоку от станицы Тамань и в 4-х км к юго-востоку от посёлка Артющенко.

Некрополь, обнаруженный после значительного обвала берега зимой-весной 2002 г., расположен к востоку от поселения Артющенко-2.

С 2003 г. Таманский отряд приступил к спасательным раскопкам этого активно разрушающегося некрополя (Кашаев. 2009. С. 188–267; 2019. С. 230–254).

За время исследования памятника определены его примерные границы и хронологические рамки, выделены типы погребальных сооружений, описан погребальный обряд, проведён анализ погребального инвентаря (как отдельных его групп, так и индивидуальных предметов).

В ходе регулярных раскопок 2003–2021 гг. на некрополе была исследована площадь около 5730 кв. м (рис. 1), обнаружено 223 погребения, из которых 18 доследовано за современными грабителями. Такие погребения получили особую нумерацию с литерой «Г».

Хронологическая вилка некрополя очень широка. Наиболее ранние захоронения датируются концом VI в. до н. э. или рубежом VI–V вв. до н. э., значительная часть относится к V–IV вв. до н. э., ещё часть комплексов к III–II вв. до н. э. Таким образом, можно считать, что некрополь функционировал с конца VI по II в. до н. э. При этом на некрополе было обнаружено несколько гораздо более поздних погребений, относящихся к IV–V вв. н. э. (Погребения 155, 156, 172,

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы фундаментальных научных исследований по теме государственного задания: «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

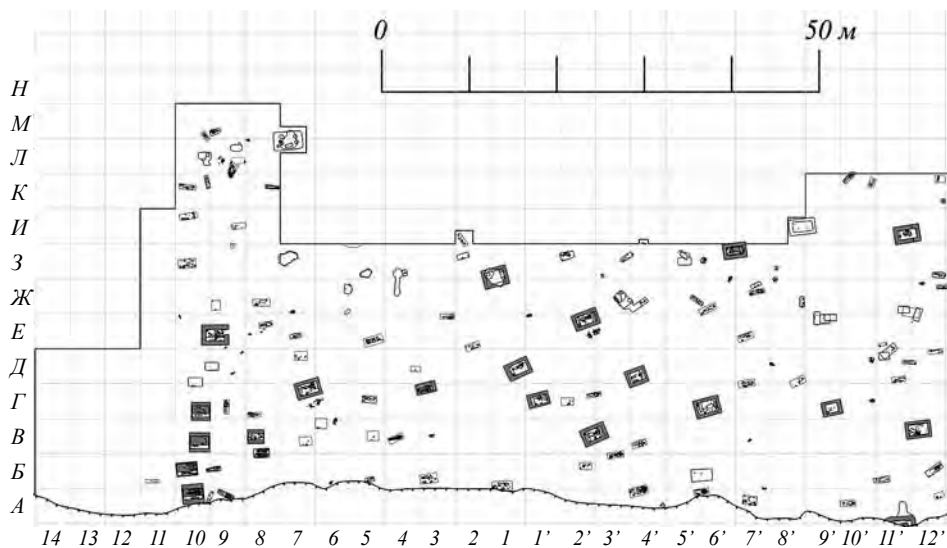

Рис. 1. Некрополь Артющенко-2, план раскопа

178). Пока неясно, они единичны и случайны или являются частью позднего участка некрополя (Кашаев. 2018. С. 102).

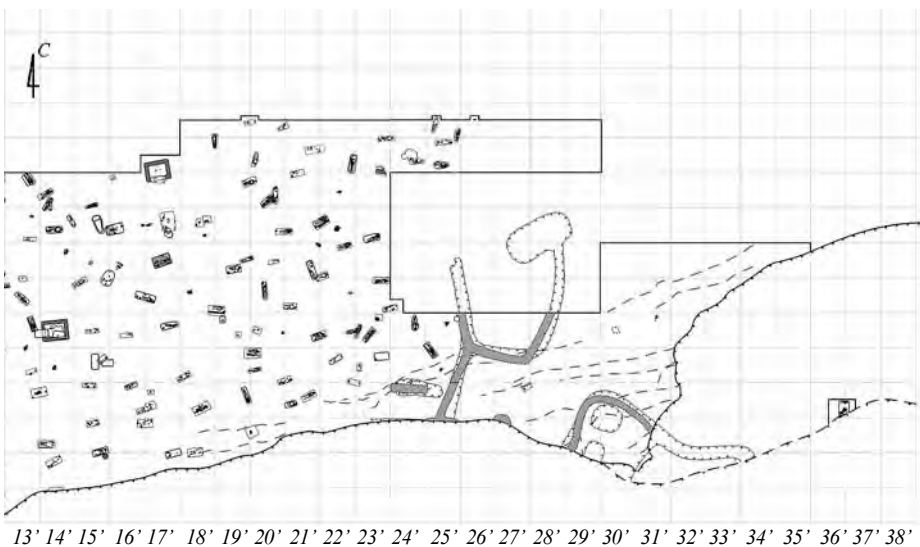
Исходя из имеющейся на данный момент информации, можно представить границы, размеры и топографию развития некрополя. На площади памятника разбита сетка квадратов. С юга на север идут линии квадратов, обозначенные буквами от А до Ш. С запада на восток — линии, обозначенные цифрами 14-1 и 1'-40' (рис. 1).

Южная граница памятника проходит по береговому обрыву и, в зависимости от конфигурации, по квадратам линий А и Б.

Северная граница, на данном этапе условно зафиксированная на линии квадратов Ш, находится более чем в 100 м от берега. Её маркирует самый северный грабительский шурф с останками захоронения (ГШ 35). Продолжается ли памятник дальше, пока судить сложно.

Западная граница проходит по линии квадратов 10. Она образована серией погребений, расположенных по линии север-юг (Погребения 24, 25, 27, 28, 32, 82, 83, 88). К западу от этой линии, на исследованном участке площадью около 350 кв. м, на данном этапе захоронений не обнаружено.

Восточная граница, как представляется, проходит по линии квадратов 25'. К востоку от неё на участке площадью более 500 кв. м захоронения также отсутствуют.

Могилы V–IV вв. до н. э. встречаются на всей известной территории некрополя, но концентрируются в западной части. Могилы III–II вв. до н. э. преимущественно сосредоточены в восточной части. Исходя из этого можно предположить, что некрополь V–II вв. до н. э. развивался с запада на восток и северо-восток. Здесь же, в восточной части исследованного участка, были совершены самые поздние захоронения IV–V вв. н. э.

Как уже отмечалось, между линиями квадратов 25' и 35' расположен пустой участок. Восточнее линии 31' идут погребения первых веков н. э. Одно такое погребение (№ 14) было раскопано на краю обрыва, ещё шесть, разрушенные абразией, исследованы на береговом склоне уже в поврежденном состоянии. Предположительно, на этом месте располагался участок некрополя II–III вв. н. э. Сохранилась ли как-нибудь его часть, или он уже полностью уничтожен абразией, пока не ясно.

Во всяком случае, бесспорно то, что на западном участке располагаются наиболее древние погребения V–IV вв. до н. э., восточнее погребения III–II вв. до н. э., ещё восточнее — II–III вв. н. э. Не исключено, что ещё дальше в эту же сторону (ближе к поселению Артюшенко-1) могут располагаться средневековые захоронения IX–X вв. н. э. Косвенным подтверждением этого предположения являются безинвентарные костяки, найденные при раскопках поселения Артюшенко-1 (Виноградов, Кашаев. 2003. С. 233), а также находки

нескольких погребений, разрушенных абразией и грабителями, на участке обрыва между некрополем Артющенко-2 и поселением Артющенко-1.

Помимо хронологического анализа участков некрополя, встает задача понять, какое население могло их оставить. На поселении Артющенко-2 есть находки и хозяйственные ямы конца VI — II в. до н. э. Скорее всего, они принадлежат именно тем людям, которые там жили и, соответственно, оставили большую часть захоронений данного времени.

На расположенном восточнее поселении Артющенко-1 (Бугазское) также имеются комплексы V–II вв. до н. э. По мнению Ю. А. Виноградова, на этом поселении жизнь носила сезонный характер (Виноградов. 2018. С. 272). Не исключено, что при сезонном проживании люди могли там умирать, и, соответственно, часть погребений на некрополе могла принадлежать жителям Артющенко-1.

Что касается погребений II–III и IV–V вв. н. э., то находки и объекты этого времени на поселении Артющенко-2 пока не обнаружены, но они имеются на поселении Артющенко-1 (Виноградов, Кашаев. 2003. С. 233). Можно предположить, что в поздний период жители Артющенко-1 могли хоронить сородичей на данном некрополе. Таким образом, некрополь мог использоваться жителями обоих поселений, как Артющенко-2, так и Артющенко-1.

В 2009 г. на некрополе впервые стали фиксироваться следы грабительских работ, и за последующее десятилетие (2009–2020 гг.) было обнаружено более 60 грабительских шурфов. На поверхности большинства из них находились фрагменты человеческих костей, керамики, железных предметов и другие находки из разоренных захоронений. Все грабительские шурфы нанесены на план некрополя. Полученная картина позволяет оценить примерные места расположения погребений, степень разрушения некрополя и масштабы потерь.

Все исследованные могилы заглублены в грунт, курганных насыпей или надмогильных холмиков не зафиксировано. Если когда-то и существовали надмогильные вооружения, то они были уничтожены. В ходе раскопок удалось зафиксировать погребальные сооружения нескольких основных конструкций:

— Сырцовые гробницы (склепы, ящики), заглубленные в землю (Погребения 7, 24, 25, 27, 28, 32, 34, 40, 44, 45, 47, 64, 65, 66, 67, 69, Г3, Г10, Г12, Г13). Для их строительства выкапывали котлован, в котором из сырцовых кирпичей выкладывали стены склепов, затем делали перекрытие. Конструкции стен, полов и перекрытия склепов, как представляется, имеют несколько вариантов исполнения (Сударев, Кашаев. 2018. С. 476).

— Грунтовые ямы с перекрытием (Погребения 17, 101, 137, 176, Г8 и др.). Такие ямы имели заплечики, на которые укладывалось перекрытие. Перекрытие чаще всего было из досок (дерева) и, как правило, не сохранилось. Изредка удавалось обнаружить следы древесного тлена или фрагменты обугленных досок, оставшихся от перекрытия. Встречалось и каменное перекрытие могильной ямы в виде нескольких плоских каменных плит.

В могилах с перекрытием над телом погребенного оставалось небольшое свободное пространство. Иногда это приводило к тому, что после разложения мягких тканей кости скелета смещались. Возможно, именно поэтому в Погребении 176 череп находился на груди.

— Грунтовые ямы с комбинированным деревянным и сырцовым перекрытием (Погребения 43, 102). Эта конструкция очень близка предыдущему варианту с тем отличием, что поверх деревянного перекрытия выкладывался слой сырцовых кирпичей.

— Простые грунтовые ямы без перекрытия. В таких могилах при захоронении тело сразу засыпалось грунтом. Следовательно, отсутствовало свободное пространство над телом усопшего. У таких погребений наблюдаются две особенности: лежащие *in situ* кости и при этом, судя по положению черепа и костяка, вероятно, слегка подсогнутое при погребении тело. Возможно, именно поэтому некоторые могильные ямы были относительно небольшого размера (тело покойного, вытянутое по всей длине, в них не помещается). Однако вопрос о том, диктовалось ли это «стандартом» размера ямы или же было особенностью погребального обряда, остается открытым.

— Подбойные могилы (Погребения 76, 141, 153, 171, 173, 186, 187). Чаще подбой закладывался сырцовыми кирпичами, иногда для этого использовали плоские камни или стенки амфор.

— Детские захоронения в амфорах (Погребения 53, 72, 97, 99, 105, 111, 118, 120, 181). Такие погребения, как правило, совершались в туловах амфор. Для помещения тела внутрь у амфор отбивали нижнюю часть с ножкой или горло с ручками. Иногда вместо амфор использовали тулова крупных гончарных или лепных сосудов (Погребение 181).

Глубина от современной поверхности до дна могил колеблется от 1,0 до 2,0 м, как правило, около 1,5 м. Сохранность скелетов в большинстве случаев можно определить как плохую или очень плохую, в редких случаях она удовлетворительная. Наиболее частое положение погребенных — вытянуто на спине, руки вдоль туловища, ноги прямо. В редких случаях встречаются вариации — ноги, распавшиеся ромбом, кисть руки на тазовых костях, рука согнута в локте. Подробное положение костяка бывает сложно зафиксировать в силу плохой сохранности костей.

Костяки в ранних могилах (V–IV вв. до н. э.) чаще ориентированы головой на восток или северо-восток, редко на запад.

Сочетание ориентации большинства погребений на восток и какого-то небольшого количества на запад, возможно, является традиционным для боспорских некрополей V–IV вв. до н. э. Такая же закономерность была выявлена на некрополе Тирамбы (Коровина. 1987. С. 4). В более поздних захоронениях (III–II вв. до н. э.) костяки чаще ориентированы головой в южный и восточный сектора.

По тем случаям, когда состояние костей погребенных поддавалось антропологическому определению, их можно разделить на:

— Индивидуальные погребения мужчин (Погребения 13, 34, 40, 64, 65).

— Индивидуальные погребения женщин (Погребения 3, 6, 16, 17, 45, 47, 66, 67, 69).

— Парные погребения, как правило, мужчины и женщины (Погребения 10, 21, 24, 25, 27, 28, 83, 124, 136).

Все эти захоронения совершались как в грунтовых могилах, так и в сырцовых склепах.

— Погребения женщины и ребенка. Пока они встречены только в грунтовых могилах. Возраст детей при этом колеблется от новорожденного до 3–5 лет. Младенцев в этом случае могли помещать в амфоры (Погребения 114, 166) или просто укладывали рядом с телом матери (Погребение 103).

— Погребения детей. Младенцев хоронили в амфорах (Погребения 53, 72, 97, 99, 105), подростков детей в грунтовых могилах (Погребения 12, 20, 101, 142, 180), в одном случае в сырцовом склепе были похоронены два ребенка (Погребение 44).

— Кенотафы. Символические захоронения, в которых имеется инвентарь, но отсутствует тело погребенного. Зафиксированы только в грунтовых могилах (Погребения 30, 35, 89, 90).

На основании материалов, полученных при раскопках, можно выделить основной набор погребального инвентаря, который, согласно обряду, клали умершему: и мужчинам, и женщинам. В него входили:

— сосуд для вина — амфора, ойнохоя, кувшин;

— сосуд для пищи — миска, чернолаковая чаша на ножке, миска одноручник или миска лепная;

— сосуд для питья — чернолаковый килик, скифос, канфар;

— сосуд для благовоний — лекиф, аск, амфориск, алабастр.

Помимо основного набора, мужчинам клали оружие — мечи, копья и стрелы (Ворошилов, Кашаев. 2010. С. 66); предметы конской упряжи — ворворки, пряжки; орудия труда — ножи, шилья, иглы.

В женских захоронениях встречены украшения — подвески, бусы; орудия труда — ножи, иглы, веретёна и бытовые предметы — зеркала, косметические принадлежности.

В парных погребениях чаще всего захоронены мужчина и женщина. В этом случае каждому старались положить свой набор инвентаря.

В детских погребениях, как правило, инвентарь очень скудный и не многочисленный, но представлен он такими же категориями находок, как и в захоронениях взрослых.

В завершении можно отметить, что за 19 лет на памятнике проделан немалый объём работы, но наши исследования на некрополе далеки от завершения. По сути, пока раскопана большая полоса, расположенная вдоль берегового обрыва. Остается неисследованной северная часть памятника, и её изучением мы и планируем заняться в ближайшие годы.

Литература

- Виноградов Ю. А.* Поселение Артюшенко-1 (Бугазское) на Таманском полуострове. Итоги археологических исследований 1998–2017 гг. // БФ 2018. Ч. 1. С. 271–277.
- Виноградов Ю. А., Кашаев С. В.* Боспорская экспедиция ИИМК РАН // АО 2002. 2003. С. 233–234.
- Ворошилов А. Н., Кашаев С. В.* Клинковое оружие из некрополя Артюшенко-2 // ДБ. 2010. Т 14. С. 66–87.
- Кашаев С. В.* Некрополь Артюшенко-2 (общая характеристика, результаты раскопок 2003–2005 гг., Погребение № 1–23) // Степи Евразии и история Боспора Киммерийского. Симферополь; Керчь: БФ «Деметра» [и др.], 2009. С. 188–267. (БИ. Т. XXII).
- Кашаев С. В.* Золотые украшения из некрополя Артюшенко-2 // Записки ИИМК РАН СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. № 5. С. 137–145.
- Кашаев С. В.* Погребение IV–V вв. н. э. на некрополе Артюшенко-2 // VIII Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Война и торговля как факторы исторического развития народов Западного Кавказа в древности и средневековье. Краснодар, 2018. С. 102–115.
- Кашаев С. В.* Грунтовый некрополь Артюшенко-2 (V–II вв. до н. э.) // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии). СПб., 2019. С. 230–254.
- Коровина А. К.* Раскопки некрополя Тирамбы // СГМИИ. 1987. Вып. 8. С. 3–70.
- Сударев Н. И., Кашаев С. В.* Погребение в сырцовых ящиках в некрополях Артюшенко-2 и Виноградный-7 // БЧ XIX. С. 476–484.

Т. В. Егорова, Г. С. Чебышев

ПОГРЕБЕНИЕ С ДВУМЯ ПОДБОЯМИ ИЗ НЕКРОПОЛЯ ТАНАИСА

Танаис, основанный боспорскими греками в первой четверти III в. до н. э. в устье Дона, на протяжении нескольких столетий был значимым экономическим центром региона. Тесные торговые и культурные контакты с местным варварским населением не могли не повлиять на его жителей, способствуя формированию особого культурного пространства, что нашло отражение, в первую очередь, в погребальной практике. Поэтому археологическое изучение некрополя Танаиса, планомерно проводившееся как минимум с середины прошлого столетия, является одним из важных направлений исследований и позволяет рассматривать вопросы, связанные не только непосредственно с историей города, но и с взаимодействием различных этнокультурных традиций на северо-восточной окраине Боспорского царства.

В 2022 г. совместной экспедицией исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова и ИИМО ЮФУ был раскопан погребальный комплекс (погребение № 8), хронологически относящийся ко времени расцвета города во второй половине II — середине III в. н. э. Он располагался на северном участке некрополя, в 200 м к северо-западу от северо-западного угла цитадели Танаиса. Конструкция погребения двухкамерная (рис. 1), подбойного типа, ориентированная длинными осями по линии запад–восток, состояла из центральной входной камеры и двух погребальных, расположенных к югу и северу от нее. Входная часть на основную глубину (до 1.20 м) была вырыта в материке, только верхний уровень — в предматериковом суглинке, подбой сделаны в материке. Первоначально было выявлено аморфное пятно, размером 2.5×3.10 м, которое сформировалось в результате слияния выбросов из входной камеры погребения, грабительской ямы, повредившей часть северной погребальной камеры, и ямы более позднего погребения № 9, перекрывшего южный подбой.

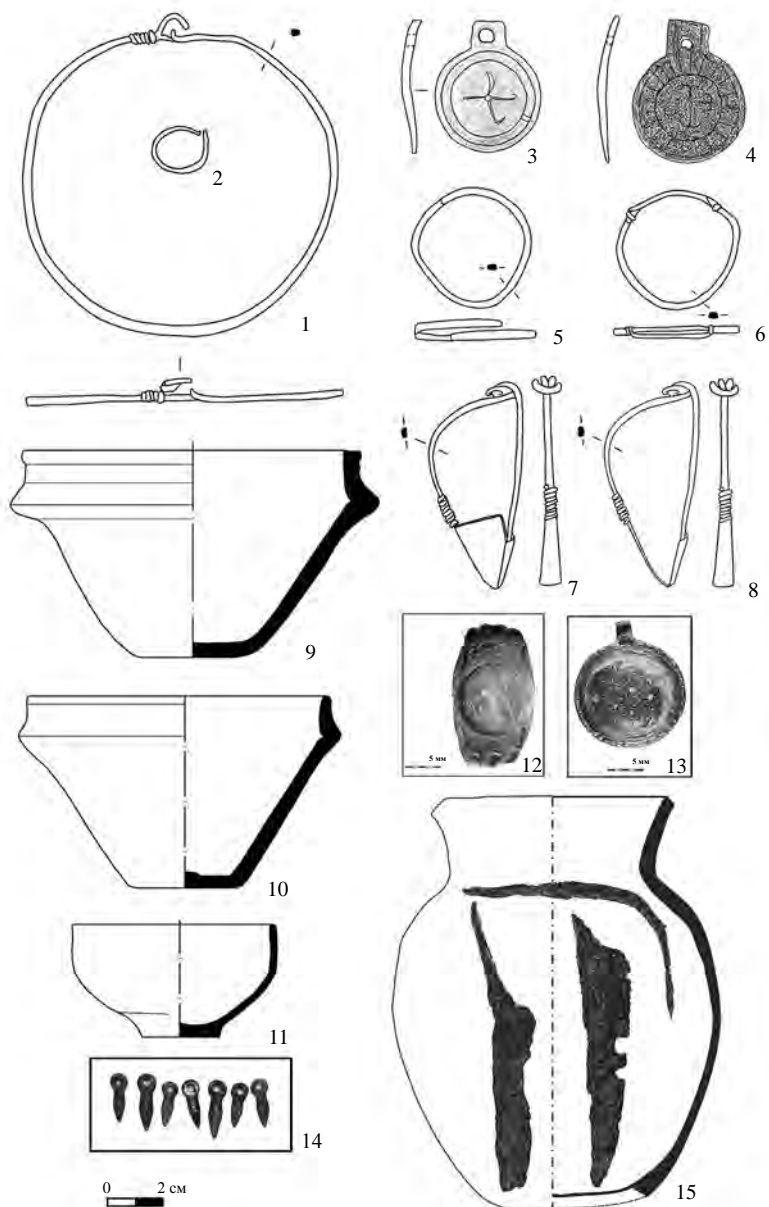

Рис. 1. Некрополь Танаиса. Погребение № 8. Раскопки 2022 г. Вид сверху

Входная камера имела удлиненно-прямоугольную в плане форму со скругленными углами, длиной 2.30 м, шириной около 0.90 м, прямые отвесные стенки и ровное дно. Примечательно, что не было зафиксировано ступенек у входов в погребальные камеры. Если высота их сводов зафиксирована на одном уровне (0.70 м), то размеры несколько отличались. Южная была меньше: длина — 2.20 м, ширина — 0.95 м; северная чуть больше: длина — 2.30 м, ширина — 1.25 м, что, очевидно, обусловлено количеством и возрастом погребенных. Различными были и заклады. Вход в южную камеру был закрыт каменным однофасным закладом, высотой в три ряда (до 0.35 м), сложенным в виде иррегулярной кладки, верхние камни которой со временем завалились внутрь. Вход в северную камеру закрывали деревянные доски, которые были частично развернуты внутрь входной камеры, видимо, при вскрытии и подзахоронении, совершенном чуть позже первоначального. Все погребенные были положены в деревянные гробы, судя по наиболее сохранившимся, они были подтрапециевидными, сколоченными железными гвоздями одного типа: квадратными в сечении со шляпкой округло-усеченной формы.

В южной камере были обнаружены четыре погребения (одно женское и три детских) (рис. 1). Погребенная 15–19 лет лежала в северной части подбоя, ближе к входу, вытянуто на спине, головой на запад. Женщину сопровождал довольно многочисленный погребальный инвентарь. На шее — гладкая бронзовая гривна, округлая в сечении, с петлевидным замком (рис. 2, 1) типа 5а по А. А. Стояновой (Стоянова. 2011. С. 118) и низка гагатовых бус типов 26 и 27а по Е. М. Алексеевой (Алексеева. 1978. С. 16. Табл. 20). С левой стороны черепа — фрагмент серебряной кольцевидной серьги с несомкнутыми концами (рис. 2, 2). На безымянном пальце правой руки — бронзовый перстень (рис. 2, 12) с сердоликовой вставкой с изображением богини Тюхэ в виде стоящей женской фигуры с рогом изобилия в левой руке и корабельным рулем под правой. Это один из распространенных сюжетов, довольно часто встречающийся на геммах позднеантичного времени в Северном Причерноморье (подробнее: Новичихин. С. 114). На груди располагалась бронзовая лучковая фибула (рис. 2, 7) I серии варианта 4 формы 1 по В. В. Кропотову (Кропотов. 2010. С. 76–80. Рис. 37, 5). На ребрах возле правой лопатки лежало бронзовое зеркало (рис. 2, 3) с проушиной и орнаментом в виде свастики. Абсолютно аналогичное зеркало уже находили в одном из погребений некрополя Танаиса (Арсеньева. 1977. С. 121. Табл. XXXVII.1). В ногах стояла краснолаковая миска (рис. 2, 9) формы 30.2 по Д. В. Журавлеву (Журавлев. 2006. С. 133. Табл. 27). Ворот

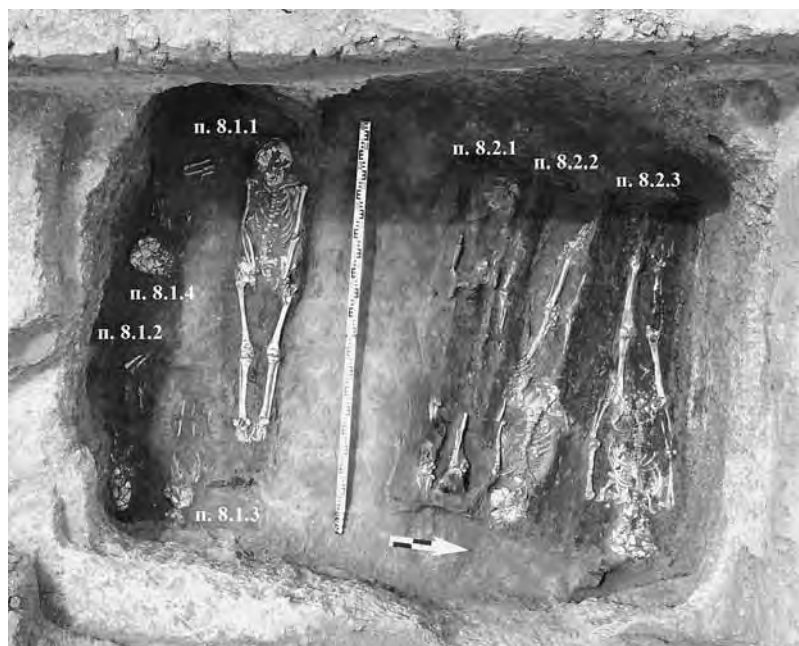

Рис. 2. Находки из погребения № 8: 1 — гривна бронзовая; 2 — серьга серебряная; 3, 4 — зеркала бронзовые; 5, 6 — браслеты бронзовые; 7, 8 — фибулы бронзовые; 9–11 — краснолаковые чаши; 12 — перстень бронзовый с сердоликовой вставкой; 13 — подвеска синего стекла в бронзовой оправе; 14 — бусы гагатовые; 15 — горшок лепной с тремя железными ножами

одежды был расшит бисером светло-зеленого прозрачного стекла, левый рукав и обувь — бисером непрозрачного стекла светло-коричневого цвета. Интересно отметить, что, судя по анализу погребений некрополя Танаиса, при несимметричном декоре рукавов, как правило, орнаментировался правый (Галушко. 2019. С. 81). Однако в нашем случае бисер обнаружен в районе кисти левой руки.

В глубине погребальной камеры в небольших гробах находились костяки троих детей, головой на восток. Наиболее разнообразный погребальный инвентарь отмечен у ребенка 2–4 лет. Это две краснолаковые миски (рис. 2, 10, 11) форм 20 и 30.2 по Д. В. Журавлеву (Журавлев. 2006. С. 125, 133. Табл. 25, 27); бронзовая пронизь; уплощенно-округлая вставка из смальты и бронзовый кольцевидный браслет из гладкой овальной в сечении проволоки, с заходящими несомкнутыми концами (рис. 2, 5). У младенца (до года) в районе

таза обнаружен бронзовый браслет из гладкой округлой в сечении проволоки с несомкнутыми «завязанными» концами (рис. 2, 6). В погребении ребенка 3–5 лет инвентарь отсутствовал.

В северную камеру первоначально, очевидно, были помещены двое погребенных, головами на восток (рис. 1): мужчина 30–35 лет без инвентаря (у дальней стенки подбоя) и женщина 25–30 лет в сопровождении значительного количества украшений и нескольких вещей. В частности, при ней найдено бронзовое зеркало-подвеска (рис. 2, 4), типологически близкое описанному выше, но декорированное двумя валиками с вписанными в них лучами; бронзовая лучковая фибула, аналогичная найденной в соседней камере (рис. 2, 8); в ногах, но за пределами гроба, лежал лепной горшок с вложенными в него тремя железными ножами (рис. 2, 15). В районе шейных позвонков обнаружены остатки ожерелья с шестью стеклянными подвесками в бронзовой оправе разной степени сохранности (рис. 2, 13) в сочетании со стеклянными бусинами уплощенной формы черного и синего непрозрачного стекла типа 71–76, а также гагатовых копьевидных бусин (рис. 2, 14) типа 107а по Е. М. Алексеевой (Алексеева. 1978. С. 19, 68. Табл. 21, 33). Одна из подвесок ожерелья выполнена из прозрачного желтоватого стекла, остальные — из прозрачного стекла глубокого синего цвета. Кроме того, там же были зафиксированы низка из 26 сердоликовых четырнадцатигранных бус и одной восьмигранной сердоликовой пронизи типа 15 и 19б по Е. М. Алексеевой (Алексеева. 1982. С. 18. Табл. 39) и единичные бусины и пронизи других типов, в том числе перламутровые (Алексеева. 1982. Табл. 43, 24). Низ одежды был расшит небольшими (до 0.6 см в диаметре) бусинами непрозрачного черного и прозрачного светло-зеленого стекла.

В южной части камеры, прямо у входа, располагалось безынвентарное погребение мужчины 35–45 лет, головой на запад (рис. 1). В его центральную часть был впущен грабительский шурф, в результате чего скелет был сильно поврежден и, возможно, уничтожен / разграблен погребальный инвентарь, если таковой был изначально. Поэтому с определенной долей уверенности мы можем судить лишь о его относительной хронологии. Очевидно, погребение являлось более поздним подзахоронением, ради которого был разобран деревянный заклад, о чём свидетельствует размещение гроба относительно двух других: его северная сторона перекрывала южную часть соседнего женского погребения, а западная граница была смещена на запад примерно на 0.20 м. Вероятно, это захоронение было произведено незначительно позже первого, до оседания свода погребальной камеры.

Дату первоначального погребения можно установить по многочисленным находкам. Фибулы указанного выше типа датируют в пределах второй половины II в. до н. э., а возможно, и более поздним временем (Кропотов. 2010. С. 80; Амброз. 1966. С. 50–51). Краснолаковые чаши типа 30.2 получили наибольшее распространение во второй и третьей четверти II в. н. э., типа 20 — в последней четверти II — начале III в. н. э. (Журавлев. 2006. С. 125, 133). По типологии А. М. Хазанова, найденные зеркала относятся к типу IX, существовавшему довольно продолжительное время — во II и III вв. н. э. (Хазанов. 1963. С. 67). Однако при детальном рассмотрении хронологической таблицы аналогичных зеркал из памятников Крымской Скифии, составленной А. А. Труфановым, можно заметить, что орнамент на зеркале из южной погребальной камеры погребения № 8 соответствует только одному экземпляру, датирующемуся первой половиной II в. до н. э. (Труфанов. 2007. С. 186. Рис. 6, 14). Орнаментальные мотивы второго зеркала встречаются чаще. Причем окантовка характерна для зеркал того же времени, а мотив центральной части встречается на зеркалах вплоть до середины III столетия (Труфанов. 2007. С. 186). Опираясь, в первую очередь, на хронологию краснолаковых сосудов и учитывая дату самого позднего из них, которой не противоречат остальные находки, можно предположить время совершения первого захоронения в конце II — начале III в. н. э.

Необходимо отметить, что двухкамерные подбойные конструкции не характерны для некрополя Танаиса. К настоящему моменту было известно всего три таких погребения эллинистического времени и предположительно одно — римского. Потому исследованный комплекс можно назвать уникальным. Хотя в сарматских могильниках соседних территорий (бассейна Сала и Маньча) могилы подобного типа встречаются чаще, начиная с раннесарматского периода, здесь они также рассматриваются исследователями как редкий тип погребальных сооружений (Ильюков. 1992. С. 121–125).

Литература

- Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука, 1978. (САИ. Вып. Г1–12/2).
- Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука, 1978. (САИ. Вып. Г1–12/3).
- Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н. э. — IV в. н. э. М.: Наука, 1966. (САИ. Вып. Д1–30).
- Арсеньева Т. М. Некрополь Танаиса. М.: Наука, 1977.

- Журавлев Д. В.* Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н. э.: по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины. Дис. ... канд. ист. н. М., 2006.
- Илюков Л. С.* Двухкамерные подбои раннесарматской культуры Нижнего Дона // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии Юга России. Сборник статей. Вып. 3. Ростов-на-Дону: Изд-во РГПУ, 1992. С. 121–125.
- Кропотов В. В.* Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДФУ-Украина, 2010.
- Новичихин А. М.* Ювелирные изделия из раскопок некрополя Горгиппии в 1987 г. // ВДИ. 2009. № 1. С. 110–118.
- Стоянова А. А.* Гривны из памятников Крыма сарматского времени // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 116–140.
- Труфанов А. А.* Зеркала-подвески первых веков н. э. из могильников Крымской Скифии // Древняя Таврика. Симферополь: Универсум, 2007. С. 173–186.
- Хазанов А. М.* Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. № 4. С. 58–72.

И. И. Шкрибляк

**Уступчатые склепы
и их дериваты в Центральном Крыму**

Археологические исследования последних тридцати лет в Центральном Крыму открыли науке целую серию неизвестных ранее для этого региона подкурганых уступчатых склепов IV–III вв. до н. э., сооруженных из тёсаного камня. Географически ареал их распространения достаточно узок — это окрестности Ак-Кайского скалистого хребта в двух речных долинах, ограниченных речками Биюк-Карасу, Кучук-Карасу и Сухим Индолом. Все известные к настоящему моменту склепы так или иначе тяготеют к ключевым скифским и позднескифским памятникам региона — курганным группам Беш-Оба / Ак-Кая и крепости Ак-Кая / Вишенное.

К настоящему моменту собрана информация о восьми склепах с уступчатым перекрытием, обнаруженных в насыпях различной высоты и конструкции. Так, в 2001 г. С. Г. Колтуховым в варварски ограбленном десятиметровом кургане Ак-Кая X был обнаружен монументальный каменный склеп с перекрытием на три стороны (рис. 1, 1, 2). В 2002 г. В. А. Колотухиным и Т. А. Копьевой на левом берегу р. Биюк-Карасу недалеко от с. Мельники был раскопан небольшой (ок. 1 м) курган с основным каменным склепом из тёсаных известняковых блоков (Колтухов. 2020. С. 68). Несмотря на разрушенное перекрытие, есть все основания полагать, что оно в этом склепе было уступчатым. В 2007 г. в трёх километрах юго-западнее с. Вишенное под руководством Ю. П. Зайцева и В. И. Мордвинцевой был исследован небольшой (высотой 1,1 м) курган группы Сары-Кая (№ 10) с уступчатым склепом из грубо отшлифованных известняковых блоков (рис. 2, 1, 2) (Зайцев, Мордвинцева. 2010. С. 169–176). В 2014 г. экспедицией музея-заповедника «Неаполь Скифский» был изучен неоднократно ограбленный склеп в кургане 293 (высота насыпи 3,4 м) на г. Плоская (рис. 1, 6–8) (Шкрибляк. 2017. С. 133), в 2016, 2018, 2020–2021 гг. исследован курган Туак-Оба близ с. Мироновка (высота насыпи 5 м) со склепом классической боспорской конфигурации

Рис. 1. 1–2 — склеп в кургане Ак-Кая X (фото С. Г. Колтухова); 3–5 — склеп в кургане Туак-Оба; 6–8 — склеп в кургане на г. Плоская

Рис. 2. 1–2 — склеп в кургане Сары-Кая 10; 3–5 — склеп в кургане у с. Мироновка; 6–8 — склеп в кургане у с. Пруды

(рис. 1, 3–5), в 2017 — экспедицией музея-заповедника «Неаполь Скифский» проведено предварительное обследование ещё трёх насыпей у с. Мироновка (рис. 2, 3–5), Пруды (рис. 2, 6–8) и Васильевка, обнаружившее три каменных склепа с уступчатыми сводами в курганах высотой от двух до четырёх метров. Не в каждом случае удалось получить точную дату строительства склепа, практически все они оказались разоренными. Строительство кургана X группы Ак-Кая датировано второй половиной IV в. до н. э. по гераклейской, мендейской, пепаретской и фасосской амфорной тризне, найденной при раскопках в восточной части насыпи (Колтухов. 2020. С. 86). Курган Туак-Оба был построен в последней четверти IV в. до н. э., что подтверждается херсонесскими астиномными клеймами, найденными при разборке каменной наброски. Строительство склепа в кургане Сары-Кая 10 может быть датировано достаточно широко, в пределах III в. до н. э. (Зайцев, Мордвинцева. 2010. С. 174).

Суммируя данные об архитектурной концепции погребальных сооружений, обозначим, что два открытых склепа имели уступчатое перекрытие на четыре стороны, один — перекрытие на две стороны, один — перекрытие на три стороны, а в трёх склепах был зафиксирован ранее неизвестный на Боспоре, однако имеющий аналогии в Малой Азии и Фракии тип многоугольного в плане перекрытия (*lantern roofing*), когда каждый последующий ряд камней свода при сборке укладывается диагонально на углы предыдущего ряда (рис. 1, 7; рис. 2, 4). Тип свода в склепе кургана у с. Мельники остался невыясненным.

Все обнаруженные к настоящему моменту в Центральном Крыму склепы боспорского типа по качеству обработки и подгонки камня стен и свода распадаются на две совершенно очевидные группы, по четыре склепа в каждой группе. К первой (Туак-Оба, Ак-Кая X, два кургана на г. Плоская) относятся классические образцы, составленные из прекрасно тёсанных и идеально подогнанных друг к другу известняковых блоков (рис. 1, 2, 4) без применения связующего раствора, сооруженные в строительном котловане с продуманной системой каменных противовесов свода. Кладка стен, как правило, постелистая (с элементами псевдоисодомного стиля). Оснащение склепов, несмотря на значительную ограбленность, содержит элементы парадного античного погребального обряда: каменные погребальные лежа и фрагменты алтарей, гвоздики на стенах (предположительно для драпировки тканями или коврами), мощёный тёсаными плитами пол, декоративные архитектурные элементы в конструкции стен и входа, ниши для размещения поминального инвентаря. В одном

случае (Туак-Оба) на входе в камеру была установлена небольшая колонна дорического ордера (рис. 1, 3). В двух случаях (Туак-Оба и Ак-Кая X) выше уровня потолочного перекрытия склепов обнаружены специальные дополнительные камеры, совмещавшие функцию обеспечения контурной устойчивости свода с функцией компактного пространства для погребальных подношений. В Туак-Обе в такой камере был обнаружен полный набор инвентаря и вооружения, включавший амфоры, железную жаровню греческого типа с набором кулинарных приспособлений, несколько десятков железных копий и дротиков. В Ак-Кая X идентичная камера, к сожалению, оказалась полностью вычищенной, именно через неё в склеп проникли современные грабители и пробили потолок уступчатого склепа. Все склепы первой группы связаны с курганами высотой от трёх до десяти метров. Общая площадь камер варьирует от пяти до пятнадцати кв. метров, высота — от 2,3 м до 3,5 м. В двух случаях склепы собраны в материковых котлованах от нулевой строительной отметки, в двух — впущены в более ранние насыпи.

Техническое исполнение склепов второй группы (курганы у с. Пруды, Мельники, Мироновка, Вишенное) значительно отстает от образцовых экземпляров первой. Высота курганов, с которыми связаны склепы этой группы, варьирует от одного до трёх метров. Погребальные камеры собраны на древнем горизонте либо впущены в более ранние насыпи. Общая площадь камер от шести до десяти кв. метров, высота от 1,8 до 2,5 м. Стены и уступчатые своды, как правило, собраны из разнокалиберного известнякового камня (рис. 2, 2, 3, 5), грубо колотого и подшлифованного, часто большую часть пространства стен занимают вертикально установленные массивные каменные плиты (рис. 2, 3, 5). Вход в склеп из дромоса представляет собой небольшое прямоугольное или квадратное отверстие, через которое можно пройти, только низко наклонившись. Алтарей, лож, декоративных архитектурных элементов в этой группе не зафиксировано.

Так, стены склепа в кургане Сары-Кая 10 представляют собой ряд вертикально установленных каменных блоков высотой 0,6–0,7 м, над которыми сразу начинается уступчатый свод (рис. 2, 2). Выдвижение уступов свода один над другим минимально (10–15 см), значение варьирует от ряда к ряду. Порядовка кладки не соблюдена, значение размеров блоков свода различное, во многих местах допущен сквозной шов через несколько рядов камня. Основной принцип перевязки кладки, обеспечивающий прочность и стабильность каменной конструкции, равномерное распределение нагрузок, таким образом, нарушен. Строителями склепа принято совершенно недопустимое для

тёсаной кладки решение расшивать блоки мелкими вставками, во многих местах между блоками видны следы использования грязевого раствора. В целом вся конструкция склепа Сары-Кая 10 выглядит очень кривой и разболтанной, как будто строительный комплекс побывал в эпицентре мощного землетрясения.

Ещё более интересным оказался двухкамерный каменный склеп в кургане недалеко от с. Мироновка (рис. 2, 3–5), открытый в 2020 г. В основе погребальной камеры — три огромные (1,5 × 2 м) каменные плиты, поставленные на ребро и сформировавшие четырехугольный контур стен. Восточная стенка представляла собой стоечно-балочную конструкцию из ещё трёх крупных плит, оформивших входное отверстие. Пространство между торцовыми плитами стен и сводом заполнено кладкой из подтёсанных по месту небольших известняковых блоков, уложенных друг на друга. На всю эту многокомпонентную конструкцию опирался изящный уступчатый свод из тёсаных блоков, построенный по схеме lantern roofing. Если бы к моменту обследования свод склепа оказался разрушенным, можно было принять камеру за крупный каменный ящик, впущенный в курганную насыпь.

Отдельного описания достоин склеп у с. Пруды, обнаруженный в 2017 г. в ограбленном кургане высотой ок. 2,5 м. Необычна его продольно-вытянутая конфигурация, длина камеры почти вдвое превышает её ширину. Стены построены из тёсаных и хорошо отшлифованных известняковых блоков, повсеместно сохранились следы светлой мелкозернистой штукатурки (рис. 2, 6–8). Крупные каверны в известняковых блоках перед штукатуркой маскировались специально вытесанными из камня вкладышами, более мелкие, по всей видимости, замазывались в ходе оштукатуривания.

Высокое качество обработки камня и идеальная подгонка блоков по месту могли бы позволить отнести этот склеп к первой группе, однако концепция строительства свода выдает в нём дериват. Склеп имеет уступчатое перекрытие на две стороны по три уступа с каждой, перекрытие представляет собой три поперечные каменные плиты. Уступы свода оказались при ближайшем рассмотрении не привычными небольшими блоками, уложенными с напуском друг над другом, а шестью монументальными известняковыми плитами с вырезанными в них имитациями уступов. Плиты уложены в два ряда таким образом, что нижний ряд одновременно имитирует последние блоки стены и первый уступ свода (рис. 2, 8). Благодаря оригинальной задумке строителей здесь мы имеем «ложность» ложного свода. Причины такого решения остаются не совсем понятными, ведь гораздо проще собирать свод из относительно небольших блоков последо-

вательно, чем поднимать и подгонять друг к другу шесть очень тяжелых каменных плит. К тому же в этих шести плитах нужно было предварительно вырезать имитацию уступов таким образом, чтобы в собранном виде эти уступы совпадали один с другим.

Таким образом, в кургане у с. Пруды был собран идеальный контур стен из тщательно отшлифованных и подогнанных известняковых блоков, который венчала тяжеловесная и монументальная имитация уступчатого свода.

Число открытых в Центральном Крыму уступчатых склепов пока что невелико, однако анализ даже имеющихся в наличии памятников показывает, что во второй половине IV в. до н. э. сюда в готовом виде переносится традиция сооружения подкурганых уступчатых склепов греческого типа. Явление это фиксируется для весьма ограниченного периода, в III в. до н. э. склепы столь высокого архитектурного уровня больше не сооружались. Величие и эффектность погребальной архитектуры уступчатых склепов стали катализатором возникновения здесь местной серии дериватов — небольших склепов, имитирующих хрестоматийные эллинистические образцы. Не вызывает сомнения принадлежность и первой, и второй группы склепов местной военной и околвоенной элите, тесно связанной с Боспорским государством. Ключевой военной ставкой этой элиты была варварская крепость Ак-Кая / Вишенное.

Весьма показательным является сооружение во второй половине IV в. до н. э. монументального уступчатого склепа (лучшего во всей региональной серии) в десятиметровом кургане группы Ак-Кая, территориально располагающемся в составе крупнейшего родового скифского курганного некрополя Беш-Оба / Ак-Кая. Это демонстрирует продолжение скифской курганной традиции, однако уже в ином исполнении, с заменой классической грунтовой подкурганной катакомбы уступчатым склепом боспорского типа. Кардинальные перемены в консервативном погребальном обряде можно объяснить наступившей эрой тесных политических и военных отношений с Боспорским царством. Именно оттуда по приглашению местной военной элиты для строительства монументальных каменных конструкций, скорее всего, были выписаны специалисты в области погребальной архитектуры.

Отдельной проблемой, требующей специального рассмотрения и более глубокого научного анализа, остается появление в регионе неизвестного ранее для Боспора типа каменного склепа с куполом-сводом, построенным в технике *lantern roofing*. Из восьми приведенных в настоящей сводке каменных склепов Центрального Крыма

три демонстрируют развитие этой строительной традиции, причём как в классическом исполнении, так и в виде деривата. Отсутствие аналогий такому типу свода на Боспоре и наличие идентичных конструкций на территории эллинистической Фракии (по обоим берегам Дарданелл) фиксируют во второй половине IV в. до н. э. значительную инфильтрацию фракийских культурных традиций на территорию Крымской Скифии.

Литература

- Зайцев Ю. П., Мордвинова В. И.* Курган с «коллективными» погребениями III–I вв. до н. э. из окрестностей городища Ак-Кая // Древняя и средневековая Таврика: археологический альманах. Донецк: Донбасс, 2010. № 22. С. 169–176.
- Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н.* Скифы Предгорного Крыма в VII–IV вв. до н. э. Часть II. Между долиной Салгира и междуречьем Карасу. Симферополь: Колорит, 2020.
- Шкрибляк И. И.* Склеп с уступчатым перекрытием в кургане № 293 на г. Плоская в Центральном Крыму // Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований. Симферополь: Тарпан, 2017. С. 133–137.

Л. Г. Шенко

**АНТИЧНЫЙ ИМПОРТ В САРМАТСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ
СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ:
ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ**

Обитатели Северного Приазовья и Нижнего Подонья, заселявшие регион на рубеже эр и в первые столетия 1-го тыс. н. э., представляют особый интерес с точки зрения культуро-, полигенеза, варибельности взаимодействия типологически разных обществ. Это зона пересечения потестарных и государственных образований, кочевых и земледельческих обществ. В истории северопонтийских степей, междуречья Волги и Дона значительный след оставили сарматы. Продвинувшись до восточных границ Римской империи, они стали участниками ряда политических событий и установили тесные контакты с античными городами Северного Причерноморья.

В результате контактов кочевников и оседлого населения в одном из регионов юго-востока Европы формировались своеобразные социальные и культурные практики, формы общения.

Среди оставленных сарматами погребальных памятников выделяются комплексы, сохранившие богатый и разнообразный инвентарь.

Это известные захоронения представителей высшей родовой знати: в бассейне Северского Донца и Северо-Восточного Приазовья (Селимовка, Сватова Лучка, Чугуно-Крепинка, Шевченко), на Днестре (Пороги), на Южном Буге (Соколова Могила, Траяны, Михайловка), в Крыму (Ногайчинский курган), на Нижнем Дону (Дачи, Александровский курган, Хохлач, Садовый, др.). В составе инвентаря встречаются неординарные предметы неместного происхождения — «импорты».

Данная категория сразу привлекла внимание исследователей своим информационным потенциалом для реконструкции сарматского общества в силу специфики источниковой базы сарматской культуры — отсутствия сарматских поселений, значительного количества разграбленных комплексов на их некрополях, сравнительной бедности погребального инвентаря рядовых общинников, фрагментарности письменных источников и некоторой заданности их содержания,

обусловленного сторонним взглядом авторов-чужестранцев (этнополитические вопросы).

Под импортом обычно понимают ввоз товаров, работ, услуг, результатов интеллектуальной деятельности и тому подобное на таможенную территорию государства или страны из-за границы без обязательств на обратный вывоз¹. Однако для древности данное понятие может использоваться с определенной долей условности. Более приемлемым может быть понимание их как предметов, не свойственных культуре кочевников и требующих для своего изготовления развитого ремесленного производства (Игуменшева. 2011).

История исследования сарматских племён вместе с тем показывает, что изучение именно привозных предметов позволило показать импорт в многообразии культурных и социально-политических связей. В сарматских комплексах рассматриваемой территории отмечены следующие категории ввезенных изделий: амфорная тара, предметы конской сбруи и вооружения, металлическая и стеклянная посуда, гончарная (сероглиняная и краснолаковая) керамика, украшения.

На начальном этапе изучения сарматских племён узнаваемые античные предметы, произведенные в греческих, римских и азиатских торгово-ремесленных центрах, позволили ввести их в круг известных древних народов.

Одной из основных проблем, решаемых с помощью импортов, стала разработка хронологии сарматской истории и установление датировки комплексов. Неоспоримое значение здесь имели металлическая посуда и амфорная тара.

Римская парадная посуда открыта в богатых захоронениях. В тайниках отдельных могил были найдены целые серебряные сервизы из разнообразных сосудов — канфаров, кубков, чаш и фиал, ковшей и ситечек, кувшинов и тазов.

Римскому импортному металлу италийского и провинциального производства, как отдельным комплексам, так и категории в целом, посвятили ряд работ М. Г. Мошкова, Д. Б. Шелов, С. И. Капошина, Б. А. Раев, Л. С. Клейн, А. В. Симоненко, М. Ю. Трейстер, др.

Разработка типологии находок и их датировка в археологическом контексте, выявление европейских аналогий из сарматских погребений, регионально-хронологическое картографирование позволили выявить динамику их поступления к сарматам Нижнего Дона, Прикубанья и Предкавказья в виде «волн», связанных с определенными

¹ Емельянов С. С. Импорт // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2016): <https://old.bigenc.ru/economics/text/2006552>. Дата обращения: 03.05.2023.

историческими событиями: с участием в войнах Митридата Евпатора и Фарнака (металлическая и стеклянная посуда позднего латена, кельтское оружие I в. до н. э.), походами аланов в Закавказье в 72 г. н. э., походами в 114 и 134 гг. и во второй половине II — начале III в. н. э.; событиями Маркоманнских войн, когда сарматы Северо-Западного Причерноморья активно контактировали с балкано-дунайскими провинциями (Раев. 1993. С. 174–175; Симоненко. 2011. С. 158–160).

Проблема присутствия римского импорта у сарматов неразрывно связана с условиями его появления. Дискуссионным стал вопрос о характере и путях проникновения римских бронз к сарматам. По мере накопления данных высказывались следующие точки зрения: весь состав римского импорта, включая парадную столовую художественную посуду из бронзы и серебра в курганах Подонья, является результатом торговли (В. В. Кропоткин и Д. Б. Шелов); проникновения римского столового серебра к сарматам через Танаис торговым путем маловероятно (В. П. Шилов); римская парадная посуда, обнаруженная в сарматских курганах Дона и Кубани, могла появиться в связи с определенной политической ситуацией в качестве дипломатических даров сарматским царям и их послам или в виде военной добычи и дани, что не могло не сказаться и на составе импорта (Клейн. 1979. С. 204–221).

Одной из наиболее распространенных категорий импортных изделий является амфорная тара. В Нижнем Подонье амфоры в погребениях II–I вв. до н. э. встречаются крайне редко. В значительном количестве они появляются в комплексах I–III вв. При этом основную часть находок составляют позднегераклейские светлоглиняные узкогорлые амфоры первых веков н. э. Чаще всего они встречались в составе тризн. Разработанная типология светлоглиняных амфор является существенной опорой при датировании сарматских комплексов. Фиксация, по возможности максимально полная, и статистический анализ амфорного материала могут расширить информационный потенциал данной категории и конкретизировать динамику поступления продуктов в амфорной таре в первые века н. э. к сарматам.

Красноглиняные амфоры боспорского производства встречаются в меньшем количестве.

Импортная гончарная керамика также важна для хронологических разработок. Она дает возможность установить направление культурно-экономических связей сарматов с ремесленными центрами её производства.

В первые века н. э. была широко распространена краснолаковая посуда, значительная часть которой привозилась из понтийских городов (понтийская сигиллата). В погребениях III в. н. э. она представлена в значительно меньшем количестве, нежели в комплексах I–II вв.

Следует отметить, что у сарматов керамика выполняла различные функции: она активно использовалась как в хозяйстве, так и в религиозных церемониях. В погребения могли помещать использованную в быту посуду, в том числе неоднократно реставрированную. В настоящее время обращается более пристальное внимание на морфологические признаки и технологические особенности, детальное изучение которых позволяет установить место производства сосудов, ремесленные традиции этноса (Глебов. 2010). Так, связав происхождение сероглиняной гончарной керамики, одной из многочисленных групп инвентаря, с центрами производства Кубани, Нижнего Дона, Северного Кавказа, можно говорить о сравнительно стабильных торговых контактах с южными соседями.

В первые века нашей эры в быту распространяются стеклянные сосуды. В Танаисе их заметно меньше, чем в других городах Боспора. Именно через них импортная посуда из малоазийских, сиро-палестинских или египетских стеклоделательных мастерских поступала в Подонье. Отдельные сосуды могли попасть в сармато-аланскую среду в результате контактов с племенами германского круга. Распространенной находкой являются стеклянные бусы. В Танаисе находят бусы из стекловидного материала голубоватого цвета — фаянса. Эти же изделия попадали в сарматские погребения.

То, что не было произведено в Нижнем Подонье: амфоры, краснолаковая и сероглиняная посуда, бусы, — было, скорее всего, получено в результате торговых контактов.

К изделиям античных мастеров относятся предметы парадного конского убора, фалары. Украшение ювелирных изделий и произведений торевтики геммами особенно характерно для находок с территории Боспорского царства и из сарматских погребений Северного Причерноморья (Трейстер. 2021. С. 5–44).

Следует отметить, что круг вопросов, связанный с «импортом», концентрируется главным образом вокруг воинских погребений и комплексов жреческой знати, которые выделяются своей субкультурой. В этом случае престижные предметы определяют один из векторов исследований сарматской культуры — характер социальной структуры и роль знати — и позволяют реконструировать материальную культуру одной из групп сарматского общества.

Ввезенные в сарматский мир предметы привлекаются к разработке проблем датировки, к выстраиванию хронологических шкал с максимально узкими датами для различных типов вещей; установления времени и направления торговых контактов с соседями.

Самостоятельный интерес представляют украшения, предметы, связанные с культом, изготовленные по заказу. Их информационные возможности не ограничиваются реконструкцией практической сферы контактов и выходят в область идеологических воззрений, что требует разработки дополнительных методик анализа.

Литература

- Безуглов С. И.* Танаис и кочевники Нижнего Дона во II–III вв. н. э. (экономические аспекты) // БЧ XVIII. 2017. С. 29–33.
- Глебов В. П.* Раннесарматская культура Нижнего Подонья II–I вв. до н. э. Автореф. дис. ... канд. ист. н. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.dissercat.com/content/rannesarmatskaya-kultura-nizhnego-podonya-ii-i-vv-do-ne> (дата обращения: 14.02.2023).
- Засецкая И. П.* Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2011.
- Золото, конь и человек: сборник статей к 60-летию А. В. Симоненко. Киев: КНТ, 2012.
- Игуменшева Е. В.* Торгово-экономические и культурные связи кочевого населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья VI–I вв. до н. э. Автореф. дис. ... канд. ист. н. М., 2011.
- Клейн Л. С.* О характере римского импорта в богатых курганах сарматского времени на Дону // АМА. 1979. Вып. 4. С. 204–221.
- Мошкова М. Г.* Производство и основной импорт сарматов Нижнего Поволжья. Автореф. дис. ... канд. ист. н. Москва, 1956.
- Раев Б. А.* Бронзовая посуда эпохи позднего латена в Сарматии // АМА. 1993. Вып. 9. С. 160–175.
- Симоненко А. В.* Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб.: Изд-во филологического факультета СПбГУ, Нестор-История, 2011.
- Сарматы и их соседи на Дону. Вып. 1. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. (Материалы и исследования по археологии Дона).
- Трейстер М. Ю.* Парадные фалары из тайника сарматского кургана № 1/1985 у пос. Дачи под Азовом // ПИФК. 2021. Вып. 4. С. 5–44.
- Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.: Наука, 1972.

А. В. Лысенко, В. В. Масыкин

**РИМСКОЕ ВОЕННОЕ СНАРЯЖЕНИЕ
ВРЕМЕНИ РИМСКО-БОСПОРСКОЙ ВОЙНЫ
ИЗ СВАТИЛИЩА ЭКЛИЗИ-БУРУН В ГОРНОМ КРЫМУ**

Римско-боспорская война 44/45–49 гг. — одна из крупнейших военных акций римлян в Северном Причерноморье, результаты которой существенно повлияли на военно-политическую ситуацию в регионе (Виноградов, Горончаровский. 2008. С. 260–271). Для уточнения и конкретизации сведений о ней исследователи, помимо прочего, привлекают археологические материалы, в частности находки деталей римского военного снаряжения соответствующего периода. Особенно показательны артефакты, обнаруженные в более или менее синхронных конфликту контекстах, в пределах театра военных действий, который охватывал Боспорское государство, территории к востоку и западу от него, а также прилегающую акваторию. К настоящему времени такие находки известны в культурных отложениях двух боспорских городов — столичного Пантикапея (Трейстер. 1993. С. 69–73) и городища Артезиан (Винокуров. 2010. С. 52–54. Рис. 8; Винокуров, Трейстер. 2018; Treister, Vinokurov. 2022), а также на двух горных святилищах Южного Крыма — Гурзуфское Седло и Эклизи-Бурун. Вещи из святилищ сравнительно многочисленны. Обстоятельства их археологизации связывают с одним из финальных эпизодов войны — возвращением в 49 г. части победоносного войска римского всадника Гая Юлия Аквилы с Боспора вдоль побережья Таврики на кораблях. По сообщению Тацита, «при возвращении счастье изменило ему: несколько кораблей (ибо войско возвращалось морем) выбросило к берегу тавров, и их окружили варвары, убившие префекта когорты и множество воинов из вспомогательного отряда» (*Tac. Ann.* XII, 17). Предполагается, что элементы римской милитарии на святилищах — трофеи, добытые варварами у римских военнослужащих (Новиченкова. 2017. С. 15; Лысенко, Мордвинцева. 2021. С. 952–954). Данные об артефактах этой группы из Гурзуфского Седла опубликованы (Новиченкова. 2015. С. 113; 2017. С. 13–15). Сведения о предметах из Эклизи-Бурун ранее пуб-

ликовались лишь в виде краткой общей характеристики (Lysenko, Masyakin. 2012).

Культовый комплекс Эклизи-Бурун (I в. до н. э. — XVII–XVIII вв. н. э.) расположен на вершине г. Чатыр-Даг (1527 м н. у. м.), в 12,5 км от берега моря. В позднеэллинистическое — римское время здесь находилось варварское «открытое» святилище. В процессе его функционирования совершались массовые жертвоприношения останков животных, а также жертвовались (в частности, посредством преднамеренной поломки и складирования) различные предметы (Lysenko. 2013). Присутствующие среди вотивов детали римского военного снаряжения, синхронные Римско-боспорской войне, довольно разнообразны. Представлены все его основные категории.

Защитное вооружение. Фрагменты железных деталей пластинчатых панцирей типа *lorica segmentata* (Robinson. 1975. P. 164–173), многочисленные обрывки кольчуг (*lorica hamata*) (рис. 2, 9)¹ (Robinson. 1975. P. 172–173), железные и бронзовая чешуйки с продольным ребром от комбинированных панцирей типа *lorica plumata* (рис. 2, 10) (Robinson. 1975. P. 172–173. Pl. 481, 484).

Детали шлемов типа Вайзену (Waurick. 1988. S. 333): бронзовые (рис. 1, 5, 7, 9) и железные (рис. 1, 6, 8) нащёчки, бронзовый назатыльник (рис. 1, 10), железная гарда (рис. 1, 12), латунная декоративная накладка (рис. 1, 11). Один железный шлем декорирован кастами со вставками красной эмали (выявлен небольшой обломок такой касты) (рис. 1, 13).

Наступательное вооружение. Гладиус (рис. 2, 1) типа «Майнц», варианта «Халтерн-Камулодунум» по К. Миксу (Miks. 2007. S. 62–64. Vortaf. С. 6, 7). Такие мечи датируются в целом второй половиной I в. до н. э. — первой половиной II в. н. э., но наиболее характерны они для I в. н. э. (Miks. 2007. S. 62–63). С типом «Майнц» также сопоставимы бронзовые гарда (рис. 2, 2) и несколько деталей оковок ножен, в частности окончание бутероли, переделанное в подвеску (рис. 2, 5).

Клинок кинжала с черенком (*pugio*) (рис. 2, 8) типа В (Bishop, Coulston. 2006. P. 83. Fig. 42, 5), одна из накладок двусоставной рукояти такого оружия (рис. 2, 13), фрагментированные железные лицевые накладки ножен кинжалов с углубленным орнаментом, инкрустированным латунью (рис. 2, 11, 12). Одна из накладок, украшенная

¹ Благодарим м. н. с. ФГБУН «ИАК РАН» Н. П. Турову за предоставленную возможность публикации материалов её разведочных работ. Рисунки публикуемых предметов выполнили С. В. Семин, Д. И. Неяченко и А. В. Столяренко.

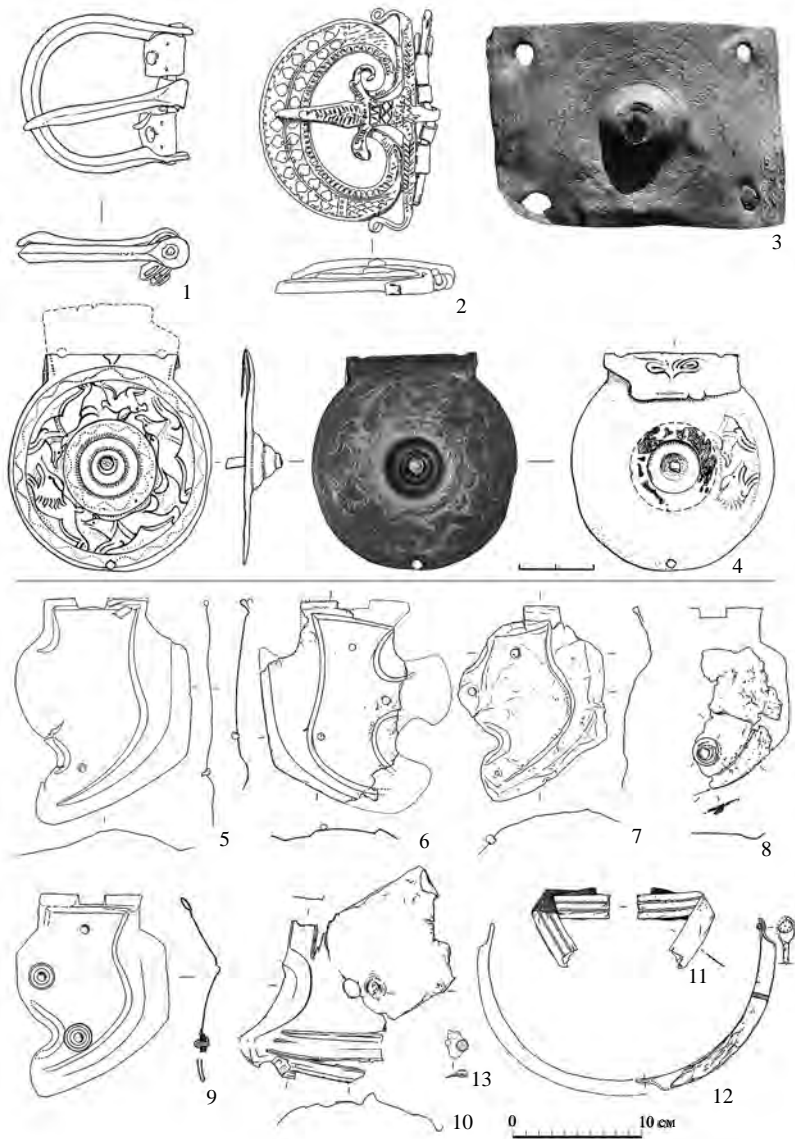

Рис. 1. Святилище Эклизи-Бурун. Элементы римского военного снаряжения: 1-4 — части поясов; 5-12 — фрагменты шлемов. 1-5, 7, 9-11 — бронза; 6, 8, 12 — железо; 13 — железо, эмаль

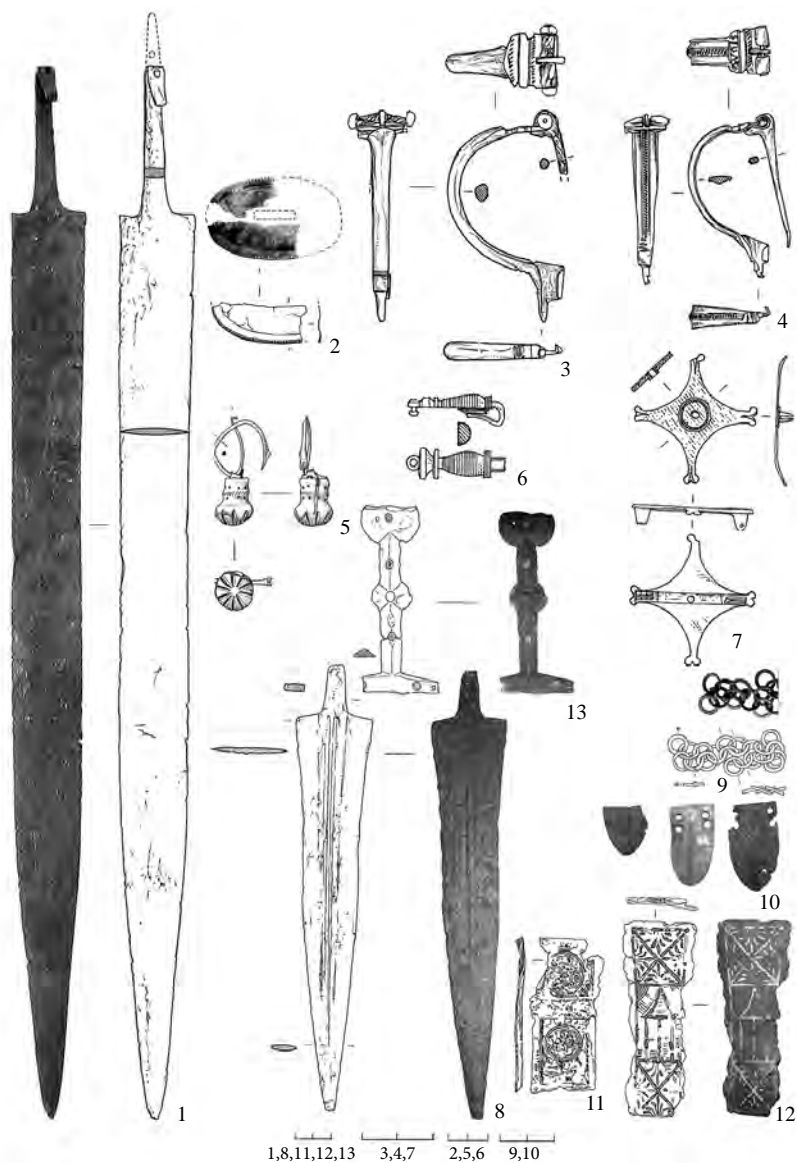

Рис. 2. Святилище Эклизи-Бурун. Элементы римского военного снаряжения: 1, 2, 5 — мечи и детали их гарнитуры; 3, 4, 7 — фибулы; 6 — элемент конской сбруи; 8, 11–13 — фрагменты кинжалов и их ножен; 9, 10 — элементы защитных доспехов. 1, 6, 8, 9, 10 — железо; 2–5, 7 — бронза; 11, 12 — железо, латунь

двумя круглыми розетками (рис. 2, 11), предположительно принадлежала ножнам типа «Майнц» и относится к первой группе, выделенной Ю. Обманном на основе сочетания художественных элементов и техники исполнения декора (Obmann. 2000. S. 8). Такие изделия датируются периодом от времени правления Августа до середины I в. н. э. (Obmann. 2000. S. 8). Вторая накладка (рис. 2, 12), с изображением эдикулы в центре орнаментальной композиции, вероятно, являлась частью ножен типа «Виндонисса» (середина I в. н. э.) и сопоставима со второй группой по Ю. Обманну (Obmann. 2000. S. 9). Такие предметы характерны для периода от начала правления Тиберия (14–37 гг.) до раннефлавиевского времени.

Конская сбруя. Представлена железной соединительной петлей — зажимом с рифленой лицевой поверхностью (рис. 2, 6), аналогии которой известны по контекстам I в. н. э. римских лагерей (Unz, Deschler-Erb. 1997. Taf. 61, 1693, 1699, 1700; 62, 1752).

Детали военного костюма. Металлические части военных поясов (cingulum militare): две пряжки (рис. 1, 1, 2) и две накладки (рис. 1, 3, 4). Пряжка с D-образной двучастной рамкой относится к группе 1, типу А.1.а. по С. Хосс (Hoss. 2014. S. 2) (рис. 1, 1). Подобные датируются в основном августовским — раннефлавиевским временем.

Пряжка с пельговидной рамкой (рис. 1, 2). Тип А.2.с. (Hoss. 2014. S. 19). Появляются такие в среднеавгустовское время, но наиболее характерны они для периодов правления Клавдия (41–54 гг.) и Нерона (54–68 гг.).

Накладка с штампованным умбоновидным выступом в центре и круговым гравированным орнаментом в виде венка плюща (рис. 1, 3) варианта 3.1.b (Hoss. 2014. S. 103). Появляются такие вещи в эпоху Августа, наибольшее распространение получают во время правления Тиберия — Клавдия.

Бронзовая ременная накладка с умбоновидным выступом в центре и расположенным по кругу гравированным изображением травли животных: две собаки атакуют кабана, одна гонится за зайцем. Принадлежит к группе деталей римского военного снаряжения с позднекельтскими зооморфными мотивами в декоре (рис. 1, 4). Изготовленные в таком стиле предметы, изображающие сцены охоты, появляются в эпоху Августа, но наиболее распространены были в период правления Клавдия (41–54 гг.). К изделиям этого круга относятся детали ременной гарнитуры из военных лагерей на Рейне, Дунае, в Британии (Hoss. 2014. S. 114. Taf. 39, B 666–677), гарда меча типа «Майнц» из кораблекрушения августовского времени в дельте реки По в г. Комакьо в Италии (Miks. 2007. Taf. 157, A 115). К этой же

группе относится бронзовый штамп из Колчестера (Künzl. 1998. Abb. 13, 8). В Крыму близкий артефакт, с изображениями животных тех же видов, что и на публикуемом экземпляре, происходит из святилища Гурзуфское Седло (Новиченкова. 2015. Рис. 99, 4). Ещё один предмет в виде диска, выполненный в этом же стиле, найден на боспорском городище Артезиан, в слое пожара времени Римско-боспорской войны (Treister, Vinokurov. 2022. P. 31).

Фибулы типа «Авцисса» (рис. 2, 3, 4) «классического» варианта 22b2 по М. Фежеру (Feugère. 1985. P. 323). Одна из них (рис. 2, 4) с надписью. Это пока единственная известная «Авцисса» с надписью из Крыма.

Шарнирная фибула-брошь с ромбовидным щитком (рис. 2, 7) сопоставима с типом 24b1 по М. Фежеру и типом 7.4 по Э. Рихе (Feugère. 1985. P. 184, 24b1; Riha. 1994. Taf. 51, 7.4). Такие застёжки датируются 30/40 — 60/70 гг., но большая часть находок относится ко времени Клавдия (41–54 гг.) (Feugère. 1985. P. 344).

Принимая во внимание исключительную редкость для Северного Причерноморья многих из перечисленных артефактов, присутствие аналогий некоторым из них в контексте, надежно ассоциируемом с Римско-боспорской войной (Артезиан), их концентрацию на двух варварских святилищах, расположенных вблизи вероятного маршрута кораблей, перевозивших воинов Гая Юлия Аквилы, можно констатировать, что вероятность связи публикуемых предметов с событиями, упомянутыми Тацитом, достаточно высока.

Литература

- Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. — середина III в. н. э.). СПб.: Изд-во филологического факультета СПбГУ, 2008. (Historia militaris).
- Винокуров Н. И. Новые находки времени начала боспоро-римской войны на городище Артезиан в Крымском Приазовье в 2009 году // ДБ. 2010. Т. 14. С. 46–65.
- Винокуров Н. И., Трейстер М. Ю. Фибулы типа Авцисса из раскопок городища Артезиан // Археология и история Боспора. Новейшие археологические открытия на территории Боспорского царства: материалы международной научно-практической конференции (13–14 августа 2018 г.). Керчь, 2018. С. 45–50.
- Лысенко А. В., Мордвинцева В. И. Вторая передвижная гиря от римских «быстрых» весов из святилища Эклизи-Бурун (Горный Крым) // ВДИ. 2021. № 4. С. 938–959.
- Новиченкова М. В. Римське військове спорядження в Тавриці I ст. до н. е. — I ст. н. е. (за матеріалами розкопок святилища Гурзуфське Сідло). Автореф. дис. ... канд. іст. н. Київ, 2017.

- Новиченкова Н. Г.* Горный Крым: II в. до н. э. — II в. н. э. По материалам раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло. Симферополь: Н. Орианда, 2015.
- Трейстер М. Ю.* Римляне в Пантикапее // ВДИ. 1993. № 2. С. 50–73.
- Bishop M. C., Coulston J. C. N.* Roman Military Equipment. From the Punic Wars to the Fall of the Rome. London, 2006.
- Feugère M.* Les fibules en Gaule Méridionale de la conquête à la fin du Ve s. ap. J.-C. // Revue archéologique de Narbonnaise. Supl. 12. 1985.
- Hoss S.* Cingulum Militare: Studien zum römischen Soldatengürtel des 1. bis 3. Jh. n. Chr. PhD Thesis. Leiden, 2014.
- Künzl E.* Gladiusdekorationen der frühen Kaiserzeit: dynastische Legitimation, Victoria und Aurea Aetas // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 1996. Bd. 43. S. 386–474.
- Lysenko A.* Das Heiligtum Eklizi-Burún der römischen Zeit // Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen — Skythen — Goten. Bonn, 2013. S. 276–283.
- Lysenko A., Masyakin V.* Roman Imports in the Mountain Crimea (from the Eklizi-Burún sanctuary) in Age of Augustus // The Romans at the Black Sea during the Time of Augustus. Abstracts of the Conference. Tulcea, 2012. P. 22–23.
- Miks C.* Studien zur römischen Schwertbewaffnung in der Kaiserzeit. Kölner Studien zur Archäologie der römischen Provinzen 8. Rahden/Westfalen, 2007.
- Obmann J.* Studien zu römischen Dolchscheiden des 1. Jahrhunderts n. Chr. Archäologische Zeugnisse und bildliche Überlieferung. Kölner Studien zur Archäologie der römischen Provinzen 4. Rahden, 2000.
- Riha E.* Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Die Neufunde seit 1975. Augst, 1994. (Forschungen in Augst).
- Robinson H. R.* The Armour of Imperial Rome. London, 1975.
- Treister M., Vinokurov N.* New Find of Roman Military Equipment of the Period of the Roman-Bosporan War of 45–49 AD from the Eastern Crimea // XXI International Congress on Ancient Bronzes. Budapest, 20–24 September 2022. Programme Book.
- Unz C., Deschler-Erb E.* Katalog der Militaria aus Vindonissa. Militärische Funde, Pferdegeschirr und Jochteile bis 1976. Veröffentlichungen der Gesellschaft pro Vindonissa 14. 1997.
- Waurick G.* Römische Helme // Antike Helme. Mainz, 1988 — RGZM Monograph 14.

В. А. Горончаровский
**СКЛЕП СЕМЬИ УЛЬПИЕВ
В НЕКРОПОЛЕ ПАНТИКАПЕЯ¹**

Среди подкурганых захоронений в некрополе Пантикапея римского времени важное место занимает склеп Ульпиев, исследованный А. Е. Люценко в 1860–1861 гг.² в кургане близ Арестантской казармы у берега пролива на расстоянии около 0,8 км к северо-востоку от Керчи. Как справедливо отметил М. И. Ростовцев, здесь «мы имеем усыпальницу одного из самых видных родов» Боспора первых веков н. э., и вслед за ним остаётся только «пожалеть, что для расследования кургана было сделано так мало и раскопка его не была доведена до конца» (АДЖ. С. 399)³. Тем не менее полная публикация имеющейся о нём информации, хранящейся в Научном архиве ИИМК РАН, представляет несомненный интерес.

Открытие склепа состоялось в ходе работ, производившихся в период с 27 сентября по 1 октября 1860 г. в уцелевшей части «глинистого» кургана на участке площадью 4 квадратных сажени (=18,2 м²), что, с учётом отсутствия плана и обмеров, даёт хотя бы приблизительное представление о размерах этого сооружения, которое А. Е. Люценко назвал «большим»⁴. Оно было устроено в насыпи, первоначально возведенной, как выяснилось позднее, над центральной, давно разграбленной уступчатой гробницей IV в. до н. э., и также оказалось разоренным.

¹ Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

² *Люценко А. Е.* Об археологических разысканиях близ Керчи в 1860 г. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1860 г. Д. 6; *Люценко А. Е.* О разысканиях близ Керчи в 1861 г. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1861 г. Д. 16.

³ Таким образом, М. И. Ростовцев посвятил этому кургану всего одну страницу. Столь же малое внимание ему уделяли и позднее или вовсе не упоминали (см., напр.: Цветаева. 1968. С. 118; Виноградов. 2017. С. 67 сл.).

⁴ О доставке в Комиссию вещей, найденных в Керчи в 1860 г.: РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1860. Д. 34. Л. 5.

Остатки склепа, которому присвоили № 45, были выявлены на глубине $5\frac{1}{4}$ аршин (3,73 м). Свод его, как и стены в верхней части, не сохранились. По описанию А. Е. Люценко, местами наблюдались остатки «внутренней штукатурки и окраски»⁵, но ничего о характере этой росписи сказать нельзя. Близ одной из стен с внешней стороны нашли крупный фрагмент беломраморной плиты, датированной 403 г. б. э. (106/107 г. н. э.), и рядом «несколько кусков от большой мраморной вазы»⁶. В таких случаях А. Е. Люценко записывал в своём журнале археологических разысканий: «...бывшая тут гробница разорена в давнее время, почему дальнейшее расследование оной признано бесполезным»⁷.

Раскопки, сначала представлявшиеся бесперспективными, были продолжены в конце 1860 г. только по настоянию председателя Императорской археологической комиссии графа С. Г. Строганова, который в своём предписании от 30 ноября 1860 г. потребовал поискать «в разоренном склепе под № 45 <...> другой половины мраморной плиты с греческой надписью»⁸. И действительно, вскоре удалось сделать новые эпиграфические находки. Очищая склеп от обвалов курганной насыпи, рабочие обнаружили два фрагмента небольшой плиты из белого мрамора толщиной 0,06 м, видимо когда-то размещенной над входом в этот погребальный комплекс. На них сохранилась надпись следующего содержания: «Ульп[ий, сын такого-то,] Парфе[нокл, наместник] царской резиденции [себе и своим] потомкам [соорудил этот памятник] в... году» (КБН 628), из чего стало понятно, что именно этот видный представитель боспорской администрации устроил здесь семейный склеп. Такая практика использования древних курганов, на что, видимо, нужно было получить особое разрешение, стала довольно обычной в I–III вв. н. э.

В дальнем конце погребальной камеры 30 декабря 1860 г. рабочие наткнулись на массивный саркофаг из белого мрамора «без карнизов и скульптурных украшений», с одними полукруглыми акротериями по углам двускатной крышки (рис. 1). Он оказался ограбленным, но в центре одной из продольных стенок сохранилась частично поврежденная грубо пробитым отверстием надпись: «Антима[х]... (скончался), прожив... лет, [месяца Л]оя, 30-го числа» (КБН 725). К сожалению, патронимик в данном случае не сохранился. С двух сторон надписи в качестве ограничителей были вырезаны листки плюща. По

⁵ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1860. Д. 6. Л. 87.

⁶ Там же. Л. 87 об.

⁷ Там же. Л. 24 об.

⁸ Там же. Д. 34. Л. 2–3.

Рис. 1. Мраморный саркофаг Антимаха. Фотография М. Эдельштейна. 1861 г. РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1861. Д. 15. Л. 30

характеру письма её можно датировать временем «едва ли ранее начала III в. н. э.» (КБН. С. 418).

Донесение об открытии саркофага с предложением поднять его и перевезти в Керченский музей древностей было отправлено в Петербург 13 января 1861 г. Вскоре Императорская археологическая комиссия одобрила эту идею и в период с 20 февраля по 25 марта работы продолжились. Для извлечения саркофага ближе к центру кургана была сделана прирезка площадью 6 кв. саженей (27,3 м²) и глубиной около 3 саженей (6,4 м). При этом в насыпи кургана были найдены остатки «обвалившихся круглых сводов», а стены склепа оказались частично впущенными в материк⁹. Для очистки внутреннего помещения от грунта и каменных завалов с западной стороны кургана был устроен спуск в виде траншеи длиной 6 саженей (2,8 м), шириной — 1 ½ (3,56 м) и глубиной ½ сажени (1,07 м).

Как оказалось, саркофаг имел форму прямоугольного ящика размерами 2,12 × 1,10 × 0,93 м, с толщиной стенок и дна до 0,16 м и весом

⁹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1861. Д. 16. Л. 6 об.

около 180 пудов (около 2,9 т). Под двускатной крышкой, высотой 0,76 м и весом около 120 пудов (около 1,9 т), кроме человеческих костей, «лежавших в беспорядке, ничего не оказалось»¹⁰. За саркофагом, прикрепленным к стене железными скобами, залитыми свинцом, находился пролом в соседний уступчатый склеп.

Крышку и собственно саркофаг вытащили из склепа на катках с помощью специального шпиля со шкивами и перевезли в музей в два приема на «медведке» (так называлась телега с низкими колесами для перевозки больших тяжестей), запряженной тремя парами волов. При извлечении саркофага рядом с ним нашли «золотое кольцо с гранатом без резьбы, вероятно, потерянное грабителями»¹¹. Дополнительная информация о нём содержится в «Описи древним вещам, найденным в 1861 г. при производстве археологических разысканий возле Керчи», где под № 558 значится «золотой восьмигранный перстень с гладким гранатом»¹². Перстни такой формы были популярны в Римской империи в конце II — III в. н. э. (Арсентьева, Горская. 2019. С. 146. № 163), что соответствует датировке надписи.

В дальнейшем на линии спуска была произведена выборка грунта на участке площадью 9,6 × 2,13 м и на глубине 1,42 м удалось обнаружить вымощенный камнем дромос, ведущий в склеп. Находки на уровне его пола после окончательной зачистки, согласно описи А. Е. Люценко, были немногочисленны: «однофитильная лампочка из красной глины, украшенная бордюром» (№ 559); небольшая «обыкновенная глиняная амфора с остроконечным дном» (№ 560); несколько обломков мраморной вазы с рельефным декором в виде арок и левая часть ранее упомянутой датированной надписи из раскопок 1860 г. (№ 561). Таким образом, она сохранилась практически целиком: «Ульп[и]й Ант[и]мах, сын Мастуса, начальник острова (поставил) Ульпии Каллисфении, супруге своей, памятник в 403 году» (КБН 697).

Уже в первой публикации надписи Л. Э. Стефани высказался в пользу принадлежности Ульпия Парфенокла и Ульпия Антимаха к одной семье, имевшей отношение к важным государственным должностям (ОАК за 1861 г. С. 167; ОАК за 1863 г. С. 208). Позднее В. В. Латышев вполне обоснованно пришел к выводу, что они были братьями. При этом он отметил сходный характер письма найденных в склепе надписей, очевидно обусловленный их изготовлением в од-

¹⁰ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1860. Д. 34. Л. 9.

¹¹ Там же. 1861. Д. 16. Л. 6 об.

¹² Там же. Л. 73 об.

ной мастерской примерно в одно и то же время (IOSPE. II. 26). Если принять во внимание датировку надписи на саркофаге, можно сделать вывод, что склеп использовался для захоронений представителей одного рода на протяжении, по крайней мере, целого столетия и, несомненно, они должны были оставить заметный след в политической жизни Боспорского царства.

Удивительно, но всего год спустя после завершения раскопок склепа Ульпиев, в 1862 г., в Керчи у какого-то крестьянина был приобретён обломок плиты из белого мрамора с надписью, в которой упоминались уже известные персонажи: «За победу [над ски]фами потомка царей [---- (великого)] царя Б[оспора (Савромата)], друга цезаря [и друга римлян], благочестивого, Парфенокл... (и) АнTIMАХ, начальники ----- богам, дарующим победу, (посвятили) [в... году, месяца] Горп[иея]» (КБН 32). М. И. Ростовцев небезосновательно считал, что первого из них можно отождествить с боспорцем Марком Ульпием Парфеноклом (IOSPE. I². 203)¹³, погребённым в Ольвии в первой четверти II в. н. э.

Учитывая роль Парфенокла в победе над скифами (КБН 628), очевидно одержанной в первые годы правления Савромата I (93/94–123/124 гг. н. э.), и его должность *ὁ ἐπί τῆς βασιλείας*, этот человек вполне может рассматриваться в качестве лица, чествуемого в известном энкомии из Пантикапея начала II в. н. э. как воспитателя царя и крупного политического деятеля, победителя аланов, скифов и тавров (Виноградов, Шестаков. 2005. С. 42–44; Сапрыкин. 2005. С. 45–80). Такое предположение уже высказывалось ранее (Грингоф. 2011. С. 32–36) и является наиболее вероятным. Гораздо меньше оснований для сделанного С. Ю. Сапрыкиным допущения относительно того, что им являлся некий пантикапеец, сын Диофанта, согласно надписи КБН 1048, воздвигнувший в Гермонассе статую своего благодетеля царя Савромата I и более ничем не известный (Сапрыкин. 2005. С. 72).

Судя по наличию пазов, текст энкомия частично сохранился на средней из трёх мраморных плит, когда-то вставленных в большой погребальный монумент, который могла увенчивать портретная статуя. Подобные почести по отношению к частному лицу на Боспоре носят настолько уникальный характер, что могли быть санкционированы только царём за особые заслуги. В случае, если монумент действительно связан с Ульпием Парфеноклом, захоронённым на чужбине¹⁴,

¹³ Там же фигурирует его прозвище Мастус, видимо образованное от имени отца.

¹⁴ Этот эпизод М. И. Ростовцев относил к периоду правления Траяна, который, как он предположил, поручил защиту Ольвии от нападений варваров боспорскому царю (Ростовцев. 1915. С. 12–13). Мраморное надгробие Марка Ульпия Парфенокла, как

а не в семейном склепе, то это сооружение представляло собой отдельно стоящий кенотаф или героон.

В заключение отметим, что имя отца Парфенокла и Антимаха — Мастус — имеет ярко выраженное иранское происхождение¹⁵. Оно засвидетельствовано только на территории Боспора и появляется в местной ономастике лишь со второй половины I в. до н. э. (КБН 282). История происходящего из сарматской среды рода, представители которого вошли в состав высшей аристократии Боспорского царства, представляется достаточно типичной для формирования боспорской элиты первых веков н. э.

Литература

- Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1949.
- Арсентьева Е. И., Горская О. В.* Античные ювелирные изделия из частных собраний. Кольца и перстни: каталог коллекции. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2019.
- Виноградов Ю. А.* Курганный некрополь Пантикапея // *Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев.* СПб.: Нестор-История, 2017. С. 67–110.
- Виноградов Ю. Г., Шестаков С. А.* Laudatio funebris из Пантикапея // *ВДИ.* 2005. № 2. С. 42–44.
- Грингоф С. А.* Ещё раз о должности наместника царства на Боспоре римского времени // *Научные ведомости Белгородского государственного университета.* Серия: Экономика. Информатика. 2011. № 7 (102). С. 32–36.
- Зубарь В. М.* Северный Понт и Римская империя. Киев, ИА НАНУ, 1998.
- Ростовцев М. И.* Военная оккупация Ольвии римлянами // *ИАК.* 1915. Вып. 58. С. 1–16.
- Сапрыкин С. Ю.* Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I — начале II в. н. э. // *ВДИ.* 2005. № 2. С. 45–80.
- Цветашева Г. А.* Сокровища причерноморских курганов. М.: Наука, 1968.

и надгробные стелы двух других боспорцев того же времени: мраморная — Тита Флавия Ахемена и известняковая — Адоста, сына Арсака (IOSPE. I². 202–204), было установлено представителями социальной верхушки Ольвийского государства. В отношении датировки данного события интересен тот факт, что один из них являлся ольвийским архонтом в первые годы пребывания у власти императора Адриана (Зубарь. 1998. С. 72).

¹⁵ Mastas — ‘гневный’, ‘ярый’ прош. прич. от mad — ‘возбуждаться’ (Абаев. 1949. С. 173).

**ВАРВАРСКОЕ ОКРУЖЕНИЕ
БОСПОРА**

С. В. Ярцев, Е. В. Шушунова, А. А. Внуков

**К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ЛОКАЛИЗАЦИИ ТАФРИЕВ,
А ТАКЖЕ МЕСТНОСТИ И ГОРОДА С ТАКИМ ЖЕ НАЗВАНИЕМ НА
ТЕРРИТОРИИ АНТИЧНОГО КРЫМА¹**

Термин «τάφρος» ('ров'), который упоминается в качестве этнонима (*Strab.*, VII, 3, 19), местности (*Mela*, Chorog., II, 4) и города (*Plin.*, NH, IV, 85) в районе Перекопского перешейка, уже неоднократно становился объектом внимания исследователей. Проблема здесь заключается в том, что следов такого античного города на Перекопе не обнаружено, а судя по данным Клавдия Птолемея, город Тафр на самом деле располагался «внутри Таврического Херсонеса» (*Ptolem.*, Geog., III, 6, 5), то есть внутри Крымского полуострова. Так как в труде знаменитого античного географа Керченский полуостров оказался совсем невыделенным, с уверенностью можно утверждать, что последний был растянут Птолемеем по ширине и долготе вплоть до Перекопа. Следовательно, большую часть из населенных пунктов внутренних районов Крыма, упомянутых Птолемеем, необходимо размещать на Керченском полуострове (Зубарев. 1998. С. 31–35). Отчасти в пользу этого свидетельствует сообщение Стефана Византийского, связавшего страну Тафры у Меотидского озера (*Stephan. Byzant.*, EQS) со рвом «слепых» Геродота (*Hdt.*, IV, 3), то есть с Восточным Крымом. Следовательно, точной локализации местности, города и этнонима «τάφρος» у других перечисленных выше авторов могла помешать традиционная путаница с перешейками в античной географии.

Все эти противоречия осложнили выработку единой точки зрения по многим вопросам указанной проблемы. Л. А. Ельницкий считал, что тафрии, равно как и сатархи, — это потомки слепых рабов (Ельницкий. 1961. С. 91). А. Н. Щеглов также предполагал, что тафрии — это потомки древнего крымского населения эпохи раннего железа, однако размещал их ближе к Перекопу в Северо-Западном Крыму

¹ Работа выполнена за счёт гранта РФФ 23-28-01665 «Этнокультурное взаимодействие в этноконтактной зоне Восточного Крыма в первой половине I тыс. н. э.».

(Щеглов. 1966. С. 148). В. С. Ольховский связывал тафриев с кизилкобинским населением предгорий и крымских степей, которые были ассимилированы скифами и позднее сатархами (Ольховский. 1981. С. 60, 63). Отчасти с данным утверждением был согласен и Е. А. Молев, идентифицирующий тафриев с местным населением Перекопа и Северного Присивашья (Молев. 1986. С. 56). Что же касается точки зрения о городе и стране Тафры, то важным рубежом на этом направлении исследований стал вывод о связи данного наименования с территорией, где находились древние земляные укрепления (рвы), например, с тем же Перекопом или Восточным Крымом. Отсюда следует важное предположение, что, возможно, этноним тафрии мог означать любых варваров (например, сатархов), изменивших свое наименование по причине переселения в район с древними рвами (Десятчиков. 1973. С. 135; Храпунов. 2004. С. 89).

Если это так, то страну-область Тафр необходимо искать на территории между древними рвами от Перекопа до Акмоная (Ольховский. 1981. С. 63). Более того, можно вообще отождествить с этим термином весь степной Крым, который, если логически рассуждать, просто не мог не иметь наименования в античной географии Крымского полуострова (Зубарев. 2005б. С. 236–238). Таким образом, отождествление города Тафр с одним из городищ Европейского Боспора, по нашему мнению, вполне оправдано и действительно является единственно верным решением указанной научной проблемы (Зубарев. 2005а. С. 271–275). В этой связи заметим, что наша точка зрения по этому вопросу во многом исходила именно из такой интерпретации «*τάφρος*». Однако, предположив, что жители земляных укреплений — тафрии — являлись, по сути, боспорскими военными поселенцами, и связав последних с политикой царя Асандра по укреплению обороноспособности государства, мы пришли к выводу об антиримской политической направленности данных варваров. По-видимому являясь выходцами из тавро-скифской среды (иначе бы их было больше), эти люди несли пограничную службу в районах оборонительных линий — тафров, проживая на царской земле. По причине того, что варвары заняли область Тафры, они и получили наименование тафриев. Однако в конце I в. до н. э. они серьезно пострадали из-за разрушения пограничных боспорских укреплений римским ставленником Полемоном (Ярцев. 2014. С. 78–97). Лепная тавроскифская керамика, отмеченная в ряде таких укреплений, подтверждает вывод о данных военных поселенцах как о выходцах из районов Предгорного Крыма (Масленников. 1990. С. 92–93; 1994. С. 180–182; Ланцов, Юрочкин. 2001. С. 254–264; Храпунов. 2004. С. 116).

Тем не менее сейчас все эти выводы не выглядят так однозначно. Дело в том, что хронологические рамки, в которых упоминаются тафрии и Тафр, позволяют связать нам данных варваров не только с деятельностью Асандра, но и с последующим периодом утверждения власти Рима в регионе. При этом обращает на себя внимание, что в первую очередь именно на Керченском полуострове после разгрома пограничных укреплений в I в. н. э. боспорские цари, проводящие теперь проримскую политику, начали интенсивную перестройку и возведение новых приграничных крепостей. Именно в этот период возникла крепость Илурад (Виноградов, Горончаровский. 2009. С. 225–241), были перестроены укрепления в Артезиане (после разрушения 44/45 гг. ранней цитадели) (Винокуров. 2019. С. 90–94), Ново-Отрадном (Кругликова. 1998. С. 151–155), Киммерике (Голенко. 2007. С. 104, 182–183), Михайловском городище (Петерс. 1978. С. 124), а также в ряде других мест. Всё это, безусловно, было связано с укреплением рубежей государства и подготовкой к предстоящей военной экспансии в сторону Крымской Скифии. В рамках данной политики в начале II в. н. э. на северном участке Узунларского вала возводится городище Белинское, одна из самых мощных крепостей на западных рубежах Боспора римского времени (Ярцев. 2014. С. 147–148). Не исключено, что информация Птолемея о внутренней части Крымского полуострова, которая не имеет аналога у предшествующих авторов и явно была взята из донесений римских военных (Тафр, Тарона, Постигия, Пароста, Киммерий, Портакра, Бион, Илурад и т. д.), по большей части как раз и отражает данное активное строительство второй половины I в. до н. э. — I в. н. э., происходившее под эгидой Рима (Зубарев. 1998. С. 15–16). В этой связи вызывает серьезное сомнение, что греко-римляне решились бы назвать новую возведенную крепость наименованием Тафр или оставить функционировать старую с таким названием (даже несмотря на расположение её рядом с оборонительным рвом) в случае наименования тафриями варваров, выступивших в свое время против Рима и боспорских проримских правителей. Не может ли это означать, что тафрии уже изначально являлись союзниками римлян и проримской боспорской власти.

По нашему мнению, ответить на этот вопрос поможет результат исследований нового памятника «Аджиэль I», расположенного в районе северного участка Узунларского вала и рва. Судя по многочисленным находкам профильных фрагментов светлоглиняных амфор его можно датировать второй половиной I в. до н. э. — началом II в. н. э. Однако при наличии варварской скифской керамики (периода функ-

ционирования Узунларского вала и рва при царе Асандре) здесь встречаются и более поздние находки, имитирующие краснолаковую посуду. Отметим, например, фрагмент горшка с ручкой, точно копирующего аналогичный краснолаковый сосуд, известный в Северном Причерноморье исключительно на римских памятниках, включая Харакс (Дорошко В., Дорошко О. 2019. С. 162, 165. Рис. 1, 9). Вызывает интерес и фрагмент редкого двуручного кувшина-амфоры, повторяющего формы аналогичного краснолакового сосуда, происходящего из комплекса середины I в. н. э. позднескифского городища Кара-Тобе (Шапцев. 2016. С. 170, 171. Рис. 4, 7). Только в нашем случае на венчик сосуда по сырой глине грубо и небрежно были нанесены насечки, явно подражающие орнаментации венчиков краснолаковой посуды в стиле крупнейшего производителя второй половины I в. н. э. мастера Северной Италии Гн. Атея (Гущина, Журавлев. 2016. Ч. 1. С. 38, 128; Ч. 2. С. 30. Табл. 28, 15). Если к этому добавить находки на «Аджиэль I» фрагментов сероглиняной посуды, с достаточной степенью точности имитирующей римскую краснолаковую и чернолаковую керамику позднеэллинистического периода, то картина становится ещё определенной. Не исключено, что именно проживающих в таких местах проримских варваров называли таффриями. Вероятно, они несли воинскую службу в крепостях на западных рубежах государства, обеспечивая охрану границ в период между разгромом пограничных укреплений в конце I в. до н. э. римским ставленником Полемоном и появлением здесь в начале II в. н. э. Белинского городища с крупным воинским гарнизоном. Более того, возможно, что в одном из таких пунктов («Аджиэль I») проживали не только собственно таффрии, но и какое-то время высокопоставленные римляне (например, римские инженеры, возводившие оборонительные стены Белинского городища), для которых и производилась на месте многочисленная посуда, подражающая дорогим римским образцам.

Литература

- Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А.* Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. — середина III в. н. э.). СПб.: Изд-во филологического факультета СПбГУ, 2009.
- Винокуров Н. И.* Исследование строительных остатков поздней цитадели на городище Артезиан в 2015–2017 гг. // ДБ. 2019. Т. 24. С. 90–113.
- Голенко В. К.* Древний Киммерик и его округа. Симферополь: СОНАТ, 2006.
- Гущина И. И., Журавлев Д. В.* Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму [в 2 ч.]. М.: ГИМ, 2016.
- Десятчиков Ю. М.* Сатархи // ВДИ. 1973. № 1. С. 131–144.

- Дорошко В. В., Дорошко О. П.* Исследования на высоте Виноградской в 2017 г.: новый памятник римского времени на перешейке Гераклеяского полуострова // БЧ XX. 2019. С. 160–166.
- Ельницкий Л. А.* Знания древних о северных странах. М.: Государственное изд-во географической литературы, 1961.
- Зубарев В. Г.* Северное Причерноморье в историко-географической концепции Клавдия Птолемея. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 1998.
- Зубарев В. Г.* Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М.: Языки славянской культуры, 2005а.
- Зубарев В. Г.* К вопросу о локализации местности «Тафрос» (античная традиция и данные археологии) // БФ 2005б. С. 40–41.
- Кругликова И. Т.* Поселение у деревни Ново-Отрадное // ДБ. 1998. Т. 1. С. 143–185.
- Ланцов С. Б., Юрочкин В. Ю.* «Варварская» посуда Кутлакской крепости // ДБ. 2001. Т. 4. С. 254–264.
- Масленников А. А.* Население Боспорского государства в первых веках н. э. М.: Наука, 1990.
- Масленников А. А.* Раскопки на Узунларском валу (Восточный Крым) // РА. 1994. № 4. С. 176–184.
- Молев Е. А.* Боспор и варвары Северного Причерноморья накануне походов Диофанта // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону: Изд-во РГПУ, 1986. С. 54–64.
- Ольховский В. С.* Население Крыма по данным античных авторов // СА. 1981. № 3. С. 52–65.
- Петерс Б. Г.* Михайловское городище античного времени // Проблемы советской археологии. М.: Наука, 1978. С. 117–127.
- Храпунов И. Н.* Этническая история Крыма в раннем железном веке // БИ. 2004. Т. VI. С. 3–240.
- Шапцев М. С.* Экономические связи варварского населения Северо-Западного Крыма во II в. до н. э. — начале II в. н. э. по амфорной таре и краснолаковой керамике // ПИФК. 2016. № 2. С. 163–178.
- Щеглов А. Н.* О населении Северо-Западного Крыма в античную эпоху // ВДИ. 1966. № 4. С. 146–157.
- Ярцев С. В.* Северное Причерноморье в римский период и проблема готской экспансии. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2014. 356 с.

Ю. П. Зайцев

**КРЫМСКИЙ БАРБАРИКУМ (III в. до н. э. — IV в.)
В КОНТЕКСТЕ НОВЕЙШИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Первые варварские древности Крыма античной эпохи попали в поле зрения учёных в первой половине XIX в. В 1950–1970-е гг. оформилась концепция о позднескифском государстве в Крыму со столицей в Неаполе Скифском, существовавшем в хронологических границах III в. до н. э. — III (IV) в. Основой этой концепции стала позднескифская археологическая культура, которая представлялась продуктом эволюции классических скифских «кочевых» древностей (Шульц. 1957. С. 85–88; Шульц. 1971; Высотская. 1972). В настоящее время «варварские» памятники Крыма продолжают разделяться на позднескифские¹ и прочие, в интерпретации которых популярны сарматская, аланская и готская версии (Айбабин, Хайрединоva. 2017. С. 10–41; Пуздровский. 2007. С. 11–14; Храпунов. 2004. С. 37–40, 125–142; 2016. С. 122; 2019).

Между тем увеличение числа точек на карте, изменение их качественного состава² и современные исследования ранее неизвестных памятников³ диктуют необходимость ревизии прежних концепций. Наслоение этнокультурных парадигм (поздние скифы, готы, сармато-аланы, позднескифская и нейзацкая культуры) при отсутствии их внятных критериев делает актуальными временное «обнуление» интерпретационного блока и анализ накопленной информации по формальным культурно-географическим признакам, в границах всего Крымского полуострова. Совокупность данных позволяет разделить «варварские» территории Крыма на шесть зон.

Зона 1. Степная северная и северо-западная части полуострова (рис. 1, 1). Характеризуется полным отсутствием поселений и малым количеством невыразительных и небогатых погребальных

¹ В хронологических рамках II в. до н. э. — III в.

² Открытие новых поселений и некрополей в Центральном Крыму, некрополей с кремациями в Байдарской и Алуштинской долинах.

³ Фронтное 1, Фронтное 3, Киль-Дере и т. д.

Рис. 1. Карта Крыма с обозначением зон (№ 1–6) и основных памятников, упомянутых в тексте

комплексов⁴ II–I вв. до н. э. — I–II вв. н. э., которые традиционно рассматривались в контексте сарматских древностей (Симоненко. 1993; Пуздровский. 2007. С. 106–107). Все они демонстрируют отсутствие явных культурных связей данной зоны с более южными территориями Крыма.

Зона 2. Узкая прибрежная полоса от бухты Узкая (Черноморское) до озера Кизил-Яр (Новофедоровка) (рис. 2, 2), в предшествующий период — дальняя хора Херсонеса. Опорные памятники: Беляус, Карлос-Лимен, Кара-Тобе, Керчинитида, Кульчук, Чайка. Поселения наследуют эллинические планировочные и домостроительные традиции, но с постепенной деградацией (Антонов. 2022. С. 115) и сопровождаются грунтовыми катакомбными и подкурганными каменными коллективными захоронениями. В плане хронологии очевиден акцент на II–I вв. до н. э. и первую половину I в. Для материальной культуры в это время характерны значительная степень эллинизации и «латенизация» женского и мужского костюма.

Наиболее вероятна специфика зоны 2 в качестве системы опорных пунктов для каботажного плавания, с сопутствующей сельскохозяйственной деятельностью.

Зона 3. Центральный Крым, в основном внешняя и внутренняя гряда Крымских гор, от западного до юго-восточного побережья Черного моря (рис. 1, 3). Территория концентрации скифских курганных древностей V–IV вв. до н. э. Опорные памятники: Ак-Кая, Кара-Тай,

⁴ Единственное исключение — богатейшее захоронение в Ногайчинском кургане.

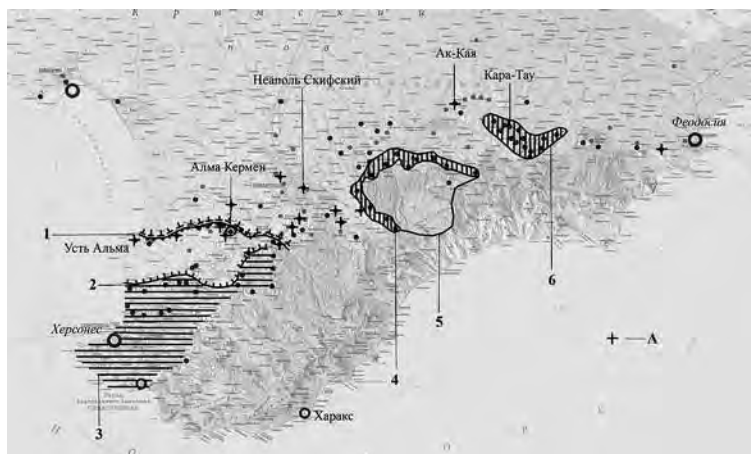

Рис. 2. Карта южной части Крыма с обозначением основных памятников и отдельных территорий, упомянутых в тексте: 1 — река Альма, 2 — река Кача, 3 — территория сельской округи Херсонеса римского времени, 4 — поселения и некрополи вокруг Долгоруковской и Караби-Яйлы, 5 — территория Долгоруковской и Караби-Яйлы, 6 — поселения и некрополи горного массива Кубалач, А — городища, прекратившие существование в III в.

Левадки, Неаполь Скифский, Нейзац, Опушки. Характерным признаком этой зоны является наличие городищ, поселений и некрополей с «длинной» хронологией (IV/II вв. до н. э. — III/IV вв.) (Смекалова и др. 2017. С. 236–237; Зайцев. 2022. С. 106–107). Погребальный обряд характеризуется сосуществованием грунтовых некрополей и подкурганых каменных конструкций при доминировании в обоих случаях коллективных (многократных) захоронений. При этом некрополи демонстрируют непрерывную практику погребений в грунтовых склепах-катакомбах на протяжении II в. до н. э. — IV в., при заметном увеличении индивидуальных могильных захоронений в римское время. Для эллинистического периода, как и для зоны 2, очевиден «латенский» облик костюма и осязтимая эллинизация материальной культуры, особенно ярко проявившиеся в Неаполе Скифском (Зайцев. 2003. С. 42–43). Показательно широкое использование лепной посуды, особенно в поздний период. Развитое многоотраслевое земледелие (Смекалова. 2017. С. 147) также характерно для III–IV вв.

Разгром и катастрофа III в.⁵, с которой до сих пор связывается финал позднескифской культуры Крыма, на самом деле привели

⁵ Современная его датировка колеблется в пределах 218–240 гг. н. э. (Зайцев. 2003. С. 45).

к запустению только части городищ в северном и отчасти западном секторах зоны 3 (рис. 2, А). Примерно в это же время активизируется освоение пастбищ Долгоруковской и Караби-Яйлы (рис. 2, Б), о чём свидетельствует образовавшееся вокруг них чёткое полукольцо памятников III–IV вв. (рис. 2, В). Весьма вероятно взаимосвязь этих процессов: перемещение уцелевшего после военных разгромов населения в горные местности. Ещё восточнее в этот же период буквально расцветает обособленный анклав — система крупных городищ, поселений и сторожевых крепостей в границах горного массива Кубалач (рис. 2, Г) (Зайцев, Шкрибляк. 2017. С. 152–153).

Своеобразную картину демонстрирует междуречье Альмы и Качи в Юго-Западном Крыму. Во-первых, «варварские» поселения и некрополи накладываются здесь на усадьбы херсонесской хоры и античную систему землепользования. Во-вторых, датируются они не ранее последней четверти II в. до н. э. — заметно позже, чем в остальной части зоны 3. В-третьих, отдельные некрополи на этой территории сочетают в себе признаки зон 3 и 4⁶, а большинство демонстрируют все основные признаки зоны 4 (см. ниже).

Именно к третьей зоне применимо определение «Крымская Скифия» со всеми возможными нюансами и корректировками. Очевидна связь этой территории с зоной 2, в первую очередь по основным признакам погребального обряда. Вместе же эти две зоны во II–I вв. до н. э. образуют отчётливый прибрежно-сухопутный «коридор» от западной точки Крыма до Феодосии, в обход Херсонеса, южного берега и основного массива Крымских гор (Зайцев. 2003. С. 46).

Исторические свидетельства про Диофантовы войны и Херсонес вполне сопоставимы с археологической ситуацией в долине реки Альма и позволяют именно здесь предполагать северную границу херсонесских владений во второй половине II в. до н. э., куда вторглись варвары-скифы под предводительством царя Скилура.

Зона 4. Юго-Западная часть Крыма, долины рек Кача, Бельбек и Черная, до Балаклавской бухты на юге (рис. 1, 4). Опорные памятники: Балта-Чокрак, Бельбек IV, Киль-Дере, Красная Заря, Совхоз 10, Тас-Тепе, Суворово, Сувлу-Кая, Скалистое 3, Фронтное 1, Фронтное 3.

Для II–I вв. до н. э. своеобразие этой зоны выражается в полном отсутствии ингумационных некрополей при редких пока случаях кремаций и столь же редких поселений неясного облика (Тюрин, Филипенко. 2017). Картина кардинально меняется после рубежа эр, когда здесь появляются многочисленные грунтовые некрополи, на ко-

⁶ Усть-Альма, Рассадное, Фурмановка.

торых в I–III вв. хоронили исключительно в подбойных, грунтовых и плитовых могилах. И только около середины III в., а в основном уже в IV в. повсеместно распространяются грунтовые склепы-катакомбы с многократными погребениями (Зайцев. 2022. С. 106–107). Такой выразительный признак дополняется многими другими особенностями погребального обряда. Например, в погребениях I–II вв. этой зоны крайне малочисленна лепная посуда и только здесь известны многократные находки золотых венков в элитных захоронениях. Своеобразия этой группе добавляет и биритуальность многих могильников, процент кремаций в которых уменьшается по мере отдаления от Херсонеса. Поселенческие объекты сосредоточены по долинам рек и, за несколькими исключениями, почти не изучены.

Таким образом, в отношении зоны 4 очевиден факт наличия населения, демонстрирующего выразительные признаки романизации (эллинизации) и долгое время практиковавшего захоронения в одиночных могилах. Северная граница его расселения в I–III вв. проходила по высокому левому берегу реки Альма⁷ (рис. 2, 1), а позже, к IV в., сместилась южнее — на левый берег реки Кача (рис. 2, 2). В таком контексте эту территорию можно рассматривать в качестве сельской округи Херсонеса римского времени с разнородным населением, находящимся под контролем херсонесской и римской администрации (Казанский. 2022. С. 127–128). Тогда объяснима и дислокация подразделения XI Клавдиева легиона на городище Алма-Кермен, замыкающем с севера систему римских опорных пунктов в Таврике.

Зона 5. Главная гряда и южный берег Крыма, от Балаклавской бухты до Феодосии (рис. 1, 5). Своеобразие зоны состоит в горном рельефе, сильной залесенности, активности оползневых процессов. Опорные памятники: Гурзуфское Седло, Лучистое 2, Таракташ, Туар-Алан, Харакс (некрополь), Чатыр-Даг (святилище и некрополь).

На протяжении II–I вв. до н. э. — IV в. в этой зоне функционируют святилища и некрополи, в которых преобладает обряд кремации (Мыц и др. 2006. С. 172; Мордвинцева, Лысенко. 2016. С. 10; Лысенко. 2018). При этом в эллинистический период материальная культура населения горной Таврики демонстрирует явную «латенскую» окраску (как и в случае с зонами 2 и 3), а в последующий период — оцутимое римское влияние.

Несмотря на ограниченное число источников, очевидно, что это была область обитания особых социумов «скифо-тавров», в разное

⁷ Особый статус Усть-Альминского городища и некрополя требует отдельного анализа.

время и в разной степени находившихся в орбите влияния Боспора и Херсонеса (Лысенко. 2018. С. 223).

Зона 6. Западная часть Керченского полуострова, до Узунларского вала. (рис. 1, б). Согласно общепринятой версии — сельская округа Европейского Боспора, хора античной Феодосии. Археологически территория изучена неравномерно, с явным акцентом на Приазовье (Масленников. 2007. С. 85–87). Среди захоронений раннего периода значительное место занимают коллективные погребения в подкурганых каменных сооружениях. Кроме того, известны несколько грунтовых некрополей (Фронтное, Золотое), погребальный обряд и инвентарь которых в целом аналогичен соседней зоне 3. Поселенческих структур также известно немного, среди них выделяется поселение римского времени у с. Семёновка, материальная культура которого также сопоставима с синхронными объектами восточной части третьей зоны.

Несмотря на малочисленность данных, очевидно отсутствие чётких критериев, отличающих «сельскую округу Европейского Боспора» от более западных территорий в плане материальной культуры, что демонстрирует размытость границ между ними.

* * *

Постоянное пополнение информационной базы в сочетании с новыми исследованиями открывает всё более широкие возможности для реконструкции жизни Крымского Барбарикума в разных его частях и в различных исторических условиях. Другой вопрос — в какой степени археологические данные вообще позволяют решать проблемы этнополитического направления? Как было показано, материальная культура населения Крыма в III в. до н. э. — IV в. чрезвычайно вариабельна, что, помимо прочего, скорее всего, отражает и его этническую неоднородность. Однако прямое отождествление отдельных памятников, погребальных сооружений, элементов погребального обряда с определенными этносами (аланы, германцы, сарматы), а также непосредственное их сопоставление с конкретными событиями этнополитической истории представляются слишком упрощёнными и преждевременными.

Литература

- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.* Крымские готы страны Дори (середина III — VII в.). Симферополь: Антикава, 2017.
- Антонов Е. Е.* Позднескифские поселения Северо-Западного Крыма: принципы организации застройки и их изменения // КСИА. 2022. № 267. С. 102–123.
- Высотская Т. Н.* Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев: Наукова думка, 1972.

- Зайцев Ю. П.* Неаполь Скифский. II в. до н. э. — III в. н. э. Симферополь: Универсум, 2003.
- Зайцев Ю. П.* Некрополи Крымского Барбарикума I–IV вв. н. э. // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах империи. М.: ИА РАН, 2022. С. 102–122.
- Зайцев Ю. П., Шкрибляк И. И.* Горный массив Кубалач как новый феномен археологии Крыма // Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований. Симферополь, Тарпан, 2017. С. 139–153.
- Казанский М. М.* Варвары и оборона понтийской границы в Юго-Западном Крыму в эпоху поздней империи // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах империи. М.: ИА РАН, 2022. С. 123–135.
- Лысенко А. В.* Культурно-исторические процессы в южной части Горного Крыма римского времени (I в. до н. э. — IV в. н. э.) // БФ 2018. Ч. 2. С. 218–225.
- Масленников А. А.* Античные древности Приазовья. Взгляд через полвека // РА. 2007. № 1. С. 79–88.
- Мордвинцева В. И., Лысенко А. В.* Исследования могильника римского времени Лучистое 2 (Южный Крым) // АДУ 2015. 2016. С. 7–10.
- Мыц В. Л., Лысенко А. В., Шукин М. Б., Шаров О. В.* Чатыр-Даг — некрополь римской эпохи в Крыму. СПб.: Нестор-История, 2006.
- Пузоровский А. Е.* Крымская Скифия II в. до н. э. — III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007.
- Симоненко А. В.* Сарматы Таврии. Киев: Наукова думка, 1993.
- Смекалова Т. Н.* Система расселения, пространственная структура и хозяйственные типы поздних скифов Крыма // Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н. э. — VII в. н. э.). Симферополь; М.: ИП Зуева Т. В., 2017. С. 124–147.
- Смекалова Т. Н., Колтухов С. Г., Зайцев Ю. П.* Атлас позднескифских городищ Предгорного Крыма. СПб.: Алетейя, 2015.
- Тюрин М. И., Филипенко А. А.* Варварское пограничье Херсонеса в позднеллинистическое время: предметы импорта из разведок 2014–2016 гг. // БЧ XVIII. 2017. С. 563–570.
- Храпунов И. Н.* Этническая история Крыма в раннем железном веке. Симферополь; Керчь: Таврия, 2004. (БИ. Т. VI).
- Храпунов И. Н.* Население Горного Крыма в позднеримское время // ВДИ. 2016. № 1. С. 118–134.
- Храпунов И. Н.* Археологическая культура позднеримского времени в Предгорном Крыму // РА. 2019. № 1. С. 32–49.
- Шульц П. Н.* Исследования Неаполя Скифского (1945–1950 гг.) // История и археология древнего Крыма. Киев: Изд-во АН УССР, 1957. С. 94–141.
- Шульц П. Н.* Позднескифская культура и её варианты на Днепре и в Крыму // Проблемы скифской археологии. М.: Наука, 1971. С. 127–142. (МИА. № 177).

С. А. Яценко

**О НЕКОТОРЫХ САРМАТО-АЛАНСКИХ ЭЛЕМЕНТАХ
В КУЛЬТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ ПОЗДНЕЙШЕГО ИЛУРАТА**

После гибели боспорского города-крепости Илурата здесь, к юго-востоку от его руин и вне зоны его некрополя (точнее — между несколькими его бывшими участками, у края южного ответвления Чурбашской балки, в основном — на его западном склоне, вдоль уровней 53–60 м), появляется серия сооружений круглой формы, датируемых ныне амфорным материалом концом III — началом V в., а не II–III вв. (Хршановский. 2015. С. 145–147)¹. Два таких «круга» исследовал ещё В. Ф. Гайдукевич, который первоначально допускал, что они могут быть культовыми постройками («кромлехами»), сооружёнными не ранее III–V вв. н. э., но затем предлагал их средневековую атрибуцию, сегодня не подтверждаемую (Гайдукевич. 1950. С. 188). М. М. Кубланов, раскопав такой комплекс в 1970 и 1972 гг., признавал неясным его назначение, но допускал, что он является «святилищем» (Кубланов. 1983. С. 122. Прим. 17). Всего на Илуратском плато, с учётом выявленных и исследованных с 1984 по 2013 г., ныне можно нанести на карту более десятка святилищ. Преобладают круглые (№ 67, 102, 103, 161, 229 и 230); они имели диаметр от 3 м, но обычно 6–8 м, но были и прямоугольные (№ 162 и 228), расположенные чуть ниже остальных по склону, соответственно — площадью 20 м² (4 × 5 м) и около 15 м² (3,1 × 4,6–4,7 м) (Ханутина. 1998. С. 44–46; Ханутина, Хршановский. 2003. С. 315–328; Khršanovskij. 2019. Fig. 3) (рис. 1, 1). Ещё 200 лет назад Поль Дюбрюкс видел здесь, зафиксировал на своём «Плане развалин у деревни Кермеш-Келечик» и описал несколько «кругов» разного диаметра, приняв их за основания башен (Дюбрюкс. 2010. Т. 1. С. 309–310; Т. 2. С. 219. Рис. 510; Хршановский. 1999. С. 52–57).

Большинство из исследованных в последние десятилетия круглых сооружений были выдолблены в скале, имели каменную ограду

¹ Благодарю за большую и разноплановую помощь в разработке этой темы В. А. Хршановского (Санкт-Петербург) и Е. А. Купцова (Оренбург).

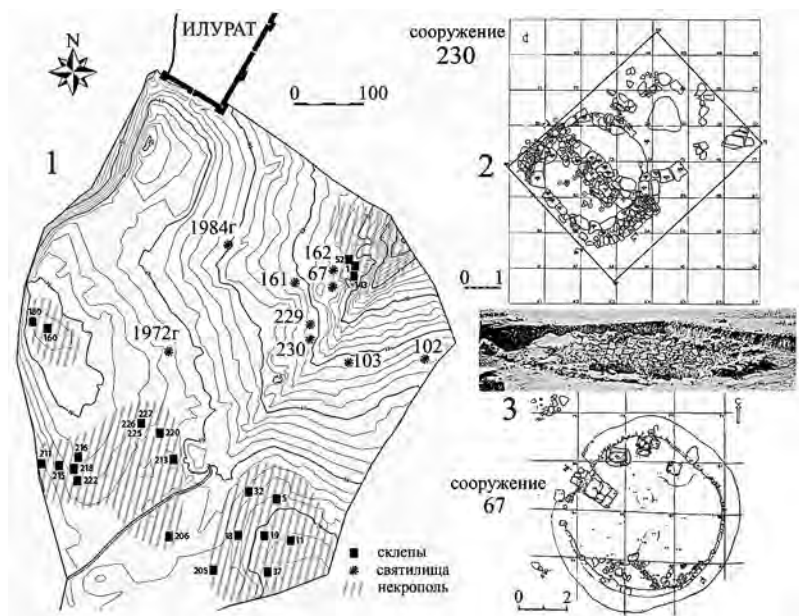

Рис. 1. Илурат: 1 — поздние святилища на плане (основа: Khršanovskij. 2019); 2 — (Хршановский. 2015); 3 — № 67 (Хршановский. 1988).

в один слой, высотой до 1,5 м. Иногда внутри вела лестница из 2–4 ступенек или вымостка, расположенная в западном секторе. В двух случаях зафиксированы алтари — кубический из блока известняка в северной части (№ 67) или сложенный из камней на центральном возвышении (№ 162) (Хршановский. 1988. С. 17–18. Рис. 1–2; 1999. С. 55; Ханутина. 1998. С. 44; Ханутина, Хршановский. 2003. С. 324. Рис. 4; С. 326. Рис. 6) (рис. 1, 2–3). Им сопутствовали жертвенные ямы.

К западу от зоны святилищ на юго-западе Илуратского плато имеется компактная группа из 32 курганов, возможно принадлежавших сармато-аланской знати, однако эта версия требует археологического подтверждения (Хршановский. 2016. С. 174–176. Рис. 1–2).

Находки в святилищах — преобладающие фрагменты поздних амфор, а также другой обычной для того времени краснолаковой, кружальной и лепной посуды, лепные светильники, железная топоровидная подвеска (лабрис), медные монеты, каменные алтарики и жернова, вторично использованные в качестве жертвенников. Иногда среди приношений видим и древние кремневые орудия

(№ 230). Среди довольно многочисленных костей животных встречались кости лошади, коровы, овцы, козы, свиньи, собаки, птиц и рыб. Есть ямки для жертвоприношений, их следы в виде пепла, углей и золы. Достаточно близкая аналогия этим ритуалам обнаруживается и в близкой по времени погребально-поминальной культуре позднеантичного Китея (Хршановский. 2017).

Святылища сегодня предположительно связывают с сарматским происхождением населения (Хршановский. 2015. С. 147). Справедливость этого утверждения можно подтвердить множеством примеров. Нетрудно обнаружить, что круглые в плане святылища обычны у степных кочевников уже в IV–II вв. до н. э.: от Южного Приуралья (здесь их особенно много, и они бытуют по середине III в. н. э.) до возвышенностей Ставрополя (Прокопенко. 2022), низовьев Дона (курган Разрытый: Парусимов. 1992) и скифов правобережной Украины (урочище Горка: Мельник. 2002). Наиболее ранние из них (видимо — VI в. до н. э.) выявлены на востоке — у саков бывших низовьев Сырдарьи (Северный Тагискен: Итина. 1984)². Комплексы средне- и позднесарматского времени встречены в Азиатской Сарматии, к востоку от Дона (рис. 2). В скифское и сарматское время они чаще находятся в составе небольших некрополей (в центре или по краям), но иногда устраивались отдельно, как илуратские. Как и в позднейших Илурате и Китее, в них подчас сочетались объекты круглой и прямоугольной формы (см., например, курганы 8, 9, 13 Северного Тагискена (Итина. 1984. С. 82–83); Шихан II–III вв. у с. Липовка (Смирнов, Попов. 1969. Рис. 1) или Лебедевка с её 28 святылищами, из которых раскопано 4 (Мошкова. 1984)). Важным районом их распространения в римское время был Южный Урал — место оформления позднесарматской культуры, и они там обычно относятся к этой общности (Моргунова, Купцов. 2017. С. 80); многие из уральских святылищ пока не опубликованы. Кочевники в иных условиях создавали такие святылища обычно лишь с использованием грунта, а не камня; в отличие от Илурата (за исключением сооружения № 230), им не приходилось в таких случаях долбить скальное основание и размещать строения на склонах, и потому их диаметр обычно больше (от 20–30–40 м иногда — до 70–75 м в низовьях Дона, как в Высочино V (рис. 2, 1) или в кургане Разрытый, и даже 115 м, как в скифской Горке, 122 м, как у ст. Воровсколесской (рис. 2, 3), и 140 м, как в кургане 1 Богатырских

² VI–III вв. до н. э. датируются находки из особых кольцевых каменных оград-святылищ у горы Верблюд на Ставрополе (Прокопенко. 2022. С. 130–131). Самые ранние вещи могли жертвоваться позже.

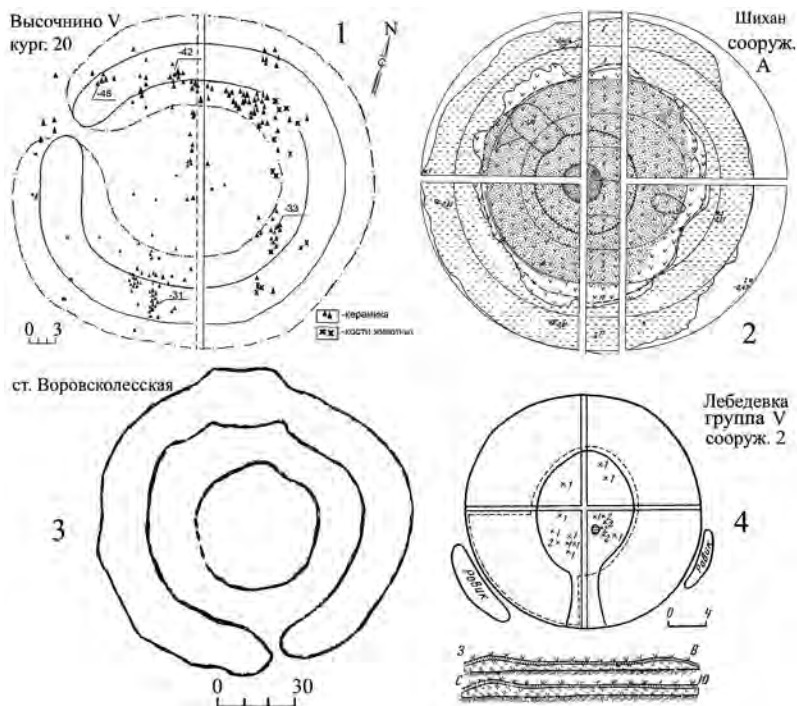

Рис. 2. Сарматские святилища I–II (1, 3) и II–III вв. н. э. (2, 4): 1 — (Беспалый, Лукьяшко. 2008); 2 — (Смирнов, Попов. 1969); 3 — аэрофото (Прокопенко. 2022. Рис. 3); 4 — (Мошкова. 1984).

могилек в Приуралье)³. У номадов в Степи такая грунтовая конструкция выглядела как кольцевой вал⁴ (в котором не всегда была необходимость делать вход-перемычку, хотя последних могло быть и несколько: 5 в Елантау (Гуцалов, Боталов. 1999), с внешним или внутренним рвом, из которого брали грунт (в крупном святилище Горка его глубина была 4 м). Центр святилища у них мог быть уплощенным (и приподнятым), углубленным или выступающим наподобие полусферы. У кочевников не во всех комплексах были следы горения.

Общность святилищ Илуратского плато и ранних кочевников Степи проявляется в самых разных конкретных аспектах. Это сочетание круглых и квадратных объектов, нахождение иногда отдельно от

³ Разведки Е. В. Лыловой 1998 г. в Оренбургской обл.

⁴ В Разрытом высота нераспаханного вала составляла 2,5 м.

некрополя, создание подчас у номадов входа, каменной ограды в один слой⁵, «алтаря» из слоев камней в центре (№ 162, Елантау), наличие поперечной полосы кладки/насыпи с приношениями (№ 230; Солёный Дол, сооружение 5 (Любчанский. 2017. С. 86–92)), следы сожжения последних, преобладание среди приношений керамической тары разных типов и костей домашних и диких животных (лошади, овцы, отчасти коровы, собаки, кабаны / свиньи: ср. Шихан, с особой значимостью черепов и конечностей: ср. престижные части туши у алано-осетин), жертвенные ямы в центре (ср. в Приуралье Шихан и Елантау). Среди особых вещевых приношений присутствуют жернова (ср. тёрочки в Шихане) и кремнёвые орудия ранних эпох (№ 230; Горка). Человеческий череп / его крышка как приношение (Елантау, Шудабай) или несколько (Татарское городище 2, курган 2 (Прокопенко. 2022. С. 131)) имеют аналог в Илурате перед его гибелью («святилище» 1948 г.). Вместе с тем в Илурате среди приношений, в отличие от кочевых комплексов, нет единичных предметов экипировки воина и всадника⁶. Круглые крупные сооружения у оседлых потомков сарматов — раннесредневековых аланов известны (уже из камня) на ряде городищ в Предкавказье, и они также трактуются как культовые. Таков знаменитый каменный круг диаметром 70 м в центре столицы Алании — древнего Магаса, размещенный у основных городских церквей (находки внутри — уголки, реальгар и каменный диск), и близкая постройка на городище Узун-Кол (Кузнецов. 1993. С. 106–108. Рис. 3–4)⁷.

При этом довольно компактный комплекс позднеантичных святилищ Илуратского плато как будто не сопровождается синхронными погребениями поблизости. Возможно, их ещё предстоит найти⁸.

⁵ Святилища Елантау и Шудабай, курган 1 из исследований С. Ю. Гуцалова. Первое он датирует по обломку верхней части каменного изваяния во вторичном использовании (!). Такая отбитая снизу статуя использована и в комплексе у курдона Школьный на Ставрополье. У Татарского городища 2, в кургане 2 кладка была в 2–3 слоя (Прокопенко. 2022. С. 130–131).

⁶ Ср. наконечник стрелы в ранних — Тагискен, ограда 1, Татарское 2, курган 2; удила — Переволоцкий I, курган 6 (Моргунова, Купцов. 2017. С. 83). Для ранних святилищ Ставрополья (ст. Суворовская, Татарское 2) и Карачаево-Черкесии (у ст. Исправная) III–II вв. до н. э. характерна целая серия основных находок в виде конской упряжи (Прокопенко. 2022. С. 122–131).

⁷ По мнению Д. Коробова (консультация в мае 2023 г.), это был городской рынок. Не могу согласиться с такой трактовкой и не вижу для нее оснований.

⁸ Известны лишь редкие следы вторичного использования самих святилищ. Так, после завершения «основной миссии» комплекса № 67 в его остатки впустили женскую и детскую могилы I-й половины V в., в том числе — с монетой императора Аркадия. Подобное использование отмечено и в хазарское время (№ 228) (Тульпе, Хршановский. 2011. С. 228–236).

Не исключено, что для создателей святилищ было достаточно наличия поблизости (подчас в 30 м) явных следов внушительных каменных склепов предшествовавшего периода. Их концентрация выше, чем обычно в кочевых некрополях (Хршановский. 2013. С. 252–253). В этом плане постилуратское скопление святилищ отчасти аналогично и в основном синхронно «святому месту» из более 200 святилищ и алтарей III — начала VI в. в Алтынказгане на пустынных равнинах Мангыстау (Западный Казахстан), созданному «поздними сарматами» и гуннами (см., например: Астафьев, Богданов. 2018).

Литература

- Астафьев А. Е., Богданов Е. С.* Ритуальные сооружения гуннского времени на Мангышлаке // *Stratum plus*. 2018. № 4. С. 347–369.
- Беспалый Е. И., Лукьяшко С. С.* Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Высочино. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. Т. 1. (Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. 1).
- Гайдукевич В. Ф.* Боспорский город Илурат // *СА*. 1950. № 13. С. 173–204.
- Гуцалов С. Ю., Боталов С. Г.* Скифское святилище Елантау // *Известия ЧНЦ РАН*. 1999. Вып. 3. С. 70–72.
- Дюбрьюкс П.* Собрание сочинений в 2 т. СПб.: Коло, 2010.
- Итина М. А.* Загадочные ограды на курганных группах низовьев Сырдарьи и Южного Приуралья // *Древности Евразии в скифо-сарматское время*. М.: Наука, 1984. С. 78–84.
- Кубланов М. М.* Раскопки некрополя Илурата. Итоги и проблемы // *Научно-атеистические исследования в музеях*. Л.: ГМИРиА, 1983. С. 96–129.
- Кузнецов В. А.* Нижний Архыз в X–XII веках. К истории средневековых городов Северного Кавказа. Ставрополь: Кавказская библиотека, 1993.
- Любчанский И. Э.* Курганный могильник Солёный Дол (итоги исследований 2006–2010 годов). Челябинск: АБРИС, 2017.
- Мельник О. О.* Розкопки святилища IV–III ст. до н. е. біля міста Кривого Рогу // *Археологічні відкриття в Україні 2000–2001 рр.* Київ: ІА НАНУ, 2002. С. 183–187.
- Моргунова Н. Л., Куцов Е. А.* Исследование кольцевого святилища сарматской культуры у посёлка Переволоцкого // *Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение*. Челябинск: Государственный исторический музей Южного Урала, 2017. С. 80–85.
- Мошкова М. Г.* Культурные сооружения Лебедёвского могильника // *Древности Евразии в скифо-сарматское время*. М.: Наука, 1984. С. 196–201.
- Парусимов И. Н.* «Курган Разрытый» // *Киммерийцы и скифы: тезисы докладов международной конференции*. Мелитополь, 1992. С. 75.

- Прокопенко Ю. А.* Кольцевые святилища раннего железного века Центрального Предкавказья // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 15. Ставрополь: Печатный двор, 2022. С. 121–149.
- Смирнов К. Ф., Попов С. А.* Сарматское святилище огня // Древности Восточной Европы. М.: Наука, 1969. С. 210–216.
- Тульпе И. А., Хриановский В. А.* Новый комплекс хазарского времени на Илуратском плато // БФ 2011. С. 228–236.
- Ханутина З. В.* Святилище на некрополе Илурата // БФ 1998. С. 44–46.
- Ханутина З. В., Хриановский В. А.* Ритуальные сооружения на некрополе Илурата // БИ. 2003. Т. III. С. 315–328.
- Хриановский В. А.* Позднеантичные погребения на некрополе Илурата // Научно-атеистические исследования в музеях. Л.: ГМИР, 1988. С. 16–27.
- Хриановский В. А.* «Башни», «круги», «святилища»... // БФ 1999. С. 52–57.
- Хриановский В. А.* Сакральная топография Илуратского плато // БФ 2013. С. 249–255.
- Хриановский В. А.* Круглые святилища на Илуратском плато. Проблемы хронологии и этнокультурной принадлежности // Таврические студии. 2015. № 7. С. 142–147.
- Хриановский В. А.* Разведки курганных некрополей возле Илурата и Китея // Таврические студии. 2016. № 10. С. 174–179.
- Хриановский В. А.* Между готами и гуннами. Новые материалы к истории Европейского Боспора IV в. н. э. (по результатам раскопок Китея в 2009–2016 гг.) // БИ. 2017. Т. XXXV. С. 208–228.
- Khršanovskij V. A.* Nécropoles et sanctuaires du plateau d'Houraton // Études bosporanes. Sur un royaume aux confins du monde gréco-romain. Lausanne, 2019. P. 411–458.

В. П. Яйленко

АДЫГИ БОСПОРА ПО ДАННЫМ ТОПОНИМИКИ, ЭТНОНИМИИ, АНТРОПОНИМИКИ¹

Несколько адыгских гидронимов на прибрежной части античного Азиатского Боспора выделил Дж. Коков (1960. С. 61–71), рассмотревший также античное имя адыгов Ζυγοί. Мы существенно расширили материал за счет этнонимов, топонимики внутренних частей региона и антропонимики античного времени (Яйленко. 2010. С. 178–179, 323–325; 2015. С. 438–443; 2017. С. 842–845; Винокуров, Яйленко. 2022. С. 108–111). Как видно, наш материал издан в разрозненном виде и потому не дает целостной картины, так что впереди полная его совокупная публикация. Здесь даем его вкуче, но, ввиду весьма ограниченного объема, в тезисном виде.

1. Земля адыгов на Азиатском Боспоре по данным топонимики и этнонимии.

Античное имя адыгов — зихи (Ζυγοί, Ζύγιοι) — известно Страбону, Дионисию Перизгету, Авиену, Стефану Византийскому, Евстафию. У Страбона (II, 5, 31) они соседствуют на побережье Северо-Западного Понта с ахейцами да гениохами. Ζυγοί — древняя форма самоназвания *адыге* Нового времени; его в предполагаемой древней форме *адзиге* Л. Г. Лопатинский производил от абхазского *адзы* «вода» + *гэ* = «поморяне», по К. Ф. Гану, *адыгэ* «приморские жители» (далее см.: Коков. 1960. С. 63; 2000. С. 263–265). Такое же значение имеют имена шапсугов (они отрасль адыгов) и народов абхазо-адыгской группы языков — абазин да садзов. Рассмотрим сначала адыгские топонимы античного Азиатского Боспора — Псоа, Псат, Мазака, Фат, затем племенные имена — фатеи, псессы, псеханы, темеоты, языги (полный текст этого раздела см.: Яйленко. 2015. С. 438–443).

Псоа. Диодор (XX, 25) в рассказе о боспорском царе Евмеле (309–303 до н. э.) упомянул местность по имени Ψβα на Азиатском Боспоре.

¹ Статья публикуется в авторской редакции.

Немалое число топонимов в предгорьях Северного Кавказа, начиная с реки Афипис и южнее, включает адыгскую топооснову *пс*, *псы* «вода, река» (о ней: Коков. 2000. С. 127–128, 155–158, 374–384). С нею связан и ряд названий региона у античных авторов: *Ψάχαις* — река в земле зихов (*Anon.* ΡΡΕ, 58), *Ἰαψάκις* — приморское селение в стране керкетов (*Ptol. Geogr.*, V, 8, 8, ср. кабардинско-черкесское *псылъэ* «водное место»), этноним *Ψησσοί*.

Псаг. Река *Ψάθις* в юго-восточной Меотиде (*Ptol.*, *Geogr.* V, 8, 2; 27), *Ψάτης* Страбоновой Хрестоматии (XI). В перечне Птолемея (V, 8, 2) *Ψάθις* — последняя целиком степная река, далее следует Гипанис-Кубань, которая в античное время впадала в Меотиду двумя руслами. Северное длиной 133 км теперь называется Протока, входит в Азовское море у поселка Ачуево, с нею давно отождествляют Псагис. На первый взгляд, в основе гидронима лежит упоминавшееся адыгское *псы* «вода, река», однако сообщение Страбона (XI, 2, 4) об обилии рыбы в реках Восточного Приазовья скорее указывает на адыг. *пцэжъый*, *пцэжыый* «рыба, рыбный» как источник гидронима *Ψάθις*, в котором основа *пцэ*, естественно, передана греческим *ψα*, аффикс множественности *жы* через *θι*. Итого, *Ψάθις* — «Рыбная река».

Мазака. В стихотворной эпитафии I в. до н. э. из Керчи указана родина покойной девушки — *Μαζάκα χῶρος* «край Мазака» (Яйленко. 2017. С. 842–845). В Адыгее много топонимов с адыг. *мес*, *мэс* «лес», в том числе название реки и гор при ней Мзээхэ, где вторая основа — общеадыг. *хэ* «низ, нижний», в целом обозначение лесного низовья (Коков. 2000. С. 125). В адыгском подударное *э* переходит в долгое *а*, при этом в *Μαζάκα* и другие *э* источника переданы через *α*. В числе народов между Меотидой и Керавнскими горами (Северный Кавказ) Плинию (VI, 6) известны *mazamasae* (*cod.* *mazasaе*), имя которых близко Мазаке эпитафии, а в форме *mazasaе* и вовсе идентично.

Фат, Фатен. Реку *Θάτης* (v. l. *Θάψις*) и местных жителей *Θατεῖς* упоминает Диодор (XX, 22–23) в рассказе о войне 309 г. меж сыновьями Перисада I. Имя фатеев фигурирует в надписях Перисада I (347–310) и Левкона II (третья четв. III в. до н. э.; КБН 9, 25, 972, 1015). Анализ рассказа Диодора показывает, что река Фат течет в предгорье Северного Кавказа между Крымском и станицами Варениковская, Гастогай. Это адыгский ареал, и указание Диодора, что Фат глубок и петляет (он *περιρρέων* «обтекающий» крепость фатеев), позволяет сблизить основу *θάτη-* с адыг. *задэ* «крутой» (о горе, спуске). Корень адыгского слова — *зэ* «поворачиваться, повернуться» соответствует поворотам течения Фата (*дэ* — локативный аффикс). К передаче адыг. *з* через *тету* ср. передачу ею же адыг. *ж* в гидрониме

Ψάθις; по-видимому, почти две с половиной тысячи лет назад совр. з имело признаки шипящего спиранта, отчего и передано через θ, а не ζ. Передачу аллофона э можно усматривать и в форме этнонима у Мелы (I, 114) Thaetae. Адыг. зэ «поворачиваться, повернуться» укладывается и в другую форму имени этой реки Θάψις = зэ + псы «вода, река» = «поворачивающаяся / петляющая река»; это залог точности предложенной этимологии гидронима.

Псеханы. Упомянуты надписями КБН 980, 1048 и др., располагаются близ Тамани и Фонталовского полуострова. В этнониме Ψεχανοί основа ψεχ- оформлена греческим этнонимическим (гентильным) суффиксом -ανοί. Основа соответствует множеству адыгских местных названий, обозначающих землю в речной области: псухо «речная долина», псыгу «середина воды, остров», псыкIэй «водная долина, низина», псыхэ «низовье», псыху «река»; их основа — общеадыг. псы «вода, река» + -х «низ, низина» (Коков. 2000. С. 166–168, 186). Отсюда значение этнонима Ψεχανοί — «обитатели низовий, речных долин» (оно и у имени темеотов).

Темеоты. Народ Θαψιῶται в Восточном Приазовье упоминает Птолемей (V, 8, 17), ясно, что это какие-то меоты. Усматриваем в имени продуктивную адыгейскую топооснову κIэй (произносится чéи) «низина», употребляется в топонимике как в чистом виде, так и в сложении (например, KIэйцакъу «низина трех рек»); о переходе κ-ч в адыгском (Кумахов. 1981. С. 172–173). Отсюда Θαψιῶται — «низовские меоты», что соответствует низовому ландшафту Восточного Приазовья. Ψεχανοί и Θαψιῶται не этнонимы, а образованное от названия местности обозначение её жителей.

Псессы. Этноним Ψήσοι упоминается боспорскими надписями с IV в. до н. э. (КБН 6, 6а и др.), у Птолемея (V, 8, 17) форма Ψήσιοι. Автор «Землеописания» II в. до н. э. Аполлодор (у Steph. Byz., s. n.) упоминает их рядом с Гермонассой и Кепами, поэтому локализируются псессы на черноморском побережье близ Тамани. Этноним связывают с названием левого притока Кубани Пшиш, однако он далек от Азиатского Боспора (у Краснодар); ближе связь со старым адыгским наименованием Кубани Пшиз, в основе которого псы «вода, река», формант -з (ε) неясен (Коков. 2000. С. 377–378).

Языги. Народ Ἰάζυοι (Ἰάζυρες) упоминается источниками римского времени, известен с начала нашей эры, обычно упоминается вместе с роксоланами и аланами в числе сарматских народов (Овидий, Страбон). Но поначалу языги обретались в Приазовье: по Птолемею (III, 5, 7), они живут на всем побережье Меотиды. По этой причине, справедливо счел В. М. Иллич-Свитыч (1965. С. 336), языги

были скорее абхазо-адыгского, нежели иранского происхождения, тем более что к этнониму Ἰάζυρες весьма близко стоит имя Ζυγοί, Ζύγιοι, которым античные и византийские авторы обозначали адыгов Черноморского побережья. Он согласен с этимологией Л. Г. Лопатинского, что Ζυγοί, Ζύγιοι — отражение древнего самоназвания адыгов, которое реконструирует как *азууwa, ср. адыг., кабард. *адыге* (самоназвание), абхазское название черкесов *адзыхаа*. Как видно, заключил Иллич-Свитыч, Ἰάζυρες ещё точнее передает сие самоназвание адыгов.

2. *Адыги в Горгиипии, Пантикапее, Артезиане по данным антропонимики.*

Уже давно усматривали адыгские личные имена (далее ЛИ) в антропонимике античного Северного Причерноморья (Л. Г. Лопатинский, И. Кноблех, Ш. Инал-Ипа и др.), мы для чистоты эксперимента привлечем поначалу лишь ЛИ из Горгиипии ввиду расположения её в адыгском ареале. Модели корневой морфемы в адыгском — CV, CCV, они представлены в ЛИ Θχητλεις, Γοσητλεις (конечная сигма — гречизация). Необычное для греческой и иранской антропонимии Боспора сочетание θχ в Θχητλεις соответствует именно адыгской фонетике, обильной аффрикатами, абруптивами, преруптивами и другими фонемами, а наличие в нём группы τλ подтверждает адыгскую диагностику имени (она есть также в горгиипийских ЛИ Τλιγο[--], Τλε[--]). Немалое число адыгских имен содержит древние латеральные звуки *ль*, *л* (Кумахов. 1981. С. 213), которых нет в индоевропейских языках, так что, к примеру, в русской транскрипции они передаются через *тл*, например, имена нартов и героев глубокой древности Лъэпщ = Тлепш, Лъэбыцэ = Тлябица (Коков. 2001. С. 61–62, 129, 130, 178, 292, 361–362, 454); соответственно, в греч. τλ факультативно возможна такого же рода передача. Конечное ει рассматриваемых ЛИ (также Γαστεις, Λωβεις, Ιχεις) соответствует притяжательному суффиксу *-ей* (общеадыгское *-й*), распространенному в адыгских ЛИ (Κιэт1ей, Дыкъуэжьей etc.; знаком 1 обозначается смычка на выдохе в абруптивах). Адыгским же может быть и патронимик Тхетлея Νιχηκου (КБН 1231). В горгиипийском списке имен КБН 1179 представлен ряд негреческих и неиранских имен, которые по структуре и звуковому строю могут быть причислены к адыгским — Ζαλζος, Κεφθος, Χαχας, Θεκας. В адыгской антропонимии Средневековья и Нового времени можно подобрать им соответствия, но в адыгских языках более 60 согласных, что непомерно расширяет подобного рода возможности. Поэтому надо осторожней оперировать фонетико-морфологическими особенностями горгиипийских

имен. К примеру, залогом адыгского происхождения ЛИ Γαστεῖς может служить своеобразная парадигма его склонения: его косвенные падежи (*gen.*, *voc.* Γαστεῖ) показывают, что, по существу, оно несклоняемое, что отвечает изначально двухпадежной системе адыгских языков — номинатив, эргатив; при этом эргатив не соответствует греческим косвенным падежам, потому-то имя, по существу, несклоняемо в греческой передаче.

Как обычно, мигранты устремляются в греческие города для обретения лучшего материального статуса, наиболее благоприятны возможности в столицах, так что адыги оставили следы и в Пантикапее — к примеру, ЛИ Γαστεῖς засвидетельствовано 9 раз в Горгиипии, одиннадцать раз в Пантикапее. Анализ найденной недавно в крепости Артезиан эпитафии I в. н. э. позволил нам выявить разветвленный адыгский род I–III вв. н. э. (нижеследующие данные излагаем по: Винокуров, Яйленко. 2022. С. 108–111). В ней сохранились первые 4 буквы имени покойного — ОМΨΑ и далее верхушки букв, которые позволяют читать имя Ομψα[τις] или Ομψα[εις]. В боспорских надписях несколько раз упоминается Ομψαλακος (КБН 61, 478, 479, 947, 1260, 1262, 1264 1282, 1285, I–III вв. н. э.), в Ольвии Ουαμψαλακος, с той же основой. Имя неизвестного происхождения, но данные об этом предоставляет его ономастическое окружение. Оно появляется в Пантикапее I в. н. э. в эпитафиях КБН 478, 479, где у одного Омпсалака отчество неизвестного происхождения Σιδάουχα, а другой сын Сосигена и сестра его Ойнанта (оба имени греческие). Это означает, что происхождение одного или обоих сих Омпсалаков негреческое, но они быстро эллинизовались. Эллинизацию являет и строительная надпись 127 г. из Пантикапея КБН 61, где у занимавшего некую важную должность сына Омпсалака греческое имя Трифон. Во II–III вв. н. э. Омпсалаки сосредоточились в Танаисе, где силен иранский компонент населения, отсюда появление у них иранского именника. В списках имен II в. КБН 1260, 1262 два Омпсалака с греческими патронимиками Трифинович, Теофилович, два других с иранскими (*gen.* Φίδα, Ουρούου); несомненно, танаисский Омпсалак Трифинович — сын пантикапейского Трифона Омпсалаковича 127 г. Это сходство, а также одно и то же уникальное имя Омпсалак указывают, что все упомянутые лица — представители одного рода. Более того, рельеф Омпсалака Сидавхавича такой же, как у артезианского Омпсатиса: сидящая в кресле женщина и предстоящий всадник. Если учесть, что такие рельефы — местный штучный товар, их известно всего 18, то и артезианский Омпсатис определенно принадлежит к этому роду.

В адыгских именах употребительны основы *пцы-* «князь» (Пщыбий и др.), *псэ-* «душа, дух» (Псэбыдэ, Псэмаф и пр.), *псы-* «вода, рыба» (Псымаф и пр.). Они дают объяснение самого трудного компонента *-ца-* имени Омψαλακος. Основное средство адыгского словообразования — словосложение. Второй основой этимона может быть, к примеру, прилагательное *лъагэ* «высокий»: *пцылъагэ* «высокий князь», *псэлъагэ* «высокая душа», «высокий дух». К первой основе имени Омпсалак Овац- / Ом- ср. имя Iумаф «будь счастлив» (в русской адаптации *Умаф*), его *ф-* уподобилось в греческой передаче губному следующего *пцы-* / *псэ-* и сократилось по гаплогонии двух соседних губных. Отсюда предположительно реконструируем адыгскую форму ЛИ Омψαλακος — **Iумафпцылъагэ* «будь счастлив, высокий князь» (в общем, таково значение имени Пщымаф «Счастли- вый князь») или **Iумафпсэлъагэ* «будь счастлив, высокий дух / высокая душа». За отчеством Омпсалака КБН 478 Σίδαυα(ς) тоже может стоять адыгский этимон — например, ЛИ Шыудах (произносится Сидакъ).

Литература

- Винокуров Н. И., Яйленко В. П. Третья эпитафия с городища Артезиан в Восточном Приазовье // ПИФК. 2022. № 3. С. 95–134.
- Иллич-Свитыч В. М. Caucasia // Этимология 1964. М.: Наука, 1965. С. 334–337.
- Коков Д. Н. К постановке вопроса о черкесской топонимике на Черноморском и Азовском побережье // УЗ Кабардино-Балкарского ун-та. 1960. Т. 7. С. 61–71.
- Коков Д. Н. Избранные труды. Нальчик: Эльбрус, 2000–2001. Т. 1–2.
- Кумахов М. А. Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1981.
- Яйленко В. П. Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. — V в. н. э. М.: Гриф, 2010.
- Яйленко В. П. Топонимика и этнонимия античного Боспора // ДБ. 2015. Т. 19. С. 386–458.
- Яйленко В. П. История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н. э. — VII в. н. э. СПб.: Нестор-История, 2017.

**КЕРАМИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
И КОМПЛЕКСЫ**

Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко

**ЧЕРНОЛАКОВЫЕ СОСУДЫ
ИЗ СТАРОТИТАРОВСКОГО КУРГАНА НА ТАМАНИ**

В 1982 г. экспедицией Таманского отдела Краснодарского музея под руководством О. В. Богословского¹ был раскопан курган у ст-цы Старотитаровской, в котором исследовано 14 объектов, включая основное погребение, два впускных, два захоронения лошадей и тризны². В ограбленном основном погребении (объект № 14), в грабительском выбросе из него (объект № 5), в уцелевшем впускном погребении (объект № 9) и трёх тризнах (объекты № 4, 7, 10) была обнаружена чернолаковая керамика. Некоторые сосуды из этого памятника (в основном представленные в экспозиции) были учтены в каталоге аттической керамики из Таманского музея (Morgan. 1999).

В объектах № 5 (выброс из основного погребения) и № 7 (тризна основного погребения) были найдены фрагментированные кубковидные канфары стандартного варианта с формованным венчиком (*Cupkantharoi: moulded rim*). У первого канфара — полый венчик, у второго на дне изнутри частично сохранился штампованный орнамент из 4-х (или более?) пальметт в круге из насечек (рис. 1, 3). В морфологии четко прослеживаются признаки сосудов второй четверти — середины IV в. до н. э. Производство таких канфаров в Аттике началось между 390–380 гг. до н. э. и продолжалось до конца столетия (Sparkes, Talcott. 1970. P. 118. Nos. 658–661; Rotroff. 1997. P. 87). В Северном же Причерноморье бытование канфаров этого варианта исследователи ограничивают второй — третьей четвертями IV в. до н. э. (Егорова.

¹ Благодарим О. В. Богословского за возможность обработать материал из исследованного им памятника, а также И. Н. Богословскую, разрешившую опубликовать авторский рисунок краснофигурного кратера.

² *Богословский О. В.* Отчёт археологической экспедиции Таманского отдела по исследованию кургана на землях совхоза «Старотитаровский» и о разведочных работах на поселении у Холодной балки на землях совхоза «Южный» Темрюкского района Краснодарского края в 1982 г. Архив ИА РАН. P. 1. Дело № 8977.

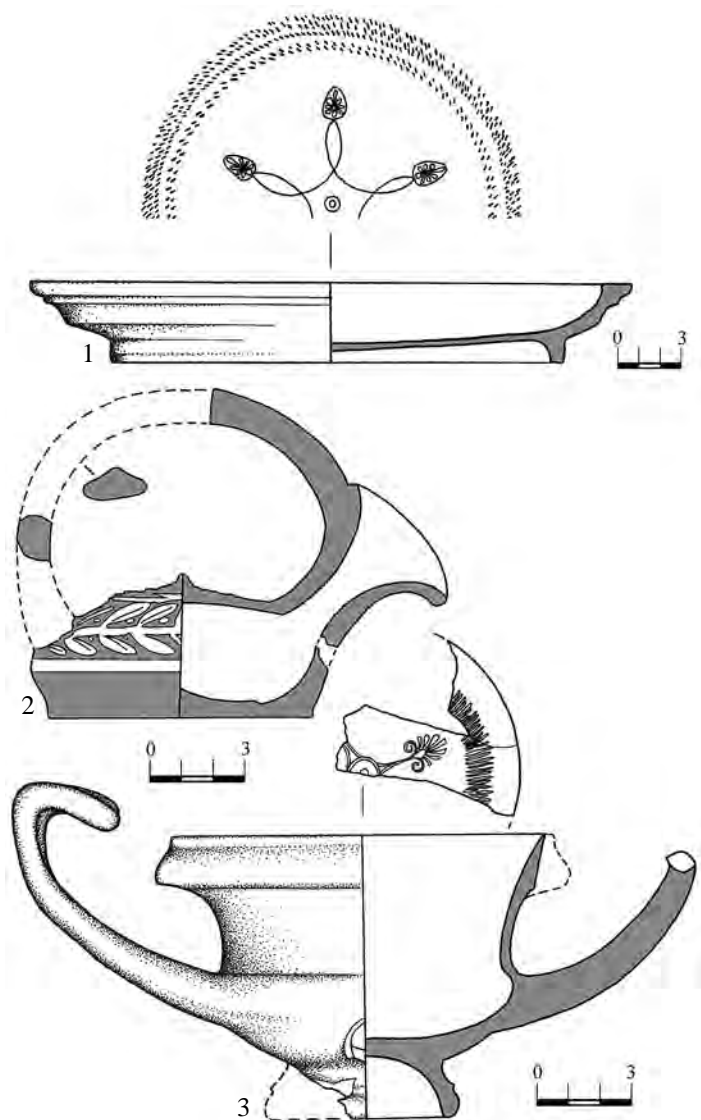
2009. С. 25, 28; 2017. С. 43. № 73, 74; Рогов, Тункина. 1997. С. 168; Рогов. 2011. С. 117. № 69).

К объекту № 4 («очаг» в западной поле кургана) относится фрагмент поддона с орнаментом изнутри: сохранились две пальметты (вероятно, из четырёх, расположенных крестообразно) в двойном круге насечек. Поддон принадлежит кубковидному канфару с низким горлом (*Cup-kantharos: squat rim*), заметной отличительной деталью которого является «трёхступенчатая» ножка, профилированная двумя глубокими желобками. Период производства канфаров этого варианта по материалам Афинской агоры ограничивается второй — третьей четвертями IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott. 1970. P. 120. Nos. 681–685). Ножка старотитаровского сосуда имеет очень низкий ствол, более похожий на перехват, поэтому, скорее всего, его нужно отнести ко второй четверти IV в. до н. э.

Из этого же объекта № 4 происходит маленький фрагмент поддона тонкостенной чаши на низкой ножке. Сохранившийся штампованный орнамент из близко расположенных пышных пальметт, окруженных «овами», и профилировка поддона соответствуют тонкостенным чашевидным скифосам (*Cup-skyphos*), производство которых в Аттике продолжалось довольно длительное время — с третьей четверти V в. до н. э. по вторую четверть следующего столетия. Хотя после 375 г. до н. э. они встречаются редко (Sparkes, Talcott. 1970. P. 110–111). Вероятно, этот сосуд, как и аналог ему из некрополя Панское I, следует датировать второй четвертью IV в. до н. э. Поступление сосудов этой формы в Северное Причерноморье, предположительно, прекращается не позднее середины IV в. до н. э. (Рогов, Тункина. 1997. С. 163, 165. № 68).

В пяти комплексах были встречены арибаллические лекифы (*Squat lekythoi*): с краснофигурной пальметтой и сетчатые, почти все во фрагментированном состоянии. Обе разновидности лекифов относятся к массовой продукции, чрезвычайно востребованной на Боспоре, и весьма характерны для памятников Таманского полуострова (Morgan. 1999. P. 43–44; Устаева, Журавлёв. 2010. Рис. 46). Период их широкого распространения в некрополях Северного Причерноморья приходится на вторую — третью четверти IV в. до н. э., что совпадает с их массовым выпуском и повсеместным применением в погребальном обряде греческих некрополей Средиземноморья (Рогов, Тункина. 1998. С. 173; Лимберис, Марченко. 2014. С. 104–105. Рис. 2, 1–9; Robinson. 1950. P. 148–150, 160–162. Pl. 105–108).

Три фрагментированных лекифа с краснофигурной пальметтой (рис. 2, 1, 3) связаны с тризной (объект № 7), относящейся к основному погребению.

Лимберис — Марченко

Рис. 1. Чернолаковые сосуды из Старотитаровского кургана:

1 — тарелка (объект № 10); 2 — аск краснофигурный (объект № 7);

3 — кубковидный канфар (объект № 7)

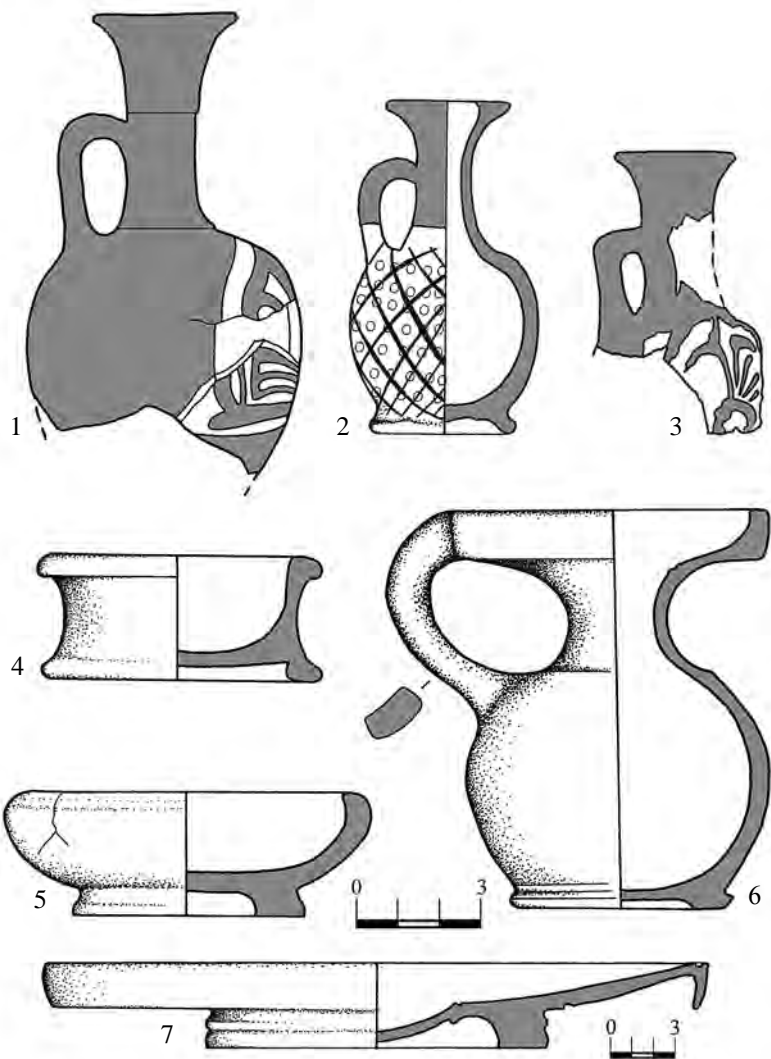

Рис. 2. Чернолаковые сосуды из Старотитаровского кургана: 1, 3 — лекифы с краснофигурной пальметтой; 2 — сетчатый лекиф; 4 — солонка; 5 — чашечка; 6 — лекиф класса Талькотт; 7 — рыбное блюдо (1, 3–7 — объект № 7; 2 — объект № 9)

Рис. 3. Краснофигурные сосуды из Старотитаровского кургана: 1 — кратер (объект № 5, рисунок И. Н. Богословской); 2 — фото аска (объект № 7)

Сетчатые лекифы (*Net-pattern lekythoi*) с белыми точками представлены пятью экземплярами. Единственный целый сосуд с белыми вертикальными полосками на горле (рис. 2, 2) происходит из впускного погребения (объект № 9), фрагментированные — из объекта № 5 и основного погребения (объект № 14), где было найдено 3 сосуда разного размера и два горлышка.

Лекифы с сетчатым орнаментом принадлежат к миниатюрным сосудам *группы Булаца* (Вдовиченко, Ермолин. 2005. С. 42; Вдовиченко и др. 2019. № 202–205, 207, 208; Morgan, Arafat. 2001. P. 380. No. 14, 15). Наиболее ранними на Боспоре являются экземпляры первой половины IV в. до н. э. с дополнительными деталями, выполненными белой краской: вертикальными полосками на горле и пояском из точек на плечиках

(Рогов. 2011. С. 122–123. № 119–122; Егорова. 2009. С. 43–44).

В тризне основного погребения обнаружен также редкий парфюмерный сосуд, или лекиф класса Талькотт (*Talcott Class*), отличительным признаком которого является широкое углубленное устье — чашевидное или с вертикальным бортиком (рис. 2, 6). Лекифы этого класса, как аттического производства, так и других центров, хранящиеся в разных музеях мира, редко происходят из документированных комплексов. Кроме Старотитаровского кургана, известен всего один закрытый комплекс с таким сосудом — это меотское погребение второй четверти IV в. до н. э., в котором совместно был найден также лекиф с пальметтой (Лимберис, Марченко. 2016. С. 81–83. Рис. 1, 5; 2, 3, 4; Монахов и др. 2022. С. 32–34. Рис. 40, 2; 41, 1).

По классификации Б. А. Спаркса старотитаровский лекиф с узким вертикальным венчиком соответствует аттической серии А7–А13.

Близки и сосуды другой серии А14–А20, в том числе и фрагменты из раскопок Афинской агоры, которые датируются 375–350 гг. до н. э. (Sparkes. 1977. P. 14–15, А14–20; Sparkes, Talcott. 1970. P. 162–163. No. 1203, 1204).

Из этой же тризны (объект № 7) происходит мелкий аск (*Shallow askos*) с умбоном в центре щитка и краснофигурным орнаментом в виде лавровой ветви с точками-плодами между листьями (рис. 1, 2; 3, 2). Центральный умбон окружён двумя парами желобков и пояском «ов» между ними. В каталоге К. Морган сосуд датирован примерно 380–330 гг. до н. э. (Morgan. 1999. P. 36–37. No. 75. Pl. 14a, 14b). В сводке краснофигурной керамики из раскопок Афинской агоры аски с лавровой ветвью отсутствуют, но в Олинфе есть несколько экземпляров IV в. до н. э. (Robinson. 1933. P. 172–173. Pl. 140. Nos. 401, 403, 404, 407). Подобные сосуды хорошо известны на Боспоре в первой половине IV в. до н. э. (Вдовиченко и др. 2019. С. 100. № 243–247; Вдовиченко, Ермолин. 2005. С. 43. Рис. 5, 2).

Там же обнаружены три миниатюрные миски/чашечки с загнутым краем (*Small echinus bowl*), учтенные в каталоге К. Морган. Их общая хронология определена от второй половины/конца IV — до первой половины III в. до н. э. (Morgan. 1999. P. 32, 33, 35. Nos. 57, 59, 67). Исследовательница видела эти сосуды только на музейной витрине и не смогла рассмотреть детали, в частности форму поддона, поэтому ей не удалось точно определить тип сосудов, в результате чего предлагаемая ею хронология нуждается в корректировке.

Чашечки имеют довольно массивный кольцевой поддон с ровной, широкой опорной плоскостью (рис. 2, 5) и должны быть отнесены к типу *broad base* — популярнейшей форме, производившейся в Аттике с IV в. до н. э. примерно до середины следующего столетия (Sparkes, Talcott. 1970. P. 135; Rotroff. 1997. P. 165; Егорова. 2009. С. 38). У сосудов из Старотитаровского кургана оставлены неокрашенные лаком участки, указывающие на принадлежность их к ранней серии, предшествующей эллинистическому времени, так как поздние сосуды полностью, включая нижнюю сторону дна, покрывались лаком. На дне снизу и подошве поддона одного из сосудов нанесены лаковые круги и точка в центре, что характерно для архаического и раннеклассического времени. Другой сосуд имеет изнутри штампованный орнамент из 4-х пальметт в круге из насечек, использование которого прекратилось где-то к концу IV в. до н. э. В греко-варварских некрополях Северного Причерноморья и в меотских грунтовых могильниках Прикубанья находки чашечек этого типа связаны в основном с погребениями первой — третьей четверти

IV в. до н. э., хотя иногда встречаются и в более поздних комплексах (Рогов, Тункина. 1998. С. 169. № 92; Егорова. 2017. С. 83. № 143; Лимберис, Марченко. 2017. С. 210–212. Рис. 2, 13, 14; 3).

К этой же тризне (объект № 7) относятся и две солонки с вогнутыми стенками (*Saltcellar: concave wall*) и углубленным снизу дном (*recessed underside*), напоминающим скрытый кольцевой поддон (рис. 2, 4). В каталоге К. Морган оба экземпляра, со ссылками на материалы Афинской агоры, датированы примерно в пределах 375–315 гг. до н. э. (Morgan. 1999. P. 35. No. 63, 68), то есть исследовательница ограничила их верхнюю дату временем окончания производства данной формы (Rotroff. 1997. P. 165–166). Однако наиболее близкие стандартные экземпляры датируются в пределах второй и третьей четвертей IV в. до н. э. (Sparkes, Tallcott. 1970. P. 136–137. No. 936, 937). В синхронных погребальных комплексах местного и греческого населения Северного Причерноморья солонки с вогнутыми стенками также не являются редкими находками (Лимберис, Марченко. 2017. С. 207–208. Рис. 1, 1–4; Масленников 1995. С. 38, 45. Рис. 8, 11; 16, 5). По предположению исследователей, поступление их в этот регион заканчивается ещё до середины IV в. до н. э. (Рогов, Тункина. 1998. С. 171).

Кроме вышеописанных сосудов, в тризне основного погребения было найдено рыбное блюдо (*Fish plate*), обладающее всеми признаками, позволяющими отнести его к раннеклассическому времени (рис. 2, 7). К. Морган сопоставила его с экземпляром из раскопок Афинской агоры, датирующимся около 400–375 гг. до н. э. (Morgan, 1999. P. 32. No. 56. Pl. 11). Однако приведенная ею аналогия отличается расходящимся книзу поддоном на узком основании (Sparkes, Talkott. 1970. No. 1066). Прямая, массивная ножка старотитаровского блюда, профилированная желобками в цвете глины и валиком, более соответствует образцам, относящимся примерно к 400–390 гг. до н. э. (Sparkes, Talkott. 1970. P. 148. No. 1064, 1065).

Из зольного пятна в западной поле кургана (объект № 10) происходит тарелка с плоским валикообразным венчиком (*Plate: rolled rim*) с сильно выступающей наружу закраиной (рис. 1, 1). Изнутри — два маленьких кружка, вокруг которых расположены пять соединенных дугами пальметт и несколько кругов из насечек. В своём каталоге К. Морган датировала данную тарелку около 300 г. до н. э., т. к. ближайшие, по её мнению, параллели относятся к самому началу III в. до н. э. (Morgan. 1999. P. 70. No. 80. Pl. 17). На наш взгляд, наиболее близкими аналогиями являются тарелки классического времени, датирующиеся около 375 г. до н. э. и в пределах 375–

350 гг. до н. э. (Sparkes, Talkott. 1970. P. 147. No. 1049–1052; Rotroff. 1997. P. 144).

В грабительском выбросе из основного погребения (объект № 5) присутствовали фрагменты краснофигурного колоколовидного кратера (*Bell-krater*). Сохранилось около одной трети тулова с венчиком, подставка утрачена. Под венчиком — лавровая ветвь влево. Роспись представляет сцену комоса, использована белая краска. Ниже — пояс из меандра и квадратов с косыми крестами и точками (рис. 3, 1). Этому сосуду принадлежат также два отдельных фрагмента от средней части тулова.

Колоколовидные кратеры были массовыми изделиями, широко распространенными в античном мире. По материалам Афинской агоры — это кратеры типа 2 «с ручками» (*Type 2: bell-krater with handles*), выпускавшиеся в Аттике со второй четверти V в. до н. э. и в течение всего IV в. до н. э. Фрагменты, похожие по стилю росписи, датируются первой — второй четвертью IV в. до н. э. (Moore. 1997. P. 32–33. Nos. 464, 473, 476, 477, 480, 481, 492, 495, 497, 499, 503). К. Морган также определила датировку старотитаровского кратера в пределах второй — третьей четверти столетия (Morgan. 1999. P. 28–29, 36. Nos. 52, 71, 72. Pl. 7).

Сосуд относится к группе поздних кратеров (L. C. Group), хронология которой обычно ограничивается 360–330 гг. до н. э. Роспись характерна для среднего этапа «керченского стиля». Исследователи датируют данный сосуд около середины IV в. до н. э. или точнее — 360–350 гг. до н. э. (Вдовиченко. 2003. С. 427–428. № 530; Вдовиченко, Турова. 2006. С. 38, 101. № 89; Устаева, Журавлёв. 2010. С. 69. Рис. 7³). Подобные кратеры-оксифафы с дионисийскими сценами с одной стороны и эфебами в гиматиях с другой — не редкость в Северном Причерноморье и в основном представлены в тризнах (Вдовиченко, Ермолин. 2005. С. 39–40; Козуб. 1974. С. 61–63. Рис. 19, 1–3; 21, 2; 22; Рогов, Тункина. 1997. С. 160–161).

Таким образом, комплекс чернолаковой керамики из Старотитаровского кургана в целом соответствует второй четверти — середине IV в. до н. э., за исключением рыбного блюда начала столетия из тризны основного погребения.

Изучив амфорные клейма, происходящие из развала амфор в западной поле кургана (объект № 8), С. Ю. Монахов пришёл к выводу, что этот комплекс несколько более ранний, чем 8-й Пятибратний

³ В этом издании фотография кратера, к сожалению, дана в зеркальном изображении.

курган, который он (как и В. П. Копылов) предлагает датировать второй половиной 350-х — рубежом 350–340-х гг. до н. э. (Монахов. 2018. С. 31–332).

Литература

- Вдовиченко И. И.* Керченские вазы // БИ. 2003. Т. III. С. 380–539.
- Вдовиченко И. И., Ермолин А. Л.* Краснофигурная аттическая керамика из охранных раскопок Пантикапея // ДБ. 2005. Т. 8. С. 39–45.
- Вдовиченко И. И., Турова Н. П.* Античные расписные вазы из собрания Ялтинского историко-литературного музея. Симферополь; Керчь: БФ «Деметра» [и др.], 2006. (БИ. Т. XIV).
- Вдовиченко И. И., Рыжов С. Г., Жесткова Г. И.* Античная расписная керамика Херсонеса Таврического. Из раскопок С. Г. Рыжова в 1976–2011 годах. Севастополь: Альбатрос, 2019.
- Егорова Т. В.* Чернолаковая керамика IV–II вв. до н. э. с памятников Северо-Западного Крыма. М.: Изд-во МГУ, 2009.
- Егорова Т. В.* Античная чернолаковая керамика из собрания Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина: научный каталог. М.: ГМИИ, 2017.
- Козуб Ю. И.* Некрополь Ольвii V–IV в. до н. э. Київ: Наукова думка, 1974.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Палестрит из окрестностей Фанагории // Погребальная культура Боспорского царства: материалы Круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения М. М. Кубланова (1914–1998). СПб.: Нестор-История, 2014. С. 103–113.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Погребение со стеклянной чашей из могильника Старокорсунского городища № 2 // АВ. 2016. Вып. 22. С. 76–84.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Миниатюрные чернолаковые сосуды для сервировки стола из меотских могильников правобережья Кубани // АМА. 2017. Вып. 18. С. 206–223.
- Масленников А. А.* Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения Европейского Боспора в VI–I вв. до н. э.) // БС. 1995. Вып. 8. С. 38–45.
- Монахов С. Ю.* Ещё раз о датировке «Царского» 8-го Пятибратнего кургана // Причерноморье в античное и раннесредневековое время: сборник научных трудов, посвященный 70-летию профессора В. П. Копылова. Ростов-на-Дону: Археологическое общество «Наследие» [и др.], 2018. Вып. 2. С. 320–333.
- Монахов С. Ю., Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б.* Амфоры VII–I вв. до н. э. из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына. Саратов: Амирит, 2022.
- Рогов Е. Я.* Некрополь Панское 1 в Северо-Западном Крыму. Симферополь [и др.]: БФ «Деметра», 2011. (МАИЭТ. Suppl. 10).

- Рогов Е. Я., Тункина И. В.* Расписная и чернолаковая керамика из некрополя Панское I // АВ. 1997. Вып. 5. С. 159–175.
- Устаева Э. Р., Журавлёв Д. В.* Таманский музейный комплекс // Античное наследие Кубани. Т. III. М.: Наука, 2010. С. 64–96.
- Moore M. B.* Attic Red-Figured and White-Ground Pottery. Princeton, New Jersey, 1997. (The Athenian Agora. Vol. XXX).
- Morgan C.* A Catalogue of Attic Pottery in the Collection of the Taman Museum. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1999. (ТС. Вып. 2).
- Morgan C., Arafat K.* Fine Pottery of the Archaic-Early Hellenistic Periods in the Collection of the Temriuk Museum (Taman peninsula) // Colloquia Pontica. 2001. Vol. 6.
- Robinson D. M.* Vases Found in 1934 and 1938. Baltimore, Oxford, 1950. (Excavations at Olynthus. Vol. XIII).
- Rotroff S.* Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. Princeton, New Jersey, 1997. (The Athenian Agora. Vol. XXIX).
- Sparkes B. A., Talkott L.* Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries BC. Princeton, New Jersey, 1970. (The Athenian Agora. Vol. XII).

Ю. И. Ильина, Л. А. Никифорова

**«МЕГАРСКАЯ» ЧАША ИЗ МУЗЕЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ
РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ (ПЕТРОЗАВОДСК)**

Музей изобразительных искусств Республики Карелия открыл свои залы для посетителей в старинном особняке в центре города Петрозаводска в 1960 г. Основой коллекции нового и единственного художественного музея региона стали коллекции живописи, графики, скульптуры и декоративно-прикладного искусства Карельского государственного краеведческого музея, фонды которого комплектовались из Ленинградского отделения Государственного музейного фонда. В 1928 г. в его состав были переданы вещи из Аничкова дворца для дальнейшей выдачи музеям, Москвы и Ленинграда, а также провинциальным музеям страны¹. Количество предметов, направленных в Петрозаводск, насчитывало 123 единицы хранения². После революции в залах Аничкова дворца разместился «Музей города», при этом два зала дворцового музея и кабинет Александра III, верхние комнаты, кабинет и гостиная Марии Фёдоровны, а также церковь вошли в его состав как отдел с названием «Исторические помещения Аничкова дворца». Согласно описи 1919 г. музейное собрание Аничкова дворца насчитывало 10 846 единиц хранения³. Несмотря на то, что интерес к повседневной жизни и быту семьи предпоследнего российского императора увеличивался год от года, а посещаемость музея постоянно росла (Музей города. 1928. С. 18), Комиссия рабоче-крестьянской инспекции Ленсовета приняла решение о ликвидации «Исторических комнат Аничкова дворца».

Изучение бывшей коллекции Аничкова дворца в составе собрания музея изобразительных искусств Республики Карелия активно нача-

¹ ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 7. Д. 20. Переписка о ликвидации исторических комнат Аничкова дворца.

² Архив ГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 298–299. Акты выдач музейных предметов из Аничкова дворца.

³ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 46. Списки экспонатов музея. 81 л.

лось после 1997 г. В течение нескольких лет сотрудниками проводилась атрибуция, уточнялись датировки и авторство произведений.

Среди них оказалась и «мегарская» чаша за номером ПР-324. На ней сохранилась старая этикетка с указанием принадлежности к «Музею Собственного Его Императорского Величества (Аничкова) Дворца». На чаше приклеена бумажная бирочка: «Музей города. Исторические помещения Аничкова дворца № 888». В 2022 г., изучив архивные документы Музея города и Ленинградского отделения Государственного музейного фонда, удалось проследить путь сосуда как единицы хранения по учётным документам и выяснить, что с каждой передачей музейный предмет «терял» атрибуционные сведения. Так, по акту передачи на постоянное хранение из Карельского государственного музея КАССР от 24.02.1961 г. запись была лаконичной: «Сосуд. Глина, лепка». Запись в акте из Ленинградского отделения Государственного музейного фонда от 19.09.1928 г. содержит инвентарный номер «№ 888» и описание: «Чашечка глиняная в форме фески с узорами греческой работы»⁴. Согласно «Спискам экспонатов музея 1919 г.» сосуд находился во второй комнате музея «в правой витрине левой половине в третьем ряду» в соседстве со шкатулкой тульской работы, медной чернильницей, бронзовой статуэткой китайского божества, фарфоровым флаконом китайской работы⁵. Запись про сам сосуд включает следующие формулировки: «А 568 (*сверху карандашом* № 888) Чашка глиняная греческой работы (из Керчи, местное название феска (*сверху карандашом* фиеска) II–III века до Р. Х.»⁶.

В сентябре 2022 г. сотрудники Музея изобразительных искусств Республики Карелия обратились за помощью в Отдел античного мира Государственного Эрмитажа. В результате проведенной работы удалось выяснить следующее.

Император Александр III проявлял большое внимание к деятельности Императорской археологической комиссии. Ежегодно найденные древности представлялись на «Высочайшее воззрение». Вступив на престол, Александр III в 1883 г. впервые посетил выставку в Императорской археологической комиссии. И возможно, эта целая чаша была преподнесена императору в один из визитов ему в подарок на память.

Чаша имеет небольшие размеры: диаметр — 11 см, высота — 6,5 см (рис. 1). Форма: дно выпуклое, стенки округлые, заканчиваются высоким,

⁴ Архив ГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 299. Л. 131.

⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 46. Л. 56–57.

⁶ Там же. Л. 56 об.

Рис. 1. «Мегарская» чаша. Общий вид и профиль

слегка расширяющимся краем. Лак от коричневого до красноватого цвета, тусклый. Лак имеет различие в цвете из-за условий обжига. Поверхность шероховатая. Глина сосуда мелкозернистая с вкраплением слюды, имеет оранжевато-красный оттенок. Декор чаши: высокий край оставлен без декора. Под ним рельефный пояс и фриз из чередующихся фигур дельфинов, плывущих вправо, и розеток из пяти лепестков. Нижняя половина стенок украшена корзиной, которая составлена из пальметовидных листьев, расположенных попеременно с листьями лотоса. Листья пальметовидные — длинные (6 шт.). Листья лотоса имеют желобки вдоль боковых сторон и вдоль центральной жилки и выходят из завитков, собранных в пучок (6 шт.). В центре — розетка из пяти сердцевидных лепестков и пяти веретенообразных лепестков между ними. В середине розетки точка. Рельеф не очень высок. Фризы разделяют рельефные пояски: одинарный сверху и двойной снизу.

Близкие по размеру, форме и декору чаши встречаются среди продукции ионийских мастерских. По декору все «мегарские» чаши делятся на несколько групп. Самая многочисленная группа включает сосуды, украшенные различными растительными мотивами, которые обычно располагались в горизонтальных поясах.

Поиск аналогий, казалось, не будет сложным, так как мы имеем дело с целым сосудом. Встречаются на сосудах похожие многоле-

пестковые розетки, дельфины, листья лотоса и аканфа. Единственная аналогия была обнаружена в коллекции Керченского историко-культурного заповедника. В 1961 г. в Керчи на улице Ленина около дома 2 при рытье котлована в ходе строительных работ были найдены 10 фрагментов «мегарских» чаш, представляющих продукцию разных центров (Гжегжулка. 2010. С. 11). Среди них был фрагмент, который издатель определила как канфар (Гжегжулка. 2010. С. 68. № 51; 268. № 51, 51а). Этот фрагмент можно назвать чаша с ручкой. Среди форм, представленных в рельефной керамике, они немногочисленны. При сравнении этих двух сосудов видно полное совпадение набора элементов декора и стиля их исполнения. Также верхний фриз отделён от нижнего двойным рельефным пояском, на который заходит пальметовидный лист. Можно предположить, что канфар и чаша сделаны в одной форме. Этот фрагмент отнесён к изделиям Пергама, так как среди «мегарских» чаш из раскопок святилища Асклепия, на двух фрагментах чаш встречаются стилистически близкие фигуры дельфинов и розетки (Zeigenhaus, de Luca. 1975. S. 73, 74. Kat. 113, 138. Taf. 46, 7–8. Taf. 78, 9; Горончаровский. 1983. С. 119. Рис. 2, 9). Для пальмовидных листьев есть полная аналогия на фрагментах чаш (Zeigenhaus, de Luca. 1975. S. 73. Kat. 195. Taf. 46, 6; 1968. S. 120. Kat. 192. Taf. 45). Среди немногочисленных образцов импортных «мегарских» чаш из раскопок агоры в Афинах есть фрагмент с аналогичным пальмовидным листом (Rotroff. 1982. P. 42, 89. Kat. 381. Pls. 66, 88). Целая «мегарская» чаша такой же формы дает представление о мотивах рельефного декора, где вокруг центральной розетки расположены пальметовидные листья (Radt. 2016. S. 286–287. Abb. 221). Пальметовидный лист присущ для декора именно изделий пергамских мастерских. Фигура дельфина и пальметка использованы в орнаментации светильника с аппликативным декором из Пергама (Hübner. 1993. S. 191. Taf. 14, 89). Очень популярные листья лотоса также находят аналогию среди продукции Пергама (Zeigenhaus, de Luca. 1975. S. 74. Kat. 128. Taf. 46, 3). Формы для изготовления чаш с аналогичными листьями лотоса хранятся в фондах экспедиции Немецкого Археологического института в Пергаме, где одному из авторов они были показаны во время визита в 2004 г. Центральная многолепестковая розетка состоит из лепестков двух типов. Лепестки сердцевидной формы встречаются в центральной розетке чаши из Пергама (de Luca. 1990. S. 160–161. Taf. 26, 2, 6–7). Продукция пергамских мастерских отличается индивидуальным стилем. Для декора чаш использовали и другие мотивы: гирлянды, букрании, фигуры

змееногой богини, эротов, маски и комбинации из цветов и бутонов, которые можно сопоставить с образцами монументальной архитектуры (de Luca. 1990. S. 157–166).

Продукция разных ионийских мастерских демонстрирует сходство в некоторых деталях. Подобную композицию центральной розетки находим на «мегарских» чашах, изготовленных в Эфесе (Lautonier. 1977. С. 112. Taf. 25, 121. № 466–612; Гжегжулка. 2010. С. 36, 242. Кат. 2). Фигура дельфина также встречается на сосуде эфесского производства (Гжегжулка. 2010. С. 35, 241. Кат. 1). В Пергаме и Эфесе производилась аппликативная керамика с накладными рельефами, которую визуальнo трудно различать, и только данные археометрических исследований помогают это сделать (Rogl. 2003. S. 187–195; Журавлёв. 2015. С. 192).

Плиний сообщает, что Пергам был крупнейшим керамическим центром (N.H., XXXV, 160). Это подтверждают раскрытые керамические мастерские. На склоне акрополя была небольшая мастерская, а в окрестностях города располагался квартал гончаров с многочисленными печами, которые работали длительное время от эллинизма до римского времени (Горончаровский. 1983. С. 117–124; Schäfer. 1968. S. 26–27; Bounegru, Erdemgil. 1998. S. 263–277; Radt. 2016. S. 111–112. Abb. 62). В мастерской на склоне акрополя производили «мегарские» чаши и сосуды с накладным декором. В мастерских, расположенных в окрестностях города, производились три основных типа керамики: «мегарские» чаши, аппликативные сосуды с накладным декором и краснолаковая сигиллята. Самые ранние мастерские начали работать в третьей четверти II в. до н. э.

Чаша из Керчи была произведена в одной из этих мастерских. И может быть датирована второй половиной II в. до н. э., как и большинство «мегарских» чаш из раскопок в Пергаме (Zeigenhaus, de Luca. 1968. S. 65; 1975. S. 61, 79).

«Мегарские» чаши пергамского производства обнаружены в крупных центрах Северного Причерноморья, но их число невелико (Горончаровский. 1984. С. 9; Журавлёв. 2011. С. 224; 2015. С. 201). В Пантикапее доля пергамских рельефных сосудов во второй половине II в. до н. э. составляет 3,2% (Коваленко. 2002. С. 92). В публикации «мегарских» чаш из коллекции Керченского историко-культурного заповедника чаши из Пергама немногочисленны (Гжегжулка. 2010. С. 35–226).

Рельефные чаши были самыми типичными сосудами для питья в эллинистический период. Изготовление форм с вырезанным релье-

ефом было связано с работой ювелиров и резчиков. Лучшие образцы рельефных сосудов отличаются тонкостью исполнения, продуманной композицией декора. Изготовление чаш из глины и их массовое производство делали их сравнительно дешёвыми: они часто заменяли церемониальную дорогую посуду из серебра. Массовое производство делала эти чаши доступными разным слоям древнего общества и способствовало значительному экспорту по всему Средиземноморью.

В последние годы публикации эллинистической керамики из Северного Причерноморья ввели в научный оборот значительный объём материала. Однако целые сосуды достаточно редки. Публикация интересной целой чаши из Керчи дополняет наши знания о рельефной керамике и рассказывает о интересной судьбе музейного экспоната из собрания Аничкова дворца.

Литература

- Гжегжулка С.* «Мегарские» чаши из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Ч. 1. Варшава, 2010.
- Горнчаровский В. А.* Пергамская керамическая мастерская и её продукция на Боспоре // СА. 1983. № 2. С. 117–124.
- Горнчаровский В. А.* Эллинистический Пергам и Северное Причерноморье (к проблеме контактов). Автореф. дис. ... канд. ист. н. Л., 1984.
- Журавлёв Д. В.* Новые находки позднеэллинистических керамики и светильников из Пантикапея // ПИФК. 2011. № 4. С. 221–263.
- Журавлёв Д. В.* Пергамская эллинистическая столовая посуда в Северном Причерноморье (краткий обзор) // ПИФК. 2015. № 1. С. 190–216.
- Коваленко С. А.* О структуре и динамике импорта позднеэллинистической рельефной керамики в Северном Причерноморье // Археология. 2002. № 3. С. 80–96.
- Музей города к октябрю 1927 г.: очерк Музея и путеводитель. Л.: Издание Музея города, 1928.
- Bounegru O., Erdemgil S.* Terra-Sigillata-Produktion in den Werkstätten von Pergamon-Ketiostal-Vorläufiger Bericht // Ist. Mitt. Bd. 48. 1998. S. 263–277.
- Hübner G.* Die Applikenkeramik von Pergamon. Eine Bildersprache im Dienst des Herrscherkultes // PF. Bd. 7. Berlin; New York, 1993.
- Laumonier A.* La Céramique Hellénistique à Reliefs. 1. Ateliers “Ioniens”// Délos XXXI. Paris, 1977.
- Luca G. de.* Hellenistische Kunst in Pergamon im Spiegel der Megaischen Becher // Ist. Mitt. Bd. 40. 1990. S. 157–166.
- Radt W.* Pergamon. Geschichte und Bauten einer antiken Metropole. Mainz/Rhein, 2016.
- Rogl C.* Ein Vorschau zu den reliefverzierten Trinkbechern der ephesischen Monogramm-werkstätte // Studien zur hellenistischen Keramik in Ephesos. Wien, 2001. S. 99–118.

- Rogl C.* Späthellinistische Applikenkeramik und verwandtes aus Ephesos. Lokale Produktion-Einflüsse-Importe // Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Institutes in Wien. Bd. 72. 2003. S. 187–206.
- Rotroff S. I.* Hellenistic Pottery Athenian and Imported Moldmade Bowls. Princeton, 1982. (The Athenian Agora. Vol. XXII).
- Schäfer J.* Hellnistische Keramik aus Pergamon // PF. Bd. 2. Berlin, New York, 1968.
- Zeigenhaus O., De Luca G.* Das Asklepieion. 1. Teil: Der südliche Temenosbezirk in hellnistischer und frühromischer Zeit // AvP. Bd. XI, 1. Berlin, 1968.
- Zeigenhaus O., De Luca G.* Das Asklepieion. 2. Teil: Der nordliche Temenosbezirk und angrenzende Anlagen in hellnistischer und frühromischer Zeit // AvP. Bd. XI, 2. Berlin, 1975.

М. А. Симонова

**ФРАГМЕНТЫ КРАСНОЛАКОВЫХ БЛЮД
С ЛИНЕЙНО-ВОЛНИСТЫМ ОРНАМЕНТОМ НА ДНЕ
ИЗ ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ ТРИЗНЫ НЕКРОПОЛЯ КИТЕЯ**

Археологическая экспедиция ИИМК РАН — ИА НАНУ (2009–2013), ИА РАН (с 2015) под руководством В. А. Хршановского с 2009 г. ведёт исследовательские работы на прибрежном юго-западном участке грунтового некрополя Китея. Её основной задачей стало выяснение функционального назначения и времени существования 24-х валов, расположенных параллельно друг другу на расстоянии 50–650 м к западу от западной крепостной стены и прослеживающихся от берегового обрыва до полевой дороги и пахотного поля к северу на 25–140 м. Так как южные оконечности валов находятся на высоком (до 30 м) обрывистом берегу, в зоне интенсивной береговой абразии, раскопки носят охранно-спасательный характер.

Первый разведочный раскоп был заложен здесь в 2009 г. на валу № 9. Второй (XLXVI) — в 2010 — на валу № 4 и продолжается до настоящего времени. Открытые под насыпью вала на уровне древнего горизонта и в самой насыпи погребальные и поминальные комплексы по самому позднему материалу датировались не ранее IV в. н. э. (Хршановский. 2017. С. 216; 2020. С. 411).

С 2016 г. началось и на протяжении 7 полевых сезонов одновременно ведётся исследование ещё одного самого высокого (до 2,5 м) вала — № 1, ближайшего к крепостной стене. Заложенный на нём раскоп получил номер XLVII. В отличие от предыдущего раскопа (XLVI) на валу № 4 здесь на данном этапе не обнаружено ни одного погребального комплекса. Но при этом под гумусным слоем открыты и частично исследованы два зольных холма (№ 395 и 396) и жертвенные (?) ямы (№ 394 и 397).

При исследовании валов № 4 и № 1, в раскопе XLVI (400 кв. м) и XLVII (200 кв. м) были найдены, соответственно, более 38 и 26 тысяч фрагментов амфор, кружальных и лепных сосудов (что значительно превышает среднестатистическое значение количества керамических остатков для городских и поселенческих слоев). Кроме

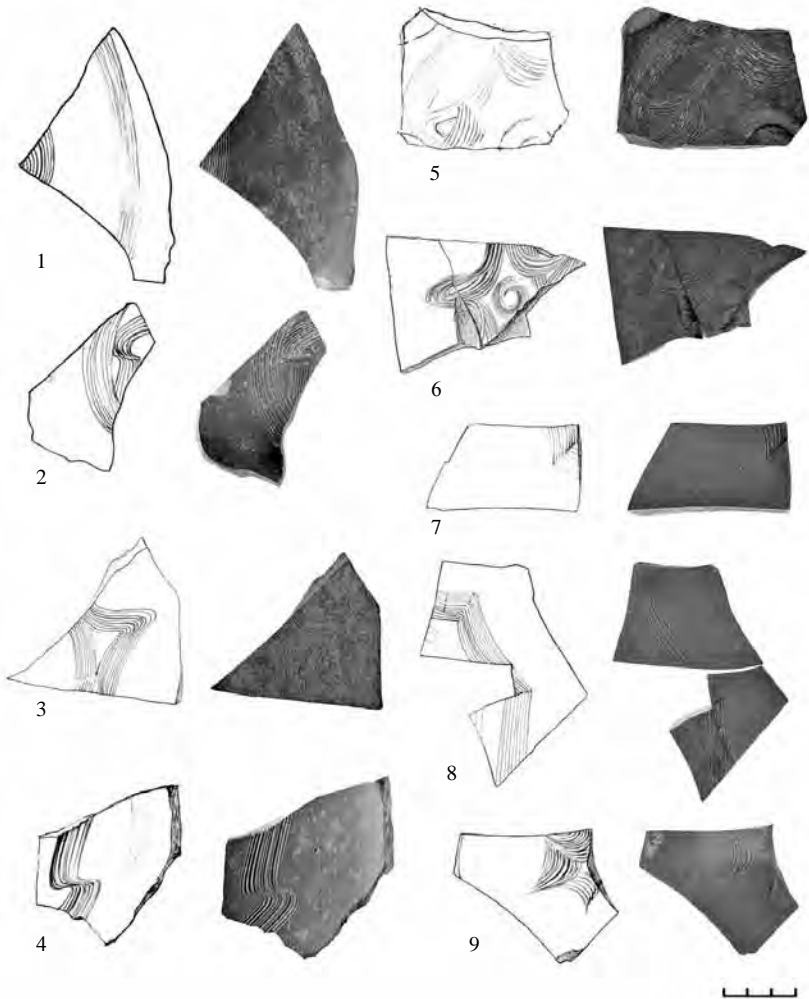

Рис. 1. Фрагменты краснолаковых блюд с врезным линейно-волнистым орнаментом. Юго-западный участок некрополя Китея. 2017–2022 гг.

этого в обоих раскопах находились обломки терракотовых статуэток, глиняных светильников, стеклянных сосудов, бусины, медные монеты, костяные проколки, глиняные и каменные грузила и пряслица (Симонова. 2018. С. 259–265), керамические окатыши, створки морских раковин и галька. Удивлял не только широкий ассортимент, но

и временной разброс найденного в слое материала: от IV–III вв. до н. э., представленного фрагментами импортных амфор (в том числе с клеймами) (Павличенко, Хршановский. 2020. С. 289–306), до фрагментов красноглиняных амфор с ребристым туловом, амфор типа С SNP I («Делакеу») и узкогорлых светлоглиняных амфор типа Е по Шелову, датируемых IV–V вв. н. э. (Хршановский. 2020. С. 407–425). Расписные краснофигурные и чернолаковые сосуды и «мегарские» чаши соседствовали с краснолаковыми сосудами римского времени, пантикапейские монеты с монетами последних боспорских царей (Абрамзон, Хршановский. 2022. С. 234–237), эллинистические терракоты с более поздними, варваризированными статуэтками (Ханутина, Хршановский. 2023. С. 53–56).

Смешение разновременного материала в одном нестратифицируемом слое этого ритуального комплекса (или нескольких комплексов) свидетельствует о его искusstvenном происхождении, о том, что все находки из него являлись приношениями (или, если это кости домашних и диких животных — жертвоприношениями). Датировка комплекса в данном случае затруднена отсутствием точки отсчета, нижней временной границы. Если верхняя дата может определяться по самым поздним находкам, то нижняя из-за преднамеренного вторичного использования гораздо более ранних асинхронных вещей оказывается размыта. В этом случае приходится ориентироваться на датировку преобладающей массы материала. Для его внутренней хронологии особую ценность при этом имеют такие абсолютные ориентиры, как монеты, фибулы, пряжки, дающие узкую временную вилку и надёжное *terminus post quem*.

Среди находок, сделанных в раскопе XLVII при исследовании вала № 1, оказались фрагменты краснолаковых блюд и мисок открытого

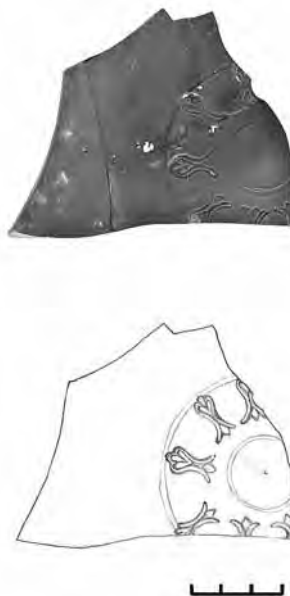

Рис. 2. Фрагмент краснолакового блюда с орнаментом «бутон лотоса». Юго-западный участок некрополя Китея

типа (по имеющимся фрагментам точно установить форму данных сосудов невозможно) с однотипным изображением — в центре дна блюда на внутренней части нанесен линейно-волнистый врезной орнамент¹.

Всего было найдено 14 фрагментов со схожими орнаментами на дне (рис. 1). Склеить их не удалось, вероятно, это части разных сосудов, о чём также свидетельствуют разная степень сохранности, особенности глины и краснолакового покрытия. Описанные ниже 9 частей сосудов были найдены в результате археологических раскопок 2017–2020 гг. На сегодняшний день фрагменты хранятся в фондах Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника, каждой находке присвоен номер коллекционной описи.

1. (Рис. 1, 1; 2017 г. К. О. № 25) Глина красновато-коричневая, плотная, лак темно-красный. Украшен концентрическими гребенчатыми врезными полосами. Заметна часть окружности, в которую вписано линейно-врезное изображение.

2. (Рис. 1, 2; 2017 г. К. О. № 25) Глина красновато-коричневая, плотная, лак красно-коричневый. В центре гребенчатый линейный декор: волнистая линия с изгибом, предпологаемо вписанная в круг.

3. (Рис. 1, 3; 2020 г. К. О. № 102) Глина оранжево-красная, плотная, с примесью известняка, лак ярко-красный, сильно потерт. Заметна часть изображения на дне — врезные гребенчатые полосы, одна из которых образует угол и прилегает к окружности с внутренней стороны.

4. (Рис. 1, 4; 2019 г. К. О. № 87) Глина красновато-коричневая, плотная, с примесью известняка, лак темно-красный. Виден фрагмент орнамента — гребенчатая линия с изгибом.

5. (Рис. 1, 5; 2018 г. К. О. № 66) Глина темно-коричневая, плотная, лак темный, коричнево-красный, матовый. Вероятно, центр дна, декорированного концентрическим многоугольником из гребенчатых волнистых линий, вписанным в круг, выполненный также гребенчатой линией; небольшой желобчатый круг в центре.

6. (Рис. 1, 6; 2020 г. К. О. № 53) Глина оранжево-красная, плотная, с примесью известняка, лак ярко-красный, с разводами. В центре небольшой желобчатый круг, вокруг розетка из рельефных врезных полос.

7–9. (Рис. 1, 7–9; 2020 г. К. О. № 68) Возможно, части одного сосуда. Глина оранжево-красная, плотная, лак красный, матовый. На фрагменте 7 виден угол, на 8-м — часть концентрического много-

¹ Автор выражает благодарность В. А. Хршановскому за предоставленные для публикации материалы.

угольника, на 9-м — небольшой многоугольник в центре дна сосуда, орнамент выполнен из гребенчатых рельефных линий.

Орнамент данных сосудов выполнен в одной технике, с помощью многозубчатой гребенки. К сожалению, все найденные фрагменты непрофильные, что не позволяет установить точную форму сосудов и их диаметр. Однако тип таких сосудов известен — это краснолаковые блюда формы 3 Pontic Red Slip Ware (Domzalski. 2021. P. 84–92). И несмотря на то, что наиболее точная и узкая датировка устанавливается по форме сосудов, орнамент на дне блюд сам по себе является хроноиндикатором. Что в данном случае и представляется чрезвычайно важным для датировки ритуального комплекса на валу № 1.

Наиболее четкую атрибуцию сосудов с аналогичными орнаментальными изображениями приводит К. Домжальский в монографии, посвященной понтийской краснолаковой керамике — Pontic Red Slip Ware. Данная группа столовой посуды выделена сравнительно недавно благодаря А. Опайту и К. Домжальскому (Opait. 1985; Domzalski. 2000). Места изготовления Pontic Red Slip Ware не установлены. Посуда отличается высоким качеством и встречается во многих археологических комплексах Понта (Domzalski. 2021. P. 84–102). Сосуды данной группы были выявлены среди краснолаковой столовой посуды, найденной в ходе исследования Танаиса, где также присутствуют схожие с нашими фрагментами орнаментированные сосуды открытого типа.

На данный момент мы можем причислить исследуемые фрагменты краснолаковых блюд к форме 3 Pontic Red Slip Ware лишь на основании наличия орнамента, выполненного в особой технике. Исследователи отмечают, что изделия формы 3 являются единственными декорированными сосудами данной керамической группы. Орнамент располагается преимущественно в центральной части дна. Выполненные в одинаковой технике изображения отличаются многообразием вариаций, в связи с чем каждое орнаментированное блюдо уникально. Подобные сосуды датируются концом IV — серединой V в. (Arsen'eva, Domzalski. 2002. P. 422–427. Fig. 568–574; Domzalski. 2021. P. 84–102).

Стоит отметить, что география распространения краснолаковых блюд такого типа достаточно широка: они встречаются по всему Понту, от дельты Дуная вплоть до южной Колхиды (Domzalski. 2021. P. 84–102).

Аналогичные фрагменты встречались при исследовании многих археологических памятников: Танаиса (Arsen'eva, Domzalski. 2002.

Р. 422–427. Fig. 568–574), «Совхоз 10», Фанагории (могила 50) (Сазанов. 1995. С. 411, 426), на некрополе близ с. Лучистое Алуштинского района в Крыму (Айбабин, Хайрединова. 1997. Рис. 18, 3; 2008. Рис. 24, 14), в Шапкинском могильнике в Абхазии (Воронов, Юшин. 1973. Рис. 5, 4), а также при раскопках погребальных комплексов в балке Алмалык-Дере на юго-восточной периферии Мангупского плато (Иванова. 2009. Рис. 7–9, 12). Схожие сосуды были найдены в вышеуказанных комплексах, в слоях, датируемых концом IV — серединой VI в.

Помимо фрагментов блюд с линейно-волнистым орнаментом, среди находок из ритуального комплекса под валом № 1 следует выделить фрагмент краснолакового блюда с орнаментом в виде бутона лотоса (рис. 2). Точная аналогия ему имеется у Дж. Хейса. Это тип Late roman C, Group II A and B (Haues. 1972. P. 352–353. Fig. 73, I). Сосуды с таким орнаментом происходят из Восточного Средиземноморья и датируются 440–490 гг. (Haues. 1972. P. 349).

Как уже отмечалось, по всей вероятности, все найденные в этом ритуальном комплексе вещевые находки и многочисленные кости животных являются приношениями (или жертвоприношениями), связанными с совершенными обрядами. В связи с этим нельзя исключить, что отсутствие профильных фрагментов краснолаковых блюд связано с тем, что орнаментированным фрагментам дна отдавалось предпочтение. Именно из-за этих изображений, придававших им особую значимость в сознании совершавших обряд, они могли быть отобраны и вторично использованы.

Литература

- Абрамзон М. Г., Христановский В. А. Монеты из раскопок юго-западного участка некрополя Китея (2011–2021 гг.) // БФ 2022. С. 233–240.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Могильник у села Лучистое. Т. 1. Раскопки 1977, 1982–1984 годов. Симферополь; Керчь: АДФУ-Украина, 2008. (БИ. Suppl. 4).
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму // МАИЭТ. 1997. Вып. VI. С. 274–311.
- Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Новые памятники Цебельдинской культуры в Абхазии // СА. 1973. № 1. С. 171–191.
- Иванова О. С. Краснолаковая керамика из раскопок могильника в балке Алмалык-дере (Мангуп) // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 26–88.
- Павличенко Н. А., Христановский В. А. Керамические клейма из позднеантичного некрополя Китея // ДБ. 2020. Т. 25. С. 289–306.
- Романчук А. И., Сазанов А. В. Средневековый Херсон: История, стратиграфия, находки. Свердловск: УГУ им. А. М. Горького, 1991.

- Сазанов А. В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени // МАИЭТ. 1995. Вып. IV. С. 406–433.
- Симонова М. А. Пряслица и грузила в погребально-поминальных комплексах IV в. н. э. юго-западного участка некрополя Китея // БФ 2018. С. 259–265.
- Ханутина З. В., Хришановский В. А. Терракотовые статуэтки из юго-западного участка некрополя Китея // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2023. № 1. С. 42–60.
- Хришановский В. А. Между готами и гуннами. Новые материалы к истории Европейского Боспора IV в. н. э. (по результатам раскопок Китея в 2009–2016 гг.) // БИ. 2017. Т. XXXV. С. 208–228.
- Хришановский В. А. Позднеантичные ритуальные ямы на юго-западном участке некрополя Китея // ДБ. 2020. Т. 25. С. 405–423
- Arsen'eva T. M., Domzalski K. Late Roman Red Slip Pottery from Tanais // Eurasia antiqua. 2002. Bd. 8. P. 415–491.
- Domzalski K. Notes on Late Roman Red Slip Wares in the Bosporan Kingdom // RCRF. 2000. Acta 36. P. 161–168.
- Domzalski K. Pontic Red Slip Ware. Typology, Chronology, and Distribution of a Major Group of Late Roman Fine Pottery in the Black Sea Region. Warszawa, 2021.
- Hayes J. W. Late Roman pottery. London, 1972.
- Opait A. Einige Betrachtungen zur spätrömischen Keramik mit rothen Überzug // Dacia. 1985. N. S. XXIX, 1–2. P. 153–163.

Д. В. Журавлев, Г. А. Ломтадзе

**КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС «АРХАИЧЕСКОГО ДОМА» ИЗ КЕП:
ВОПРОСЫ ДАТИРОВКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОБРАНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ)**

В 1970 г. при раскопках поселения в северо-восточной части поселка Сенной на Таманском полуострове, отождествляемого с античными Кепами, Н. И. Сокольским был изучен интересный объект, который был назван им «архаическим домом». К сожалению, автор раскопок не успел полностью опубликовать материалы из этого комплекса, за исключением небольшого сообщения (Сокольский. 1975. С. 615–619), поэтому главным источником является его отчет о раскопках в Кехах, хранящийся в архиве ИА РАН¹.

Конструкция дома. Объект представлял собой подвальное помещение здания, сложенное из сырцовых кирпичей (рис. 1, 1–2). Н. И. Сокольский отмечал хорошую сохранность кладок (одна из стен сохранилась на высоту более 2 м), сложенных из кирпичей «хорошего качества». Общая площадь внутреннего пространства помещений составляла более 15 кв. м (размеры подвала 4,2 × 3,6 м). Подвал был разделен двумя стенами на четыре небольших помещения, очевидно служившие для хранения запасов. К сожалению, значительная часть этого сооружения была уничтожена позднейшими ямами и перекопами, но в юго-восточной части подвала было обнаружено скопление амфор, которое в дальнейшем называлось «винным складом». Н. И. Сокольский стратиграфически разделил скопление амфор на две части. В верхней находились сильно битые и раздавленные сосуды, по большей части хиосского производства. На ряде горл бурой краской были нанесены крестообразные знаки, на части ручек — граффити в виде параллельных линий, на некоторых амфорах встречались клейма в виде вдавленных колечек.

В нижней части находились в основном целые или слегка раздавленные сосуды. Амфоры лежали в одном направлении или

¹ Сокольский Н. И. Отчет о работах Таманской археологической экспедиции Института археологии АН СССР в 1970 г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р1–4251.

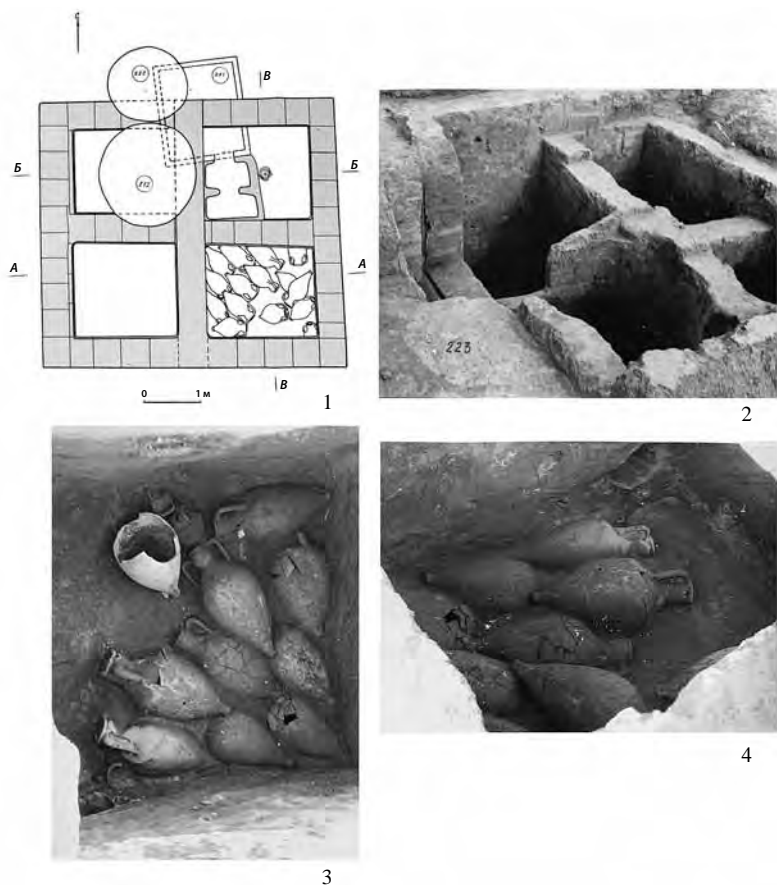

Рис. 1. «Архаический дом» в Кехах. Фото и чертеж из отчета Н. И. Сокольского

находились в наклонном положении, одна была частично вкопана. Это позволило предположить, что изначально они были установлены в вертикальном положении, при этом нижний ряд был вкопан в землю. Н. И. Сокольский насчитал в этой части 15–16 сосудов, из которых 12 были целыми². Все амфоры были хиосскими и имели окрашенные венцы, полосы на ручках и тулове. Помимо этого, в заполнении были обнаружены фрагменты простой и расписной

² Всего, по подсчетам автора раскопок, в юго-восточной части подвала были обнаружены фрагменты 42 амфор, из которых 32 относились к хиосскому производству и 10 к фасосскому и «протофасосскому» типам.

керамики VI–V вв. до н. э. Здание погибло и было разрушено, а подвалы засыпаны в «результате неясных для нас событий или катастрофы»³.

«Архаический дом» часто упоминается в научной литературе (Усачева, Сорокина. 1984. С. 84; Кузнецов. 1995. С. 112; Журавлев, Кузнецов. 2010. С. 542; Завойкин, Кузнецов. 2011. С. 190). Он является типичной жилой постройкой небольшой площади позднеархаического времени, подобные которой хорошо известны, например, в Фанагории (Кузнецов. 1995. С. 106; 2018. С. 99–106).

К сожалению, материалы из этого интересного комплекса сохранились далеко не полностью. В Историческом музее, куда была передана коллекция из этих раскопок, представлено большое число фрагментов расписной и чернолаковой керамики, фрагментов амфор, лепной и столовой посуды. Что касается местонахождения большей части амфор из «склада», нам оно неизвестно, что затрудняет полноценное рассмотрение этого материала. В собрании музея есть несколько амфор близкого облика с утраченными шифрами, но однозначно утверждать, что они происходят именно из этого комплекса, мы не можем. Две амфоры мы воспроизводим по отчету Н. И. Сокольского (рис. 2, 5–6). Полная публикация всех этих материалов ещё только предстоит, мы же пока кратко рассмотрим лишь наиболее важные находки.

Тарные амфоры и их фрагменты (рис. 2, 2–6). В собрании ГИМ сохранилась одна почти целая хиосская амфора (не хватает ножки), два крупных фрагмента нижних частей сосудов этого же центра, а также несколько хиосских и фасосских горл, происходящих из «винного склада». Все амфоры Хиоса, представленные в нашем собрании, относятся к развитому пухлогорлому варианту, бытовавшему в 80–60 гг. V в. до н. э. (Монахов. 2003. С. 17. Табл. 5; Sezgin. 2012. P. 107–114; Birzescu. 2012. S. 76–82, 283–288. Taf. 33–36).

Помимо хиосской тары, из комплекса происходят фрагменты ранних фасосских амфор (Монахов. 2003. С. 60. Табл. 34, 1–3; Birzescu. 2012. S. 167–168, 339. Taf. 65), представленные двумя горлами и ножкой⁴. Судя по тексту отчета, эти сосуды находились в нижнем ряду

³ Сокольский Н. И. Отчет о работах Таманской археологической экспедиции Института археологии АН СССР в 1970 г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН. P1–4251. С. 13.

⁴ Ограничения по количеству иллюстраций не позволяют нам привести все изображения амфор из комплекса. Но конечно же, они будут в полной публикации материалов.

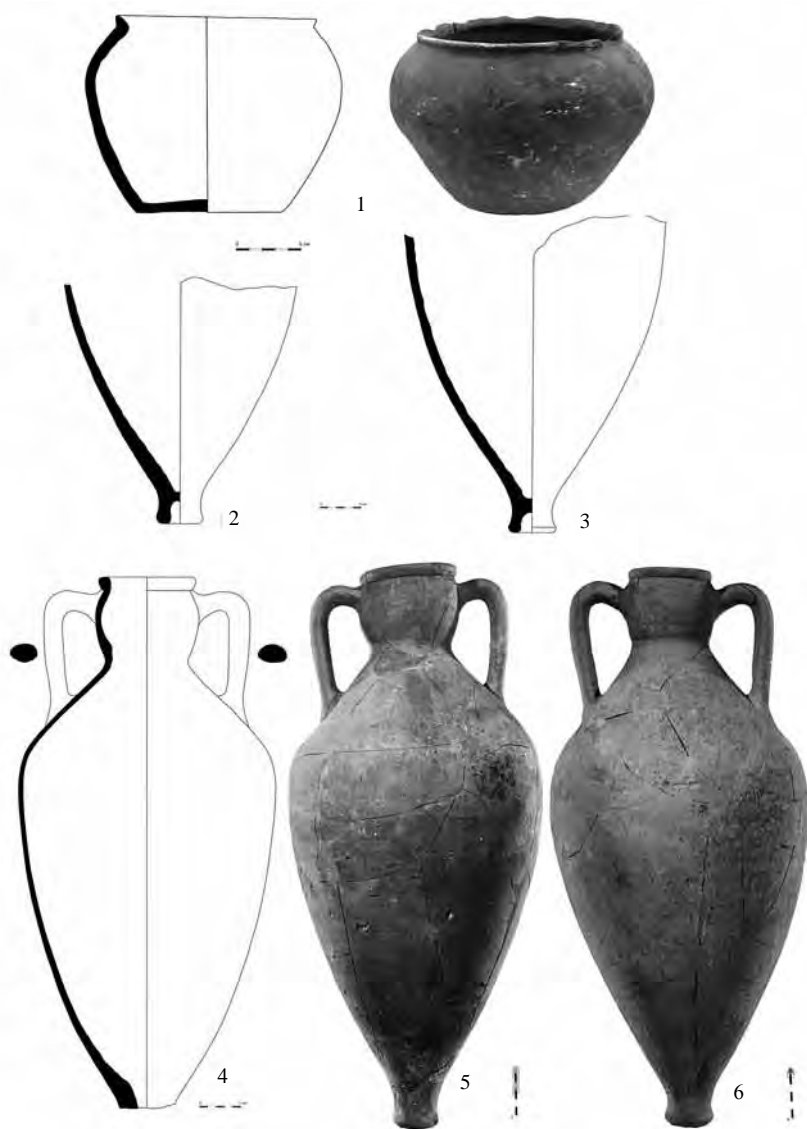

Рис. 2. «Архаический дом» в Кепе. 1-4 — рисунки С. С. Тищенко; 1 — фото Д. В. Журавлева; 5-6 — фото из отчета Н. И. Сокольского

склада⁵. Датировка их, в целом, достаточно широка — в пределах первой половины V в. до н. э. Близкая аналогия одному из наших горл с фактически невыраженным венчиком известна из заполнения хозяйственной ямы № 421 в Ольвии (Монахов. 1999. С. 85. Табл. 21, 1), где подобная амфора также соседствовала с хиосскими пухлогорлыми развитого варианта.

Сохранившиеся же в собрании Исторического музея хиосские амфоры, вероятно, относились к верхней части комплекса⁶. Именно они и датируют финальный этап гибели здания в пределах второй четверти V в. до н. э. Что же касается амфор из нижнего слоя подвала, датировка их вызывает вопросы. В отчёте о раскопках сказано, что они отличались от «верхних» нанесенными полосами красной краски по горлу, ручкам и тулову, а также отсутствием каких-либо знаков и граффити⁷. Это может натолкнуть на гипотезу о том, что в нижней части заполнения находились сосуды, относящиеся к более раннему варианту пухлогорлой хиосской тары — «с окрашенным венцом» (Монахов. 2003. С. 16–17. Табл. 3, 5–6, 4; Bîrzescu. 2012. S. 69–76. Taf. 33). Но описание того, что краска была нестойкая и при промывке не сохранялась, все-таки говорит о том, что мы имеем дело с тем же типом, что и в верхнем слое. Об этом же говорят и опубликованные фотографии в отчёте (рис. 2, 5–6).

Фрагменты расписной керамики. В Историческом музее хранится значительное число фрагментов аттической и восточно-греческой расписной керамики из раскопок 1970 г. в «архаическом доме» и вокруг него. Очевидно, что этот материал разновременный, и в целом датируется второй половиной VI — первой четвертью V в. до н. э. К сожалению, в отчёте Н. И. Сокольского нет информации о том, где был найден тот или иной фрагмент, поэтому понять связь этих фрагментов именно с домом, а не с пространством вокруг него или прорезавшими комплекс хозяйственными ямами непросто. Подробный анализ этих фрагментов достоин специального исследования, дадим лишь самый общий обзор этого материала⁸. Отметим, что вся расписная керамика датируется временем, значительно более ранним, чем амфорный материал.

⁵ Сокольский Н. И. Отчет о работах Таманской археологической экспедиции Института археологии АН СССР в 1970 г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р1–4251. С. 16.

⁶ Там же. С. 15.

⁷ Там же.

⁸ Мы признательны О. Ю. Самар (ГМИИ им. А. С. Пушкина) и У. Шлотцауер (Германский археологический институт) за помощь с определением расписной керамики.

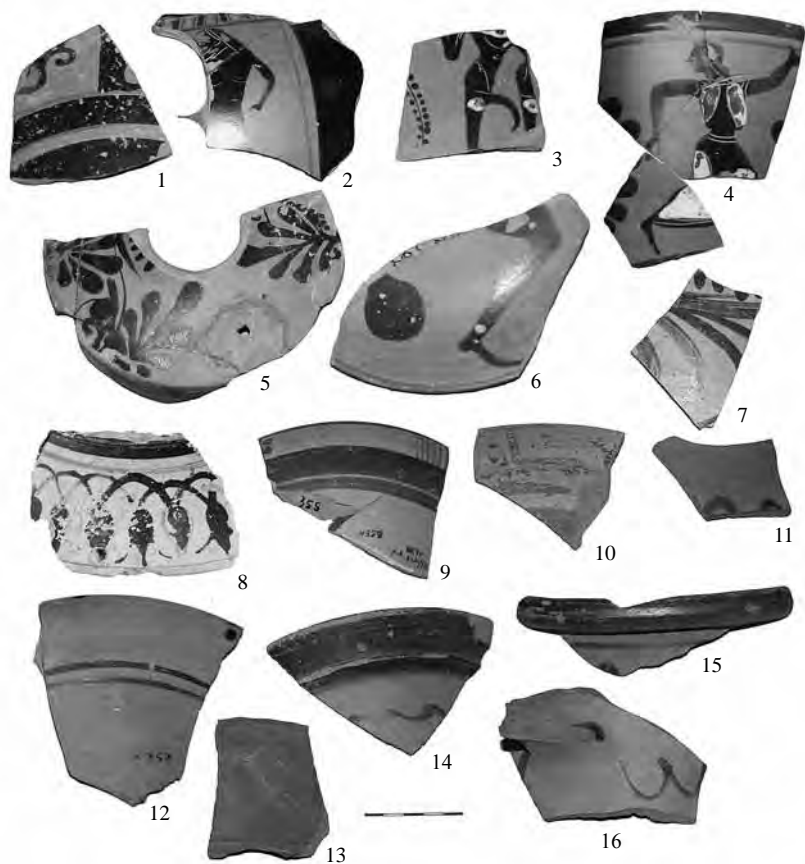

Рис. 3. «Архаический дом» в Кепах. Расписная керамика из комплекса и вокруг него. Фото Д. В. Журавлева

Среди наиболее интересных находок аттической чернофигурной керамики — фрагмент скифоса (рис. 3, 4) с изображением менады и боковой пальметты (Аттика, Класс А1, 540–520 гг. до н. э. Wraith Painter (?). — Ср.: Moore, Pease-Philippides. 1986. No. 1480), плечики чернофигурного лекифа (рис. 3, 5) с фризом пальметт (мастер Гелы, 500–490 гг. до н. э. — Ср.: Moore, Pease-Philippides. 1986. Nos. 869–877; CVA GELA 3, III.H.7, III.H.8, Pl. (2393) 16. 1–3, 5).

Среди восточно-греческой керамики, наряду с типичными ионийскими тарелками, выделим фрагмент крышки в стиле Фикеллура,

орнаментированный гирляндой из цветков и бутонов лотоса (рис. 2, 8). Наиболее близкой аналогией является фрагмент из раскопок Березани, который А. В. Буйских считает изделием из Пропонтиды (Буйских. 2019. С. 35–36. Рис. 29, 1.288). Наш же фрагмент, вероятно, северо-ионийского происхождения (Теос или Клазомены) и может быть датирован последней четвертью VI в. до н. э. Фрагменты сосудов северо-ионийского производства с орнаментом в виде волны могут быть отнесены к середине — второй половине VI в. до н. э. (ср.: Буйских. 2013. С. 116–120. Рис. 98, 9.11). Еще один фрагмент стиля Фикеллура с лунарным декором (рис. 2, 7), вероятно южно-ионийского производства, датируется 560–550 гг. до н. э. (ср.: Буйских. 2013. С. 23. Рис. 4, 1.45). Фрагмент тарелки с краем, орнаментированным меандром (рис. 2, 10), относится к стилю Wild Goat и может датироваться второй четвертью VI в. до н. э.

Лепной горшок (рис. 2, 1). Сосуд имеет широкое грушевидное тулово без орнамента, расширяющееся кверху, дно плоское, венчик слабо отогнут.

Кроме этого, в доме было найдено «культовое глиняное блюдо с рельефным орнаментом по краю на высокой профилированной подставке» (Усачева, Сорокина. 1984. С. 84. Рис. XLIV, 2), которое в настоящее время, видимо, хранится в Таманском музейном комплексе.

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют с осторожностью отнести строительство этого дома к последней трети VI в. до н. э., а его разрушение — ко второй четверти V в. до н. э.

Литература

- Буйских А. В. Архаическая расписная керамика из Ольвии (восточногреческая, лаконская, коринфская, имитации). Киев: Стародавній Світ, 2013.
- Буйских А. В. Архаическая расписная керамика из Борисфена (раскопки 1960–1980 гг.). Киев: ИА НАН Украины, 2019.
- Журавлев Д. В., Кузнецов В. Д. Кепы // Античное наследие Кубани. Т. I. М.: Наука, 2010. С. 540–555.
- Завойкин А. А., Кузнецов В. Д. Древнейшее общественное здание в Фанагории // ПИФК. № 4. 2011. С. 188–198.
- Кузнецов В. Д. Ранние типы греческого жилища в Северном Причерноморье // БС. 1995. № 6: В честь 60-летия профессора Г. А. Кошеленко. С. 99–125.
- Кузнецов В. Д. Архаический дом из Фанагории // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Вып. 2. Сборник научных трудов, посвященный 70-летию профессора В. П. Копылова. Ростов-на-Дону: Археологическое общество «Наследие» [и др.], 2018. С. 99–106.

Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н. э. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1999.

Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: каталог-определитель. М.; Саратов: Киммериды [и др.], 2003.

Сокольский Н. И. Новые раскопки в Кенгах // Actes de XIIe conférence internationale d'études classiques "Eirene". Bucureşti; Amsterdam, 1975. С. 615–619.

Усачева О. Н., Сорокина Н. П. Кепы // АГСП 1984. С. 84–86.

Bîrzescu Iu. Die archaischen und frühklassischen Transportamphoren // Histria. XV. Bucureşti, 2012.

Moore M. B., Pease-Philippides M. Z. Attic Black-Figured Pottery. Princeton, 1986. (The Athenian Agora. Vol. XXIII).

Sezgin Y. Arkaik Dönem Ionia Üretimi Ticari Amphoralar. Istanbul, 2012.

Н. Б. Чурекова

**АМФОРЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ
ГРЕЧЕСКИХ ПОЛИСОВ: ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ С ПЕЧАТНЫМИ
И ЭЛЕКТРОННЫМИ МУЗЕЙНЫМИ КАТАЛОГАМИ¹**

В научной литературе неоднократно отмечалось значение амфорного материала для определения характера и объёма торговых отношений эллинских полисов между собой и с варварской периферией. Всерьёз методику обработки амфорного материала начал разрабатывать И. Б. Брашинский. Среди условий, которым должен соответствовать этот вид источника, он выделял, прежде всего, массовость и синхронность (Брашинский. 1984). Разумеется, этим требованиям лучше всего отвечают керамические клейма и многочисленные находки фрагментов тарных сосудов. Зачастую для работы с амфорным материалом, прежде всего в силу его массовости, привлекают статистические методы (Чурекова. 2022, 2023). В основном работа ведётся с материалами отдельных памятников (Ломтадзе. 2000, 2005; Кузнецова. 2013), однако с появлением серии музейных каталогов (Монахов и др. 2016, 2017, 2019, 2020, 2021, 2022) и базы данных АРЕ² более реальной стала возможность работы с целыми сосудами.

Публикация амфорных собраний музеев России была начата коллективом Саратовского госуниверситета под руководством С. Ю. Монахова в 2015 г. За восемь лет были обработаны коллекции двенадцати музеев: Керченского (Восточно-Крымского), Феодосийского, Симферопольского (Музей Тавриды), Ялтинского, Херсонесского, Евпаторийского, Черноморского, Анапского, Темрюкского, Краснодарского, ГМИИ и Государственного Эрмитажа. Из них пять амфорных музейных собраний опубликовано (Монахов и др. 2016, 2017, 2019, 2020, 2021, 2022). Сейчас завершается подготовка к изданию ялтинской коллекции.

Все изданные каталоги включены в электронную базу, в которой каждая коллекция имеет условное обозначение АРЕ и соответствующую

¹ Исследование выполнено в рамках госзадания Минобрнауки № FSRR-2023-0006.

² URL: <https://ape.sgu.ru/>

Таблица 1

Распределение амфор по музеям и центрам производства

Центр пр-ва	АРЕ.І	АРЕ.ІІ	АРЕ.ІІІ	АРЕ.ІV	АРЕ.V	АРЕ.VІ	Всего	%
Ag.			1				1	0,06
Ak.					4		4	0,3
Am.						1	1	0,06
An.	1	1	3	2			7	0,45
Ch.	37	19	59	29		14	158	10,2
ChT.	1	45	19			3	68	4,4
Clh.	3	2	2			1	8	0,5
Cth.		1		3		1	5	0,32
Cph.			1				1	0,06
Er.	4	7	7	1	3	17	39	2,5
GI.					1		1	0,06
HP.	77	39	86	9	60	42	313	20,3
Ik.	9	13	5	1	26	18	72	4,7
Kl.	2		6	4		1	13	0,85
Kn.	3	10	1	3	18	31	66	4,27
Ks.	2	5	1	1	19	16	44	2,9
Ks-c.			2				2	0,15
LGR.	6	2	11	7		3	29	1,9
M.	1	1	1				3	0,2
Md.	14	11	11	3	75	29	143	9,2
Md-c.	1						1	0,06
Mr.	4	1	2	1	2	2	12	0,8
NA.	7	1	14	7		7	36	2,3
Pn.		1					1	0,06
Pp.	8	5	11	3	1		28	1,8
Pr.		1		1			2	0,13
PS.						27	27	1,8
Rh.	2	5	7	2		31	47	3
Rh-c.						1	1	0,06
Rm.				1			1	0,06
Sm.		1	3				4	0,3
Sn.	21	27	13	3	35	32	131	8,5
T.			2	1		1	4	0,3
Th.	32	6	31	13	59	26	167	10,8
Th-c.	2		4			2	8	0,5
Un.	5	6	7	7	21	43	89	5,7
WP.		3	2	2			7	0,45
Всего	242	213	312	104	324	349	1544	100

щий номер: I — Керченский музей; II — «Херсонес Таврический»; III — Государственный Эрмитаж; IV — ГМИИ им. А. С. Пушкина; V и VI — Краснодарский музей. Структура базы отчасти повторяет печатные издания. Амфоры сгруппированы по центрам производства³, имеется раздел, в котором представлены описания опубликованных керамических комплексов, на отдельных страницах размещены списки литературы (со ссылками), краткие биографии исследователей и др. При этом несомненным плюсом электронной базы является возможность использования системы поиска. Критериями могут выступать центр производства амфоры, состав комплекса, дата амфоры и клейма, имена магистратов и фабрикантов и т. д. Ресурс постоянно совершенствуется, основная его задача облегчить исследователям определение материала и поиск аналогий. Однако он может использоваться и для различных интерпретаций материала (Чурекова. 2022; 2023), и для реконструкции моделей торговых отношений в северо-причерноморском регионе.

Особенностью работы с музейными коллекциями является, в первую очередь, сам представленный в них материал, который, как в печатных каталогах, так и в базе данных, представляет собой довольно специфическую выборку. При пополнении собраний музеев зачастую отдают предпочтение целым сосудам, желательно с клеймами, дипинти и граффити. К тому же в такие крупные центральные музеи, как Государственный Эрмитаж и ГМИИ им. А. С. Пушкина, материалы раскопок сдавались только в тех случаях, если исследования велись сотрудниками, благо в обоих музеях археологии уделяется огромное внимание, и в их фондах хранятся находки с многих памятников Северного Причерноморья. Зачастую же формирование собрания амфор происходит в результате дарений или поступления крупных коллекций. Именно так произошло, например, в Ялтинском историко-литературном музее, куда была передана коллекция великого князя Александра Михайловича Романова (Кузнецова и др. 2023). Есть и исключения из подобной практики: например, коллекция из Прикубанского некрополя была сдана в Краснодарский музей полностью, и за исключением нескольких сосудов мы располагаем полным набором находок, включая амфоры и материалы комплексов.

Также нельзя не учитывать, что в музеи, как правило, сдают материалы археологических раскопок с близлежащей территории, исключение составляют ГМИИ и Эрмитаж. Это в свою очередь определяет географию и хронологию музейных амфорных собраний. В керчен-

³ Каждый центр обозначен специальным сокращением, например, Гераклея Понтийская — НР, Heraklea Pontica и т. д.

ском музее представлены почти исключительно материалы, происходящие с поселений, некрополей и курганов Керченского полуострова: Пантикапея, Мирмекия, Нимфея, Тиритаки, поселений Европейского Боспора на Азовском и Черноморском побережье и т. д. Большое количество амфор происходит из охранных раскопок на территории Керчи и не может быть соотнесено с каким-то конкретным памятником. Присутствуют в собрании и сосуды, чьё происхождение вообще неизвестно (71 экз.), или поднятые из моря (28 экз.). Причём так как Керчь в советское время являлась крупным портовым городом, то в музей активно поступали находки не только из вод, омывающих Крым (Керченский пролив, акватория близ мыса Опук, Феодосии, Ялты, Судака, Севастополя), но и сделанные у берегов Анапы и даже у о. Змеиный. Большое значение, конечно же, имеет работа с комплексами. При работе с коллекцией в Симферополе была обнаружена амфора Пепарета, в книге поступлений значилось, что она принесена в дар и происходит из раскопок кургана на Юз-Обе. По морфологическим характеристикам и ряду других признаков (метрические показатели, дипинто «К», полосы красной краски) велика вероятность, что она может происходить из комплекса тризны Змеиного кургана (Монахов и др. 2016. С. 39), большая часть материалов которого хранится в керченском музее (ass.3-АРЕ.1).

В Херсонесском музее отмечается примерно такая же картина — в основном здесь хранятся находки из раскопок самого Херсонеса, а также с территории Гераклеяского полуострова. В этой коллекции мало сосудов, поднятых со дна моря (девять экз.), и интересно, что большая часть беспаспортных амфор (всего 31 экз.) соотносится с дореволюционными раскопками К. К. Косцюшко-Валюжинича, но при этом установить точное место находки невозможно.

Самое большое разнообразие в происхождении амфор можно наблюдать в коллекции Эрмитажа. Во-первых, в музей поступали находки из разных регионов России. В особенности это относится к дореволюционным раскопкам. Здесь и материалы из курганов лесостепи, и курганных некрополей Нижнего Дона и Кубани, из раскопок античных городов Северного Причерноморья — Пантикапея, Мирмекия и т. д. Особое место в коллекции занимают материалы исследований Березани и Ольвии. Есть и амфоры (43 экз.), происходящие из частных коллекций или переданные из собраний различных учреждений (ИАК, Русского археологического института в Константинополе, ГАИМК и т. д.), естественно, принадлежность таких сосудов к конкретным памятникам установить невозможно.

Коллекция ГМИИ сама по себе небольшая, и хранящиеся здесь сосуды в основном происходят из раскопок на Таманском полуострове

(Фанагория, Гермонасса, Кепы, Тирамба) и в Пантикапее, которые проводили сотрудники музея М. М. Кобылина, А. К. Коровина, Е. А. Савостина, В. П. Толстикова и др. Здесь всего двенадцать амфор поступили из разного рода дарений и покупок. Четыре сосуда подняты из моря, при этом с одним из них связана интересная история: удалось установить, что амфора была произведена в одном из помещений представителя знатного римского рода Сестиев и, возможно, происходит из знаменитого кораблекрушения Гран-Конглуэ близ Марселя (Монахов. 2020).

Амфоры из собрания Краснодарского музея были опубликованы в двух томах (Монахов и др. 2021, 2022). Это самая большая в России и, вероятно, в мире коллекция амфор, всего нами было обработано 673 сосуда. Из них 324 происходят из Прикубанского некрополя (АРЕ.V), эти материалы составляют 43,6% от общего количества амфор, представленных в базе АРЕ на сегодняшний день. Для сравнения, на втором месте собрание Государственного Эрмитажа — 312 экз. (20,2%), затем Керченский, Херсонесский музеи и ГМИИ — 242 (15,7%), 213 (13,8%) и 104 (6,7%) экземпляров соответственно (табл. 1).

Как уже было сказано, почти половина амфор краснодарской коллекции происходит из Прикубанского некрополя, остальные, по большей части, из меотских могильников, расположенных вблизи Краснодара (близ хуторов Прикубанский и Ленина, у станиц Старокорсунская, Елизаветинская, Марьянская, Пашковская и др.). Однако здесь также присутствуют немногочисленные материалы с более отдаленных от Краснодара памятников, например с Тамани. Амфор, чье происхождение неизвестно, здесь зафиксировано 44 экз., причём у большинства из них шифр утерян уже после поступления в музей.

К сожалению, в сжатом формате данной публикации нет возможности остановиться на ещё целом ряде специфических особенностей работы с музейными коллекциями при характеристике экономических моделей в античном Северном Причерноморье, отметим только, что амфорный материал обладает колоссальным потенциалом, а использование статистических данных в ряде случаев даёт результаты, совпадающие с теми выводами, которые сделаны на основании работы с отчетами или непосредственно с находками из раскопок памятников.

Литература

- Брашинский И. Б. Методы исследования античной торговли. Л.: Наука, 1984.
- Кузнецова Е. В. Экономические связи античных поселений Азиатского Боспора в VI–III вв. до н. э. (по данным керамической тары). Дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2013.

- Кузнецова Е. В., Монахов С. Ю., Чурекова Н. Б. Амфоры позднеархаического и раннеклассического времени из коллекции Ялтинского музея // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. VII международная научная конференция (Севастополь, 29 мая — 4 июня 2023 г.) (в печати).
- Ломтадзе Г. А. Сравнительные объемы импорта по амфорному материалу усадьбы «Бакланья скала» // ДБ. 2000. Т. 3. С. 97–103.
- Ломтадзе Г. А. Античный импорт на Боспоре в IV — начале III вв. до н. э. (опыт количественного анализа по материалам керамической тары). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2005.
- Монахов С. Ю. Подарок вождю: римская амфора с клеймом Сестия из ГМИИ // Нижневолжский археологический вестник. 2020. Т. 19. № 2. С. 306–310.
- Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Федосеев Н. Ф., Чурекова Н. Б. Амфоры VI–II вв. до н. э. из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника: каталог. Керчь; Саратов: Новый проект, 2016.
- Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. Амфоры V–II вв. до н. э. из собрания Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»: каталог. Саратов: Новый проект, 2017.
- Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чистов Д. Е., Чурекова Н. Б. Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI–II вв. до н. э.: каталог. Саратов: Амрит, 2019.
- Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Толстиков В. П., Чурекова Н. Б. Амфоры VI–I вв. до н. э. из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Саратов: Амрит, 2020.
- Монахов С. Ю., Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. Амфоры Прикубанского некрополя IV — начала III в. до н. э. (из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына). Саратов: ООО «Волга», 2021.
- Монахов С. Ю., Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. Амфоры VI–I вв. до н. э. из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына. Саратов: Амрит, 2022.
- Чурекова Н. Б. О возможностях использования статистических методов при работе с базой АРЕ // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. VI международная научная конференция (Севастополь, 3–7 октября 2022 г.): материалы конференции. Москва, 2022. С. 459–468.
- Чурекова Н. Б. Статистические методы при работе с амфорными каталогами и базой АРЕ // АМА. 2023. Вып. 21. С. 226–239.

В. П. Колосов, А. А. Гиблова

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ ТАРНЫХ АМФОР ГЕРАКЛЕИ ПОНТИЙСКОЙ

Амфоры производства Гераклеи Понтийской в большом количестве встречаются в материалах из раскопок археологических памятников Северного Причерноморья. Впервые выделенные Б. Н. Граковым (Граков. 1926), амфоры этого центра изучались И. Б. Зеест (Зеест. 1948), над их типологией успешно работал И. Б. Брашинский (Брашинский. 1984). Впоследствии типологическая схема была дополнена С. Ю. Монаховым: сосуды разделены на четыре типа (I, II, III и IV), где первый и второй имеют дополнительные варианты I-A и II-A¹. Тип I характеризуется округлыми формами тулова (пифоидный), подтип I-A отличается увеличением высоты и уменьшением диаметра амфор; тип II имеет форму тулова, приближенную в сечении к конусу (конический), а подтип II-A продолжает развитие типа II. Тип III по форме близок к амфорам производства Фасоса (биконический). Форма типа IV, т. н. «джаферки», является подражанием продукции Книда и Коса (Монахов. 2003. С. 123–143).

Несмотря на многолетнюю историю изучения морфологии гераклейских амфор ещё не реализован весь потенциал современных аналитических возможностей. Степень значимости признаков остается не до конца очевидной. Кроме того, некоторые из признаков сложно однозначно формализовать и определить градацию их вариантов, например степень кривизны сложно изогнутых контуров тулова. Между тем современные методы многомерной статистики позволяют выявить наиболее значимые для дифференциации признаки, оценить изменчивость сложных геометрических форм и визуализировать полученные данные.

Целью работы являлась оценка сходства и различия сосудов на основе морфологических характеристик. В задачи работы входило

¹ Здесь дается только краткое описание морфологических особенностей типов. Подробнее см.: Брашинский. 1984; Монахов. 2003.

определение основных направлений морфологической изменчивости, дифференциация сосудов на основе этой изменчивости и сопоставление полученной картины с общепризнанной типологической схемой.

Материалами для анализа послужили опубликованные данные амфорных коллекций ряда российских музеев. Работа велась с профильными изображениями сосудов (Монахов. 2003; Монахов и др. 2016; Монахов и др. 2017; Монахов и др. 2019; Монахов и др. 2020; Монахов и др. 2021; Монахов и др. 2022).

Общее число амфор в выборке составило 186². В качестве хронологических маркеров сосудов были использованы клейма с определением времени бытования по классификации В. И. Каца (Кац. 2007).

Методической основой анализа послужили статистические методы. Различия в криволинейных формах сосудов оценивались с применением методов геометрической морфометрии и анализа главных компонент³. Суть данных методов состоит в оценке различий формы объектов на основе сопоставления положения характерных точек (так называемых «landmarks»), гомологичных для всех объектов выборки (Васильев и др. 2018. С. 46 и далее). Точки-ландмарки были расставлены с учётом оценки максимально возможных изменений общего контура (рис. 1, 1). Аналогично расставлялись точки на симметричной стороне контура амфоры. Для сосудов с искаженной симметрией учитывались усредненные формы. Анализ полученного после совмещения объектов облака точек (рис. 1, 2) производился методом главных компонент.

В первой компоненте (ГК 1; 57 %) тулово амфор различается от вогнутой формы стенок к округлым (рис. 1, 3). Во второй компоненте (ГК 2; 22 %) — от S-образных к прямым (рис. 1, 4). В третьей компоненте (ГК 3; 8 %) сосуды различаются по степени «стройности» — от приземистых к вытянутым (рис. 1, 5).

Анализ формы амфор показал разделение на три группы (рис. 1, 6). Первую группу «а» образует сгущение, где находятся объекты с округлыми формами и низкой ножкой. Во второй группе «б» представлены сосуды, стенки которых очень слабо изогнуты, нижняя часть тулова по форме близка к конусу. Наконец, в третьей группе «в» сосредоточены объекты, тулово которых имеет вогнутые стенки. Между группами «а» и «б» присутствует некоторое количество переходных

² В выборку не были включены амфоры типа «джаферка» из-за специфичности их формы.

³ В программах tpsDig и MorphoJ и Statistica 8.0.

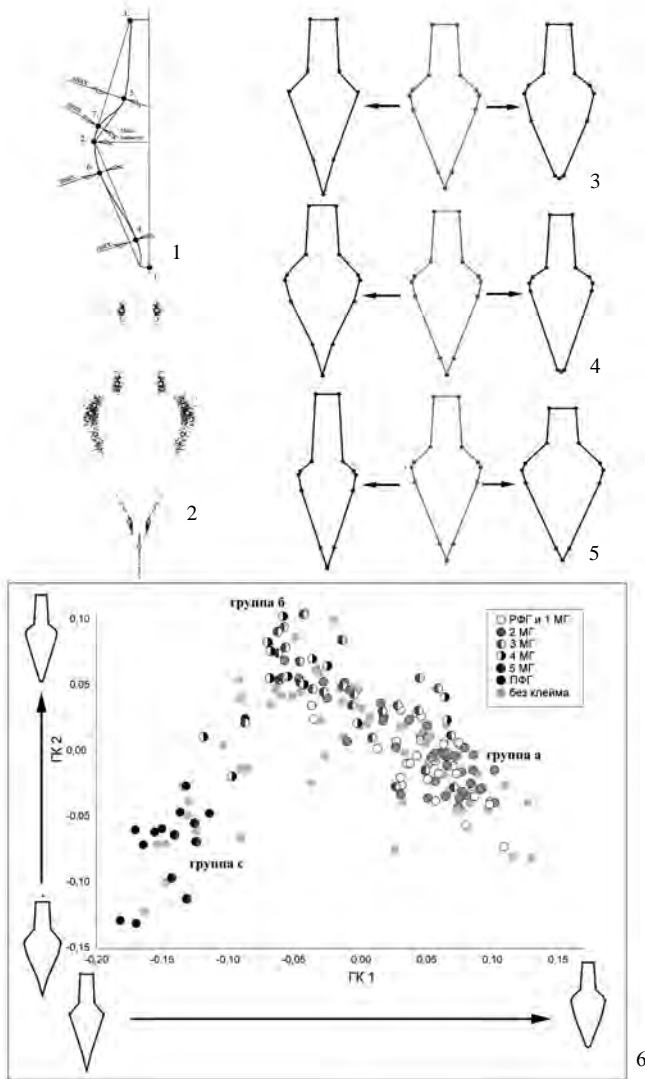

Рис. 1. 1 — схема расстановки точек-ландмарков; 2 — облако точек-ландмарков при совмещении всех объектов выборки; 3–5 — основные направления изменчивости (главные компоненты). Чёрным цветом обозначены крайние формы, серым — средняя форма тулова по выборке: 3 — ГК 1, стенки тулова меняются от вогнутых к округлым; 4 — ГК 2, стенки тулова меняются от S-образных к прямым; 5 — ГК 3, пропорции сосудов меняются от «приземистых» к «стройным»; 6 — диаграмма рассеяния по 1 и 2 главным компонентам.

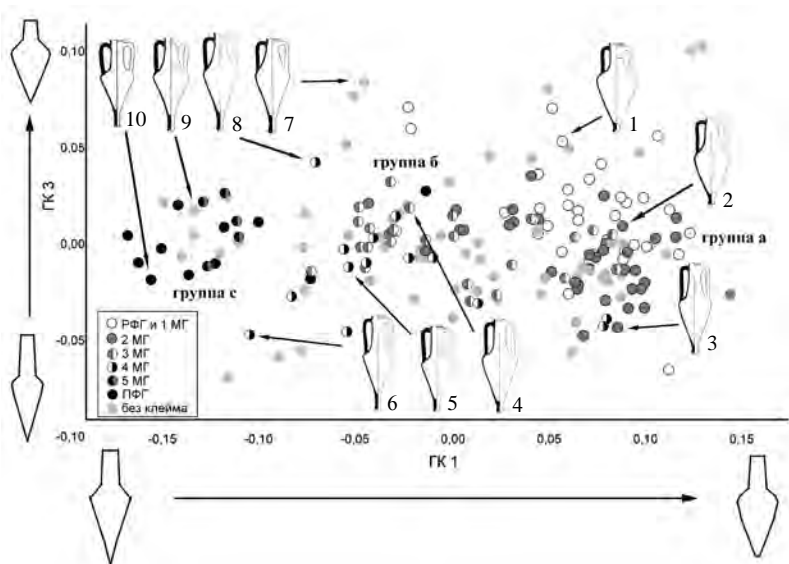

Рис. 2. Диаграмма рассеяния по 1 и 3 главным компонентам. Примеры объектов выборки, отражающие основные направления развития формы сосудов. Тип I: 1 — «пифоидный» (по: Монахов и др. 2017. Кат. НР.3); 2 — наиболее массовая форма (по: Монахов и др. 2019. Кат. НР.61); 3 — тип I-A (по: Монахов и др. 2021. Кат. НР.26). Тип II: 4 — ранняя форма (по: Монахов и др. 2019. Кат. НР.73); 5 — «стройная» форма (по: Монахов и др. 2019. Кат. НР.69); 6 — «стройная» форма с высокой ножкой (по: Монахов и др. 2019. Кат. НР.81). Тип III: 7 — ранняя биконическая форма (по: Монахов и др. 2021. Кат. НР.57); 8 — биконическая форма (по: Монахов и др. 2016. Кат. НР.70); 9 — поздняя биконическая форма (по: Монахов и др. 2021. Кат. НР.60); 10 — тип II-A (по: Монахов. 2003. Табл. 95–5).

объектов. Группа «в» более обособлена и уступает им в количественном отношении.

Анализ по третьей компоненте отражает изменчивость сосудов по степени «стройности-приземистости» (рис. 2). Амфоры группы «а» имеют значительный размах значений, при этом сосуды «приземистых» форм (с высокими значениями по вертикальной оси) большей частью имеют клейма РФГ и I МГ групп. В сгущении «б» наблюдается сходное распределение: амфоры с клеймами II МГ имеют высокие значения по вертикальной оси, III МГ — средние, на амфорах стройных пропорций с высокими ножками присутствуют клейма IV МГ группы. В сгущении «в» сгруппированы все амфоры, которые относятся

к варианту конического типа II-а. Они демонстрируют высокую степень сходства друг с другом. Амфоры типа III частично занимают промежуточное положение между группами «б» и «в», а частично входят в группу «в»⁴. Клейма на амфорах данного сгущения исключительно 5 МГ и ПФГ групп.

С учётом датировки клейм и результатов анализа морфологии, можно реконструировать направления развития формы сосудов. Амфоры всех трёх типов, выделенных И. Б. Брашинским (I, II, III), образуют три независимые группы. Эволюция формы в каждом из сгущений направлена на постепенное увеличение высоты сосудов и приобретение более стройных пропорций. При этом среди объектов типа I нет отчётливого разделения на варианты I (пифоидный) и I-A, которые скорее являются крайними формами (рис. 2, 1, 3). Большая часть сосудов данного типа занимает промежуточное положение между ними (рис. 2, 2). Тип II (конический), помимо изменения в сторону стройных пропорций, характеризуется изменением формы тулова, сопровождающимся увеличением относительной высоты ножки (рис. 2, 4–6). Стоит отметить, что наиболее вытянутые амфоры I и II типов близки по своим общим пропорциям, но отличаются по степени изогнутости стенок тулова, что отражается в значениях координат по первой компоненте (рис. 2, 3, 6). Амфоры биконической формы (рис. 2, 7–9), относящиеся по типологии И. Б. Брашинского к типу III, постепенно эволюционируют в сосуды с вогнутыми стенками. Наиболее интересным является то, что поздние биконические амфоры (рис. 2, 9) морфологически примыкают к сосудам, которые по своей форме отнесены к типу II-A (рис. 2, 10), в то время как связи между амфорами типа II и II-A, наоборот, не наблюдается. Другими словами, особенности формы тулова показывают, что группа амфор II-A является скорее завершающим этапом развития биконического, чем конического типа сосудов.

В конечном итоге можно описать результаты проделанного анализа в следующем виде. Во-первых, выявлены три основных направления изменчивости тулова: от округлого тулова к вогнутому, от прямых стенок к S-образным, от «приземистых» пропорций к «стройным». Во-вторых, на основе выявленных направлений изменчивости получена дифференциация сосудов на три независимые группы, при этом датировка амфорных клейм отражает этапы по-

⁴ При анализе использованы определения типов, приведенные в публикациях: Монахов, 2003; Монахов и др. 2016; Монахов и др. 2017; Монахов и др. 2019; Монахов и др. 2020; Монахов и др. 2021; Монахов и др. 2022.

следовательного развития формы сосудов. В-третьих, полученные группы совпадают с типами, выделенными И. Б. Брашинским: тип I (пифоидный), тип II (конический) и тип III (биконический). Деление внутри типов на варианты анализ не подтвердил. Вариант I-A является поздней формой типа I, но не выделяется в отдельную группу. Вариант II-A морфологически не принадлежит к типу II, а более близок к III типу (биконических амфор), являясь завершающим этапом их развития.

Результаты проделанного анализа, безусловно, не дают полного основания для пересмотра уже сложившейся типологии. Полученные результаты не являются окончательными, но позволяют проследить сходство и различия сосудов на основе морфологических признаков. Возможно, дальнейший анализ, сопровождающийся расширением выборки и привлечением всей полноты накопленных данных, позволит в будущем уточнить эволюцию формы данной группы сосудов.

Литература

- Брашинский И. Б.* Вопросы хронологии керамических клейм и типологического развития амфор Гераклеи Понтийской // НЭ. 1984. Вып. XIV. С. 3–22.
- Васильев А. Г., Васильева И. А., Шкурихин А. О.* Геометрическая морфометрия: от теории к практике. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2018.
- Граков Б. Н.* Энглические клейма на горлах некоторых эллинистических остро-донных амфор // Тр. ГИМ. 1926. Вып. 1. С. 165–206.
- Зеест И. Б.* О типах гераклеийских амфор // КСИИМК. 1948. Вып. XXII. С. 48–52.
- Кац В. И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // БИ. 2007. Т. XVIII.
- Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: каталог-определитель. М.; Саратов: Киммериды [и др.], 2003.
- Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Толстиков В. П., Чурекова Н. Б.* Амфоры VI–I вв. до н. э. из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Саратов: Амирит, 2020.
- Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Федосеев Н. Ф., Чурекова Н. Б.* Амфоры VI–II вв. до н. э. из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Каталог. Керчь; Саратов: Новый проект, 2016.
- Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чистов Д. Е., Чурекова Н. Б.* Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI–II вв. до н. э.: каталог. Саратов: Амирит, 2019.
- Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б.* Амфоры V–II вв. до н. э. из собрания государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»: каталог. Саратов: Новый проект, 2017.

Монахов С. Ю., Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б.
Амфоры Прикубанского некрополя IV — начала III в. до н. э. Саратов: ООО «Волга», 2021.

Монахов С. Ю., Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б.
Амфоры VII–I вв. до н. э. из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицина. Саратов: Амрит, 2022.

Е. В. Кузнецова, Д. А. Шелепов

ПЕТРОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГЛИН КНИДСКИХ АМФОР¹

За последние несколько лет, благодаря работам с музейными амфорными коллекциями, удалось внести некоторые коррективы в том числе в типологию и хронологию книдских амфор. В частности, анализируя комплексы из меотских некрополей Прикубанья, удалось установить последовательность сменяемости вариантов сосудов в рамках I типа (Монахов, Кузнецова. 2021). Кроме того, к продукции Книда предположительно были отнесены несколько сосудов, морфологические особенности которых напоминают хорошо известные амфоры этого производственного центра, но не идентичны им (Монахов, Кузнецова. 2021. С. 190. Рис. 3, 7).

Тарная продукция Книда надёжно идентифицируется начиная со второй четверти IV в. до н. э. При этом целые формы происходят преимущественно из раскопок памятников Северного Причерноморья. Вероятно, именно по этой причине зарубежные исследователи с уверенностью оперируют лишь материалами, датирующимися с конца IV — начала III в. до н. э. Принимая во внимание отсутствие практики систематического клеймения в данном полисе на раннем (известном на сегодняшний день) этапе амфорного производства, вопрос о надёжности локализации сосудов второй — третьей четвертей IV столетия остаётся (Болонкина и др. 2019. С. 281–282 с лит.). Помочь в приближении к истине нам могут естественно-научные методы. Наиболее доступным из известных в археологическом источниковедении подходов является минералого-петрографическое изучение глин амфор. Подобные анализы применительно к книдским сосудам и клеймам проводились и ранее, но ввиду ограниченного объёма статьи мы не будем останавливаться на историографии проблемы².

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00375, <https://rscf.ru/project/22-28-00375/>.

² Некоторые сведения содержатся в статье: Болонкина и др. 2019. С. 275–276 с лит.

Для исследования были использованы сколы глин с целых и фрагментированных амфор, локализованных с учётом их морфологических особенностей. Основная коллекция образцов была предоставлена в распоряжение научного коллектива С. Ю. Монаховым, за что авторы выражают ему искреннюю признательность. Выборку удалось также пополнить благодаря разрешению С. Л. Соловьёва и помощи начальников участков на южном пригороде Херсонеса в 2021 г. (Кузнецова, Растегаева. 2022. С. 110–111). В целом было изучено 23 образца, среди которых присутствуют и сколы с клейм. Последнее особенно важно, т. к. эти экземпляры являются эталонными в нашем исследовании. В анализируемую выборку были включены и образцы глин амфор, отнесенных к книдскому производству лишь предположительно, на основании некоторых внешних особенностей и визуальных характеристик глин (рис. 1, 5–7), а также взятые с клейм, чьё книдское происхождение также не бесспорно. Особо следует подчеркнуть, что во время изучения шлифов все они были «обезличены». Таким образом, специалист не был осведомлён о существующих сомнениях в верности локализации сосудов, а также о предположениях об их возможной принадлежности. Для проверки результативности минералого-петрографического метода в выборку преднамеренно были добавлены сколы с родосского и херсонесского оттисков.

Детальная характеристика применявшейся методики и подробный разбор полученных результатов на момент написания данной заметки готовятся к печати. Здесь же мы ограничимся лишь некоторыми замечаниями.

В ходе минералого-петрографического исследования вся изученная выборка разделилась по компонентному составу на четыре неравномерные группы. В «группу А» вошли 9 образцов³. Сосуды, с которых они получены, принадлежат трём вариантам двух разных типов (I и IV⁴) и датируются в пределах второй — последней четвертей IV в., может быть, самого начала III в. до н. э. В эту группу вошли и сколы с двух амфор, имеющих клейма ПАΘ (Кузнецова и др. 2022б), принадлежность которых к Книду надёжно установлена, благодаря

³ № 18 — Монахов. 1999. С. 444. Табл. 103, 1; № 278 — АРЕ: АРЕ.VI-Кн.18; № 50 и № 90 — Кузнецова и др. 2022б; № 166, 168, 219 — АРЕ: АРЕ.V-Кн.11; АРЕ.V-Кн.10; АРЕ.V-Кн.14 соответственно и ещё два фрагментированных сосуда. Номера образцов соответствуют порядковым номерам сколов глин в коллекции, предоставленной С. Ю. Монаховым и пополняющейся в настоящее время. Они присваиваются экземплярам по мере их включения в выборку и охватывают образцы глин амфор всех производственных центров, без разбивки.

⁴ По типологии С. Ю. Монахова.

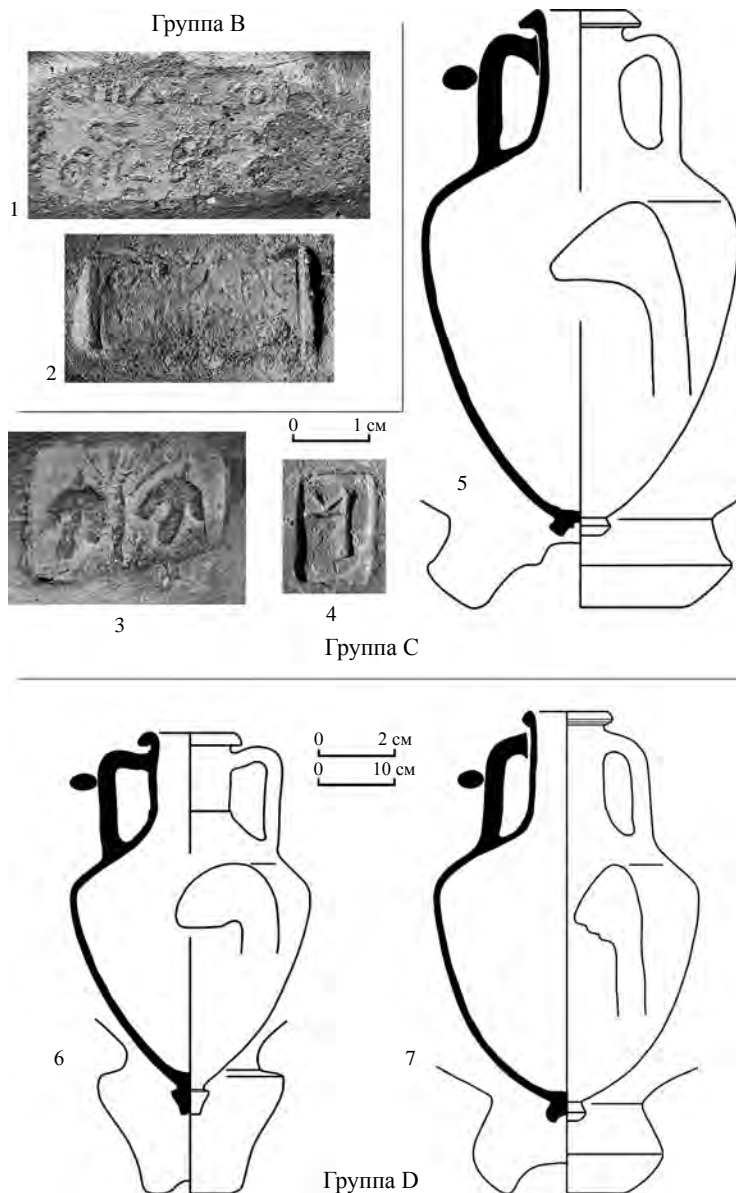

Рис. 1. Клейма и сосуды разных петрографических групп. Книд: 1, 2 — «группа В» (№ I-Кп.3, I-Кп.2); неустановленные центры производства: 3–5 — «группа С» (№ 158, 279, I-Кп.1 соответственно); 6, 7 — «группа D» (№ 192, 143)

Таблица 1

Компонентный состав глин изучаемых образцов

Компонент / № обр.	Группа А	Группа В	Группа С	Группа D
Основная масса гидрослюдисто-глинистая с пелитовым кварцем и ГОЖ	+	+	+	+
Кварц волнистого угасания	+	+	+	в 1 обр.
Кварциты	+	+	+	–
Кварциты (яшмоиды)	+	–	–	в 1 обр.
Плагиоклаз	+	+	+	не во всех обр.
Калиевый полевой шпат (микроклин, ортоклаз)	–	–	не во всех обр.	+
Обломки основных (средних) пород	–	–	–	в 1 обр.
Обломки метаморфических кварц-мусковитовых (серицитовых) пород	–	+	–	не во всех обр.
Пироксен	–	–	в 1 обр.	в 2 обр.
Амфибол (рог. обманка)	–	–	в 1 обр.	+
Биотит	–	–	–	в 1 обр. до 5–10 %
Мусковит (серицит)	+	+	не во всех обр.	не во всех обр.
Иддингсит?	редко	+	–	в 1 обр.
Обломки гематита	+	–	–	в 1 обр.?
Обособления красно-коричневые (шамот)	+	+	в 1 обр.	в 1 обр.
Кальцит крупнокристаллический	–	редко	–	–
Кальцит пелитоморфный	+	+	не во всех обр.	ед. в 1 обр.
Карбонатная органика (обломки)	–	+	в 1 обр.	–
Пористость	5–7	2–3	3–10	2–10
Псаммитовая фракция, %	1–2	1	1	1–7
Алевритовая фракция, %	5–10	5–10	10–20	7–15
Температура обжига, ~°С	800–850	800–850	750–900	800–900

сборам с керамических свалок у мастерских (Empereur. 1988. P. 159, 160; Ефремов. 2018. С. 542–543 с лит.). Помимо клеймённых, в данном ряду оказались 2 сосуда с высоким цилиндрическим горлом и грибовидным венцом (№ 166, № 168), а также 4 амфоры с коническим горлом и кубаревидной ножкой (№ 18, 219, 278, 280). Принимая во внимание наличие клейм, мы можем обоснованно утверждать, что все экземпляры, вошедшие в петрографическую «группу А», были изготовлены в Книде.

Во вторую «группу В» выделились 5 образцов⁵. Целый сосуд и амфора без ножки (№ 282 и 221 (последняя — с клеймом «Е» в круглой рамке)) представляют собой стандартные образцы квидской тары II типа и датируются последней третью IV столетия. Еще один скол глины взят с фрагментированного сосуда того же типа (№ 20), чуть более позднего времени — конца IV — начала III в. до н. э. Еще два образца получены с клейм, найденных в южном пригороде Херсонеса⁶ (рис. 1, 1, 2). Первое клеймо (№ I-Кн.3) уверенно восстанавливается: ἐλί Δράκων|τος [Ἐλιφάνευς] | Κνίδιο[v] «пчела»; относится к VI хронологической группе по классификации Н. В. Ефремова и датируется 146–114/110 гг. (Jefremow. 1995. S. 189. Nr. 399–400 — эмблема указана неверно, как «лист»). Второе клеймо (№ I-Кн.2) в отсутствие протирки надёжно прочесть не удалось, но его квидская принадлежность не вызывает сомнения, а наличие характерной для фабрикантов Драконта и Драконтомена рамки позволяет отнести его к IV (215–166 гг.) или V (166–146 гг.) хронологической группе. Опираясь на сходство глин амфор и квидских клейм, принадлежность всей петрографической «группы В» к производству Книды также не вызывает сомнений. Более того, особо подчеркнем, что практически идентичный характер теста образцов амфор, хронологически разделенных продолжительным периодом в 150 лет, даёт возможность говорить о сохранении традиционных для местного гончарного производства приёмов подготовки сырья.

Особый интерес для нас представляют экземпляры, объединенные в группы С и D. В «группу С», имеющую некоторые близкие характеристики с первыми двумя группами, но все же значительно отличающуюся по компонентному составу, попали 4 образца. Два фрагмента принадлежат амфорам из погр. № 88 (рис. 1, 5; APE: APE.V-Un.3) и № 202 (APE: APE.V-Kn.7) Прикубанского некрополя.

⁵ Сосуды: № 20 — Монахов. 1999. С. 444. Табл. 103, 2; № 221 — APE.VI-Kn.14; № 282 — APE.VI-Kn.22.

⁶ Чтение и атрибуция клейм выполнены Н. В. Ефремовым, за что мы выражаем ему свою благодарность.

Еще один скол происходит с монограммного клейма (№ I-Kn.1, рис. 1, 4)⁷. Четвёртый образец получен с ручки, на которой оттиснуто прямоугольное клеймо с изображением двух виноградных гроздей, вертикально разделенных веткой (№ 279, рис. 1, 3). Такие штампы в настоящее время относят к ранним клеймам Книда (Болонкина и др. 2019. С. 299, 317. № КН 89.1–89.3. Табл. 9 — КН 89.1). Сопоставление компонентного состава образцов всех трёх групп позволяет с высокой долей уверенности говорить о том, что сколы «группы С» не имеют отношения к квидским глинам. Более того, сосуды и клейма, по всей видимости, были изготовлены в разных центрах. Впрочем, мы не можем до конца исключить возможность изготовления этих сосудов в другом районе довольно протяженного Квидского полуострова. Однако в настоящее время у нас нет оснований связывать экземпляры, вошедшие в «группу С», с продукцией квидских мастерских.

Наконец, в «группе D» объединились экземпляры, компонентный состав которых разительно отличается не только от образцов предыдущих трёх групп, но и внутри самой «группы D». Именно в её состав попали сколы с двух клейм других центров производства — Родоса и Херсонеса Таврического⁸. В эту же группу попали фрагменты с трёх амфор неустановленных центров производства. Одна из них была обнаружена в погребении № 381в могильника Старокорсунского городища № 2 (Кузнецова и др. 2023б; АРЕ: АРЕ.VI-Kn.31). Вторая небольшая амфора происходит из погр. № 192 Прикубанского некрополя (рис. 1, б). Наконец, третий сосуд был найден в могиле № 66 некрополя Мирмекия (рис. 1, 7; АРЕ: АРЕ.III-Ks-c.2). Особенности их профилировки и визуальные характеристики глин не позволили приписать их к квидской продукции, несмотря на некоторое внешнее сходство. Проведенное исследование и сопоставление с данными по другим группам образцов дают возможность уверенно говорить о том, что сосуды, объединенные в «группу D», никакого отношения к квидскому производству не имеют и были изготовлены в ином (иных) регионе.

В целом, проведенный минералого-петрографический анализ образцов глин показал достаточно хорошие результаты. В итоге были

⁷ Н. В. Ефремов, отметив отсутствие аналогий, высказал две возможные версии происхождения данного оттиска: 1) Аканф (со ссылкой на нечто похожее у Panagou. 2010. ΑΚΑΝΘΟΣ. Ек. 17), предполагаю, что в нашем оттиске мы также имеем дело с некой стилизацией дельфина; 2) группа II ранних оттисков Книда с возможной монограммой KI.

⁸ Образец с Родоса в дальнейшем был отнесен петрологом к группе родосских глин на основании полученных данных при анализе сколов с родосских амфор.

выделены две петрографические группы глин, надёжно идентифицированные как книдские. В третьей группе объединились экземпляры, чьё книдское происхождение вызывает очень серьёзные сомнения. Наконец, в четвёртой группе оказались образцы различных неустановленных центров производства, отличающиеся по компонентному составу не только от первых трёх групп, но и между собой. Несомненно, дальнейшее расширение базы образцов позволит конкретизировать характеристики самих книдских глин, а кроме того, приблизит нас к решению вопросов о локализации продукции неустановленных на сегодняшний день производственных центров.

Литература

- Болонкина Е. В., Ефремов Н. В., Колесников А. Б. Новые варианты керамических клейм раннеэллинистического Книда // АМА. 2019. Вып. 19. С. 274–317.
- Ефремов Н. В. Двадцать лет спустя. Примечания к керамическим клеймам раннеэллинистического Книда // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Вып. 2. Сборник научных трудов, посвященный 70-летию профессора В. П. Копылова. Ростов-на-Дону: Археологическое общество «Наследие» [и др.], 2018. С. 542–562.
- Кузнецова Е. В., Растегаева М. Н. Петрографическое изучение глин амфор: характеристика коллекции образцов // История и археология Северного Причерноморья в античную и средневековую эпохи: материалы Всероссийской научной конференции (Севастополь, 25–29 сентября 2022 г.). Севастополь, 2022а. С. 109–113.
- Кузнецова Е. В., Растегаева М. Н., Шелепов Д. А. Петрографическое изучение глин античных амфор: основные задачи проекта // Междисциплинарные исследования объектов культурного наследия естественно-научными методами: материалы Всероссийской научной конференции (Симферополь, 5–7 октября 2022 г.). Симферополь, 2022б. С. 62–70.
- Кузнецова Е. В., Шелепов Д. А., Андрушкевич С. О. Петрографический анализ амфор из погребения № 381 в могильника Старокорсунского городища № 2. 2023 (в печати).
- Кузнецова Е. В., Шелепов Д. А., Андрушкевич С. О. Сравнительный анализ результатов изучения глин книдских амфор различными естественно-научными методами. 2023 (в печати).
- Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II вв. до н. э. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1999.
- Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В. Уточненная хронология книдских амфор IV — начала III в. до н. э. по материалам керамических комплексов Кубани // Stratum Plus. 2021. № 6. С. 183–205.

APE — Greek amphore from Northern Pontus Euxinus (7th–2nd c. BC): [Электронный ресурс]. URL: <https://ape.sgu.ru/Amphora/hasSession?invalid&lang=ru> (дата обращения: 27.04.2023).

Empereur J.-Y. Producteurs d'amphores dans les ateliers de Reşadiye (Peninsule de Datça) // Araştırma sonuçları Toplantısı. T. VI. 1988. P. 159–163.

Jefremow N. Die Amphorenstempel des hellenistischen Knidos (Quellen und Forschungen zur Antike Welt. Bd. 19). München, 1995.

Πανάγου Τ. Μ. Η Σφράγιση των Αρχαίων Ελληνικών Εμπορικών Αμφορέων: Κέντρα Παραγωγής και Συνθετική Αξιολόγηση: διδακτορική διατριβή. Αθήνα, 2010.

Е. В. Четверкина

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АНТИЧНОЙ КУХОННОЙ КЕРАМИКИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ¹

До 1917 г. археологическое исследование античных древностей в России часто сводилось к изучению артефактов, имеющих художественную и эстетическую ценность, нерасписная керамика не изучалась и при раскопках, как правило, вовсе выбрасывалась, в том числе и кухонная посуда. Более того, из всех видов археологических памятников исследователей чаще всего привлекали погребальные комплексы, так как именно в них обнаруживались наиболее ценные артефакты. Раскопки городищ, дающие массовый керамический материал, были редки и не систематичны.

После революции новая идеологическая установка исследователей на изучение производства, хозяйственной и торговой деятельности, быта древнего населения включила в сферу интересов и новые категории материалов. Активно проводившиеся с 30-х гг. XX в. систематические раскопки на территории многих городов Европейского и Азиатского Боспора позволяли накапливать огромный материал, который нуждался в дальнейшей обработке.

Первой попыткой, не совсем удачной, но весьма показательной для понимания нового мышления, является рукопись Е. Г. Кастанаян «Гончарная кухонная керамика Ольвии местного производства» 1934 г., хранящаяся в Научном архиве ИИМК РАН². Позднее, в 40-е и 50-е гг. XX в., появляется целая серия публикаций, посвященных лепной и простой нерасписной керамике, в качестве одной из категорий последней в исследованиях были подвергнуты анализу и кухонные сосуды. Прежде всего, это две работы: «Керамика местного

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук (или ФНИ ГАН) по теме государственного задания «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

² *Кастанаян Е. Г.* Гончарная кухонная керамика Ольвии местного производства. Л., 1934 // Научный архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 2. Д. 579.

производства из раскопа „И“» Т. Н. Книпович (Книпович. 1940) и «Ремесленное производство простой керамики Пантикапея в VI–III вв. до н. э.» И. Т. Кругликовой (Кругликова. 1957). Кухонная керамика также упомянута в статье И. Б. Зеест «Пантикапейская керамика сарматского времени» (Зеест. 1957).

Исследование ольвийской керамики Т. Н. Книпович (Книпович. 1940) является эталонным, выполненным на высоком уровне как для того времени, так и на современный взгляд. Анализ сосудов выполнен по методу древовидной классификации, хотя и с некоторыми ошибками в критерии и порядке. Сначала вся керамика была разделена на 4 группы по технологическому принципу (лепная, гончарная без внешней отделки, гончарная с глазурированной поверхностью, гончарная с росписью по поверхности), затем внутри каждой группы выделяются отдельные категории сосудов, в рамках которых выделяются типы и дается их описание. Несколько странным является применение сквозной нумерации типов для всех категорий керамики, это необычно даже для сугубо искусственной классификации, предназначенной исключительно для удобства описания и систематизации археологического материала.

Важно, что Т. Н. Книпович выделила категорию горшков с крышковой как промежуточную форму между горшком и кастрюлей, задолго до исследователей керамики афинской агоры (Sparkes, Talcott. 1970. P. 173). В качестве критериев для выделения типов исследовательницей были выбраны положение ручек и «характер очертаний», на основании которых она пытается проследить эволюцию типов, но её выводы относительно последней вызывают некоторые сомнения (Книпович. 1940. С. 140–141). Однако в целом выделенные типы могут быть использованы для классификации материала. Следует отметить, что большинство типов в той или иной степени аналогичны формам боспорской кухонной керамики. Бесценным вкладом в науку также послужило опубликованное в этом же томе петрографическое исследование (если не первое, то одно из первых в отечественной археологии) ольвийской керамики О. И. Кульской (Кульская. 1940), позволившее отделить керамику местного производства от привозной.

В работе И. Т. Кругликовой (Кругликова. 1957) классификация простой керамики Пантикапея строится несколько необычным способом, её типы выделяются отдельно по слоям. С одной стороны, технически это может быть удобно для описания материала и ясного понимания хронологии, но с точки зрения типологии это не совсем верно, типы кухонной керамики очень консервативны и менялись медленно во времени. Но, несмотря на определенные минусы, работа обладает и рядом несомненных достоинств. Во-первых, данной клас-

сификацией можно пользоваться, она «работает», хотя и с некоторыми трудностями. Во-вторых, это первая и единственная общая публикация, разрабатывающая классификацию для всех категорий простой нерасписной керамики боспорских городов, больше таких попыток не предпринималось, разве что для отдельных категорий керамики.

После работ 1940–1950-х гг. интерес к кухонной керамике у исследователей поугас, можно упомянуть лишь две работы, посвященные кухонным сосудам Ольвии: статья К. К. Марченко «Кухонная керамика Ольвии 2-й половины 6 в. — 1 в. до н. э.» (Марченко. 1983) и раздел в коллективной монографии «Культура населения Ольвии и её округи в архаическое время», написанный Н. А. Лейпунской (Лейпунская. 1987). К. К. Марченко выявил распределение гончарной и лепной кухонной посуды по разным районам Ольвии и время их распространения, сравнивал сосуды по размерным характеристикам и, в первую очередь, по объёму. В итоге он пришел к следующим выводам: гончарная и лепная кухонная керамика существуют одновременно с архаического времени, лепная керамика более всего распространена в архаическое и классическое время, и той и другой в жилых кварталах находят больше, чем в районах с общественными сооружениями. По мнению исследователя, гончарная кухонная керамика изготовлялась греческим населением, а лепная — варварским.

Написанный Н. А. Лейпунской раздел в коллективной монографии, посвященный кухонной посуде, и в частности кастрюлям, содержит некоторые попытки классификации кухонных сосудов (Лейпунская. 1987). Автор выделяет типы горловин и формы тулова, описывая каждую из форм, указывает, какие типы горловин им свойственны. Это своеобразный подход, при котором как бы устойчивые сочетания признаков (форма тулова и особенности венчика), являющиеся основой для типа, имеются, но при этом типы сосудов не выделяются. В итоге созданную схему сложно рассматривать как типологию, это скорее пространное описание морфологических особенностей с приведением некоторых аналогий. Однако данное исследование существенно дополняет представления о кухонной керамике Ольвии, прежде базировавшиеся исключительно на работе Т. Н. Книпович. В публикации Т. Н. Книпович описаны сосуды IV — начала I в. до н. э., в то время как материал для исследования Н. А. Лейпунской происходит из архаических слоев городища (VI–V вв. до н. э.). Архаические кухонные сосуды из Ольвии публиковались исследовательницей и позднее, уже с выделением типов (Лейпунская. 2010).

В постсоветский период изучение кухонной керамики привлекает внимание исследователей. Опубликовано ряд статей, посвященных

данной тематике. Прежде всего, отметим здесь публикацию Д. Е. Чистовым и его коллегами кухонной керамики архаического времени из раскопок Березанского поселения (Чистов, Ильина, Щербакова. 2015). По мнению авторов, большинство сосудов происходит из городов Ионии. Была осуществлена попытка, на наш взгляд, вполне удачная, проследить типологическое развитие кухонных кастрюль с помощью статистических методов (Колосов, Четверкина, Михайленко. 2017). В последнее время издана серия работ о кухонной керамике, найденной в Херсонесе, преимущественно римского времени (Дорошко. 2017; 2021; 2022). Свой вклад в решение вопросов типологии, хронологии, места производства кухонных сосудов из Мирмекия, Нимфея, Ольвии внёс и автор данной статьи (Четверкина. 2017а; 2017б; 2018; 2019а; 2019б; 2020; 2022).

Завершая обзор, хотелось бы обратить внимание на то, какие различия имеются в исследованиях отечественных и зарубежных археологов-антиковедов в данной области. Следует подчеркнуть, что в России, вследствие определенных идейных установок науки, интерес как к кухонной керамике, так и простой нерасписной посуде зародился раньше, причём работа шла в направлении не только развития типологии, но и определения центров производства с помощью естественно-научных анализов. В зарубежной науке такие исследования появляются лишь в 70-е гг. XX в., публикаций, посвященных исключительно античной кухонной керамике, также немного. Чаще всего она включена в монографии и сборники, посвященные публикации всех находок одного памятника, где занимает небольшой раздел. Вопросам типологии и хронологии кухонной керамики в них уделяется немного внимания, однако она, как и все остальные категории керамики, систематически обрабатывается с помощью естественно-научных методов. В данной области в настоящее время отечественная археология несколько отстает от зарубежной, что может быть связано с недостаточностью развития технической базы и отсутствием должного финансирования.

Литература

- Зеест И. Б.* Пантикапейская керамика сарматского времени // Пантикапей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 139–159. (МИА. № 56).
- Дорошко О. П.* Кухонные гончарные ойнохойи «эгейского типа» из раскопок Херсонеса Таврического и его округа // АРХОНТ. 2017. С. 63–68.
- Дорошко О. П.* Гончарные кастрюли с биконическим туловом I–III вв. из раскопок Херсонеса Таврического и его округа: к вопросу о месте производства // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические

- связи Крыма со средиземноморским регионом и странами Востока: материалы V Международной научной конференции. М., 2021. С. 78–80.
- Дорошко О. П.* Производство кухонной гончарной посуды в Херсонесе I–III вв. н. э.: историографические мифы и археологические реалии // История и археология Северного Причерноморья в античную и средневековую эпохи: материалы Всероссийской научной конференции. Симферополь, 2022. С. 48–57.
- Колосов В. П., Четверкина Е. В., Михайленко А. В.* Статистический анализ кухонной керамики из Мирмекия // Таврические студии. 2016. № 10. С. 85–89.
- Книпович Т. Н.* Местная керамика с раскопа «И» // Ольвия. Киев: Изд-во АН УССР, 1940. Т. I. С. 129–170.
- Кругликова И. Т.* Ремесленное производство простой керамики Пантикапея в VI–III вв. до н. э. // Пантикапей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 121–124. (МИА. № 56).
- Кульская О. А.* Химико-технологические исследования ольвийских керамических изделий // Ольвия. Киев: Изд-во АН УССР, 1940. Т. I. С. 171–185.
- Марченко К. К.* Кухонная керамика Ольвии 2-й половины 6 в. — 1 в. до н. э. // Археология. 1983. № 43. С. 14–26.
- Лейпунская Н. А.* Кухонная керамика // Культура населения Ольвии и её округи в архаическое время. Киев: Наукова думка, 1987. С. 79–83.
- Лейпунская Н. А.* Опыт классификации керамики из архаических комплексов (по материалам Центрального квартала Ольвии) // БИ. 2010. Вып. XXIV. С. 131–151.
- Четверкина Е. В.* О торговых связях Мирмекия позднеклассического и эллинистического времени по данным кухонной посуды // БЧ XVIII. 2017а. С. 598–608.
- Четверкина Е. В.* Типологический и хронологический анализ античной кухонной посуды Мирмекия // Труды V (XXI) археологического съезда. Т. II. Барнаул, Изд-во АлГУ, 2017б. С. 96–100.
- Четверкина Е. В.* Кухонная посуда Боспора: греческая традиция и местные особенности // БФ 2018. Ч. 2. С. 241–247.
- Четверкина Е. В.* Кухонная керамика Нимфея (по материалам коллекций Государственного Эрмитажа) // АВ. 2019а. Вып. 25. С. 113–128.
- Четверкина Е. В.* Петрографический и химический анализ античной кухонной керамики Мирмекия // Вестник Танаиса. 2019б. Вып. 5. Т. 2. С. 188–202.
- Четверкина Е. В.* Кухонная керамика в ритуальных и погребальных комплексах Боспора // АВ. 2020. Вып. 29. С. 314–321.
- Четверкина Е. В.* Кухонная керамика Ольвии (по материалам ИИМК РАН) // История и археология Северного Причерноморья в античную и средневековую эпохи: материалы Всероссийской научной конференции. Симферополь, 2022. С. 222–226.
- Чистов Д. Е., Ильина Ю. И., Щербакова О. Е.* Кухонная керамика и кухонное оборудование Березанского поселения // Клио. 2015. № 11 (107). С. 13–25.
- Sparkes B., Talcott L.* Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries BC. Pt 1: Text. Princeton, New Jersey, 1970. (The Athenian Agora. Vol. XII).

М. Е. Клемешова

**ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА АЗИАТСКОГО БОСПОРА:
РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЗА ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ**

Автор данной работы с 2011 г. по настоящее время занимается изучением лепной керамики Азиатского Боспора VI в. до н. э. — III в. н. э. и частично — керамики эпохи поздней бронзы этой территории. В статье изложены основные итоги этих исследований на текущий момент.

До 50-х гг. прошлого столетия эта группа археологического материала с территории Азиатского Боспора никогда не становилась объектом специального изучения. До настоящего времени отсутствуют какие-либо обобщающие работы по ней. Можно констатировать очень слабую изученность в целом этой группы материала, отсутствие типологической и хронологической классификации встречаемых на Таманском полуострове образцов лепной посуды и, фактически, общего представления о встречающихся здесь формах сосудов, отсутствие чёткого представления о том, каким этническим и культурным группам принадлежит обнаруживаемая в этом регионе лепная керамика и её хронологии.

В рамках разрабатываемой темы автор занимается составлением классификации типов лепной посуды античного времени, представленной в материалах раскопок последних лет памятников указанного района. При этом изучаются также составы формовочных масс и ряд некоторых других технологических параметров этой керамики и сосудов эпохи поздней бронзы ряда памятников данной территории с целью их сопоставления для выяснения возможной преемственности между ними. Особенности технологии изготовления сосудов определяются по методике, разработанной А. А. Бобринским (Бобринский. 1978; 1999). Новым в исследовании лепной керамики Азиатского Боспора и посуды античного времени в целом является именно применение этой методики для изучения составов формовочных масс параллельно с рассмотрением морфологических типов сосудов (Клемешова. 2021а). В результате проведенных исследований к на-

стоящему времени автор пришел к следующим выводам и заключениям.

Прямой преемственности между формами сосудов и такими элементами культурных гончарных традиций, как представление об исходном пластичном сырье, составление формовочных масс, орнаментация и режим обжига керамики культур эпохи поздней бронзы и местного населения VI–V вв. до н. э. Таманского полуострова и территории к юго-востоку от него, в целом, не наблюдается. Для керамики эпохи поздней бронзы в основном характерен рецепт формовочных масс «глина + шамот + выжимка из навоза животных», для лепной посуды античного времени — «илистая глина + органический раствор» или «глина + дресва из кальцита + органический раствор». Для посуды эпохи поздней бронзы, главным образом, присущ обжиг в окислительной атмосфере. Основные формы сосудов этого периода — горшки различных типов с плавно отогнутым венцом, с налепными валиками с насечками или вдавлениями и налепами различной формы. Среди морфологических типов лепных сосудов античного времени наиболее распространены горшки без выделенного горла или, в юго-восточной области, биконические горшки и корчаги, а также округлобкие миски. Наиболее характерная орнаментация — ряд пальцевых вдавлений или, для юго-восточной зоны, — ряд вертикальных прочерченных полос с расширением в верхней части под венчиком горшков.

Для периода VI–I вв. до н. э. на территории Азиатского Боспора установлено существование двух основных гончарных традиций составления формовочных масс для изготовления лепной посуды. Граница между областями их распространения проходит по условной линии, начинающейся примерно в 15 км севернее Горгиппии, в районе некрополя Красный Курган, и заканчивающейся немного восточнее современной станицы Варениковская, близ поселения Шуха-1. В северо-западной области преобладающая часть керамики изготавливалась из илистого сырья (лиманый ил и илистая глина) с естественной примесью раковины (редко — с добавлением примеси дробленой) и органическим раствором, в юго-восточной — из глины с дресвой из кальцита и органическим раствором. В пограничной зоне присутствуют сосуды, изготовленные по смешанной технологии.

Керамика этих территорий морфологически также имеет существенные отличия. В северо-западной области основные формы сосудов — горшки без выделенного горла и с едва намеченным слегка отогнутым венцом, часто с орнаментом из пальцевых вдавлений под

венчиком, в юго-восточной — корчаги различных форм и размеров и корчагообразные горшки с биконическим туловом. Горшки без выделенного горла распространены также и в юго-восточной области, но они в основном лишены орнамента и имеют некоторые отличия в оформлении края венчика.

Горшки без выделенного горла с пальцевыми вдавлениями продолжают встречаться по III в. н. э. Хронология корчагообразных горшков ещё не уточнена, отдельные экземпляры точно присутствуют с материалами этого же времени.

Для обеих областей характерны очень близкие по форме округлобокие миски с небольшими отличиями в пропорциях. В юго-восточной у них более широкое дно и стенки, нередко выпуклые в верхней части тулова и слегка вогнутые внутрь в придонной (Клемешова. 2021а. С. 102–103. Рис. 5–9). Для керамики северо-западной области мало характерно лощение и, как правило, оно не очень интенсивное. В юго-восточной — напротив, большая часть посуды (кроме горшков без выделенного горла) лощилась и очень часто — до зеркального блеска.

Наибольшая концентрация сосудов, изготовленных из смешанных формовочных масс («илистая глина + дресва из кальцита + органический раствор» и рецепты ФМ на этой основе), отмечается сейчас, помимо пограничной зоны, в юго-западной части Таманского полуострова, в материалах некрополей Волна-1 и Артющенко-2, а также в северо-восточной его части, среди архаических материалов поселения Ахтанизовская-4 и, возможно, Голубицкая-2. И если наличие сосудов, изготовленных из смешанных составов ФМ, вдоль линии «некрополь Красный Курган — поселение Шуха-1» легко объяснимо тем, что она являлась контактной зоной для населения с различными гончарными традициями, проживающего по разные стороны от неё, то присутствие таких изделий в двух других упомянутых районах ещё нуждается в объяснении. В этих же пунктах (некрополи Волна-1 и Артющенко-2, поселения Ахтанизовская-4 и Голубицкая-2) присутствует относительно весомая доля керамики, морфологически и по составу формовочных масс характерной для юго-восточной части Азиатского Боспора. Это позволяет говорить о том, что здесь в VI–V вв. до н. э. по каким-то причинам также находились контактные зоны населения его северо-западной и юго-восточной части. Такие находки позволяют предполагать в это время наличие регулярного сообщения между районами современного Витязево и поселений Волна-1 — Артющенко-2 (вдоль современной Благовещенской косы), возможно, с целями торговли и обмена. Специфический харак-

тер поселения Волна-1, на котором обнаружено огромное число монет, косвенно подтверждает эту гипотезу. Возможно, интерес к этому району у населения юго-восточной части Азиатского Боспора был также связан с добычей и обработкой железной руды, что зафиксировано в слоях второй половины III — первой половины II в. до н. э. на поселении Артюшенко-1 (Виноградов. 2010; 2013. С. 236–237). В комплексах этого памятника, связанных с железоделательным производством, было обнаружено значительное количество лепной керамики (Стоянов. 2009. С. 271–272, 275). Рудными минералами насыщены верхние слои почвы в ряде мест на побережье Чёрного моря восточнее современного поселка Волна¹.

Указанные черты сходства и различия позволяют предполагать, что в данном случае речь идет о керамике различных местных племен с частично сходными, но не идентичными гончарными традициями. Основываясь на данных письменных источников и выводах ряда учёных о районах обитания древних племён, автор предполагает, что лепная керамика выделенной северо-западной области принадлежит синдам и маркирует относящуюся к ним территорию, юго-восточной — наиболее часто упоминаемым в качестве их возможных соседей керкетам (торетам?). Условная же линия, по разные стороны которой наблюдаются различные гончарные традиции и морфологически отличающаяся посуда, представляет собой границу между местами расселения этих культурных образований (Клемешова. 2021. С. 103).

Помимо двух указанных групп керамики, для второй половины VI — первой половины V в. до н. э. выделяется ещё одна группа лепной посуды, видимо по происхождению и хронологии бытования отличающаяся от них и принадлежащая иной группе населения, происхождение которой связано с эпохой поздней бронзы Северного Кавказа. К ней относятся т. н. горшки с «воротничком» на венчике. Существует два их варианта — с гладким «воротничком» и «воротничком» с пальцевыми вдавлениями. Эти вдавления аналогичны наносимым на горшки, характерные для северо-западной части Азиатского Боспора (Клемешова. 2022. С. 133, 137, 139. Рис. 9–11). В восточной части Таманского полуострова и к востоку от него встречается в основном второй вариант. Он, предположительно, представляет собой гибрид между местной керамикой северо-западной области Таманского полуострова и горшками с гладким «воротничком». Основная концентрация известных сейчас находок горшков

¹ Отмечено автором статьи в ходе сбора образцов природных глин в этом районе.

с «воротничком» связана с поселениями Шуха-1, Чекупс-2, Самойленко-1 и (вероятно, уже за пределами границ Боспора) Первомайское-1 (Крымский район). Значительное их число отмечается также на поселениях Ахтанизовская-4 и Голубицкая-2 (Камелина. 2009. С. 156–157. Рис. 1. 1, 2; 2018. С. 192–193. Рис. 1. 1, 2). В материалах из раскопок других памятников северо-западной части Азиатского Боспора встречаются единичные экземпляры. На Таманском полуострове и к юго-востоку от него такие сосуды пока не встречены в материалах ранее третьей четверти VI и позднее первой половины, возможно, первой четверти V в. до н. э.

На Фонталовском полуострове (материалы Патрея), наряду с обычной для северо-западной области Азиатского Боспора керамикой, в слоях IV в. до н. э. встречаются фрагменты горшков с отогнутым венцом с орнаментом по краю венчика в виде различных вдавлений и насечек, изготовленных из формовочных масс с примесью шамота. Эта керамика находит ближайшие аналогии в скифской посуде.

В материалах второй половины II — первой половины I в. до н. э. на ряде памятников центральной части Таманского полуострова (Ахтанизовская-4, Юбилейное-2, 2-е Суворовское городище, Таманский толос, Фанагория) фиксируется большое количество фрагментов лепных кастрюль, представляющих собой, в отличие от большинства подобных фрагментов с других памятников античного времени, очень точные и аккуратные копии греческих кастрюль, изготовленных на гончарном круге. Общность характерных черт их форм, изготовление из формовочных масс, относящихся к местной гончарной традиции северо-западной части Азиатского Боспора (лиманный ил и илистая глина), и небольшой ареал находок позволили предположить, что все эти изделия являлись продукцией местных мастерских, распространявших свою продукцию в этом районе. Массовость их производства могла быть связана в том числе со сложной экономической и политической ситуацией на Боспоре вследствие войн Митридата с Римом и нехваткой недорогих форм распространенной греческой кухонной посуды (Klemeshova, Lomtadze. 2022).

Во II–III вв. н. э. в Горгиппии и на ряде поселений юго-восточной части Азиатского Боспора (Чекупс-2, Джигинка, поселение у поселка Мысхако, Белое Восточное) появляется в значительном количестве керамика совершенно иных, весьма специфических форм и сделанная в абсолютно других гончарных традициях, чем керамика предшествовавшего периода (Клемешова. 2021б). Для неё характерны формовочные массы из глины с крупным шамотом и органическим раствором, обжиг в окислительной атмосфере, толстостен-

ность (не менее 10 мм) сосудов. Набор посуды — горшки без выделенного горла с большим количеством разнообразных налепов, массивные чаши на ножке (курильницы?), сосуды с вытянутым носиком-сливом и ручкой с противоположной стороны тулова, миски с резко выраженным ребром в верхней части и вогнутыми стенками ниже него. Постоянным «спутником» этой посуды являются т. н. меотские керамические плитки, абсолютно не характерные для местных культурных групп Азиатского Боспора и имеющие широкое распространение в III в. до н. э. — III в. н. э. на меотских городищах Прикубанья. Одновременно с этой керамикой встречается и традиционная местная лепная посуда, изготовленная в местных гончарных традициях. В ряде случаев обнаружены гибридные варианты сосудов. Все эти обстоятельства позволяют предположить «кинородность» этой группы керамики и связать её появление с какой-то пришлой, достаточно значительной группой населения, являющейся носителем как иных гончарных традиций, так и частично отличающейся бытовой культурой использования лепной посуды. Судя по набору форм и использованию большого количества налепных элементов, можно предположить далекую генетическую связь рассматриваемой посуды с керамикой Северо-Западного Причерноморья, но непосредственное её происхождение в указанное время, исходя из постоянного присутствия в комплексах глиняных керамических плиток, вероятно, нужно соотносить с Кубанью. Дальнейшее решение этого вопроса требует изучения материалов более широкого круга памятников.

Лепная керамика т. н. посада Ильичевского городища II–III вв. н. э. также не относится к традиционной местной лепной посуде Азиатского Боспора и связана, вероятнее всего, с Восточным Крымом. Лепная посуда поселения Артющенко-1 того же времени, судя по результатам предварительного исследования, морфологически и по технологии её изготовления, в основном может быть соотнесена с лепной керамикой северо-западной части Азиатского Боспора и в очень небольшом количестве, возможно, с керамикой юго-восточной его части.

Литература

Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978.

Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.

- Виноградов Ю. А.* Железодельная мастерская на поселении Артюшенко I (Таманский полуостров) // БЧ XI. 2010. С. 80–84.
- Виноградов Ю. А.* Основные итоги изучения поселения Артюшенко I на Таманском полуострове // ПИФК. 2013. № 2. С. 233–241.
- Камелина Г. А.* Лепная керамика из раскопок поселения Голубицкая-2 на Таманском полуострове // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2009. С. 155–160.
- Камелина Г. А.* Лепная керамика поселения Голубицкая 2 // БЧ XIX. 2018. С. 192–198.
- Клемешова М. Е.* Предварительные итоги изучения лепной керамики Азиатского Боспора 6 в. до н. э. — 3 в. н. э. // Нуранис. 2021а. Вып. 3. С. 97–110.
- Клемешова М. Е.* Лепная керамика поселений юго-востока Азиатского Боспора II–III вв. н. э. (предварительные результаты изучения) // ДБ. 2021б. Т. 26. С. 246–256.
- Клемешова М. Е.* Лепная керамика поселения Шуха-1 в Краснодарском крае // Нуранис. 2022. Вып. 4. С. 123–140.
- Стойнов Р. В.* Лепная керамика второй половины III — первой половины II вв. до н. э. из раскопок поселения Артюшенко I (1999–2006 гг.) // БИ. 2009. Т. XXII. С. 268–282.
- Klemeshova M. E., Lomtadze G. A.* Imitation of Greek Ceramics Imported from the Ancient Settlements of the Bosphorus (Some Features of the Ceramic Complex of the Late 2nd and 1st centuries BC from the Settlement of Akhtanizovskaya-4) // Manufacturers and Markets: The Contributions of Hellenistic Pottery to Economies Large and Small. Wien, 2022. P. 35–46.

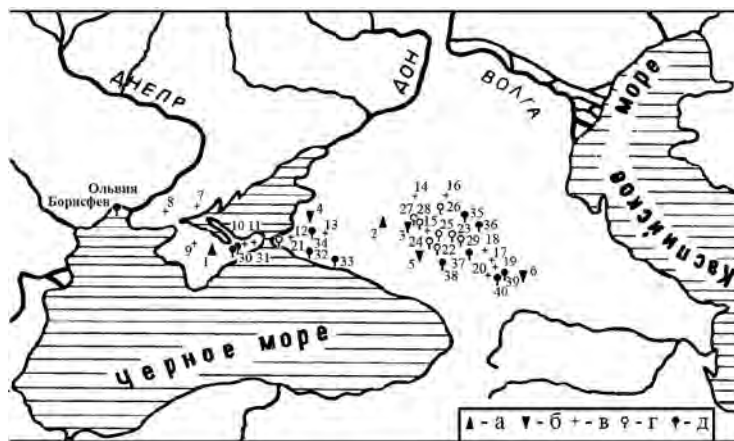
**ПАМЯТНИКИ ИСКУССТВА
И ХУДОЖЕСТВЕННОГО
РЕМЕСЛА**

В. Ю. Зуев

ЗЕРКАЛА БОРИСФЕНИТСКОГО ТИПА НА БОСПОРЕ В ЭПОХУ АРХАИКИ

Общие представления о процессах колонизации греками Черноморского побережья в истории отечественного антиковедения меняются поступательно и зависят от осмысления имеющихся в распоряжении археологов материалов. Даже на протяжении жизни моего поколения в науке я могу констатировать смену нескольких важных парадигм, которые резко изменили общую историческую панораму бытования греческих колоний Северного Причерноморья в эпоху архаики. Так, в частности, очень долго бытовал тезис о том, что освоение побережья греческими колонистами начинается в Северо-Западном Причерноморье благодаря основанию и развитию милетянами полиса Борисфен на современном острове Березань в конце VII в. до н. э., тогда как колонизация Боспора интенсивно развивается лишь со второй половины VI в. до н. э. За последние годы вопрос о древности начала колонизационных процессов на Боспоре значительно изменился в сторону удревнения. Поиски следов Таганрогского поселения, исследование ранних слоёв в Пантикапее, работы в Анапском и Новороссийском районах на Азиатском Боспоре, где открыты следы очень ранних поселений греков, дают в руки исследователей ранние материалы, свидетельствующие, что с конца VII в. до н. э. на Европейском и Азиатском Боспоре культурная жизнь греческих колоний была очень интенсивной. Об этом же свидетельствует и анализ таких не привлекавшихся ранее к анализу категорий находок, как художественное литьё эпохи архаики — в частности, бронзовые зеркала борисфенитского типа, которые являлись на Боспоре безусловным импортом из основанного милетянами города Борисфен в Северо-Западном Причерноморье.

Эти зеркала, как полагаю я, изготовлялись в мастерской полиса Борисфен, городище которого находится ныне на о. Березань, во второй половине VI в. до н. э. Всего было изготовлено методом литья по утрачиваемой восковой модели несколько сотен предметов, из которых

Карта находок зеркал борисфенитского типа на Боспоре (номера соответствуют указаниям мест находок в тексте). Условные обозначения: *a* — зеркала первой серии; *b* — зеркала второй серии; *v* — зеркала третьей серии; *z* — зеркала четвёртой серии; *d* — зеркала пятой серии

в настоящее время известно около 180 экземпляров. Зеркала выпускались шестью сериями в зависимости от комбинации деталей оформления рукоятей, внутри которых допускались некоторые варианты трактовки основных элементов (Зуев. 2019. С. 161–177, 263–264).

На территории Европейского и Азиатского Боспора в настоящее время известно сорок находок зеркал борисфенитского типа. Они относятся к пяти сериям этих зеркал. Восточнее Ольвии пока неизвестны находки только одной, последней — шестой — серии зеркал этого типа, что явно неслучайно. И может быть объяснено тем, что зеркала, у которых в декоре рукоятей сочетаются фигурка оленя и головка барана на конце рукояти, были реально налажены к выпуску последними в истории производства этих зеркал и не получили широкого распространения по причине прекращения работы мастерской в Борисфене в самом конце VI в. до н. э.¹

Из зеркал первой серии, для которой характерен в декоре рукояти мотив ионийской колонны, одно зеркало найдено случайно на территории Восточного Крыма в 2017 г. (Зуев. 2018. Рис. 5) (рис. 1, 1. Карта. № 1), а другое — в Краснодарском крае в 2016 г. (Зуев. 2018. С. 33–35) (рис. 1, 2. Карта. № 2).

¹ Их найдено всего четыре экземпляра. Одно зеркало — в Трансильвании (Зуев. 2023, в печати) и три экземпляра — в некрополе Ольвии.

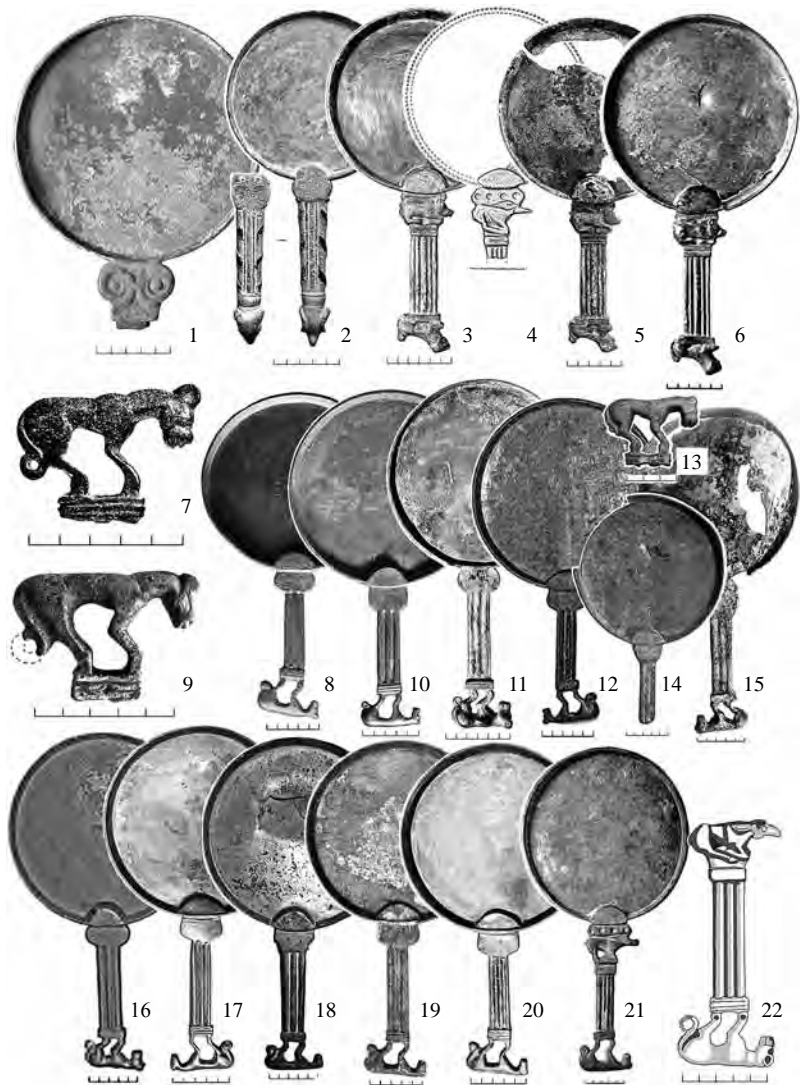

Рис. 1. Бронзовые зеркала борисфенитского типа, найденные на Боспоре и его периферии (указание мест находок см. в тексте статьи по ссылке на иллюстрации). 1–2 — зеркала первой серии; 3–6 — зеркала второй серии; 7–20 — зеркала третьей серии (7, 9, 11, 13 — первый вариант; 8, 12 — второй вариант; 10, 17, 19, 20 — третий вариант; 14, 15, 18 — четвертый вариант). 21, 22 — зеркала четвертой серии первого варианта: (группа а — 21; группа б — 22)

На территории Азиатского Боспора были сделаны четыре находки, принадлежащие к числу зеркал второй серии борисфенитского типа, для которых характерны изображения кабанов или оленей в навершии рукоятей и фигурки лежащих львов на их концах. 1) Одно зеркало найдено в Краснодарском крае в 2019 г. (Зуев. 2021. С. 164, 182. Рис. 6, 2) (рис. 1, 3. Карта. № 3). 2) Фрагмент другого зеркала найден О. А. Ульяновой в 1985 г. при раскопках курганного могильника Мингрельский II в погребении XV кургана 5 (Зуев. 2021. С. 88. Рис. 6, 1. Рис. 8, 12) (рис. 1, 4. Карта. № 4). 3) В 2014 г. в окрестностях г. Майкопа в Адыгее случайно найдено целое зеркало этой серии (Зуев. 2021. С. 165. № 8. С. 183. Рис. 7, 1) (рис. 1, 5. Карта. № 5). 4) Восточнее, в окрестностях г. Нальчика, в 1913 г. было также случайно найдено ещё одно зеркало второй серии борисфенитского типа (Зуев. 2021. С. 76. Рис. 6; С. 78. Рис. 8) (рис. 1, 6. Карта. № 6).

Из числа зеркал третьей серии борисфенитского типа на Европейском Боспоре и в Крыму найдено пять экземпляров. И девять экземпляров — на азиатской части Боспора. Зеркала этой серии украшены геометрическими элементами в навершиях рукоятей и фигурками стоящих в профиль пантер на их концах. К первой группе находок относятся: 1) фрагмент рукояти, хранящийся в г. Мариуполе (находка 1888 г.) (Зуев. 2019а. С. 77–78, 121. Рис. 8, 8) (рис. 1, 7. Карта. № 7). 2) Зеркало из кургана, раскопанного П. О. Бурачковым в 1890 г. в низовьях Днепра у въезда в Крым (Зуев. 2019а. С. 81, 124. Рис. 11, 14) (рис. 1, 8. Карта. № 8). 3) Деталь рукояти зеркала с фигуркой пантеры на цапфе, случайно найденная в 2014 г. в Степном Крыму (Зуев. 2019а. С. 78, 121. Рис. 8, 9) (рис. 1, 9. Карта. № 9). 4) Зеркало, найденное в окрестностях Керчи до 1917 г. из коллекции П. К. Месаксуди (Зуев. 2019а. С. 93, 132. Рис. 19, 39) (рис. 1, 10. Карта. № 10). 5) Зеркало, найденное в окрестностях Керчи и зафиксированное Н. Ф. Федосеевым в 2003 г. (Зуев. 2019а. С. 75, 115. Рис. 2, 1) (рис. 1, 11. Карта. № 11).

На азиатской стороне Боспора найдено девять зеркал третьей серии: 1) Зеркало, случайно найденное на Тамани до 1962 г., хранящееся в ГМИИ им. А. С. Пушкина (Зуев. 2019а. С. 87, 126. Рис. 13, 24) (рис. 1, 12. Карта. № 12). 2) Случайная находка фигурки пантеры на цапфе в Краснодарском крае в 2015 г. (Зуев. 2019а. С. 78, 121. Рис. 8, 9) (рис. 1, 13. Карта. № 13). 3) Фрагментированное зеркало с поврежденным бортиком и отломанной фигуркой пантеры, найденное случайно в Ставропольском крае в 2018 г. (Зуев. 2019а. С. 95, 134. Рис. 21, 42) (рис. 1, 14. Карта. № 14). 4) Поврежденное при случайной находке зеркало, обнаруженное в Красногвардейском р-не Республики Адыгея в 2016 г. (Зуев. 2019а. С. 98–99, 137. Рис. 24, 49) (рис. 1, 15. Карта. № 15). 5) В 1885 г. у ст. Крымгиреевской было случайно

найдено зеркало с пантерой на конце рукояти (Зуев. 2009. С. 484–495) (рис. 1, 16. Карта. № 16). 6) В 2019 г. на границе Пятигорска и Кабардино-Балкарии было случайно найдено зеркало (Зуев. 2021. С. 90–91) (рис. 1, 17. Карта. № 17). 7) В 1881 г. в Пятигорске у селения Каррас Д. Я. Самоквасов нашёл в инвентаре раскопанного им кургана 3 зеркала из этой серии (Зуев. 2021. С. 96–97) (рис. 1, 18. Карта. № 18). 8) На севере Кабардино-Балкарии в 2019 г. было случайно найдено аналогичное зеркало (Зуев. 2021. С. 90) (рис. 1, 19. Карта. № 19). 9) В том же году между сёлами Баксан и Каменномост в Кабардино-Балкарии было найдено ещё одно зеркало из третьей серии (Зуев. 2021. С. 89) (рис. 1, 20. Карта. № 20).

Четырнадцать экземпляров борисфенитских зеркал третьей серии², найденные в Крыму, на Европейском и Азиатском Боспоре, относятся к четырём вариантам зеркал этой серии. К первому варианту, для которого характерно навершие рукоятей, состоящее из горизонтального овала и полуовала над ним, а на конце рукояти — фигурка пантеры келермесского типа, относятся пять зеркал (находка из Мариуполя 1888 г.; находка из Степного Крыма 2014 г.; находка в окрестностях Керчи 2003 г., зафиксированная Н. Ф. Федосеевым; находка в Краснодарском крае 2015 г. и находка у ст. Крымгиреевской 1885 г.). Ко второму варианту, который отличается от первого только более схематично трактованной фигуркой пантеры на конце рукояти, относятся две находки (зеркало П. О. Бурачкова 1890 г. и зеркало, найденное на Тамани до 1962 г.). Третий вариант, у которого в навершии рукоятей помещён трапециевидный элемент с полуovalом над ним, а на конце рукоятей — схематично трактованная фигурка пантеры, представлен четырьмя экземплярами (зеркало, из коллекции П. К. Месаксуди; зеркало у Пятигорска 2019 г.; зеркало с севера Кабардино-Балкарии 2019 г.; зеркало, найденное между с. Баксан и Каменномост в 2019 г.). И четвёртый вариант с шестигранной фигурой, под которой имеются два острых выступа по краям, с полуovalом над ней в навершии и со схематичными фигурками пантеры на концах рукоятей, представлен тремя находками (зеркало из Ставрополя 2018 г.; зеркало из Адыгеи 2016 г.; зеркало из кургана у с. Каррас 1881 г.).

Для декора зеркал четвёртой серии борисфенитского типа характерно сочетание в оформлении рукояти фигуры оленя, лежащего под полуovalом, которым крепится рукоять с диском, и профильного изображения фигуры пантеры на конце рукояти. В регионе Боспора таких зеркал известно девять экземпляров, и что любопытно — все

² В настоящее время от Трансильвании до Южного Приуралья известно около 70 экземпляров зеркал третьей серии.

Рис. 2. Бронзовые зеркала борисфенитского типа, найденные на Боспоре и его периферии (указание мест находок см. в тексте статьи по ссылке на иллюстрации). 1–7 — зеркала четвёртой серии (зеркала первого варианта: 1–3, 5, 6 (3 — группа в; 1, 2, 5, 6 — группа г); 4, 7 — зеркала второго варианта). 8–18 — зеркала пятой серии (8, 9, 17, 18 — первый вариант; 10, 12, 14–16 — второй вариант; 11, 13 — третий вариант)

находки сделаны в ареале только азиатской части Боспора. 1) В 1911 г. В. В. Шкорпил раскопал в некрополе Конкордамы на Таманском полуострове гробницу № 55, в погребальном инвентаре которой найдено было зеркало борисфенитского типа (Зуев. 2021. С. 66, 68. Рис. 2, 1) (рис. 1, 21. Карта. № 21). 2) Рукоять зеркала с фигурками оленя и пантеры на конце была найдена в 1990–1996 гг. у с. Трёхречного в Адыгее (Зуев. 2021. С. 70. Рис. 2, 2) (рис. 1, 22. Карта. № 22). 3) В Адыгее случайная находка зеркала до 1980 г. у с. Пульхерово (Зуев. 2021. С. 72, 68. Рис. 2, 9) (рис. 2, 1. Карта. № 23). 4) На территории могильника у хутора Казазово 3, разрушаемого Краснодарским водохранилищем, в 1997 г. было найдено зеркало (Зуев. 2021. С. 72. Рис. 2, 8) (рис. 2, 2. Карта. № 24). 5) В 2000 г. на берегу Краснодарского водохранилища было найдено зеркало, изданное В. Е. Масловым (Зуев. 2021. С. 70. Рис. 2, 3) (рис. 2, 3. Карта. № 25). 6) В 2003 г. И. В. Цокур при раскопке кургана 5 могильника Украинский-1 у станции Динская нашла бронзовое зеркало (Зуев. 2021. С. 78–80. Рис. 8, 5) (рис. 2, 4. Карта. № 26). 7) В 2019 г. на берегу Краснодарского водохранилища был найден обломок рукояти зеркала с фигурками оленя и пантеры (Зуев. 2021. С. 71–72. Рис. 2, 7) (рис. 2, 5. Карта. № 27). 8) В 2013 г. в Краснодаре было зафиксировано В. Камышевым бронзовое зеркало (Зуев. 2021. С. 75. Рис. 4, 13) (рис. 2, 6. Карта. № 28). 9) В 1993 г. на разновременном могильнике Нечерезий у аула Вочепший в Адыгее, размываемом водами Краснодарского водохранилища, было найдено зеркало (Зуев. 2021. С. 81. Рис. 7, 18) (рис. 2, 7. Карта. № 29).

Зеркала четвёртой серии борисфенитского типа, найденные на Боспоре, подразделяются на два варианта. К первому варианту относятся зеркала, у которых на лицевой стороне фигурки оленя и пантеры на рукояти смотрят в одну сторону. По деталям декора этих зеркал выделяются несколько групп. Группа а — это зеркала, у которых на рукоятях гладкие подставки под фигурками животных³. На Боспоре найдено одно такое зеркало (из гробницы 55 1911 г. на Тамани). Группа б — это зеркала, у которых верхняя подставка под оленем на рукояти гладкая, а нижняя рифлёная несколькими рельефными поясками. Известно только одно такое зеркало, и оно найдено у с. Трёхречного в Адыгее. Группа в — это зеркала, у которых верхние подставки под оленями на рукоятях рифлёные, а нижние гладкие прямоугольные⁴. На Боспоре найдено одно такое зеркало (на берегу Краснодарского водохранилища в 2000 г. Издано В. Е. Масловым). Группа г — зеркала, у которых обе подставки на рукоятях под фигурками животных

³ Всего таких зеркал известно 13 экз. (Зуев. 2021. С. 66).

⁴ Всего известно таких 4 экз. (Там же. С. 70).

рифлёные⁵. На Боспоре найдено четыре таких зеркала (у с. Пульхерово; в могильнике Казазово 3; на берегу Краснодарского водохранилища 2019 г.; в Краснодаре 2013 г.).

Второй вариант зеркал четвёртой серии — это зеркала, на лицевой стороне рукоятей фигурки оленя ориентированы головами влево, а пантеры — вправо. Подставки под фигурками оленя состоят из узких горизонтальных полос, а под пантерами — это гладкие прямоугольные цапфы⁶. На Боспоре найдено два таких зеркала (в кургане 5 могильника Украинский-1 и в могильнике Нечерезий). Следует отметить, что зеркала этой серии найдены в основном в некрополях как греческих поселений, так и в зоне затопления Краснодарского водохранилища.

Пятая серия зеркал борисфенитского типа — это зеркала, декор рукоятей которых состоит из геометрических элементов разной конфигурации в навершии рукоятей. Ствол рукоятей разделён на несколько вертикальных колонок, а на конце её помещена головка барана лбом на лицевой стороне и круто загнутыми к горлу рогами. На Боспоре известно одиннадцать находок зеркал пятой серии борисфенитского типа.

В Восточном Крыму были случайно найдены зеркало (2016 г.) (рис. 2, 8. Карта. № 30) и отломанная рукоять зеркала (2011 г.) (рис. 2, 9. Карта. № 31) пятой серии борисфенитского типа.

На Азиатском Боспоре известны девять подобных находок. 1) В 2017 г. восточнее пос. Супсех Анапского р-на Краснодарского края было случайно найдено бронзовое зеркало (рис. 2, 10. Карта. № 32). Следует отметить, что в бухте, образуемой устьем р. Супсех, в настоящее время исследуется раннее греческое поселение (фактория?) эпохи архаики⁷. 2) В 1972 г. под Новороссийском в Цемдолине был обследован разрушенный распашкой могильник и там Н. А. Онайко было найдено бронзовое зеркало (Онайко. 1973. С. 143–144. Рис. 1) (рис. 2, 11. Карта. № 33). 3) В 2017 г. при раскопке погребений некрополя поселения Южный склон-4 на Тамани было найдено такое же по типу зеркало (Зуев, Сударев. 2022. С. 119–129) (рис. 2, 12. Карта. № 34). 4) В 1993 г. на восточном могильнике Старокорсунского городища было случайно найдено зеркало этой же серии (Хачатурова. 1996. С. 45–46. Рис. 1) (рис. 2, 13. Карта. № 35). 5) В 2015 г. у ст. Усть-Лабинской случайно было найдено бронзовое зеркало (рис. 2, 14. Карта. № 36). 6) В Красногвардейском районе республики Адыгеи в 2016 г. было случайно найдено бронзовое зеркало (рис. 2, 15. Карта. № 37). 7) В 2011 г. в Краснодарском крае было случайно найдено бронзовое зеркало (рис. 2, 16.

⁵ Всего найдено 7 экз. (Там же. С. 71).

⁶ Всего найдено 6 экз. (Там же. С. 75).

⁷ Благодарю за устное сообщение Н. И. Сударева.

Карта. № 38). 8) В 2019 г. на берегу р. Малки на границе Кабардино-Балкарии и Ставрополя было случайно найдено зеркало этой серии (рис. 2, 17. Карта. № 39). 9) В 1954 г. при раскопках каменного ящика в могильнике в пос. Каменноостском Кабардино-Балкарии П. Г. Акритас нашёл бронзовое зеркало борисфенитского типа (Акритас. 1955. С. 25–49. Рис. 8) (рис. 2, 18. Карта. № 40).

Всего на просторах Скифии известно 55 находок зеркал пятой серии борисфенитского типа, которые образуют три варианта по форме геометрического элемента в навершии рукоятей.

Зеркала, у которых имеются овальные формы навершия рукоятей, составляют первый вариант данной серии⁸. На Боспоре найдено четыре экземпляра зеркал этого варианта (Крым 2011 и 2016 г.; Берег р. Малка, 2019 г. и Каменноост 1954 г.). Рукоять зеркала, найденного на берегу р. Малка, покрыта по восковой модели рукояти тонкой по рисунку орнаментальной гравировкой.

Зеркала с трапезиевидными подпрямоугольными элементами в навершии рукоятей образуют второй вариант данной серии⁹. На Азиатском Боспоре найдено пять зеркал этого варианта (Краснодарский край, 2011 г.; Южный берег-4, 2017 г.; Супсех, 2017 г.; Усть-Лабинская, 2015 г.; Адыгея, 2016 г.).

Зеркала, имеющие в навершии шестигранный элемент и два выступающих шипа под ними, образуют третий вариант зеркал пятой серии борисфенитского типа¹⁰. На Азиатском Боспоре найдено два таких зеркала (Цемдолина, 1972 г.; Восточный могильник Старокорсунского городища, 1993 г.).

Анализируя данные картографии распространения греческих зеркал в эпоху архаики, наряду с уже намеченными в археологической литературе путями торговых и культурных связей Борисфена и Ольвии со скифским миром во второй половине VI в. до н. э. (путь в Приуралье: Граков. 1947. С. 23–38; путь в Трансильванию: Бондарь. 1955. С. 58–80; путь в лесостепное Поднепровье: Фармаковский. 1914. С. 15–30), я выделил в 2014 г. новое направление, которое назвал Боспорским транзитным путём распространения зеркал борисфенитского типа (Зуев. 2014. С. 66–94). Он восстанавливается от Ольвии через Перекоп, степной Крым к Пантикапею. Далее, через Боспор к грече-

⁸ Всего на 2023 г. известно 16 зеркал этого варианта.

⁹ Всего на 2023 г. известно 27 зеркал этого варианта.

¹⁰ Всего на 2023 г. известно 8 зеркал этого варианта. Три обломка рукоятей с головками баранов на конце и одно очень странное по моделировке зеркало, отличающееся от всех зеркал пятой серии, но заканчивающееся на рукояти головкой барана, образуют группу неопределённых по вариантам экземпляров, отнесенных мною всё же к зеркалам пятой серии.

ским поселениям Азиатского Боспора на Тамани и далее — по р. Кубань на Северный Кавказ в Пятигорье. Существует от Тамани и путь на северо-восток через степи правобережья р. Волги. Вполне реальной представляется теперь и возможность прямого морского сообщения Борисфена с прибрежными городами и греческими поселениями типа Супсех, откуда зеркала борисфенитского типа могли попадать также в Адыгею и далее на восток.

Четверть (10 экз.) всех найденных на Боспоре зеркал борисфенитского типа были обнаружены в инвентаре погребений второй половины VI в. до н. э. Судя по составу инвентаря это были женские захоронения, где зеркала сочетались с туалетными принадлежностями (плоские плитки-растиральники для краски или каменные блюда, красящие вещества в раковинах, ножи). Обычным в варварских захоронениях являются и предметы вооружения (кинжалы, луки и стрелы). В греческих захоронениях обычны разнообразные импортные греческие сосуды. Говоря о косметике и туалетных наборах, я подчёркиваю функцию находок, не отрицая того, что зеркала и отмеченные туалетные принадлежности могли использоваться хозяйками зеркал в ритуальных религиозно-магических целях. Однако, вопреки мнению последователей А. М. Тальгрена и Б. Н. Гракова, я не считаю, что это даёт основание утверждать, что захоронения женщин с зеркалами определяет их социальный статус как жриц неведомого культа, и на этом основании можно строить какие-то этносоциальные гипотезы. Важно отметить, что зеркала борисфенитского типа находят как в погребениях некрополей греческих городов, так и в погребениях варварской знати эпохи архаики.

Симптоматично и то обстоятельство, что три четверти находок подобных зеркал (30 экз.) сделаны случайно. Безусловно, что какая-то часть этих зеркал также происходит из разрушенных захоронений. Но резко возросшее число находок зеркал борисфенитского типа за последнее десятилетие я объясняю активным использованием различными поисковиками металлоискателей, которые позволяют находить массивные бронзовые зеркала «случайно» вне погребальных комплексов. Такие находки я склонен рассматривать как хранилища в древности этих зеркал в ритуальных местах — культовых рощах, мольбищах и т. п., где эти предметы действительно могли использоваться в разного рода магических практиках. Достаточно вспомнить в этом отношении, что все ритуалы жертвоприношений у греков всегда происходили не в храмах, а на специально выбранных ритуальных местах в открытом природном пространстве. Этими соображениями я и склонен объяснять резко возросшее в последние годы число находок зеркал борисфенитского типа не только на территории Боспора, но и шире — на просторах Скифии эпохи архаики.

В заключение должен отметить, что эту же тему — о влиянии греков на регион Северного Предкавказья по материалам зеркал эпохи архаики — попыталась раскрыть в 2021 г. московская исследователь Т. М. Кузнецова (Кузнецова. 2021. С. 36–53). Она использовала в своём исследовании данные о 17 находках зеркал якобы «ольвийского типа», как она называет борисфенитские зеркала. Но при этом она пишет о четырёх находках, которые ни к зеркалам борисфенитских серий, ни к зеркалам «ольвийского» типа отношения не имеют. Ещё четыре зеркала из числа «ольвийских» изданы ею совершенно неверно — то есть, издавая изображения зеркал, Т. М. Кузнецова приводит просто ошибочно другие данные о местах и истории нахождения этих предметов. Очень противоречивые представления Т. М. Кузнецова излагает о способах изготовления этих зеркал, комбинируя свои идеи о процессах производства (она считает, что некоторые зеркала «ольвийского типа» отливались в каких-то общих литейных формах) с заимствованными цитатами из опубликованной в интернет-ресурсах работе ныне покойного Ю. В. Оборина о технике литья зеркал борисфенитского типа (Т. М. Кузнецова считает, что этот специалист оказался под влиянием ошибочных идей В. Ю. Зуева, что она исправляет, посмертно используя часть его разработок). В целом, Т. М. Кузнецова на такой малочисленной и ошибочно поданной выборке зеркал пытается доказать, что греческие мастера из Милета оказывали прямое влияние на регион Северного Кавказа, поставляя именно сюда зеркала «ольвийского» типа с фигурками львов на концах рукоятей (поскольку лев — исключительно символ Милета, по её мнению). А скифские мастера Предкавказья взяли на вооружение милетские прототипы зеркал «ольвийского» типа (которые к тому же, по мнению Т. М. Кузнецовой, являются ещё и «протопатерами» — прототипами сосудов римской эпохи), переделали львов в пантер и, распространяя эти зеркала по всей Скифии, занесли их в Ольвию, где по находкам в погребениях городского некрополя этот тип зеркал эпохи архаики и получил своё «ольвийское» название в кавычках. О том, насколько несостоятельна концепция Т. М. Кузнецовой как по фундированию её реальными материалами, так и по небрежности выстраивания системы доказательств, полагаю, сказанного здесь достаточно.

Литература

- Акритас П. Г. Археологические работы в Кабарде в 1954 году (Предварительные итоги) // УЗ КНИИ. 1955. Т. X. С. 25–49.
- Бондарь Н. Н. Торговые сношения Ольвии со Скифией в VI–V вв. до н. э. // СА. 1955. № 23. С. 58–80.

- Граков Б. М. Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну і класичну епохи? (До питання про сухопутний торговельний шлях через Скіфію за Геродотом) // Археологія. 1947. Т. I. С. 23–38.
- Зуев В. Ю. Греческие импорты художественной бронзы и подражания им в районе Центрального Предкавказья. 1. Крымгиреевское зеркало // БФ 2009. С. 484–495.
- Зуев В. Ю. Боспорский транзитный путь распространения греческих зеркал в эпоху архаики (по материалам погребальных памятников и случайных находок) // Погребальная культура Боспорского царства: материалы круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения М. М. Кубланова (1914–1998). СПб.: Нестор-История. 2014. С. 66–94.
- Зуев В. Ю. Первая серия зеркал борисфенитского типа // БФ 2018. Часть 2. С. 25–46.
- Зуев В. Ю. Типология борисфенитских зеркал // Древность: историческое знание и специфика источника: избранные доклады и статьи. М.: ИВ РАН, 2019. С. 161–177, 263–264.
- Зуев В. Ю. Третья серия зеркал борисфенитского типа (к вопросу о классификации массового археологического материала эпохи архаики) // МАИАСП. 2019а. № 11. С. 73–145.
- Зуев В. Ю. Зеркала второй серии борисфенитского типа // Древность: историческое знание и специфика источника: материалы научной конференции, посвященной памяти Э. А. Грантовского и Д. С. Раевского. 26–27 ноября 2019 г. М.: ИВ РАН, 2021. С. 149–185.
- Зуев В. Ю. Четвёртая серия зеркал борисфенитского типа // АВ. 2021. Вып. 37. С. 65–85.
- Зуев В. Ю. Зеркало в трёх ипостасях (Фейерде, Валасут, Рэскручь — находка 1853 г.) // Сборник статей памяти В. П. Копылова. Ростов-на-Дону, 2023 (в печати).
- Зуев В. Ю., Сударев Н. И. Борисфенитское зеркало пятой серии из погребения в могильнике «Южный склон-4» на Тамани // АВ. 2022. Вып. 35. С. 119–129.
- Кузнецова Т. М. Зеркала «ольвийского типа» — показатель влияния античного мира на Северном Кавказе // РА. 2021. № 2. С. 36–53.
- Онайко Н. А. Архаические памятники в районе Новороссийска и Геленджика // АО 1972. 1973. С. 143–144.
- Фармаковский Б. В. Архаический период в России. Памятники греческого архаического и древнего восточного искусства, найденные в греческих колониях по северному берегу Чёрного моря, в курганах Скифии и на Кавказе // Доклады, читанные на Лондонском международном конгрессе историков в марте 1913 г. графом А. А. Бобринским, Е. М. Придиком, М. И. Ростовцевым, Б. В. Фармаковским и Э. Р. Фон Штерном. Пг., 1914. С. 15–78. Табл. I–XXVII. (МАР. № 34).
- Хачатурова Е. А. Новая находка архаического бронзового зеркала в Прикубанье // Историко-археологический альманах. 1996. № 2. С. 45–46.

М. Ю. Трейстер

**ЮВЕЛИРНЫЕ УКРАШЕНИЯ ПОЗДНЕАРХАИЧЕСКОГО
И РАННЕКЛАССИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ НА БОСПОРЕ
(КОНЕЦ VI — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА V в. до н. э.)
I. ПЕРСТНИ**

Находки ювелирных украшений в некрополях Боспора конца VI — первой половины V в. до н. э. чрезвычайно редки. Если не рассматривать находки из датирующихся ещё в пределах середины — третьей четверти V в. до н. э. так называемых старших Семибратних курганов № 2 и 4, то украшения, датирующиеся первой половиной или, возможно, первой четвертью V в. до н. э., представлены бусами и подвесками ожерелий, а также височными подвесками из нескольких погребений могильников Артюшенко-2 (Кашаев. 2010. С. 137–139. Рис. 1–2; 2019. С. 249, 251. Рис. 12) и Волна-1 (Мимоход и др. 2018. С. 223, 225. Рис. 10, 3) на Таманском полуострове.

Однако относительно большое количество ювелирных изделий позднеархаического и раннеклассического времени появляется в погребениях, датирующихся в рамках третьей четверти V — рубежа V–IV вв. до н. э. К ним относятся в первую очередь: погребение № 8 кургана № 17/1876 некрополя Нимфея (Силантьева. 1959. С. 71–78. Рис. 38–42; Уильямс, Огден. 1995. С. 133–134. № 76–77) и каменная гробница, открытая А. Е. Люценко в 1854 г. на северном склоне горы Митридат (Уильямс, Огден. 1995. С. 152–158. № 93–98; *Zwei Gesichter der Eremitage*. 1997. S. 140–144. Nr. 51–55; *Greeks on the Black Sea*. 2007. P. 147–151. Nos. 54–57; Калашник. 2014. С. 72–81), погребение в которой датируют последней четвертью (Силантьева. 1976. С. 127. Прим. 25) или концом V в. до н. э. (*Zwei Gesichter der Eremitage*. 1997. S. 140).

Ювелирные изделия представлены преимущественно двумя категориями: 1) ожерельями и отдельными бусами, бусами с припаянными подвесками, подвесками и 2) перстнями. Учитывая ограниченный объем публикации, остановимся на анализе последних. Перстни, как правило из золота (или электра), можно разделить на две группы: перстни-печати и перстни с декоративными щитками.

Перстни-печати

Эта группа представлена перстнями одного типа со щитками вытянуто-овальной формы, заостренными на концах, и узкими шинками — Дж. Бордман называет форму шинки *stigrup* / «стремечковидной», что вполне соответствует контуру (Boardman. 2001. P. 156–157. Fig. 198. *M*). Указанные перстни он объединяет в «группу Пенелопы» (Boardman. 2001. P. 215, 296, 435. Notes 461–476): с изображением сфинкса из гробницы № 2, открытой в Нимфее в 1868 г. (рис. 1, 1–2) (Vickers. 2002. P. 26–27. Pl. 7; Despini. 1996. P. 262. No. 203; Neverov. 2000. P. 180–181. No. 2; Boardman. 2001. P. 215, 296. Pl. 657); с изображением летящей Ники с тенией — из погребения № 8 кургана № 17/1876 некрополя Нимфея (рис. 1, 3–4) (Силантьева. 1959. С. 74. Рис. 38, 3; Неверов. 1986. С. 19. Прим. 19; Neverov. 2000. P. 179–181. No. 1. Fig. 1; Boardman. 2001. P. 215, 296. Pl. 658; Калашник. 2014. С. 64). Укажем на аналогичный перстень с близким сюжетом — летящей Никой с венком — из погребения некрополя Эретрии второй четверти V в. до н. э. (Kuruniotis. 1913. S. 296, 299. Taf. XVI, 5–5a; Despini. 1996. P. 200, 263. No. 204). Ещё один перстень данного типа с изображением летящей Ники (с венком) предположительно происходит из Крыма и поступил в Эрмитаж в 2001 г. (Арсентьева, Горская. 2019. С. 45–46. № 10).

Изображение летящего Эрота с венком и повязкой представлено на аналогичном по форме щитке серебряного перстня из Фанагории (рис. 1, 5) (ДБК. 1854. Т. 1. С. 132 (как золотой); Т. 3. Табл. XVIII, 14; Furtwängler. 1900. Bd. 1. Taf. 10, 10; Taf. 2. S. 50; Неверов. 1986. С. 19. Прим. 20; Boardman. 2001. P. 215, 296. Pl. 659; Трейстер. 2020. С. 235–236). Подобный сюжет украшает и перстень с Таманского полуострова (ГЭ, Т.1852.96 — Неверов. 1986. С. 19. Прим. 20; Boardman. 2001. P. 435. Note 469). Дж. Бордман отмечал, что перстни с изображением летящего Эрота с венком или венком и лирой характерны для Кипра, где три экземпляра происходят из Мариона (Boardman. 1967. P. 25, 26. Nos. N3–5. Pl. 7; Boardman, Vollenweider. 1978. P. 30. No. 130. Pl. XXIII), и указывал на то, что этот сюжет характерен для позднеархаических скарабеев. Иконографически близкие изображения летящих Ники (Kurtz. 1975. Pl. 61, 3; Wehgartner. 1983. S. 46. Nr. 6; S. 122. Taf. 42, 6; CVA Berlin 8, 1991. S. 59. Taf. 41, 9; CVA München 15, 2010. S. 22–23. Taf. 6, 7–9; S. 24–25. Taf. 7, 6–8) и Эрота (CVA München 15, 2010. S. 24. Taf. 7, 1–3) с тениями или венком представлены на датированных 470–460 гг. до н. э. белофонных лекифах и алабастрах и на краснофигурном лекифе ок. 450 г. до н. э.

Рис. 1. Перстни-печати из драгоценных металлов позднеархаического — раннеклассического времени, найденные на Боспоре. 1–2 — Нимфей, гробница № 2/1868. Оксфорд, Музей Эшмола, инв. № AN 1885.492 (по: Vickers. 2002. Pl. 7); 3–4 — Нимфей, курган № 17/1876, погребение № 8. Санкт-Петербург, ГЭ, инв. № ГК/Н.18; 5 — Фанагория, 1855. Санкт-Петербург, ГЭ, инв. № Т.1885.1 (по: Boardman. 2001. Pl. 659); 6–8 — Фанагория, 2018. Фанагория, Государственный историко-археологический музей-заповедник «Фанагория», инв. № ФМ-КП-102/1 А2278 ГК 31684945. Фото М. Ю. Трейстера, 2019; 9 — Таманский полуостров. Санкт-Петербург, ГЭ, инв. № Т.1877.1 (по: Hausmann. 1994. S. 292. Nr. 8b. Taf. 226).

На перстне с Таманского полуострова, который Дж. Бордман относит к группе Уотертон, датированной им серединой — третьей четвертью V в. до н. э., представлено изображение Пенелопы (рис. 1, 9) (Неверов. 1986. С. 19. Прим. 17; Gauer. 1990. S. 35. Nr. 22; Hausmann. 1994. S. 292. Nr. 8b; Boardman. 2001. P. 216, 435. Note 481).

Уникальна находка золотого перстня 2018 г. в помещении из сырцового кирпича (святилище № 835) под каменным фундаментом храма в Фанагории. И форма перстня, и стиль изображения на его щитке не оставляют никаких сомнений в датировке перстня позднеархаическим временем, скорее всего, около рубежа VI–V вв. до н. э. Изображение обнаженного безбородого юноши в диадеме, с венками в опущенных руках скорее можно связывать с мотивами педерастического или симпозиального круга, нежели спортивного (рис. 1, 6–8) (Трейстер. 2020. С. 233–240. Рис. 1).

Перстни с декоративными щитками

Особого внимания заслуживают так называемые декоративные перстни (Boardman. 2001. P. 232–234), которым О. Я. Неверов (1986. С. 22–23) посвятил лишь один абзац в своей статье. Эти перстни имеют щитки такой же формы, как и перстни, рассмотренные выше, но отличаются формой и техникой изготовления шинки и щитка. На щиток напаивалась пластина с рельефным изображением. Напаянная по краю щитка рубчатая проволока служила в том числе дополнительной фиксацией пластины щитка к основанию. К этой группе принадлежит относящийся ещё к первой половине или середине V в. до н. э. перстень с витой из трёх проволок шинкой со щитком листовидной формы с напаянной пластинкой и рельефным изображением сидящей фигуры Пенелопы из каменной гробницы, открытой в 1854 г. на горе Митридат (рис. 2, 1–3) (Furtwängler. 1900. Bd. I. Taf. 10, 20; Jacobstahl. 1931. P. 193. Nr. 7 (с датировкой 460–450 гг. до н. э.); Неверов. 1986. С. 22, 23. Прим. 73; Gauer. 1990. S. 35. Nr. 20; Hausmann. 1994. S. 292. Nr. 8a; Zwei Gesichter der Eremitage. 1997. S. 143. Nr. 54; Kalashnik. 2004. P. 86; Greeks on the Black Sea. 2007. P. 147. No. 54; Калашник. 2014. С. 74–75), щиток которого украшен по краю рубчатой проволокой; при переходе от дужки к щитку — кольца из рубчатой проволоки между двумя гладкими проволоками. Подобным же образом оформлен и щиток другого перстня середины V в. до н. э. с изображением фигуры Пенелопы с луком (рис. 2, 4) (ДБК. 1854. Т. 1. С. 130; Т. 3. Табл. XVIII, 9; Неверов. 1986. С. 22, 23. Прим. 73; Gauer. 1990.

Рис. 2. Золотые перстни с декоративными щитками позднеархаического — раннеклассического времени. 1–3 — Пантикапей, каменная гробница, открытая в 1854 г. на г. Митридат. Санкт-Петербург, ГЭ, инв. № П.1854.25 (по: Калашник. 2014. С. 74–75); 4 — Плитовая гробница близ Павловской батареи, открытая в 1842 г. Санкт-Петербург, ГЭ, инв. № П.1842.110 (по: Hausmann. 1994. S. 292. Nr. 8с. Taf. 226); 5–6 — Нимфей, курган № 20/1876, гробница № 9. Санкт-Петербург, ГЭ, инв. № ГК/Н.47 (по: Калашник. 2014. С. 65); 7–9 — коллекция С. Едаева (по: Spier, Ogden. 2015. P. 68–69. No. 24).

S. 35. Nr. 21; Hausmann. 1994. S. 292. Nr. 8с; Виноградов. 2020. С. 145, 150. Рис. 1, 1) из женского погребения в деревянном саркофаге в плитовой гробнице, открытой А. Б. Ашиком близ Павловской батареи в 1842 г. и датируемой концом V в. до н. э. (Boardman. 1970. P. 37) или

концом V — началом IV в. до н. э. (Виноградов. 2020. С. 152). Здесь дужка при переходе к щитку оформлена двумя львиными головками. Дж. Бордман относит перстни из некрополя Пантикапея к типу 1 категории «Relief rings» (Boardman. 2001. P. 446).

Сопоставимые изображения Пенелопы мы находим на мелосских терракотовых рельефах ок. 470–450 гг. до н. э. (Jacobstahl. 1931. S. 165, 192; LIMC VII. 1994. S. 294. Nr. 33 s. v. Penelope [Chr. Hausmann]; Stulp. 2006 — нет в списке литературы S. 100–101, 200–205. Nr. 65–72. Taf. XXIX–XXXI, на других перстнях и их оттисках, а также в вазописи (Gauer. 1990. S. 33–36; Hoelscher. 2011. S. 46–49. Abb. 11–14).

Обращает на себя внимание и тот факт, что на внутренней стороне перстень из гробницы 1854 г. украшен напаянными филигранными спиралями (рис. 2, 2). Этот элемент и оформление самой дужки, которая дополнительно украшена львиными головками у перехода к щитку, позволяют сопоставить его с перстнем из гробницы № 9 кургана № 20/1876 некрополя Нимфея (рис. 2, 5–6) (Силантьева. 1959. С. 42. Рис. 19, 2а–б; Неверов. 1986. С. 22. Прим. 72. Табл. II, 4; Neverov. 2000. P. 180. Fig. 5; P. 182. No. 9; Калашник. 2014. С. 65). Оформление лицевой стороны щитка двойной филигранной пальметтой, как справедливо отмечала Л. Ф. Силантьева (1959. С. 42), сопоставимо с украшением перстня из погребения CLV некрополя Ялисос на Родосе конца V в. до н. э. (Jacorí. 1929. P. 158. Fig. 151). С перстнем из гробницы 1854 г. его сближает и оформление торцевой части щитка напаянными S-видными спиралями. Перстень этой же группы, также происходящий из Северного Причерноморья, хранится в Берлине — здесь двойная филигранная пальметта припаяна как на внешней, так и на внутренней стороне щитка. Дужка с окончаниями в форме львиных головок сплетена в форме косички из двух проволок (Greifenhagen. 1970. S. 41. Taf. 17, 6–7; Higgins. 1980. P. 132. No. 4; Despini. 1996. P. 45, 205, 266. No. 214).

Еще один перстень с витой дужкой с окончаниями в форме львиных головок и щитком с рядом ионийского киматия по торцу, украшенным на лицевой и оборотной сторонах двойной филигранной пальметтой, поверх которой в центре напаяна шестилепестковая розетка, находится в коллекции С. Едаева (рис. 2, 7–9) (Spier, Ogden. 2015. P. 68–69. No. 24). Обрамленный рубчатой проволокой щиток золотого перстня в Провиденсе украшен пластиной с рельефным изображением летящей Ники с венком (Nackens. 1976. P. 54. No. 13). К этой же группе относится и перстень из коллекции П. Каннелопулоса — с витой дужкой, оформленной при переходе к щитку львиными головками. На щитке напаяна пластинка с рельефным изображе-

нием Эрота (?) в профиль вправо (Laffineur. 1980. P. 378–379. No. 54. Figs. 53–54). Рубчатой проволокой по краю оформлен щиток датированного IV в. до н. э. перстня с пластиной с рельефным изображением задрапированной мужской фигуры из раскопок святилища Афины Полии в Стимфалосе в Аркадии (Young. 2006. P. 131. No. 6. Fig. 3).

Витые шинки, как у перстней с Боспора, появляются не позднее второй четверти V в. до н. э. — они имеются у нескольких перстней из погребений некрополя Эретрии этого времени (Kuruniotis. 1913. S. 300–301. Taf. XVI, 6–10), при этом щитки двух перстней аналогичной формы украшены филигранными двойными пальметтами (в одном случае — с розеткой в центре) со впаянными в завитки (лепестки) шариками зерни (Kuruniotis. 1913. S. 305–306. Taf. XVI, 9–10), а также у серебряного перстня из некрополя Месембрии (Зони), щиток которого украшен двумя S-видными спиралями с впаянными в завитки шариками зерни и рядом треугольников из зерни по краю (Vavritsa. 1970. σ. 74. πίν. 107δ).

Аналогичные шинки имеют и перстни со щитками в форме беотийского щита, у большинства из которых они украшены в центре тисненым горгонейоном: из района Кавалы в Восточной Македонии (Amandry. 1953. P. 72–73. No. 214. Pl. XXX; Treasures of Ancient Macedonia. 1978. P. 96. No. 399. Pl. 54). Подобный же перстень происходит из Фесний в Беотии (Coche de la Ferté. 1956. P. 60. Pl. 17, 2–3). Ещё один, но серебряный, перстень такого типа — из раскопок святилища на Китносе (Koukoulidou et al. 2017. P. 227. Figs. 102–103). Датированные не позднее первой половины V в. до н. э., три перстня из Эретрии с накладками в форме горгонейонов на щитки (два из них в форме беотийского щита) и с подобной шинкой, заканчивающейся головками змеи, отличаются тем, что свободная часть щитка украшена напаянными треугольниками зерни (Kuruniotis. 1913. S. 300–301. Taf. XVI, 6, 6a–b = Greek Jewellery. 1997. P. 99. No. 86. — Kuruniotis. 1913. S. 300–301, 302–303. Taf. XVI, 8, 8a) или лепестками из рубчатой проволоки (Kuruniotis. 1913. S. 302. Taf. XVI, 7, 7a).

В целом, из пятнадцати перстней «группы Пенелопы» с гравированными изображениями, места находок двенадцати из которых известны, как минимум четыре точно происходят с территории Киммерийского Боспора (Boardman. 2001. P. 215, 296, 435. Notes 461–476). Из семнадцати учтенных здесь декоративных перстней для одиннадцати точно известно или наиболее вероятно место происхождения. Четыре из них происходят из Северного Причерноморья, в том числе три — с территории Киммерийского Боспора. Хотя уже

неоднократно отмечалась редкость ювелирных украшений рассматриваемого времени на Боспоре, в том числе по сравнению с Ольвией (Скуднова. 1988. С. 23), это, как показала представленная сводка, не совсем так, а учитывая, что и на территории Греции находки ювелирных изделий, датирующихся временем ранее второй половины V в. до н. э., в принципе редки (Higgins. 1980. P. 121–122; Уильямс, Огден. 1995. С. 49), Киммерийский Боспор выглядит на этом фоне вполне достойно.

Литература

- Арсентьева Е. И., Горская О. В.* Античные ювелирные изделия из частных собраний. Кольца и перстни: каталог коллекции. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2019.
- Виноградов Ю. А.* Из истории археологических исследований на Павловском мысу под Керчью // Новый Гермес. 2020. Т. 12.1. С. 139–163.
- Калашиник Ю. П.* Греческое золото в собрании Эрмитажа. Памятники античного ювелирного искусства из Северного Причерноморья. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2014.
- Неверов О. Я.* Металлические перстни эпохи архаики, классики и эллинизма из Северного Причерноморья (опыт классификации) // Античная торевтика. Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1986. С. 17–27.
- Силантьева П. Ф.* Некрополь Нимфея // Некрополи боспорских городов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 5–107. (МИА. № 69).
- Силантьева П. Ф.* Спиралевидные подвески Боспора // ТГЭ. 1976. Т. XVII. С. 123–137.
- Скуднова В. М.* Архаический некрополь Ольвии: публикация одной коллекции. Л.: Искусство, 1988.
- Трейстер М. Ю.* Позднеархаический золотой перстень из Фанагории // *Hypanis*. 2020. Вып. 2. С. 233–240.
- Уильямс Д., Огден Д.* Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи. V–IV века до н. э. СПб.: Славия, 1995.
- Amandry P.* Collection Hélène Stathatos. Les bijoux antiques. I. Strasbourg, 1953.
- Boardman J.* Archaic Finger Rings // *AntK*. 1967. Bd. 10. P. 3–31.
- Boardman J.* Pyramidal Stamp Seals in the Persian Empire // *Iran*. 1970. Vol. VIII. P. 19–46.
- Boardman J.* Greek Gems and Finger Rings. Early Bronze Age to Late Classical. 2nd ed. London, 2001.
- Boardman J., Vollenweider M.-L.* Catalogue of the Engraved Gems and Finger Rings. I. Greek and Etruscan. Ashmolean Museum, Oxford. Oxford, 1978.
- Greek Jewellery. 6000 Years of Tradition. Athens, 1997.
- Greeks on the Black Sea: Ancient Art from the Hermitage. Los Angeles, J. Paul Getty Museum, 2007.

- Jacopi G.* Scavi nella necropoli di Jalisso, 1924–1928. Bergamo, 1929. (Clara Rhodos. Vol. III).
- Despini Ai.* Greek Art. Ancient Gold Jewellery. Athens, 1996.
- Furtwängler A.* Die antiken Gemmen: Geschichte der Steinschneidekunst im Klassischen Altertum. Leipzig; Berlin, 1900. Bde 1–3.
- Gauer W.* Penelope, Hellas und der Perserkönig: ein hermeneutisches Problem // *JdI.* 1990. Bd. 105. S. 31–65.
- Greifenhagen A.* Schmuckarbeiten in Edelmetall. Bd. I. Berlin, 1970.
- Hackens T.* Catalogue of the Classical Collection. Classical Jewelry. Museum of Art, Rhode Island. School of Design. Providence, 1976.
- Hausmann C.* Penelope // *LIMC.* 1994. Vol. 7. S. 291–295.
- Higgins R. A.* Greek and Roman Jewellery. 2nd ed. London, 1980.
- Hoelscher T.* Penelope für Persepolis // *JdI.* 2011. Bd. 126. S. 33–76.
- Jacobstahl P.* Die melischen Reliefs. Berlin-Wilmersdorf, 1931.
- Kalashnik Y.* Greek Gold. From the Treasure Rooms of the Hermitage. Zwolle, 2004.
- Koukoulidou C., Mazarakis-Ainian A., Theodoropoulou T., Touloumtzidou A., Varvarinou-Vai D., Zymi E. & Papadopoulou Z.* Small Finds from the Sanctuary of Kythnos // *Les sanctuaires archaïques des Cyclades.* Rennes, 2017. P. 193–256.
- Kuruniotis K.* Goldschmuck aus Eretria // *AM.* 1913. Bd. 38. S. 289–328.
- Kurz D.* Athenian White Lekythoi: Patterns and Painters. Oxford, 1975. (Oxford Monographs on Classical Archaeology).
- Laffineur R.* Collection Paul Canellopoulos (XV). Bijoux en or grecs et romains // *BCH.* 1980. Vol. 104. P. 345–457.
- Neverov O. Y.* Gems and Finger-Rings from Nymphaeum (Towards a Monograph of Classical Glyptics) // *ACSS.* 2000. Vol. 6. P. 179–191.
- Spier J., Ogden J.* Rings of the Ancient World. Wiesbaden, 2015.
- Treasures of Ancient Macedonia. Thessaloniki, 1978.
- Vavritsa A.* Ανδρέου Βαβρίτσα, Ανασκαφαί Μεσημβρίας Θράκης // *Πρακτικά της εν Αθήναις Αρχαιολογικής Εταιρείας.* 1970 (1972). Σ. 66–75.
- Vickers M.* Scythian and Thracian Antiquities. Oxford, 2002.
- Wehgartner I.* Attisch weißgrundige Keramik. Mainz, 1983. (Keramikforschungen V).
- Young A.* Gold and Gilded Jewelry from the “Athena” Sanctuary, Stymphalos // *Les Ors des Mondes grec et “barbare”.* Paris, 2006. P. 129–138.
- Zwei Gesichter der Eremitage. Die Skythen und ihr Gold. Bonn, 1997.

Е. А. Савостина

**НОВОЕ ЗВЕНО В СКУЛЬПТУРНОЙ «МАЛОАЗИЙСКОЙ СЕРИИ»
ПОЗДНЕГО ЭЛЛИНИЗМА: ГОЛОВА ЖЕНСКОЙ СТАТУИ
ИЗ ПАНТИКАПЕЯ**

Не так давно в обзоре новостей в изучении греческой скульптуры Шейла Диллон написала о свершениях в этой сфере науки, состоявшихся уже в XXI в. (Dillon. 2017. P. 223–234). Обозначив актуальные направления, она отметила замечательные находки, открытия в исследовании материалов и технологий — полихромии мраморной скульптуры, определении месторождения мраморов (не всегда, как оказалось, связанных с родиной мастера), техники обработки — и подвела весьма существенные итоги по сравнению даже с началом века, о чём писала Б. С. Риджвей (Ridgway. 2005. P. 63–71). Коснулась Диллон и осуществленных выставок. Справедливости ради надо сказать, что и у нас, при известной скромности боспорского скульптурного потенциала, в скульптурной теме XXI в. также случались свои радости, и некоторые из них напрямую были связаны с выставочными проектами.

На выставке «Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства» (ГМИИ им. А. С. Пушкина, 2017) среди памятников скульптуры из Пантикапея экспонировалась мраморная голова от большой женской статуи из Эрмитажа (ГЭ. ПАН-740) (рис. 1а, б). С сильными повреждениями, но всё же весьма выразительная, она впервые была опубликована ещё А. Б. Ашиком (Ашик. 1848. С. 55. Рис. CVI) и с тех пор не привлекала специального внимания исследователей. В документации музея скульптура значится как произведение строгого стиля, в каталоге недавней выставки, напротив, обозначена как римская копия греческого оригинала конца V — первой половины IV в. до н. э. (Жижина, Зашляпин. 2017. С. 276–277. Кат. 142). Однако её своеобразные стилистические черты и многочисленные совпадения с иными произведениями греческой пластики, обнаруженными в Пантикапее, позволяют усомниться в окончательности такого определения.

Голова статуи (выс. 44 см) с высоким широким лицом опирается на прямую монументальную шею. Судя по правой стороне изваяния

Рис. 1 а, б. Голова женской статуи. Мрамор. I в. до н. э. ГЭ. Инв. № ПАН.-740. Фото ГЭ

(рис. 1а), обрамлявшие лицо волосы, не зачесываясь наверх, собирались низко на затылке. В их широких волнистых прядях, частично сохранившихся на левой стороне, просверлены цилиндрические углубления для металлических вставок (рис. 1б), как в декоре мраморных голов статуй богинь, в том числе Афины (ГМИИ. М-1526, выс. 44,5 см), и боспорского царя (ГЭ. П. 1860-20, выс. 42 см), найденных также в Пантикапее (Жижина, Зашляпин. 2017. С. 277).

Совершенно очевидно, что и другие характерные элементы этого женского изваяния уже встречались в портрете боспорского царя (Савостина. 2012. С. 189 сл.). Несомненна общность схемы построения голов статуй, их монументальность, техника обработки мрамора наряду с особенностями декоративных элементов. Однородность системного подхода к созданию скульптурного образа и трактовке деталей была понятна уже при первом впечатлении. Однако более подробно удалось рассмотреть эти памятники, зрительно сопоставить и сделать уточняющие заключения только в следующем выставочном проекте — «В поисках античного Боспора» (ГЭ, 2022)¹, где они экспонировались вместе (рис. 2).

¹ Огромная благодарность за осуществление эксперимента всем организаторам выставки, хранителям, реставраторам и фотографам ГЭ, и в первую очередь Н. К. Жижиной.

Рис. 2. Голова статуи царя и голова женской статуи. Мрамор. I в. до н. э. ГЭ. Инв. № П. 1860-20, ПАН.-740. Фото ГЭ

Ранее нам приходилось обсуждать манеру, в которой было выполнено изображение царя (Савостина. 2012. С. 191 сл.). На наш взгляд, она представляет собой характерный сплав, сочетающий черты позднеэллинистической иконографии (в данном памятнике — черты лисипповского Александра, укоренившиеся в иконографии и богов, и правителей; яркий пример — голова статуи Гелиоса, III в. до н. э., Родос) (Smith. 1991. P. 242. Fig. 303) и строгого стиля ранней классики — как бы волшебным образом соединились две предыдущие атрибуты. Гладкий овал лица, контраст фаса и профиля, резкое сочленение частей, крупный рот с уголками, отмеченными сверлом, массивный выступающий подбородок — все эти черты видим и в женском изображении. Аналогичны приемы изображения глаза — овального, чуть опущенного к слезнику (рис. 3). Внутренняя поверхность глаз, обрамленных верхним и нижним веками, слегка выпуклая и имеет наклон, обусловленный точкой обзора скульптуры. В статуе женщины сохранились следы росписи глаза² (ср.: Blume. 2015. S. 177. Abb. 6).

² Последние реставрационные мероприятия по расчистке и закреплению камня проводились в 2014–2015 гг. Реставратор К. Н. Благовещенский (Лаборатория научной реставрации цветного камня ГЭ).

а

б

Рис. 3. а — голова статуи царя. Деталь; б — голова женской статуи. Деталь. Фото ГЭ

Оборотные стороны голов статуй царя и женщины также построены по единому принципу: они не завершены пластически и подготовлены под накладку (рис. 4). Несмотря на серьёзные утраты, сколы и следы воздействия огня (Жижина, Зашляпин. 2017. С. 276), оборот головы женской статуи сохранил признаки первоначальной обработки и следы орудия (острое зубило) — косые штрихи, нанесенные под разными углами, как делали греческие скульпторы (Palagia. 2006. P. 251). Особенно хорошо они заметны на макушке и шее. Посередине головы, ото лба, проходит глубокий пропиленный желоб, напоминающий след от плуга или другого мощного металлического орудия, воздействие которого могло послужить причиной разрушения правой верхней части головы статуи. По левой стороне, над уцелевшим глазом, поверхность сохранилась лучше, и можно видеть, что она подработана зубилом с закругленным краем, применяемым для более выраженного изгиба (Palagia. 2006. P. 252). За линией волос, обрамляющих лицо, поверхность головы слегка прогибается, по границе волос отмечены редкие углубления, сделанные буровом (вероятно, для крепления головного убора). Более частые углубления просверлены на полоске волос — нередко это делалось для крепления металлических, обычно бронзовых, но иногда свинцовых прядей. Как считается, благодаря пластичности металла, так было легче изобразить что-то в более реалистичной манере, включая волосы, украшения, детали вооружения (Jacob. 2019. P. 679). По оставшемуся фрагменту можно понять, что в целом схема расположения углублений похожа на ту, что мы видим на

голове статуи боспорского царя (рис. 4). Так же, как у него, поверхность головы женской статуи подготовлена под накладку, но, судя по усеченной форме затылка, она имела иной характер, о котором трудно сейчас судить. В статуе царя на основании формы оборота мы предполагаем головной убор из бронзы, воспроизводящий характерную ахеменидскую шапку типа кирбасии (Савостина. 2012. С. 199; Трофимова. 2016. С. 71). По мнению некоторых учёных, с VI в. до н. э. металлическими накладками могли быть доспехи, включая шлем на голове курiosa из Лувра (Натиаux. 2001. Р. 91. no 82). В группе пантикапейских памятников это упоминающая голова статуи Афины. «Сборные статуи» были особенно популярны в эллинистический период и могли делаться не только из нескольких блоков, но и из полос мрамора (Jacob. 2019. Р. 660). Иногда они дополнялись стуком (глиной) или бронзой, и этот приём был известен ещё в эпоху архаики, судя по несовершенной форме затылка некоторых статуарных голов (Jacob. 2019. Р. 662).

Впечатляющее сходство двух рассмотренных статуй — как общей структуры построения, так и материала и характерных элементов — не оставляет сомнения в их родстве. Определенно женская голова выполнена мастером, по меньшей мере, того же круга и того же времени, что и голова статуи царя. Но рискнем пойти дальше и предпочтём видеть в них работу одного мастера.

В ходе исследования были рассмотрены различные варианты предназначения статуй и их сочетаемости в группе — типа диптиха, в которых эллинистический правитель и его супруга были представлены в образах различных божеств, не обязательно парных (Queyrel. 2019. Р. 207–209). Однако визуальное сопоставление памятников показало разновеликость их масштабов: голова женской статуи оказалась крупнее (рис. 2). Более выраженная моделировка оживляет и одухотворяет её лицо, что особенно заметно по контрасту с изваянием царя. В случае, если эти статуи стояли рядом, статуя женщины, в соответствии с её масштабом, бесспорно, представляла богиню.

Рис. 4. Обратная сторона головы статуи царя и головы женской статуи. Фото автора

Рис. 5. Головы статуй: женской, царя и Митридата Пергамского в экспозиции выставки «В поисках античного Боспора», ГЭ, 2022. Фото автора

Но и без обстоятельства места ничто не препятствует такому предположению.

Кто она, эта богиня, остается вопросом. В какой-то мере идентификация божества может зависеть от трактовки головного убора, однако пока можно только предполагать возможные варианты. На основании упомянутого изгиба за линией волос и расположения новой линии углублений можно предположить, что голову богини венчала стезфана. Венец, надетый над широкой полосой волнистых волос, украшает голову воюющей богини на фризе сокровищницы сифносцев, 525 г. до н. э. (Stewart. 1990. Fig. 198), богини на троне из Тарента, 470 г. до н. э. (Stewart. 1990. Fig. 256), статуи Деметры Книдской, 340–330 гг. до н. э. (Stewart. 1990. Fig. 572). Но и шлем Афины с западного фронтона храма Афины Афайи (490–480 гг. до н. э.) с прикрывающим шею задником надвинут на затылок, также оставляя полосу распадающихся на две стороны волос надо лбом (Stewart. 1990. Fig. 241).

На выставке 2022 г. рассмотренные изваяния стояли рядом с ещё одной мраморной головой — так называемым Митридатом Пергамским (ГЭ. П. 1909-144, выс. 38 см) (рис. 5), широко известная иконография которого не оставляет сомнения в атрибуции (Неверов. 1968. С. 235). Эта скульптура также была составной, причём дополнялась вся затылочная часть головы. Митридат был представлен в метафорическом образе Геракла, известном в его статуарной традиции

(Савостина. 2012. С. 204 сл.). Расположение скульптурных голов в экспозиции не было случайным. На характерные черты Митридата Пергамского в свое время мы опирались при отождествлении портрета царя (ГЭ. П. 1860-20) с его прижизненным изображением как Митридата Евпатора Диониса (до 63 г. до н. э.). А. А. Трофимова, в свою очередь, предложила видеть в нём скульптуру Митридата августовского времени (Трофимова. 2016. С. 71). Тема остается в дискуссионном поле, однако выставка дала возможность визуально сопоставить и эти портретные изображения. При разнице иконографического решения очевидна их общность: крутая линия лба, как бы набухающего у надбровий, уплощенный треугольник в месте перехода от надбровий к переносице, глубина глазниц, круглый выступающий подбородок, слабо моделированная поверхность щёк (рис. 5). Эта общность, хотя и не говорит о прямом повторении, но всё же свидетельствует о близких художественных приёмах и общих эстетических предпочтениях, проявившихся и в скульптуре царя, и голове женской статуи.

Узкая полоска волос надо лбом Митридата-Геракла трактована короткими косыми насечками. Примечательно, что такие же насечки видим на причёске Афины из ГМИИ. Они появляются на втором этапе существования статуи, после её переработки, когда были заложены углубления, декорировавшие прежнюю более пышную причёску, и дополнены уши. Очевидно, был заменён шлем богини, изменился его тип и способ ношения. Судя по идентичности трактовки волос, этот этап существования статуи Афины мог совпадать с бытованием статуи Митридата Пергамского. В таком случае они могли составлять ещё одну идеологически значимую скульптурную пару богини и царя.

В эллинизме такого рода статуи ставили и правители для народа, и народ, почитающий правителей. Это была норма и более раннего времени, но в эллинизме тенденция усилилась (Manakidou. 2012. P. 438). Короткий исторический период между возвышением Пергама (281 г. до н. э.) и римским завоеванием всего Средиземноморья был отмечен особым поворотом в искусстве, направленным на пропаганду династического права монархии (Baigamí. 2015. P. 156). На эллинистическом этапе были возможны разнообразные стили, наполнявшие художественное пространство городов, но со II в. до н. э. и на Родосе, и в Пергаме доминировали классицистические тенденции (Baigamí. 2015. P. 162). При этом особенно популярна была техника «сборки статуй». Все крупные центры производства: Пергам, Магнезия на Меландре, Кос, Ксанф, Родос, Делос и Мелос — применяли эту практику.

Металлические дополнения получили более широкое распространение, а количество прикрепленных деталей увеличилось «иногда без той умеренности, что была ранее» (Jacob. 2019. P. 660, 667).

Митридат, многочисленные статуи которого после его гибели провозили в триумфе Помпея, несомненно, не пренебрегал возможностью своего прославления. Вероятно, известны ещё не все типы его статуарного воплощения. В одном только Пантикапее с ним связано не одно изображение. Наиболее знамениты рассмотренные портреты: один традиционный, в героическом греческом стиле, другой необычный, передающий образ греко-восточного плана. Возможно, им обоим соответствовали изображения богинь: Афина — гипотетически, неизвестная «новая» богиня — несомненно. Очевидно, что статуи были привезены из Малой Азии и составляли серию изваяний, важных в идеологической системе, создаваемой Митридатом Евпатором — некогда великим правителем Понта, завершавшим свой век в качестве царя Боспора.

Одним из итогов «отчетного» периода в XXI в., с чего мы начали рассказ, стал вывод о том, что модель развития скульптуры, предполагающая одну или даже множество линий непрерывного развития, неадекватна для объяснения исторических, культурных и эстетических сложностей греческого скульптурного производства. «Это миф», — прямо пишет Ш. Диллон (Dillon. 2017. P. 232). Знакомясь с малоазийской скульптурной продукцией, попадающей или не попадающей на Боспор, можно легко с этим согласиться. Многие произведения действительно не находят точного места ни в пергамской, ни в родосской линиях развития. Их сходство определяет иную совокупность — группу, серию, обладающую несколькими общими признаками, связанными художественными принципами и историческими условиями. Довольно сложно и не сразу выявляется каждое новое её звено. Однако нельзя не согласиться с Ш. Диллоном в том, что именно из-за таких сложностей изучение греческой скульптуры «продолжает оставаться бесконечно увлекательной и продуктивной областью исследований в классической археологии» (Dillon. 2017. P. 232).

Литература

- Ашик А. Б. Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Ч. 1–3. Одесса: Тип. Т. Неймана и К^о, 1848–1849.
- Жижина Н. К., Захлятин Б. Д. Фрагментированная голова от большой женской статуи // Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства: каталог выставки. М.: ГМИИ им. А. С. Пушкина, 2017. С. 276–277. Кат. 142.

- Неверов О. Я.* Митридат Евпатор и перстни-печати из Пантикапея // СА. 1968. № 1. С. 235–238.
- Савостина Е. А.* Эллада и Боспор. Греческая скульптура на Северном Понте. Симферополь; Керчь: АДЕФ-Украина, 2012.
- Трофимова А. А.* Царский портрет на Боспоре: хронология, типология, специфика // Элита Боспора и боспорская элитарная культура: материалы международного круглого стола (22–25 ноября 2016 г.). СПб.: Палаццо, 2016. С. 68–74.
- Bairami K.* Rhodes and Pergamon: Affinities in Large-Scale Sculpture // Pergamon als Zentrum der hellenistischen Kunst. Bedeutung, Eigenheiten & Ausstrahlung. Internationales Kolloquium Berlin, 26.–28. September 2012. Berlin, 2015. S. 156–164.
- Blume C.* Zur Polychromie pergamenischer Plastik. Vom Attalos-Porträt zur “Athena mit der Kreuzbandägis” // Pergamon als Zentrum der hellenistischen Kunst. Bedeutung, Eigenheiten & Ausstrahlung. Internationales Kolloquium Berlin, 26.–28. September 2012. Berlin, 2015. S. 135–143.
- Dillon S.* Approaches to the Study of Greek Sculpture // The Diversity of Classical Archaeology. 2017. Vol. 1. P. 223–234.
- Hamiaux M.* Les sculptures grecques I. Des origines à la fin du IVe siècle avant J.-C. Musée du Louvre, Département des antiquités grecques, étrusques et romaines. Paris, 2001.
- Queyrel F.* The Portraits of the Ptolemies // Handbook of Greek Sculpture. Berlin; Boston, 2019. Vol. I. P. 194–224.
- Manakidou E.* Politics and Society // A Companion to Greek Art. Oxford, 2012. Vol. II. P. 414–439.
- Palagia O.* Marble Carving Techniques // Greek Sculpture: Function, Materials, and Techniques in the Archaic and Classical Periods. Cambridge, 2006. P. 243–279.
- Ridgway B. S.* The Study of Greek Sculpture in the Twenty-First Century // Proceedings of the American Philosophical Society. 2005. Vol. 149. № 1. P. 63–71.
- Smith R. R. R.* Hellenistic Sculpture. London, 1991.
- Stewart A.* Greek Sculpture: An Exploration. New-Haven, 1990.
- Jacob R.* Piecing, Attachments, Repairs // Handbook of Greek Sculpture. Berlin; Boston, 2019. Vol. I. P. 657–689.

Т. А. Ильина, М. Б. Муратова

**ИЗОБРАЖЕНИЯ ТАК НАЗЫВАЕМОЙ АФРОДИТЫ
В МОНУМЕНТАЛЬНОЙ КОРОПЛАСТИКЕ БОСПОРА**

В процессе археологических работ на греческих городищах, расположенных в Керчи и её окрестностях, — в Пантикапее, Мирмекии, Артезиане и Илурате — были открыты две целые статуэтки и более тридцати фрагментов больших терракот, относящихся к одному типу — стоящей женщины в длинном хитоне, стефанае и гиматии. Они хранятся в Государственном Эрмитаже, ГМИИ им. А. С. Пушкина, Музее истории религии и Восточно-Крымском историко-культурном музее-заповеднике. Большинство из них найдены в открытых комплексах и переотложенных слоях, поэтому датируются авторами раскопок достаточно широко — II в. до н. э. — II в. н. э.

Когда и где появился этот иконографический тип? Когда и откуда попал на Боспор? Как трансформировался в местной коропластике? Наконец, кого может изображать стоящая женщина? Вот вопросы, которыми мы задаемся в данной работе.

Лучше всех сохранилась статуэтка, открытая на «верхнем» некрополе Илурата с материалами тризны I–III вв. н. э. (Хршановский. 1987. С. 50; Горончаровский. 2000. С. 255). Терракота изображает свободно стоящую в трёхчетвертном повороте влево женскую фигуру высотой 62 см. Правая нога слегка согнута в колене и выставлена вперёд. Богиня (как мы полагаем) одета в длинный, подвязанный под грудью хитон. На голове — высокая стефана, поверх которой наброшен гиматий. Край покрывала свернут жгутом и перекинут через сгиб выставленной вперёд левой руки. Оба предплечья и кисти рук утрачены. Из-под подола длинной одежды выглядывают мысы башмачков. Вьющиеся волосы разделены на прямой пробор и обрамляют удлинённый овал лица с высоким лбом и прямым носом. От висков вниз на плечи спускается пара локонов.

Иконографически близкая ей статуэтка меньшего размера (46 см) происходит из эллинистических слоев Мирмекия (Денисова. 1981. С. 60; ГЭ, инв. Мир. 59-51) (рис. 1). Терракота склеена из многих

фрагментов, имеет значительное количество утрат и догипсовок. Несмотря на худшую сохранность, мирмекийская находка дает представление о положении рук богини. Правой согнутой в локте рукой она придерживает верхний край гиматия — традиционный жест невесты в греческой иконографии (Oakley. 2020. P. 189–212), кисть левой реконструирована на уровне пояса.

Статуэтки изготовлены с учётом канонов, присущих скульптуре поздней классики: S-видный изгиб торса, перенос опоры на правую ногу. Верхняя часть фигуры изображается в одной плоскости — фронтально и статично, в нижней движение передается через выступающую вперёд ногу, которая разрывает это плоскостное пространство. Описанная композиция восходит к типу, представленному в мраморной скульптуре статуей Артемисии с Галикарнасского мавзолея, датированной серединой IV в. до н. э. (Stewart. 1990. Fig. 535). Достаточно быстро этот тип начинают тиражировать малоазийские коропласты. Так, предположительно из Смирны происходит матрица, датированная концом IV в. до н. э. (Tanagra. 2003. P. 258. No. 201). Формованные в ней фигуры превышали 30 см. Мастерские этого центра, а также Мирины и Пергама прославились изготовлением монументальной терракоты (Денисова. 1981. С. 61). Отметим, что боспорские статуэтки отличает рельефность и однофасадность — черты, также характерные для продукции Малой Азии (Бритова. 1969. С. 119). Возможно, именно из этого региона исследуемый тип попал на Боспор. Здесь местные коропласты, снимая формы с привозных терракот, продлили существование эллинистических образов до первых веков нашей эры.

Более двадцати фрагментов подобных статуэток было найдено на городище Артезиан. Все они происходят из слоя пожара 45 г., в котором

Рис. 1. Женская фигура. Терракота. Малая Азия. До середины I в. н. э. ГЭ, инв. Мир. 59-51. Общий вид

Рис. 2. Женская фигура. Терракота. Малая Азия. До середины I в. н. э. ГЭ, инв. Мир. 59-51. Вид сзади

погибла цитадель Артезиана (Винокуров. 2010). Следовательно, рассматриваемый тип монументальных терракот бытовал на Боспоре как минимум до середины I в.

Большинство исследуемых предметов изготовлено из красновато-оранжевого теста с небольшими белыми включениями, некоторые — из прекрасно отмытой, также боспорской, тонкой светло-коричневой глины со слюдяными блёстками (Кобылина. 1958. С. 191). Основа фигуры, как правило, формовалась в двух матрицах. Лицевая сторона — в профилированной форме; тыльная — в недетализированной, воспроизводящей только контур статуэтки. Рельефные детали одежды — жгуты гиматия, складки хитона — оттискивались отдельно в дополнительных формах (см. ниже). Голову на технологически удлинённой «шее» помещали между двумя половинами туловища. После оттиска стороны между

собой состыковывались, поверхность фигуры и швы тщательно заглаживались. Для соединения деталей поверхность в местах их соприкосновения процарапывали острым инструментом и смазывали жидкой глиной. Она попадала в образовавшиеся бороздки и прочно скрепляла части статуэтки между собой. Выставленные вперёд и в стороны руки или только кисти были сформованы из симметричных деталей или вылеплены от руки. Волосы, черты лица, фигуры, детали одежды и украшения мастер дорабатывал по сырой глине стеклой. Все статуэтки полые, снизу открытые.

Для равномерного обжига на задней стороне терракот проделывалось небольшое отверстие для выхода воздуха, у двух сохранившихся целиком фигур оно круглое (рис. 2). Наряду с равномерно обожжёнными статуэтками встречаются фрагменты тёмно-серого и чёрного цвета (Кобылина. 1958. С. 191). На последнем этапе статуэтка покры-

валась белой грунтовкой и раскрашивалась: волосы коричневой краской, хитон — розовой, а гиматий — голубой.

Таким образом, помимо большого размера, иконографии и композиции, рассматриваемые предметы объединены единой технологией и стилем исполнения. Можем ли мы отнести все эти статуэтки к продукции одной мастерской? Специализировалась ли она только на производстве монументальной терракоты? Где находилась и как датируется?

Как уже было упомянуто, большинство терракот рассматриваемого типа происходят из материалов раскопок городищ Артезиан и Мирмекий. Среди них как целые, так и фрагментированные статуэтки. Здесь также открыты части головного убора, прически, лица, фигуры, детали одежды. Некоторые детали были оттиснуты в одних и тех же матрицах. При этом ни гончарных печей, ни форм там не было обнаружено. Однако в Пантикапее в 1949 и 1953 гг. на Верхнем Митридатском раскопе рядом с двумя гончарными печами были найдены матрицы, производственный брак и терракоты, датированные I–II вв. н. э. (Блаватский. 1951. С. 223; Кобылина. 1958. С. 190). Среди них зафиксированы как предметы мелкой пластики, так и отдельные фрагменты описанных больших статуэток. Кроме того, отсюда же происходят формы, предназначенные для изготовления головы, прически, подола хитона и перекрученного гиматия для больших терракот рассматриваемого облика (Кобылина. 1958. С. 191. Рис. 1, 1; 2, 1, 3–4; 3). Технология производства подобных статуэток — с использованием нескольких форм и последующей доработкой деталей стекой — свидетельствует о высоком профессиональном уровне боспорских мастеров в первые века новой эры. Изготавливали ли их только в Пантикапее или в каждом из обозначенных центров? На данном этапе исследования этот вопрос остаётся открытым.

Кого изображал представленный на терракотах персонаж? В мелкой коропластике Боспора женские фигурки в хитоне и гиматии получают широкое распространение на рубеже веков. В руках женщины держит яблоко, гроздь винограда или фиалу, порой у её ног размещается гусь, собака или младенец с крыльями (Денисова. 1981. Табл. XIX, ж; Кобылина. 1974. Табл. 34, 8; 36, 1). Порой её голову украшает stefana или полос; волосы разделены на прямой пробор или завиты в тугие локоны. Так, меняя головной убор, прическу или атрибут, мастер превращает простую горожанку в адоранта, жрицу или богиню.

Может ли большой размер статуэтки говорить о статусе персонажа? Действительно, большинство найденных на территории Северного Причерноморья статуэток, отличающихся монументальными

габаритами, изображали божество или героя: Геракла, Диониса, Деметру или Афродиту (Белов. 1970. Табл. 11; 20, 2). Некоторые были открыты в специально обустроенных для них нишах или в слое разрушения домашних святилищ вместе с предметами, предназначенными для отправления культа: алтариками, фиалами и графито с посвящениями богам (Костромичева, Шевченко. 1996. С. 160. Рис. 3).

Илуратская терракота происходит из тризны варварского склепа с материалом II–III вв. По мнению авторов раскопок, она была преднамеренно разбита на множество фрагментов при отпадении погребального ритуала (Ханутина, Хршановский. 2019. С. 46). Мирмекийская статуэтка была найдена на городище в поздних эллинистических слоях (Денисова. 1981. С. 61). Около двадцати фрагментов терракот этого типа были найдены в Артезиане; горизонт пожара — от разрушения цитадели в 45–49 гг. — также содержал сотню как целых, так и фрагментарных монументальных статуэток Кибелы, Афродиты-Анадиомены и Приапа. Локализация фрагментов терракот и матриц из выброса пантикапейской мастерской заслуживает особого внимания. Устройство такого пожароопасного производства в центре города на акрополе кажется не случайным. В непосредственной близости от этого участка начиная со второй половины VI в. до н. э., вплоть до римского времени располагались постройки, связанные с божественной триадой — Аполлоном, Артемидой и Лето: храм Аполлона и святилище Артемиды-Гекаты (Толстиков. 1987. С. 88). Именно здесь был обнаружен фрагмент ручки этрусского инфундибулума с графито Артемиде Эфесской (Трейстер. 1992. С. 95. Рис. 8) и посвящение царя Фарнака Артемиде-Советнице (КБН-альбом. № 28). Таким образом, мастерская коропласта могла обслуживать потребности этого теменоса в позднеэллинистический и раннеримский период.

В античной традиции изображение женского персонажа в стэфане было характерно для иконографии широкого круга божеств: Геры, Афродиты, Коры (ЛМС. II. Р. 2, 197, 198, 851, 997, 1148) и других менее значимых мифологических персонажей. Учитывая, что у всех дошедших до нас целыми статуэток атрибуты, по которым можно было бы идентифицировать персонаж, отсутствуют или утрачены и среди фрагментов они также не прослежены, на данном этапе исследования мы ограничиваемся определением «богиня».

Литература

- Белов Г. Д. Терракоты из Херсонеса // Терракоты Северного Причерноморья. Ч. II. М.: Наука, 1970. С. 70–78. (САИ. Вып. Г1–11).
- Блаватский В. Д. Раскопки Пантикапея // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVII. С. 212–227.

- Бритова Н. Н.* Греческая терракота. М.: Искусство, 1969.
- Винокуров Н. И.* Боспоро-римская война 44/45–49 гг. и гибель ранней цитадели городища Артезиан (по материалам раскопок 2004–2008 гг.) // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие открытия и находки. Москва; Киев: ИА РАН, 2010. С. 38–44.
- Горнчаровский В. А.* Терракотовая статуя женского божества из раскопок некрополя Илурата: Афродита или Фортуна? // ΣΥΣΣΤΙΑ: Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб.: Алетейя, 2000. С. 255–257.
- Денисова В. И.* Коропластика Боспора (по материалам Тиритаки, Мирмекия, Илурата и сельской усадьбы). Л.: Наука, 1981.
- Кобылина М. М.* Мастерская коропласта в Пантикапее // СА. 1958. № 28. С. 178–192.
- Костромичева Т. И., Шевченко А. В.* Домашнее святилище на Страбовом Херсонесе // ХС. 1996. Вып. VII. С. 159–163.
- Толстиков В. П.* Святилище на акрополе Пантикапея // ВДИ. 1987. № 1. С. 88–114.
- Трейстер М. Ю.* Бронзолитейное дело Боспора // СГМИИ. 1992. Вып. 10. С. 66–110.
- Ханутина З. В., Хриановский В. А.* Терракоты в погребально-поминальной обрядности (по материалам раскопок некрополей Илуратского плато) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 1. С. 46–58.
- Хриановский В. А.* Афродита Илуратская // Наука и религия. 1987. № 3. С. 50–51.
- Oakley J. H.* A Guide to Scenes of Daily Life on Athenian Vases. Madison, Wis., 2020.
- Stewart A.* Greek Sculpture. New Haven, 1990.
- Tanagra: mythe et archéologie. Catalogue d'exposition: Musée du Louvre, Paris, 15 septembre 2003 — 5 janvier 2004. Paris, 2003.

Ю. К. Рогова

К ВОПРОСУ ОБ ИКОНОГРАФИИ БОСПОРСКИХ ТЕРРАКОТ «АТТИСА-МИТРЫ»

Среди памятников боспорской коропластики существует оригинальный тип статуэток, который всегда привлекал к себе особое внимание и породил обширную литературу. Речь идет о терракотах, изображающих пухлого юношу в распахнутом «фригийском» одеянии, опирающегося одной ногой на фигурку лежащего быка (Кобылина. 1978. С. 18; Силантьева. 1974. С. 27; Денисова. 1981. С. 122; Кошеленко, Масленников. 2003. С. 190). Этот тип терракот привлекал внимание исследователей ввиду очевидного сходства иконографии с хорошо известной по более поздним памятникам иконографией Митры, убивающего быка, распространившейся в римское время. Особый интерес вызывал временной разрыв — боспорские статуэтки датируются II–I вв. до н. э., в то время как распространившиеся изображения римского Митры-тавроктона относятся ко II в. н. э. и позднее. Обращало на себя внимание и различие в трактовке сюжета — во-первых, на боспорских терракотах изображен юноша, почти мальчик, в распахнутой облегающей одежде с обнаженным низом живота, во-вторых, в отличие от изображений римского Митры, который показан в момент убийства быка, на боспорских статуэтках изображается не сам момент совершение убийства, а только приготовление к нему.

Интерпретация иконографии этого и некоторых других типов боспорских терракот со временем усложнилась. От простой констатации сходства с более поздними изображениями Митры на римских памятниках исследователи перешли к мысли, что изображенный на терракотах персонаж представляет собой уникальное синкретическое божество, соединившие в себе черты иранского Митры и малоазийского Аттиса (Blawatsky, Kochelenko. 1966. С. 18), или же ещё более сложное соединение Митры, Аттиса и почитавшегося в Понтийском царстве Мена (Сапрыкин. 2009. С. 217; Суворова. 2021. С. 719).

В основе интерпретаций иконографии лежат сравнения с другими известными памятниками античного мира. Действительно, общая схе-

ма изображения практически полностью повторяется в памятниках римского времени, изображающих Митру-тавроктона. Особенности изображения юноши на терракотах, а именно воспроизведение полудетской фигуры в обтягивающем одеянии, распахнутом на животе, и «фригийском» колпаке, прочно ассоциируются с многочисленными известными изображениями Аттиса, спутника Великой Матери богов.

Сходство и с известными изображениями Аттиса, и с известными изображениями Митры естественным образом привело исследователей к мысли о слиянии культов Митры и Аттиса, которое произошло непосредственно на Боспоре. Было высказано предположение, что в период подчинения Боспора Понтийскому царству на Боспоре стал распространяться «понтийский» митраизм и появилась потребность в изображении бога Митры. За основу такого изображения был взят хорошо известный образ Аттиса, который, в свою очередь, многое заимствовал из иконографии Эроса (Корчак. 2022. С. 34).

Действительно, внешний вид юноши боспорских статуэток воспроизводит известный с IV в. до н. э. в греческом искусстве тип Аттиса, спутника Кибелы. Одним из ранних примеров изображения Аттиса является мраморная стела из Пирея с изображением Агдитиса и Аттиса. Сидящий перед богиней Аттис одет в узкие штаны, короткую подпоясанную тунику и островерхую шапочку, которую позднее стало принято называть фригийской. Исследователи отмечают, что при наличии внушительного числа фригийских изображений Матери богов (фригийской Матар, Кибелы) никаких изображений Аттиса во Фригии в период, предшествовавший появлению греческой иконографии Аттиса, зафиксировано не было (Roller. 1994. P. 247). Иконография Аттиса в том виде, в котором она стала известна в памятниках греческого искусства начиная с IV в. до н. э., полностью является греческим продуктом. Линн Роллер, исследовавшая истоки греческой иконографии Аттиса отмечает, что этот образ копирует известный по росписям на вазах образ троянского царевича Париса. Узкие штаны, подпоясанная короткая туника с длинными рукавами и характерная высокая шапочка, которая позднее станет известна под названием «фригийской» (Роллер подчеркивает, что в греческой литературе нет упоминаний фригийского колпака, они появляются только у римских писателей), в греческом искусстве служили маркером «варварского» или даже «восточного» происхождения персонажа. Атрибутами Аттиса выступают сиринга и пастушеский посох (Roller. 1994. P. 251).

Подобного рода одежда, точнее, высокий остроконечный головной убор (иногда с загибающейся вперед верхушкой) и узкие штаны

в сочетании с подпоясанной туникой с длинным рукавом или же узкое обтягивающее одеяние в античной вазописи с архаического времени встречаются при изображении многих персонажей. Действительно, известны изображения троянцев, амазонок, т. н. «скифских лучников» в подобных костюмах. Логично было бы предположить, что костюм изначально выступал маркером при изображении персонажей негреков, преимущественно имевших восточное или северное происхождение. Однако существует ряд примеров, не позволяющих сделать такой вывод. Во-первых, в греческом искусстве костюм из узкого трико/узких штанов и туники с рукавом в сочетании с остроконечной шапочкой нельзя считать воспроизведением этнографического костюма какого-либо народа. А. И. Иванчик убедительно показал на примере памятников аттической архаической вазописи, что изображения на аттических вазах персонажей в подобной одежде, получивших в науке наименование «скифских лучников», в подавляющем большинстве случаев не являются изображениями скифов, а костюм скорее служит обозначением героя «второго ранга», т. е. легковооруженного воина, чаще всего лучника (Иванчик. 2002. С. 36).

В более поздний период развития античного искусства, т. е. уже в эллинистическое и, особенно, римское время, мы видим воспроизведение иконографической схемы «узкая одежда/штаны и туника с длинным рукавом» и «фригийский колпак» в отношении целого ряда персонажей, чьи культы формируются в греко-римском мире. Так произошло с малоазийским культом лунного бога Мена и римским культом Митры. Оба этих божества в памятниках римского времени изображаются во «фригийском» колпаке, в узких штанах и короткой тунике и коротком плаще. Однако, и это очень важно подчеркнуть, изображения их в подобных одеяниях появляются не ранее II в. н. э. Что же касается иконографии обоих персонажей более раннего периода, здесь существует определенная проблема.

Лунный бог Мен, который действительно почитался на территории Малой Азии до н. э., что зафиксировано надписями, наличием храмов (например, в Антиохии Писидийской), практически неизвестен в изображениях доримского времени. К эллинистическому времени, возможно, восходит один рельеф, найденный близ храма Мена в турецкой провинции Будур. Рельеф воспроизводит тип статичной фигуры в позе *ogans* с месяцем за головой в длинном одеянии (Metin. 2015. P. 15). Только в изображениях Мена римского времени появляется характерная одежда с узкими штанами и «фригийским» колпаком (обязательным элементом при этом выступает изображение месяца за спиной). То же касается изображений Митры. Иранское божество

ство, к которому, по общему мнению, так или иначе восходит Митра римский, во времена Ахеменидов вообще не имел никакой иконографии (Grenet. 2006). Рельефы на стелах Антиоха I из Коммагены, среди которых усматривают изображение Митры, воспроизводят фигуру божества в профиль, в длинном одеянии, в высоком колпаке и радиальной колонне. При этом в тексте надписи Митра отождествляется с Гелиосом (IGLSyr. 1 52; 20).

Таким образом, все предположения о том, что тип боспорских терракот, изображающих юношу с быком, представляет некое синкретическое божество, вобравшее в себя черты фригийского Аттиса, анатолийского Мена и иранского Митры, наталкиваются на серьёзную проблему — все эти персонажи, за исключением Аттиса, привлечены исключительно по причине сходства их иконографии, относящейся к более позднему времени. Никаких других серьёзных оснований, за исключением общих рассуждений, что на Боспоре были хорошо знакомы с ираноязычными народами, а также, что Боспор имел связи с Малой Азией и входил в обсуждаемый период в Понтийское царство (Сапрыкин. 2009. С. 217; Корчак. 2022. С. 34), просто не существует. У нас отсутствуют письменные или эпиграфические свидетельства о почитании этих богов на Боспоре. Поэтому утверждения некоторых исследователей, что на Боспоре существовал культ Мена-Митры-Аттиса (Суворова. 2021. С. 718), следует признать несколько преждевременным. К тому же представляется несколько курьёзной мысль о том, что жители Боспора (или же Понта) так далеко продвинулись в вопросе синкретизма, что соединили в одном персонаже божество, связанное с солнцем (Митра), и божество, связанное с луной (Мен).

Единственный персонаж, который точно изображался в исходном одеянии в период, предшествующий появлению боспорских статуэток, — Аттис. При этом точно известно, что иконография Аттиса имеет греческое происхождение и его изображения были распространены в центрах, где доминировала эллинизированная культура. Типов изображения Аттиса существует достаточно много. И многие из них воспроизводят иконографические схемы, характерные и для других божественных существ, в первую очередь, для Эрота.

В боспорской коропластике известны ещё несколько типов терракот, на которых показан персонаж, часто условно называют Аттисом: мальчик-всадник на галопирующем коне, мальчик-всадник на спокойно стоящем коне, мальчик-воин, опирающийся на щит, мальчик с корзиной фруктов, мальчик на петухе и т. д. Датируются они I в. до н. э. — I–II вв. н. э., но некоторые относят к более раннему

времени. Характерно, что изображения юноши-мальчика в подпоясанной короткой тунике или распахнутой облегающей одежде с высокой шапочкой, в зависимости от атрибута, воспринимаются исследователями то как изображение Эрота-Аттиса (фигурки с овальным «галльским» щитом), то как изображение Митры-Аттиса (с быком), то как изображение Мена-Митры-Аттиса (на коне) (Пругло. 1966. С. 206; Кошеленко, Масленников. 2003. С. 184; Суворова. 2021. С. 719). Между тем почти все иконографические типы известны в памятниках из других регионов античного мира, в частности из крупных центров производства терракот в Малой Азии, с о. Кипр, из Египта и т. д. Это касается и изображения юного всадника на лошади, всадника на петухе, мальчика со щитом.

Вопрос о почитании Аттиса на Боспоре тоже не так прост. Почитание Матери богов зафиксировано на Боспоре в посвяtitельных надписях (КБН 21, 22) и граффити, многочисленный археологический материал позволяет утверждать, что существовало как частное, так и, возможно, официальное государственное почитание богини в разных городах Боспора (Быковская. 2020. С. 256). Впрочем, среди исследователей популярна идея слияния в одном образе нескольких греческих богинь, то есть Афродиты, Кибелы, Деметры, Афины, так как все эти греческие богини слились с образом местной Великой богини (Шауб. 1999. С. 224). Это предположение затрудняет выяснение роли Аттиса в культе богини на Боспоре. Богиня в любом случае должна была носить какое-то имя, и, если этим именем было, например, Афродита, предполагать, что одновременно с ней почитался юный бог под именем Аттис, было бы странно. Стоит отметить, что о почитании Аттиса на Боспоре под этим именем нам ничего не известно, так как в случае этого божества мы имеем дело только с археологическим материалом, а точнее с изображениями на терракотах.

Иконографические схемы (позы), которые использовались в терракотах с изображением мальчика в высоком колпаке, воспроизводились в античном искусстве неоднократно применительно к различным персонажам. Далеко не всегда эти персонажи являлись богами. Гораздо чаще они представляли собой второстепенных персонажей, связанных с сакральным миром, разного рода спутников богов (эротов, сатиров и т. д.). В этой связи стоит ещё раз обратиться к идее А. И. Иванчика, что персонажи в похожих костюмах на аттических вазах периода архаики, т. н. «скифские лучники», изображали второстепенных по отношению к главному герою персонажей. Вполне вероятно, что эта особенность иконографии просуществовала в гре-

ческом искусстве вплоть до римского времени. Таким образом, терракоты, представляющие мальчиков в «восточной» (или «скифской») одежде и «фригийском» колпаке вне зависимости от того, показаны ли они с быком, петухом, на лошади или со щитом, не являются изображением ни одного почитаемого бога, а являются изображением божественного спутника.

Литература

- Быковская А. В.* Изучение культа Кибелы на Боспоре в контексте мировой историографии // ПИФК. 2020. № 3. С. 247–268.
- Денисова В. И.* Коропластика Боспора. Л.: Наука, 1981.
- Иванчик А. И.* Кем были «скифские» лучники на аттических вазах эпохи архаики? // ВДИ. 2002. № 3. С. 33–55.
- Кобылина М. М.* Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н. э. М.: Наука, 1978.
- Корчак А. М.* Митраїзм на Боспори у світлі нумізматичних та скульптурних пам'яток // Colloquium Journal. 2022. № 1 (124). С. 32–35.
- Кошеленко Г. А., Масленников А. А.* Еще раз о культе Митры-Аттиса на Боспоре // ДБ. 2003. Т. 6. С. 184–187.
- Пругло В. И.* Позднеэллинистические боспорские терракоты, изображающие воинов // Культура античного мира. М.: Наука, 1966.
- Сапрыкин С. Ю.* Религия и культы Понта эллинистического и римского времени. М.; Тула: Гриф и К, 2009.
- Силантьева П. Ф.* Терракоты Пантикапея // Терракотовые статуэтки. Ч. III: Пантикапей. М.: Наука, 1974. С. 5–37. (САИ. Вып. Г1–11).
- Суворова Н. И.* К вопросу о распространении Понтийского синкретического культа Мена — Митры — Аттиса на Боспоре // МАИАСП. 2021. № 13. С. 715–729.
- Шaub И. Ю.* Культ Великой богини у местного населения Северного Причерноморья // Stratum plus. 1999. № 3. С. 207–224.
- Blawatsky W., Kochelenko G.* Le culte de Mithra sur la côte septentrionale de la Mer Noir. Leiden, 1966. (Études préliminaires aux religions orientales dans l'Empire romain. Vol. 8).
- Grenet F.* Mithra: iconography (in Iran and Central Asia // Encyclopedia Iranica. 2006 [Электронный ресурс]. URL: <https://iranicaonline.org/articles/mithra-2-iconography-in-iran-and-central-asia> (Accessed May 15, 2023).
- Roller L. E.* Attis on Greek Votive Monuments; Greek God or Phrygian? // Hesperia. 1994. Vol. 63. No. 2. P. 245–262.
- Metin H.* Temple of Men in Keraitai within the Pisidia Region (Bucak, Burdur, Turkey) // Mediterranean Archaeology and Archaeometry. 2015. Vol. 15 (3). P. 9–15.

Е. В. Фокеева, А. В. Шишлов

**СТАТУЭТКА АФРОДИТЫ С ЭРОТОМ:
ПРОБЛЕМА АТРИБУЦИИ «ИСТОРИЧЕСКОЙ НАХОДКИ»**

В Новороссийском историческом музее-заповеднике (НИМЗ) хранится мраморная статуэтка Афродиты с Эротом (инв. № НМ-1698/1; рис. 1), которую отличает необычная иконография. Вопрос о происхождении, подлинности и датировке статуэтки по сей день остается открытым и требует изучения.

Из записей Г. Ф. Чайковского, хранящихся в архиве НИМЗ, стало известно, что появление в коллекции статуэтки Афродиты с Эротом связано со строительством в 1931 г. гостиницы «Пятилетка» в Анапе. Место, где начались тогда земляные работы, Г. Ф. Чайковский описывает так: «На возвышенном берегу, слева открывается вид на порт убежище, справа начинается лука безконечная купального пляжа»¹. Помимо этого описания известно, что построенное здание сохранилось до наших дней и находится по адресу: ул. Набережная, д. 2 — на участке, непосредственно граничащем с территорией археологического музея-заповедника «Горгиппия» (Алексеева. 1997. С. 6–7).

Как сообщает Г. Ф. Чайковский, в 1931 г. во время строительства в котловане показалась древняя каменная кладка. Он был приглашен для осмотра, однако счёл обнаруженную постройку заурядной оградой древней свалки мусора и описал шестиметровый культурный слой, чрезвычайно насыщенный разнообразной керамикой. Г. Ф. Чайковский впоследствии осматривал и собирал керамику из образовавшихся при строительстве отвалов, однако, к сожалению, его записи не сопровождаются чертежами и не содержат обмеров и каких-либо иллюстративных материалов.

Археолог Н. А. Захаров, неоднократно работавший с Г. Ф. Чайковским, специально отмечал его деятельность по сбору предметов, находимых помимо археологических раскопок: «Трудами научного

¹ *Чайковский Г. Ф.* Анапские и новороссийские древности // Архив НИМЗ. НА-785. 1935. Л. 1.

Рис. 1. Статуэтка Афродиты с Эротом. Новороссийский исторический музей-заповедник. Фото авторов

работника Г. Ф. Чайковского заполнены молодые музеи в гг. Новороссийск и Анапе интереснейшими памятниками, которые пропали бы, если бы т. Чайковский не постарался бы их сохранить для общественной пользы»².

Действия Г. Ф. Чайковского в 1931 г. подтверждают характеристику, данную ему коллегой. Он пишет, что, вернувшись из Анапы в Новороссийск, узнал от неназванного «доверенного человека» о том, что на месте строительства в Анапе «найжены мраморы и среди них небольшая статуя»³. После обращения в ГПУ эти предметы удалось возвратить, и они были доставлены в Новороссийский музей, где Г. Ф. Чайковский впервые смог их осмотреть и описать.

Среди привезенных предметов оказались статуэтка Афродиты с Эротом, голова статуи эфеба в ½ натуральной величины (возможно, со следами повреждения огнем), фрагмент ступни статуи похожего масштаба, но выполненной из мрамора другого сорта, а также некий цилиндрический предмет с каннелюрами по наружной поверхности и с четырехугольным углублением на одном из плоских срезов, который был интерпретирован как жертвенник. Г. Ф. Чайковский достаточно произвольно отнес все эти предметы, а также архитектурные фрагменты, найденные в Анапе, к небольшому древнему храму, который, по его мнению, существовал «там, где в наше время... выпрямились улицы Калинина и Зиновьева, бывшие Рождественская и Воскресенская. Здесь в усадьбах много античных камней. Во дворе лечебницы для приходящих людей лежит мраморный профилированный блок, по-видимому, часть цоколя статуи. На улице Зиновьева при выходе на Базарную площадь лежат в качестве скамеек для усталых пешеходов две плиты, части архитравов дорического с триглифами и ионического стиля трехступенчатая плита. Во дворах встречаются части мраморных плит и столбов. Плиты упомянутых архитравов тоже какие-то уменьшенные „в ½ натуральной величины“, та или другая, возможно, принадлежала храмику, в котором „наместной“ статуей была наша статуэтка Венеры»⁴.

Судя по сохранившимся записям, у Г. Ф. Чайковского не возникло сомнений в подлинности статуэтки Афродиты: в 1935 г. он готовил статью о находках в Анапе для отправки в ГАИМК, и в апреле того же

² Захаров Н. А. Отчет об обследовании городища и района колхоза «Красная Батарейка» Азово-Черноморского края по открытому листу № 14. Докладная записка профессора Н. А. Захарова // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 90. 1935. Л. 3, 4.

³ Чайковский Г. Ф. Анапские и новороссийские древности // Архив НИМЗ. НА-785. 1935. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 6.

Рис. 2. Заметка в газете «Пролетарий Черноморья» от 2 апреля 1935 г.

года в газете «Пролетарий Черноморья» вышла заметка под заголовком «Историческая находка», иллюстрированная известной фотографией Г. Ф. Чайковского со статуэткой Афродиты в руках (рис. 2).

Статуэтка Афродиты с Эротом вместе с базой выполнена из цельного куска белого мелкозернистого

мрамора со следами полировки. Высота (с базой) — 33,5 см. Богиня изображена полуобнаженной. Нижняя часть тела прикрыта плащом с необычно резкими складками; вдоль правой ноги они ложатся неестественно равномерно. Отбита голова и правая рука; судя по характеру сколов, это произошло одновременно, — возможно, во время раскопок, что подтверждает и Г. Ф. Чайковский. Афродита левой рукой, выше локтя украшенной браслетом, придерживает летящего крылатого Эрота, обнимающего её за талию. Впечатлению полета способствует то, что изящно изогнутая кисть руки богини касается Эрота только большим пальцем. Фигурка Эрота имеет не вполне правильные, но узнаваемые детские пропорции. Черты лица Эрота исполнены в невысоком рельефе, шея слабо проработана. Показана его прическа с разделенными вьющимися прядями волос, изгиб и перья свободного левого крыла (выполненные в низком рельефе правое крыло и правая рука Эрота прижаты к телу Афродиты). Фигурка Эрота в нижней части имеет тёмный оттенок; утрачена правая нога ниже колена.

Слева и сзади у ноги Афродиты стоит частично прикрытый складками плаща двуручный сосуд, более всего схожий с амфорой. Край плаща вдоль левой ноги богини показан отдельным объёмом. Углы гиматия, видимые спереди и слева, имеют округлые утолщения — вероятно, вшитые для утяжеления грузы.

Статуэтка имеет потертости, пятна ржавчины, в складках гиматия заметны светлые известковые отложения.

Непропорциональность статуэтки (вытянутый узкий торс, широкие бедра), трактовка складок гиматия в сочетании с тщательной

проработкой поверхности наводят на мысль о мастере, взявшемся за слишком сложную для него работу. Прямоугольная база с лицевой стороны имеет рамку. Особенности статуэтки настолько необычны, что вызывают не только трудности в определении даты, но и некоторые сомнения в её подлинности. К сожалению, пока их невозможно убедительно подтвердить или опровергнуть. Под сомнение можно поставить не только произвольную реконструкцию культового комплекса, предложенную Г. Ф. Чайковским, но и связь мраморных фрагментов друг с другом и с предполагаемым местом их находки.

Самая близкая иконографическая аналогия, какую удалось обнаружить, — статуэтка Афродиты с Эротом из коллекции Пьера, Клода и Жанин Верите⁵. Она имеет сходные размеры, но более гармонична по пропорциям, проще по композиции (отсутствует ваза, стоящая у ноги), складки драпировок переданы мягче и более естественно. Фигурка Эрота столь же схематична, как и у статуэтки из НИМЗ, и имеет схожие утраты. Статуэтка из коллекции Верите впервые появилась на аукционе в 1996 г. и не имеет доступного описания провенанса; в разное время статуэтка Афродиты с Эротом датировалась II в. до н. э. или II в. н. э.⁶ Тот же хронологический разброс возникает и при попытке датировать статуэтку из Новороссийского музея: ещё Г. Ф. Чайковский предполагал, что она, возможно, является репликой эллинистической статуи («В ней... сказывается стиль поколения скульпторов, следовавших ещё по стопам Фидия, но допускавших уже полунаготу Афродиты Милосской»⁷). В то же время «искусственная» прическа Эрота и техника исполнения наводят на мысль о работе римского копииста⁸.

Вывод о возможной компиляции представляется закономерным, так как можно найти аналогии отдельным фрагментам статуэтки (поворот головы и расположение локонов на плечах напоминает тип Афродиты Анадиомены, Эрот слева от богини, постановка её ног и характер драпировок схожи с типом *Venus Felix*). В археологическом музее в Стамбуле есть мраморная статуэтка Афродиты с Эротом, также датируемая позднеэллинистическим или римским време-

⁵ HVMC. Auction House Monte Carlo. Archeology Truth Collection. October 12, 2019. Lot 167.

⁶ STATUETTE D'APHRODITE ET EROS. <https://www.barnebys.co.uk/auctions/lot/statuette-d-aphrodite-et-eros-10Bf8b6ak2?redirect=1>

⁷ Чайковский Г. Ф. Анапские и новороссийские древности // Архив НИМЗ. НА-785. 1935. Л. 4.

⁸ Там же.

нем, со сходной трактовкой фигур и драпировок⁹. Однако полной аналогии статуэтки из НИМЗ найти пока не удалось.

Эклектичность, не вполне обычная композиционная схема, ошибки в пропорциях и своеобразная трактовка складок ткани, обилие второстепенных деталей наряду с тщательной обработкой поверхности могут быть присущи статуэтке предположительно римского времени, выполненной на основе одного или нескольких образцов мастером периферийной мастерской (возможно, малоазийской).

Литература

- Алексеева Е. М.* Античный город Горгиппия. М.: Эдиториал УРСС, 1997.
Историческая находка // Пролетарий Черноморья. 1935. № 6. 2 апреля.
Delivorrias A., Berger-Doer C., Kossatz-Diesmann A. Aphrodite. LIMC. Vol. II. 1984. P. 2–151.
HVMC. Auction House Monte Carlo. Archeology Truth Collection. Saturday, October 12, 2019 [электронный ресурс].
Lot 167. Statuette of Aphrodite and Eros. URL: <https://hvmc.com/en/archeology-collection-truth/statuette-of-aphrodite-and-eros-2/> (дата обращения: 14/04/2023).
Statuette d'Aphrodite et Eros. HVMC Lot number 167 // URL: <https://www.barnebys.co.uk/auctions/lot/statuette-d-aphrodite-et-eros-10Bf8b6ak2?redirect=1> (дата обращения: 14/04/2023).

⁹ LIMC. 1984. Vol. II. P. 79. Kat. 699.

А. Г. Букина

**КРАСНОФИГУРНЫЕ ПОЛИХРОМНЫЕ ВАЗЫ
В ПОГРЕБЕНИЯХ БОСПОРА: СТАТИСТИКА И СЕМАНТИКА¹**

Погребения из боспорских некрополей, в которых найдены керамические сосуды афинского производства IV в. до н. э., расписанные в стандартной краснофигурной технике с дополнительным полихромным декорированием после обжига, в настоящее время исследованы и в азиатской, и в европейской части региона.

Афинские краснофигурные полихромные вазы IV в. до н. э. не являются боспорским эксклюзивом. Есть сведения о подобных находках как в материковой и островной Греции, так и в Киренаике, Южной Италии и особенно многочисленные — в Македонии и Фракии (Пелла, Амфиполь, Аполлония Понтийская и др.). В Афинах и Амфиполе зафиксированы находки в контексте поселений. В погребениях Македонии и Фракии встречаются все те же формы, что и на Боспоре. Гидрии и пелики — в качестве урн, часто в каменных цистах, что обеспечивает сохранность накладных цветных красок. В грунтовых и плитовых могилах полихромные арибаллические лекифы и хоусы (*chous*), предназначенные для Анфестерий, встречаются в составе скромного набора инвентаря. Иными словами, афинские краснофигурные полихромные вазы IV в. до н. э. в погребениях на варварской периферии греческого мира — это общее явление. Это не «керченские» вазы ни в каком смысле слова.

В настоящее время по публикациям известно, что в музейных коллекциях хранится около шестидесяти сосудов рассматриваемого типа и происхождения. В силу хрупкости полихромного декора, наложенного после обжига, существует проблема с выявлением и документированием этих ваз и фрагментов, что, безусловно, влияет на статистику находок. Сведения о происхождении из конкретного центра есть примерно для 90% материала. До 60% известных экземпляров имеют отношение к Пантикапею, ещё 16% были приобретены музеями

¹ Статья публикуется в авторской редакции.

(Эрмитаж, ГМИИ, ГИМ, Лувр, Античное собрание в Берлине) в качестве находок из Керчи. До 2% предметов могут происходить из Нимфея. Доля находок из азиатской части Боспора (Фанагория, Гермонасса, Горгиппия, курганные некрополи в других частях) составляет около 15% (более половины из них найдены в Горгиппии).

Среди форм преобладают пелики (около 25%) и леканы (около 20%); около 18% — хоусы для Анфестерий, до 15% — арибаллические лекифы, 13% — гидрии. Зафиксировано четыре свадебных лебеса (это 7% материала) и одна амфора панафинейской формы.

Можно определить, что все гидрии и четырнадцать из пятнадцати пелик происходят из некрополей Пантикапея (пелика также найдена в кургане Большая Близница). Семь лекан могут быть связаны с Пантикапеем, четыре найдены в Горгиппии и одна в Гермонассе. Три из четырех свадебных лебесов обнаружены в погребениях Пантикапея (ещё один — в Горгиппии). Есть сведения о находках семи хоусов для Анфестерий в погребениях Пантикапея, одного — в Фанагории, ещё один хоус может происходить из Нимфея.

Контекст зафиксирован в более чем 60% случаев. 17% всего материала приходится на находки в погребениях (склепах и могилах) в курганах, 8% происходит из насыпей курганов и 3% из связанных с курганами тризн. Формы, которые характерны для этого контекста, — пелика, лекана, гидрия, в меньшей степени свадебный лебес, хоус и арибаллический лекиф. 18% материала обнаружено в грунтовых некрополях. Для этого контекста основной является форма хоуса для Анфестерий, зафиксированы также единичные образцы пелик, лекан, гидрий и арибаллических лекифов. Две гидрии и свадебный лебес (5% находок) были обнаружены в цистах из камня или черепицы. Таким образом, можно констатировать, что на настоящем этапе исследования крупные сосуды (пелики, гидрии, леканы) более связаны с погребальной культурой курганов и цист, в то время как для грунтовых некрополей более характерна малая форма хоуса для Анфестерий.

Хронология афинских краснофигурных полихромных ваз IV в. до н. э. в настоящее время находится в состоянии активной трансформации. Сам по себе этот материал может быть датирующим только в очень общих пределах — объекты, где он встречается, это, скорее всего, объекты IV в. до н. э. Единичные боспорские находки могут быть датированы по сопутствующему материалу. Среди них особенное значение имеет пелика с росписью Мастера Марсия (The Marsyas Painter) из Павловского кургана, в насыпи которого были обнаружены амфорные материалы, недавно датированные узким промежутком

около начала 350-х гг. до н. э. Обнаруженные в других случаях монеты (статеры из насыпи Зеленского кургана, из впускного погребения в Третьем кургане на мысе Ак-Бурун, из кургана в Горгиппии), как представляется, датируют погребение, но не керамику в них. Отдельные найденные там полихромные вазы, в соответствии с современными сведениями об их хронологии, должны быть атрибутированы как значительно (до 50 лет) более ранние.

Росписи на афинских краснофигурных полихромных вазах IV в. до н. э. из погребений Боспора — по сравнению с краснофигурной вазописью Афин этого периода в целом — отличаются большой ограниченностью круга сюжетов. Даже при небольшом объеме материала это очевидно, поскольку темы повторяются. Несмотря на традиционные взгляды о предпочтениях боспорян, только 16% материала — это изображения амазонок. Имеются также два изображения на тему подвигов Геракла. До 7% приходится на долю росписей, посвященных Афродите и ритуалам, которые считаются по преимуществу женскими, с участием Эрота. С другой стороны, более 40% составляют изображения сцен и символов свадьбы (реальных обрядов, священного брака Диониса и Ариадны, Афродиты и Адониса, история Париса и Елены). Характерно, что использование таких ваз никак не связано с гендерными характеристиками погребенных — они подходили, очевидно, и для женщин, и для мужчин, и для супружеских пар. Ещё 20% материала — это дионисийские сюжеты, подавляющее большинство которых представляет собой декор хоусов для второго дня Анфестерий. Инициации во время Анфестерий, связанные с достижением определенного возраста, это, как и свадьба, тоже момент ритуальной трансформации. Наконец, ещё один тип ритуальной трансформации — инициации в Элевсинских мистериях — тоже зафиксирован среди сюжетов на рассматриваемых вазах (3% материала). Семантический параллелизм похорон и иных ритуалов трансформации, очевидно, сказывался в том, насколько выбор полихромных ваз с такими сюжетами для погребения был, с точки зрения жителей Боспора, предпочтительным.

А. Е. Петракова

**ЖЕНЩИНА С ЗАКРЫТЫМ ЛИЦОМ:
РЕДКИЙ МОТИВ НА АФИНСКИХ ВАЗАХ ИЗ БОСПОРСКИХ НАХОДОК**

На ряде поздних краснофигурных аттических ваз, происходящих из боспорских находок, можно видеть изображение женщины, всё тело которой, включая кисти рук, закутано в многослойные одежды¹, а нижняя половина лица скрыта драпировкой. Голова при этом может быть как покрыта, так и не покрыта (рис. 1–2). Вариант с покрытой головой может быть представлен в двух разновидностях: 1) на голову наброшено покрывало или край одежды, как на пелике из гробницы близ Горгиппии (ГЭ, инв. Гп.1882.1; Schefold. 1934. Kat. 467); 2) на голову намотан кусок ткани, образующий нечто наподобие объемного тюрбана, как на лебесе, служившем погребальной урной в погребении, открытом на территории некрополя Пантикапея в районе Глиница (ГЭ, инв. П.1909.175; Петракова, Ягги. 2019. Рис. 12–13). Изредка в одной росписи представлено сразу и то и другое, как на пелике (рис. 2) из погребения, обнаруженного близ Керчи, по дороге к Катерлесу (ГЭ, инв. П.1840.49; Jaeggi, Petrakova. 2019. Fig. 3).

Вариант с непокрытой головой можно видеть на пелике (рис. 1) из кургана на земле Мирзы Кекуватского (ГЭ, инв. Кек.-8; Jaeggi, Petrakova. 2019. Fig. 2), на лекане из склепа в одном из курганов Юз-Обы (ГЭ, инв. ЮО.-32; Петракова, Ягги. 2019. Рис. 10–11), на фрагменте кратера из тризны кургана в микрорайоне «Марат 1» в Керчи (Восточно-крымский историко-культурный музей-заповедник, инв. КМАК 7025; Ягги, Лазенкова. 2012. Кат. 25) и др.

Помимо Боспора, вазы с таким изобразительным мотивом найдены в Афинах (гидрия ВАРД 230495, лекана ВАРД 230500 и др.), в некрополях: в Перистерии (лекана ВАРД 46941), в Амфиполе близ Александрии Египетской (гидрия ВАРД 171), в Аполлонии Понтийской

¹ Изредка видна кисть одной руки, например: ГИМ, инв. 22717; ГЭ, инв. ПАН.-188; также ВАРД 171, 230500.

Рис. 1. О. Ягги. Развертка изображения на стороне Б пелики ГЭ, инв. Кек.-8. Воспроизводится по: Jaeggi, Petrakova. 2019. Fig. 2

во Фракии (лекиф ВАРД 30497, гидрия ВАРД 9022136), в Киренаике в Ливии (гидрия ВАРД 230493; *Schefold*. 1934, Kat. 181) и других центрах Средиземноморья.

Всё это — работы афинских гончаров и вазописцев 400–340-х гг. до н. э. В более ранней и более поздней аттической вазописи изображение закутанной в одежды женщины с закрытым лицом почти не встречается, редкое исключение — несколько краснофигурных ваз, созданных между 450 и 420 гг. до н. э. (*Galt*. 1931. Fig. 1; *Llewellyn-Jones*. 2003. Fig. 62, 144, 145, 154, 168), и чернофигурная панафинейская амфора, датируемая по имени архонта Теофраста 340–339 или 313–312 гг. до н. э. (*Llewellyn-Jones*. 2003. Fig. 93).

Гораздо чаще, чем в вазописи, женщину с закрытым лицом можно видеть в произведениях античной скульптуры, преимущественно периода поздней классики и эпохи эллинизма: мраморной (*Ibid*. Fig. 1), бронзовой (*Ibid*. Fig. 72–73) и особенно — в терракотовой мелкой пластике (*Ibid*. Fig. 38, 63–65, 67–68, 71, 76, 125). В последней распространен образ танцующей женщины с закрытым лицом и руками, благодаря чему уже в XIX в. стали появляться публикации по поводу «танца в покрывале» (например: *Heudemann*. 1879). С тех пор вопро-

Рис. 2. О. Ягги. Развертка изображения на стороне А пелики ГЭ, инв. П.1840-49. Воспроизводится по: Jaeggi, Petrakova. 2019. Fig. 3

су о женщине под вуалью в античной культуре было посвящено значительное количество работ, начиная со статьи Каролины Галт (Galt. 1931) и заканчивая многочисленными публикациями Ллойда Ллевеллина-Джонса первых десятилетий XXI в. Все авторы пришли к выводу, что «покрывать куском ткани нижнюю часть лица и / или голову было рутинной практикой в древнегреческом мире, это подтверждается как текстами, так и произведениями изобразительного искусства» (Cairns. 2002. Llewellyn-Jones. 2003 и др.). Кстати, в отличие от эллинистических терракот, именно *танцующей* женщина с закрытым лицом на аттических вазах бывает представлена редко (лекана ВАРD 230500, гидрия ВАРD 230493), гораздо чаще она скромно стоит или сидит. Соответственно, говорить о «танце в покрывале» мы не можем.

В монографии о «женщине под вуалью» в Средиземноморье между 900 г. до н. э. и 200 г. н. э. автор (Llewellyn-Jones. 2003) с опорой на античные письменные источники и этнографические параллели в традициях современных народов, практикующих прикрытие лица и тела женщины, подробнейшим образом разбирает все возможные аспекты применения вуали в античном мире: для невесты во время

свадебного торжества (ритуал «перехода» из одного статуса и дома / хозяйства — в другой); для порядочной женщины — на улице (чтобы отличить её от непорядочных и оградить от мужского внимания); для жены, чтобы продемонстрировать высокий статус женщины, обнажающей лицо лишь перед мужем; для женщин, которым нужно выйти за пределы стен дома, но продолжать чувствовать себя в безопасности (одежда — и есть дом, как у Плутарха — панцирь для черепахи); для женщины в период месячных кровотечений (защитить её, уязвимую в этот момент, от окружающих, а окружающих — от её «миазмов»); для женщин, желающих скрыть от людей эмоции (грусть, гнев и проч.) или, напротив, продемонстрировать их наличие (социально одобряемо показать траур, даже если искренней грусти нет, вуаль в таком случае помогает); для женщин, желающих скрыть личность (дабы не давать повода к сплетням); во время выполнения ритуалов (для деперсонализации); для женщин, желающих привлечь к себе мужское внимание и подчеркнуть сексуальность при формальном соблюдении приличий (лицо прикрыто, но именно скрытое заставляет мужчину фантазировать о том, чего он не видит, то есть провоцирует внимание) и т. д. Получается, что причины, по которым в составе росписи на аттической вазе представлена женщина под вуалью (как и причины, по которым она вообще прикрывалась вуалью в жизни), могут быть самыми разнообразными.

Чаще всего женщина с закутанным телом и закрытым вуалью лицом присутствует в сценах, которые описываются как связанные со свадебными приготовлениями и торжествами (см. подробнее: Букина. 2023). Хорошими примерами являются эрмитажные: леканы инв. ЮО.-32 и Т.1885-3, пелики инв. Кек.-8 и П.1840-49, лебесы инв. П.1906-175 и Гп.1881-68. Также дамы под вуалями встречаются в росписях со сценами преследования женщин Эротами (эрмитажные пелики инв. Гп.1882-1 и П.1902-145; гидрия в ГИМ инв. 28/2 и др.), в сценах, которые интерпретированы в качестве «Адоний» (лекиф в Берлине ВАРД 230497; гидрия в Лондоне ВАРД 230493) и «дионисийских» (по причине наличия в них женщины с тимпаном и / или сатира: фрагмент кратера инв. КМАК 7025 в музее-заповеднике в Керчи; гидрия в Дрездене ВАРД 230495), в росписях, охарактеризованных как «женщины в гинекее» (ГЭ, лекана инв. П.1841-37). Редко женщина под вуалью может присутствовать в сценах явно мифологического содержания, как на гидрии в Мюнхене (ВАРД 171) или пелике в Малибу (ВАРД 13371, LIMC ID 10869) — обе представляют сцену «Суда Париса» и отнесены к работам одной мастерской. На гидрии женщина с закрытым лицом названа «служительницей

Геры», так как сидит непосредственно за стоящей богиней. На пелике женщина с закрытым лицом интерпретирована как Афродита, поскольку к ней подходит Эрот, женщин всего три, две другие явно Афина и Гера по атрибутам. Это — редкий пример, когда женщина с закрытым лицом идентифицируется столь конкретно (но исходя из всего, описанного Л. Ллевеллин-Джонсом в монографии 2003 г., почему бы Афродите не быть в вуали?). Получается, что женщину с закрытым лицом в контексте аттических вазовых росписей необходимо интерпретировать каждый раз по-разному, в зависимости от контекста, причем не обязательно буквально в качестве конкретного участника мероприятия (имеющего социальную или ритуальную роль вроде «матери невесты», «жрицы» и прочее), но, возможно, метафорически, что вообще вполне нормально в системе визуальной риторики аттических росписей, о которой существует множество отдельных публикаций.

На сицилийской пиксиде в собрании ГМИИ (Llewellyn-Jones. 2003. Fig. 155) представлена сидящая женщина с покрытой головой и закрытым лицом, с одной стороны к ней приближаются Пейфос и Эротом, а с другой — женщина с сундучком². Такая сцена, исходя из контекста, может быть прочтена в качестве прямой отсылки к обряду снятия вуали с невесты, в какой бы день он ни происходил³. На названных же аттических вазах со свадебными сценами ситуация другая: женщины с закрытым лицом иногда идут, но чаще скромно стоят или сидят, причем, за редким исключением, не в центре композиции. Мы, конечно, можем пофантазировать, что на каких-то из них невеста нарисована несколько раз в разные моменты действия (моет голову, одевается, закрывает тело и лицо перед церемонией и т. п.), но более логичным кажется другое объяснение. Уже давно стала общим местом идея о том, что росписи на аттических вазах не следует воспринимать слишком буквально в качестве «иллюстраций» эпизодов из мифов или повседневной жизни. Структура повествования на них предполагает использование разнообразных визуальных тропов (те же Эроты и Ники в самых разных сценах) с целью передачи

² Итальянская вазопись многое унаследовала от аттической, хоть и со значительной творческой переработкой. Изображения женщины с закрытым лицом в ней тоже встречаются, но реже.

³ Споря со всеми существующими точками зрения, Ллевеллин-Джонс говорит о возможности многократного снятия вуали с невесты в ходе свадебных мероприятий: публично в доме её отца перед выездом из него, приватно в комнате жениха перед брачной ночью, публично в доме жениха после, с целью представления новой семье в новом, подтвержденном брачной ночью, статусе жены.

обобщенного (и / или идеализированного) образа, некоей квинтэссенции события, будь то свадьба, проводы война или похороны. Закутанные женщины могут представлять в сценах свадебных торжеств не только, допустим, почтенных замужних участниц (в дополнение к служанкам и незамужним подружкам с открытым лицом⁴), но и метафорически выраженную цель, к которой стремится невеста: после свадьбы она станет женой, которая, по разумению Плутарха, «не только руку свою, но даже разговоры не должна выставлять напоказ, и подавать голос при посторонних должно быть ей так же стыдно, как раздеваться при них» (*Plut. Mor.* 138A; пер. Э. Г. Юнца). Визуально это выражается через закрытые тело и кисти рук, да и нижняя часть лица и рот тоже скрыты не случайно, ведь «разговаривать жена должна только с мужем, а с другими людьми — через мужа» (*Plut. Mor.* 142C-D; пер. Э. Г. Юнца). Не исключены и дополнительные смыслы, например, на пелике инв. П.1840-49 (рис. 2) женщина под вуалью представлена дважды: в левой и в правой части композиции. Та, что справа, противопоставлена полуобнаженной сидящей перед зеркалом женщине, находящейся будто бы в интерьере, то есть под защитой стен дома. Женщину же с закрытым лицом мы видим будто сквозь окно, она находится снаружи. Такое противопоставление может быть визуальным выражением идеи о том, что вуаль и покрывало — необходимые вещи для того, чтобы на улице чувствовать себя так же безопасно, как раздетой дома, ведь аналогии, проводимые между элементами костюма и частями дома, были для древних греков «общим местом», что нашло выражение в одних и тех же словах, использовавшихся для именованя элементов одежды и дома (см.: Llewellyn-Jones. 2007), и в идее о сходстве «правильно» одетой женщины с черепахой, для которой панцирь — и одежда, и дом (черепаха ещё и немая, как и «правильная» женщина на улице).

Заданный объём не позволяет писать подробно, но, учитывая поливариантность интерпретации женщины под вуалью, мы можем рассуждать, что подразумевается в каждом конкретном случае на аттических вазах, где она убегает от Эрота, идёт за сатиром или полуобнажённой девой с тимпаном, участвует в Адониях или сидит в гинекее. Отсутствие такого изобразительного мотива в более ранней аттической вазописи может быть объяснено тем, что лишь к началу IV в. до н. э. мастера в достаточной мере овладели рисунком для пе-

⁴ Ср., например: «Спартанцы выводят на люди женщин в накидках, а девушек без них», потому что «девушкам... надо искать мужей, а женщинам держаться тех, которых имеют» (*Plut. Mor.* 232C; пер. М. Н. Ботвинника).

редачи сложных ракурсов, поз, контуров тела под прихотливыми складками (в то время как в чёрно- и краснофигурных вазах VI–V вв. до н. э. покрытое лицо приходилось передавать более условно, при помощи жеста руки с драпировкой, поднесённой к лицу, но не закрывающей его). Возможно, идея пришла в голову одному вазописцу, а его современники (разной степени мастерства) переняли понравившийся мотив⁵, точно так же, как, например, мотив обнаженной женщины на корточках, моющей волосы. Любопытно, что по времени это примерно совпадает с введением в моду специальной вуали с прорезями для глаз (Llewellyn-Jones. 2003. P. 199), в то время как ранее женщины обходились для тех же целей краем гиматия, колпоса или закрученным на разный манер покрывалом разной длины (живая и быстрая реакция аттических вазописцев не только на события политики и сплетни, но и на новинки-предметы неоднократно описана в публикациях).

Литература

- Букина А. Г. Сцены и символы брака: афинские полихромные краснофигурные вазы IV в. до н. э. на Боспоре // АВ. 2023 (выпуск памяти Е. И. Леви и А. Н. Щеглова) (в печати).
- Петракова А. Е., Ягги О. Эроты с позолоченными крыльями: рецепция краснофигурных ваз из мастерской Мастера Марсия в Северном Причерноморье // БИ. 2019. Вып. XXXIX. С. 89–116.
- Cairns F. The Meaning of the Veil in Ancient Greek Culture // Women's Dress in the Ancient Greek World. Swansea: Classical Press of Wales, 2002. P. 73–94.
- Galt C. M. Veiled Ladies // AJA. Vol. 35. No. 4 (Oct.-Dec., 1931). P. 373–393.
- Heydemann H. Verhüllte Tänzerin: Bronze im Museum zu Turin. Hallisches Winckelmannsprogramm. Halle/Saale: M. Niemeyer, 1879. Bd. 4.
- Jaeggi O., Petrakova A. The Marsyas Painter and His Workshop in the Northern Black Sea Area // Classical Pottery of the Northern Aegean and Its Periphery (480–323/300 BC). Thessaloniki: University Studio Press, 2019. P. 637–649.
- Llewellyn-Jones L. Aphrodite's Tortoise: The Veiled Woman of Ancient Greece. Llandysul: Classical Press of Wales, 2003.
- Llewellyn-Jones L. House and Veil in Ancient Greece // Building Communities: House, Settlement and Society in the Aegean and Beyond, British School at Athens Studies. Vol. 15. (2007). P. 251–258.
- Schefold K. Untersuchungen zu den Kertscher Vasen. Berlin: W. De Gruyter, 1934.

⁵ Речь идёт о работах мастерских либо современных друг другу, либо продолжающих традиции друг друга: мастерская Мастера Марсия, Группа Аполлонии, Мастер Филоттрано и проч.

З. В. Ханутина

**ФРАГМЕНТЫ СТЕКЛЯННЫХ СОСУДОВ С СИНИМИ КАПЛЯМИ
ИЗ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО РИТУАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА
В ПРЕДМЕСТЬЕ КИТЕЯ**

Исследования позднеантичного ритуального комплекса на ближайшем к западной крепостной стене Китея валу № 1 (раскоп XLVII) ведутся уже 7 полевых сезонов (Хршановский. 2021. С. 57–59). Открытые здесь объекты: зольные холмы № 395 и 396, ямы № 394 и 397, как представляется, имеют ритуальный характер. Помимо открытых сооружений, об этом свидетельствуют повсеместно встречающиеся следы огня (пепел, зола, печина), многочисленные костные остатки домашних и диких животных, дельфинов, рыб, птиц, фрагменты амфор, кружальных и лепных сосудов, медные монеты, золотая топоровидная подвеска, фрагменты бронзовых и железных предметов, терракот, глиняные и каменные грузила и пряслица, костяные проколки.

Большая часть найденных вещей датируется IV–V вв. н. э., но при этом среди них встречаются и асинхронные эллинистические, и уходящие в VI в. н. э. (Хршановский. 2021. С. 57–59). В связи с этим чрезвычайно важно попытаться разработать внутреннюю хронологию комплекса, и по надёжно датировемым материалам выделить реперные временные точки для определения *terminus post quem* его функционирования. Кроме монет, фибул и краснолаковых блюд с линейно-волнистым орнаментом, к их числу относятся и стеклянные сосуды с синими каплями.

С 2019 по 2022 г. в раскопе XLVII было найдено около 20 фрагментов стеклянных сосудов, украшенных по тулову рельефным орнаментом из отдельных или сгруппированных различным образом капель синего стекла. Профильных фрагментов среди них немного. Лишь по двум типичным венчикам с необработанным, отогнутым наружу приподнятым кверху краем (рис. 1, 1–2) и фрагментам стенок с хорошо выраженным выпуклым закругленным профилем можно предположить, что это были стаканы (Засецкая. 2008. С. 8). По остальным, более мелким фрагментам, ни профили, ни расположение орнамента не восстанавливаются.

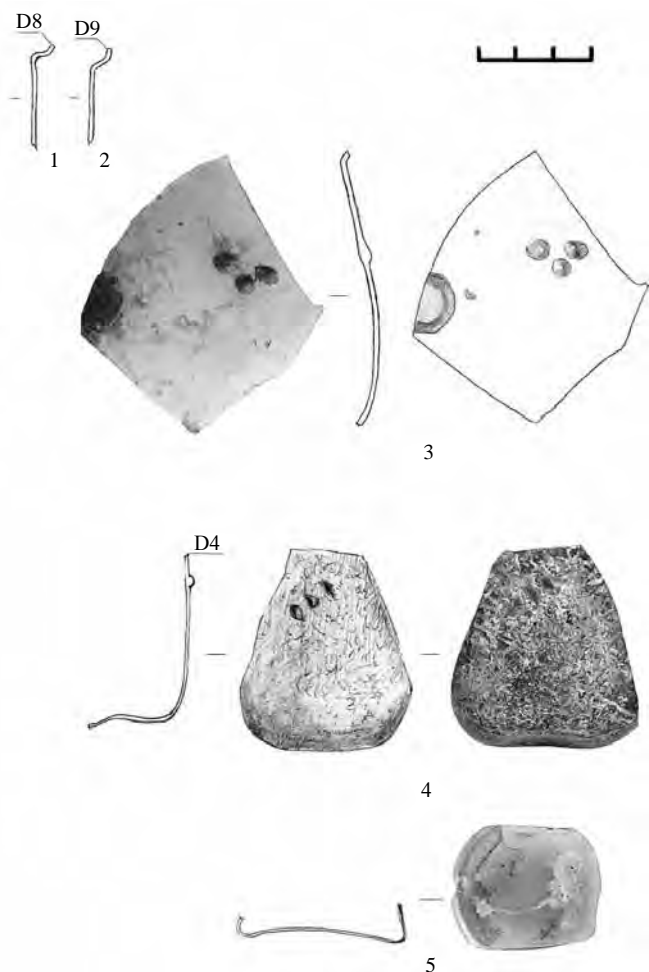

Рис. 1. 1–2 — фрагменты стенок с венчиками стеклянных стаканов;
3–4 — фрагменты стенок стеклянных стаканов с орнаментом «синие капли»;
5 — дно стеклянного стакана

Наиболее выразительный фрагмент стенки, скорее всего, принадлежит стакану высотой около 6 см, выполненному в технике свободного выдувания. Его можно отнести к Типу I, вариант Б или В, тип орнамента Б–д по классификации Н. П. Сорокиной (Сорокина. 1971. С. 85–99; Засецкая. 2008. С. 10. Рис. 2). Пояски из гравированных линий отсутствуют. Стекло прозрачное оливково-жёлтого цвета,

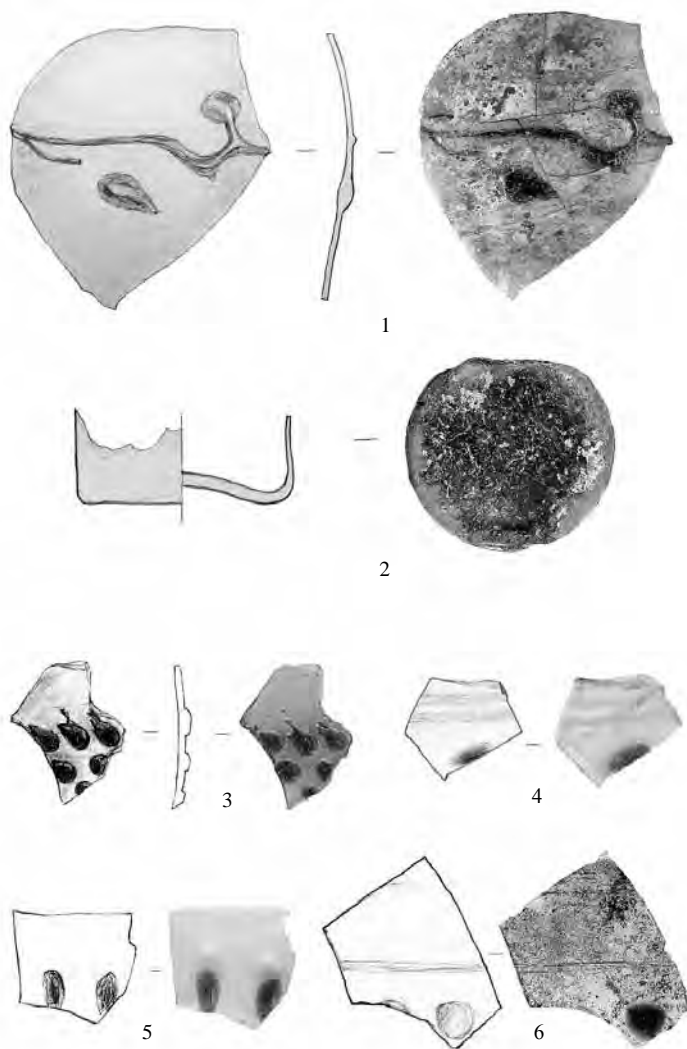

Рис. 2. 1 — стенка стеклянного сосуда с орнаментом «ветка с листьями»; 2 — дно стеклянного стакана; 3, 5 — стенки стеклянных сосудов с орнаментом «синие капли»; 4, 6 — стенки стеклянных сосудов с орнаментом «синие капли» и поясами из гравированных линий

поверхность иризована (рис. 1, 3). Место и время изготовления — Восточное Средиземноморье или Причерноморье, IV — начало V в.

Ещё один фрагмент принадлежит небольшому стакану Типа I, вариант В-а (Засецкая. 2008. С. 10. Рис. 2) с прямой почти вертикальной, закругляющейся книзу стенкой и слабоогнутым дном (рис. 1, 4). Стакан выполнен в технике свободного выдувания из зеленовато-голубого стекла. Изготовлен, как и предыдущий, в Восточном Средиземноморье или Причерноморье и датируется, скорее всего, последней четвертью IV — первой половиной V в. (Засецкая. 2008. С. 20. Рис. 7). Найдено также донце сосуда из жёлто-оливкового стекла, возможно принадлежавшее стакану типа II, датирующееся тем же временем (рис. 1, 5).

В полевом сезоне 2022 г. был найден ещё один фрагмент стенки стакана с орнаментом, выполненного в аналогичной технике из оливково-жёлтого стекла (рис. 2, 1). По небольшой выпуклости профиля можно допустить его принадлежность и типу I, и типу II. Орнамент, который, по-видимому, опоясывал весь стакан, представляет собой выполненную рельефно горизонтальную ветку с редкими листьями, идущими от неё вверх и вниз. Похожий орнамент есть у стаканов типа II — волнистая горизонтальная полоса посередине тулова (Засецкая. 2008. С. 17. Рис. 6, 2), но полной аналогии ему пока выявить не удалось. В непосредственной близости от фрагмента стенки было найдено дно стакана типа II, выполненного из близкого по цвету оливково-жёлтого стекла (рис. 2, 2). Не исключено, что это части одного сосуда.

Кроме выделенных стаканов заслуживают упоминания несколько мелких фрагментов сосудов с различными типами орнаментов и одинарным и двойным поясками из гравированных линий (рис. 2, 3–6). Возможно, наряду с орнаментированными сосудами данного типа среди наших находок представлены аналогичные изделия без орнамента, выполненные из стекла оливково-жёлтого цвета.

Стеклянные сосуды из оливково-жёлтого или голубого стекла с каплями и нитями синего стекла были найдены во многих комплексах Крыма: могильника села Лучистое (Айбабин, Хайретдинова. 2008. С. 47. Рис. 24, 21–20), городских кварталов Херсонеса (Голофаст. 2001. С. 128, 247. Рис. 81, 5–10), Харакса (Сазанов. 2012. С. 332. Рис. 5) и всего Причерноморья (Сорокина. 1971; 1979 и др.) — и датируются в основном периодом от второй половины IV до начала VI в.

Встречались они и в материалах из раскопок на городище Китея. Е. А. Молев и Н. В. Молева датируют их широко началом IV — началом V в. н. э. (Молев, Молева. 2016. С. 135). 16 из 23 фрагментов были найдены на восточной окраине Китея, в раскопе IV, в котором уже в начале римского времени наряду с жилыми помещениями

существовал культовый участок с ямами (Молев. 2010. С. 64–68). В IV в. н. э. кроме тех помещений, которые после масштабной перестройки сохраняли свое назначение, появляются перепрофилированные под «склад» из 15 позднеантичных амфор IV–VI вв., на которых лежал тарапан и алтарная конструкция, время сооружения которой Е. А. Молев определяет концом III — началом IV в. н. э. (Молев. 2010. С. 71–74). Ещё 7 обломков стенок сосудов с синими каплями были найдены на участке II, в верхних слоях зольника с материалом IV–VI вв. н. э.

Новые находки фрагментов стеклянных сосудов, орнаментированных синими каплями, на юго-западном участке некрополя, в зольниках одного раскопа XLVII всего за семь полевых сезонов (2016–2022 гг.) в количестве, сопоставимом (20 и 23) с найденными на городище за всю историю его исследования, позволяют предположить, что они могли быть намеренно и осмысленно использованы в качестве приношений во время совершения ритуалов.

Общепринятая дата появления таких сосудов — вторая половина IV в. н. э. — в данном случае, возможно, фиксирует нижнюю хронологическую границу функционирования открытых ритуальных комплексов.

Литература

- Айбабин А. И., Хайретдинова Э. А.* Могильник у с. Лучистое (раскопки 1977, 1982–1984 годов). Т. 1. Симферополь; Керчь: АДЕФ-Украина, 2008. (БИ. Suppl. 4).
- Голофаст Л. А.* Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 97–260.
- Засецкая И. П.* Стеклянная посуда некрополя Боспора второй половины IV — рубежа VI–VII вв. н. э. (из собрания Государственного Эрмитажа). Симферополь; Керчь: БФ «Деметра», 2008. (БИ. Т. XX).
- Молев Е. А.* Боспорский город Китей. Керчь: АДЕФ-Украина, 2010. (БИ. Suppl. 6).
- Молев Е. А., Молева Н. В.* Боспорский город Китей. Т. II. Симферополь; Керчь: Солорич, 2016. (БИ. Suppl. 15).
- Сазанов А. В.* Хронология амфор мирмекийского типа (Зеест 72 — Bottger 1.5) римского времени // ДБ. 2012. Т. 16. С. 321–347.
- Сорокина Н. П.* О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. 1971. № 4. С. 85–101.
- Сорокина Н. П.* Стеклянные сосуды IV–V вв. и хронология Цебельдинских могильников // КСИА. 1979. № 159. С. 57–67.
- Христановский В. А.* Позднеантичный ритуальный комплекс в предместье боспорского города Китея // Новый Гермес. 2021. № 1. С. 54–75.

**НУМИЗМАТИКА
И ЭПИГРАФИКА**

А. С. Балахванцев, А. В. Дедюлькин

ШЛЕМ ТИПА МОНТЕФОРТИНО С АРАМЕЙСКОЙ НАДПИСЬЮ С СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Данная публикация посвящена бронзовому шлему типа Монтефортино с арамейской надписью¹. Тулья шлема сферокопическая, нижний край утолщен и отогнут наружу (рис. 1, 1–4). Навершие и верхняя часть тульи утрачены. Купол шлема изготовлен выколоткой, на внутренней поверхности хорошо различимы следы молотка. Нижняя часть шлема украшена врезными горизонтальными линиями. По ободу нанесены редкие наклонные парные линии — упрощенная грубая версия рельефного орнамента в виде витого шнура, известного по ранним шлемам подобной формы. На назатыльнике врезными линиями нанесена сегментовидная окантовка (рис. 1, 4). Декор выполнен без предварительной разметки. Сохранившаяся бронзовая петля для подвески нащёчника, свернутая из прямоугольной полосы, изготовлена достаточно небрежно. Петля крепится к тулье двумя грубыми бронзовыми заклёпками с бесформенными шляпками (рис. 2, 6). Вторая петля была утрачена в древности и заменена железной (сохранились отпечатки окислов на внутренней стороне тульи) на железных заклёпках (рис. 2, 7). Размеры шлема: длина 24,5 см; ширина 19 см; высота сохранившейся тульи около 15 см; толщина тульи около 1 мм, толщина по ободу около 2,5 мм.

П. Куиссен предложил для итало-кельтских шлемов подобной формы общепринятое ныне название «тип Монтефортино» в честь знаменитого некрополя (Couissin. 1926. P. 260–261). Долгое время при описании шлемов Монтефортино использовались классификации Г. Р. Робинсона и Ф. Коарелли (Robinson. 1975. P. 13–25; Coarelli. 1976), с буквенными обозначениями разновидностей внутри типа. У. Шаафф отметил, что бронзовые шлемы Монтефортино, представленные многочисленными находками за пределами Италии, являются доспехами

¹ Предмет находится в частной коллекции и, по словам владельца, происходит с Западного Кавказа.

Рис. 1. 1–4 — бронзовый шлем типа Монтефортино с арамейской надписью (фото А. В. Дедюлкина). 5–6 — арамейская надпись на тулье шлема (фото и прорисовка А. В. Дедюлкина)

римских легионеров, но исходная форма была заимствована у кельтов (Schaaff. 1988. S. 318, 320–321). Большинство исследователей признано, что генезис римских шлемов Монтефортино восходит к более ранним кельтским прототипам. Противоположной точки зрения придерживается Ф. Коарелли, по мнению которого кельты заимствовали шлемы этого типа у римлян. Дробную типологию римских шлемов с названиями по месту находки наиболее выразительных образцов предложил Г. Клумбах (Klumbach. 1974). М. Юнкельманн дополнил схему Г. Клумбаха, выделив в типе Монтефортино подтипы Таламоне, Каноза, Кремона, Риети (Junkelmann. 2000. S. 52–62).

Шлемам типа Монтефортино из Восточной Европы посвящено большое количество публикаций (см.: Бойко, Дедюлкин. 2019.

С. 105–107). Наиболее распространенной является версия о попадании основной массы шлемов Монтефортино в Северное Причерноморье во время Митридатовых войн. Одни исследователи связывают находки шлемов Монтефортино с присутствием на Боспоре кельтских наёмников, а также с военными рейдами кельтов из Подунавья или из области Карпат (Трейстер. 1992. С. 44–45; Бруяко. 2009. С. 343–344; Казакевич. 2009. С. 22). Другие допускают их попадание к сарматам от кельтов-галатов либо во время войны Понта с Пергамом и поддержавшей его коалицией государств в 183–179 гг. до н. э., либо в связи с событиями Митридатовых войн (Марченко. 1996. С. 71). Шлемы из Северного Причерноморья принадлежат преимущественно к поздним вариантам, датирующимся концом III — I в. до н. э. Они состояли на вооружении римской армии (Robinson. 1975. P. 13; Connolly. 1981. P. 133, 229; Schaff. 1988. S. 320–322; Щукин. 1994. С. 143; Симоненко. 2014. С. 261). О масштабах оружейного производства в Италии можно судить по сообщению Тита Ливия об обязательстве города Арретий в 205 г. до н. э. предоставить для флота Публия Корнелия Сципиона 3000 шлемов (Liv. XXVIII, 45, 16).

Качество и сложность декора шлемов Монтефортино являются критерием для их датировки. У наголовий второй половины IV — III в. до н. э. декор более сложный и аккуратный, чем у шлемов II—I вв. до н. э. В настоящее время доступна представительная выборка шлемов III в. до н. э., найденных во время исследований места битвы при Эгатских островах (Goldman, Rose. 2019. P. 148–171). Рассматриваемый нами шлем сильно отличается от них и имеет гораздо большее сходство с наголовьями II — начала I в. до н. э. (рис. 2, 2). Надо лбом размещены два зеркально симметричных декоративных элемента, состоящие из фигур каплевидной формы с точками (рис. 2, 3). Вероятно, это сильно стилизованный растительный орнамент. Подобный, хотя и не идентичный декор (рис. 2, 4) есть на одном из шлемов коллекции А. Гутманна (Junkelmann. 2000. S. 107–108). На ранних шлемах Монтефортино известны примеры сложного фигурного декора в виде палиц Геракла (рис. 2, 5).

На левой стороне тульи шлема находится выполненная в технике точечного накола арамейская надпись из пяти букв (рис. 1, 5–6). Первый справа знак — это монументальный *самех*, левая ножка у которого немного короче правой, а горизонталь выступает влево за габариты буквы. Впрочем, последняя черта является не хронологическим признаком, а индивидуальной особенностью мастера. Аналогичные формы *самеха* встречаются в надписях правителя Индии из династии Маурьев Ашоки (Benveniste, Dupont-Sommer. 1966. Fig. 2), армянско-

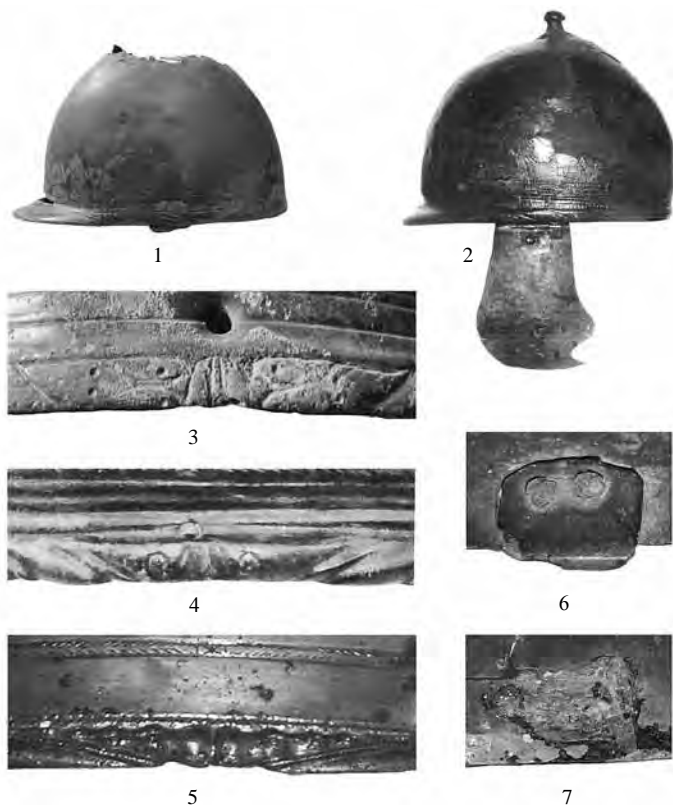

Рис. 2. 1, 3, 6, 7 — шлем типа Монтефортино с арамейской надписью. Общий вид и детали (фото А. В. Дедюлькина); 2 — шлем типа Монтефортино, найденный к востоку от Галиарга (Sekunda. 2001. Fig. 36); 4–5 — элементы декора шлемов типа Монтефортино: 4 — из коллекции А. Гутманна (Junkelmann. 2000. S. 108); 5 — из собрания Государственного Эрмитажа, коллекция Кампана (фото А. В. Дедюлькина)

го царя Арташеса I (Дьяконов, Старкова. 1955. Рис. 3, 4) и с горы Геризим в Палестине (Dušek. 2012. P. 36).

Второй и четвёртый знаки, представляющие собой длинную вертикаль, вверху плавно переходящую в горизонтальную чёрточку, являются одной и той же буквой — *vav*. *Vav* с таким же начертанием присутствует в эдиктах Ашоки (Benveniste, Dupont-Sommer. 1966. Fig. 2), на стелах из Карпантра в Египте и Арабиссона в Каппадокии (Дьяконов, Старкова. 1955. Рис. 5) и в надписи из Южной Палестины

ок. 168 г. до н. э. (Dušek. 2012. P. 22. Fig. 2). Начертание третьего и пятого знаков в виде вертикали, плавно заворачивающей влево и вверх, позволяет предположить, что перед нами либо *нун*, либо *реш*. Подобное смешение характерно для арамейскографических надписей III–II вв. до н. э., например, эдиктов Ашоки (Лившиц, Шифман. 1977. С. 7) и надписей с горы Геризим (Dušek. 2012. P. 14, 18, 36).

Таким образом, надпись читается как Swn/gwn/g и, скорее всего, представляет собой личное имя одного из владельцев шлема, очевидно, не первого и не последнего. Но откуда и как римский шлем с арамейской надписью мог попасть в Краснодарский край? Вероятно, что к этому — как и в случае с другим шлемом типа Монтефортино (Балахванцев, Дедюлькин. 2021) — приложили руку северокавказские сарматы, принимавшие активное участие в войнах Митридата VI Евпатора и его сына Фарнака II. В таком случае шлем мог быть захвачен номадами в Малой Азии. Сама же надпись, скорее всего, была нанесена в Каппадокии, единственной из малоазийских областей, в которой и после падения Ахеменидов арамейский язык сохранил свои позиции.

Оставляя связанные с именем владельца шлема проблемы специалистов в области ономастики Анатолии, зададимся вопросом о дате надписи. Для установления хронологии эпиграфических памятников, выполненных арамейским письмом, наиболее важны формы букв *алеф*, *самех* и *нэ* (Балахванцев. 2010. С. 266). Имеющиеся в нашем распоряжении аналогии для *самеха* позволяют датировать надпись на шлеме периодом от середины III в. до н. э. (эдикты Ашоки) до середины II в. до н. э. (надписи Артасеса I и с горы Геризим). Впрочем, с учётом того, что римляне впервые переправились в Малую Азию в 190 г. до н. э., где им, в частности, пришлось сражаться против воинов каппадокийского царя Ариарата (Liv. XXXVII, 33, 4, 40, 10; XXXVIII, 26, 4), надпись вряд ли могла появиться на свет ранее второго десятилетия II в. до н. э.

Литература

- Балахванцев А. С., Дедюлькин А. В. Новый шлем типа Монтефортино с монограммой царя Дейотара // Восток (Oriens). 2021. № 2. С. 221–228.
- Бойко А. Л., Дедюлькин А. В. Римский шлем из хутора Нижнесазонова в историко-археологическом контексте // Stratum plus. 2019. № 4. С. 101–112.
- Бруйко И. В. От Скифии к Сарматии: десять лет спустя // Stratum plus. 2009. № 3. С. 329–370.
- Дьяконов И. М., Старкова К. Б. Надписи Артаксия (Артасеса I), царя Армении // ВДИ. 1955. № 2. С. 161–174.

- Казакевич Г. М.* Про етрусько-італійські та кельтські шоломи у північному Причорномор'ї // Археологія. 2009. № 3. С. 19–25.
- Лившиц В. А., Шифман И. Ш.* К толкованию новых арамейских надписей Ашоки // ВДИ. 1977. № 2. С. 7–24.
- Марченко И. И.* Сираки Кубани. Краснодар: Изд-во КубГУ, 1996.
- Симоненко А. В.* Шлемы сарматского времени из Восточной Европы // *Stratum plus*. 2014. № 4. С. 249–284.
- Трейстер М. Ю.* Кельти в Північному Причорномор'ї // Археологія. 1992. № 2. С. 37–50.
- Щукин М. Б.* На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. — I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.: Фарн, 1994.
- Benveniste É., Dupont-Sommer A.* Une inscription indo-araméenne d'Asoka provenant de Kandahar (Afghanistan) // JA. 1966. T. 254. P. 437–445.
- Coarelli F.* Un elmo con iscrizione latina arcaica al Museo di Cremona // *L'Italie préromaine et la Rome républicaine: mélanges offerts à Jacques Heurgon. Collection de l'École française de Rome* 27 (I). Roma, 1976. P. 157–179.
- Connolly P.* Greece and Rome at War. London, 1981.
- Couissin P.* Les Armes romaines. Essai sur les origins et l'évolution des armes individuelles du legionnaire romain. Paris, 1926.
- Dušek J.* Aramaic and Hebrew Inscriptions from Mt. Gerizim and Samaria between Antiochus III and Antiochus IV Epiphanes. Leiden, 2012.
- Goldman A. L., Rose A.* Bronze Helmets from the Battle of the Aegates Islands // *The Site of the Battle of the Aegates Islands at the End of the First Punic War. Fieldwork, Analyses and Perspectives, 2005–2015*. Rome, 2019. P. 147–171.
- Junkelmann M.* Römische Helme. Sammlung Axel Guttman. Bd. 8. Mainz/Rhein, 2000.
- Klumbach H.* Römische Helme aus Niedergermanien: Katalog einer Ausstellung in Rheinischen Landesmuseums Bonn. Köln, 1974.
- Robinson H. R.* The Armour of Imperial Rome. London, 1975.
- Schaaff U.* Etruskisch-Römische Helme // *Antike Helme*. Mainz, 1988. S. 318–326.
- Sekunda N.* Hellenistic Infantry Reform in the 160s BC. Łódź, 2001.

Д. В. Бейлин, И. В. Рукавишникова, А. В. Куликов

**НОВЫЕ НАХОДКИ ЛАПИДАРНЫХ ПАМЯТНИКОВ
В РАЙОНЕ ПАВЛОВСКОГО МЫСА (КЕРЧЬ)**

Район мыса Ак-Бурун и расположенный южнее мыс Павловский в Керчи прежде всего известны антиковедам по раскопкам курганного некрополя боспорской знати. Внушительные курганные насыпи, возведенные над усыпальницами представителей высшей аристократии Пантикапея, живописной цепочкой тянутся вдоль водораздела на запад от Керченского пролива более чем на 5 километров. Этот курганный некрополь, получивший название Юз-Оба, и, вероятно, отдельная курганная группа близ Павловского мыса в основном исследовались во второй половине XIX в. Подавляющая масса курганов оказалась разграблена. Сохранившиеся до настоящего времени курганные насыпи, хоть и носят на себе следы «казенных» раскопок и грабительских ям, представляют особенный интерес для науки, что показали недавние раскопки кургана «Госпитальный» (Виноградов, Зинько, Смекалова. 2012; Бутягин, Виноградов. 2014; Рукавишникова, Бейлин, Федосеев. 2022).

Географическое положение мыса Ак-Бурун и Павловского мыса, замыкающего Керченскую бухту с юга, вероятно, и в древности играло важную роль не только в системе обороны Пантикапея, его важнейших узлов транспортных коммуникаций¹, но и занимало особое положение в ряду знаковых сакральных территорий ближайшей округи столицы Боспорского царства.

Будучи южной оконечностью мыса Ак-Бурун, Павловский мыс, имея крайне важное стратегическое положение, был использован для сооружения береговой артиллерийской батареи, построенной в 1771 г. по приказу А. В. Суворова для обеспечения обороны пролива и входа в Керченскую бухту. После окончания Крымской войны и заключе-

¹ Вполне возможно, что в системе транспортных коммуникаций Боспорского царства мыс Ак-Бурун имел важное стратегическое значение в качестве перехода через Керченский пролив (Федосеев. 1999. С. 68–75).

ния Парижского мира в 1856 г. в кратчайшие сроки в районе мысов Ак-Бурун и Павловский по проекту генерал-инженера Э. И. Тотлебена начались масштабные работы по возведению Керченской крепости, охватившие не только мысы Ак-Бурун и Павловский, но и широкие прилегающие территории, на которых возводились передовые укрепления и коммуникации. Строительство Керченской крепости, навсегда изменившее исторический ландшафт, было окончено к началу русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

К сожалению, практически все памятники археологии в районе Керченской крепости были уничтожены в процессе её строительства. Скальпированием грунта сняты культурные напластования и строительные остатки южной части поселения классического и раннеэллинистического времени Ак-Бурун III, расположенного в 300–400 м северо-восточнее Павловского створного переднего маяка (Зинько, Пономарев, Бейлин. 2007. С. 291–310; Котин. 2011. С. 57), пострадало ещё одно крупное поселение V–III вв. до н. э. Ак-Бурун I (Семенов, Кунин. 1962. С. 257; Шестаков. 1999; Федосеев. 1999. С. 69–71; Котин. 2011. С. 57; Белик. 2016. С. 40–41), а самое главное — вероятно, были полностью уничтожены остатки построек, зафиксированных в 20–30-х гг. XIX в. П. Дюбрюксом.

Наиболее крупным в районе мыса Ак-Бурун и Павловского мыса, вне всякого сомнения, является укрепленное поселение (городище), известное в научной литературе как Ак-Бурун II, отождествляемое С. А. Шестаковым с древним городом Гермисием (Шестаков. 1991; 1999; 2000; Федосеев. 1999. С. 69–71), упомянутым в трудах Помпония Мелы (Chorogr. Mela, II, 1) и Плиния Старшего (Nat. Hist. Plin., IV, 87).

Первым исследователем мыса Ак-Бурун, а также его окрестностей является П. Дюбрюкс. Основное своё внимание, посещая мыс (1820–1833 гг.), он уделил обследованию остатков стен, башен и отдельных построек, детально описав их в своих заметках и составив подробный план, снабдив его топографическими привязками (Дюбрюкс. 1858. С. 34–49; 2010. Т. 1. С. 295–304; Т. 2. С. 201–207. Рис. 472–477). Все это даёт основание полагать, что у Павловского мыса было обнаружено крупное укрепленное поселение либо городище.

С самого начала XIX в. остатки построек древнего городища активно разбирались на камень и вывозились в Керчь для строительства домов (Дюбрюкс. 1858. С. 39; 2010. Т. 1. С. 298). Спустя всего несколько десятилетий ситуация резко изменилась, и при неоднократных посещениях района Павловского мыса и раскопках курганов, связанных с работами по строительству Керченской крепости,

никто из исследователей не упоминает о каких-либо остатках древних построек на месте предполагаемого городища.

Активная строительная и хозяйственная деятельность, охватившая большую часть мыса Ак-Бурун и прилегающие к нему территории, не позволила, по крайней мере до настоящего времени, найти и локализовать нанесенные на план П. Дюбрюксом строительные остатки городища и определить его границы. В настоящий момент для археологических исследований наиболее перспективной является территория садовых некоммерческих товариществ (СНТ) «Маяк», «Лесной» и «Радуга», расположенных к северо-западу и западу от Керченской крепости. Именно здесь отмечается наибольшая концентрация археологического материала, а на обрабатываемых отдельных частных участках визуально просматривается культурный слой, насыщенный бутовым камнем, золой и керамикой. Развернувшееся в последнее время активное частное строительство на отдельных участках позволяет наблюдать в бортах котлованов фундаментов довольно мощный культурный слой. Также некоторые собственники участков сообщают и о неединичных находках пантикапейских монет эллинистического и позднеантичного времени. Многочисленные находки позднебоспорских монет были зафиксированы и при раскопках поселения эпохи бронзы Госпиталь II (Бейлин и др. 2018), а также военно-полевого лагеря Керченской крепости (Рукавишников и др. 2018; 2019), которые расположены немного севернее упомянутого дачного поселка.

Одной из интереснейших археологических находок в районе Павловского мыса является открытие в сентябре 1867 г. ряда погребений, совершенных в простых грунтовых могилах. В результате проведения земляных работ недалеко от Павловской батареи (вероятно, западной Равелина) рабочие раскопали 21 погребение. В грунтовых могилах, перекрытых известняковыми плитами, обнаружены сильно истлевшие скелеты, головой ориентированные на восток. Наличие погребального инвентаря и его характер установить не представляется возможным из-за отсутствия подробных описаний. Упоминание о том, что могилы оказались «очень бедными и однообразными»², может свидетельствовать о полном отсутствии погребального инвентаря, что в целом не характерно для античной и позднеантичной бо-

² «Возле Павловской батареи, к западу у первого скалистого холма, рабочими обнаружены во многих местах земляные гробницы, покрытые дикарными камнями; таких гробниц вскрыто 21; все они оказались очень бедными и однообразными, имели длину каждая от 3 до 3^{1/4}, шириною 1^{1/2} и глубиною от 3/4 до 1 аршина, с остовами сильно истлевшими, лежащими головой на восток...» (КБН. 1965. С. 430).

спорской погребальной традиции. Впрочем, определение «бедные» вовсе не исключает в могилах наличие погребального инвентаря, который не привлек внимание ни раскопавших могилы рабочих, ни самого директора Керченского музея А. Е. Люценко.

В этом же районе 30 сентября 1867 г. А. Е. Люценко нашел три обломка надгробных плит с фрагментами надписей, содержащих иудейские имена (КБН 735, 746, 777). На основании этого был сделан вывод о локализации иудейского некрополя в районе Павловского мыса (КБН. 1965. С. 430). Однако ни сам некрополь, ни прилегающие к нему территории не исследовались, а места обнаружения не были нанесены на топографическую основу.

В сентябре 1899 г. возле крепостного лазарета³, расположенного по левую сторону от шоссе, ведущего в Керченскую крепость, вместе с другими обломками плит с изображениями иудейских семисвечников директором Керченского музея В. В. Шкорпилом была найдена надгробная плита с надписью на «иудейском языке» (Шкорпил. 1900. С. 107, 108) (КБН 736). В 1912 г. в могиле за Цементной слободкой (западной уже упомянутого крепостного лазарета), помимо двух плит с изображением семисвечника, Ю. Ю. Марти была обнаружена плита с ещё одной иудейской надписью: «Самуил, сын Севера» (Марти. 1913. С. 71; КБН 743). В этом же районе, между бывшим крепостным лазаретом и передовым люнетом Керченской крепости, в 2013 г. Л. Ю. Беликом найдено ещё одно надгробие с иудейской символикой (Белик. 2016. С. 41–43).

Всего в районе мыса Ак-Бурун было найдено около десятка иудейских надгробий. Справедливым является мнение исследователей о том, что в районе мыса Ак-Бурун могли располагаться как минимум два иудейских некрополя: один — в районе Павловского мыса, другой — у лазарета Керченской крепости близ Цементной слободки, где и были обнаружены иудейские надгробия.

В 2020 г. у юго-восточной окраины СНТ «Маяк» в 1,5 км северо-западнее Павловского мыса, южнее открытых каменных карьеров, на относительно ровной площадке размерами 200 × 80 м были найдены плиты с вырезанной иудейской символикой, некоторые из них содержали надписи на греческом и древнееврейском языке (рис. 1). В основном плиты были найдены как вблизи каменных межевых оград, сформированных на границах дачных участков, так и в самих каменных набросках. Весной 2020 г. удалось собрать представительную коллекцию, состоящую из 27 надгробий, включая и фрагменты

³ Район микрорайона Цементная слободка.

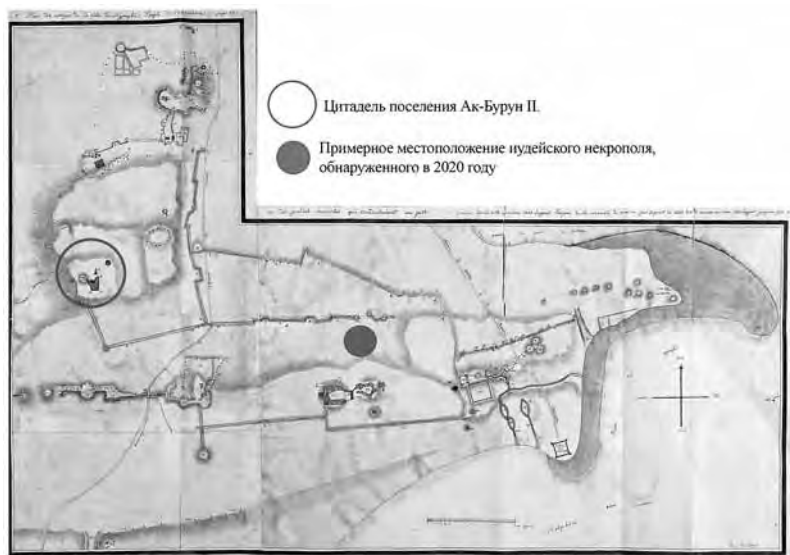

Рис. 1. П. Дюбрюкс. «7. План развалин города Нимфен (Анонимный Перипл и большие стены, ведущие в порт...» Не позднее 1835 г. [Тункина. 2010. Т. 2. С. 204, 205. Рис. 476]. На плане указано (примерное) местоположение участка иудейского некрополя 2020 г. и цитадели поселения Ак-Бурун II (городище Гермисий)

(рис. 2). 13 из них имели надписи (Бейлин, Яйленко. 2022) (рис. 2, 1–13). На 12 плитах сохранились изображения менор (рис. 2, 14–25), что четко определяет конфессиональную принадлежность некрополя. Две плиты (рис. 2, 26, 27) имеют тщательную обработку одной из поверхностей, на которую, вероятно, в древности красной краской были нанесены надписи или изображения иудейской символики (Бейлин, Рукавишникова, Куликов. 2023. С. 152–169). Найденные надгробные плиты и их фрагменты маркируют зону иудейского некрополя, с которым, скорее всего, связаны могилы и фрагменты иудейских надгробий, обнаруженные в 1867 г. А. Е. Люценко. Если наши предположения верны, то, судя по плану П. Дюбрюкса, некрополь 1867/2020 г. расположен в непосредственной близости от описываемых им строительных остатков городища, отождествляемого с Гермисием (поселение Ак-Бурун II). Что же касается участка иудейского некрополя, обнаруженного В. В. Шкорпиллом в 1899 г. возле крепостного лазарета у Цементной слободки, — он расположен в северной части мыса Ак-Бурун в 2 км к СВС от обнаруженного нами. Это пока не

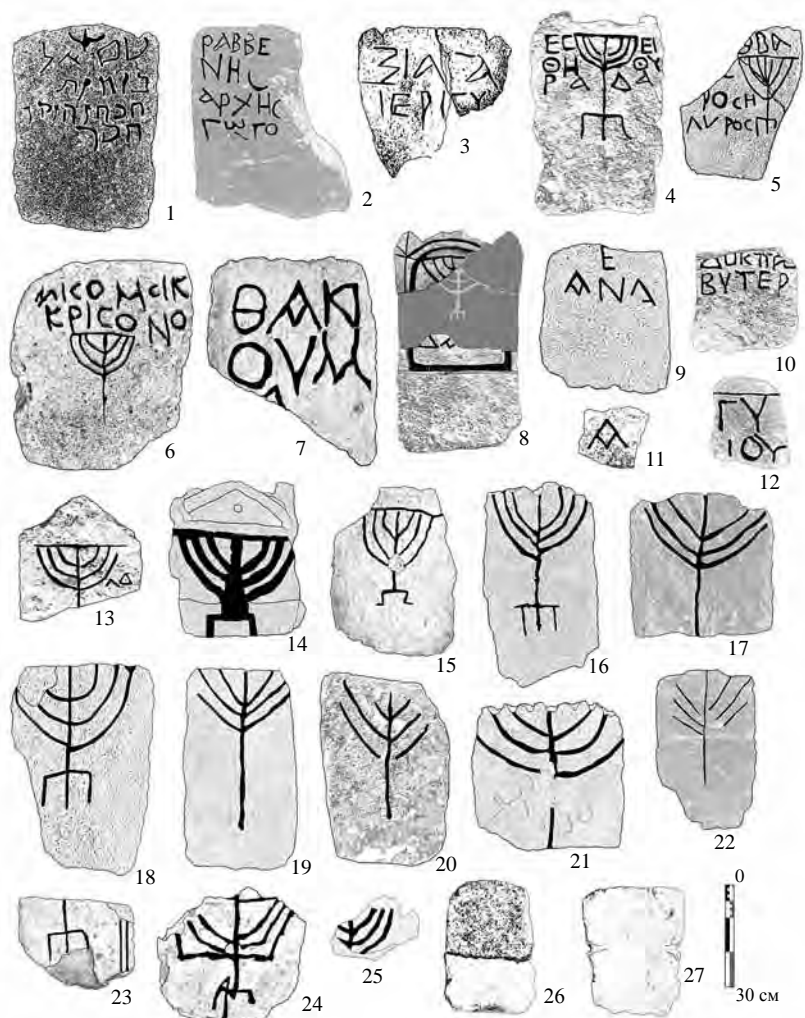

Рис. 2. 1–27 — иудейские надгробия, обнаруженные близ Павловского мыса в 2020 г.

позволяет нам рассматривать эти две зоны погребений участками одного и того же иудейского некрополя.

Особый интерес вызывает принадлежность некрополя определенной территориальной иудейской общине: относился ли выявленный участок некрополя у Павловского мыса к иудейской общине

Пантикапея, или же он принадлежал общине близлежащего поселения Ак-Бурун II (городища Гермисий).

Основываясь на проведенном анализе найденных надгробных плит и эпитафий (Бейлин, Яйленко. 2022), участок иудейского некрополя близ Павловского мыса можно датировать II–IV вв. н. э. Такую же датировку приводят и исследователи надгробий, обнаруженных В. В. Шкорпилом (КБН. 1965. С. 424, 425, 428).

Очень важным является вопрос о статусе и времени существования самого поселения Ак-Бурун II (Гермисия). Как упоминалось выше, наиболее ранние находки на территории этого поселения датируются V в. до н. э., однако их следует связывать с более ранним поселением Ак-Бурун III. Следы же построек, «башен» и стен, описанных П. Дюбрюксом, вероятно, относятся к более позднему поселению, ядром которого, по нашему мнению, является укрепление, расположенное на плато в наивысшей точке (высота 95,8 м). Неоднократный осмотр этого места позволил выявить мощные золистые слои, а наиболее ранние находки представлены фрагментами амфор и столовых сосудов I в. до н. э. Развалы камня, выходы культурного слоя, маркированного керамикой, тянутся в восточном направлении на 200–300 м, вплоть до открытых каменных карьеров. Изучение поселения Ак-Бурун II в настоящее время практически невозможно из-за возделываемых дачных участков СНТ «Маяк» и развернувшегося на их территории дачного строительства. Отметим лишь, что на основании археологических наблюдений и анализе подъемного материала можно утверждать, что поселение Ак-Бурун II продолжало функционировать в позднеантичный период, а возможно, что и в ранневизантийское время.

Неоценимое значение в изучении характера поселения Ак-Бурун II и его статуса в ряду поселений ближайшей округи столицы Боспорского царства играет фрагмент нижней части мраморного постамента с фрагментом сохранившейся почетной надписи «...из здешних воинов поставил в знак почета в 505 году и месяце Горпиие 1-ого числа» (КБН. 1965. № 902. С. 498–499). Фрагмент постамента, со слов А. А. Ашика, был найден возле Старого Карантина недалеко от Нимфея. Мы считаем, что совершенно прав С. А. Шестаков, первым указавший на принадлежность этого эпиграфического памятника поселению Ак-Бурун II. Таким образом, мы можем говорить, как минимум, о наличии документально подтвержденного факта пребывания здесь несшего службу воинского контингента во время правления Савромата II при императоре Септимии Севере (Шестаков. 2000. С. 123–125). К сожалению, надпись не содержит личных имен, что

могло бы дать нам хоть какое-то представление об этнической принадлежности отдельных воинов. Возможно, среди несших военную службу могли быть и представители иудейской общины поселения, оставившей весьма обширный некрополь, территория которого практически вплотную примыкала к остаткам построек и стен, нанесенных на план мыса Ак-Бурун П. Дюбрюксом.

Мы не случайно отметили присутствие воинского контингента на поселении Ак-Бурун II в связи с обнаружением участка некрополя иудейской общины. В свете этих новых данных хочется ещё раз обратить внимание исследователей к истории появления иудейской общины на Боспоре, в том числе и в качестве воинского контингента, появившегося здесь, возможно, по настоянию Агриппы и согласно Ирода при Полемоне I в конце I в. до н. э. (Панов. 2002. С. 106–108).

Литература

- Бейлин Д. В., Кислый А. Е., Михайлов А. М., Розудеев В. В., Шарана А. В., Юрочкин В. Ю. Раскопки поселения эпохи бронзы Госпиталь II в г. Керчи (предварительное сообщение) // ДБ. 2018. Т. 23. С. 9–35.
- Бейлин Д. В., Яйленко В. П. Новые иудейские эпитафии II–IV вв. н. э. из Керчи // ПИФК. 2022. № 4. С. 115–146.
- Бейлин Д. В., Рукавишникова И. В., Куликов А. В. О локализации иудейского позднеантичного некрополя близ Павловского мыса в Керчи // РА. 2023. № 2. С. 152–169.
- Белик Л. Ю. История исследования объектов археологии на мысе Ак-Бурун // БЧ XVII. 2016. С. 39–43.
- Бутягин А. М., Виноградов Ю. А. Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. 2: Курганы на мысе Ак-бурун. Симферополь; Керчь: БФ «Деметра» [и др.], 2014. (БИ. Suppl. 13).
- Виноградов Ю. А., Зинько В. Н., Смекалова Т. Н. Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. 1. Симферополь; Керчь: БФ «Деметра» [и др.], 2012. (БИ. Suppl. 9).
- Дюбрюкс П. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Боспора Киммерийского, от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук включительно, при Черном море // Записки Одесского общества истории и древностей. IV. Одесса, 1858. С. 3–84.
- Дюбрюкс П. Собрание сочинений: в 2 т. СПб.: Коло, 2010.
- Зинько В. Н., Пономарёв Л. Ю., Бейлин Д. В. Археологические разведки на хоре Тиритаки // БИ. 2007. Т. XVI. С. 291–310.
- Котин М. А. Разведки на мысу Ак-Бурун в Керчи // Археологічні дослідження на Україні 2011 р. Київ: Інститут археології Національної академії наук України, 2012. С. 57.

- Марти Ю. Ю.* Описание Мелек-Чесменского кургана и его памятников в связи с историей Боспорского царства // Записки Одесского общества истории и древностей. XXXI. Одесса, 1913. С. 1–88.
- Панов А. Р.* Поход Полемона I на Боспор: проблемы интерпретации источников // АМА. 2002. Вып. 11. С. 106–108.
- Рукавишников И. В., Бейлин Д. В., Белик Ю. Л., Гаспарович С. Г.* Курганный группа Нижний Солнечный I // Города, поселения, некрополи. Раскопки 2017. М.: ИА РАН, 2018. С. 276–283. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25).
- Рукавишников И. В., Белик Л. Ю., Гаспарович С. Г., Ермолин С. А.* Исследования курганной группы Нижний Солнечный I // Крым — Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг.: в 2 т. Т. 1. М.: ИА РАН, 2019. С. 399–417.
- Рукавишников И. В., Бейлин Д. В., Федосеев Н. Ф.* Курган Госпитальный. М.: ИА РАН, 2022. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 28).
- Семёнов С. А., Кунин В. Э.* Разведки на Керченском полуострове // Археология и история Боспора. Т. 2. Симферополь: Крымиздат, 1962. С. 257–262.
- Федосеев Н. Ф.* Ещё раз о переправе через Боспор Киммерийский // Археология и история Боспора. Т. 3. Керчь: БФ «Деметра», 1999. С. 61–102.
- Шестаков С. А.* О локализации боспорского города Гермисия // Проблемы археологии и истории Боспора: к 165-летию основания Керченского музея древностей: тезисы докладов конференции (13–19 окт. 1991 г.). Керчь, 1991. С. 37–38.
- Шестаков С. А.* К вопросу о локализации боспорского города Гермисия // Археология и история Боспора. Керчь: БФ «Деметра», 1999. С. 103–112.
- Шестаков С. А.* Дополнительные данные для локализации боспорского города Гермисия // Пантикапей — Боспор — Керчь — 26 веков древней столице: материалы международной конференции (Керчь, 13–15 сентября 2000 г.). Керчь, 2000. С. 123–125.
- Шкортил В. В.* Надгробные надписи, приобретенные Мелек-Чесменским музеем в 1899 году // Записки Одесского общества истории и древностей. 1900. XXII. С. 101–108.

А. П. Бехтер, А. М. Бутягин

СВИНЦОВЫЙ АРХИВ МИРМЕКИЯ (ОБЗОР)

Находка свинцового письма — это всегда событие. Когда же на одном памятнике обнаруживается несколько таких документов, можно говорить уже о «свинцовом архиве». Предлагаем обзор трех документов, найденных в период с 2017 по 2022 г.

1. Письмо Орея Пифоклу.

Документ, найденный в 2017 г., интересен, во-первых, тем, что представляет собой не фрагмент, а полностью сохранный пластинку, хотя и с повреждениями, во-вторых, тем, что является опистографом, причём достаточно хорошо читаются обе стороны, и, наконец, тем, что содержит не одно, а как минимум два послания разным людям. После публикации письмо вызвало интерес различных исследователей. Первым обратился к нему А. В. Белоусов, высказавший ряд замечаний по интерпретации и датировке текста; затем свои варианты прочтения представили В. П. Яйленко и Ф. В. Шелов-Коведяев. Поскольку, несмотря на подчас весьма радикальный пересмотр содержания письма, все согласны с тем, что перед нами деловое письмо, отправленное купцом Ореем. В сферу его торговых интересов, помимо традиционных для Боспора товаров, таких как рыба и рабы, входят и дорогие заморские ткани. Поэтому в данном обзоре остановимся только на проблеме датировки, чтобы твердо выяснить, в какой же период Орей вел свою активную торговую деятельность. Объект был найден при плановых археологических работах в неповрежденном культурном слое, что происходит довольно редко: в основном свинцовые письма обнаруживаются случайным образом. В такой ситуации определяющим должен быть археологический контекст, что и обусловило изначально предложенную датировку текста последней четвертью IV в. до н. э. (Бехтер, Бутягин, Дана. 2018. С. 933–934; Bekhter, Butyagin, Dana. 2019. P. 163–164; Dana. 2021. P. 196), главным хронологическим репером являлся амфорный развал, хорошо

датируемый 30–20 гг. IV в. до н. э. (Бехтер, Бутягин, Дана. 2018. С. 934). Эта дата вступает в конфликт с орфографией и некоторыми палеографическими характеристиками текста, что было отмечено и в первоиздании и не могло остаться незамеченным ознакомившимися с публикацией исследователями. А. В. Белоусов, откликнувшийся, как было сказано, первым, не предложил конкретной новой даты, но указал на необходимость удревления датировки на основании палеографии, орфографии и особенностей формуляра (Белоусов, Елисеева. 2019. С. 180–181). В том же ключе высказался Ф. В. Шелов-Коведяев, поместив надпись в последнюю треть или четверть V в. до н. э. (Шелов-Коведяев. 2023. С. 184, 186). В. П. Яйленко, напротив, предложил датировать текст более поздним периодом, а именно первой половиной III в. до н. э. (Яйленко. 2020. С. 329–331). Такой разбор мнений заставляет вновь вернуться к археологическому контексту находки, детальный анализ которого и должен стать определяющим. Открытая в 2017 г. яма, где было обнаружено письмо, была доследована в течение следующего сезона, а полученные данные представлены в публикации Н. М. Милихиной. Исследовательница показала, что комплекс, связанный со сбросом из косторезной мастерской, содержит материал первой половины IV в. до н. э. с примесью керамики второй половины IV в. до н. э., попавшей туда в результате нарушения целостности ямы в ходе хозяйственных работ эллинистического периода (Милихина. 2020. С. 74–76). Таким образом, датировка и V, и III в. до н. э. должна быть исключена, как не соответствующая археологическому контексту, и остается только выбрать, к первой или ко второй половине IV в. до н. э. следует относить письмо. Документ вполне мог попасть в яму в составе материала рушеного слоя, однако датировка письма Орея первой половиной IV в. до н. э. снимает все палеографические и орфографические несообразности. Авторы признают, что несколько поторопились, желая как можно скорее ввести в научный оборот столь интересный объект, но теперь, после доследования археологического контекста, в дискуссии о датировке письма Орея должна быть поставлена точка.

Открытие двух новых фрагментов свинцовых писем произошло в 2022 г. при исследовании на участке «И», расположенном в центральной части Мирмекия. Оба фрагмента были обнаружены при проверке металлоискателем грунта, вывезенного с раскопа, однако грунт из разных контекстов перемещался в разные зоны, в связи с чем можно уверенно установить, к какому контексту относится находка. По завершении исследований на основной части участка в 2016 г. здесь была сделана прирезка в северном направлении площадью около 75 м² с целью исследования продолжения архаического квартала. В настоящее время позднеархаические слои ещё не достигнуты. Стра-

тиграфическая ситуация на исследуемом участке не совсем стандартна для городища. Все открытые на нём строительные остатки принадлежат I–III вв. н. э., причём участок разделён кладкой, идущей в широтном направлении, и все другие кладки находятся к северу от неё. В сезоне 2021 г. было установлено, что к югу от кладки располагаются слои, принадлежащие зольнику 2, исследование которого было начато ещё В. Ф. Гайдукевичем. Они выделяются наличием прослоек золы, многочисленными мелкими фрагментами раковин мидий, а также высоким содержанием керамических фрагментов. Ситуация, по всей видимости, объясняется тем, что пола зольника была вертикально подрезана в римское время в ходе строительства усадьбы к северу от него. Оба фрагмента писем происходят из слоя зольника 2 и были обнаружены рядом друг с другом. Слои зольника 2 в целом относятся к III — первой половине II в. до н. э., однако в данном случае мы имеем дело с самыми ранними его напластованиями, которые сформировались примерно в 300–270 гг. до н. э. (Butyagin. 2015. P. 432–433). Более того, в этих слоях довольно велика примесь более раннего материала, относящегося к последней четверти IV в. до н. э. Таким образом, археологический контекст находок позволяет относить их к последней четверти IV — первой трети III в. до н. э.

2. Судя по всему, перед нами правый край пластины; в письме сохранилось как минимум одиннадцать строк (рис. 1). Манера письма демонстрирует существенное сходство с письмом Орея: *хи* крестообразной формы, ангулярная *сигма*, *омикрон* маленького размера, хотя есть и отличия: шрифт письма № 1 отличается активным использованием изогнутых линий, тогда как манера письма № 2 более строгая; боковые наклонные *сигмы* всегда раскрыты, тогда как в письме № 1, демонстрирующем вообще большую вариативность форм букв, они подчас практически параллельны друг другу. Исходя из палеографии, хронологически тексты должны быть довольно близки.

Приветственная формула утрачена, поэтому имена отправителя и адресата остаются неизвестными. В стк. 1 можно разобрать буквы ΤΥΧ; поскольку личные имена наподобие Евтихий появляются в гораздо более позднее время, а чтение Τύχων невозможно, так как после *хи* хорошо заметны вертикали, есть вероятность, что, как и в письме Орея, здесь присутствует аккламация к судьбе. В стк. 3 четко читается ἦκε τὰ ἐμ «отправь их к», т. е. текст, как и первое из мирмекийских писем, представляет собой деловое послание. В стк. 4 хорошо читается личное имя Артемидор в форме номинатива, что можно понимать как обращение к адресату или, скорее, как указание на третье лицо, о действиях которого что-то рассказывает автор текста. В стк. 5 фигурирует ещё одно личное имя Сократ, зависящее от предлога *προς*:

Рис. 1. Письмо № 2. Полевой № М.2022-487

«к Сократу». В стк. 7 отчетливо читается глагол ἐπόρεσε, т. е. «лежал в лихорадке»: к сожалению, из столь фрагментированного текста нельзя понять, о ком идет речь в данном случае: члене семьи или деловом партнере, болезнь которого расстроила планы автора письма.

3. Третий документ также представляет собой фрагмент пространного письма (рис. 2). Судя по тому, что в верхней части пластины над хорошо читающейся строчкой фиксируется пустое пространство, хотя расстояние между строк очень невелико, перед нами начало текста. Манера письма заметно отличается от шрифта представленных выше документов. Прежде всего, обращает на себя внимание лунарная *сигма* и форма треугольных букв (*альфы*, *лямбды* и *дельты*), имеющих удлиненную правую наклонную, а также изогнутые центральные линии *миу* и *пи*. По сумме признаков письмо не может быть моложе III в. до н. э. На более позднюю в сравнении с письмами 1–2 датировку указывает и написание несобственного дифтонга $\bar{\delta}$ как *ου* (τοῦς в стк. 4).

Читающееся в стк. 1 ΜΗΤΡΙΟΣ должно восстанавливаться как личное имя [Δη]μίτρος, входящее в состав приветственного форму-

Рис. 2. Письмо № 3. Пол. № М.2022-488

ляра, т. е. Деметрий является автором письма. Учитывая тот факт, что утрачен текст слева, приветственная формула, видимо, была построена по модели τῶ θεῶν ὁ θεῖνος, ср. Λήνακτι Ἀλατόριος из знаменитого ольвийского письма (Dana. 2021. P. 125–138. № 26). Читающаяся в стк. 6 форма императива παράλαβε («возьми, прими») показывает, что, как и в первых двух случаях, перед нами письмо делового характера. В стк. 7 отчетливо читается μηδέν (ничто) или μηδένα (никого), причём в начале строки заметен эпсилон, скорее всего также представляющий собой окончание императива.

Таким образом, во всех документах представлена деловая переписка, свидетельствующая о весьма активной деятельности жителей Мирмекия в течение IV–III вв. до н. э. Судя по всему, все письма были доставлены по адресу, развернуты и прочитаны, т. е. адресаты проживали на территории Мирмекия, тогда как отправители: Орей из письма № 1 и Деметрий из письма № 3, отдававшие получателям распоряжения, — находились в каком-то другом центре (Пантикапей?).

Наиболее сложным оказывается вопрос датировки писем № 2–3. Письмо № 3 синхронно периоду формирования древнейшего пласта зольника 2, тогда как письмо № 2 гораздо древнее. Можно предположить, что письмо № 2 попало в зольник вместе с материалами последней четверти IV в. до н. э., однако сходство манеры письма с шрифтом письма Орея, датировка которого столь поздним периодом вызывает неразрешимые противоречия, не позволяет принять указанную дату, т. е. налицо явный конфликт между данными археологии и палеографией. При этом оба разновременных документа были обнаружены вместе, что весьма необычно для столь редкого типа находок. Как представляется, есть только один вариант решения проблемы: письма были объединены до попадания в зольник, т. е. «свинцовый архив» оказывается не метафорой, а объективной реальностью. Мы не знаем, сознательно ли копились письма и были выброшены после того, как записанная на них информация потеряла свою ценность, либо же фрагмент старого письма уцелел случайно, хотя должен был быть перекатан/переплавлен для последующего использования. В любом случае совместность этих находок указывает на непрерывность и последовательность деловой активности жителей Мирмекия в течение почти целого столетия.

Литература

- Белюсов А. В., Елисеєва Л. Г.* Греческая и римская эпиграфика Северного Причерноморья. 2018 г. // *Аристей*. 2019. Т. XX. С. 157–202.
- Бехтер А. П., Бутягин А. М., Дана М.* Свинцовое письмо из Мирмекия // *ВДИ*. 2018. № 8. С. 931–948.
- Милихина Н. М.* Новые данные о косторезном ремесле Мирмекия // *АВ*. 2020. Вып. 9. С. 69–78.
- Шелов-Коведяев Ф. В.* De titulis bosporanis et viciniis V // *НЭ*. 2023. Вып. XXI. С. 171–186.
- Яйленко В. П.* О датировке и текстологии новонайденных писем да наговоров Боспора // *АМА*. 2021. Вып. 20. С. 322–345.
- Bekhter A., Butyagin A., Dana M.* Opisthographic lead-letter from Myrmekion // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 2019. Bd. 212. P. 161–171.
- Butyagin A.* Excavation of Ash Hill 2 in Myrmekion // *The Danubian Lands between the Black, Aegean and Adriatic Seas (7th Century BC — 10th Century AD) Proceedings of the Fifth International Congress on Black Sea Antiquities (Belgrade — 17–21 September 2013)*, Oxford, 2015. P. 431–435.
- Dana M.* La correspondance grèce privée sur plomb et sur tesson. München, 2021. (*Vestigia*. Bd. 73).

Ю. Л. Белик, Н. Л. Кучеревская, Н. А. Павличенко

НОВАЯ НАДПИСЬ ПЕРИСАДА I ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ ПАНТИКАПЕЯ

Во время проведения земляных работ на территории частного домовладения в районе Мичурино, вблизи Митридатской курганный гряды, где в античности располагался некрополь Пантикапея, а в XIX в. — поселение «Скассиев Фонтан» (Санжаровец, 2019. С. 201–202), был случайно найден мраморный блок с надписью. Находка передана рабочими Ю. Л. Белику в 2022 г. во время обследования им военно-инженерных сооружений XVIII в. Памятник хранился некоторое время на территории Керченской крепости, а в 2023 г. был доставлен в Лапидарий для реставрационной обработки и передан на хранение в фонды Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника.

Мраморный блок является постаментом с посвянительной надписью, который переделан во вторичном использовании в бассейн.

Постамент имел форму параллелепипеда, его лицевая плоскость и боковые грани зашлифованы. Верхняя плоскость тщательно отёсана и зашлифована, на её поверхности имеется неглубокое углубление для установки каменной статуи. Обратная сторона обработана чистой отёской. На лицевом фасаде, над частично обколотой полочкой высотой 8 см, вырезана пятистрочная надпись (рис. 1).

В XIX или начале XX в. постамент был использован в конструкции фонтана в качестве строительного материала для бассейна, представляющего собой чашу с отвесными стенками и водостоками (рис. 2).

Местность, где найден памятник, представляет собой плодородную долину, изобилующую источниками пресной воды и известную своими садами, что отражено в топонимах «Скассиев Фонтан» и «Скассиевы сады», сохранивших имя своего основателя Р. А. Скасси. По убедительному мнению В. Ф. Санжаровца¹, здесь, под сенью

¹ Выражаем глубокую признательность В. Ф. Санжаровцу, авторитетному исследователю крымской топонимики, за подробную консультацию.

Рис. 1. Постамент с посвятельной надписью

могил предков (имеется в виду Золотой курган), в период античности простирались богатые сельские усадьбы. Подтверждением этому могут служить находки остатков античного поселения эллинистического периода, открытые В. В. Веселовым (Веселов. 1964. С. 6). Это не первый случай использования античных стел в качестве строительного материала для гидротехнических сооружений: П. Паллас упоминает о находке мраморного надгробия с надписью, который «взят из облицовки старого фонтана, находившегося близ дороги в Керчь, по западную сторону» (Pallas. 1883. S. 279; КБН 833).

Наличие фонтана — именно гидротехнического сооружения, а не колодца — не вызывает сомнения у В. Ф. Санжаровца (Санжаровец. 2019. С. 211), причём сооружён он мог быть ещё в Средневековье — начиная с турецкого периода (с 1475 г.), учитывая обстоятельства находки ранее упоминаемой античной стелы, использованной в конструкции фонтана (Санжаровец. 2019. С. 213). Очевидно, Р. А. Скасси восстановил разрушенный каптированный источник и использовал его воду для орошения собственного сада.

Фонтан Скасси имел внушительные размеры, с западной стороны он был ограждён каменной стеной, сложенной из известняка, высотой ок. 1,2–1,5 м и шириной до 0,7 м. Центральную часть стены украшало полуциркульное навершие. С востока вдоль стены каскадом располагались несколько каменных «корыт» (от двух до десяти, по разным источникам), «каждое длиной якобы до 4-х метров, имевших специальный профиль», с углублениями в бортах для перелива воды

Рис. 2. Бассейн, изготовленный из постамента

в нижестоящую ёмкость, а затем — в искусственное русло, соединявшееся с притоком реки. Вода подавалась по керамической трубе диаметром до 20 см, покрытой тёмной глазурью, и выводилась в речку. Перед «корытами» был сооружён большой круглый бассейн, глубиной свыше 3 м и диаметром примерно 2,5 м. Фонтан служил для орошения садов, забора пресной воды людьми, водопоя почтовых лошадей и скота. Постепенно уровень водоносных слоёв истощился, фонтан иссяк и был заброшен (Санжаровец. 2019. С. 218–219). В 1964 г. В. В. Веселов наблюдал уже остатки «так называемого Кассиевого фонтана» (Веселов. 1964. С. 6).

Заманчиво увидеть в постаменте с посвятителной надписью одно из «корыт», упоминаемых в описании Скасиева фонтана, расположенного некогда вдоль дорожного тракта. Заставляют усомниться в этом размеры нашего мраморного блока — высота 25,5 см, длина 56 см, ширина 48,5 см, не соответствующие заявленным в описании конструкции размерам ёмкостей — до 4-х м. Сомнительно также предполагать, что Р. А. Скасси, один из первых осознавший ценность керченских археологических древностей, распорядился бы стесать часть древнегреческой надписи для декоративного украшения в процессе переделки.

Вероятно, мраморный блок относился к другому каптированному источнику, имевшему аналогичную конструкцию, но меньшие

размеры, поскольку в этой плодородной долине со множеством источников жители издревле выращивали плодовые и огородные культуры. То, что постамент был переделан именно в бассейн фонтана, подтверждается привнесенными в его конструкцию изменениями.

При вторичном использовании постамент перевернули, на его бывшей нижней поверхности прорубили плоское квадратное углубление (размеры углубления $31,5 \times 31,5$ см, глубина 5 см) со скругленными в передней части углами, вытесали два водослива. Для декоративного оформления лицевой поверхности бассейна левую часть постамента стесали минимум на 7 см, в результате чего были утрачены начальные буквы в каждой из пяти строк надписи, и вырезали водослив в виде имитирующего свиток фигурного картуша. Левая часть постамента стала лицевым фасадом бассейна фонтана, который был заново обработан чистовой отгёской, но не зашлифован.

Толстый и прочный слой цемяночного раствора покрывает борта чаши бассейна, от середины к лицевой поверхности, поверх него кое-где видны следы инструмента. Остатки цемянки сохранились также на нижней плоскости и боковых гранях памятника. Очевидно, этим раствором были скреплены между собой так называемые корыта, образующие каскад водяных струй.

Плотный корковый слой биообрастателей (бурых водорослей) на поверхности в углублении чаши, на оборотной и левой боковой поверхностях бассейна подтверждает назначение детали в качестве бассейна фонтана.

В Лапидарии выполнен комплекс реставрационных мероприятий, включающий сложную расчистку после предварительного локального укрепления цемяночной обмазки на гранях бортов бассейна. Корковые наслоения биообрастателей частично удалены, остатки их нейтрализованы биоцидной обработкой. В результате проведенных реставрационных работ был выявлен текст надписи.

Надпись выполнена по тонким линейкам и, вероятно, была выровнена по левому краю², строки ровные. Верхняя строка вырезана на расстоянии 1–2,5 см от поврежденной сколами верхней грани. Высота букв — 15 мм, *альфа* и *лямбда* — 17 мм, *омикрон*, *тета*, *дельта* и *омега* меньше остальных букв — 10 мм.

Буквы чёткие, имеют небольшие утолщения на концах в форме ласточкина хвоста. *Альфа* и *лямбда* с широко расставленными гастами; горизонтальная гаста у *альфы* — прямая; средняя гаста *эпсилон*

² Ср., например, посвящения времени Левкона I и Перисада I (КБН 6, 8, 14, 971, 972).

короче верхней и нижней горизонтальных гаст; *тхета* с точкой; наклонные гасты *капты* широко расставлены, их перекрестие касается вертикальной гасты; *мю* со слегка расставленными гастами; правый нижний угол некоторых *ню* приподнят; у некоторых *сигм* верхняя и нижняя гасты становятся почти горизонтальными, *хи* имеет промежуточную форму между стандартной формой и *хи* в виде креста.

Эти палеографические особенности, равно как и буквы ΡΙΣΑΔΕΟΣ в начале стр. 3, позволяют относить надпись ко времени правления Перисада I (Болтунова, Книпович. 1962. С. 12. Табл. II; Завойкин, Завойкина. 2020. С. 144; Бехтер. 2023. С. 28–32).

Текст надписи:

1 [--]ος, Πραξιλαο[ς Κλ]εοδώρο [--]ος, Πραксилай, (*сыновья*) Клеодора,

2 [Μα]ντινεῖς ἀνέθηκαν Πανί мантинейцы, посвятили Пану

3 [Πα]ρισάδεος ἄρχοντος Βοσπόρο при Перисаде, архонте Боспора

4 [καὶ] Θεοδοσίης καὶ βασιλεύοντος Феодосии и царе

5 [Σίν]δων, Μαῖτῶν πάντων, Θ<α>τῶν синдов, всех меотов, фатеев.

Благодаря тому, что формуляр данной надписи является одним из стандартных вариантов боспорских посвятительных надписей IV в. до н. э. (имя посвяителя, его статус, глагол ἀνατίθημι, имя божества в дативе, титулатура царя в генитиве), можно достаточно уверенно дополнить недостающие три буквы в начале стр. 3–5 и две в начале стр. 2. Разница в количестве букв объясняется наличием «узкой» йоты в стр. 3–5.

Первая строка сохранилась хуже всего, но множественное число этника [Μα]ντινεῖς и формы ἀνέθηκαν указывают на то, что посвящение делалось от лица по крайней мере двух мантинейцев. ΕΟΔΩΡΟ является окончанием личного имени в генитиве, так что, вероятнее всего, в стр. 1 было два имени в номинативе и патронимик в генитиве³. От первого имени сохранилось только окончание [--]ος. За ним следует, очевидно, Πραξιλαο[ς]. Хотя это имя до сих пор, как кажется, не было представлено в надписях Аркадии⁴, личные имена с основами, происходящими от πρᾶσσω и λαός, достаточно часто встречаются в аркадских надписях IV–III вв. до н. э.⁵. Патронимик можно восстановить

³ Ср., например, пантикапейскую эпитафию 2-й пол. IV в. до н. э. — Ξενώ, Ξενοπειθής | Ξενοδίη — *Ксено, Ксенопиф, дочь и сын Ксенодема* (КБН 214).

⁴ По-видимому, до сих пор оно было известно только на Лесбосе (IG. XII. 2. 547, 554; II в. до н. э. (?)).

⁵ LGPN. Vol. IIIA. s.v. Πραξίας, Πραξιδαμος, Πραξινοος, Πραξιнос, Πραξιτας, Πραξιτέλης, Πραξιων, Πραξιωνίδης; LGPN. Vol. IIIA. s.v. Ἀνθεσίλαος, Ἀριστόλαος, Εὐθύλαος, Θρασύλαος, Περίλαος, Πρατόλαος, Χαρίλαος.

как [Θ]εοδῶρο или [Κλ]εοδῶρο. Оба эти имени были неоднократно засвидетельствованы в Аркадии в IV–III вв. до н. э. (LGPN. Vol. IIIA. s.v.), но, учитывая величину межбуквенных интервалов, которая колеблется от 6 до 4 мм, второй вариант выглядит предпочтительнее.

До сих пор на Боспоре было известно три эпиграфических памятника, относящихся к аркадянам. Это декрет Аркадского союза в честь Левкона I (Пантикапей. КБН 37) и надгробия умерших в Фанагории мантинейца и тегеата (КБН 991; Яйленко. 2017. С. 857–860). В. П. Яйленко датирует оба эти надгробия также временем Левкона I и полагает, что все три памятника имеют отношение к торговым связям Боспора и Аркадии, а тегеат Пантий и неизвестный мантинеец были купцами (Яйленко. 2017. С. 857–860). Однако ряд исследователей справедливо видит в них наёмников (Виноградов. 1991. С. 29. Прим. 109; Завойкин. 2013. С. 331–333). Поскольку родиной Пана, по одному из вариантов мифа, считалась Мантинея, упоминаемые в надписи мантинейцы, возможно, были наёмниками, сделавшими посвящение Пану либо как одному из верховных божеств своей родины Аркадии, либо, вероятнее, именно благодаря его способности внушать божественный ужас вражеским войскам (Farnell. 1909. S. 431–434; Pritchett. 1978. P. 32–34, 45; Jost. 1985. P. 456–476; Borgeaud. 1988).

На Боспоре культ Пана не относился к числу государственных. Как покровитель садов и лесов он почитался вместе с нимфами, а в качестве одного из спутников Диониса — вместе с другими божеествами дионисийского круга. М. И. Ростовцев полагал, что рельефное изображение Пана на входе в катакомбу в нимфейском некрополе может являться свидетельством наличия в его культе хтонических элементов или же служить апотропеем (Ростовцев. 1914. С. 394–397. Табл. ХСVI; Грач. 1999. С. 132–137).

Находка в Мичурине показывает, что боспоро-аркадские взаимоотношения продолжились и при Перисаде I. К сожалению, шрифт надписей времени Левкона I и Перисада I крайне трудно поддаётся точной датировке (Завойкин, Завойкина. 2020. С. 142–145; Бехтер. 2023. С. 28). Учитывая палеографические особенности надписи, сочетание форм [Κλ]εοδῶρῶ, Βοσπῶρῶ, [Πα]ντικαῖος со слитной формой Θ<α>τῶν и тот же, что в КБН 1015, тип царской титулатуры (Завойкин. 2013. С. 319–326) (шрифт новой надписи наиболее близок именно КБН 1015)⁶, новую надпись Перисада I можно датировать

⁶ До сих пор было известно 12 надписей времени правления Перисада I с полностью сохранившимся именем царя: КБН 1, 9–11, 113, 971, 972, 1014, 1015, 1039; Виноградов, Толстиков, Шелов-Коведяев. 2002. С. 58–60; Шелов-Коведяев. 2018. С. 278–279.

в широких пределах середины — второй половины его правления, то есть примерно 330–320-ми гг. до н. э.

Посвящения подобного рода обычно устанавливались на акрополе или в городских храмах. К сожалению, учитывая факт вторичного использования, мы ничего не можем сказать о первоначальном местоположении этого постамента и можем высказывать только предположения о характере и размерах установленного на нём памятника.

Литература

- Бехтер А. П.* Лапидарные шрифты Боспора VI–I вв. до н. э. // История письма от античности до Нового времени. Очерки по эпиграфике, палеографии и дипломатике / Сост. В. Г. Вовина-Лебедева. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2023. С. 20–64.
- Болтунова А. И., Книпович Т. Н.* Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // НЭ. 1962. Вып. III. С. 3–30.
- Веселов В. В.* Водоснабжение старой Керчи // Керченский рабочий. 1964, 10 октября. № 92.
- Виноградов Ю. Г.* Фанагорийские наёмники // ВДИ. 1991. № 4. С. 14–33.
- Виноградов Ю. Г., Толстиков В. П., Шелов-Коведяев Ф. В.* Новые декреты Левко-на I, Перисада и Эвмела из Пантикапея // ВДИ. 2002. № 4. С. 58–75.
- Грач Н. Л.* Некрополь Нимфея. СПб.: Наука, 1999.
- Завойкин А. А.* Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов. Симферополь; Керчь: ВТС ПРИНТ, 2013. (БИ. Suppl. 10).
- Завойкин А. А.* Варварские племена и их территории под властью Спартокидов // *Nuropolis*. 2021. Т. 3. С. 58–71.
- Завойкин А. А., Завойкина Н. В.* Третий декрет Спартокидов из Фанагории // ДБ. 2020. Т. 25. С. 134–154.
- Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. Т. II: Атлас. СПб.: Издание Императорской археологической комиссии, 1913–1914.
- Санжаровец В. Ф.* Скасиев Фонтан и его основатель Р. А. Скасси (опыт историко-топонимического исследования) // *Топонимика Крыма*. 2019. Вып. 3. С. 200–247.
- Шелов-Коведяев Ф. В.* Декреты, найденные в Пантикапее в 2015 году // БФ 2018. С. 275–281.
- Яйленко В. П.* История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н. э. — VII в. н. э. СПб.: Нестор-История, 2017.
- Borgeaud P.* The Cult of Pan in ancient Greece. Chicago; London, 1988.
- Farnell L. R.* The Cults of the Greek States. Vol. V. Oxford, 1909.
- Jost M.* Sanctuaires et cultes d'Arcadie // *Études péloponnésiennes*. Vol. 9. Paris, 1985.
- Pallas P. S.* Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Bd. 2. Leipzig, 1801.
- Pritchett W. K.* The Greek State at War. Pt III. Berkeley; Los Angeles; London, 1978.

М. М. Чорев

**НОВОДЕЛЬНЫЕ БОСПОРСКИЕ СТАТЕРЫ
РАБОТЫ К. В. БЕККЕРА**

Рис. 1. Портрет К. В. Беккера
(по: Hill. 1924)

В результате многовекового изучения монетного дела Боспорского государства в научный оборот введены сведения о многочисленных памятниках нумизматики (Анохин. 1986; 1999; 2011; 2016; Фролова. 1997а; 1997б). Однако вряд ли есть основания считать этот процесс завершенным. Полагаем, что всё ещё остается актуальным вопрос об аутентичности ряда артефактов, уже давно, но, как нам кажется, безосновательно отнесенных к группе изученных.

Наш интерес к этой проблеме отнюдь не случаен. Дело в том, что к нумизматике Боспора неоднократно проявляли интерес многочисленные фальсификаторы. Самым знаменитым и талантливым из них был широко известный «пекарь античности»¹ — К. В. Беккер (рис. 1). Период деятельности этого антиквара пришелся на первую треть XIX в. Так что многие исследователи того времени — эпохи становления нумизматики как науки — оставили в своих трудах описания новоделов К. В. Беккера, в которых они видели подлинные монеты (Hill. 1924).

Отметим, что «пекарь античности» также примечателен широтой своих интересов. Он воспроизводил не только древние, но и средневековые монеты, а также золотые и серебряные платежные знаки Нового времени (Hill. 1924; 1925). Без детального изучения его творче-

¹ Игра слов, т. к. фамилия «Беккер» переводится с немецкого как «пекарь».

ства работать со многими разновидностями нумизматических артефактов крайне затруднительно.

Нам же важно то, что К. В. Беккер выпустил реплики боспорских монет (рис. 2). Отметим, что его интересовало золото и серебро, что облегчает поиски его новоделов. Хотя он изготавливал их из металла подлинных монет. Не менее важно и то, что артефакты, изготовленные «пекарем античности», были опубликованы Дж.-Ф. Хиллом (Hill. 1924. No. 31, 32, 73, 75–78, 80, 81. Pl. III, 31, 32; V, 73, 75–78, 80, 81).

Сразу же заметим, что выявление реплик работы К. В. Беккера не представляет особого труда. Дело в том, что «пекарь античности» стремился не столько воспроизвести изображения и легенды подлинных монет, сколько создать новые, приукрашенные, идеально оформленные артефакты, своего рода украшения коллекций (рис. 2). Поистине, он был творческим человеком, не копиистом.

Так что не стоит удивляться и тому обстоятельству, что на новоделах К. В. Беккера просматриваются особенности его стиля. Так, у правителей на них классические греческие (рис. 2, 73, 76–78, 80, 81) или утрированно восточные — крупные и горбатые (рис. 2, 75) — носы. Столь же примечательны и глаза. Хорошо видно, что у мужчин на монетах на рис. 2, 73, 76–78, 80 они одинаковые — крупные и широко открытые. Так же однотипно переданы и волосы. Резчик передал их сдвоенными параллельными линиями (рис. 2). В то же время надписи на монетах весьма небрежны. Буквы кривые, разнятся по высоте, причём размещены под разными углами. Бросается в глаза узкая или широкая «В» в сочетании с непропорционально размашистой «А», а также, как правило, узкая «Р» (рис. 2). Однако подчеркнем, что все эти обстоятельства отнюдь не портят общее впечатление о новоделах К. В. Беккера. Они получались, безусловно, изящные. Причем все монеты его работы безукоризненно прочеканенные.

Стоит отметить и тот факт, что К. В. Беккер сохранил и продал созданные и используемые им штемпели монет. Так что все его подделки хорошо известны и досконально описаны (Hill. 1924; 1925).

Однако вернемся к заинтересовавшей нас проблеме. Наше внимание привлекли давно и хорошо известные однотипные статеры боспорского чекана (рис. 3). Эти монеты хранятся в собраниях Bibliothèque nationale de France (No. FRBNF41830809) (рис. 3, 1) и American Numismatic Society (No. 1944.100.40974) (рис. 3, 3), а также в частной коллекции (Паспорт монеты: 178-3164-1) (рис. 3, 2). Добавим, что однотипные монеты были описаны Н. А. Фроловой в собраниях Hunterian Museum and Art Gallery и Kungliga Myntakabinettet (Фролова. 2007. С. 91, 92. Табл. IV, 1, 1b, 2, 2a, 3, 4, 6, 6a).

Сразу же заметим, что единая точка зрения на атрибуцию этих золотых до сих пор не выработана. Их приписывают к чекану Перисада V (125–109 гг. до н. э.) (Анохин. 1986. № 166; 2011. № 1281; Фролова. 2007. С. 91, 92. Табл. IV; Сапрыкин. 2020. С. 358) или Перисада IV (150–125 гг. до н. э.) (Шонов. 2016. Табл. XXXII, 286, 287). В любом случае, эти монеты примечательны изящностью оформления, а также хорошей сохранностью и содержательностью легенд, что облегчает задачу их изучения. Приводим описание этих монет:

Л. с.: Бюст царя, развернутый вправо. У изображенного волевое, полное и холеное лицо. Бросается в глаза нарочито пышная, высокая, тщательно уложенная прическа с завитыми локонами. Они переданы двойными линиями. Столь же примечателен властный взгляд больших, пристально смотрящих глаз. Он вполне уместен в сочетании с крупным, острым подбородком, который может быть только у властного человека. Сжатые губы переданы двумя точками. Над ними — тонкий, прямой, слегка вздернутый греческий нос с чувственными ноздрями. Складывается впечатление, что изображение портретно.

О. с.: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΠΑΙΡΙΣΑΔΟΥ. Афина на троне, развернутом влево. Изображение передано небрежными линиями. На голове Афины — аттический шлем с пышным гребнем. В правой руке божеества — стилизованная фигурка Виктории, развернутая влево. Левая рука Афины согнута. Ее локоть опирается на щит. Ладонь прижата к животу, помещена равноудаленно от груди и бедер. К трону прислонен скипетр. Ниже композиции, под чертой — трезубец, развернутый влево. Над и под ним — изображения дельфинов, плывущих влево. Под изображением — неаккуратно прочерченная тонкими линиями монограмма .

Подчеркнем, что монеты на удивление изящны и весьма информативны. Так что есть все основания отнести их к шедеврам античного монетного искусства. Несколько портит впечатление только очевидная и нарочитая небрежность в передаче легенды реверса. Но можно допустить, что её создал иной, непрофессиональный мастер. Однако в купе все эти обстоятельства нас определенно настораживают. Ведь, как уже было сказано выше, новоделы работы К. В. Беккера как раз и отличались изящностью и продуманностью передачи изображений в сочетании с небрежной передачей легенд.

И действительно, монета, оттиснутая теми же штемпелями (рис. 2, 73), была изготовлена этим антикваром (Hill. 1924. No. 73. Pl. V, 73). Подчеркнем, что для его творчества была характерна утрированная

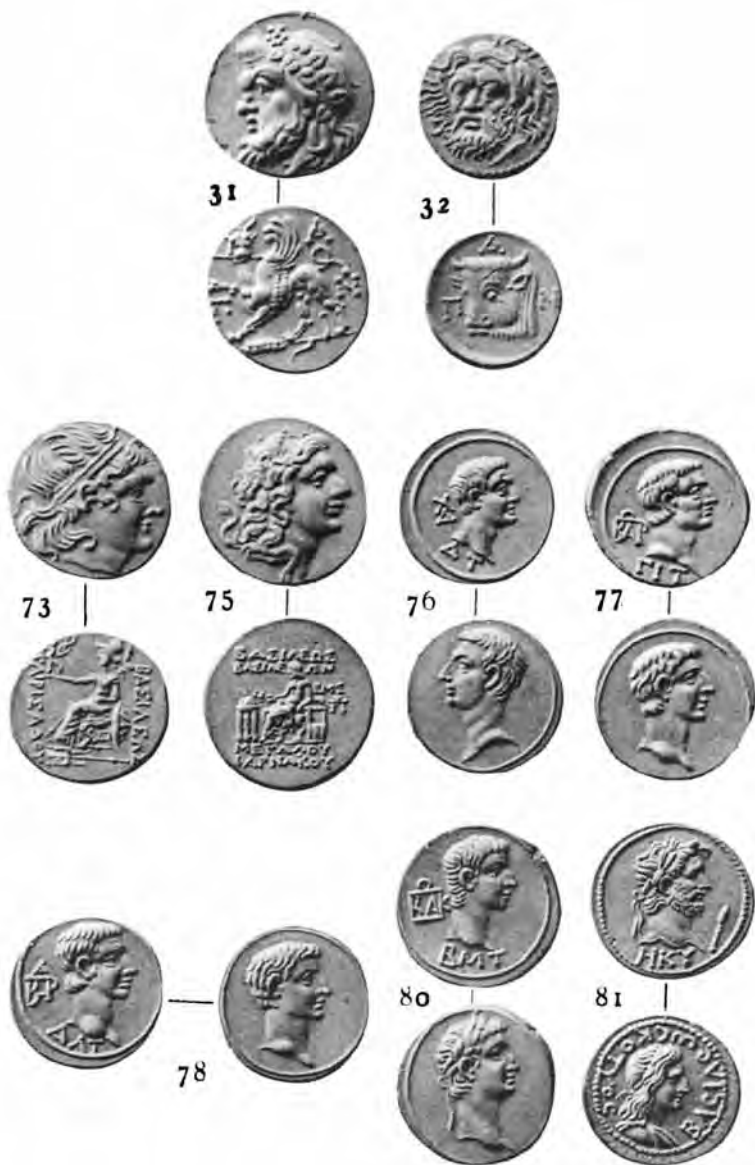

Рис. 2. Реплики боспорских монет, выпущенные К. В. Беккером (по: Hill. 1924. Pl. III, 31, 32; V, 73, 75–78, 80, 81)

Рис. 3. Изучаемые реплики К. В. Беккера (по: Bibliothèque nationale de France. No. FRBNF41830809; Паспорт монеты: 178-3164-1; American Numismatic Society. No. 1944.100.40974)

изящность оформления. Примечательно и то, что на монетах на рис. 2 и 3 прослеживаются ранее отмеченные особенности почерка К. В. Беккера. Это убеждает нас в том, что монеты на рис. 3 — новодельные, выпущенные «пекарем античности».

Однако подчеркнем, что выявить его реплики без знания труда Дж.-Ф. Хилла довольно трудно. Ведь К. В. Беккер чеканил их как на вновь изготовленных кружках, так и на подлинных монетах. И действительно, золотые, фотографии которых приведены на рис. 3, 1, 3, отчеканены на вновь изготовленных кружках. А на монете на рис. 3, 2 просматриваются следы сбитой легенды, по-видимому, посмертного статера Лисишаха (285–281 гг. до н. э.). Заключаем, что золотые Перисада IV (V) из собраний Bibliothèque nationale de France, American Numismatic Society, Hunterian Museum and Art Gallery и Kungliga Myntakabinettet (Фролова. 2007. С. 91, 92. Табл. IV, 1, 1b, 2, 2a, 3, 4, 6, 6a), безусловно, новоделы.

Есть все основания полагать, что подлинные статеры Перисада IV (V) были куда проще оформлены (рис. 4). И тут дело не в небрежности мастеров, а в том, что они выпускали монеты для обращения, а не для украшения позднейших собраний просвещенных коллекционеров.

В любом случае, монета, схожая с той, фотография которой приведена на рис. 4 (Паспорт монеты: 178-3186-1), послужила образцом для продукции К. В. Беккера (рис. 3). Судим по перевитым локонам.

Правда, переданным не двойными, как у К. В. Беккера, а тройными линиями. Только «пекарь античности» счел необходимым сделать прическу царя аккуратнее и пышнее, а его лицо — нарочито холемым. И, как уже было отмечено, весьма небрежно передал надпись, которая, к слову, на оригинальной монете передана изящными, ровными буквами, как и было принято на монетах того времени. Примечательна, разве что, узкая «В». Такая же, как и в легендах реплик К. В. Беккера. В любом случае, ему удалось создать уникум, который, судя по вышеотмеченным фактам хранения однотипных артефактов в нумизматических собраниях *Bibliothèque nationale de France*, *American Numismatic Society*, *Hunterian Museum and Art Gallery* и *Kungliga Myntakabinettet*, был должным образом принят сообществом просвещенных собирателей древностей.

Итак, полагаем, что нам удалось выявить безусловные новоделы работы К. В. Беккера, хранящиеся в собраниях ряда ведущих музеев мира. Что не должно удивлять. Ведь, как уже было сказано выше, К. В. Беккер выпустил значительную серию новодельных «боспорских монет» (Hill. 1924. No. 31, 32, 73, 75–78, 80, 81. Pl. III, 31, 32; V, 73, 75–78, 80, 81). Так что есть все основания считать, что его изделия этой группы пользовались спросом. Вполне возможно, что на этом поприще подвизались и иные, пока ещё не известные антиквары, которые, в отличие от К. В. Беккера, изготавливали реплики не только золотым и серебряным, но и столь же редким, если не «уникальным», бронзовым монетам. Планируем заняться этой проблемой в ближайшем будущем.

Литература

- Анохин В. А.* Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986.
Анохин В. А. История Боспора Киммерийского. Киев: Одигитрия, 1999.
Анохин В. А. Античные монеты Северного Причерноморья. Киев: Стилос, 2011.
Анохин В. А. Монеты Северного Причерноморья и царей Колхиды. Киев: Стилос, 2016.
Сапрыкин С. Ю. Гигиенонт — архонт на Боспоре // АВ. 2020. Вып. 29. С. 355–366.

Рис. 4. Подлинный боспорский статер Перисада IV (V), однотипный тому, который послужил образцом для К. В. Беккера (Паспорт монеты: 178-3186-1)

- Фролова Н. А.* Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э. — середина IV в. н. э.). Ч. I: Монетное дело Боспора 49/48 гг. до н. э. — 210/211 гг. н. э. М.: Эдиториал УРСС, 1997а.
- Фролова Н. А.* Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э. — середина IV в. н. э.). Ч. II: Монетное дело Боспора 211 — 341/342 гг. н. э. М.: Эдиториал УРСС, 1997б.
- Фролова Н. А.* Каталог монет царей династии Спартокидов II в. до н. э. (Гиgienон-та, Спартока, Перисадов) // ВДИ. 2007. № 4. С. 70–113.
- Паспорт монеты [Электронный ресурс]: 178-3164-1. URL: <https://bosporan-kingdom.com/178-3164/1.html> (дата обращения: 26.03.2023).
- Паспорт монеты [Электронный ресурс]: 178-3186-1. URL: <https://bosporan-kingdom.com/178-3186/1.html> (дата обращения: 26.03.2023).
- Hill G. F.* Becker the Counterfeiter. Pt. I–II. London, 1924–1925.

А. Е. Терещенко

**К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЮЖЕТОВ
ПАНТИКАПЕЙСКИХ ТРИГЕМИОБОЛОВ КОНЦА II в. до н. э.**

Пантикапейское серебро, о котором пойдёт речь, выглядит следующим образом:

Ав. Голова безбородого мужчины в шлеме группы Мелос, вправо. Точечный ободок.

Рв. Ячменный колос вертикально, слева монограмма , снизу надпись ПАН (рис. 1, 1, 1а). Серебро, тригемиобол¹. Вес от 0,71 до 0,97 г, размер от 10 до 11 мм. Зафиксировано 5 экз.²

Чеканку этих монет, по-видимому, можно отнести к периоду правления Перисада V (ок. 125–109 гг. до н. э.). По О. Н. Мельникову, их выпуск приходится на 125–122 гг. до н. э. (Мельников. 2010. С. 153. № 38 в таблице). По В. А. Анохину, это 125–115 гг. до н. э. (Анохин. 1986. С. 143. № 181; 2011. С. 156. № 1087). Особняком стоит мнение И. В. Шонова, который датировал эти тригемиоболы 180–154 гг. до н. э., временем «единоличного правления Камасарии Филотекнос». Основанием для этого заключения послужило предположение исследователя о том, что монограмма «» состоит из букв КТ, входящих в имя боспорской царицы (Шонов. 2019. С. 240–241, 419. № 307). На мой взгляд, версия, предлагаемая И. В. Шоновым, слабо аргументирована и совершенно неубедительна. Наиболее адекватной выглядит периодизация О. Н. Мельникова, вместе с тем точные даты, предложенные автором, ничем не обоснованы, поэтому корректнее было бы датировать указанную серию максимально приблизительно — второй половиной 20-х гг. II в. до н. э.

Перейдём к рассмотрению монетных сюжетов.

¹ С подачи В. А. Анохина (Анохин. 1986. С. 143. № 181) номинал этих монет стал почему-то определяться как диобол.

² Экземпляр из ГМИИ опубликован К. В. Голенко со ссылкой на А. Г. Голикова (Голенко. 1965. С. 56. Табл. 1, J), информация об остальных размещена на сайте интернет-ресурса «Монеты Боспорского царства. Каталог-архив». URL: <https://bosporan-kingdom.com> (дата обращения: 09.03.2023).

Сразу необходимо отметить, что прежняя интерпретация облика рассматриваемых монет вызывает огромнейшие сомнения, поскольку в настоящий момент имеются сведения о новых экземплярах данного типа довольно приличной сохранности. В частности, изображение на лицевой стороне тригемиоболов уже более столетия определяется как «голова Афины» (Бертье-Делагард. 1912. С. 43. № 151; Анохин. 1986. С. 143. № 181; Мельников. 2010. С. 152. № 38; Терещенко. 2020. С. 105. № 2), иногда уточняется — «в коринфском шлеме» (Голенко. 1965. С. 56; Шонов. 2019. С. 419. № 307). В принципе, в этом нет ничего удивительного, поскольку долгое время для изучения был доступен всего один экземпляр³ не самой лучшей кондиции (см. рис. 1, 1). Однако сравнительно недавно на сайте «Монеты Боспорского царства. Каталог-архив» появилась информация о подобного вида монете, имеющей лучшую сохранность. На фото этого экземпляра хорошо видно, что на голове персонажа, изображенного на аверсе, надет шлем с нащёчками (см. рис. 1, 1a). Наиболее близкий по форме шлем можно видеть на монетах фракийской Месембрии (рис. 1, 2). На землях же Боспорского царства подобный шлем был найден в гробнице возле Карантинного шоссе в Керчи в 1834 г. А. В. Дедюлькин, подробно изучивший погребальный инвентарь захоронения, вслед за Д. П. Алексинским (Алексинский. 2013. С. 62) отнёс этот предмет защитного вооружения к группе Мелос, датировав его периодом не ранее середины — последней четверти III в. до н. э. (Дедюлькин. 2017. С. 9–13. Рис. 6, 7; см. рис. 1, 3).

В монетном деле Северного Причерноморья, как, впрочем, и по всей ойкумене, Афина *всегда* изображалась либо в аттическом шлеме, как на ранних монетах Ольвии и Феодосии (рис. 1, 4, 5)⁴, либо коринфском — Пантикапей, Херсонес, Ольвия, Тира (рис. 1, 6–10). Учитывая это обстоятельство, следует признать, что на рассматриваемых тригемиоболах изображена отнюдь не Афина, вследствие чего встаёт вопрос об идентификации этого персонажа. Необходимо отметить, что рисунки бородатых и безбородых мужских голов в различного вида шлемах появляются на греческих монетах в разных концах эллинского мира, начиная с рубежа VI–V вв. до н. э. (см., напр.: рис. 2, 1–9). Возможно, этот сюжет следует воспринимать как олицетворение силы и мощи полисов, чеканивших такого вида мо-

³ С 1941 г. эта монета хранится в ГМИИ (Харко. 1949. С. 178–179).

⁴ Фото северопричерноморских и иноземных монет заимствованы с сайтов «Монеты Тавриды». URL: tauriscoins.ru/index.php/katalog-monet и «acsearch.info». URL: www.acsearch.info/home.html (дата обращения: 09.03.2023).

Рис. 1. 1, 1а — Пантикапей. Тригемиобол, серебро. Вторая половина 20-х гг. II в. до н. э.; 2 — Месембрия (Фракия). Медь. Ок. 250–200 гг. до н. э.; 3 — Графическая реконструкция шлема из гробницы возле Карантинного шоссе, г. Керчь (приведено по: А. В. Дедюлькин. 2017); 4 — Ольвия. ½ асса, медь (литьё). 450–440 гг. до н. э.; 5 — Феодосия. Триобол, серебро. 396–393 гг. до н. э.; 6 — «Царская» серия Левкона II. Пантикапей. Тетрахалк, медь. Первая половина 10-х гг. III в. до н. э.; 7 — Пантикапей. Дихалк, медь. 110–108 гг. до н. э.; 8 — Херсонес. Дихалк, медь. Последняя четверть III в. до н. э.; 9 — Ольвия. Дидрахма, серебро. 110–100 гг. до н. э.; 10 — Тира. Тетрассарий, медь. 280–270 гг. до н. э.; 11 — Пантикапей. Статер, золото. Начало 70-х гг. IV в. до н. э.; 12 — Пантикапей. Статер, золото. Ок. 335–319 гг. до н. э.; 13 — Пантикапей. Пентабол, серебро. Ок. 210–205 гг. до н. э.; 14 — Фанагория (?). Триобол, серебро. Ок. 210–205 гг. до н. э.; 15 — Пантикапей. Вторая половина 30-х — первая половина 20-х гг. II в. до н. э.; 16, 16а — Пантикапей. Халк, медь. Вторая половина 30-х гг. II в. до н. э.

неты. Во всяком случае, как представляется, изображения неидентифицированных мужских голов в шлемах должны стоять в одном ряду с изображениями фигур конных и пеших воинов (см., напр.: рис. 2, 10–15).

Рис. 2. 1 — Кизик (Мизия). Гекта, электр. Ок. 500 г. до н. э.; 2 — Метимна (Лесбос). Диобол, серебро. Ок. 470 г. до н. э.; 3 — Гимера (Сицилия). Литра, серебро. Ок. 479–409 гг. до н. э.; 4 — Мелос (Киклады). Статер, серебро. Ок. 425–415 гг. до н. э.; 5 — Персидское царство (чеканка сатрапа Датама). Статер, серебро. Ок. 378–372 гг. до н. э.; 6 — Фракия, правление Лисимаха (западная часть Малой Азии, неизвестный монетный двор). Медь. Ок. 305–281 гг. до н. э.; 7 — Калимнос (Кария). Дидрахма, серебро. 260/50–205 гг. до н. э.; 8 — Ора (Калабрия). Медь. 250–225 гг. до н. э.; 9 — Кибира (Фригия). Драхма, серебро. 166–84 гг. до н. э.; 10 — Кизик (Мизия). Статер, электр. Ок. 500–450 гг. до н. э.; 11 — Аспендос (Памфилия). Статер, серебро. Ок. 465–430 гг. до н. э.; 12 — Локры Опунтские (Локрида). Статер, серебро. Ок. 382–356 гг. до н. э.; 13 — Пелинна (Фессалия). Драхма, серебро. Последняя четверть V в. или первая половина IV в. до н. э.; 14 — Тарент (Калабрия). Номос, серебро. Ок. 330 г. до н. э.; 15 — Гортина (Крит). Драхма, серебро. Ок. 98/6–94 гг. до н. э.

Обратимся теперь к сюжету на оборотной стороне наших тригемоболов. Практически все исследователи, упоминавшие этот монетный тип, описывали реверсный рисунок предельно нейтрально, просто как некий «колос» (Бертье-Делагард. 1912. С. 43. № 151; Голенко. 1965. С. 56; Анохин. 1986. С. 143. № 181; Мельников. 2010. С. 152. № 38; Шонов. 2019. С. 419. № 307), и только А. Г. Голиков высказался более конкретно, сочтя этот знак пшеничным колосом (Голиков. 1925. С. 5, II).

В отечественной нумизматической литературе под определением «колос» обычно по умолчанию подразумевается голозерная пшеница — главный предмет зернового экспорта из Северного Причерноморья (Виноградов. 2010. С. 311. № 14). Однако на всех пантикапейских монетах, где есть рисунок колоса, это либо пшеница-двузернянка / полба (Кругликова. 1967. С. 134; 1975. С. 187; Терещенко и др. 2016. С. 454; Терещенко. 2020. С. 105), либо ячмень (Терещенко и др. 2016. С. 455; Терещенко. 2020. С. 105), изображение которых относится к культовой символике, а не служит указанием на реальный характер производства злаковых в Боспорском царстве. Изображение пшеницы-двузернянки на монетах практиковалось на золотых статерах в IV в. до н. э. (рис. 1, 11, 12), а также на пантикапейских пентоболах и анонимных триоболах⁵ (рис. 1, 13, 14) в конце III в. до н. э. Рисунок этого злака трактуется как символ Аполлона Гиперборейского (Виноградов, Шауб. 2005. С. 221; Шауб. 2007. С. 217; Терещенко, Шауб. 2022. С. 8). Ячмень в пантикапейской чеканке появляется только в последней четверти II в. до н. э. (Терещенко. 2020. С. 105; см. рис. 1, 1, 1а, 15–16а). Возможно, в изображении этого злака присутствует указание на Деметру. Предположительно, подобного рода обращение к богине могло быть связано с климатическими изменениями и, как следствие, падением урожайности зерновых культур в Северном Причерноморье (Терещенко. 2020. С. 105–106).

В целом же, необходимо сказать, что описанные сюжеты, особенно аверсный, выглядят каким-то чужеродным вкраплением в монетном деле Пантикапея, поскольку не имеют никакой предыстории в его типологии. В итоге смысловое наполнение изображений на рассматриваемых тригемиоболах можно трактовать в следующем ключе:

Лицевая сторона: голова воина — не исключено, что этот образ, помимо общего указания на мощь государства, мог включать и отсылку к каким-то конкретным историческим событиям.

Оборотная сторона: ячменный колос — символ, повторю, не имеющий ничего общего с реальным производством зерна на Боспоре, но вероятно, являющийся атрибутом культа Деметры.

Чем вызвана чеканка именно такого вида монет, сказать сложно, но несомненно одно — появление этих сюжетов было, в числе прочего, обусловлено сочетанием как внешнеполитических событий, так и внутренним состоянием Боспорского царства в последней трети II в. до н. э.

⁵ О. Н. Мельников считает, что это чекан Фанагории, и датирует этот тип монет временем ок. 215–205 гг. до н. э. (Мельников. 2018. С. 342, 344).

Литература

- Алексинский Д. П.* Античное вооружение в собрании Государственного Эрмитажа. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2013.
- Анохин В. А.* Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986.
- Анохин В. А.* Античные монеты Северного Причерноморья. Киев: Стилос, 2011.
- Бертъе-Делагард А. Л.* Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды (оттиск из тома II «Нумизматического сборника»). М.: Типография Г. Лиснера и Д. Собко, 1912.
- Виноградов Ю. А.* Некоторые современные тенденции в изучении экономики Боспорского государства IV в. до н. э. // АМА. 2010. Вып. 14. С. 308–319.
- Виноградов Ю. А., Шауб И. Ю.* О семантике изображений на золотых статерах Пантикапея // АВ. 2005. Вып. 12. С. 219–223.
- Голенко К. В.* Две монеты Пантикапея II в. до н. э. // НЭ. 1965. Вып. V. С. 56–61.
- Головкин А. Г.* Редкие монеты Черноморья // Советский коллекционер. 1925. № 17. С. 5.
- Дедюлькин А. В.* Шлемы группы Мелос // Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований: сборник научных трудов. Симферополь: Тарпан, 2017. С. 7–18.
- Кругликова И. Т.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья // Возникновение и развитие земледелия. М.: Наука, 1967. С. 123–144.
- Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975.
- Мельников О. Н.* К нумизматике Боспора Киммерийского этапа среднего эллинизма (ок. 215–108 гг. до н. э.) // Сугдейский сборник. 2010. Вып. IV. С. 137–165.
- Мельников О. Н.* Серебряный статер Гигизонта в монетном деле и в нумизматике Боспора // Стародавние Причерноморья. 2018. Вып. 12. С. 339–348.
- Терещенко А. Е.* Земледельческая символика в пантикапейской чеканке // ПИФК. 2020. № 2. С. 97–109.
- Терещенко А. Е., Чухина И. Г., Яржецкий К.* Злаки на античных монетах // ДБ. 2016. Т. 20. С. 449–466.
- Терещенко А. Е., Шауб И. Ю.* Некоторые сюжеты пантикапейских монет и их аналоги // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. 2022. Вып. XIV (2). С. 4–15.
- Харко Л. П.* Нумизматическая хроника // ВДИ. 1949. № 1. С. 178–181.
- Шауб И. Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н. э. СПб.: Изд-во филологического факультета СПбГУ, 2007.
- Шонов И. В.* Монетная чеканка правителей Боспора VI–I вв. до н. э. Симферополь: АРИАЛ, 2019.

**ИСТОРИЯ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

В. Г. Зубарев, С. Л. Смекалов

**СЕЛЬСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ БОСПОРА:
КАКИЕ НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ НА КАРТАХ XVIII–XIX вв.
СОВПАДАЮТ С МЕСТАМИ РАСПОЛОЖЕНИЯ
АНТИЧНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ?**

Вопросы освоённости различных участков территории Боспорского царства в разное время вызывают постоянный интерес исследователей. По этому поводу существует огромное количество публикаций, представляющих результаты работ, опирающихся как на археологические разведки и раскопки XIX–XXI вв., так и на текстовые и графические материалы различных авторов от древности до путешественников XIX — начала XX в. Выпущен каталог античных поселений Европейского Боспора эллинистического времени, представляющий частично объекты, положение которых известно точно, частично памятники, примерное положение которых описано в различных источниках (Бейлин и др. 2014). Значительная часть сведений о расположении археологических объектов Крыма представлена в базе данных авторов, где указаны как памятники, координаты которых определены по GPS, так и объекты, примерное положение которых определено по литературным источникам¹. Данная база частично отражена на сайте «Археологическая карта Крыма» (www.archmap.ru).

Выбор места для поселений определяется несколькими факторами: природно-географическим удобством, историческими традициями («греки у моря»), особенностями ведения хозяйства, текущей военно-политической ситуацией. Если последние три фактора могли существенно различаться в античное время и в XVIII–XIX вв., то природно-географическое удобство было примерно одинаково. Таким образом, логично предположить, что в местах сельских поселений, обозначенных на старых картах, могли быть и античные. Цель данной работы — оценка такого предположения.

¹ GPS координаты памятников Европейского Боспора, представленные в базе данных, определены, главным образом, в ходе разведок авторов и разведок Д. В. Бейлина, А. В. Гаврилова, В. К. Голенко, А. Л. Ермолина, С. Г. Колтухова и Л. Ю. Пономарёва.

Далее мы будем говорить об объектах, отмеченных на российских картах XVIII — начала XX в. в пределах Керченского полуострова восточнее кратчайшей линии между Азовским и Черным морями по Ак-Монайскому перешейку. Положение этой линии может несколько отличаться на разных картах, но на общее рассмотрение это существенно не повлияет.

Наиболее ранними из известных авторам карт, на которых достаточно подробно представлены поселения Крыма, являются карта Я. Ф. Шмита, масштаб 1:760000 (Шмит. 1777) и Ф. Черного, масштаб 1:530000 (Черный. 1790). Обе карты мелкомасштабные, контуры Крыма на них переданы со значительными искажениями, и непосредственно использовать данные карты для определения координат обозначенных пунктов невозможно. Однако по названиям частично можно сопоставить эти пункты с пунктами на более поздних картах. На карте Шмита в пределах Керченского полуострова указано 66 пунктов, на карте Черного — 96².

Следующая карта, которая рассматривалась — карта генерал-майора С. А. Мухина, масштаб 1:168000 (Мухин. 1817). Очертания Крыма уже более близки к очертаниям на современных картах. На карте обозначено 143 объекта. 110 из них с хорошей точностью локализируются по названиям на более поздних картах, положение остальных достаточно неопределенно.

Далее следует упомянуть карту Оберга — Бетева, масштаб 1:210000 (Оберг, Бетев. 1842). Очертания Крыма почти совпадают с современными. Обозначено 213 объектов. Вероятно, эта карта в наиболее полной степени отражает поселения Крыма в середине XIX в. Необходимо заметить, что на позднейшей и более крупномасштабной карте — «трёхверстовке», масштаб 1:126000, отмечено всего 183 объекта (Карта. 1876), а на карте «верстовке», масштаб 1:42000 — 238 (Карта. 1890). Вероятно, к моменту создания «трёхверстовки» часть объектов, отмеченных на карте Оберга — Бетева, уже полностью исчезла, а на «верстовке», с одной стороны, отмечены многие объекты, появившиеся во второй половине XIX в., с другой стороны, часть объектов, представленных на карте Оберга — Бетева отдельными пунктами, на «верстовке» «слились» в единые поселения, сформировавшиеся во второй половине XIX в.

Про памятники, представленные в базе данных авторов, нужно отметить, что хотя общее количество отмеченных объектов для

² Здесь и далее указано число объектов, выделенных авторами. Поскольку качество копий карт, имеющихся у авторов, не очень высокое, количество объектов при подсчете другим исследователем может немного отличаться.

Керченского полуострова составляет около двух тысяч, но значительная часть — это курганы либо поселения, обозначенные по литературным данным, главным образом, по работам В. В. Веселова, И. Т. Кругликовой и А. А. Масленникова, где нет GPS координат. Собственно же объектов с GPS координатами, которые отнесены археологами, проводившими разведки, к «поселениям», — всего 437. Для рассмотрения мы оставили 288 точек, выбрав лишь те точки из 437, которые отстоят друг от друга более чем на 300 м. При меньшем расстоянии, как нам кажется, не совсем правомерно говорить о «разных» поселениях.

Рассмотрим сопоставление данных о положении городов, известных в античности, по работе В. Г. Зубарева (Зубарев. 2005) с данными по карте Оберга — Бетева и объектами с GPS координатами (рис. 1). 27 пунктов представлены на основании работ В. Г. Зубарева (Зубарев. 2005. С. 239–285; 410–412. Рис. 4–6). Большинство этих пунктов отождествлено с выявленными памятниками, где проводятся или проводились археологические работы. Говорить о наличии совпадений многих пунктов, находящихся вдоль береговой линии Черного и Азовского морей (Нимфей, Тиритака, Мирмекий, Порфмий, Порфирий, Гермиссий), с картой Оберга — Бетева затруднительно, в силу отмеченного выше «слияния» отдельных пунктов на «верстовке», по которой возможно провести уточнение карты Оберга — Бетева. Некоторые пункты, явно археологически не выявленные (Казека, Тазос, Зефирий) и предположительно выявленные археологически (Акра, Илурад, Лиан, Новая крепость, Пароста, Постигия, Табана, Тарона, Тафр), можно условно соотносить с ближайшими, обозначенными на карте. Однако для других, предположительно известных археологически (Киммерик, Китей, Гераклий, Зенонов Херсонес, Сатарха, Батадий, Агода, Табана), расстояние до ближайших точек по карте Оберга — Бетева составляет от одного до нескольких километров. Таким образом, однозначно сделать какие-либо обобщающие выводы про отображение этой группы памятников на картах XIX в. нельзя.

Следующее сопоставление, которое было нами проведено, — это сопоставление памятников по картам Мухина и Оберга — Бетева с поселениями из базы данных (рис. 2). Положение объектов по карте Мухина было скорректировано по одноименным поселениям, отмеченным на «трёхверстовке» и «верстовке». После этой коррекции положение большинства точек совпало с соответствующими точками на карте Оберга — Бетева.

При помощи ГИС MapInfo было проведено вычисление расстояний от 288 точек из базы данных до ближайших поселений, обо-

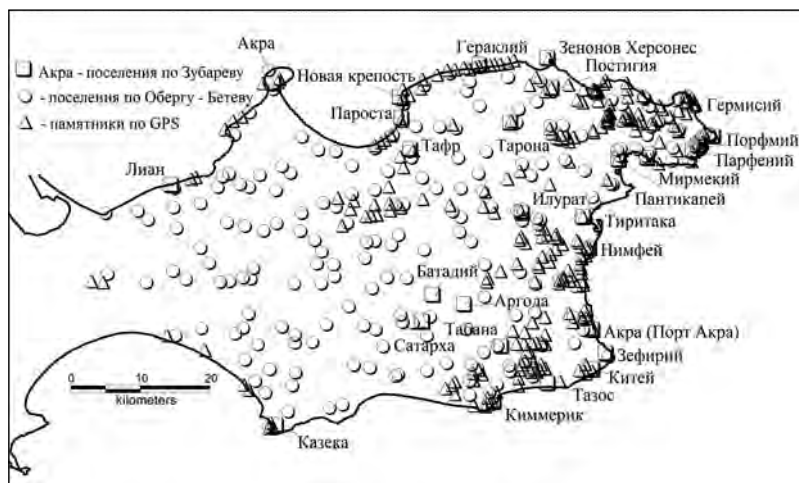

Рис. 1. Расположение объектов по работе В. Г. Зубарева, карте Оберга — Бетева и GPS измерениям на местности

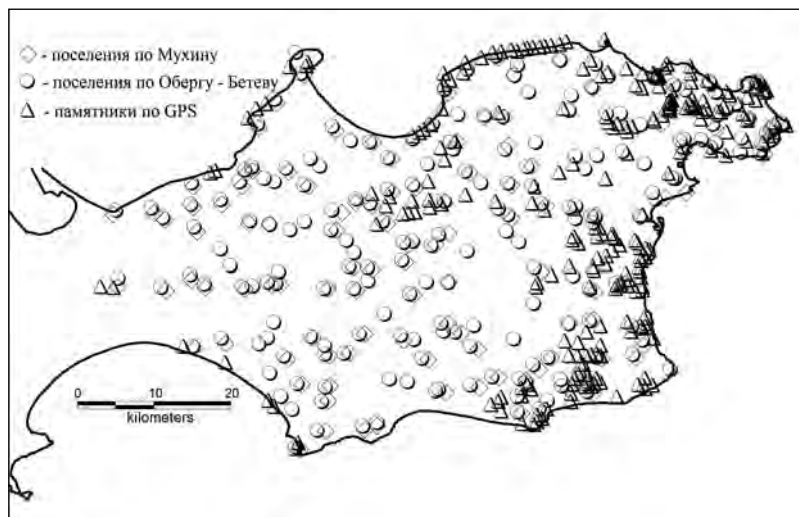

Рис. 2. Расположение объектов по карте С. А. Мухина, карте Оберга — Бетева и GPS измерениям на местности

значенных на карте Оберга — Бетева. Минимальное расстояние составило 15 м, максимальное около 4300 м. Примерно 20% расстояний лежат в пределах 0–600 м, остальные 600–4300 м. Масштаб карты Оберга — Бетева 1:210000 — в одном сантиметре 2100 м. Ошибка определения координат по карте, учитывая, что ещё могли быть искажения при копировании и сканировании, может составлять до нескольких миллиметров (2–3 мм), что соответствует 400–600 м на местности. Ошибка около 500 м есть между точкой по GPS, где находится часть городища «Белинское», которое перекрывает деревню Аджиэль, и положением деревни на карте Оберга — Бетева. Даже если уменьшить расстояния от памятников по GPS до точек на карте на величину возможной ошибки карты 600 м, все равно 80% GPS точек не будут совпадать с точками, обозначенными на карте Оберга — Бетева.

Таким образом, и данное сопоставление не подтвердило предположения о возможности локализации поселений XIX–XXI вв. в местах, где ранее были античные поселения. С одной стороны, отрицательный результат — тоже результат. С другой стороны, с нашей точки зрения, целесообразно проведение шурфовок в местах заброшенных поселений, обозначенных на картах XIX в. Сопоставление карт Мухина и Оберга — Бетева с «верстовкой» и современными картами может обеспечить точность локализации на местности около 30 м. Античной керамики на поверхности может и не быть именно из-за того, что там было позднее поселение. А если территория заросла густым кустарником, там и искать что-то практически невозможно. Верхние слои, естественно, будут относиться к XVIII–XIX вв., но и это тоже археология. А вот что под ними?

В любом случае авторы считают, что «археологические» ресурсы карт XIX–XXI вв. исчерпаны далеко не полностью и более детальные исследования на эту тему предполагается продолжить.

Литература

- Бейлин Д. В., Ермолин А. Л., Масленников А. А., Смекалов С. Л. Античные поселения Европейского Боспора эллинистического времени (каталог памятников) // ДБ. 2014. Т. 18. С. 35–72.
- Зубарев В. Г. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М.: Языки славянской культуры, 2005.
- Карта. 1876. Военно-топографическая карта Таврической губернии 1862–1876 гг. Масштаб 1:126000. М.: Картографический отдел Корпуса военных топографов, 1920 (переиздание).
- Карта. 1890. Карта Таврической губернии. Масштаб 1:42000. Петроград, Военно-Топографический отдел, 1917–1920 (переиздание).

- Мухин С. А.* Военная топографическая карта полуострова Крыма. Составленная по новейшим астрономическим наблюдениям, исправленная и дополненная из лучших военных съемок свиты его Императорского Величества по квартирмейстерской части генерал-майором Мухиным 1816 года, по приказанию г-на генерал адъютанта Князя Волконского 2-го во время управления его одной частью. Гравировано и напечатано в Военнотопографическом депо при главном штабе Его Императорского Величества 1817-го года. СПб.: Военно-Топографическое депо, 1817.
- Оберг, Бетев.* Топографическая карта полуострова Крыма, составлена в 1/210000 долю настоящей величины и гравирована при военно-топографическом депо со съемок тригонометрической ген. штаба подполк. Оберга, топографической ген. штаба полковника Бетева. MDCCCXLII. СПб.: Военно-топографическое депо, 1842.
- Черный Ф.* Генеральная Карта Крыма, сочиненная по новейшим наблюдениям Адъютантом Федором Черным 1790 года.
- Шмит Я. Ф.* Карта, представляющая Крым и Степь Крымскую из новейших известий Сочиненная при Акад. Наук Я. Ф. Шмитом 1777. СПб., 1777.

И. Л. Тихонов

**С. А. ЖЕБЕЛЁВ И О. О. КРЮГЕР:
О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ В 1930-Е ГОДЫ¹**

На сложную, а часто и драматическую социально-политическую обстановку 1930-х гг. накладывались личные взаимоотношения между группами учёных или отдельными их представителями, подчас усугубляя её. Подобным примером могут послужить отношения между двумя антиковедами: Сергеем Александровичем Жебелёвым (1867–1941) и Отто Оскаровичем Крюгером (1893–1967). Они принадлежали к разным поколениям учёных — С. А. Жебелёв к 1914 г. уже был ординарным профессором столичного университета и членом-корреспондентом Императорской Академии наук, в то время как научная карьера О. О. Крюгера складывалась уже в советскую эпоху. Имя и научная биография более молодого учёного хоть и не являются забытыми (Фихман. 1967; Васильков, Сорокина. 2003. С. 384; Виноградов. 2013а), но известны гораздо менее имени и трудов академика С. А. Жебелёва. Поэтому имеет смысл привести краткие сведения о нём.

Отто (Оттон) Оскарович Крюгер родился 31 октября 1893 г. в Москве в семье флейтиста Московской оперы Оскара Крюгера, переехавшего из Пруссии в Россию в 1883 г. В двухлетнем возрасте мальчик остался без отца и воспитывался матерью, дававшей частные уроки музыки. В 1899 г. они переехали в Петербург, и юный Отто стал учиться в Петершule при храме Св. Петра. В связи с тяжёлым материальным положением семьи он был вынужден уже с пятнадцати лет зарабатывать репетиторством. Окончив гимназию в 1913 г., он поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, где стал специализироваться по кафедре классической филологии. Слушал лекции и посещал занятия О. Ф. Вальдгауера по гре-

¹ Работа выполнена при поддержке совместного гранта РНФ и Санкт-Петербургского научного фонда № 23-28-10296 «Санкт-Петербургский университет — центр подготовки элиты российского общества (1819–1917)».

ческой вазописи и скульптуре; Б. В. Фармаковского — по топографии Афин; М. И. Ростовцева — по истории Боспорского царства; Ф. Ф. Зеллинского — по античной литературе; С. А. Жебелёва — по греческой эпиграфике и стилистике².

Особую роль сыграли занятия в семинаре М. И. Ростовцева и Г. Ф. Церетели по папирологии, определив одну из основных тем будущих научных исследований. В 1914 г. студент Крюгер выступил в этом семинаре с докладом «Брачный контракт П в. по Р. X.», проанализировав неизданный папирус (Тихонов. 2020. С. 38). Там же он сделал доклад «Обзор папирусной коллекции Эрмитажа», а вместе с Г. Ф. Церетели в 1918 г. в «Известиях Академии наук» опубликовал медицинский папирус из Музея Александра III в Москве (Крюгер, Церетели. 1918). Изучал греческие папирусы из коллекции Н. П. Лихачева. Окончив университет с дипломом первой степени, О. О. Крюгер с 1 января 1919 г. был оставлен при кафедре классической филологии, его основным учителем стал Григорий Филимонович Церетели, который весьма высоко оценивал своего ученика и протезе: «О. О. Крюгер ещё в бытность свою студентом Петроградского университета обратил на себя моё внимание своими исключительными дарованиями и большими сведениями по избранной им специальности, а также своей редкой трудоспособностью и любовью к науке <...> Как исключительно выдающийся студент был оставлен мною при Университете <...> В лице О. О. мы имеем, вне всякого сомнения, выдающуюся научную силу, глубоко одаренного ученого, являющегося в некоторых научных областях, например, в греческой папирологии, незаменимым работником, обладающим и громадными знаниями, и редкой энергией, и безусловным талантом»³. Существенно отметить, что на столь комплиментарный характер отзыва не повлияла неприязнь Г. Ф. Церетели, принадлежавшего вместе с С. А. Жебелёвым к «патриотической партии», к «инородцам», особенно к немцам и евреям (Фихман. 1995. С. 257).

В 1920-х гг. О. О. Крюгер продолжал активные занятия в области папирологии: подготовил и издал вместе с Г. Ф. Церетели собрание русских и грузинских папирусов, второй выпуск о папирусах эллинистического и римского Египта он издал самостоятельно (*Parugi russischer und georgischer Sammlungen*. 1925; 1929). Довелось ему поучаствовать и в работах Ольвийской экспедиции, куда его привлек Б. В. Фармаковский для обработки эпиграфических материалов

² НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 330. Л. 70а.

³ Там же. Л. 67–67а.

и весовых знаков. Много внимания Крюгер уделял преподавательской работе в различных высших учебных заведениях Ленинграда, в том числе в Ленинградском университете на кафедрах классической филологии и истории Древнего мира. В анкетах О. О. Крюгер указывал, что владеет немецким, английским, французским, итальянским, латинским и древнегреческим языками⁴.

В 1930 г. О. О. Крюгер стал руководителем группы ГАИМК по изучению сельского хозяйства в Северном Причерноморье. С этого времени в его творчестве появляются новые весьма актуальные для того времени темы о восстаниях рабов и истории сельскохозяйственного производства в эллинистическом Египте (Крюгер. 1934; 1935). В выступлениях рабов во II–I вв. до н. э. он увидел начальный этап революции, которая в соответствии со словами И. В. Сталина покончила с рабовладельческим строем (Виноградов. 2013б. С. 169). Эти работы Крюгера получили высокую оценку со стороны академика В. В. Струве, разрабатывавшего марксистскую концепцию истории Древнего мира, а вот отношения с учителем — Г. Ф. Церетели всё более охладевали, и их пути всё более расходились. Сам О. О. Крюгер считал, что учитель не мог ему простить вступления в партию, но уже в начале 1928 г. в частном письме Г. Ф. Церетели значительно более критично, чем ранее, оценивал способности Крюгера: «Конечно, выше своей головы не прыгнешь! Думаю, однако, что немцам работа понравится: они такие работы, все из мелочей, любят! Но, с другой стороны, вижу, что ничего крупного из Крюгера не выйдет. Получится добросовестный работник — и только. Видимо, я переоценил его вначале! Нет ширины!» (Фихман. 1995. С. 228–229).

26 апреля 1931 г. на заседании партячейки ГАИМК О. О. Крюгер был принят кандидатом в члены ВКП(б). Заявление о приёме на этом же заседании также подавал пятидесятилетний искусствовед Ф. И. Шмидт, но ему было предложено пройти «пролетарскую перековку» на каком-нибудь заводе или фабрике (Тихонов. 2022. С. 333–334). Коммунистов ГАИМК социальное происхождение Крюгера более устраивало, он, по крайней мере, не был дворянином. Партийная организация Академии остро нуждалась в таких кандидатурах, поскольку в ней первоначально фактически не было научных сотрудников и она состояла только из представителей административного персонала и молодых аспирантов, а тридцатисемилетний Отто Крюгер был уже известным специалистом в области античной эпиграфики и истории.

⁴ НА РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 330. Л. 65.

Сложно сказать, было ли его вступление в партию продиктовано карьерными соображениями или искренними убеждениями, поскольку нельзя отрицать, что в ту эпоху многие интеллигентские умы были захвачены идеями построения нового общества. Во всяком случае, карьера О. О. Крюгера в ГАИМК быстро пошла вверх: в 1932 г. он становится действительным членом Академии, возглавляет её Институт кадров. В 1933 г. назначается руководителем Керченской экспедиции, хотя большого опыта полевой работы у Крюгера не было, он был скорее кабинетным учёным. Впрочем, в это время при назначении на руководящие должности партийность ценилась выше любого опыта и знаний (Тихонов. 2020). В 1935 г. во время отсутствия С. И. Ковалева Крюгер исполнял обязанности директора Института истории рабовладельческого общества. В сентябре 1936 г. после ареста Ф. В. Кипарисова исполняющим обязанности председателя ГАИМК назначают именно О. О. Крюгера.

От партийцев — научных сотрудников ГАИМК в эпоху «марксистской перестройки» впрямую требовали критики в адрес учёных старшего поколения с дореволюционным стажем (Тихонов. 2022. С. 337). Не отставал от товарищей по партии и О. О. Крюгер. Несмотря на то, что его учитель — Г. Ф. Церетели был в дружеских отношениях с С. А. Жебелёвым и видел в нём единомышленника по многим социальным, политическим и этническим вопросам, сам О. О. Крюгер явно оказался среди противников академика, возглавляемых В. В. Струве. Во время «чистки» в ГАИМК в июле 1930 г. Крюгер выступил одним из основных обвинителей Жебелёва, остро критикуя его книгу 1923 г. «Введение в археологию» за заимствования из других источников без должных ссылок, по сути дела, обвинив академика в плагиате (Ананьев, Бухарин. 2021. С. 282, 292–294).

В марте 1933 г. О. О. Крюгер написал отзыв о рукописи С. А. Жебелёва по истории Русского археологического общества⁵. Этот отзыв сохранился среди материалов Секретной части ГАИМК⁶. Сам факт появления отзыва на рукопись работы С. А. Жебелёва о последнем периоде существования и деятельности Русского археологического общества свидетельствует о том, что Сергей Александрович писал не «в стол» и рукопись была известна коллегам. Удивляет некоторая политическая наивность академика, всего несколько лет назад подвергнувшегося шельмованию и травле в советской прессе (Тункина. 2000. С. 116–161). Он явно не понимал, что в идейно-политической

⁵ Этот труд С. А. Жебелёва был издан только в 2017 г. (Жебелев. 2017).

⁶ ЦГА СПб. Ф. 154. Оп. 1. Д. 13. Л. 62–63.

обстановке начала 1930-х гг., в условиях «нового курса» ГАИМК подобная работа никак опубликована быть не может. По отношению к прошлому российской археологии требовался «классовый подход», столь ярко проявившийся в вышедшей в это же время книге М. Г. Худякова «Русская дореволюционная археология на службе эксплуататорских классов». Главным мерилом становилось отношение к революционному движению и классовой борьбе. Само слово «академизм» приобретало негативный оттенок в устах партийных пропагандистов и проводников марксистских идей в исторической науке. Насаждалась идеологема о том, что подлинная история началась в октябре 1917 г., а дореволюционная Россия в духе школы М. Н. Покровского объявлялась царством тьмы, «тюрьмой народов» и т. п. В работах В. И. Равдоникаса, М. Г. Худякова русская дореволюционная археология представляла отсталой, «вещеведческой», мало научной (Равдоникас. 1930; Худяков. 1933).

Очерк же С. А. Жебелёва показывал большие заслуги Русского археологического общества в процессе профессионализации археологии, создании системы её научных коммуникаций. Рецензент О. О. Крюгер сразу уловил его основной дух — ностальгический характер по «старому доброму времени», на чём и сконцентрировался в отзыве, гиперболизируя и придавая иногда иной смысл словам автора. Так, упоминания членов императорской фамилии, являвшихся председателями общества, или титулованных аристократов, входивших в его состав, превращаются у Крюгера в раболепство «перед представителями аристократии, возглавлявшими организацию».

Собственно серьёзного научного разбора этого историографического труда С. А. Жебелёва в небольшом по объёму (2,5 страницы плотной машинописи) отзыве нет. Есть скорее политические обвинения в воспевании «старого режима». Очень показательны заключительные, резюмирующие строки отзыва: «это не „исторический очерк“, как его называет автор, а антисоветская политическая брошюра, агитирующая за монархическую Россию, написанная бездарным учёным, раболепствующим перед этим монархическим прошлым»⁷.

Можно предполагать, что этот сверхкритический отзыв был написан О. О. Крюгером по заданию партийной организации ГАИМК, бдительно следившей за сотрудниками Академии. С. А. Жебелёв на хорошем счету у партийцев не числился. Во всяком случае, в его характеристике, составленной Секретной частью ГАИМК и направленной

⁷ ЦГА СПб. Ф. 7154. Оп. 1. Д. 13. Л. 63.

ной среди других характеристик в Ленинградское управление НКВД, говорилось: «попал в академики после революции по рекомендации белоэмигранта Ростовцева, участвовал в белоэмигрантской заграничной печати, как в устных выступлениях, так и в печати подчеркивал свою дружбу с белоэмигрантами, выражая недовольство советским строем»⁸.

В свою очередь С. А. Жебелёв не остался в долгу и через несколько лет при выдвижении О. О. Крюгера на присуждение докторской степени, являясь председателем этой комиссии по выдвижениям, выступил против. Крюгеру помогла только поддержка академика В. В. Струве, также недоброжелательно относившегося к С. А. Жебелёву и его ученикам (Бухарин. 2019. С. 1443–1444; Ананьев, Бухарин. 2020. С. 508). Он заявил, что Жебелёв сам использует труды Крюгера. Вернувшись домой после этого заседания, С. А. Жебелёв внимательно просмотрел свои публикации и сумел разыскать лишь единственную сноску с упоминанием небольшой эпиграфической заметки Крюгера (Жебелев. 2002. С. 167–168; Формозов. 2006. С. 247).

Нельзя быть уверенным в том, что отзыв Крюгера вообще стал известным Жебелёву, ведь не случайно он хранился в материалах Секретной части ГАИМК, которые были рассекречены уже только в наше время сравнительно недавно. Также необходимо понимать, что труд С. А. Жебелёва не был бы напечатан и без этого отзыва О. О. Крюгера, так как был в полном диссонансе со всей окружающей атмосферой и обстановкой того времени. Несмотря на серьёзные политические обвинения, содержащиеся в резюмирующей части отзыва, каких-либо последствий для Сергея Александровича Жебелёва, к счастью, эта история не имела.

О. О. Крюгер 6 ноября 1938 г. был арестован, заключён в «Кресты» и через год осужден по ст. 58-10 ч. 1 и 58-11 УК РСФСР, так как согласно обвинению «являлся чл. нем. националист. общ-ва „Ферейн“, находился в тесной связи с представителями иностр. дипл. миссий в Ленинграде и являлся участником контрревол. меньшевистской организации» (Васильков, Смирнова. 2003. С. 384). Приговор оказался сравнительно мягким по тем временам — высылка в Северный Казахстан на пять лет, но вернуться из ссылки в Ленинград О. О. Крюгер смог только в 1955 г., ещё через два года он был полностью реабилитирован. До 1964 г. преподавал на кафедре классической филологии Ленинградского университета, занимался с аспирантами ЛО ИИ АН СССР, редактировал переводы древних ав-

⁸ ЦГА СПб. Ф. 7154. Оп. 1. Д. 13. Л. 10.

торов, продолжал издавать папирусы, опубликовал несколько статей и рецензий.

22 III 33

С. А. ЖЕБЕЛЁВ — «Русское Археологическое общество за третью четверть века своего существования /1897–1921 г./ исторический очерк». 1921–1932 г.⁹

Работа эта написана в 1921 году, слегка изменена в 1932 г. /несколько смягчены антисоветские выпады и прибавлена глава, охватывающая последние годы существования этого общества/. Это довольно подробный отчет о деятельности общества, составленный одним из его руководителей. Общий тон, который красной нитью проходит через всю статью, — «плач о прошлом». Автор подчеркивает, что Русское Археологическое Общество «в последние бурные и тревожные годы» /т. е. во время революции О. К./, наряду с университетом служило прочным маяком и путеводной звездой, у которых он всегда искал поддержки «в минуту жизни трудную». Столь же прочувственно вспоминает он о деятельности этого общества. И даже в предисловии 1932 г. он пишет: «к тому же писать о последних годах жизни общества мне было тяжело». Второй лейтмотив — это резкое противопоставление «научной» деятельности общества, совершенно «чистой» от практических задач, целям практической деятельности, которые преследует всякая научная организация послереволюционная. Правда, он этого не досказывает, но это с несомненностью вытекает из сугубо подчеркнутой «чистоты» науки, которой предавались в обществе /см. стр. 3/. Тем более тут чувствуется противопоставление, что автор искажает действительность т. к., как известно, общество преследовало и практические задачи /обсуждало проекты охраны памятников, реорганизации архивного дела, а особенно пропагандировало «русскую науку», «отечественное просвещение и укрепление национального самосознания» — стр. 3, «славу русского народа» — стр. 108 и т. д./.. Отсюда вытекает и идеализация этого склочного общества, как обитель мира, где не было ссор и т. д. Все деятели этого общества, особенно, председатели, в характеристиках Жебелева становятся кристаллически чистыми людьми, причём он особенно раболепствует перед представителями аристократии, возглавлявшими организацию. Образцом такого гимна является харак-

⁹ Отзыв О. О. Крюгера публикуется с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

теристика экс. князя К. К. Романова, данная на нескольких страницах /стр. 17 сл./ и Георгия Михайловича Романова, утвержденного «высочайшей властью председателем общества» и оставшимся «в этом звании до событий 1917 года». Лицо яркого монархиста показывает и смакование титулов председателей, «графа» Толстого, «барона» Розена и других /стр. 8 — это прибавлено уже в 1932 году/. Жебелев вполне солидарен с характеристикой «графа» И. И. Толстого, бывшего министра и гор. Головы Петербурга, написанной Веселовским, больше того он восхищается мелкими изречениями этого графа /стр. 18/ и с большим чувством вспоминает «непринужденную беседу» членов совета общества с его председателем, вспоминает, как «неофициальная часть» заседаний кончалась, несмотря на то, что «граф» ещё о многом «поговорил бы, посмеялся бы пошутил бы» /стр. 20/. Вот каково было и осталось отношение к «царедворцам» и самого общества и самого Жебелева. Вот какие люди стремились «свято соблюдать и строго охранять установившиеся в нём традиции», соблюдение коих давало обществу возможность «развивать посильную свою деятельность на благо всей науки и родного просвещения». Эти «традиции» заставляют, очевидно, и жалеть Жебелева, что обществу после революции было предложено оставить занимаемое им помещение при государственной канцелярии. Упорно общество не переносит своей деятельности во вновь отведенное ему помещение, а старые члены, по заявлению Жебелева, «будут грустить о том скромном, хотя и достаточно обширном и уютном помещении на Литейном, с которым у них связано столько дорогих и трогательных воспоминаний» /стр. 14/. А вспоминать было о многом! Наряду с «чисто научной» работой приходилось отмечать и всякие торжественные события, как например, чрезвычайное общее собрание по случаю трехсотлетия Романовых. Там кстати выступали и нынешние сотрудники ГАИМК — К. К. Романов и Н. И. Репников. Вообще много торжественного было в жизни общества. Взять хотя бы заседание в память И. И. Толстого /«графа»/, на котором Жебелев характеризовал И. И. Толстого, как государственного и общественного деятеля. С неподдельной грустью Жебелев вспоминает и о других деятелях этого общества. К лучшим из них относится ещё проф. и академик П. В. Никитин, автор прочувственного некролога посвященного памяти К. К. Романова /князя, стр. 17/. Это, кстати, тот Никитин, которого как прилежного и трусоватого ректора, не примыкавшего к либеральному и опальному меньшинству профессоров, характеризовал Ю. Мартов в своих «Записках социал-демократа» /Москва, «Красная Новь», 1924 г. стр. 145–147/. Особенно скорбит Жебелев

о тех ученых, которые сейчас либо не находятся в живых, либо «сочли за благо оставить Петроград и удалиться — кто за границу, кто в другие русские города и веси» /стр. 8, в 1932 г. это выражение было несколько смягчено!/. Дело в том, что все белоэмигранты считались даже после отъезда за границу членами общества. По крайней мере, в подробном перечне событий и дел общества нет никакого указания на то, чтобы белоэмигрантов исключали из его состава. Больше того Н. П. Кондаков, находившийся в эмиграции в Праге, с 15 апреля 1917 г.¹⁰, 7 января 1918 года избирается председателем общества, помощником его избирается М. И. Ростовцев «уехавший в июне того же года за границу». И вот мудрое общество существует в таком виде до 3 января 1919 г. Чтобы эмигрантов не обижать, избирается пом. председателя С. А. Жебелев «с предоставлением ему звания председательствующего»¹¹. Н. П. Кондаков остается председателем до 19/VII 1922 г., когда общество прекратило свое существование. Интересно отметить отношение Жебелева и самого общества к революционному движению. С гордостью он замечает на стр. 5: «Даже тревожные времена, бывшие в Петрограде в начале текущего столетия не служили препятствием к устройству собраний. Одно из заседаний классического отделения происходило напр. 10 января 1905 года, на другой день после «9 января», когда по городу трамваи не ходили, когда и электрического тока не было, когда «заседать» пришлось с керосиновыми лампами и свечами». Однако, дальше он объективно рассказывает: лишь с «октябрьского переворота» правильность собраний нарушилась» /в 1932 г. Жебелев снимает кавычки, в которые у него поставлен октябрьский переворот!!!/. Оно и понятно: верноподданнические чувства членов общества, далеких от либерализма, не могли ничего другого констатировать 10 января 1905 г. как только то, что приходится ходить пешком и заниматься без электричества. Октябрьская революция упоминается ещё несколько раз. На стр. 9 Жебелев скорбит по поводу того, что практическую сторону деятельности общества, принесшую прекрасные результаты, прекратила война «а в особенности последовавшее за нею наше лихолетье». В 1932 году Жебелев зачеркивает это и пишет: «и сопровождавшие её бедствия».

¹⁰ 15 апреля 1917 г. Н. П. Кондаков выехал из Петрограда и до начала февраля 1920 г. был сначала в Ялте, а затем в Одессе.

¹¹ Поскольку в условиях отсутствия в Петрограде Н. П. Кондакова и М. И. Ростовцева РАО осталось без административного руководства, в Общем собрании 3 января 1919 г. помощником председателя был избран С. А. Жебелев с предоставлением ему звания председательствующего.

Если вкратце пересмотреть состав общества и тех, кто «верно хранил традиции» и кто их создавал, то приходится отмечать большое количество князей и др. аристократов в их среде: Абамелек-Лазарев, вел. князь Александр Александрович, Александр Михайлович, принц Гессенский, архимандрит Афилохий, архимандрит Антоний, архиепископ Арсений /приписка: в Туруханском крае/, митрополит Арсений, барон де Бай, князь Баратаев, граф Блудов, три графа Бобринские, кн. Владимир Александрович, кн. Волконский, кн. Воронцов, кн. Вяземский, лама Гаман-Гомбаев, три князя Гагарины, герцог Георгий Мекленбург-Стрелецкий, епископ Григорий, архиепископ Григорий и т. д. и т. д. Много дало это общество антисоветских деятелей, среди которых не последнее место занимает М. И. Ростовцев, глава антисоветского движения за границей. Следовало бы подробно исследовать этот список, кроме того, следовало бы достать архивные материалы общества, как напр., сборник, посвященный И. И. Толстому, протоколы заседания, посвященного памяти Я. И. Смирнова /1919 г./

Чтобы вкратце характеризовать эту статью Жебелева, достаточно сказать, что это не «исторический очерк», как его называет автор, а антисоветская политическая брошюра, агитирующая за монархическую Россию, написанная бездарным ученым, раболепствующим перед этим монархическим прошлым.

О. Крюгер

ЦГА СПб. Ф. 7154. Оп. 1. Д. 13. Л. 62–63 (машинопись)

Литература

- Ананьев В. Г., Бухарин М. Д.* С. А. Жебелев в системе советской науки (по материалам новых архивных документов). Часть I. (1913–1927) // ВДИ. 2020. № 2. С. 497–512.
- Ананьев В. Г., Бухарин М. Д.* «Вот в какое время мы жили, и замолчать этот факт я не могу...» (Академик С. А. Жебелёв и «чистка» ГАИМК в 1930 г.) // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2020. Т. 10. М.: РАН, 2021. С. 278–315.
- Бухарин М. Д.* Василий Струве и сложение категориального аппарата советской исторической науки // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 4. С. 1440–1458.
- Васильков Я. М., Сорокина М. Ю.* Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.
- Виноградов Ю. А.* Отто Оскарович Крюгер // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2013а. С. 23.

- Виноградов Ю. А.* Отдел истории античной культуры // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2013б. С. 160–190.
- Жебелёв С. А.* Учёные степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозящая опасность их вырождения в будущем // Очерки истории отечественной археологии. М.: Наука, 2002. Вып. 3. С. 146–194.
- Жебелёв С. А.* Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921: Исторический очерк. Приложение: Библиографический словарь членов РАО (1846–1924). М.: Индрик, 2017.
- Журналы заседаний Совета Эрмитажа. Часть I. 1917–1919 годы. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2001.
- Крюгер О. О., Церетели Г. Ф.* Медицинский папирус Музея Александра III в Москве [Представлено акад. М. И. Ростовцевым в заседании Отд. историч. наук и филологии 27 (14) марта 1918 г.]. Пг., 1918. С. 1261–1278.
- Крюгер О. О.* Рабские восстания II–I вв. до н. э. как начальный этап революции // Карл Маркс и проблемы истории докапиталистических формаций: сборник к 50-летию со дня смерти Карла Маркса. М.; Л.: Соцгиз, 1934. С. 378–400. (ИГАИМК. Вып. 90).
- Крюгер О. О.* Сельское хозяйственное производство в эллинистическом Египте: (Зерновые культуры) // Из истории материального производства античного мира. М.; Л.: 1935. С. 7–110. (ИГАИМК. Вып. 108).
- Равдоникас В. И.* За марксистскую историю материальной культуры. Л., 1930. (ИГАИМК. Т. 7. Вып. 3–4).
- Тихонов И. Л.* Археология в преподавательской деятельности М. И. Ростовцева в Петербургском университете // БФ 2020. Ч. 1. С. 34–40.
- Тихонов И. Л.* «Его поведение профессора, а не большевика»: к истории партийной организации ГАИМК в 1930-е гг. (по архивным материалам) // Очерки истории отечественной археологии. Вып. VI. М.: ИА РАН, 2022. С. 330–349.
- Тункина И. В.* «Дело» академика С. А. Жебелёва // Древний мир и мы: классическое наследие в Европе и России. 2000. Вып. 2. С. 116–161.
- Фихман И. Ф. О. О. Крюгер (1893–1967)* // ВДИ. 1967. № 3. С. 170–171.
- Фихман И. Ф. Г. Ф. Церетели в петербургских архивах: портрет ученого* // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 226–258.
- Формозов А. А.* Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М.: Знак, 2006.
- Худяков М. Г.* Русская дореволюционная археология на службе эксплуататорских классов. Л.: ГАИМК, 1933.
- Papyri Russischer und Georgischer Sammlungen / hrsg. von G. Zereteli; bearb. von G. Zereteli und O. Krüger. Bd. 1. Literarische Texte. Tiflis, 1925; Bd. 2. Ptolomäische und frührömische Texte. Tiflis, 1929.

Е. Г. Застрожнова (Панкратова)

**ИССЛЕДОВАТЕЛИ АНТИЧНОГО НАСЛЕДИЯ БОСПОРА
В ГОДЫ РЕПРЕССИЙ (1920–1930-Е ГГ.)**

Политические репрессии оказали самое негативное влияние на развитие отечественной науки на всех её направлениях. Не стала исключением и античная археология, представители которой подверглись репрессиям по различным крупным следственным делам, процессы по которым проходили на всём протяжении 1930-х гг. Основным источником информации для данной тематики являются наряду с материалами научных архивов следственные дела, хранящиеся в архивных отделах УФСБ и информационных центрах МВД РФ. В ходе работы с этой категорией материалов стало возможным уточнить биографии арестованных археологов и восстановить основные этапы репрессивной политики, напрямую повлиявшей на историю античной археологии 1930-х гг.

Начало крупных следственных процессов предварили повсеместные кадровые чистки, начавшиеся в 1929 г. и преследовавшие своей целью избавление от учёных старой школы и замена их «марксистской молодежью». В 1929 г. начались аресты по «Академическому делу», которые привели к отстранению от науки, а в большинстве случаев и к физическому уничтожению большого количества видных отечественных учёных — историков, филологов-славистов, этнографов, археологов. По этому делу в сентябре 1930 г. по ложному доносу и обвинению в шпионаже арестовали учёного-скифолога, научного сотрудника Государственного Эрмитажа и ГАИМК — Григория Иосифовича Боровку. В качестве основных доказательств по делу о шпионской деятельности следователи привлекли фотографии, сделанные им во время археологических экспедиций на территории Керченского и Таманского полуостровов. Заверения в том, что данные материалы необходимы ученому для научной работы, не изменили сути обвинений. После десяти месяцев заключения, череды допросов и дознаний «вина» доведенного до отчаяния человека оказалась «доказана». В обвинительном заключении указывалось, «что

археолог Боровко является агентом германской разведки, пользующийся своим служебным положением и пребыванием в археологических экспедициях для ведения систематического и политического шпионажа»¹. Г. И. Боровку приговорили к заключению в концлагерь сроком на 10 лет, срок отбывал в Ухт-Печорском лагере. 21 сентября 1940 г. был освобожден из лагеря, но не выпущен из Коми АССР, работал геологом при Ухтомском комбинате. 6 ноября 1941 г. Г. И. Боровка по очередному ложному оговору вторично арестован, 4 апреля 1942 г. по ст. 58-10 приговорен Московским верховным судом к высшей мере наказания и 29 июня этого же года расстрелян. Реабилитирован 11 сентября 1989 г. (Панкратова. 2021. С. 1360).

Примерно в эти же годы был арестован и несколько месяцев находился в заключении выпускник аспирантуры РАНИОН, научный сотрудник МИИ и участник ряда античных экспедиций В. Д. Блаватский². Однако по истечении нескольких месяцев заключения его отпустили без каких-либо дальнейших последствий для его научной деятельности. В 1931 и 1932 гг. он проводил раскопки в Хараксе и Ай-Тодоре, в 1933–1935 гг. на территории Камыш-Буруна. Начиная с 1936 г. руководил раскопками в Фанагории, а после войны, с 1946 г. и вплоть до конца 1950-х гг. оставался руководителем Боспорской экспедиции по изучению Пантикапея.

7 сентября 1933 г. по делу «Российской национальной партии» в числе многих других учёных был арестован научный сотрудник ГАИМК, руководитель Таманской экспедиции А. А. Миллер. Следствие предъявило ему обвинение по ст. 58-6 и 58-10 УК СССР. После нескольких допросов учёного вынудили полностью признать свою «вину», основные пункты которой заключались в антисоветской агитации: «Общаясь в экспедициях, в том числе на Таманский полуостров, с местным населением я активно высказывал свои враждебные советской власти убеждения»³. А. А. Миллер был приговорен к пяти годам ИТЛ, с заменой на высылку в Казахстан на тот же срок, считая с 9 октября 1933 г. Несмотря на то, что он был приговорен к ссылке, его смерть зафиксирована 12 января 1935 г. в больнице Карагандинского ИТЛ. Реабилитирован 28 ноября 1956 г. (Застрожнова (Панкратова). 2022. С. 32).

Во время арестов в Ленинграде по делу РНП, в Москве в 1933 г. по обвинению в космополитизме арестован историк античности, архео-

¹ Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-30695. Л. 554.

² ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. IV. Д. 90-Б. Л. 136.

³ Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-30695. Л. 554.

лог К. Э. Гриневич. Он был приговорён к ссылке и отправлен в Новосибирск. Там его повторно арестовали в 1935 г. и сослали в Карагандинскую область. К работе учёный смог вернуться лишь в 1939 г. В одном из своих первых писем к В. А. Городцову, написанном после ссылки, из Белгорода, в мае 1940 г., он пишет: «Вернулся к жизни и спешу написать Вам <...> Какие новости московской археологической жизни? <...> Я жив <...> преподавал все время в Долинской десятилетке <...> смог написать две работы: „Солон и Писистрат“ (7 а. л.) и „Греко-персидские войны“ (10 а. л.)»⁴ (рис. 1, 2).

В январе 1935 г. был арестован А. С. Башкиров, проводивший на протяжении ряда лет топографическое и археологическое обследование античных памятников Таманского полуострова. В феврале этого же года оказались арестованы Н. И. Бороздин и А. А. Захаров (Ватлин, Канторович. 2001. С. 123–131). Всем троим вменялась контрреволюционная деятельность, пропаганда против советской власти, шовинизм и национализм. Немалое значение для следствия имела работа всех троих арестованных учёных в РАНИОН, а также знакомство с ленинградскими и московскими исследователями, проходившими по «Академическому делу» (Ватлин, Канторович. 2001. С. 124). А. С. Башкиров подвергся 17 допросам, в ходе которых он признал свою «вину», в июле 1929 г. его приговорили к высылке на три года в Казахстан (Ватлин, Канторович. 2001. С. 125, 130). В 1938 г. А. С. Башкиров вернулся в Москву, однако не смог найти там работу. Ему удалось устроиться в Калининский педагогический институт, где он трудился с 1938 по 1948 г. (Непомнящий. 2018. С. 73).

На фоне нарастания репрессий, идеологического давления и противоборства между ленинградскими и московскими учёными, руководство ГАИМК, в лице Ф. В. Кипарисова, пыталось сохранить позиции ГАИМК и кадровый состав учреждения. Ф. В. Кипарисовым было принято решение обратиться к первому секретарю Ленинградского обкома ВКП(б) С. М. Кирову с личным письмом. В письме он подчеркивал важность сохранения лидирующих позиций академии, необходимость продолжения международных контактов с европейскими учёными, а также важность сохранения кадрового состава академии, актуализации ценности «старых специалистов» в их сотрудничестве с новым поколением «историков-марксистов». Очевидно, что письмо так и не отправили, ввиду убийства С. М. Кирова 1 декабря 1934 г. и смерти Н. Я. Марра 20 декабря 1934 г. Потеря руководителя, к которому проявляло лояльность советское правительство,

⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 393. Л. 25.

Белгород
 11 мая 1940

243
 25

Глубокоуважаемый, дорогой
 Василий Алексеевич!

Я окончательно выздоровел, вернулся к жизни и
 спешу написать Вам, с которой делю так много
 радостей и горестей. Как Вы поживаете, как Ваше
 здоровье, где работаете? Я писал в газете о праздновании
 Вашего столетия — приложите мой почтовый записочный, но
 искренний привет и пожелание. Над чем Вы сейчас
 работаете, какие рассказы и где предполагаете проведо-
 деть? Как поживает, жив ли Николай Иванович Ко-
 вбасадский — от меня ему искренний привет. Как Ва-
 ши московские ученики? Где они, что делают? Каковы
 новости московской археологической жизни и музеев-
 ной? Кто работает?

Я жив, совершенно здоров и полон пока что энтузиазма.
 Временно выбрал себе на проживание Белгород Курск.
 области — ближе к Харькову. С осени надо будет где-
 нибудь устроиваться. Я все время следил за публикацией
 журналов для мне доступна, написал где работы

Рис. 1, 2. Письмо К. Э. Гриневича к В. А. Городцову. 11 мая 1940 г. ОПИ ГИМ.
 Ф. 431. Оп. 1. Д. 393. Л. 25–25 об. Публикуется впервые

совпала с волной массовых репрессий по отношению к участникам
 «троцкистско-зиновьевских террористических организаций». Ши-
 рокая кампания по обезвреживанию «не разоружившихся троцки-
 стов», развернутая в это время в стране, привела к многочисленным
 арестам среди партийных и научных сотрудников ленинградских
 и московских учреждений, заподозренных в оппозиционных выступ-
 лениях.

1) Салон и Писистрат (7 мес)
2) Греко-персидские войны (10 мес).

Можу предложить их к написанию. Передавал все время в Доминской дирекции около Карагайды, все 3 провел 5 лет.

Буду признателен, если Вы напишете о себе по адресу:
г. Белгород Курск. обл.
д. Литвинова, 77

Преданный
Р. Я. Яковлев

Важным документом для понимания этого периода в истории ГАИМК является донос бывшего аспиранта академии В. Ф. Зыбковца, направленный А. А. Жданову 28 марта 1935 г. В своём «заявлении» В. Ф. Зыбковец обвинял практически весь состав ГАИМК во вредительстве, измене Родине, вхождении в троцкистско-зиновьевскую группировку и подрывной работе против партии. В ходе работы специальной комиссии партийного контроля было составлено 58 «характеристик» на сотрудников ГАИМК, в том числе и на тех, чья деятельность так или иначе связана с античной археологией либо с участием в археологических раскопках античных памятников. Среди

них: «*Жебелёв Сергей Александрович*. Родился в 1867, сын лавочника-купца, академик. Попал в академики после революции по рекомендации белоэмигранта Ростовцева»; «*Пиотровский Борис Борисович*. <...> по происхождению дворянин <...>. Сам служащий, аполитичный, работает научным сотрудником ГАИМК»; «*Марченко Ирина Дмитриевна*, <...> дочь учителя. В 1934 г. была исключена из Академии и комсомола за связь с сосланными троцкистами, братом и сестрой»; «*Каллистов Дмитрий Павлович*, <...> из дворян <...> В 1934 г. поступил аспирантом в ГАИМК, занимается очень серьёзно, политически чуждый нам человек»; «*Мацулевич Леонид Антонович* — профессор, крупный специалист <...> Был снят с работы во время советской чистки Государственного Эрмитажа. После восстановления, но переключился на другую специальность (скифо-сарматские древности) <...> Фигура в политическом смысле неясная и проверенным считать нельзя» и др.⁵. Некоторое удивление может вызывать лишь то, что большинство из названных В. Ф. Зыбковцом сотрудников ГАИМК, связанных с изучением античной культуры, от этого доноса серьёзно не пострадало, а ведь страна тогда вступала в период «большого террора». Представители руководящего состава ГАИМК, упомянутые в доносе, в полном составе оказались арестованы и расстреляны в 1936–1937 гг. (Панкратова. 2019. С. 264–277). Сам автор доноса, В. Ф. Зыбковец в 1937 г. подвергся аресту и провёл 18 лет в лагерях (Панкратова, Смирнов. 2022. С. 175).

В 1937 г. ГАИМК ликвидировали как самостоятельное учреждение, а на основе её сильно сокращённых подразделений был организован Институт истории материальной культуры в составе АН СССР. Античная проблематика в составе ИИМК АН СССР стала изучаться сотрудниками Кафедры истории античных колоний Причерноморья, преобразованной позже в Сектор древнего Причерноморья, во главе которого был поставлен С. А. Жебелёв, погибший во время блокады Ленинграда в 1942 г. (Виноградов. 2009. С. 22).

Пострадали от репрессий и крымские археологи. В 1937–1938 гг. были арестованы директор Бахчисарайского музея У. А. Боданинский и заведующий отделом археологии Центрального музея Тавриды Н. Л. Эрнст, проводивший раскопки Неаполя Скифского и составивший «Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет (1921–1930)». У. А. Боданинский обвинялся в националистической деятельности и расстрелян в Симферополе в 1938 г. Н. Л. Эрн-

⁵ ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1531. Л. 21–66.

ста объявили немецким шпионом и приговорили к восьми годам исправительно-трудовых лагерей. В 1946 г. срок заключения окончился, но он оставался на поселении в Кемеровской области. В 1949 г. из-за доноса по обвинению в антисоветской агитации Н. Л. Эрнста арестовали вторично. В 1953 г. его досрочно освободили, но через три года он скоропостижно скончался. Был реабилитирован в 1958 г. (Чижова. 2012. С. 164).

В 1938 г. за контрреволюционную деятельность репрессировали научного сотрудника ГАИМК, руководителя Керченской (Боспорской) экспедиции (1933–1935 гг.) О. О. Крюгера. По характеру обвинений его дело пытались присоединить к процессу «Ленинградского меньшевистского центра», однако С. И. Ковалев, Н. Н. Андреев и С. И. Вознесенский, проходившие по этому делу и давшие под пытками на допросах показания против него, отказались от своих слов. Протоколы допросов О. О. Крюгера крайне информативные и содержат информацию об учителях О. О. Крюгера — С. А. Желёве, Г. Ф. Церетели и М. И. Ростовцеве. В протоколах допроса О. О. Крюгера от 9 апреля и 22 мая 1939 г. имеются крайне важные сведения и о судебном деле, по которому в 1936 г. оказался арестован и расстрелян весь административный состав академии. Виновным О. О. Крюгер себя не признал и в ноябре 1939 г. был приговорен к пяти годам ссылки в Казахстан. 2 февраля 1957 г. датируется справка о реабилитации ввиду отсутствия состава преступления. К научной и преподавательской работе он смог вернуться только спустя 20 лет после ареста.

На протяжении 1940-х гг. количество подпавших под аресты учёных постепенно начинает снижаться, однако урон, нанесенный развитию античной археологии, восстанавливался на протяжении продолжительного количества времени. На основании изучения следственных дел можно выявить некоторые закономерности в проведении следственных мероприятий, так если в начале 1930-х гг. протоколы допросов достаточно развернуты и информативны, содержат важную информацию как о самом учёном, так и о его окружении, то с начала 1936 г. все допросы представляли собой заранее составленный следователями текст по сфабрикованным обвинениям. С ноября 1938 г. в связи с кадровыми перестановками внутри структуры НКВД фиксируются определенные изменения в следственных процессах, пересмотры некоторых дел и замены расстрельных приговоров на высылки.

Литература

- Виноградов Ю. А.* Отдел истории античной культуры ИИМК РАН и его предшественники в РГАК (ГАИМК) — ИИМК АН СССР — ЛОИА АН СССР // Записки ИИМК РАН. 2009. № 4. С. 7–37.
- Ватлин А. Ю., Канторович А. Р.* Из истории отечественной археологической науки (несостоявшийся судебный процесс) // РА. 2001. № 3. С. 123–131.
- Застрожнова (Панкратова) Е. Г.* Следственное дело А. А. Миллера (1933–1934): общий обзор // Гуманитарно-педагогические исследования. 2022. Т. 6. № 3. С. 29–32.
- Непомнящий А. А.* Алексей Башкиров в Крымоведческих коммуникациях первой трети XX столетия // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Т. 4 (70). № 4. 2018. С. 40–83.
- Панкратова Е. Г.* «Террористическая организация ГАИМК» (1936 г.): Обзор материалов архивно-следственного дела // Очерки истории отечественной археологии. 2019. Вып. V. С. 264–277.
- Панкратова Е. Г.* К истории развития античной археологии 1930-х гг. в СССР (по материалам архивно-следственного дела Г. И. Боровки) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2021. № 19. С. 1353–1364.
- Панкратова Е. Г., Смирнов Н. Ю.* К истории ликвидации ГАИМК: «заявление» В. Ф. Зыбковца А. А. Жданову // РА. 2022. № 1. С. 174–186.
- Чиждова Л. К.* Эрнст Н. Л. — первый директор библиотеки Таврического университета: к 95-летию со дня основания библиотеки // Культура народов Причерноморья. 2012. № 229. С. 156–168.

Т. В. Умрихина

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ВОСТОЧНОГО КРЫМА: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Керчь — колыбель классической российской археологии. Открытия таких объектов, как Куль-Оба, Золотой и Царский курганы, способствовали созданию Керченского музея древностей с целью защиты древних останков для археологических исследований. В городе начал формироваться своеобразный музей-заповедник, в состав которого, кроме Музея древностей, вошли памятники погребальной архитектуры, раскоп на Митридате, придавшие Керчи уникальность и своеобразие.

Судьба музея складывалась непросто. Во время Крымской войны было разрушено и разграблено здание Музеума, уничтожены и расхищены коллекции (Быковская, Кучеревская. 2022. С. 60–123). Не меньше утрат понёс музей и в XX в., войны и революции стёрли с лица земли множество памятников (Федосеев. 2017. С. 197–203).

Несмотря на испытания, музей сохранил большую часть коллекций и продолжил поступательное развитие. Если в начале своего существования он имел одну археологическую коллекцию, то сегодня превратился в многопрофильное научное учреждение. Сегодня в структуру заповедника входят 23 ОКН, из них 13 — федерального значения, в том числе: 11 объектов археологического наследия, 3 памятника истории, 5 — архитектуры, 1 — истории, науки и техники. Открыты для посетителей Музей древностей, Золотая кладовая, Гончарная мастерская, Картинная галерея, Музеи истории обороны Аджимушкских каменоломен, Керченско-Эльтигенского десанта, крепости Керчь и Еникале, Лапидарий.

Ежегодно пополняются фонды музея-заповедника — как результат многолетней работы археологических экспедиций, работающих на территории Керченского полуострова.

Восточно-Крымский музей-заповедник способствовал сохранению российских археологических экспедиций, которые даже после распада СССР традиционно работали на территории Восточного Крыма (Умрихина. 2022. С. 67). С возвращением Крыма в состав России

в истории музея началась эра великих археологических открытий, связанных со строительством мостового перехода, подходных путей к нему, автомобильной трассы «Таврида» и целого ряда инфраструктурных объектов. Раскопкам подверглись более 100 ОКН. Работы выполнялись специалистами ведущих научных учреждений России — ИА РАН, ИИМК РАН.

Подводные археологические исследования у мыса Ак-Бурун предоставили около 70 тыс. фрагментов черно- и краснолаковых сосудов, амфор с клеймами, кувшинов, столовой посуды. Площадь керамического скопления — 4,5 тыс. м². Таким образом удалось составить общее представление о порте Пантикапея.

Сенсацией стала обнаруженная под водой терракотовая голова мужчины, стиль её исполнения не имеет аналогий. Исследованиями Курчатовского института на её поверхности выявлена полихромная раскраска, определены центр производства — Синопа, датировка — V–IV вв. до н. э. (Ильина, Муратова, Ольховский. 2020. С. 251–219).

Значимые открытия совершены в городской черте Керчи. При раскопках курганной группы Цементная слободка обнаружен подкурганый каменный склеп, который был перемещён в крепость Керчь, где обрёл «вторую жизнь» (Рукавишникова, Бейлин, Федосеев, Воронов. 2018. С. 171–189).

В ходе раскопок кургана Госпитальный выявлен склеп IV в. до н. э. с настенными рисунками с батальными сценами, символами и знаками. Рисунки были демонтированы и теперь экспонируются в Лапидарии. В насыпи кургана открыты захоронения в каменных ящиках V в. до н. э. В одном из них сохранилось неразграбленное погребение юноши-палестрита (Бейлин, Рукавишникова, Федосеев. 2018. С. 175–180).

Исследования поселения Городище 11 км открыли на площади более 3000 м² архитектурные остатки, уличные вымостки, хозяйственные ямы, каменные зернохранилища (Свиридов, Языков, Топоривская, Фролов. 2019. С. 187–203).

Раскопки античной усадьбы Манитра — исключительный случай, когда для сохранения выявленного объекта культурного наследия был изменён проект строительства объекта федерального значения: железнодорожное полотно перенесено почти на 100 м южнее. В настоящее время полностью раскопаны усадьба и прилегающий участок некрополя, выполнены консервационные работы для будущей музеефикации. Это редкий пример полностью исследованного в рамках новостроечной экспедиции памятника археологии (Ермолин, Буравлёв, Бонин. 2019. С. 105–141).

В настоящее время на территории Восточного Крыма работают до 15 экспедиций. Археологические исследования такого масштаба на

полуострове проводятся впервые. Их результаты вносят значительный вклад в изучение истории Боспорского царства и существенно пополняют фонды музея-заповедника.

Раскопки Пантикапея дали основание считать Керчь самым древним городом на территории РФ. В течение археологических сезонов 2015–2017 гг. Боспорской (Пантикапейской) экспедицией ГМИИ исследован участок культурного слоя мощностью до 1,5 м, площадью 180 м² (Древнейший Пантикапей. 2017. С. 11). Анализ находок позволил убедительно датировать основание милетской апойки — будущего Пантикапея — последней четвертью VII в. до н. э.¹

Малые города Боспора — Пантикапей, Мирмекий, Тиритака, Нимфей — входят в состав Восточно-Крымского музея-заповедника, премника Керченского музея древностей.

Открытие музея тесно связано с именем И. А. Стемпковского. В 2020 г. в ходе строительных работ на горе Митридат было обнаружено захоронение керчь-еникальского градоначальника. Рядом выявлены остатки фундамента часовни. Найденные в склепе человеческие останки идентифицированы и описаны сотрудником отдела теории и методики ИА РАН Т. В. Шведчиковой. Графическая и скульптурная реконструкция облика Стемпковского выполнена сотрудником Центра физической антропологии лаборатории пластической реконструкции А. В. Рассказовой².

Важнейшее направление работы музея-заповедника — научная реставрация и консервация. В 2016 г. все реставраторы прошли аттестацию в Министерстве культуры РФ, получив высокие квалификационные категории. Музей-заповедник сегодня — это региональный научно-практический и образовательный центр музейной реставрации.

С 2001 г. существует «Летняя школа реставрации камня» — студенческая практика, за время существования которой отреставрированы около 300 единиц хранения из коллекций лапидарных памятников и хозяйственного камня.

¹ Детальная информация о датировке древнейшего слоя и ранних сооружений Пантикапея изложена в научных Отчётах начальника Боспорской (Пантикапейской) экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина к. и. н. В. П. Толстикова, рецензированных и принятых Отделом полевых исследований Института археологии РАН. Приведенные данные, изложенные в докладе В. П. Толстикова и представленные на расширенном заседании Ученого Совета ИА РАН, не встретили возражений.

² Автор выражает благодарность за проведенные исследования директору ИА РАН Н. А. Макарову, руководителю Центра физической антропологии Д. А. Функу и приносит огромную признательность В. Д. Письменному и Е. А. Савостиной, руководителям Благотворительного фонда содействия охране и исследованию памятников археологии Северного Причерноморья и Приазовья «Артемиды», в полном объеме профинансировавшего выполненные работы.

После воссоединения Крыма и России реставрационная деятельность музея получила мощный импульс. По инициативе генерального директора Государственного Эрмитажа М. Б. Пиотровского организована программа «Эрмитажная школа реставрации», работающая с 2015 г. по настоящее время. Ежегодно в семинарах принимают участие реставраторы и хранители музеев Крыма и Краснодарского края.

Научно-исследовательская деятельность включает археологические исследования, фондовую и выставочную работы, подготовку статей, докладов для научно-практических конференций, издание каталогов музейных коллекций, научных сборников, музейного вестника, научно-популярных книг и альбомов; организацию 3 научно-практических конференций: «Военно-исторические чтения», «Музейные чтения», «Археология и история Боспора».

Отметим успешный проект реорганизации Лапидария из фондохранилища в музейный комплекс, где организована работа по различным направлениям музейной деятельности. Проект реализован благодаря финансовой поддержке БФ «Деметра» и «Артемиды», учрежденных В. Д. Письменным, а также заработанным коллективом музея-заповедника и бюджетным средствам. В Лапидарии функционируют стационарные экспозиции, создаются временные выставки, тематика которых объединена идеей презентации различных аспектов культуры населения Боспора. Эту же цель преследует музей-заповедник в деле музеефикации археологических памятников.

В 2017–2018 гг. утверждена концепция музеефикации и приспособления к современному использованию территории городища Пантикапей. На экскурсионных маршрутах по городищам Пантикапей, Мирмекий, Нимфей установлены информационные стенды. Внедрены новые экскурсионные маршруты, позволяющие наиболее полно познакомиться с культурой и бытом боспорских полисов.

Для сохранения и популяризации античного наследия Восточно-Крымский музей-заповедник объединил культурные учреждения в рамках Ассоциации (АГАН), в которую вошли 13 муниципальных образований, организаций и учреждений Юга России³. Важное направление её деятельности — организация научно-практических конференций и форумов.

Одна из самых острых проблем Керчи — искажение её архитектурного облика, сформировавшегося в начале XIX в. под влиянием

³ Анапа (Горгиппия), Геленджик (Торик), Евпатория (Керкинитиды), Керчь (Пантикапей), Мясниковский район Ростовской области (Танаис), Новороссийск (Бата), Севастополь (Херсонес), Симферополь (Неаполь Скифский), Таганрог (Кремны), Тамань (Фанагория), Феодосия, ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник», ГАУ «Деловой и культурный центр Республики Крым».

античных традиций. Долгие годы администрация города планомерно уничтожала исторические здания в центре города и объекты археологического наследия. Выдавались разрешительные документы на осуществление застройки в границах охранной зоны исторического ареала, а проектная документация приводилась в соответствие с законодательством уже по факту строительства. Государственным комитетом по охране культурного наследия РК были согласованы проекты, изначально не содержавшие раздел по обеспечению сохранности ОКН.

Принятый городской администрацией в 2018–2019 гг. Генеральный план включил исторический центр в зону деловой и коммерческой застройки, не установил защитные зоны ОКН. Очевидно, он принимался по формальному признаку, без учёта мнения специалистов в области архитектуры и охраны культурного наследия, с явными нарушениями законодательства.

Примеры нарушений законодательства — строительство гостинично-развлекательных комплексов в исторической части города, перекрывающий вид на Церковь Иоанна Предтечи и гору Митридат, здания медицинского центра над неисследованными захоронениями византийского периода, несанкционированная жилая застройка на муниципальных землях в границах ОКН федерального значения «Археологический комплекс „Древний город Нимфей“» и «Архитектурно-археологический комплекс „Древний город Пантикапей“».

При строительстве функционально-технического центра разрушены культурный слой и отвалы, содержащие фрагменты керамических сосудов, а находки из раскопок не сданы в фонды. Строительно-земляные работы производились без Разрешения (Открытого листа).

Предпочтение в проведении раскопок, разведок или наблюдений отдаётся коммерческим организациям, которые намеренно занижают стоимость услуг, что в конечном итоге приводит к неудовлетворительному качеству выполняемых ими работ.

Большинство исследований осуществляется единственной организацией ООО «Крымский региональный центр археологических исследований». Работы выполняются с нарушениями законодательства, без разрешения или под подложный Открытый лист, выданный на совершенно другой объект. Подтверждения этому — «Анкерное поле», проект реконструкции Большой Митридатской лестницы, реконструкция сквера «Алёнка» и прилегающей к храму Иоанна Предтечи территории (Умрихина. 2020. С. 32–34).

Необходимо решать проблему на законодательном уровне, запретив выдачу Открытых листов коммерческим фирмам на археологические работы в значимых исторических местах. Это право исключительно академических, научных и музейных учреждений. Выход из

сложившейся ситуации мы видим в создании на базе музея-заповедника научно-исследовательского археологического центра.

Уничтожению исторической застройки Керчи должна воспрепятствовать единая концепция развития города. Разработанная архитектором И. З. Лозинским концепция «Двухуровневого города» учитывает развитие всех инфраструктурных объектов и сохранение ОКН, включает воссоздание Музеума на горе Митридат и исторической застройки XIX в., что обеспечит защиту уникального наследия, полноценную работу археологов и сможет стать центром притяжения для керчан туристов (Лозинский. 2022. С. 427–435).

Керчь требует решения стратегических задач на уровне государства. Восточно-Крымский музей-заповедник стоит на страже античного наследия России и готов отстаивать свои позиции в борьбе за сохранение культурных и исторических ценностей.

Литература

- Бейлин Д. В., Рукавишникова И. В., Федосеев Н. Ф.* Элитный погребальный памятник Боспорского царства курган «Госпитальный» (По материалам новейших полевых исследований в Восточном Крыму) // БФ 2018. Ч. 1. С. 175–180.
- Быковская Н. В., Кучеревская Н. Л.* К вопросу о памятниках Керченского музея древностей, утраченных в годы Крымской войны // Научный сборник Восточно-Крымского музея-заповедника. Симферополь, 2022. С. 60–123.
- Толстиков В. П., Асташова Н. С., Ломтадзе Г. А., Самар О. Ю., Тугушева О. В.* Древнейший Пантикапей. От апойкии — к городу. М.: Перо, 2017.
- Ермолин С. А., Буравлёв С. А., Бонин А. В.* Археологические исследования 2018 г. на усадебном комплексе Манитра в Ленинском районе Республики Крым // Крым — Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг. Т. 1. М.: ИА РАН, 2019. С. 105–141.
- Ильина Т. А., Муратова М. Б., Ольховский С. В.* Терракотовая голова с мыса Ак-Бурун // БФ 2020. Ч. 2. С. 215–219.
- Лозинский И. З., Сулова О. А.* Керчь — город-набережная // Научный сборник Восточно-Крымского музея-заповедника. Симферополь, 2022. С. 427–435.
- Рукавишникова И. В., Бейлин Д. В., Федосеев Н. Ф., Воронов И. А.* Исследования кургана 4 курганной группы «Цементная слободка 1» в Керчи // ДБ. 2018. Т. 23. С. 171–189.
- Свиридов А. Н., Язиков С. В., Топоривская М. А., Фролов В. В.* Раскопки поселения Городище 11 км в 2017 году // Крым — Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг. Т. 1. М., 2019. С. 187–203.
- Умрихина Т. В.* Восточно-Крымский музей-заповедник: некоторые итоги, проблемы и перспективы развития // Научный сборник Восточно-Крымского музея-заповедника. Симферополь, 2022. С. 3–59.
- Федосеев Н. Ф.* Греки на Боспоре Киммерийском: 200 лет исследований. Симферополь: Бизнес-Информ, 2017.

VARIA

А. К. Каспаров

**ОХОТА НА ПТИЦ
НА ДВУХ ПРИБРЕЖНЫХ АНТИЧНЫХ ПАМЯТНИКАХ
ВОСТОЧНОГО КРЫМА¹**

Об остатках животных, обнаруживаемых на античных поселениях Восточного Крыма, сказано уже немало. Однако в археологических слоях присутствуют не только кости млекопитающих, но и кости птиц. Данное исследование представляет собой попытку первого обобщения накопленных данных по орнитофауне двух античных памятников Восточного Крыма — Нимфея и Мирмекия. Оба эти поселения находятся в современном городе Керчи. Первый в ближайшем южном пригороде, а второй непосредственно в черте города, в его северной части. Для исследования пока привлекаются именно эти два памятника, поскольку мониторинг остеологических остатков на них производится уже более 25 лет и за это время накопился значительный объём наблюдений, в том числе и по пернатым.

Прежде всего, следует заметить, что остатки птиц на античных поселениях никогда не бывают многочисленными. Количественно они во все периоды составляют не более 3–4 процентов. На поселениях Восточного Крыма, если считать в целом, для архаического времени процент птичьих остатков составлял в среднем 2,5%, во времена классики и эллинизма он упал в среднем до 1,6%, а в римское время снова увеличился до 2,5.

Видовой и количественный состав остатков авифауны в Нимфее и Мирмекии рассматривался по периодам. Первый временной интервал — от начала VI до конца IV в. до н. э., второй — с начала III в. до н. э. до рубежа эр и, наконец, третий хронологический период — римское время, начиная от рубежа нашей эры до конца III в. Более детальное хронологическое деление не представляется возможным, поскольку материала, датируемого с точностью хотя бы до ста лет,

¹ Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественно-научным данным» (FMZF-2022-0013).

имеется ничтожно мало в силу специфики залегания археологических слоев. Как правило, контексты, содержащие остеологические остатки и археологические артефакты, датируются более широко. Видовое определение птиц производилось во всех случаях А. В. Пантелеевым (Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург), которому автор выражает глубокую благодарность.

Результаты представлены в таблице 1. При взгляде на таблицу видно, что видовое разнообразие остатков пернатых чрезвычайно велико. Всего здесь представлено 74 вида. Однако в реальности количество видов птиц, которые становились добычей жителей этих двух поселений в античное время, несколько больше и достигает почти сотни. Не все виды включены в таблицу, потому что в некоторых случаях эти остатки датируются так, что их нельзя точно привязать к выделенным нами периодам.

Конечно, наиболее многочисленными остатками на обоих памятниках во все периоды являются остатки домашних кур. Однако, как понятно, к охоте они отношения не имеют. Несмотря на то, что количество диких видов очень велико, при внимательном взгляде на результат видно, что количество остатков некоторых из них заметно больше и, стало быть, на них охотились целенаправленно и постоянно, остатки же большинства других единичны и явно представляли собой случайную добычу или вообще попали в культурные слои естественным путем. Основной охотничьей добычей, вероятно, являлись 12 видов диких птиц: большой баклан, чомга, хохлатая чернеть, утка-кряква, гоголь, северная олуша, лебедь-шипун, серый гусь, чернозобая гагара, свиязь, стрепет и дрофа. За исключением последних двух видов, все остальные птицы из этого основного списка относятся к водоплавающим. Процентное соотношение остатков этих птиц в разные периоды на обоих памятниках представлено в таблице 2.

Краткое описание биологии этих основных видов по книге Ю. В. Косина «Птицы Крыма» (1983) таково:

Большой баклан. *Phalacrocorax carbo* L. Эта птица встречается у берегов Крыма круглый год. Вне гнездового района большой баклан ведет себя как морская птица, держась главным образом на глубоководных местах, вдали от берега. В середине июня становится обычным в наиболее кормных местах — Керченском проливе и местами на южном берегу. Вес птиц до 3^х килограммов.

Чомга. *Podiceps cristatus* L. В Крыму эта птица обитает, в основном, зимой. Как правило, на южном берегу полуострова, но встречается и в других местах. Массовый отлёт — в конце марта. Летом — единична.

Таблица 1

**Общий видовой и количественный состав остатков птиц
в Мирмекии и Нимфее в разные периоды
(видовое определение А. В. Пантелеева, ЗИН РАН, Санкт-Петербург)**

Обозначения сезонов пребывания вида на Крымском полуострове:
Л — лето; З — зима; В-О — весна и осень (на пролёте); отсутствие
обозначения — обитание круглогодичное или данных нет.

ВИДЫ ПТИЦ	МИРМЕКИЙ			НИМФЕЙ		
	VI–IV вв. до н. э.	III–I вв. до н. э.	I–III вв. н. э.	VI–IV вв. до н. э.	III–I вв. до н. э.	I–III вв. н. э.
Баклан большой <i>Phalacrocorax carbo</i>	9	32	64		4	5
Баклан малый <i>Phalacrocorax pygmaeus</i>			3		6	
Баклан хохлатый <i>Phalacrocorax aristotelis</i>		1				
Чайка серебристая <i>Larus cachinnans</i>		4	4		1	1
Чайка-хохотунья <i>Larus cachinnans</i>	3					
Чайка, бл. не опр. <i>Larus sp.</i>					1	
Ястреб-тетеревятник <i>Accipiter gentilis</i>	1		1			
Ястреб, бл. не опр. <i>Accipitridae indet.</i>		2			1	
Сип белоголовый <i>Gyps fulvus</i>					1	
Пустельга <i>Cerchneis tinnunculus</i>	2		13			
Канюк <i>Buteo buteo</i>		6				
Кобчик <i>Erythropus vespertinus</i>	1 Л					

ВИДЫ ПТИЦ	МИРМЕКИЙ			НИМФЕЙ		
	VI–IV вв. до н. э.	III–I вв. до н. э.	I–III вв. н. э.	VI–IV вв. до н. э.	III–I вв. до н. э.	I–III вв. н. э.
Орлан-белохвост <i>Haliaeetus albicilla</i>		13	13	13	13	13
Лунь болотный <i>Circus aeruginosus</i>					1	
Лунь луговой <i>Circus pygargus</i>		1 Л				
Орел степной <i>Aquila rapax</i>			3 Л			1 Л
Орел, бл. не опр. <i>Aquila sp.</i>			2			
Болотная сова <i>Asio flammeus</i>			13		23	
Сыч домовый <i>Athene noctua</i>			8		1	
Филин <i>Bubo bubo</i>			1			
Пеликан розовый <i>Pelecanus onocrotalus</i>		1 Л	5 Л			
Пеликан, бл. не опр. <i>Pelecanus sp.</i>	1		3			
Чомга <i>Podiceps cristatus</i>	73	553	173		73	53
Поганка серошекая <i>Podiceps griseigena</i>		73	23		13	23
Поганка красношейная <i>Podiceps auritus</i>		1	1			2
Поганка черношейная <i>Podiceps nigricollis</i>	3	2	14			
Шилохвость <i>Anas acuta</i>		23	13			
Утка кряква <i>Anas platyrhynchos</i>	73	283	613	13	13	43
Утка серая <i>Anas strepera</i>			1		1	
Казарка, бл. не опр. <i>Branta sp.</i>				1		

ВИДЫ ПТИЦ	МИРМЕКИЙ			НИМФЕЙ		
	VI–IV вв. до н. э.	III–I вв. до н. э.	I–III вв. н. э.	VI–IV вв. до н. э.	III–I вв. до н. э.	I–III вв. н. э.
Казарка краснозобая <i>Branta ruficollis</i>			1 В-О			
Гоголь <i>Viccephala clangula</i>	8 3	36 3	32 3		16 3	
Утка, бл. не опр. <i>Anatinae indet.</i>	3	24	13		1	1
Кулик, бл. не опр. <i>Charadriidae sp.</i>			1			
Широконоска <i>Anas clypeata</i>		7 3	6 3			
Чернеть морская <i>Aythya marila</i>		1 3				
Чернеть хохлатая <i>Aythya fuligula</i>	12 3	29 3	47 3		5 3	
Чирок- трескунок <i>Anas querquedula</i>	1 Л	2 Л	1 Л			
Пеганка <i>Tadorna tadorna</i>			2		3	
Олуша северная <i>Sula bassana</i>	5 В-О	16 В-О	4 В-О		5 В-О	6 В-О
Огарь <i>Casarca ferruginea</i>	2 л		1 Л			1 л
Коллица <i>Platalea leucorodia</i>			1 В-О			
Лысуха <i>Fulica atra</i>			4	1		
Луток <i>Mergus albellus</i>	2 3	2 3	5 3			
Лебедь-шипун <i>Cygnus olor</i>	22	21	27	4	5	3
Лебедь, бл. не опр. <i>Cygnus sp.</i>		1	1			
Крохаль большой <i>Mergus merganser</i>	1 3	5 3	1 3			
Крохаль средний <i>Mergus serrator</i>			1			

ВИДЫ ПТИЦ	МИРМЕКИЙ			НИМФЕЙ		
	VI–IV вв. до н. э.	III–I вв. до н. э.	I–III вв. н. э.	VI–IV вв. до н. э.	III–I вв. до н. э.	I–III вв. н. э.
Нырок обыкновенный <i>Aythya ferina</i>		2	1			4
Нырок белоглазый <i>Aythya nyroca</i>	8	8	1			
Гусь белолобый <i>Anser albifrons</i>	1 В-О		2 В-О	2 В-О	1 В-О	
Гусь серый <i>Anser anser</i>	3 3	7 3	8 3		4 3	
Гага <i>Somateria mollissima</i>			1			
Гагара краснозобая <i>Gavia stellata</i>		2 з	2 з			1 з
Гагара чернозобая <i>Gavia arctica</i>	5 3	11 3	4 3		4 3	
Ворона серая <i>Corvus cornix</i>	3	1	12	1	1	2
Ворон <i>Corvus corax</i>			1		2	
Галка <i>Corvus monedula</i>			6			
Скворец <i>Sturnus vulgaris</i> L			3			
Грач <i>Corvus frugilegus</i>	2		2			
Ласточка, бл. не опр. <i>Hirundinidae</i> sp.						9
Голубь сизый <i>Columba livia</i>	2	1	3	1	1	1
Дрозд-рябинник <i>Turdus pilaris</i>					1 3	
Каравайка <i>Ibis falcinellus</i>			2 В-О			
Камышница <i>Gallinula chloropus</i>		4 Л				
Вальдшнеп <i>Scolopax rusticola</i>		1 3				

ВИДЫ ПТИЦ	МИРМЕКИЙ			НИМФЕЙ		
	VI–IV вв. до н. э.	III–I вв. до н. э.	I–III вв. н. э.	VI–IV вв. до н. э.	III–I вв. до н. э.	I–III вв. н. э.
Куропатка серая <i>Perdix perdix</i>	1				1	1
Савка <i>Oxyura leucocephala</i>			1 О-В			
Свиязь <i>Anas penelope</i>	2 3	9 3	3 3		1 3	
Дубонос <i>Coccothraustes coccothraustes</i>			1 В-О			
Стрепет <i>Tetrax tetrax</i>	2 Л	2 Л	70 Л	1 Л	2 Л	2 Л
Дрофа <i>Otis tarda</i>	1	2	6	6	18	5
Гусь домашний <i>Anser anser domes</i>	3		6	14	3	2
Курица дом. <i>Gallus gallus domesticus</i>	33	159	229	9	96	80
ВСЕГО КОСТНЫХ ОСТАТКОВ	156	496	718	42	199	139

Чомга встречается преимущественно на прибрежных участках моря. Размер птицы невелик — примерно с дикую утку. Вес птицы около полукилограмма.

Хохлатая чернеть. *Aythya fuligala* L. Зимующая в Крыму утка. Покидает полуостров в течение первой половины апреля. Первое появление обычно осенью в сентябре. Вес немногим больше полукилограмма.

Утка кряква. *Anas platyrhynchos* L. Пролётная и зимующая в Крыму птица. Отлёт весной к началу апреля. Появляется к зиме, в конце сентября. До начала ледостава в северном Крыму обитает на внутренних водоёмах. Затем отлетает на Южный берег. Тяготеет к берегам прудов и артезианских скважин, низовьям речек, если там есть заросли тростника, рогоза или осок. Вес птицы может достигать полутора килограммов.

Гоголь. *Vulpes clangula* L. Зимующая в Крыму птица из семейства утиных. Представлена здесь с конца ноября до начала марта. Гоголи встречаются на пресных водоёмах, а также в море — как на глубоких, так и на мелких местах. Вес птиц от полукилограмма до килограмма.

Северная олуша. *Sula bassana* L. Крупная птица немногим меньше гуся. В настоящее время в черноморском регионе не встречается. Гнез-

Таблица 2

**Процентное соотношение основных видов диких птиц
в Мирмекии и Нимфее в разные периоды**

ВИДЫ	МИРМЕКИЙ			НИМФЕЙ		
	VI–IV вв. до н. э.	III–I вв. до н. э.	I–III вв. н. э.	VI–IV вв. до н. э.	III–I вв. до н. э.	I–III вв. н. э.
Большой баклан	5,8	6,5	8,9	–	2	3,6
Чомга	4,5	11,1	2,4	–	3,5	3,6
Хохлатая черныш	7,7	5,8	6,5	–	2,5	–
Кряква	4,5	5,6	8,5	2,4	0,5	2,9
Гоголь	5,1	7,3	4,5	–	8	–
Северная олуша	3,2	3,2	0,6	–	2,5	4,3
Лебедь-шипун	14,1	4,2	3,8	9,5	2,5	2,2
Серый гусь	1,9	1,4	1,1	–	2	–
Чернозобая гагара	3,2	2,2	0,6	–	2	–
Связь	1,3	1,8	0,4	–	0,5	–
Стрепет	1,3	0,4	9,7	2,4	1	1,4
Дрофа	0,6	0,4	0,8	–	9	3,6
ПРОЧИЕ ВИДЫ	46,8	50,1	52,2	85,7	64	78,4
Из них остатков кур	21,2	32,1	31,9	21,4	48,2	57,6

дится и обитает на обрывистых морских берегах. Питание — в основном рыба. Поскольку ареал её обитания сейчас северные широты, можно предполагать, что в Крым она попадала во время миграций, то есть в осеннее и весеннее время. Вес может достигать от двух до трёх с половиной килограммов.

Лебедь-шипун. *Cygnus olor Gm.* Встречается в Крыму круглогодично, однако в разные периоды года может концентрироваться в разных частях полуострова. Сейчас более или менее многочислен постоянно в Керчинитском заливе, в северо-западном Крыму. Однако в античное время был распространен, как видим, гораздо более широко. Предпочитает обширные мелководья, богатые донной растительностью, пустынные острова и косы. Может придерживаться морских берегов и долин рек. Вес птицы,

в зависимости от пола, от пяти с половиной до тринадцати килограммов.

Серый гусь. *Ancer ancer L.* Пролётная птица. Встречается на полуострове осенью и весной. На пролёте останавливается нечасто в северной части Крыма на открытых мелководьях, вдали от берегов. Весит от двух до четырех с половиной килограммов. По численности заметно уступает белолобому гусю. Можно отметить, что в античное время мы наблюдаем обратную ситуацию (таблица 1).

Чернозобая гагара. *Gavia arctica L.* Встречается в основном зимой. Летом исключительно редка. Появляется в начале октября, исчезает в конце апреля — начале мая. Пролётные и зимующие гагары держатся на прибрежных участках моря. Вес примерно от двух с половиной до трёх с половиной килограммов.

Свиязь. *Anas penelope L.* Эта небольшая утка присутствует в Крыму с середины осени до середины весны. Пролётная и зимующая птица. Во время зимовок массовые скопления на мелководных участках моря, закрытых небольшими заливами или прибрежных пресноводных водоёмах. Вес от полкило до полутора килограммов.

Стрепет. *Otis tetrax L.* Гнездящаяся перелётная птица. На зиму улетает, хотя единичные встречи в зимнее время отмечены. Отлёт поздней осенью. Прилёт — в конце марта. Для гнездования выбирает степные участки с богатым, но невысоким травостоем. В начале XIX века был весьма многочислен и заселял практически весь равнинный Крым. Стрепет примерно величиной с курицу. Весит от полукилограмма до килограмма.

Дрофа. *Otis tarda L.* Встречается в Крыму круглогодично. Обитает на любых равнинных пространствах с хорошо развитой травянистой растительностью. Еще в XIX веке была в Крыму весьма многочисленна. Размеры её достаточно велики: вес в зависимости от возраста и пола от четырёх до восьми килограммов.

Анализируя данные из обеих таблиц, можно сделать вывод, что предпочтения охотников на птиц этих двух античных полисов в целом были весьма сходны. Как видим, общее количество остатков птиц в Мирмекии почти в три раза превышает таковое на Нимфее (таблица 1). Стало быть, здесь охота на пернатых была развита гораздо сильнее. Само по себе это не удивительно, поскольку практически рядом с Мирмекием, с западной стороны, в античное и средневековое время находилось устье небольшой речки, вероятно заросшее камышом, в котором находили убежище многочисленные водоплавающие птицы. В Нимфее уголья такого рода, несомненно, тоже были, но, вероятно, меньшие по площади и не настолько богатые пернатой дичью.

Процент остатков хищных птиц в Мирмекии несколько больше — 3,2%, в то время как в Нимфее лишь 2,6%. Но при этом в Нимфее среди хищных птиц присутствуют такие виды, как белоголовый сип *Gyps fulvus* *Habl.* — весьма крупный орёл, размах крыльев которого достигает двух с половиной метров, а также степной орел *Aquila rapax* *Tem.* и орлан-белохвост *Haliaeetus albicilla* *L.* — не уступающие ему по размеру. Причём кости этих крупных пернатых хищников найдены в слоях разных хронологических периодов, что говорит о том, что это остатки нескольких особей, а не одного случайно убитого орла. На территории Мирмекии процент хищников больше, но это главным образом мелкие виды — ястреб, пустельга, луговой лунь. Есть и остатки крупных орлов, но в относительно меньшем количестве.

Вызывает удивление заметный процент в материалах с обоих памятников остатков чомги и вообще птиц, относящихся к семейству поганковых (*Podicipediformes*). Дело в том, что мясо их съедобно, однако имеет весьма неприятный вкус и в обычной жизни в пищу не употребляется. Однако в нескольких случаях на костях чомги были отмечены следы от ножа. То есть целенаправленная добыча её человеком и последующая разделка очевидны. Однако, может быть, это производилось не с кулинарными, а с ритуальными целями, учитывая необычный вид этой некрупной птицы. Или ситуация с продуктами в эти периоды у конкретных охотников была настолько плохая, что в пищу употребляли всё, что удавалось добыть, невзирая на гастрономическое качество добычи.

Множество других видов пернатых, остатки которых обнаружены в Мирмекии и Нимфее, частично представляют собой, видимо, объект эпизодической охоты, а частично могли попасть в слои случайно, как, например, остатки ласточек, дрозда, вороны или скворца. Так или иначе, но 85% видов, обнаруженных в археологических слоях обоих памятников, связаны с морским побережьем, где, вероятно, и осуществлялась охота.

В таблице 1 для всех включенных в неё видов рядом с количеством их костей обозначен сезон, когда вид встречается в Крыму. Видно, что из 63 определенных до вида диких птиц количество видов, добываемых только зимой, заметно больше (таблица 3). В Нимфее в VI–IV вв. до н. э. и в римское время ситуация не столь очевидная, однако численность птичьих костей из этих слоёв не велика, и данные получаются весьма скудные. Там же, где коллекции остеологических остатков более или менее многочисленны, эта закономерность соблюдается всегда.

Таблица 3

**Количество видов птиц, обитающих в разные сезоны года
в Мирмекии и Нимфее, по периодам**

СЕЗОНЫ ГОДА	МИРМЕКИЙ			НИМФЕЙ		
	VI–IV вв. до н. э.	III–I вв. до н. э.	I–III вв. н. э.	VI–IV вв. до н. э.	III–I вв. до н. э.	I–III вв. н. э.
Зима	9	16	15	2	11	4
Лето	4	5	5	1	1	3
Межсезонье	2	1	7	1	2	1

Итак, охота на птиц в Мирмекии и Нимфее практически не отличается. Здесь добывалось множество видов пернатых, но предпочтение отдавалось птицам более или менее крупного размера, в основном водоплавающим, особенно образующим на зимовках большие скопления. Охота происходила, вероятно, на морском берегу или, реже, на близлежащих пресноводных водоемах. В степи охотились на стрепета в летнее время и на дрофу, которую могли добывать весь год. В некоторых случаях добывались и птицы, считающиеся в настоящее время несъедобными: баклан, чомга, крупные и мелкие хищники. Хищников, возможно, добывали для принесения в жертву. Например, крупных орлов могли жертвовать Зевсу, который прочно ассоциируется с этой птицей.

Охота на птиц происходила главным образом зимой. В наших сборах количество добытых видов, обитающих на полуострове в зимнее время, всегда больше, чем тех, кто появляется в Крыму летом или в межсезонье. Однако и среди тех птиц, которые обитают в Крыму круглогодично, некоторая часть тоже могла быть добыта зимой, и, таким образом, общая доля видов, добытых в зимнее время, ещё увеличивается. Такая ситуация существовала и в более поздние периоды. Например, на поселении Китей в слоях IV–V вв. н. э. количество видов птиц, добываемых в холодное время года, также заметно больше (Каспаров, Хршановский. 2021. С. 231–232).

В целом, мясо птиц составляло в рационе древних обитателей полисов не очень большую долю, даже учитывая, что разведение домашних кур не прекращалось в течение всего периода существования обоих поселений. Доля остатков домашних кур от классического до римского времени неуклонно возрастает на обоих памятниках.

Однако при этом охота на диких пернатых практиковалась постоянно, несмотря на изменения в регионе со временем природных условий и политической ситуации.

Литература

Каспаров А. К., Христановский В. А. Фаунистические остатки диких животных из позднеантичного некрополя и «аланский след» на Китее IV–V вв. н. э. // ДБ. 2021. Т. 26. С. 225–245.

Костин Ю. В. Птицы Крыма. М.: Наука, 1983.

*В. В. Вахонеев, В. В. Глазунов,
А. А. Букатов, В. В. Панченко*

**К ВОПРОСУ О ВОДОСНАБЖЕНИИ ХЕРСОНЕСА
В АНТИЧНЫЙ И СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПЕРИОД
(ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК ЮЖНОГО ПРИГОРОДА
ХЕРСОНЕСА В 2021–2023 ГГ.)¹**

Наличие запасов пресной воды — один из основных критериев, которым руководствовались греческие колонисты и мореходы, основывая новые поселения в удобных для укрытия судов бухтах (Mauro. 2019. P. 26). Карантинная бухта, на западном берегу которой располагается Херсонес Таврический, является продолжением затопленных морем устьев глубоко врезанных балок. Балки являлись естественным водотоком, собиравшим влагу с обширного участка Гераклеяского плато. Водоносные слои здесь залегают неглубоко от поверхности. Во время раскопок на городище и сельскохозяйственной территории обнаружены многочисленные колодцы и цистерны для сбора питьевой воды. По мере роста территории и населения города в первых веках нашей эры потребности в пресной воде постоянно возрастали. В I в. до н. э. — I в. н. э. подъём уровня моря сказался на качестве воды в некоторых колодцах Херсонеса. Кроме того, рост населения перегрузил все городские и окрестные колодцы, что ухудшило их санитарное состояние (Подгородецкий. 1994. С. 28; Ковалевская, Седикова. 2005. С. 76). Решению этой проблемы способствовала прокладка многокилометрового водопровода при помощи римских властей и специалистов, а также строительство водохранилищ (Кадеев. 1996. С. 27; Ковалевская, Седикова. 2005. С. 71–76).

На протяжении 2021–2023 гг. были проведены масштабные археологические работы в границах выявленного объекта культурного наследия «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический» на месте проектируемого историко-археологического парка комплексной археологической экспедицией под руководством С. Л. Соловьёва (Соловьёва, Мыц, Соловьёв. 2021; Соловьёва, Соловьёв, Мыц. 2022). Общая площадь раскопок составила более 8 га. Ранее доминировало

¹ Работа выполнена при поддержке программы Приоритет-2030 Севастопольского государственного университета (стратегический проект № 3).

мнение, что территория южного пригорода в основном использовалась в качестве некрополя. Однако проведенные в 2021–2023 гг. исследования позволили откорректировать наши представления об этой территории.

Силами комплексной экспедиции были открыты культурные слои и более тысячи археологических объектов. Безусловно, в определенные периоды времени (в основном в римский и раннесредневековый периоды) южный пригород действительно использовался для нужд некрополя. В остальное же время тут функционировали разнообразные хозяйственные и даже производственные постройки, среди которых особое место занимают гидротехнические сооружения для запасов воды (цистерны и колодцы).

Фактически, раскопками в южном пригороде был вскрыт «водозаборный узел» древнего Херсонеса, состоящий из большого количества античных и средневековых колодцев. Расположение их приурочено как к тальеговой зоне балки (выкопанные в грунте колодцы), так и к бортовым её частям (вырубленные в скале колодцы). Примечательным у большинства вырубленных в скальном массиве колодцев является наличие ниши в пределах выхода подземных вод — карстовые полости, образованные в зоне основного движения подземных вод, преимущественно пресных по составу. Глубина каверн в стенке до 0,3–0,5 м от края. Заполнение колодцев водой неравномерное. Преимущественно вода фиксируется в пределах ниш и ниже.

На данный момент на южном пригороде Херсонеса исследовано более 180 колодцев и цистерн. Анализ материалов из их заполнения, условия и места расположений ещё только предстоит выполнить после окончания полевых работ экспедиции, однако уже сейчас можно сделать предварительные выводы.

Самые ранние колодцы и цистерны были сооружены в первой половине IV в. до н. э. Всего открыто около 10 комплексов этого периода. Некоторые из них функционировали и в III в. до н. э. Очевидно, вода из этих колодцев могла использоваться для функционирования керамика в северо-восточной части южного пригорода, где изготавливались амфоры и столовая посуда. Позднеэллинистические объекты II–I вв. до н. э. на территории южного пригорода на данный момент единичны. Около четверти всех выявленных объектов были сооружены в I–III вв. Примечательно, что именно в это время южный пригород активно используется в качестве некрополя, а также участка для совершения обряда кремаций на специально подготовленных для этого площадках.

Следующий этап использования территории южного пригорода Херсонеса для водоснабжения можно отнести к VIII–IX вв. Зачастую

колодцы этого периода располагались в тальвеге балки и имели круглую каменную обкладку из плохо обработанных камней. Как правило, в заполнении колодцев доминировали фрагменты амфор причерноморского типа и с зональным рифлением. Отдельная категория колодцев относится к X–XII вв. В заполнении доминируют находки амфор Gunsenin 2 и кувшинов таманского типа. Наконец, засыпка самых поздних колодцев относится ко второй половине XIII в. и, возможно, связана с датой гибели византийского Херсона в 1278 г. (Соловьёв, Байбурсткий, Мыц, Турова, Ушаков. 2022. С. 165–166).

Результаты археологических и комплексных геолого-гидрогеологических работ на территории южного пригорода позволяют дать всестороннюю оценку роли расположенной на этом месте балки для водоснабжения Херсонеса (Технический отчёт. 2023).

Инженерно-геологические исследования показали, что геологическое строение склонов и тальвега балки представлено известняками эпохи миоцена сарматского яруса (N1sII) и глинами бессарабской свиты (N1bs), которые неравномерно перекрыты четвертичными суглинками различного генезиса. Вышележащие отложения сформированы грунтами насыпного слоя техногенного генезиса (tQh). Насыпной грунт, включающий слои суглинка, с дресвой и щебнем известняка и строительным мусором, на некоторых участках перекрывает культурный слой и геологические отложения балки.

Тальвег и борта балочного понижения образовались в результате тектонического разлома, который прослеживается в известняковом массиве вдоль балки, и благодаря взбросо-сбросовым неотектоническим движениям. Балка, расширяясь, выходит к Карантинной бухте, пересекая оборонительную стену и прибрежную зону застройки Херсонеса. На основании батиметрии дна бухты можно заключить, что бухта в древности имела ответвление, к которому примыкала данная балка. Наблюдаемый эрозионный врез в виде лагуны свидетельствует о наличии ранее постоянного водотока вдоль балки (Технический отчёт. 2023. С. 28).

Поверхность тальвега балки понижается в западном направлении под углом 3–4 градусов. При этом угол падения моноклинально залегающих пластов известняка, формирующих борта тальвега, составляет 3–4 градуса в западном направлении. Эти геоморфологические особенности балки проявились после удаления техногенных накоплений и культурного слоя с поверхности известняка. Современные техногенные преобразования затронули только верхнюю часть отложений и практически не нарушили естественные гидрогеологические условия балки.

При раскопках в тальвеге балки вскрыты толщи илистых накоплений, мощность которых превышает 2–3 м, что указывает на существо-

вание естественного водотока, а также постепенное его заболачивание и высыхание. Разгрузка водоносного горизонта происходила не только в сторону тальвега балки, но и в северо-восточном направлении, завершаясь в зоне морского побережья Карантинной бухты.

Водоносный горизонт безнапорного типа приурочен к трещинно-карстовым и пластовым водам, распространенным в пределах блоковых разрывных нарушений. На основании анализа тектонических, геологических и гидрогеологических условий балки установлено наличие двух водоносных горизонтов. Основной горизонт, трещинно-карстового типа, имеет площадной характер, является безнапорным и распространён в пределах дна балки. Вторичный водоносный комплекс приурочен к левому склону балочного понижения, характеризуется фильтрационно-пластовым типом распространения, безнапорный и имеет гидравлическую связь с основным водоносным горизонтом. Водовмещающими грунтами выступают известняки слоистой текстуры.

Соответственно, на участке наблюдаются два режима фильтрации подземных вод, связанные с основным, тальвеговым, и вспомогательным, склоновым, водоносными горизонтами. Оба выделенных режима носят сезонный характер, зависят от атмосферных осадков, гидродинамических процессов и техногенного воздействия.

Основной водоносный горизонт имеет постоянный приток в среднем объёме до $25 \text{ м}^3/\text{сут.}$ (максимальный до $36 \text{ м}^3/\text{сут.}$) при понижении всего до $0,3 \text{ м}$. При этом вода по химическому составу преимущественно гидрокарбонатная. Питание водоносного горизонта происходит в основном за счёт инфильтрации выпавших атмосферных осадков на значительной водосборной площади. Разгрузка его происходит в расчищенном понижении по тальвегу балки в виде ряда родников со средним дебитом до $0,4 \text{ л/с}$. Разгрузка основного водоносного горизонта осуществляется в акваторию моря.

В пределах северного участка балки на месте южного пригорода Отделом междисциплинарных исследований ГИИМЗ «Херсонес Таврический» в 2021 г. выполнены геофизические исследования для оценки возможности применения электроразведки с целью картирования погребенных водоносных, палеогеоморфологических и геологических структур исследуемого участка.

Полевые наблюдения осуществлены методом электротомографии с электроразведочной многоэлектродной аппаратурой «Скала 48K12». Поверхность съёмки соответствовала насыпному слою. Линия профиля наблюдений пересекала балку и проходила вдоль северной бровки раскопа. На полученном геоэлектрическом разрезе отчетливо проявилась геоэлектрическая структура разреза, отражающая рельеф

и изменения влажности массива известняков, подстилающих насыпные грунты. Полученные результаты продемонстрировали высокую эффективность метода электротомографии для картирования рельефа погребенной палеодолины балки и выявления наиболее обводненных тектонически ослабленных зон массива известняков.

Таким образом, результаты археологических и комплексных геолого-гидрогеологических работ на территории южного пригорода показывают, что этот участок имел важнейшее значение для снабжения города пресной водой. Дальнейшие электротомографические исследования в Портовом районе Херсонеса должны дополнить и уточнить эту информацию.

Литература

- Кадеев В. И.* Херсонес Таврический. Быт и культура. Харьков: Бизнес Информ, 1996.
- Ковалевская Л. А., Седикова Л. В.* К вопросу о водоснабжении Херсонеса в позднеантичную эпоху // МАИЭТ. 2005. Вып. 11. С. 71–93.
- Подгородецкий П. Д.* Природа западного Крыма в античную эпоху // Северо-западный Крым в античную эпоху. Киев: Киевская академия евробизнеса, 1994. С. 11–29.
- Соловьёв С. Л., Байбурсткий А. М., Мыц В. Л., Турова Н. П., Ушаков С. В.* Новый археологический комплекс второй половины XIII в. из раскопок в Южном пригороде Херсонеса Таврического // Византийский «круг земель»: тезисы докладов XXXIII Всероссийской научной сессии византинистов РФ. Симферополь, 2022. С. 165–166.
- Соловьёва Н. Ф., Мыц В. Л., Соловьёв С. Л.* Южный пригород Херсонеса Таврического (предварительные итоги археологических раскопок в 2021 г.) // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН (Охранная археология). Т. 11. СПб.: Невская типография, 2021. С. 183–188.
- Соловьёва Н. Ф., Соловьёв С. Л., Мыц В. Л.* Краткие результаты раскопок в южном пригороде Херсонеса Таврического в 2022 г. // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН (Охранная археология). Т. 12. СПб.: Невская типография, 2022. С. 161–169.
- Технический отчёт по результатам инженерно-геологических изысканий для подготовки проектной и рабочей документации по объекту: Историко-археологический парк «Херсонес Таврический», расположенный по адресу: г. Севастополь, ул. Ерошенко, 19 (шифр объекта: 21/673-Х). 22.1–23. ИГИ. Том 1. ООО «Крымспецгеология».
- Mauro C. M.* Archaic and Classical Harbours of the Greek World. The Aegean and Eastern Ionian contexts. Oxford, 2019.

IN MEMORIAM

Владимир Иванович Кац

В. И. Кац. Афины. Март 2010 г.

31 января 2023 г. не стало прекрасного учёного, выдающегося керамического эпиграфиста, эрудита, прирожденного педагога, талантливого преподавателя и просто замечательного человека — Владимира Ивановича Каца.

Практически вся его жизнь была связана с Саратовом. Ещё в школе увлекшись историей, в 1954 г. Владимир Иванович поступил на вечернее отделение исторического факультета Саратовского госуниверситета. После получения диплома в 1959 г. в течение трёх лет по распределению работал в средней школе г. Мыски Кемеровской области, а спустя три года, с 1962 по

1965 г. обучался в аспирантуре в Московском областном пединституте им. Н. К. Крупской. Формальным руководителем была назначена Ю. С. Крушкол, но фактически работа над диссертацией «Внешняя торговля в экономике античного Херсонеса (V–II вв. до н. э.)» осуществлялась при активном участии Б. Н. Гракова. Защита состоялась в Воронежском госуниверситете в 1969 г. Годом ранее Владимир Иванович был приглашён на родную кафедру истории Древнего мира СГУ, на которой и проработал до 2013 г.

Интерес к античной истории проявился у студента Каца не сразу. Не последнюю роль в этом сыграло то, что лекции по первобытной истории и археологии его курсу читал Иван Васильевич Сеницын, специалист по археологии Нижнего Поволжья. Только после 3-го курса для студентов-историков, специализировавшихся на кафедре, была организована археологическая практика в Херсонес Таврический,

сыгравшая столь значимую роль в жизни не только Владимира Ивановича, но и всей будущей школы античной археологии в Саратовском университете. В качестве темы дипломного сочинения была выбрана «Роль внешней торговли в экономике Херсонеса Таврического в эпоху поздней классики и эллинизма». Для полноценного раскрытия темы требовалась работа с отчетами К. К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках Херсонеса, которые находились в архиве Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Будучи студентом четвертого курса, В. И. Кац впервые попадает в стены ЛОИА. В дальнейшем на протяжении многих лет он неоднократно обращался к архивным делам, справедливо считая, что наши архивы чрезвычайно богаты и в них порой можно обнаружить «жемчужные зёрна» (Кац. 2007. С. 75), и, кроме того, приучал к работе с делами своих учеников, собиравшихся продолжать научную карьеру после окончания университета. В работах Владимира Ивановича нашли отражение несколько сюжетов, «раскрученных» благодаря тщательной и внимательной работе с документами. Это и начало раскопок Херсонеса (Кац. 2014. С. 353–364), и история изучения К. К. Косцюшко-Валюжиничем херсонесских клейм и сложность его взаимоотношений с И. И. Маховым (Кац. 2007. С. 59–71). Не менее примечательным оказался сюжет с «кладом золотых изделий» (Šhcheglov, Katz. 1991. С. 97–121).

С Ленинградом, а впоследствии с Санкт-Петербургом Владимира Ивановича связывал не только интерес к архивным документам. На протяжении многих десятилетий сначала один, а затем с учениками он активно работал с коллекциями материалов, находящихся на хранении в ЛОИА/ИИМК и в Государственном Эрмитаже. Об «экзотических условиях» работы с амфорной коллекцией Эрмитажа Владимир Иванович часто вспоминал (Кац. 2022. С. 6).

Немаловажную роль в судьбе В. И. Каца сыграло знакомство с Александром Николаевичем Щегловым, состоявшееся в середине 1960-х гг., когда он возглавлял Отдел раскопок Херсонесского музея. В те годы А. Н. уже создал Тарханкутскую экспедицию, ставшую впоследствии одной из лучших и крупнейших советских археологических экспедиций. По воспоминаниям Владимира Ивановича, они, будучи практически ровесниками, сразу нашли общий язык и сохраняли дружеские отношения на протяжении нескольких десятилетий. В 1965 г. В. И. Кац впервые попал на Тарханкут в рамках ознакомительной поездки, которая заняла лишь несколько дней, а уже на следующий год привез с собой нескольких студентов Воронежского университета. В тот период это были небольшие разведочные работы

на полуострове, основными задачами которых было составление карты памятников и, самое главное, выбор достойного объекта для широкомасштабных исследований. После небольшого перерыва, связанного с окончанием работы над диссертацией, с 1971 по 1992 г. В. И. Кац с отрядами саратовских студентов, проходивших археологическую практику, принимал непосредственное участие в работе Тарханкутской экспедиции по исследованию поселения и некрополя Панское-1. В рамках работы этой экспедиции была выработана методика обработки и анализа массового археологического материала, которая получила законченное выражение в итоговых публикациях (Panskoye I. 2002; Монахов. 2016).

В дальнейшем В. И. Кац принимал активное участие в работе археологических экспедиций на целом ряде памятников Азиатского Боспора: Горгиппии, Фанагории, Волны-1, Вышестеблиевской-11 и др.

На протяжении десятилетий научной деятельности предмет исследований Владимира Ивановича не менялся. Основные его усилия были направлены на изучение амфорных клейм. В области керамической эпиграфики он стал выдающимся учёным, снискавшим признание не только в России, но и за рубежом. Его работы являются настольными для большинства археологов античности. В 1994 г. была опубликована монография В. И. Каца «Керамические клейма Херсонеса Таврического» (Кац. 1994), которая является первым в науке исчерпывающим каталогом и аналитическим исследованием этого важнейшего археологического источника. В 2007 г. увидела свет следующая фундаментальная его монография «Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения)» (Кац. 2007). В ней нашёл отражение многолетний опыт автора по работе с амфорными клеймами, изложено современное состояние разработок по хронологии клейм основных центров-производителей керамической тары. Эта книга является на сегодняшний день единственным в мировой историографии трудом, охватывающим практически все центры, клеймившие керамическую тару в Средиземноморье и Причерноморье. В 2015 г. появилась следующая монография «Керамические клейма Азиатского Боспора. Часть I. Горгиппия и её хора, Семибратнее городище» (Кац. 2015).

Владимир Иванович продолжал работать практически до последних дней. Несмотря на проблемы со здоровьем, он готовил статьи, завершал работу над книгой воспоминаний или, как он её называл, «Книгой исторических детективов», дистанционно принимал участие в работе научных конференций.

Замечательный учёный, прекрасный педагог и интереснейший человек, память о нём навсегда останется в сердцах тех, кому посчастливилось встретить его на своём жизненном пути, и тем более тех, кто имел счастье работать с ним.

С. Ю. Монахов

Е. В. Кузнецова

Литература

- Кац В. И.* Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1994.
- Кац В. И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // *БИ*. 2007. Т. XVIII. 480 с.
- Кац В. И.* Начало раскопок Императорской Археологической Комиссии в Херсонесе Таврическом // *Stratum Plus*. 2014. № 3. С. 353–364.
- Кац В. И.* Керамические клейма Азиатского Боспора. Часть I. Горгияпия и её хора, Семибратнее городище / С. Ю. Монахов, Н. А. Павличенко (ред.). Саратов: Саратовский ун-т, 2015. 180 с.; электр. каталог.
- Кац В. И.* Юбилей Монахова 70. URL: <https://www.sgu.ru/structure/archiology/yubiley-monahova-70> (дата обращения: 30.05.2023).
- Монахов С. Ю.* Комплекс транспортных амфор из поселка У7 поселения Панское I // *Stratum Plus: Archaeology and Cultural Anthropology*. Санкт-Петербург; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2016. № 3. С. 309–343.
- Šhcheglov A. N., Katz V. I.* A Fourth-century B.C. Royal kurgan in the Crimea // *Metro-politan Museum Journal*. 1991. Vol. 26. P. 97–121.
- Panskoye I.* The Monumental Building U6 / L. Hannestad, V. Stolba, A. Šhcheglov (eds.). Aarhus: Aarhus University Press, 2002. Т. 1. Text. — 368 p. Т. 2. — 198 pl.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ¹

Балахванцев Арчил Савелич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Центром археологии доисламского Востока Института востоковедения Российской академии наук. Москва.

E-mail: balakhvantsev@gmail.com

Бейлин Денис Владиславович — научный сотрудник Института археологии Крыма Российской академии наук. Симферополь, Керчь.

E-mail: denis_beylin1979@mail.ru

Белик Юрий Леонидович — кандидат исторических наук, начальник научно-исследовательского отдела «Керченская крепость» Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Керчь.

E-mail: arhmuseum1826@yandex.ru

Бехтер Анастасия Петровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук. Санкт-Петербург.

E-mail: anabekhter@gmail.com

Болгов Николай Николаевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Национального исследовательского университета «БелГУ» (Белгородский государственный национальный исследовательский университет), ведущий научный сотрудник НОЦ «Археологические исследования» СевГУ (Севастополь). Белгород.

E-mail: bolgov@bsu.edu.ru

Болгова Анна Михайловна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории Национального исследовательского университета «БелГУ» (Белгородский государственный национальный исследовательский университет). Белгород.

E-mail: bolgova@bsu.edu.ru

¹ Редколлегия благодарит всех участников конференции за предоставленные сведения о себе, которые сыграли важную роль в оперативной связи редколлегии с авторами. В публикуемом списке мы приводим для связи с авторами только научное звание, должность, место работы и адрес электронной почты, соблюдая принцип конфиденциальности личной информации.

Букатов Андрей Алексеевич — заведующий Отделом подводной археологии ГИИМЗ «Херсонес Таврический», старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Междисциплинарные исследования прибрежной зоны» Института перспективных исследований Севастопольского государственного университета. Севастополь.
E-mail: bukat@list.ru

Букина Анастасия Геннадьевна — доктор искусствоведения, научный сотрудник Отдела античного мира Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.
E-mail: Bukina.AG@hermitage.ru

Бутягин Александр Михайлович — заведующий сектором античной археологии Отдела античного мира Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.
E-mail: butyagin@gmail.com

Вахонеев Виктор Васильевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории материальной культуры Российской академии наук, заведующий научно-исследовательской лабораторией «Междисциплинарные исследования прибрежной зоны» Института перспективных исследований Севастопольского государственного университета. Севастополь.
E-mail: vvvkerch@mail.ru

Виноградов Юрий Алексеевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории античной культуры Института истории материальной культуры Российской академии наук. Санкт-Петербург.
E-mail: vincat2008@yandex.ru

Винокуров Николай Игоревич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории Древнего мира и Средних веков им. проф. В. Ф. Семёнова, директор Центра археологических исследований Московского педагогического государственного университета. Москва.
E-mail: vinokurovnl@list.ru

Внуков Артём Андреевич — документовед учебно-научной лаборатории «Палата древностей» Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого. Тула.
E-mail: mr.grandson@yandex.ru

Гиблова Анастасия Андреевна — лаборант Отдела античного мира Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.
E-mail: giblovaaa@yandex.ru

Глазунов Владимир Васильевич — доктор технических наук, профессор кафедры геофизики Санкт-Петербургского горного университета, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Междисциплинарные исследования прибрежной зоны» Института перспективных исследований Севастопольского государственного университета. Санкт-Петербург.
E-mail: vvglazounov@mail.ru

Горончаровский Владимир Анатольевич — доктор исторических наук, заведующий Отделом истории античной культуры Института истории материальной культуры Российской академии наук. Санкт-Петербург.

E-mail: goronvladimir@yandex.ru

Дедюлькин Антон Владимирович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра археологии доисламского Востока Института востоковедения Российской академии наук. Москва.

E-mail: donrumata@inbox.ru

Егорова Татьяна Валерьевна — кандидат исторических наук, преподаватель кафедры археологии исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Москва.

E-mail: tvegoova@yandex.ru

Журавлев Денис Валерьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологических памятников Государственного исторического музея, сотрудник Национального исследовательского центра «Курчатовский институт». Москва.

E-mail: denzhuravlev@mail.ru

Завойкин Алексей Андреевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела классической археологии Института археологии Российской академии наук. Москва.

E-mail: bospor@inbox.ru

Зайцев Юрий Павлович — кандидат исторических наук, лауреат Государственной премии Республики Крым в области науки, директор ГБУ РКУ ИАМЗ «Неаполь Скифский». Симферополь.

E-mail: skilur46@mail.ru

Застрожнова (Панкратова) Евгения Григорьевна — кандидат исторических наук, заведующая Отделом обработки фондов, комплектования и ведомственных архивов Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук. Санкт-Петербург.

E-mail: pankratova0484@yandex.ru

Зубарев Виктор Геннадьевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого. Тула.

E-mail: parosta@mail.ru

Зуев Вадим Юрьевич — кандидат исторических наук, лауреат Государственной премии Российской Федерации в области науки, сотрудник редколлегии международного журнала *Stratum +*. Санкт-Петербург.

E-mail: vadim.zuev.1964@mail.ru

Иванов Алексей Владимирович — археолог, ведущий специалист ООО «Южный региональный центр археологических исследований». Краснодар.

E-mail: ivanov_arx@mail.ru

Ильина Татьяна Анатольевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва.

E-mail: ta-ilyina@yandex.ru

Ильина Юлия Ивановна — старший научный сотрудник Отдела античного мира Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.

E-mail: iouliailiyina@gmail.com

Каспаров Алексей Каспарович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующий Лабораторией археологической технологии Института истории материальной культуры Российской академии наук. Санкт-Петербург.

E-mail: alexkas@yahoo.com

Кашаев Сергей Владимирович — младший научный сотрудник Отдела истории античной культуры Института истории материальной культуры Российской академии наук. Санкт-Петербург.

E-mail: kashaevs@mail.ru

Клемешова Марина Евгеньевна — младший научный сотрудник Отдела сохранения археологического наследия Института археологии Российской академии наук. Москва.

E-mail: marinaklem@mail.ru

Колосов Владимир Павлович — младший научный сотрудник Отдела античного мира Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.

E-mail: tepavi@yandex.ru

Кузнецова Елена Владимировна — кандидат исторических наук, хранитель фондов Института археологии и культурного наследия Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. Саратов.

E-mail: ev_kuznetsova@list.ru

Куликов Алексей Владиславович — научный сотрудник Института археологии Крыма Российской академии наук. Симферополь, Керчь.

Кучеревская Нина Львовна — кандидат культурологии, заведующая отделом «Лапидарий» ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник». Керчь.

E-mail: kucherevskij@rambler.ru

Лимберис Наталья Юрьевна — старший научный сотрудник Научно-исследовательского института археологии Кубанского государственного университета. Краснодар.

E-mail: limberis2@mail.ru

Ломтадзе Георгий Альбертович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Государственного Исторического музея. Москва.

E-mail: gylomtadze@mail.ru

Лысенко Александр Владимирович — младший научный сотрудник Отдела археологии раннего железного века Института археологии Крыма Российской академии наук. Симферополь.

E-mail: A-Lysenko@mail.ru

Майко Вадим Владиславович — доктор исторических наук, директор Института археологии Крыма Российской академии наук. Симферополь.

E-mail: vadimmaiko1966@mail.ru

Маркова Кристина Олеговна — магистрант Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого. Тула.

Марченко Иван Иванович — кандидат исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета. Краснодар.

E-mail: meot@mail.ru

Масленников Александр Александрович — доктор исторических наук, заведующий Отделом полевых исследований Института археологии Российской академии наук. Москва.

E-mail: iscander48@mail.ru

Масякин Вячеслав Вадимович — научный сотрудник Института археологии Крыма Российской академии наук. Симферополь, Керчь.

Махлаюк Александр Валентинович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Древнего мира и Средних веков Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Нижний Новгород.

Могучева Мария Романовна — магистрант Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого. Тула.

Молева Наталья Владимировна — кандидат исторических наук, доцент, независимый исследователь. Нижний Новгород.

E-mail: molev.eugeny@yandex.ru

Монахов Сергей Юрьевич — доктор исторических наук, профессор, руководитель Института археологии и культурного наследия, заведующий кафедрой истории Древнего мира Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. Саратов.

E-mail: monachsj@mail.ru

Муратова Майя Борисовна — доктор философии (PhD), доцент факультета искусства и истории искусств университета Аделфай; исследователь Отдела искусства Греции и Рима, Музей Метрополитен. США, Нью-Йорк.

E-mail: maya.muratov@nyu.edu

Никифорова Людмила Александровна — учёный секретарь Отдела экспозиционно-выставочной работы Музея изобразительных искусств Республики Карелия. Петрозаводск.

E-mail: nikiforova1903@mail.ru

Павличенко Наталья Андреевна — старший научный сотрудник Отдела истории античной культуры Института истории материальной культуры Российской академии наук. Санкт-Петербург.

E-mail: nat.pavlichenko@gmail.com

Панченко Вадим Владимирович — научный сотрудник Отдела междисциплинарных исследований ГИАМЗ «Херсонес Таврический», научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Междисциплинарные исследования прибрежной зоны» Института перспективных исследований Севастопольского государственного университета. Севастополь.

E-mail: vad_panchenko@mail.ru

Петракова Анна Евгеньевна — доктор искусствоведения, старший научный сотрудник Отдела античного мира Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.

E-mail: petrakova.anna@gmail.com

Подосинов Александр Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой древних языков исторического факультета Московского Государственного университета им. М. В. Ломоносова, главный научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук. Москва.

E-mail: podossinov@mail.ru

Рогова Юлия Константиновна — кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Государственного музея истории религии. Санкт-Петербург.

E-mail: jurogova@yandex.ru

Руднева Мария Александровна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории Национального исследовательского университета «БелГУ» (Белгородский государственный национальный исследовательский университет). Белгород.

E-mail: rudneva@bsu.edu.ru

Рукавишников Ирина Викторовна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии Российской академии наук. Москва.

E-mail: rukavishnikovairina@yandex.ru

Савостина Елена Анатольевна — доктор искусствоведения, профессор Московского государственного академического художественного института имени В. И. Сурикова при Российской академии художеств. Москва.

E-mail: esav@yandex.ru

Сапрыкин Сергей Юрьевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Древнего мира исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук. Москва.

E-mail: mithridates@mail.ru

Симонова Мария Александровна — сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург.

E-mail: mashasea@mail.ru

- Синцерова Ксения Леонидовна** — младший научный сотрудник музейного объединения «Музей Москвы». Москва.
E-mail: kseniasincerova@gmail.com
- Смекалов Сергей Львович** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник учебно-научной лаборатории «Палата древностей» Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого. Тула.
E-mail: sismek@mail.ru
- Снытко Иван Алексеевич** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Николаевского областного краеведческого музея. Украина, Николаев.
E-mail: maharadze_v@mail.ru
- Сударев Николай Игоревич** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела классической археологии Института археологии Российской академии наук. Москва.
E-mail: sudarev@list.ru
- Супренков Александр Анатольевич** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела античной археологии Института археологии Крыма Российской академии наук. Симферополь.
E-mail: suprenkov@mail.ru
- Терещенко Андрей Евгеньевич** — кандидат исторических наук, заведующий Отделом изучения истории дворцов Государственного Русского музея. Санкт-Петербург.
E-mail: andrteresshen@yandex.ru
- Тихонов Игорь Львович** — доктор исторических наук, профессор кафедры археологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург.
E-mail: I.Tikhonov@spbu.ru
- Трейстер Михаил Юрьевич** — доктор исторических наук, независимый исследователь. Германия, Бонн.
E-mail: mikhailtreister@yahoo.de
- Умрихина Татьяна Викторовна** — кандидат философских наук, генеральный директор ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник». Керчь.
E-mail: klima16@mail.ru
- Фокеева Екатерина Валериевна** — младший научный сотрудник Отдела классической археологии Института археологии Российской академии наук. Москва.
E-mail: evfokeeva@mail.ru
- Ханутина Зоя Владимировна** — старший научный сотрудник отдела «Религии архаических обществ и Древнего мира», хранитель фонда «Древний мир и раннее христианство» Государственного музея истории религии. Санкт-Петербург.
E-mail: zoe_gmir@inbox.ru

- Чебышев Георгий Сергеевич** — аспирант Института археологии Российской академии наук. Москва.
E-mail: chebyshev.george0480@gmail.com
- Четверкина Екатерина Вячеславовна** — младший научный сотрудник Отдела истории античной культуры Института истории материальной культуры Российской академии наук. Санкт-Петербург.
E-mail: vilgelmina_@mail.ru
- Чистов Дмитрий Ефимович** — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Отдела античного мира Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.
E-mail: d.chistov@gmail.com
- Чорев Михаил Михайлович** — кандидат исторических наук, независимый исследователь.
E-mail: choref@yandex.ru
- Чурекова Наталия Борисовна** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и культурного наследия Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. Саратов.
E-mail: nat-churekova@list.ru
- Шауб Игорь Юрьевич** — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории античной культуры Института истории материальной культуры Российской академии наук, профессор кафедры истории западноевропейской и русской культуры Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург.
E-mail: schaubigor@mail.ru
- Шелепов Дмитрий Александрович** — старший преподаватель геологического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. Саратов.
E-mail: shelepov-dmitriy@mail.ru
- Шепко Лариса Георгиевна** — сотрудник Донецкого национального университета. Донецк.
E-mail: ppakra@mail.ru
- Шишлов Александр Владимирович** — заведующий отделом археологии Новороссийского исторического музея-заповедника. Новороссийск.
E-mail: a.shishloff2017@yandex.ru
- Шкрибляк Ирина Ивановна** — заместитель директора ГБУ РКУ ИАМЗ «Наполь Скифский». Симферополь.
E-mail: Vejde_v_1@mail.ru
- Шушунова Елена Валерьевна** — начальник Отдела информационного обеспечения научных исследований Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого. Тула.
E-mail: schuschunova.elena@yandex.ru

Яйленко Валерий Петрович — доктор исторических наук, профессор, независимый исследователь. Москва.

E-mail: valeryjailenko@gmail.com

Ярцев Сергей Владимирович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого. Тула.

E-mail: s-yartsev@yandex.ru

Яценко Сергей Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета. Москва.

E-mail: sergey_yatsenko@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Артезианская археологическая экспедиция
АВ — Археологические вести. СПб.
АВУ — Археологічні відкриття в Україні. Київ
АГАН — Ассоциация городов античного наследия Северного Причерноморья
АГСП 1984 — Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР.
М.: Наука, 1984
АДЖ — Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на Юге России. СПб.:
Императорская археологическая комиссия, 1913–1914
АДУ — Археологічні дослідження в Україні. Київ
АМА — Античный мир и археология. Саратов
АН СССР — Академия наук СССР
АО — Археологические открытия. М.
АРХОНТ — Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Матери-
алы международной научной конференции. Севастополь
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.
БИ — Боспорские исследования. Симферополь; Керчь
БС — Боспорский сборник
БФ — Благотворительный фонд
БФ 1998 — Боспорское царство как историко-культурный феномен. Материалы
научной конференции. СПб.: [ГМИР], 1998
БФ 1999 — Боспорский феномен. Греческая культура на периферии античного мира:
материалы международной научной конференции. СПб.: [ИИМК РАН и др.],
1999
БФ 2001 — Боспорский феномен. Колонизация региона, формирование полисов,
образование государства: материалы международной научной конференции.
Ч. 1–2. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2001
БФ 2002 — Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища: мате-
риалы международной научной конференции. СПб.: Изд-во Государственного
Эрмитажа, 2002
БФ 2004 — Боспорский феномен. Проблемы хронологии и датировки памятни-
ков: материалы международной научной конференции. Ч. 1–2. СПб.: Изд-во
Государственного Эрмитажа, 2004

- БФ 2007 — Боспорский феномен. Сакральный смысл региона, памятников, находок: материалы международной научной конференции. Ч. 1–2. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2007
- БФ 2009 — Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира: материалы международной научной конференции. Ч. 1–2. СПб.: Нестор-История, 2009
- БФ 2011 — Боспорский феномен. Население, языки, контакты: материалы международной научной конференции. СПб.: Нестор-История, 2011
- БФ 2013 — Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрёстке: материалы международной научной конференции. СПб.: Нестор-История, 2013
- БФ 2018 — Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира: материалы международной научной конференции. СПб., ИПЦ СПбГУПТД, 2018
- БФ 2020 — Боспорский феномен. Боспорское царство М. И. Ростовцева (взгляд из XXI века): материалы международной научной конференции. Ч. 1–2. СПб.: ИПЦ СПбГУПТД, 2020
- БФ 2022 — Боспорский феномен. Большие и малые города Боспорского царства. Круглый стол, посвященный 75-летию Е. А. Молева (1947–2021): материалы международной научной конференции. СПб.: ИПЦ СПбГУПТД, 2022
- БЧ — Боспорские чтения. Керчь, Симферополь
- ВДИ — Вестник древней истории. М.
- г. б. э. — год боспорской эры
- ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
- ГГУ — Горьковский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (до 1990 г.)
- ГИАМЗ «Херсонес Таврический» — Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»
- ГИМ — Государственный исторический музей. М.
- ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М.
- ГМИР — Государственный музей истории религии (1932–1954, с 1990 по наст. время). СПб.
- ГМИРиА — Государственный музей истории религии и атеизма (1954–1990). Л.
- ГПУ — Государственное политическое управление
- ГЭ — Государственный Эрмитаж. СПб.
- ДБ — Древности Боспора. Международный ежегодник по истории, археологии, эпиграфике, нумизматике и филологии Боспора Киммерийского. М.
- ДБК — Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в императорском музее Эрмитажа: [в 3 т.]. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1854
- ЗИН РАН — Зоологический институт Российской академии наук
- ИА НАНУ — Институт археологии Национальной академии наук Украины. Киев
- ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук. М.
- ИАИ РАНИОН — Институт археологии и истории Российской ассоциации институтов общественных наук

- ИАК — Известия Императорской археологической комиссии. СПб., Пг.
- ИАК РАН — Институт археологии Крыма Российской академии наук
- ИАЭ РАН — Институт антропологии и этнографии Российской академии наук
- ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
- ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской академии наук. СПб.
- ИИМО ЮФУ — Институт истории и международных отношений Южного федерального университета. Ростов-на-Дону
- ИС — Итальянский сборник. СПб.
- ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь
- ИТОИАЭ Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь
- КБН — В. В. Струве, Т. Н. Книпович, В. Ф. Гайдукевич, А. И. Доватур, Д. П. Каллистов. Корпус боспорских надписей. М.; Л.: Наука, 1965
- КБН-Альбом — Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций / ред. А. К. Гаврилов [и др.]. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana, 2004
- КС ОАО — Краткие сообщения Одесского археологического общества. Одесса.
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР / РАН. М.
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.
- ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР. Л.
- ЛОИИ АН СССР — Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР. Л.
- МАИАСП — Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. Москва; Тюмень; Нижневартовск
- МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
- МАКК — Материалы к археологической карте Крыма. Симферополь
- МАР — Материалы по археологии России, издаваемые Императорской археологической комиссией. СПб., Пг.
- МГУ — Московский государственный университет. М.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
- МИИ — Музей изящных искусств. М.
- МИС — Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3. С. 231–315
- МПГУ — Московский педагогический государственный университет. М.
- НА ИИМК РАН — Научный архив Института истории материальной культуры РАН. СПб.
- НАНУ — Национальная Академия наук Украины. Киев
- НИМЗ — Новороссийский исторический музей-заповедник
- НИЦ КФУ им. В. И. Вернадского — Научно-исследовательский центр Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
- НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
- ННГУ — Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского (с 2009 г.)
- НЭ — Нумизматика и эпиграфика. М.

- ОАК — Отчёт Императорской археологической комиссии. СПб.
- ОГПУ — Оренбургский государственный педагогический университет. Оренбург
- ОКН — объект культурного наследия
- ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея. М.
- ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск
- РА — Российская археология. М.
- РАИМК — Российская академия истории материальной культуры
- РАН — Российская академия наук
- РГАК — Российская государственная археологическая комиссия
- РГГУ — Российский государственный гуманитарный университет
- РК — Республика Крым
- РНП — Российская национальная партия
- РО НА ИИМК РАН — Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН
- СА — Советская археология. М.
- САИ — Свод археологических источников
- СГМИИ — Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М.
- СГУ — Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. Саратов
- СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет. СПб.
- ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа. Л., СПб.
- ТД — Тезисы докладов
- Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея. М.
- Тр. ИВ РАН — Труды Института востоковедения РАН. М.
- УЗ КНИИ — Учёные записки Кабардинского научно-исследовательского института. Нальчик
- УФСБ — Управление Федеральной службы безопасности
- ФНИ ГАН — Фундаментальные научные исследования государственных академий наук
- ХС — Херсонесский сборник. Севастополь
- ЦАИ БФ «Деметра» — Центр археологических исследований Благотворительного фонда «Деметра». Керчь
- ЦГАИПД СПб — Центральный государственный архив историко-политических документов. СПб.
- ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. СПб.
- ЦГАЛИ СПб — Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. СПб.
- ЧНЦ РАН — Челябинский научный центр РАН. Челябинск
- ЮНЦ РАН — Южный научный центр Российской академии наук. Ростов-на-Дону

- ACSS — Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden [et al.]
- AJA — American Journal of Archaeology. Boston [et al.]
- AM — Athenische Mitteilungen. Berlin [et al.]
- AntK — Antike Kunst. Basel
- AvP — Altertümer von Pergamon. Berlin
- AWE — Ancient West and East. Leuven
- BAMA — Bibliothèque d'archéologie méditerranéenne et africain
- BAPD — Beazley Archive Pottery Database
- BCH — Bulletin de correspondance hellénique. Athènes
- BSA — The Annual of the British school of Athens. London [et al.]
- CVA — Corpus Vasorum Antiquorum
- CVA Berlin (8) — Wehgartner I. Berlin, Antikenmuseum ehemals Antiquarium; Bd. 8. München: C. H. Beck, 2010. — (Corpus vasorum antiquorum. Deutschland. Bd. 62)
- CVA GELA — Guiudice F. Gela, Museo Archeologico Nazionale, 3. Collezione Navarra. Roma: L'Erma di Bretschneider, 1974. (Corpus vasorum antiquorum. Italia. T. 54)
- CVA München (15) — Kunze-Götte E. München: Antikensammlungen, ehemals Museum Antiker Kleinkunst. Bd. 15, Attisch weissgrundige Lekythen. München: C. H. Beck, 2010. — (Corpus vasorum antiquorum. Deutschland. Bd. 87)
- HVMC — Hotel des Ventes, Monte Carlo. Monaco
- IGLSyr — Inscriptions grecques et latines de la Syrie. Paris, 1929. V. I. No. 1–256. Commagene et Cyrrestique
- IOSPE — Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae / Ed. B. Latyshev. Vol. I2; II; IV, Petropoli, 1885–1916
- Is. Mitt. — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Istanbuler Abteilung. Istanbul
- JA — Journal Asiatique. Paris
- Jdl — Jahrbuch des Deutschen archäologischen Instituts. Berlin
- Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae. Zürich — München — Düsseldorf: Artemis & Winkler Verlag, 1981–2009
- PF — Pergamenische Forschungen, Deutsches Archäologisches Institut, Berlin; New York
- RCRF — Rei Cretariae Romanae Fautores
- RdA — Rivista di archeologia
- RE — Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart
- RGZM — Römisch-Germanisches Zentralmuseum. Mainz

СОДЕРЖАНИЕ

Anno vicesimo quinto	5
---------------------------------------	---

PERSONALIA

Ксения Сергеевна Горбунова (14 ноября 1923 — 23 января 1979)	10
К юбилею Е. А. Савостиной	23
Наталья Владимировна Молева. Путь, достойный восхищения	26

БОСПОР И СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Ю. А. Виноградов. Северное Причерноморье после падения Великой Скифии. Взгляд через 25 лет	36
С. Ю. Сапрыкин. Боспорское царство как феномен эллинизма	41
А. А. Завойкин. «Боспорский феномен» — феномен исторический, культурный, историографический	47
А. А. Масленников. О том, чего не было	55
А. В. Подосинов. Проблема двух Гипанисов в Северном Причерноморье по данным античной литературной традиции	62
И. А. Снытко. Маршрут Милет — Борисфен — Ольвия. Торговый и сакральный аспекты	68
А. А. Супренков. Массалия и Боспор. Особенности становления территориальных держав в разных исторических условиях	73
Н. И. Сударев, А. В. Иванов. Еще раз к вопросу об эмпориальном периоде на Боспоре	83
В. В. Майко, В. Г. Зубарев, К. О. Маркова, М. Р. Могучева. Салтово-маяцкие памятники Боспора и Тарханкута. Критерии для сравнительного анализа	93

БОСПОРСКИЕ ГОРОДА И ПОСЕЛЕНИЯ

Д. Е. Чистов. Помещения-ойкосы в античной жилой архитектуре Северного Причерноморья	100
--	-----

Н. Н. Болгов, А. М. Болгова, М. А. Руднева. К проблеме топографии восточной стороны Китея: стена, башни, ворота, порт	110
Н. И. Винокуров. Артезиан: феномен места — от палеолита до Средневековья	115
К. Л. Синцера. Планировка укрепленных усадеб Азиатского Боспора	120

НЕКРОПОЛИ И СВЯТИЛИЩА БОСПОРА И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

И. Ю. Шауб. О некоторых боспорско-фракийских параллелях в религиозной сфере (Великая богиня и её паредр)	128
Н. В. Молева. Жрецы и жрицы в боспорских храмах и святилищах	137
С. В. Кашаев. Некрополь Артющенко-2 (исследования 2003–2021 гг.)	153
Т. В. Егорова, Г. С. Чебышев. Погребение с двумя подбоями из некрополя Танаиса	160
И. И. Шкрибляк. Уступчатые склепы и их дериваты в Центральном Крыму	167
Л. Г. Шепко. Античный импорт в сарматских погребениях Северного Причерноморья: информационные возможности	175
А. В. Лысенко, В. В. Масыкин. Римское военное снаряжение времени Римско-боспорской войны из святилища Эклизии-Бурун в Горном Крыму	180
В. А. Горончаровский. Склеп семьи Ульпиев в некрополе Пантикапея.	187

ВАРВАРСКОЕ ОКРУЖЕНИЕ БОСПОРА

С. В. Ярцев, Е. В. Шушунова, А. А. Внуков. К вопросу об интерпретации и локализации тафриев, а также местности и города с таким же названием на территории античного Крыма	194
Ю. П. Зайцев. Крымский Барбарикум (III в. до н. э. — IV в.) в контексте новейших археологических исследований	199
С. А. Яценко. О некоторых сармато-аланских элементах в культуре населения позднейшего Илурата	206
В. П. Яйленко. Адыги Боспора по данным топонимики, этнонимии, антропонимики	213

КЕРАМИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ И КОМПЛЕКСЫ

Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко. Чернолаковые сосуды из Старотитаровского кургана на Тамани	220
Ю. И. Ильина, Л. А. Никифорова. «Мегарская» чаша из Музея изобразительных искусств Республики Карелия (Петрозаводск)	230

М. А. Симонова. Фрагменты краснолаковых блюд с линейно-волнистым орнаментом на дне из позднеантичной тризны некрополя Китея	237
Д. В. Журавлев, Г. А. Ломтадзе. Керамический комплекс «архаического дома» из Кеп: вопросы датировки (по материалам собрания Государственного исторического музея)	244
Н. Б. Чурекова. Амфоры как источник по изучению торговых связей греческих полисов: особенности работы с печатными и электронными музейными каталогами.	252
В. П. Колосов, А. А. Гиблова. К вопросу о типологии тарных амфор Гераклеи Понтийской	258
Е. В. Кузнецова, Д. А. Шелепов. Петрографическое исследование глин книдских амфор	265
Е. В. Четверкина. История изучения античной кухонной керамики Северного Причерноморья в отечественной историографии	273
М. Е. Клемешова. Ленная керамика Азиатского Боспора: результаты изучения за последнее десятилетие	278

ПАМЯТНИКИ ИСКУССТВА И ХУДОЖЕСТВЕННОГО РЕМЕСЛА

В. Ю. Зуев. Зеркала борисфенитского типа на Боспоре в эпоху архаики	286
М. Ю. Трейстер. Ювелирные украшения позднеархаического и раннеклассического времени на Боспоре (конец VI — первая половина V в. до н. э.). I. Перстни.	298
Е. А. Савостина. Новое звено в скульптурной «малоазийской серии» позднего эллинизма: голова женской статуи из Пантикапея.	307
Т. А. Ильина, М. Б. Муратова. Изображения так называемой Афродиты в монументальной коропластике Боспора	316
Ю. К. Рогова. К вопросу об иконографии боспорских терракот «Аттиса-Митры»	322
Е. В. Фокеева, А. В. Шишлов. Статуэтка Афродиты с Эротом: проблема атрибуции «исторической находки»	328
А. Г. Букина. Краснофигурные полихромные вазы в погребениях Боспора: статистика и семантика	334
А. Е. Петракова. Женщина с закрытым лицом: редкий мотив на афинских вазах из боспорских находок	337
З. В. Ханутина. Фрагменты стеклянных сосудов с синими каплями из позднеантичного ритуального комплекса в предместье Китея	344

НУМИЗМАТИКА И ЭПИГРАФИКА

А. С. Балахванцев, А. В. Дедюлькин. Шлем типа Монтефортино с арамейской надписью с Северного Кавказа.	350
---	-----

Д. В. Бейлин, И. В. Рукавишникова, А. В. Куликов. Новые находки лапидарных памятников в районе Павловского мыса (город Керчь)	356
А. П. Бехтер, А. М. Бутягин. Свинцовый архив Мирмекия (обзор)	365
Ю. Л. Белик, Н. Л. Кучеревская, Н. А. Павличенко. Новая надпись Перисада I из окрестностей Пантикапея.	371
М. М. Чореф. Новодельные боспорские статеры работы К. В. Беккера	378
А. Е. Терещенко. К вопросу об интерпретации сюжетов пантикапейских тригемниоболов конца II в. до н. э.	385

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

В. Г. Зубарев, С. Л. Смекалов. Сельская территория Боспора: какие населенные пункты на картах XVIII–XIX вв. совпадают с местами расположения античных поселений?	392
И. Л. Тихонов. С. А. Жебелёв и О. О. Крюгер: о взаимоотношениях в 1930-е годы	398
Е. Г. Застрожнова (Панкратова). Исследователи античного наследия Боспора в годы репрессий (1920–1930-е гг.)	409
Т. В. Умрихина. Сохранение культурного наследия Восточного Крыма: итоги и перспективы.	417

VARIA

А. К. Каспаров. Охота на птиц на двух прибрежных античных памятниках Восточного Крыма	424
В. В. Вахонеев, В. В. Глазунов, А. А. Букатов, В. В. Панченко. К вопросу о водоснабжении Херсонеса в античный и средневековый период (по материалам раскопок южного пригорода Херсонеса в 2021–2023 гг.)	436

IN MEMORIAM

Владимир Иванович Кац	442
Сведения об авторах	446
Список сокращений	455

**БОСПОРСКИЙ ФЕНОМЕН:
QUARTA PARS SAECULI**

Итоги, проблемы, дискуссии

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Корректор

Т. А. Румянцева

Компьютерная верстка

Е. А. Назаровой

Подписано в печать 10.10.2023. Формат 60 × 90/16.

Бумага офсетная 80 г/м². Печать офсетная.

Усл.-печ. л. 29. Тираж 300 экз. Зак. тип. № 1252.

Издательство «Чистый лист»

tabularasa_2000@mail.ru

Отпечатано в типографии ООО «Аллегро»
196084, г. Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака, 28, лит. В

ISBN 978-5-901528-96-9

9 785901 528969